

КОМИТЕТ ПО НАУКЕ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ДИАЛОГ
КУЛЬТУР – 2010:
НАУКА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ**

3 – 4 ИЮНЯ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2010**

КОМИТЕТ ПО НАУКЕ И ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ЭКОНОМИКИ

**МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

**ДИАЛОГ
КУЛЬТУР – 2010:
НАУКА В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ**

3 – 4 ИЮНЯ

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
КОНФЕРЕНЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2010**

УДК 316.72
ББК 71.05
Д44

Издано по заказу Комитета по науке и высшей школе

Редакционная коллегия:

доктор социологических наук, профессор *Я. А. Маргулян*
кандидат социологических наук, доцент *Г. К. Пуринова*
кандидат филологических наук, доцент *Е. М. Меркулова*

Д44 Диалог культур — 2010: наука в обществе знания: сборник научных трудов международной научно-практической конференции. — СПб.: Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики, 2010. — 498 с.; ил.

В сборнике представлены научные статьи и доклады преподавателей вузов, научных сотрудников, работников региональных и муниципальных органов власти, аспирантов и студентов, принимавших участие в работе международной научно-практической конференции «Диалог культур — 2010: наука в обществе знания», состоявшейся 3–4 июня 2010 г. в СПбАУЭ.

Материалы сборника освещают актуальные теоретические и методологические проблемы эволюции науки в XXI в., концепции инновационного развития постнеклассической науки; состояние и перспективы науки в российском обществе; возможности интернет-технологий и электронных ресурсов в информационном обеспечении системы образования и научных исследований; вопросы международного научного и культурного сотрудничества, роль Санкт-Петербурга в развитии отечественной науки.

ISBN 978-5-94047-194-3

© Коллектив авторов, 2010
© СПбАУЭ, 2010

Уважаемые дамы и господа! Коллеги! Студенты!

По поручению ректората и Ученого совета приветствую вас в стенах Санкт-Петербургской академии управления и экономики и выражаю благодарность за участие в работе международной научно-практической конференции «Диалог культур – 2010: наука в обществе знания»!

Сегодня среди участников конференции представителей органов власти Санкт-Петербурга, Ленинградской области и других государственных органов РФ, известные ученые, преподаватели и студенты ведущих вузов, руководители и сотрудники организаций и фирм, иностранные гости — все, кто действительно заинтересован в обсуждении вопросов и проблем состояния отечественной науки сегодня.

С развитием науки, созданием «умной» экономики связаны планы руководства нашей страны на модернизацию всех сфер российского общества, в том числе и системы высшего образования. Именно в этой системе ведется подготовка специалистов, которым предстоит построить в современной России общество знания. И наша академия стремится внести достойный вклад в решение этой благородной задачи.

За 20 лет работы нам удалось достичь больших успехов: создать высокопрофессиональный, творческий коллектив преподавателей и ученых, организовать эффективный учебный процесс за счет использования инновационных образовательных технологий, установить плодотворные контакты с зарубежными университетами, академическими научно-исследовательскими институтами, крупными фирмами и организациями и в итоге — обеспечить европейское качество предоставляемых нами образовательных услуг.

В год 65-летия Великой Победы, многие научно-практические конференции, лучшие публикации преподавателей и студентов, конкурсы и мастер-классы посвящены научному и общественному осмыслению этого знаменательного для всех нас события. Мы не можем предать забвению тот факт, что победу приближали не только солдаты Великой Отечественной войны, рабочие и управленцы всех уровней, но и советские ученые и инженеры, чей разум, технический гений и организационный талант был воплощен в силу оружия победы. Конечно, сегодня нам тоже нужны победы, но и их без науки добиться невозможно.

Санкт-Петербургская академия управления и экономики открыта для сотрудничества со всеми научными, учебными заведениями, которые заинтересованы в подготовке высококвалифицированных профессионалов. Одной из форм такого сотрудничества является наша сегодняшняя конференция.

Желаю всем участникам международной научно-практической конференции «Диалог культур – 2010» плодотворной работы и творческих успехов!

*Ректор Санкт-Петербургской
академии управления и экономики,
доктор экономических наук,
профессор, академик РАЕН,
заслуженный деятель науки РФ
В. А. Гневко*

Содержание

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ» И ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ НАУКИ В XXI в.	10
<i>В. А. Микляев. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СООТНОСИМОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» И «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ»</i>	<i>10</i>
<i>Ю. А. Тюрина. РАЗВИТИЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ</i>	<i>15</i>
<i>Г. И. Мазуров, Е. А. Торгунаков, В. И. Акселевич. РОЛЬ НАУКИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА</i>	<i>20</i>
<i>В. А. Барежнев. НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПАРАДОКСЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ</i>	<i>25</i>
<i>К. В. Барежнев. ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ, ЕДИНСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ.</i>	<i>31</i>
<i>Т. А. Борисова. КТО НЕ ПОПАЛ НА «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ XX в.</i>	<i>37</i>
<i>И. С. Бразевич. ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ КОМПАНИИ К ИЗМЕНЕНИЯМ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ</i>	<i>43</i>
<i>И. В. Гордеева. НАУКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ И ВНЕНАУЧНЫЕ ИДЕИ</i>	<i>47</i>
<i>Р. А. Данакари. О РОЛИ НАУКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ</i>	<i>53</i>
<i>М. Г. Дмитриев, Л. Т. Усенова, К. Х. Шарафитдинова. НАУКА И ОБЩЕНИЕ: ПОНИМАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ И АГРЕССИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ</i>	<i>57</i>
<i>А. В. Заугальникова. ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАУЧНО- ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ</i>	<i>59</i>
<i>А. А. Зубрий. ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА. ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ «НОРМАННСКОЙ ТЕОРИИ»</i>	<i>64</i>
<i>С. А. Козлова. ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ</i>	<i>68</i>
<i>О. Ю. Колосова. НАУКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА.</i>	<i>74</i>
<i>М. Ю. Корнеева. ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АКСИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ЯДРА КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ).</i>	<i>80</i>
<i>Т. Н. Кошелева. ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА</i>	<i>86</i>
<i>О. В. Ледовская. СООТНОШЕНИЕ СЦИЕНТИЗМА И АНТИСЦИЕНТИЗМА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ</i>	<i>91</i>

<i>В. И. Лихацкий.</i> ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ	94
<i>Е. Р. Мкртчян.</i> ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ	97
<i>И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк.</i> ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ	104
<i>Г. К. Пуринова.</i> НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФУНКЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА	108
<i>Juan Carlos Pino Fernandez</i> EL FUTURO DE LA MARCHA MUNDIAL POR LA PAZ	111
<i>Е. А. Сергодеева.</i> ДИЛЕММА «СЦИЕНТИЗМ — АНТИСЦИЕНТИЗМ» И САМОКРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	112
<i>В. А. Сирак.</i> СЦИЕНТИЗМ И АНТИСЦИЕНТИЗМ В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ	118
<i>Е. В. Ушаков.</i> ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ И ИНСТИТУТЫ БУДУЩЕГО. ПОИСК НОВЫХ СТРУКТУР И ОБЪЕДИНЕНИЙ	122
<i>А. А. Федюковский.</i> ФИЛОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ	124

ГЛАВА 2. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк.</i> ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ — СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ	129
<i>С. Э. Берестовицкая.</i> МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЮНОШЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	133
<i>Д. С. Бразевич, А. А. БОГДАНОВ</i> О СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА	138
<i>Н. А. Буюкли.</i> КРИЗИС ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДВЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ	142
<i>И. В. Виноградова.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ВУЗОВСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В СИСТЕМУ УДОД	145
<i>Л. А. Волковская, И. Н. Полумеева.</i> К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТРАДИЦИОННОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМУ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ	149
<i>Л. Д. Голубева, Е. И. Жукова.</i> ДИАГНОСТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	153
<i>Н. Н. Гриднева.</i> ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ	156
<i>А. Б. Довейко.</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: УСТАНОВКИ, ОЦЕНКИ, ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА	161
<i>А. П. Долгих, О. В. Шаламова.</i> ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ: ОТРАСЛЕВАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ	169

<i>О. Д. Ермакова.</i> О НЕКОТОРЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СПЕЦИАЛИСТУ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ	172
<i>О. М. Ермакова.</i> СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ	176
<i>Adriano Chimbonde.</i> RELAÇÕES BILATERAIS	180
<i>Г. А. Жуклова.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ НАВЫКИ ПЕДАГОГА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ	181
<i>Н. В. Загваздина.</i> ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЛИДЕРСТВУ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ	185
<i>杨林海.</i> 高等教育对经济发展作用及改革方向	188
<i>Horacio Alfaiate.</i> CIENCIA NO MUNDO MODERNO EM MOSAMBIQUE	191
<i>М. И. Кавдангалиева.</i> ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ	193
<i>О. Б. Качанова.</i> НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: СОЗАВИСИМОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СТРУКТУРНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ НАРУШЕНИЙ	195
<i>С. В. Киселева.</i> КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В РУСЛЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ	199
<i>Ю. В. Кошалова, И. В. Виноградова, Н. А. Трунова.</i> МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫМ КОМПЛЕКСОМ	204
<i>С. Н. Кузьмина.</i> ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	209
<i>Т. Г. Кукулите.</i> АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ	213
<i>А. А. Лежебоков.</i> ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В г. СТАВРОПОЛЕ С ЦЕЛЬЮ КОРРЕКТИРОВКИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ	219
<i>А. М. Лесников.</i> ИСТОРИОСОФИЯ РУССКОГО РАСКОЛА	222
<i>Ю. М. Мальцев.</i> К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ, УКРЕПЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА 2006–2010 гг. (ПРОГРАММА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»))	226
<i>Я. А. Маргулян.</i> ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА	230
<i>Г. Б. Моница.</i> ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ	233
<i>Е. Г. Олейникова.</i> ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ	236
<i>Аднан Абду Алмажед Али Осман.</i> ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛИВИИ	240

<i>Т. Р. Писарская.</i> ИСПАНИСТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА	243
<i>О. В. Савельева.</i> СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА И ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ	248
<i>А. А. Савченко.</i> ПРОБЛЕМЫ ОБОСОБЛЕНИЯ АДМИРАТИВА СРЕДИ КАТЕГОРИЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ ОФОРМЛЕНИЕ СООБЩАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ ГОВОРЯЩИМ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ СЛУШАЮЩИМ.	251
<i>Л. В. Савченко.</i> АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ	253
<i>С. С. Смирнов, С. А. Парфенов, Н. В. Яковлева.</i> НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ СКОРОЙ ПОМОЩИ	258
<i>Е. А. Торгунаков, Т. А. Сорвина.</i> КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	260
<i>Т. Г. Суржок.</i> ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ	265
<i>О. А. Тарасова, И. Ю. Житкова.</i> ОПЫТ СПОРТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ.	270
<i>Фантахун Кидане Текиле, Акале Сахиле Хайлемариам, Шемелис Мару Джемберу</i> СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ЭФИОПИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ	274
<i>П. Е. Тищенко.</i> НАУКА И ВОСПИТАНИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД	276
<i>Н. А. Трунова, И. В. Виноградова.</i> МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ	280
<i>Г. Л. Тульчинский.</i> ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ ИННОВАЦИИ.	286
<i>Е. В. Ушаков.</i> ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ФЕНОМЕН ТЕХНОНАУКИ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ	295
<i>Н. Н. Шестернева.</i> НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА	297
<i>А. С. Щербакова.</i> МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ВУЗА	302
<i>Н. В. Щербакова.</i> АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ КАРЬЕРЫ	306
<i>Д. Д. Юсупова.</i> СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ	312

ГЛАВА 3. МЕСТО И РОЛЬ НАУКИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

<i>В. Н. Гончаров.</i> НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ	316
<i>Е. А. Кулагина.</i> КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XXI В.: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ	320

<i>Н. А. Антанович.</i> ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ	326
<i>Анна-Мария Ариас.</i> ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРИКАТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ	331
<i>А. И. Бардаков.</i> ТВОРЕЦ И ВЛАСТЬ В ФОРМАХ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ	334
<i>Н. И. Безлепкин.</i> СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ	339
<i>Е. Н. Бекасова.</i> ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: УРОКИ ИСТОРИИ	343
<i>В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов, М. В. Проскурнина.</i> НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: ЭФФЕКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОСНОВА АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА	347
<i>Е. В. Белова.</i> МОТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНКУРЕНТНОСПОСОБНЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ	350
<i>Л. Д. Бондарь.</i> АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И ЕГО ЧЛЕНСТВО В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН)	354
<i>Н. И. Борзенков.</i> РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	359
<i>Е. А. Бочков.</i> ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ	364
<i>В. П. Буко.</i> КАТОЛИЦИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА	367
<i>А. Л. Виноградова.</i> НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ МУЗЕЯ С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ	371
<i>А. Н. Волкова.</i> ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	372
<i>Р. Э. Герман.</i> РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В ОБОСНОВАНИИ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	378
<i>К. А. Гусев.</i> РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НАЧАЛА XX в.: ПОПЫТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ	383
<i>Н. И. Данилова.</i> ДОВЕРИЕ К ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ	389
<i>Н. О. Егорова.</i> ВАЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКОЙ РИТОРИКИ	393
<i>Е. А. Елисеева.</i> НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОРОЧЕСТВО: ДВЕ ПОПЫТКИ ОТВЕТА НА ОДИН ВОПРОС	397
<i>Н. А. Карлик.</i> ФЕНОМЕН УДОВОЛЬСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ НАЧАЛА XXI в.	402
<i>В. А. Колесников.</i> ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ЮГА РОССИИ	405
<i>Н. Л. Костарева.</i> ПОЭТИКА БАРОККО: ДИАЛОГ КУЛЬТУР (РОЛЬ АНТИЧНЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОНЕТАХ АНДРЕАСА ГРИФИУСА)	415
<i>Г. А. Круглова.</i> ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ХРИСТИАНСКОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР	418
<i>А. Б. Лярский.</i> СУИЦИДОЛОГИЯ МЕЖДУ ГУМАНИТАРНЫМ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ	422

<i>В. Н. Мухортова, С. С. Шадрина.</i> ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИИ ВРАЧА: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	427
<i>М. В. Петрушина.</i> ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ» КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ	430
<i>Н. В. Раннала, Г. Б. Моница.</i> ВЕРА КАК УСЛОВИЕ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ?	433
<i>А. Ю. Румянцева.</i> КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ	437
<i>А. Савчук, А. Ю. Румянцева.</i> СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ КОНТРОЛЯ И КУЛЬТУРЫ РАЗВИТИЯ	441
<i>Л. Э. Сутягина.</i> РЕЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА ВОЙНУ И МИР В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ.	444
<i>М. Я. Фоченкова.</i> КОНВЕРГЕНЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ	449
<i>О. А. Эйхенбаум.</i> О СУХОЙ ТЕОРИИ И ЖИВОЙ НАУКЕ	452
<i>И. А. Юдина.</i> НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ	456
<i>П. А. Янченко.</i> НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ	457
<i>А. М. Мовчан.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРОФИЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ВУЗЕ	463
<i>Ю. Н. Финагеева, В. Н. Дмитриева.</i> ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА	466
АННОТАЦИИ	478
ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ	492

ГЛАВА 1. Концепция «общества знания» и проблемы эволюции науки в XXI в.

В. А. Микляев

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СООТНОСИМОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» И «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ»

Не успели граждане России отойти от системного шока, вызванного геополитической катастрофой (распадом СССР), политической гибелью мировой социалистической системы, идеологическим поражением марксизма-ленинизма, реставрацией институтов частной собственности, рыночных отношений и социально-экономической конкуренции, не успели они привыкнуть жить без «светлого будущего» (коммунистического), без «темного прошлого» (советского), но зато в комфортном настоящем — обществе «всеобщего потребления» (капиталистическом), в глобальном информационном обществе зрелищ, развлечений, иллюзий, как западная [1] и отечественная [2] социальная мысль открыла перед ними перспективу вхождения в высшую фазу информационного общества — общество знаний.

Об информационном обществе как новом состоянии западной цивилизации, а далее и мировой, во второй половине XX в. писали Д. Белл, А. Турен, П. Друкер, Э. Тоффлер, З. Бжезинский, Й. Масуда, Ф. Уэбстер и др. Определяющим фактором общественной жизни в нем представлялось научное знание, которое вытесняет ручной и механизированный труд в его роли фактора стоимости товаров и услуг. Поэтому разграничения между информационным обществом и обществом знаний специально не проводилось. Информационное общество мыслилось в духе Фрэнсиса Бэкона, традиций Нового времени и эпохи Просвещения, как общество, основанное на могуществе знаний. Под знанием понималась информация, имеющая практическую ценность и служащая для получения конкретных результатов, проявляющихся в экономике, развитии самого знания, совершенствовании человека и модернизации общества.

По мысли творцов концепции информационного общества в нем экономические и социальные функции капитала переходят к информации. Как следствие, промышленная корпорация теряет главенствующую роль, а ядром социальной организации, главным социальным институтом становится университет как центр производства, переработки, накопления и распространения научных знаний. Уровень знаний, качество образованности, доступ ко всем формам их обновления, актуализации, а не вещные формы собственности, становятся определяющими факторами социальной дифференциации. Деление на «богатых» и «бедных» приобретает принципиально новый характер: привилегированный слой образуют информированные члены общества, неинформированные — это «новые бедные». Центр

социальных конфликтов перемещается из экономической сферы в сферу культуры. Результатом борьбы и разрешения конфликтов является развитие новых и упадок старых социальных институтов. Инфраструктурой информационного общества становится компьютерная, новая «интеллектуальная», а не «механическая» техника. Социальная организация и информационные технологии образуют «симбиоз». Общество вступает в «технотронную эру», становится «мега-машиной», в которой социальные процессы программируются и управляются.

По результатам развития человечества в конце XX в. и в первое десятилетие XXI в. можно констатировать, что данный проект информационного общества все еще не состоялся, не смотря на всепроникающую компьютеризацию человеческой жизни, рост доли «третичного» сектора экономики, преобладание в ВВП передовых экономик мира доли услуг и т. д. Сложилось нечто иное, а именно общество, основанное на широком использовании информационных сетей и информационных технологий, в котором производится большое количество информации и коммуникационных товаров и услуг разнообразного (далеко не всегда научного) информационного содержания. Научное знание оказалось инкорпорированным в процесс капиталистического производства. Киберкапитализм породил новый тип неравенства и эксплуатации, новую форму отчуждения человека, теперь уже от собственной плоти в процессе пользования компьютерами и превращения ее в потоки электронной информации, питающие виртуальный капитал. Владельцы компаний, производящих программное обеспечение и предоставляющих доступ в Интернет, стали ядром нового господствующего класса, превращающего виртуальную реальность в капитал.

Рыночная оценка труда ученых привела к кризису российскую фундаментальную науку, без которой современное общество лишено будущего. Не знания, не мудрость, не любовь и не справедливость, а информационные технологии и виртуальная реальность становятся сегодня детерминирующими факторами во всех сферах социальной реальности — от частной жизни до международных отношений. Неадекватность заявленной модели информационного общества сложившейся реальности постиндустриальной эпохи породила теоретическую потребность усовершенствовать, дополнить концепцию «информационного общества». На эту роль сегодня претендует концепция «общества знаний»

Концепция «knowledge societies» («обществ знания»), «общества знаний», «обществ знаний», «обществ, базирующихся на знаниях») является развитием подходов Роберта Хатчинса (1968), Торстена Хусена (1974), предложивших модель «обучающегося общества», в котором для каждого человека в течение жизни может потребоваться исполнять различные задачи, и поэтому становится необходимым продолжать учебу всю жизнь. Питер Друкер (1969) и доклад Международной комиссии ЮНЕСКО по образованию (1972) констатировали появление общества знания, в котором знание быстро превращается в определяющий фактор производства, означает реальную полезную силу, средство достижения социальных и экономических результатов, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу.

В опубликованном в 2005 г. всемирном докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» концепция «обществ знания» представлена как новая модель развития планетарного общества, как ответ международного сообщества на новые вызовы,

которые ставят перед человечеством информационная революция, глобализация, распространение новых информационных технологий.

Мировое научное сообщество отчетливо осознало негативные черты и опасности глобального информационного общества. К ним можно отнести:

1) новые возможности тотального наблюдения и контроля над потребителями информационно-коммуникативных услуг;

2) нарастание экономических, политических, культурных (в том числе лингвистических) препятствий для свободы передачи информации;

3) превращение информации в предмет цензуры или манипуляции в политических целях, в средство рекламного и зрелищного «зомбирования» людей, в средство ведения международных сетевых войн;

4) появление новых видов правонарушений: кибертерроризма; кибермошенничества, киберрастления несовершеннолетних, киберкраж со взломом систем защиты и т. д.;

5) усугубляющийся дисбаланс информации и знаний;

6) «цифровой разрыв», «когнитивный разрыв» между странами Севера и Юга, между социальными слоями внутри общества и т. п.

Простое продолжение действующих тенденций глобальной информатизации способно лишь усугубить противоречия в мировом сообществе, где 20% населения сосредоточили в руках 80% мировых доходов. Если в 1973 г. разрыв в прибылях между самыми богатыми и беднейшими странами определялся соотношением 44 : 1, то спустя 30 лет — уже 72 : 1 (по данным Всемирного банка).

Можно предположить, что появление концепции «общества знания» выражает потребность человечества в интеллектуализации общественной жизни, в становлении более справедливого миропорядка, гуманизации процессов глобализации и информатизации. Если информационное общество основано на достижениях унифицирующей технологии и понимается сугубо технологически, то общества знания не имеют единой модели и в них значимы более широкие социальные, этические и политические параметры, принципы культурного многообразия и межкультурного взаимодействия. Они ставят целью развитие человека, его разнообразных личностных свойств и качеств, социальную интеграцию и поощрение социальной активности каждого гражданина.

Естественно, общества, основанные на определяющей роли научных знаний в развитии экономических, социальных и политических институтов, отношений и процессов, не может отказаться от использования передовых информационных и коммуникационных технологий (ИКТ), от инфраструктуры информационного общества. Новые ИКТ повсеместно ускоряют создание и распространение знаний. Речь идет о гуманизации такого общества, о расширении базовых прав человека в информационной сфере. Концептуально общества знания ориентированы именно на это. В них формируется новая глобальная информационная и инновационная культура, размывающая границу между производителями и получателями знаний, открывающая новые широкие возможности для самовыражения, творчества, расширяющая для человека границы возможного. Новая культура основывается на новых символах и кодах, нормах и правилах, моделях, программах, формальных языках, алгоритмах, виртуальных ландшафтах и представлениях.

Радикально меняются традиционные национальные и международные институты генерирования, распространения и передачи научных знаний. Функции «хранителей знания» изменяются на роль «соискателей знания». Вместо старых мест производства и сосредоточения знаний (школ, колледжей, университетов, музеев, библиотек) весь мир начинает уподобляться единому виртуальному пространству планетарного масштаба с дистанционным доступом, где легко распространяются и усваиваются самые различные знания. Мир становится планетарной школой и библиотекой.

Возрастает роль инноваций, новаторства, творчества, динамика познания становится определяющей для динамики развития других сфер и в обществе, и в отдельных институтах и структурах. Инновации — ключевой элемент общества знания, трансформирующий все стороны его жизни. Сегодня, например, диплом является, прежде всего, социальной квалификацией, а инновационная культура ведет к тому, что в дипломах должен появиться срок действия, чтобы бороться с инерцией когнитивных компетенций и отвечать потребности в новых знаниях, умениях, навыках. Обучение является ключевой ценностью обществ знания. Фундаментальные знания будут включать не сумму сведений и фактов, но язык, когнитивные способности исследовательского типа, математику (как исчисление, поиск закономерностей, причинно-следственных связей), культурные, художественные способности обучающихся.

Таким образом, концепция «общества знаний» претендует на существенное дополнение и развитие распространенной сегодня в социальных и гуманитарных науках концепции «информационного общества» и включает в себя две основополагающие идеи.

Первая идея о том, что информационные и коммуникационные технологии должны рассматриваться не в качестве самоцели, а в качестве и образовательных дисциплин, и педагогических инструментов развития эффективных образовательных услуг, и в качестве социальных ресурсов, способствующих нравственно выверенному прогрессу как отдельных стран, культур и народов, так и человечества в целом. ИКТ не только позволяют распространять и получать информацию, они формируют способы общения, влияют на эмоциональный мир, мыслительный процесс и созидательные способности человека.

Вторая идея состоит в том, что все люди без исключения должны иметь возможность создавать, получать, использовать информацию и знания и обмениваться ими на благо своего экономического, социального, культурного и политического развития. Ресурсы ИКТ и порожденные ими социальные и гуманитарные достижения и инновации не должны оказаться привилегией только маленького числа экономически высокоразвитых стран или привилегированных слоев общества.

Так, по данным Международного союза телекоммуникаций ООН и фонда ООН по народонаселению распределение интернет-узлов и населения Земли по регионам по состоянию на март 2003 г. было таково, что, к примеру, в США и Канаде, где проживает 5,1% населения, оказалось сосредоточено 65,3% интернет-узлов; в развивающихся странах пропорция сложилась прямо противоположная: 80,4% населения и только 5,9% интернет-узлов, в Европе, соответственно, 12% и 22,4%, в регионе Австралии, Японии, новой Зеландии — 2,5% и 6,4%.

Мониторинг современного информационного общества показывает, что страны с передовой экономикой создали для себя благодатный замкнутый круг, в котором

результаты научных исследований и качественной подготовки кадров обеспечивают создание все больших богатств, служащих основой нарастающей поддержки собственной науки и образования. В 2003 г., по данным Всемирного банка, 85% совокупных мировых инвестиций в науку осуществляли страны — члены ОЭСР, 11% — Индия, Китай и Бразилия и новые промышленно развитые страны Восточной Азии и только 4% — остальные страны мира.

Каждому человеку должен быть обеспечен доступ к информационным и интеллектуальным ресурсам с учетом реальных социальных, культурных и языковых преград. В нашей стране подобные преграды также существуют, но и реально преодолеваются. По данным российского фонда «Общественное мнение», осенью 2009 г. в России насчитывалось 42 млн интернет-пользователей, или 36% взрослого населения страны. Ядро интернет-пользователей — суточная аудитория — составляет почти 24 млн человек, это примерно каждый пятый взрослый россиянин (21%). Лидером в этой области по федеральным округам является Северо-Западный округ с его центром — г. Санкт-Петербургом [3].

В начале XXI в. 80% людей в мире ни разу не пользовались телефоном и 93% не использовали компьютер. Увеличивается разрыв в доступе к ИКТ не только между развитыми и развивающимися странами, но и между имущими и неимущими слоями внутри стран, между молодыми и пожилыми людьми, городским и сельским населением, здоровыми и инвалидами и т. п. Данное явление характеризуется как цифровое распределение (Digital Divide), или цифровое неравенство. Оно определяется как способность стран или отдельных групп населения в соответствующих пределах адаптировать, генерировать, распространять и использовать знания.

Конечно, цифровое неравенство зависит от несоответствия распределения интернет-узлов по регионам мира в сравнении с распределением численности населения, о чем уже шла речь выше. Экономические и технологические причины данного несоответствия очевидны. Но мировое распределение пользователей Интернета по языковому признаку наглядно демонстрирует тот факт, что требуется дополнительный учет как социальных, так и лингвокультурных факторов. Сегодня 80% объема информационного продукта и еще больше — программного продукта в мире создается на английском языке, но 75% населения Земли функционально им не владеет. Это вызывает острую потребность в формировании в ряде стран или регионов мира собственных информационных сред, при условии их совместности. За счет этого доступ к глобальным информационным ресурсам для значительного количества населения мира может существенно расшириться.

В заключение отметим, что в концепции «общества знания» не только критически оцениваются реальные характеристики и проблемы информационного общества, сложившегося в ряде развитых стран мира к концу XX — началу XXI в., но также выявляются опасности, порожденные данным типом общества постиндустриальной эпохи для традиционно понимаемых прав и свобод людей, но и предпринимается попытка теоретического дополнения и даже переформатирования концепции «информационного общества» путем внесения в нее идей необходимости становления более справедливого международного миропорядка, гуманизации процессов глобализации и информатизации, всесторонней инновационной модернизации стран и гармоничного развития человека на основе постоянно обновляющихся научных знаний.

Литература

1. *Allen B.* Knowledge & civilization. Oxford, 2004; *Drucker P.* Managing in the next society. New York, 2003; *Giddens A.* The third way: the renewal of social democracy. Cambridge Polity, 1999; *Stehr N.* Knowledge societies. New York, 1994; *Мокир Дж.* Общество знания: теоретические и исторические основы // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2004. Т. 2. № 1; Новая постиндустриальная волна на Западе: антология. М., 1999.

2. *Клейнер Г. Б.* Становление общества знаний в России: социально-экономические аспекты // Общественные науки и современность. 2005. № 3; *Кнопп Цетина К.* Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. Т. 5. № 1; *Куликова И. В.* Открытый контент. Методология приумножения общественного достояния в обществе знания // [http://www.Reflexion.ru/Library/Kulikova I 2005/dok](http://www.Reflexion.ru/Library/Kulikova_I_2005/dok); Общество знания: от идеи к практике: в 3 ч. Ч. 1. Основные контуры концепции общества знания / под ред. В. В. Васильковой, Л. А. Вербицкой. СПб., 2008.

3. <http://www.bd.fom.ru/cat>.

Ю. А. Тюрина

РАЗВИТИЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Образование в его неразрывной, органичной связи с наукой рассматривается в Концепции модернизации российского образования до 2010 г. как один из важнейших факторов национальной безопасности и благосостояния страны. И как условие для повышения качества профессионального образования особое внимание в Концепции уделяется развитию в российской высшей школе научных исследований и разработок, повышению статуса вузовской науки и интеграции университетской, академической и отраслевой науки [1].

В Национальной доктрине образования в Российской Федерации до 2025 г. среди основных задач в сфере образования — развитие высших учебных заведений как центров образования, культуры, науки и новых технологий, а также интеграция образования, науки и производства, включая интеграцию научных исследований с образовательным процессом, научных организаций с образовательными учреждениями, науки и образования с производством [2].

Интеграция науки, более того, фундаментальной науки, и образовательного процесса вошло и в задачи национального проекта «Образование» и рассматривается как составляющая *инновационного* образования [3].

Таким образом, уровень развития вузовской науки является фактором как развития отечественной системы профессионального образования в соответствии с мировыми образовательными тенденциями, так и фактором развития всего российского общества в целом. Тем не менее, складывающаяся ситуация в сфере вузовской науки демонстрирует наличие ряда проблем, что в частности можно рассмотреть на примере участия в научно-исследовательской деятельности преподавателей и студентов.

Участие преподавателей высшей школы в научно-исследовательской деятельности. Одна из основных проблем, осложняющих участие преподавателей в научно-исследовательской работе и в международных исследовательских и образовательных

проектах, программах — недостаточная оплата труда российских преподавателей и, как следствие, загруженность аудиторной нагрузкой.

В отечественном варианте оплата труда профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений долгое время оставалась социальной проблемой. На сегодня низкий уровень оплаты труда преподавателей остается самым сильным фактором неудовлетворенности преподавателей своей работой. По данным мониторинга экономики образования, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний Государственного университета высшей школы экономики, уровень недовольства среди преподавателей высших учебных заведений оплатой труда остается высоким, хотя имеет тенденцию к снижению. Так, в 2006 г. недовольных оплатой было 59% преподавателей вузов, в 2008 г. — 51,9% [4]. Значительная часть преподавательского состава хотела бы сменить место работы или перестать работать: в 2006 г. так ответило 33,5% принявших в опросе преподавателей, в 2008 г. — 22,3 [там же].

Все это в конечном итоге вызвало смену структуры преподавательского состава в высшей школе России. Последние десятилетия экономические условия в системе высшего образования детерминировали отток наиболее энергичных преподавателей, открывая путь бесконкурентного прихода в сферу образования молодых людей, не подготовленных ни морально, ни профессионально как к преподавательской работе в целом, так и к научно-исследовательской работе в частности. По результатам исследования Центра социологических исследований Минобрнауки РФ, опубликованным в 2002 г., четвертая часть преподавателей российских вузов имела стаж работы в высшей школе не более пяти лет. «Это можно было бы принять за критерий омоложения кадров, если не тот факт, что во многих вузах их состав пополняется за счет неустраившихся специалистов находившихся в простое предприятий, уволенных в запас военных, лишившихся своего профессионального поприща политиков советского периода» [цит. по: 5, с. 130]. Средний возраст большинства (75,6%) профессорско-преподавательского состава российской высшей школы составлял 40–69 лет. Средний возраст кандидатов наук — 50,2 года, докторов наук — 58,2 года [там же, с. 130–131]. Сложившаяся ситуация способствовала снижению качества преподавания и застою в научно-педагогических коллективах, и как следствие детерминировала падение научно-исследовательской активности в вузах.

Данная тенденция имеет место и сейчас. Так, по данным, озвученным в докладе Министерства образования и науки «О результатах и основных направлениях деятельности на 2008–2010 гг.», средний возраст педагогических работников на сегодня — 40 лет, а в государственных и муниципальных вузах возраст 22% профессорско-преподавательского состава превышает 60 лет [6].

Кроме того, неудовлетворенность заработной платой преподаватели компенсируют и компенсируют увеличением учебной нагрузки либо совмещением преподавательской деятельности с другими видами работ. По данным 2002 г., с 1991 г. количество студентов российских вузов увеличилось в 2 раза, а преподавателей — в 1,3 раза, увеличилось количество преподавателей, работающих сверх одной ставки, и преподавателей-совместителей [7]. По результатам мониторинга экономики образования, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний Государственного университета — Высшей школы экономики, почти

56% преподавателей, принявших участие в опросах 2006 и 2008 г., имеют дополнительную оплачиваемую работу и только около 10% преподавателей являются штатными сотрудниками вузов [4]. Все это сказывается отрицательно на качестве обеспечения учебного процесса в университете и ставит под вопрос развитие вузовской науки. Так как занятость преподавательского состава, увеличение учебной нагрузки преподавателя, влекущей увеличение аудиторной нагрузки, делают физически затруднительно для преподавателя в данных условиях вести активную научно-исследовательскую работу и привлекать к участию в научных исследованиях студенчество. Развитие в последнее время грантовой системы финансирования научных исследований не меняет кардинально данную ситуацию, т. к. заработная плата за учебные часы рассматривается преподавателями наиболее доступным и стабильным источником дохода.

Сравнивая результаты опроса 2008 г. американских преподавателей Государственного университета штата Калифорния, г. Чико (среднестатистического для США и не являющегося ведущим в науке и престижным на международном уровне), об их активности в направлении международной деятельности и научно-исследовательской работы и данные, полученные в ходе опроса, проведенного Центром социологических исследований [7], российских преподавателей (университетов, включающих ведущие научные центры страны) и данные, полученные в ходе мониторинга экономики образования, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний Государственного университета высшей школы экономики [4], можно отметить следующее:

- на момент опроса более половины американских респондентов активно участвуют в *реальных* научно-исследовательских программах как внутри университетского уровня, с другими университетами США, с государственными и бизнес-организациями. В отечественном варианте, по данным мониторинга экономики образования в 2006 г., 69,3% преподавателей высшей школы отметили, что занимаются научной работой. В 2008 г. этот показатель вырос до 76,8% [там же]. Но по данным 2006 г. Центра социологических исследований активно занимающихся наукой в целом — 17,1%, занимающихся наукой постоянно, но не активно — 36,5%, 28,5% — занимаются наукой эпизодически, когда на это есть время и желание, 17,9% наукой вообще не занимаются [7];

- активность американских преподавателей в международной деятельности, как в направлении мобильности преподавателей, так и в направлении научно-исследовательской активности, значительно отличается от уровня участия в данных направлениях отечественных преподавателей. Самое большое количество ответивших российских преподавателей о видах деятельности, в которых они участвовали, было тех, кто участвовал в международных конференциях и симпозиумах (17,5%), среди американских преподавателей количество также ответивших составило — 22,2%. Российских преподавателей, принимавших участие в международных исследовательских проектах — 3,6%, а среди американских преподавателей — 38,9%. Выезжавших за рубеж среди россиян для научной работы — 3,2%, для завершения диссертаций — 2,8% [там же]. По результатам опроса американских преподавателей почти 12% участвовали в академическом обмене, почти 17% в научно-исследовательских стажировках. По данным мониторинга экономики образования в поездках и стажировках в целом (что позволяет говорить и о между-

народных поездках и стажировках внутри страны) в рамках научного и академического обмена в 2006 г. участвовало только 7,9% преподавателей высших учебных заведений, в 2008 г. — 8,9% [4].

Участие студентов высшей школы в научно-исследовательской деятельности. По результатам социологических опросов 2006–2008 гг., проведенных на Дальнем Востоке России (в университетах городов Хабаровска, Благовещенска, Петропавловска-Камчатского), в университетах Санкт-Петербурга (Санкт-Петербургском государственном университете и Санкт-Петербургском электротехническом университете — ЛЭТИ) активизация научно-исследовательской работы в учебном процессе и вовлечение в этот процесс студенчества, судя по ответам российских студентов, выглядит следующим образом (табл. 1, 2).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Чем, на ваш взгляд, является участие в научно-исследовательской работе во время обучения в университете?»

Предложенные варианты ответов	Количество ответивших студентов, %	
	петербуржцев	дальневосточников
Деятельностью, способствующей совершенствованию учащегося	55,2	53,6
Деятельностью, способствующей эффективному усвоению материала	27,6	29,7
Интересной, но не нужной работой	10,4	15,5
Пустой тратой времени	4,4	6,16
Другое, что именно	7,1	3,9

Таблица 2

Уровень участия студентов в научно-исследовательской работе

Вопрос	Варианты ответов	Количество студентов, выбравших один из предложенных ответов, %	
		петербуржцев	дальневосточников
Хотели бы вы лично участвовать в научно-исследовательской деятельности университета?	да	32,5	34,0
	нет	29,8	27,9
	затрудняюсь ответить	35,3	38,4
Принимали ли вы личное участие во время обучения в университете в научно-исследовательской деятельности, которая проводится университетом либо его подразделениями (кафедрами, лабораториями и т. д.)?	да	22,6	27,5
	нет	72,9	67,3
	затрудняюсь ответить	2,7	3,6

Для более чем половины студентов научно-исследовательская работа — деятельность, способствующая совершенствованию учащегося (55,2% петербуржцев и 53,6% дальневосточников), для менее 30% отвечавших — деятельность, способствующая эффективному усвоению материала (27,6% петербуржцев и 29,7% дальневосточников). Почти треть студентов хотели бы участвовать в научно-исследовательской работе (32,5% петербуржцев и 34% дальневосточников). Но при этом только около четверти студентов утверждают, что участвовали во время обучения в научно-исследовательской деятельности (22,6% петербуржцев и 27,5% дальневосточников).

Большинство респондентов (89,4% дальневосточников и 76,7% петербуржцев) в процессе обучения в университете не принимали участия в международных научно-исследовательских проектах, конференциях, симпозиумах и других мероприятиях. Из ответивших на вопрос об участии в международных проектах утвердительно большинство дальневосточников (3,26%) участвовало в научно-исследовательских международных проектах, а 2,9% респондентов, ответивших на данный вопрос утвердительно, принимали участие в международных конференциях и симпозиумах. Среди петербургских студентов, из тех, кто участвовал в международных проектах, наибольшее количество принимало участие в международных конференциях и симпозиумах — 19,8% (табл. 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос: «Принимали ли вы личное участие во время обучения в университете в международных проектах?»*

Вариант ответа	Количество ответивших студентов, %	
	петербуржцев	дальневосточников
Да, в научно-исследовательской деятельности	0,5	3,2
Да, в работе конференций и симпозиумов	19,8	2,9
Да, обучался по учебной программе за рубежом	1,6	1,4
Нет, не принимал участие	76,7	89,5

* Варианты ответов в таблице представлены без учета ответа «Другое, что именно».

Низкий уровень участия студентов в научно-исследовательской работе объясняется целым рядом причин, одна из основных — невысокий уровень участия в научной деятельности преподавателей вузов, в чьи задачи и входит активизация участия студентов в научных исследованиях.

Таким образом, современная ситуация в сфере вузовской науки до сих пор демонстрирует наличие проблемного поля, что в конечном итоге сказывается как на подготовке специалистов, так и на развитии всего российского общества в целом.

Литература

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // http://www.edu.ru/db/mo/Data/d_02/393.html.
2. Национальная доктрина образования в Российской Федерации до 2025 г. // <http://www.dvgu.ru/umu/ZakRF/doktrin1.htm>.
3. Национальный проект «Образование» // <http://www.rost.ru/projects/education>.
4. Результаты мониторинга экономики образования, проводимого Институтом статистических исследований и экономики знаний Государственного университета высшей школы экономики // <http://education-monitoring.hse.ru/part2.html>.
5. *Шереги Ф. Э., Дмитриев Н. М., Арефьев А. Л.* Научно-педагогический потенциал и экспорт образовательных услуг российских вузов (социологический анализ). М., 2002.
6. Доклад Министерства образования и науки «О результатах и основных направлениях деятельности на 2008–2010 гг.» // <http://www.mon.gov.ru>.
7. *Шереги Ф. Э., Стриханов М. Н.* Наука в России: социологический анализ. М., 2006.

*Г. И. Мазуров, Е. А. Торгунаков,
В. И. Акселевич*

РОЛЬ НАУКИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

ВВЕДЕНИЕ

В советское время нас учили, что теория без практики мертва, а практика без теории слепа. К сожалению, эти правильные мысли забыты в Российской Федерации, существующей как самостоятельное государство 20 лет.

Проведем некоторые аналогии в оценке роли развития науки в СССР и РФ. Не касаясь времени до Второй мировой войны, остановимся кратко на послевоенном периоде.

6 и 9 августа 1945 г. США сбросили атомные бомбы на японские города Хиросиму и Нагасаки и стали угрожать войной всему миру. Правительство СССР срочно выделило неограниченные средства [1] на разработки по созданию атомной энергетики, хотя страна была в разлухе после только что окончившейся войны. В итоге к 1949 г. мы догнали США в этой отрасли, а вскоре осуществили и термоядерную реакцию.

Безусловно, единоначалие, неколлективные решения приводили и к перегибам и стратегическим ошибкам. Так, на корню была загублена отечественная генетика и не воспринята кибернетика. Последнюю называли буржуазной лженаукой. В настоящее время она стала ведущей наукой и нам приходится догонять Запад, закупая современные компьютеры за рубежом.

СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА РОЛЬ НАУКИ

6 марта 2010 г. в рамках оптимизации работы секторов науки и образования в России произошло упразднение федеральных агентств по образованию (Рособразование) и науке (Роснаука) с передачей их функций Министерству образования и науки (Минобрнауки) [2].

Очевидно, настала пора порассуждать над ролью и местом науки и образования в современном российском обществе и государстве. Президент РФ Д. А. Медведев

еще в июне 2008 г. в беседе с президентом РАН академиком Ю. С. Осиповым по случаю утверждения его президентом РАН сказал: «Мы не должны забывать о фундаментальных точных науках, о науках естественного цикла. Потому что в период, который мы сегодня называем сложным периодом для российской науки, прежде всего 90-е годы, все-таки в наиболее сложном положении были представители именно этого естественного и точного цикла наук. И сегодня нужно уделять особое внимание его развитию. Вы сказали как раз о достижениях: наша школа математики, несмотря на все провалы финансирования, которые были десять-пятнадцать лет назад, все-таки осталась одной из лучших в мире, даже, скажем, лучшей» [3].

Вопрос о науке постоянно находится под пристальным вниманием Президента РФ. В Интернете размещено более 500 видеороликов с высказываниями Д. А. Медведева о проблемах науки и ее задачах по преобразованию российского государства и общества. Международная обстановка и геополитическое положение России требуют от нашего руководства повернуться лицом к науке. Именно технологические прорывы нужны сегодня для обеспечения выживаемости и целостности России. Модернизация, инновации — это звенья одной цепи.

Президент Российской академии архитектуры и строительных наук (РААСН) С. П. Кудрявцев, отвечая на вопросы журналистов о роли науки в развитии общества, сказал: «Роль науки всегда была и остается высокой, ибо именно наука является основным двигателем прогресса. Другое дело, что далеко не всегда работа ученых оценивается и обществом, и государством. Наши научные разработки частенько остаются невостребованными несмотря на то, что могут дать положительный социальный и экономический эффект. Например, это касается разработок в области строительного материаловедения, ресурсо- и энергоэффективности. Для их реализации нужно время, а предприниматели и промышленники хотят все получить «здесь и сейчас». Вот поэтому мы надеемся, что долгосрочные программы социального и экономического развития, в частности, национальные проекты, дадут возможность полноценной реализации научных разработок» [4].

Однозначное мнение о ведущей роли науки высказывает нобелевский лауреат академик Ж. И. Алферов [1].

В Новое время вместе с настоящей революцией в естествознании возникли первые неформальные объединения ученых, созданные в противовес официальной университетской науке. Наконец, в XIX в. родились лаборатории как центры исследований и очаги научных школ. Здесь вырисовывается еще одна существенная проблема науки — проблема личности ученого. Кто он? Гениальный одиночка, опередивший свое время или всеми признанный гуру научной школы, лидер направления.

Историки науки новейшего времени свидетельствуют об исключительной эффективности научного творчества в небольших группах ученых. Энергией этих групп были рождены такие радикально изменившие общий строй научного мышления направления, как: квантовая механика, молекулярная биология, кибернетика.

Общение ученых не исчерпывается обменом информацией. Процесс познания предполагает трансформацию знаний. Если общение выступает в качестве неременного фактора познания, то такая информация не может интерпретироваться только как продукт усилий индивидуума. Она порождается пересечением мысли, идущей из многих разнообразных источников.

Наука, как живая система, — это производство не только идей, но и творящих их людей. Внутри самой системы идет незримая непрерывная работа по построению умов, способных решать ее назревающие проблемы. Поскольку конфронтация и оппонирование происходят в зоне, которую контролирует научное сообщество, вершащее суд над своими членами, ученый вынужден не только учитывать мнение и позицию оппонентов с целью уяснить для самого себя степень надежности своих оказавшихся под огнем критики данных, но и отвечать оппонентам. Полемика, хотя бы и скрытая, становится катализатором работы мысли.

Очевидно, что скрытая полемика приобретает наибольший накал в тех случаях, когда выдвигается идея, претендующая на радикальное изменение устоявшегося свода знаний. И это не удивительно. Сообщество должно обладать своего рода «защитным механизмом», который препятствовал бы «всеядности», немедленной ассимиляции любого мнения. Отсюда и то естественное сопротивление общества, которое приходится испытывать каждому, кто притязает на признание за его достижениями новаторского характера.

Значение науки неуклонно возрастало вплоть до XX в., и вера в науку поддерживалась ее огромными достижениями. В середине XX в. в результате растущей связи науки с техникой произошло событие, равное по масштабу научной революции XVII в., получившее название научно-технической революции и ознаменовавшее новый, третий этап в развитии научного знания.

Размышления о сущности науки — органическая составляющая ее истории, однако внимание к научной деятельности как специфическому объекту познания стало появляться примерно с середины XIX в. Первая мировая война стимулировала потребность в создании мощной науки. 20—30-е гг. XX в. — время, когда было выявлено проблемное поле изучения социальных аспектов развития науки, что привело к постановке ее социологических проблем. При этом для Западной Европы, Америки и России проблемы эти во многом различались, поскольку всюду внимание обращалось прежде всего на внутренние процессы, обусловленные социальным контекстом развития науки, национальными традициями в области образования и научных исследований. Теоретические и практические, в том числе социальные и организационные, аспекты развития науки и научного творчества интересовали многих общественных деятелей, естествоиспытателей и обществоведов того времени, таких как Л. С. Берг, А. А. Богданов, Н. И. Вавилов, П. И. Вальден, Н. С. Державин, А. Е. Ферсман, А. В. Луначарский, Д. Б. Рязанов, К. А. Тимирязев, Н. А. Семашко и др. [5].

Серьезно интересовался социальными проблемами науки Н. И. Бухарин. Его работы в этой области носят весьма многоплановый характер и связаны с его деятельностью как организатора науки, теоретика и практика в области экономики и политики. Он обосновывал идеи коллективного научного творчества, писал о соотношении индивидуального и коллективного творчества, необходимости планирования науки [6]. Особое внимание Бухарин уделял вопросам технологического применения науки, связи науки и производства. Его работы по методологии науки и организации исследований возникли на фоне кардинальной для тогдашней России проблемы использования науки для решения задач строительства социализма. Не случайно соотношение фундаментальных и прикладных исследований Бухарин рассматривал в контексте более глубокой системы взаимосвязей теории и практики.

В качестве интеллектуального производства наука представляет собой единство деятельности научного сообщества и информационных, организационных и социальных отношений, складывающихся в процессе научного труда.

ПРИМЕРЫ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Особенностью современной науки является генерирование ею не только нового знания, но и новых технологий. Таков конечный результат двух ее взаимосвязанных, но различных ветвей фундаментальной и прикладной науки. Мировой опыт свидетельствует, что наука всегда выходила из кризисного состояния лишь с помощью государства. Так было, например, в Германии и Японии после войны. Для России же, где традиционно, еще со времен Петра, организующая роль государства в развитии науки была велика, это имеет особое значение. И сейчас от позиции государства, его научно-технической политики в решающей степени зависит судьба российской науки. Особенно это касается фундаментальной науки, которая никогда не являлась коммерческим предприятием, что не исключает поиска иных источников финансирования фундаментальных исследований.

Основатель унитарной квантовой теории академик РАЕН Л. Г. Сапогин уверяет, что «для индивидуальных процессов с одиночной частицей вообще нет локальных законов сохранения энергии». Этими разработками заинтересовались ученые США и Японии [7]. Для их внедрения в практику потребуется в тысячи раз меньше средств, чем было затрачено на реализацию Атомного проекта в СССР, однако необходимо участие государства и его финансирование. К сожалению, этого нет.

Ректор Российской организации нового университета Владимир Зернов пишет, что по данным Всемирной организации интеллектуальной собственности в 2005 г. у России оказалось всего 500 запатентованных международных заявок, а у США почти в 100 раз больше (45 111).

Россия занимает 36 место в мире по количеству изобретений, однако это не отражает истинного положения дел. В России не изобретателей мало, а бюрократизма много [8]. Теперь деньги за патентование и поддержание патента платит сам изобретатель, а не государство. Отсюда и резкое сокращение количества патентов.

Существует специальная комиссия при РАН по развенчанию лженаучных направлений. Она должна действовать доброжелательно, гибко и во главе должен стоять энциклопедически эрудированный, принципиальный и бескорыстный ученый. Комиссия должна выявлять и научно обосновывать перспективные направления в развитии науки и техники. Она не должна обосновывать отказы с формулировкой «этого не должно быть, так как не может быть».

Когда ныне рассматриваются проблемы технологии, то неизбежно встает вопрос о направленности ее развития, ее воздействия на жизнь общества. Как иногда говорят, каждое технологическое достижение по необходимости амбивалентно, т. е. оно может служить в зависимости от подхода к нему или сложившейся ситуации на пользу или же во вред человеку. Более того, технологии, задействованные во благо человека, могут иметь в ходе своего развития побочные последствия, так что технологическое развитие нуждается в постоянном понимании и контроле. Последнее стало более чем очевидным в наше время, в период стремительного технологического развития общества. Благодаря современным достижениям физики, цивили-

зованная часть человечества овладела мощными инструментами, действие которых по силе сравнимо с природными и угрожает человечеству самоуничтожением. Научные исследования проникли в тончайшие механизмы генетического управления живыми организмами, что может привести к коренным, необратимым изменениям в ходе эволюционных процессов. Резко возросла нагрузка на природу и действующие экологические системы.

Человек все больше осознает не только то, что он «властелин мира», но также и то, сколь зыбко само его существование. Об этом свидетельствуют возникшие в наше время многие глобальные проблемы, и в частности экологический кризис. Например, всеобщая компьютеризация жизни при всех многочисленных достоинствах и преимуществах имеет, кроме отрицательных последствий для здоровья, и такой недостаток, как отчуждение людей от разговорной речи и обычного человеческого общения.

Выбор основных направлений в общественном развитии непосредственно затрагивает сами основы организации жизни людей. Соответственно этому коренные вопросы развития общества определяются интересами определенных групп, слоев, классов — политических сил. Более того, все наиболее значимые научно-технические программы (развитие ядерной энергетики, электроники и т. п.) принимаются на уровне правительств, парламентов. Отсюда следует заключить, что ответственность за технологическое развитие ложится прежде всего на политические силы и организаторов производства.

К числу важнейших функций науки относится предвидение. Мертво всякое знание, которое ничего не говорит о будущем, и такому знанию должно быть отказано в почетном звании — наука.

Наука выражается, прежде всего, в потребностях человека. Именно потребности, их так или иначе упорядоченные системы определяют то, что можно назвать феноменом человека. Потребности человека весьма разнообразны, иерархически организованы и исторически многие из них обновляются. В наше время принято выделять три вида основных потребностей: витальные (биологические), социальные (принадлежность к определенной группе) и познания. Весьма важно отметить, что потребность познания не является следствием биологической или социальной потребностей, а ведет свое происхождение от универсальной, свойственной всему живому потребности в информации. Последнее находит свое отражение, например, в том, что В. А. Энгельгардт к числу атрибутов жизни относил узнавание [9].

В развитии науки воплощена, прежде всего, эволюция мышления человека, его интеллекта. Именно наука радикальным образом содействует становлению и обогащению абстрактно-логического мышления, делая его все более утонченным и изощренным. Вместе с тем природа человека далеко не сводится только к мыслительной деятельности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время динамично развивается научно-технический прогресс (НТП). Произошли глубокие, качественные изменения во многих областях науки и техники. Появление НТП связано с великими открытиями в области фундаментальной физики. Открытие радиоактивности, электромагнитных волн, ультразвука, реактивного движения и т. д. привело к тому, что человек, применяя

эти знания, двинул далеко вперед развитие техники. Человек научился передавать на расстоянии не только звук, но и изображение. Человек вышел в космос, высадился на Луну, увидел ее обратную сторону. С помощью уникальных оптических приборов возможно узнать из какого вещества состоят далекие планеты. В последние десятилетия большое внимание обращается на применение нанотехнологий и исследование новых свойств сверхмалых частиц с использованием адронного коллайдера. Полученные данные позволяют человеку сделать невероятные открытия, которые приведут к новым достижениям в науке и технике. Во всем мире наблюдаются глубокие качественные перемены в основных отраслях техники. НТП коренным образом изменил роль науки в жизни общества. Наука стала непосредственной производительной и движущей силой.

Предназначение российской науки — находиться в авангарде этой деятельности. Это обеспечит выживание страны в сложном и меняющемся современном мире. Однако для продуктивной и эффективной научной деятельности требуется создание необходимых условий, что является прерогативой общества и государства. Только при наличии общественной воли существует возможность перелома негативно складывающейся ситуации и решения поставленных задач.

Предполагается, что необходимо повысить статус ученого, избавить его от необходимости подработок для обеспечения выживаемости семьи. Необходимо приоритетное развитие научно-лабораторной базы, для чего необходимы долгосрочные инвестиции. Необходимы конкурсное финансирование исследований всех проблем и прозрачность проведения конкурсов. Нужна четкая постановка задач и целей исследования, а для этого разработка долгосрочных программ на основе благоприятного предвидения основных проблем.

Литература

1. *Алферов Ж. И.* Россия — страна оптимистов, потому что все пессимисты уехали // Аргументы и факты. 2010. № 11(1532). С. 3.
2. Российская газета. 6 марта 2010.
3. <http://www.nasledie.ru>.
4. <http://www.raasn.ru/events/otvety.htm>.
5. *Фарман И. П.* Теория познания и философия культуры. М., 1986.
6. *Бухарин Н. И.* Избранные труды: История и организация науки и техники. Л., 1988.
7. *Леонов В.* Вечный двигатель и как им воспользоваться // Аргументы и факты. 2008. № 40.
8. *Зернов В.* Где зарыт «детектор правды» // Огонек. 2008. № 29.
9. *Engelgardt V.* On the dual role of respiration // Molecular and cellular biochemistry. 1974. Vol. 5. № 102.

В. А. Барезев

НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПАРАДОКСЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

«Знание — сила», — пророчески говорил Френсис Бэкон в Новое время. «Не будь наук и искусств, не было бы человека и человечества», — уверенно заявлял Лев Толстой в XX столетии. Наступивший XXI в. еще более четко рас-

ставил акценты: государства-лидеры — это лидеры в развитии науки, в приросте научных знаний, в научно-техническом прогрессе. Общество будущего специалисты все чаще называют уже не просто информационным, а обществом знания.

Каково же место России в этом контексте? Что происходит с ее наукой, какие тенденции характеризуют ее нынешний период и обуславливают ее научное и, следовательно, геополитическое будущее?

Прогнозы, тем более пессимистические, — дело неблагодарное, но вот факты — вещь упрямая. Каковы же они? В январе нынешнего года «Независимая газета» опубликовала статью «Что и как нужно спасать в российской науке». Автор — академик РАН, регент-профессор математики Аризонского университета В. Е. Захаров пишет: «...российская наука находится в критически плохом состоянии — худшем, чем когда-либо за 285 лет своего существования. Бюджет Академии наук со всеми ее двумястами научно-исследовательскими институтами и центрами, архивами и библиотеками составляет 1 млрд долл. в год. Научных сотрудников, состоящих в академических институтах, — 55 тыс., а общее число людей, финансируемых из бюджета Академии, более 100 тыс. Миллиард в год — это бюджет хорошего американского университета, в котором около 3 тыс. преподавателей — профессоров трех уровней и лекторов. А таких университетов в США — более сотни» [1].

Одно из крупнейших в мире международных информационных агентств Thomson Reuters (бывш. Рейтер) недавно опубликовало доклад о состоянии фундаментальной российской науки [2]. Состояние это было оценено очень низко, если не сказать больше: западные аналитики предрекают коллапс российской науке. Оценка и прогнозы производились по статистическим данным, в частности, по количеству статей, появляющихся в научных журналах. Так, по данным агентства, за последние 5 лет российские ученые опубликовали 127 тыс. научных статей, что составляет примерно 2,6% от количества статей, за это же время опубликованных в мире журналами, входящими в базу данных Thomson Reuters. За 10 лет среди стран БРИК (Бразилия, Россия, Индия и Китай) мы по этому показателю скатились на предпоследнее место. Мы пока еще перегоняем Бразилию, но пропустили вперед Индию (2,9%), сильно отстав от Китая (8,4%). Среди остальных стран мы уже отстаем от Канады и Австралии, хотя можем гордиться тем, что пока еще перегоняем Нидерланды.

Директор отдела оценки исследований Thomson Reuters Д. Адамс заявил, что в то время как другие страны наращивают свой научный потенциал, Россия неуклонно скатывается назад даже в таких областях, как физика и космические исследования, которые исторически всегда были ее сильной стороной. По его мнению, ослабление российской исследовательской базы связано не только с «утечкой мозгов» и переходным периодом 1990-х гг., но и падающим интересом к науке как таковой. При этом, «не похоже, чтобы кто-нибудь в России искал решение серьезных проблем с наукой».

Адамсу вторит А. Старинец, бывший советский ученый, эмигрировавший на Запад, один из авторов опубликованного осенью прошлого года открытого письма президенту Д. Медведеву. Он считает, что фундаментальную науку в России власть просто не желает возрождать. Многие российские ученые, никуда не уехавшие, полностью эту характеристику разделяют и полагают, что пока есть нефтяная труба,

серьезным ученым здесь делать нечего. Число мозгов, обогативших Запад, оценивается им в 80 тыс. человек. По другим данным (В. Е. Захаров) их насчитывается от 100 до 250 тыс. человек.

Конечно, нельзя полностью и безоговорочно согласиться со всеми этими оценками и не видеть ряда усилий власти в области реанимации российской науки и ее сохранения в числе лидеров современной науки. Но решат ли что-то эти отдельные усилия, да и те ли они, что нужны именно сейчас? Не слишком ли много времени упущено? Кто будет возрождать и развивать нашу науку, спрашивают специалисты?

Молодежь в науке еще есть. Но почти нет среднего возраста, опытных, зрелых и активных ученых. Молодежь защищает диссертации и уходит либо уезжает — надо кормить семью. Приходит новая молодежь, а старики все стареют. В общественном мнении наука — это рутинная, мало оплачиваемая и непрестижная работа с девятью до шести в каких-то институтах и лабораториях, а те, кто пошел в науку — неудачники. Как говорят иные наблюдатели, отечественный миф под названием «Большая Наука» перестал самовоспроизводиться. Он перестал влиять не только на политическое руководство страны, но и на вполне далеких от проблем науки обывателей. Согласно опросам ВЦИОМа, две трети опрошенных россиян затруднились назвать хотя бы одну фамилию крупного отечественного ученого [3]. И это очень симптоматично и подсказывает некоторые фундаментальные и системные меры, которые следует предпринимать в первоочередном порядке для спасения отечественной науки. И здесь не надо изобретать велосипед. Прежде всего, науке следует взять курс на то, чтобы вернуть науке тот статус, тот престиж и уважение который она имела в советское время.

В этой связи надо в конце концов четко заявить, что, несмотря на набор страшилок о судьбе науки в СССР, сложившихся в ходе идеологической борьбы 1990-х гг., невозможно отрицать того факта, что СССР был страной, где статус науки, объем предоставляемых ей инвестиций, социальных преференций и экономических возможностей были несопоставимы с положением науки ни в какой другой зарубежной стране. Причем эта политика проводилась по всему фронту научных исследований, а вся советская идеология была пронизана пафосом научно-фундированного прогресса, который и не снился западному ученому, занятому перманентным фандрайзингом, десятилетиями высиживающему место в университете, на свой страх и риск берущему кредиты под создание промышленной технологии, исповедующему кредо «или печатайся, или умри» [4].

Именно при советской власти наука получила статус настоящей общественной силы. Наша система образования не зря была признана лучшей в мире, и именно с ней западные специалисты связали феноменальный и непредсказуемый выход обескровленного Советского Союза в космос. Причем, если взять юбилейный справочник Академии наук России, то можно увидеть, что подавляющее большинство наших академиков были выходцами из деревень, малых городов и т. д. Наука являлась в СССР одним из главных государственных приоритетов, хотя финансировалась на уровне в несколько раз более низком, чем в странах Запада. Особенно это касается оплаты труда ученых. Но надо признать, что и подготовка ученых была практически бесплатной для них. И работали во многом благодаря научному энтузиазму на высочайшем мировом уровне.

У многих ученых еще свежи в памяти те времена, когда будущие сотрудники бесчисленных НИИ зачитывались произведениями Ефремова и Стругацких, которые были пропитаны оптимистическим пафосом научного поиска и покорения космоса. Многие люди старшего и даже среднего поколения на протяжении большей части своей жизни считали, а многие и продолжают считать, что именно развитие науки является основным путем прогресса для всего человечества. В этом духе и они, и школа воспитывали детей. Поэтому многие лучшие выпускники в Советском Союзе мечтали стать учеными, шли в специализированные школы, надеялись попасть в университеты, в аспирантуру, защититься.

Ученые России, чтобы сохранить и возродить ее величие и мощь, должны принадлежать к верхушке среднего класса, а труд научного работника — быть уважаемым и социально престижным. Им должны быть созданы необходимые условия для работы, предоставлены лаборатории, оснащенные современным оборудованием. Поддерживать необходимо все разумные направления научного поиска в равной мере — наука представляет собой единый организм, и заботиться нужно о его здоровье в целом. Попытка разделить ученых на полезных, чья деятельность приносит немедленную выгоду, и бесполезных игнорирует огромный мировой опыт. Правда, еще хуже и даже страшнее, когда высокие чиновники и господствующие парламентские партии лоббируют откровенных шарлатанов с уголовным прошлым, примером чему является пресловутая связка В. Петрика, Б. Грызлова и программы «Чистая вода», на которую «Единая Россия» хочет получить из бюджета 15 трлн (!) руб.

Сегодня власть много говорит о необходимости инновационных прорывов, о развитии новых технологий, прорывных проектах, об увеличении расходов на науку и т. д., в общем, «Вперед, Россия!». Но многих настораживает сходство ряда модных ныне проектов, скажем, нанотехнологии, с печально известными кампаниями прошлого, к примеру, кукурузной кампанией, на реализацию которой были брошены огромные административные и финансовые ресурсы. Нет сомнений, и кукуруза, и нанотехнологии — дело очень хорошее, если это грамотная политика в умелых руках. Если же на развитие нанотехнологий правительство выделяет средства, в полтора раза превышающие бюджет всей Академии наук, а ведущим нанотехнологом назначает главного разрушителя отечественной промышленности и энергетики, то тут возникают не просто сомнения, но и протест. То же говорят и об указе президента о слиянии трех самых сильных физических институтов страны в исследовательский центр «Курчатовский институт», которое произошло без ведома руководства институтов, всякого научного, экспертного обсуждения.

Вызывает серьезные опасения и взятый правительством курс на масштабные закупки новых технологий за рубежом в соотношении с тем, что выделяется на собственную научную деятельность. Так, на закупку новых технологий выделяется 600 млрд руб., что в 30 раз превышает финансирование институтов Академии наук. Из средств, выделенных на нанологический проект, лишь 1% обещается академической науке. Не убьет ли такой подход российскую науку окончательно?

Известное беспокойство вызывают и правительственные программы по привлечению ученых-эмигрантов к работе со студентами российских вузов. Приветствуя интеграцию российской науки в мировую, нужно понимать, что молодой специалист встанет перед выбором: уехать к своему наставнику в аспирантуру или остаться

ся в России, где он будет работать в лабораториях с устаревшим оборудованием и в обозримом будущем не сможет купить себе квартиру. Всюду в мире есть острая потребность в талантливой молодежи — ее всегда не хватает и она представляет собой огромную ценность. Отсюда понятно, что только подняв зарплаты ученых до средневропейского уровня, только дав им социальную уверенность и уважение к себе, можно остановить «утечку умов» и деградацию науки как социального института и способа жизнедеятельности. Ведь в самом деле безнравственно и бесперспективно рассчитывать двигать вперед науку и технологии за счет энтузиазма живущей впроголодь научной молодежи.

Сегодня все более очевидно, что от судьбы российской науки зависит судьба России, и это обстоятельство следует положить в основу стратегии будущего развития страны. Говорят, для этого требуется преодолеть сопротивление чиновников, по собственному усмотрению делящих научные исследования и направления на полезные и бесполезные. Но не в этом корень вопроса, а в том, что нет государственной политики в области науки, впрочем, и в области воспитания, культуры, образования и т. д. Кстати сказать, все эти перечисленные виды государственной политики следовало бы очень прочно связать в один тугой узел и реализовывать актуальные задачи в форме комплексных целевых планов, обеспеченных всеми необходимыми ресурсами. Но надо ли это тем, кто сидит на газовой или нефтяной трубе? Вопрос риторический, как и такой: нужно ли, чтобы открывать газовую или нефтяную задвижку, быть профессором или доктором наук? Правда, он не кажется таким уж и однозначным, когда сообщают, что большая часть членов кабинета министров и федеральных агентств России (чуть ли не 70%) имеют ученые степени и звания. И тут возникают уже другие вопросы: зачем им это, почему они это не скрывают? Ведь это доказывает, что развал (или уничтожение) науки идет по продуманному плану, а не по дурости или непониманию ее роли в существовании нашей страны.

Конечно, считают оптимисты, надежда на изменение взаимоотношений науки и власти, надежда на возрождение российской науки существует. Власть заговорила о модернизации, что, в отличие от стабилизации, приватизации, либерализации и прочих элементов политики рыночного фундаментализма, требует ответственного научного подхода и не может ограничиться «голым пиаром». Поэтому власти следует обратиться к фундаментальной науке как к естественному союзнику и основе проведения правильной модернизационной политики. Но поворот этот происходит слишком медленно, считает академик С. Ю. Глазьев [5]. Пока вместо научно обоснованной программы модернизации реализуются сомнительные проекты, пролоббированные заинтересованными лицами и структурами в собственных интересах. При этом часто допускаются крупномасштабные ошибки, изматывающие тающий научно-производственный потенциал. Еще один драматический парадокс заключается в том, что высокие государственные чиновники и правительственные экономисты до сих пор руководствуются мифологическими представлениями об экономическом развитии, навеванными утопической и дискредитировавшей себя идеологией рыночного фундаментализма. Хотя им есть альтернатива. Это фундаментальные отечественные исследования и предложения ученых российских научных школ, в частности, школой долгосрочного технико-экономического развития, которые получили признание далеко за пределами России. Здесь следует сказать о

теории длинных волн Кондратьева, которая в течение последнего 30-летия успешно развивалась научной школой академика Д. С. Львова и дала точный и заблаговременный прогноз наступления глобального финансового кризиса. Еще 20 лет назад Д. С. Львов и его коллеги выступили с идеей опережающей модернизации, а его последователи обособляли ее приоритетные направления, которые сегодня успешно реализуются как на Западе, так и на Востоке, только не у нас.

Зато у нас в ходе **развертывания кризиса российское правительство выделило беспрецедентно большие средства** не на поддержку технологической модернизации экономики на основе нового технологического уклада, а на поддержку коммерческих банков. Последние же использовали полученные от государства беззалоговые дешевые кредиты не на поддержку реального сектора, как планировалось, а на спекуляции против рубля, нажившись на его девальвации за счет падения уровня жизни населения и очередной утраты общественного доверия к государству. В итоге промышленное производство упало более чем на 15%, в том числе машиностроение — основа модернизации — почти вдвое, а недобросовестные банкиры обогатились на спекуляциях против собственной валюты на сотни миллиардов рублей. Говорят, этого можно было бы избежать, если бы прислушались к предложениям компетентных специалистов о введении валютного контроля и фиксации валютной позиции коммерческих банков. Триллионы антикризисных вливаний пошли бы на модернизацию экономики, а не на вывоз капитала за рубеж.

Ведь именно так поступают многие другие страны, большая часть антикризисных программ которых направлены на стимулирование инновационной активности и поддержку модернизации экономики на основе нового технологического уклада. При этом от 30 до 80% средств расходуется на программы в сфере энергосбережения, что через несколько лет позволит существенно повысить энергоэффективность экономики ведущих стран мира и стабилизировать как спрос на энергоносители, так и цены на них.

Страны, продолжающие быстрый экономический рост даже в условиях кризиса — это прежде всего Китай и Индия — сохраняют валютный контроль и обеспечивают целевое использование эмитируемых в целях борьбы с кризисом кредитов на цели модернизации реального сектора экономики.

15 декабря 2009 г. в Президиуме Российской академии наук состоялась встреча Президента Российской Федерации с учеными РАН. Президента интересовало, почему в науку не идет молодежь. «Безусловно, наверное, самая острая — это жилищная проблема, она остра не только для научных сотрудников, она, конечно, остра и для других молодых специалистов, — сказал он. — Но применительно к тому, что молодежь в науке — это всегда абсолютно штучный товар, здесь нужно думать о некоем системном и комплексном решении этой проблемы». Президент распорядился построить на площадях РАН за 3 года 5 тыс. квартир, предназначенных для молодых ученых.

Вот практически и все, что сообщила пресс-служба об этой встрече и принятых решениях. Все очень правильно и полезно. Судьба вновь загадочно улыбнулась российской науке.

Правда, завершить хочется словами из интервью с академиком Э. М. Галимовым, директором Института геохимии и аналитической химии РАН в связи с только что вышедшей из печати его книгой [6]: «Сегодня российская наука представляет собой

пустую скорлупу, из которой высосали содержимое. Есть много одаренных людей, которые не могут реализовать свои способности... За этим стоят бесплодные усилия многих людей, не получивших удовлетворение от своей работы. Они, подобно своим предшественникам, могли бы гордиться своим личным вкладом в историю космических исследований. Но годы их труда ни во что не воплотились». Речь идет о последних 20 годах демократического режима в России. Но будем надеяться, что и у российской науки будут еще многие десятилетия великих свершений.

Литература

1. *Захаров В. Е.* Что и как нужно спасать в российской науке // Независимая газета. 15 января 2010 г.
2. *Колпаков Г.* Западные аналитики предрекают коллапс российской науке // http://www.ng.ru/science/2010-03-10/11_collapse.html.
3. http://www.ng.ru/editorial/2010-02-08/2_red.html.
4. *Куренной В.* Наука в современном мире // <http://bg-znanie.ru/article.php?nid=33560>.
5. *Глазьев С.* 20 потерянных лет. Памяти академика Д. С. Львова // <http://zavtra.ru/cgi/veil/data/zavtra/10/849/index.html>.
6. *Галимов Э. М.* Замыслы и просчеты: Фундаментальные космические исследования в России последнего двадцатилетия. Двадцать лет бесплодных усилий. М.: Едиториал УРСС, 2010.

К. В. Барезев

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ, ЕДИНСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ

Философия и наука являются формами духовной деятельности человека, а также формами общественного сознания, это определение показывает их общность. Различие же философии и науки состоит в следующем.

1. Философия выступает универсальной теорией. Исторически она сыграла роль источника всех фундаментальных наук о мире (естествознание) и о человеке (гуманитарное знание). Так, из натурфилософии выделилась физика, логика способствовала развитию грамматики, лингвистики, математики и геометрии, от единого начала философии отпочковались психология, социология, риторика, политология и др. Наука специфицирует свою теорию согласно узкой определенности своего предмета, а также помимо теории включает в свой состав эмпирические методы, эксперимент, технологию и практическую апробацию.

2. Предметом науки является некоторый фрагмент чувственной или социальной реальности, знание о котором достижимо в той или иной форме опыта. Предмет философии в отличие от предмета науки максимально широк — это может быть «мир как единое целое», или «человек как разумное существо», или «истина как таковая». Философия претендует на познание всеобщих и необходимых законов бытия и развития касательно всякого сущего.

3. Предметом философии может быть любая вещь, свойство или отношение. Например, философия, так же как и наука, может исследовать природу или общество, но при этом станет руководствоваться другими принципами, иными установками и пользуется другой, нежели в науке, методологией. Другое дело, что филосо-

фию интересует не материальный и ситуативный аспект вещи, не ее эмпирическое своеобразие, а в первую очередь те идеальные образования, мысленные конструкции, которые работают в нашем сознании при осмыслении этой вещи, те идеи, которые задают в нашем опыте ее определенность. Иными словами, предмет философии в большей степени абстрактен, чем предмет науки. Предмет науки — это прежде всего материальное, чувственное явление (природа), либо имеющие материальный аспект символы и символические отношения (общество). От наблюдения и исследования явлений наука восходит, точнее, углубляется в скрытую область сущности — неизменной основы вещей. Философия же претендует на то, что способна созерцать сущность непосредственно, трансцендируя явление.

4. Предмет философии с необходимостью рефлексивен, это значит, что философия соотносит любой из своих предметов (будь то сознание, бытие, история, свобода, или что угодно другое) с познающим его мышлением, имеющим собственную четкую структуру, интерпретацию которой содержит философия. Предмет философии, таким образом, таков, что в нем объект обязательно связан с субъектом. Наука представляет свой предмет так, как если бы объект существовал автономно, изолированно от своего окружения и среды. Аналитические методы и приемы имеют в науке большее распространение и значение, нежели синтетические — в философии, скорее, наоборот.

5. На самом деле и наука, и философия в равной мере имеют дело с идеальными образованиями сознания. Но наука исходит из того, что имеет отношение к «вещам как таковым», а философия критически отдает себе отчет в том, что мир — это всего лишь то, *как* мы его воспринимаем, *что* мы в нем понимаем, т. е. абсолютная объективность и адекватность познания невозможны, поскольку реальность всегда обусловлена свойствами субъекта и даже может быть деформирована ими.

6. Философия в меньшей степени заботится об эмпирической интерпретации своего знания и практическом применении его результатов, нежели наука. Современная наука ориентируется на практическое — производственно-технологическое применение своих результатов и на социальную значимость своих продуктов. Наука входит в структуру современной постиндустриальной цивилизации, так называемого информационного общества, в качестве наиболее активного ее звена, оставаясь «двигателем прогресса». Роль философии более консервативна, она содержит многие архаические ценности познания, культивирует идеалы древних мыслителей. В отношении науки и общественной практики философия, тем не менее, выступает в роли критической инстанции, подвергая сомнению многие стереотипы современной культуры.

7. Предмет философии, если обобщенно сравнивать его с предметом науки, тяготеет к духовному миру человека как существа познающего, свободного и нравственного. Предметность науки, скорее, имеет в виду в общем смысле «мир природы» — сферу строгих зависимостей, выражаемых в форме законов и функций. Наука ищет определенность в плане детерминации явлений и процессов и стремится максимально формализовать их, чтобы иметь возможность исчислять, программировать и прогнозировать.

Если пойти по пути определения существа философии через понятие науки, то остается лишь признать философию наукой о необходимых связях мышления. Согласно ранее существовавшей традиции, традиции советской философии,

развивающейся по преимуществу в рамках марксистско-ленинской парадигмы, исторического материализма и материалистической диалектики, философия определялась значительно шире: как наука о наиболее общих законах бытия и развития мира и мышления. Точнее было бы, несмотря на это, акцентировать на мышлении и его всеобщих необходимых связях. Именно этим, строго говоря, непосредственно занимается философия. Если считать, что мир также является объектом философского познания, то надо иметь в виду, что мир дан философии в формах субъективности и объективен настолько, насколько объективной может быть признана всеобщая структура сознания, проявляющая себя в мыслительной деятельности.

Чтобы считать философию абстрактной, т. е., по сути, пустой наукой, нужно отдать себе отчет в том, какого рода отношение к конкретному миру, в его наглядно-чувственной непосредственности, имеют так называемые «конкретные» или «положительные» науки. Та же физика имеет к миру не более тесное отношение, чем инструкция по эксплуатации газонокосилки к реальному процессу живого роста травы.

Философия всегда может оспорить «критический» тезис науки о ее, философии, отвлеченности от фактичности мира и реальности его вещей. Философия напрямую имеет дело с тем самым *сознанием*, которое наделяет реальностью всякое бытие, любые вещи. «Положительная» наука, как правило, забывает — и это считается хорошим тоном в науке — о том, что мир и его вещи реальны не сами по себе, но лишь благодаря воле и вкусу разума, приписывающего миру и его вещам тот или иной смысл.

Философия ближе всех наук к миру в том смысле реальности, которой наделяют его обычно. Философия способна заглянуть через плечо обыденного и исторического сознания в лицо той простоты и непосредственности, какой обладает вера в объективность внешнего мира. Философии ведомы все механизмы осмысления сущего, т. е. наделения всего, что ни есть, их значениями, что сделались столь привычны.

В основе центрального для философии вопроса о бытии лежит — многим кажущееся странным — желание узнать, что все-таки имеется в виду, когда мы говорим о чем-либо как о существующем. То, о чем спрашивается в вопросе о бытии, предполагает изначальность и неизвестность имеемого в виду суждением существования.

Сущность философии непередаваема через понятие науки. Философия не есть наука, но есть то, что позволило науке возникнуть, существовать и становиться собой, наукой. В теоретической части каждой науки поэтому необходимо присутствует нечто философское. Теоретическая часть всякой науки имеет философское содержание, философичность которого зависит от степени познавательной всеобщности данной науки, от характера ее предмета и угла его освящения этой наукой: насколько всеобщ предмет, так, как его подает данный отдел знания, т. е. именно эта наука.

В отношении науки философия выступает в качестве *основания*. Классическая европейская наука, которая берет свое начало в эпоху Нового времени, утвердила себя в качестве симбиоза теории и эксперимента, умозрения и опыта. Базис науки — теория, в этом ее отличие от магии, хозяйственных практик, мастерства, ремесла и т. д. А что такое сама теория? Это, в общем говоря, результат работы разума, мысль, выраженная средствами некоторого символического, формального языка.

Понятия *философия* и *теория*, в сущности, неразделимы: философия реализует себя именно в форме теории, а не в форме, скажем, догмата, как это делает мифо-религиозное сознание.

Философия есть такая форма деятельности человеческого духа, в которой наше сознание реализует свободное мышление, не связанное обыденно-мировоззренческими, идеологическими или мифо-религиозными ограничениями, культурно-историческими предрассудками или инерцией привычки. Философия — это живительная, питательная среда нашего мышления. Исторически философия выступила школой мышления, его дисциплиной и культурой. Кстати, если под культурой в данном контексте понимать некую оформленность, заданность норм и правил, уровень вкуса, то значение философии как культуры мышления, в том числе и по преимуществу — научного, не утратило своей актуальности по сей день. Мышление в самом общем смысле определяется как способность сознания оперировать понятиями — идеальными образами предметов, абстракциями различных порядков и степеней обобщения. Откуда, грубо говоря, взялись такие понятия? Они не возникли сами собой в синкретическом сознании дикаря, как не возникают в детском сознании ребенка или разорванном сознании душевно больного. Абстрактные понятия — довольно сложная интеллектуальная формация, для образования которой требуется серьезное напряжение воли и работа ума. Вот эта деятельность и совершается в философии.

Нельзя говорить, что мышления не существует вне философии. Но должно, вместе с тем, считать, что именно в философии — и только в философии — мышление приходит к самому себе наиболее подлинным и полным образом. Философия, поэтому, есть такая особая питательная среда, где мышление развивается в наиболее благоприятных для себя условиях. В философии мышление отпущено на свободу, оно не знает никаких ограничений, кроме тех, которые ставит себе само. Эти ограничения, что мысль свободно и добровольно налагает на себя в философии, — формальные правила истины, т. е. законы логики. Если философия желает осуществлять себя в качестве науки, она обязана следовать этим законам, соблюдать эти правила. Но не забудем о том, что существуют еще иррациональные, религиозные и экзистенциальные направления философии, которые ставят себя выше науки и не считаются с формальными правилами истины, как, впрочем, и самим формально-рациональным канонам истины. От этого они не перестают относиться к философии, быть философией.

В основании философии лежит различие реальности на две сферы: сферу материи и сферу сознания. К материальному миру относится все то, что мы способны воспринимать посредством органов чувств. Это природа, физический мир. Духовный мир — это содержание нашего сознания: мысли, образы, переживания, эмоции. Движения сознания не только порождаются в нас воздействием объектов среды, но и стимулируются собственной активностью разума, который способен продуцировать (производить) идеи, представления и понятия, невыводимые из чувственного опыта. Так, наблюдая явления природы, мы составляем о ней некоторое нестрогое, смутное представление, но чтобы упорядочить и систематизировать картину своих чувств, свои представления, мы прибегаем к услугам разума, который предлагает нам свои конструкции, лишь часть из которых создана по аналогии и в результате обобщений чувственных данных. Формулируя законы природы

или общества, мы необходимо используем сверхопытные допущения, поскольку не способны в рамках возможного опыта охватить всю совокупность явлений, процессов и отношений, образующих эти области бытия. Законы и принципы — это вымышленные представления о том, как устроен мир, каким образом происходит смена явлений в нем, что чем управляет и т. д.

Феноменальное — это то, что охватывает область явлений. Феномен — это явление, как оно представлено в сознании. Осмысливаемое сознанием нечто проходит категориальную обработку, т. е. оно, так или иначе, определяется сознанием через категории — наиболее общие родовые понятия, включающие число, качество, местоположение, принадлежность и т. д.

Очевидным в философии и науке считается не то, что можно воспринять в форме возможного обобщенного опыта, но только то, что обладает непосредственной достоверностью. Например, самосознание (Декарт: «мыслю, следовательно существую»), математическая ($2 \times 2 = 4$) или логическая (закон тождества « $A = A$ ») истина.

Понятие ноуменального ввел в философию Иммануил Кант, заимствовав его из средневековой схоластики и придав ему обновленный смысл. Ноумен, по Канту, это «вещь в себе» (т. е. вещь сама по себе, вещь как таковая). Ноумен отличается от феномена так же, как вещь отличается от своих явлений. Вещи мы воспринимаем всегда в среде, в связях с другими вещами, в различных отношениях с ними, поэтому сложно вычленить именно то, что относится к данной вещи, из массива общего восприятия. В понятии ноумена Кант т. о. разумел сущность вещи, то в ней, что остается скрыто за ее многообразными явлениями, но что, тем не менее, воздействует на нас как субъектов восприятия.

Действительность — это философская категория, которую дополняет противоположная и парная ей категория возможности. Действительное — это актуальное, в противоположность потенциальному, т. е. возможному. Действительное — это все то, с чем мы вступаем в контакт в процессе нашей деятельности, то, что мы вовлекаем в сферу своей творческой активности и преобразуем согласно своим замыслам. Действительное — это ставшее, уже ставшее нечто, в противоположность становящемуся, но еще не определившемуся в границах своей понятности. Потенциальное — это субстрат (подоснова) или субстанция (сущность) сущего, это возможное. Действительное — это акциденция (действенное проявление) субстанции или ее атрибут (признак). Действительное — это актуализация возможного.

Понятие действительного разработано в диалектике Гегеля. Действительное — это совокупность форм самоотчуждения абсолютного Духа. Дух воплощается, т. е. отчуждается сам от себя, в формах природы, культуры, науки, и лишь в философии он возвращается к себе самому. Говоря, что «все действительное разумно», Гегель имел в виду то, что у всего, что есть, есть достаточное основание к тому, чтобы существовать, и это основание умопостигаемо, т. е. познаваемо в понятиях разума.

Наука и философия имеют различные цели и задачи, отличаются своим социокультурным назначением. Наука ставит себе цель познавать мир, чтобы изменить его, делать все более приспособленным для существования человека с его потребностями. Философия познает природу и духовные феномены — общество, культуру, историю, для того, чтобы изменять самого человека, способствовать его усо-

вершенствованию, интеллектуальному и нравственному росту. Такое вот различие целей и задач науки и философии и задает различие методов, принятых в них.

Метод традиционно определяется как инструмент познания. Методы — это приемы и средства постановки проблемы, формулировки задач исследования и их решения, которыми пользуется субъект для изучения объекта. Методы делятся на общенаучные (они как раз происходят из философии) и специально-научные (т. е. имеющие узкое применение в рамках некоторой определенной дисциплины). К общенаучным относятся, прежде всего, логические методы, когда логика понимается как всеобщий формальный язык теоретизирования и совокупность правил достижения истины посредством рассуждения. Это анализ (разложение целого на элементы), синтез (соединение разобщенных частей в единство целого), абстрагирование (отвлечение от конкретных и специфических моментов объектов для выделения в них общего признака) и обобщение. К методам формализации также относится ряд математических методов.

Методы логики имеют определяющее значение в философии, в науке они существенно дополняются специальными методами, сформированными по характеру конкретных предметов какой-либо науки.

Важное значение в науке имеют эмпирические методы, основанные на способности чувственного созерцания, а также на применении специальных приборов наблюдения. Когда информация собрана в необходимом объеме, с ней работают методы обработки информации, ее классификации, учета, формализации (перевода на язык знаков и символов), исчисления и кодировки.

Не менее важное значение имеют в науке методы, определяющие сценарий и последовательность эксперимента, т. е. искусственно созданной ситуации, в которой объект исследования должен продемонстрировать те из своих свойств и качеств, которые в данный момент интересуют ученого.

Эксперименту всегда предшествует гипотеза, т. е. идеальная (воображаемая) модель результата эксперимента, который должен либо подтвердить истинность гипотезы, либо опровергнуть ее. Гипотеза предполагает взаимодействие ряда прогностических методов.

Тем не менее, в части крупномасштабных обобщений, т. е. тогда, когда наука стремится построить собственную «картину мира», она неизбежно восходит на уровень философской абстрактности, поскольку вынуждена оперировать общими понятиями и терминами философии. Сама по себе наука ограничена теми видами опыта и практики, которые делают возможным продуцируемое ею познание. Общие же понятия и концепции теории философии выходят за пределы возможного опыта, они возникают благодаря внутренним способностям разума, насколько он способен синтезировать идеи без посредства чувственного опыта.

Методы философии отличаются своей универсальностью. Философия породила тот понятийно-аналитический аппарат и те приемы рассуждения, которыми до сих пор пользуется всякая научная теория. Тем не менее, в самой философии происходит постоянное развитие ее методологии, что, впрочем, оказывает немалое влияние и на процессы развития науки. Так, например, учение о методе разыскания истины на основе достигнутой непосредственной достоверности (достоверности, базирующейся на очевидности, которой обладает самосознание субъекта), разработанное Декартом, теперь воспринимается как нечто тривиальное. В современной

философии появляются новые методы, соответствующие ее направлениям. Так, в неопозитивизме преобладают методы логического анализа, в феноменологии — методы редукции, в герменевтике — методы деконструкции и этимологии.

В заключение хотелось бы отметить, что, не смотря на фундаментальность объективно-исторического вклада науки в прогресс человеческой цивилизации, их «текущее», «актуальное» общественное значение и ценность всякий раз определяются социокультурным заказом, по сути — конъюнктурой. Современное общество не культивирует справедливо благодарного отношения к философии, как будто ее роль — определяющая в формировании будущих наук и политических идеологий — совершенно забыта. Это легко объясняется тем, что современная культура, ориентированная на идеалы постиндустриального хозяйства и тотального потребления, не востребует тех ориентиров и установок, которые были утверждены классической философией.

Т. А. Борисова

КТО НЕ ПОПАЛ НА «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ XX В.

Отношения науки и политической власти в России XX в. протекали по нескольким сценариям. Один из них — когда власть игнорировала научную отрасль или отдельного деятеля с его сентенциями, но любезно разрешала им существовать. Другой — когда власть выбирала сентенции, наиболее устраивавшие существующий режим, а все не вписывающееся в заданные рамки объявляла «псевдонаукой», одновременно устраивая гонения на работающих в данном направлении исследователей. Кульминацией же взаимоотношений были попытки власти (реализовавшей предыдущее положение и «обезвредившей» оппонентов) самой отождествлять себя с наукой, пытаться выстраивать парадигмы, в которых научные сентенции подменялись догмами и политической конъюнктурой.

Если рассматривать эти утверждения применимо к конкретным фигурам научного мира, можно обратиться к забытому ныне историку Николаю Александровичу Рожкову (1868–1927). Пережив три революции, он фактически столкнулся со всеми вариантами взаимодействия ученого и власти. И ни скрупулезное отношение к исследовательской работе, ни ораторские способности, ни оригинальность и новизна научного подхода, в конечном счете, не реабилитировали его ни в глазах императорского, ни в глазах советского правительства.

Ученый-историк и общественный деятель, колоритная фигура 1-й четверти XX в., Рожков был широко известен в научных кругах, считался блестящим оратором, собиравшим обширные аудитории слушателей. В студенческие годы, прошедшие в конце 1880-х гг. на историко-филологическом факультете Московского Императорского университета, Рожков, как и многие молодые люди, относился к числу сочувствующих революционному движению. После окончания учебы и нескольких лет учительства на родине, в гимназии г. Перми, Рожков сдает магистерский экзамен по русской истории у В. О. Ключевского и переезжает в Москву. С 1898 по 1906 г. Н. А. Рожков — приват-доцент Московского Императорского университета, а также преподаватель других учебных заведений Москвы, чьи научные

статьи публикуются в изданиях «Научное обозрение», «Образование», «Мир Божий», «Жизнь». Казалось бы, у него было все для того, чтобы не стремиться к самоутверждению с помощью «игры в революцию», однако Рожков решает ступить на стезю общественно-политической деятельности, примкнув к социал-демократам.

Трудно предположить, чем был вызван данный шаг. На наш взгляд, политика для Рожкова была некоей игрой, увлечением, способным предоставить (в отдаленной перспективе) ученому возможность апробирования, популяризации своих научных сентенций в ходе реальных общественных преобразований, возможность (благодаря изучению работ европейских социалистов) проведения исторических параллелей в развитии России и Запада... Так или иначе, с 1904 г. приват-доцент Рожков тесно сотрудничает с социал-демократической организацией Москвы. Он близко знаком с видными партийными деятелями и публицистами эпохи — А. М. Горьким, А. А. Богдановым, А. В. Луначарским, М. Н. Покровским, начинает общаться и с В. И. Лениным, а в начале 1905 г. вступает в большевистскую фракцию РСДРП.

В этот период его научные лекции и выступления общественно-политической тематики приобретают еще большую популярность как в партийной среде, так и у беспартийной радикальной интеллигенции Москвы и Санкт-Петербурга. С началом первой русской революции Рожков работает в большевистской газете Москвы «Борьба» (1905), а на знаменитом IV съезде РСДРП выдвигает собственную аграрную программу, отличную от большевистской. С середины 1906 г. у Рожкова начинаются разногласия с В. И. Лениным (связанные с программой большевиков, в том числе и аграрной), выражавшиеся в дискуссиях и спорах во время совместного проживания в Куоккале.

В 1907–1908 гг. Рожков входит в Русское бюро ЦК РСДРП, являясь одним из четверых членов ЦК, оставшихся к началу 1908 г. в России (большинство партийных лидеров, как известно, к тому времени уже находилось в эмиграции). В 1908 г. Рожков арестован и привлечен по делу московской организации РСДРП. Приговор был вынесен в апреле 1909 г. и определял ученому ссылку в Сибирь на поселение с лишением гражданских прав. Еще год понадобился для выполнения формальной процедуры лишения его имеющихся званий и наград (надворный советник).

Именно в этот период (1900-е гг.) ученый вынашивает идею создания обширного курса по истории отечества с древнейших времен до XIX в. Большую научную работу он продельвает во время двухлетнего пребывания в Бутырской тюрьме. Отражение этого — переписка с женой, которой он отсылает еженедельно по два объемных письма. И если в начале заключения, когда Рожковы еще питали какие-то надежды на вынесение мягкого приговора, письма носили личный характер, то на протяжении 1909–1910 гг. они содержат, в основном, конспекты различных трудов по истории, философии, экономике и статистике. Предвидя, что поиски рабочего материала в сибирской ссылке будут затруднены, Рожков практически в каждом письме просит жену присылать какую-либо определенную литературу — от сугубо исторической, до справочников по статистике и сельскому хозяйству России [8]. Уже в ожидании отправки в Сибирь, весной 1910 г., Рожков занимается в тюрьме историей литературы, искусства и античной философии. Можно предположить, что им делались наброски и к будущему фундаментальному курсу русской истории, и к книге «Основы научной философии», вышедшей в

1911 г. в Петербурге: всю переписку с конспектами Рожков до конца жизни возил с собой по стране [10].

В период ссылки в 1910–1917 гг. Николай Александрович публикует научные работы в журнале «Современный мир» (СПб) и в редактируемых им же сибирских газетах. В марте 1917 г. Рожков возвращается в Москву, а уже менее чем через 2 года выходит в свет первый из 12 томов его главного труда — курса «Русская история в сравнительно-историческом освещении: (основы социальной динамики)», последние тома которого издавались поочередно до 1930 г. [11].

Когда спустя 30 лет, в период «оттепели», имя Рожкова «разрешили» вернуть в анналы отечественной истории, его отнесли к «дореволюционным» ученым, а историографы стали упоминать фундаментальный 12-томный курс, но с обязательными ремарками: «В этом труде отчетливо проявилась несостоятельность буржуазных социологических и философско-исторических теорий, усвоенных Рожковым» [13]. Что же представляла собой разработанная Рожковым концепция истории, отвергнутая советской властью? Была ли она связана с его политическими ориентирами?

Научная концепция Николая Александровича формировалась в русле распространявшихся в Европе начала XX в. методологических нововведений: по существу, она отвергала марксистскую «пятичленку» и базировалась на идеях структурализма и синхронии. В своих трудах он выступает последователем В. О. Ключевского по части изучения «исторических законов» общественного развития. Однако анализ работ позитивистов и марксистов подталкивает его к разработке собственного подхода к исследованию. Изучение взаимовлияния позитивизма и марксизма и отход от классических схем обоих учений — насколько это было возможно — позволили Рожкову выйти за рамки формационной теории и построить 12-томный курс русской истории на применении *сравнительно-исторического метода*.

Если в работах классиков марксизма-ленинизма данный метод традиционно использовался при изучении общественно-экономических формаций или социальных институтов, то Рожков при анализе исторических явлений выходит за хронологические рамки, проводя параллели между явлениями и событиями, имевшими место в различные эпохи жизни стран и народов. Сравнение отдельных периодов из жизни Европы и России без привязки к «пятичленке» станет его излюбленным приемом, а советскими историографами будет рассматриваться как научный казус (например, сравнение состояния городского хозяйства г. Ново-Николаевска в 1916 г. и городского хозяйства Англии XVIII в.: «...та же бедность и узкий круг избирателей» [7]). Однако, если отринуть шаблон формационного подхода, станет ясно, что Рожков рассматривал события вне их хронологической последовательности, проводя поперечный, *горизонтальный или синхронный* срез истории, вместо продольного, *вертикального или диахронного* (традиционного для марксистской трактовки истории), мотивируя это *общностью, типичностью* изучаемых явлений, общностью, которая, по его мнению, не поддавалась строгой систематизации и не всегда вписывалась во временные рамки.

Таким образом, он предполагал многовариантность в периодизации исторических процессов различных стран. Для России им были выделены 9 периодов развития, смену которых обуславливала эволюция хозяйственных форм. Особую роль в построении методологии исследования Рожков отвел социологии и экономиче-

ской истории. У О. Конта он заимствует понятия «социальной статике», имеющей дело с устойчивыми условиями существования общественного строя, и «социальной динамики», изучающей «естественные законы общественного развития». И если ранее эти термины обычно употреблялись в отношении позитивизма (как философского учения и направления в методологии науки) и социологии, то Рожков применяет их в исследовании исторического процесса, отстаивая убеждение, что социология основана на истории (а не наоборот) [11; 10]. Этот подход Рожков предлагает применять при изучении и отечественной, и зарубежной истории, что позднее также вызовет замечания отечественных историографов и идеологов советского государства.

Сочетание в методологии ученого структурного и генетического подходов к историческому процессу было отмечено в одной из немногих посвященных ему работ — диссертации И. А. Андреевой, вышедшей в 1995 г. [1]. Однако методология Рожкова в ней не была исследована в контексте общеевропейской парадигмы исторической науки. Автору данной статьи представляется оправданным введение определения методологии Рожкова как нового для 1-й четверти XX в., так называемого *синхронного* изучения истории (синхрония), в противовес традиционному, диахронному (диахрония), которого придерживалось большинство российских ученых и до 1917 г., и в последующие 70 лет.

Принципиальные основы научных идей Рожкова, его историческая парадигма и методология были напрямую связаны с трансформацией политических взглядов. В 1910-е гг. его главным политическим принципом становится отказ от продолжения нелегального существования РСДРП в России (*ликвидация партии*) и идея *легализации* политической борьбы за осуществление демократических реформ и свобод в обществе. Экономический базис в России для этого, по мнению ученого, был подготовлен и выражался в оформлении так называемого *«культурного капитализма»*, сменявшего во всех странах капитализм *«хищнический»*, «крепостнический» (в России существовавший до 1905–1907 гг.). Практическое осуществление идеи легализации Рожков видел в таких формах деятельности, как парламентская борьба, создание рабочих групп и союзов, имеющих определенные политические программы и задачи. По мере своего эволюционного развития стадия культурного капитализма (в которой монархия трансформируется в буржуазно-демократическое государство) закономерно должна была преобразоваться в стадию *социализма*. «Конец» Рожкова — история хозяйства России, и в ссылке он разрабатывает как новую методологию ее изучения, так и развернутую программу по легализации политической борьбы, желая связать теорию с практикой [12].

Идея легализации (названная вскоре *«ликвидаторством»*) и коренные разногласия Рожкова (как и многих ученых-историков и экономистов) с большевиками возникли на почве оценки уровня развития капитализма в России. Иначе, чем большевики, Рожков характеризует формирование торгово-промышленной и, главным образом, сельскохозяйственной буржуазии. Идея легализации рабочего движения, с одной стороны, обуславливается у него усилением буржуазных начал в обществе, «полевением» буржуазии. С другой стороны, сам факт легализации борьбы и должен был во многом предопределить те начала, на которых произошло бы «полевение» и объединение буржуазии, считал ученый. При этом, не «помогая» буржуазии в ее самоопределении, демократия могла упустить момент и для собственного

самоопределения в обществе [12]. Разумеется, все данные превращения, считает Николай Александрович, происходят не в одночасье, но тенденции к ним в начале 1910-х гг. уже наметились.

Подобные идеи расценивались заграничной группой большевиков как проявление политического либерализма и отход к меньшевизму. Соответственно, подверглись критике и все научные гипотезы, все исторические исследования, которыми пытался оперировать Рожков, подводя под свои политические убеждения теоретическую базу [4; 5]. «Программные» статьи Рожкова не приняли к публикации в большевистских изданиях, а после того как он разместил их на страницах меньшевистского журнала «Наша заря», его подвергли остракизму и практически все меньшевики (кроме редактора журнала А. Н. Потресова) — в их глазах он стал «перебежчиком».

Но, как отмечали современники, в этот период (1910-е гг.) весь «ленинский кружок» был совершенно оторван «от каких бы то ни было живых проявлений рабочего движения в России» [2, с. 31], грешили этим и все остальные «заграничники-социалисты (включая лидеров оппозиционных Ленину направлений)». Рожков же за семь лет ссылки имел возможность объехать всю Сибирь — от Читы до Ново-Николаевска — и досконально изучить и историю, и современное экономическое состояние регионов (так, например, особо интересовали его проблемы влияния столыпинской переселенческой политики на сельское хозяйство Сибири, история развития сибирской кооперации).

Но если удаленные экскурсии в русскую историю, базирующиеся на «синхронном», а не формационном подходе большевистские лидеры еще могли просто проигнорировать, то высказываний о «культурном капитализме» современной России Рожкову не простили никогда.

Весной 1917 г. он возвратился в Москву с ярлыком предателя-«ликвидатора», официально присоединился к меньшевикам, но новый виток его политической деятельности пресекался с началом «красного террора». С 1919 г. Николай Александрович неоднократно подвергается репрессиям со стороны советского правительства, а в феврале 1921 г. его арестовывают в Петербурге во время всеобщей стачки и заключают в Петропавловскую крепость в качестве одного из «заложников» за Кронштадтское восстание. Освобождение последовало по специальному постановлению ЦК большевиков, решившему «вождей меньшевиков не расстреливать» [3]. После очередного ареста Рожкова в 1922 г., в ЦК разгорелись прения по поводу его дальнейшего пребывания в стране. На его немедленной высылке за границу в составе «Философского парохода» безоговорочно настаивал В. И. Ленин, однако, по неоднократным личным просьбам Рожкова, ЦК постановило выслать его в г. Псков [9].

Вернуться в Москву ему разрешили в середине 1924 г. после официального выхода из партии и опубликования в прессе соответствующего заявления. Рожков был согласен на все — на отказ от политики, публичное «покаяние» — на все, кроме эмиграции и запрета научно-педагогической работы. Все его исторические труды базировались на российском материале, шло издание главной работы — 12-томного курса... После смерти Ленина власти словно забыли о «враге»-профессоре, и последние годы жизни Рожков занимается преподавательской работой, а незадолго до смерти становится директором Исторического музея. Скончался Николай Александрович в 1927 г. в Москве.

О печальной участи Рожкова в постсоветской России едко писал в эмиграции известный меньшевик Ф. И. Дан. Семилетнюю ссылку в императорской России, ожидание расстрела в тюрьме Петропавловской крепости в 1921 г. при большевиках, последующее выдворение Рожкова в Псков — все это его сотоварищ и коллега-историк М. Н. Покровский, в некрологе памяти ученого описывал как «разные злоключения» на жизненном пути «бедного Николая Александровича», «к которому он относился с неистощимым добродушием» [3].

Цинизм власти, от лица которой говорит «официальный» историк и общественный деятель молодого Советского государства, повергает Дана в шок: «если «неистощимость добродушия» и при таких обстоятельствах морально украшает и возвышает *жертвы*, то как назвать людей, занимающих место среди *палачей* и все же способных с «с неистощимым добродушием» вспоминать о *чужих* «злоключениях» такого рода?» [3]. И если уж Рожков, известное лицо, имевшее заслуги перед большевистской партией, подвергался таким «злоключениям», то, резюмирует Дан, сколько же их выпало на долю простых смертных, попавших под «барский гнев»?..

Сегодня актуальность обращения к деятельности и научному наследию Рожкова подтверждают факты возросшего интереса к его работам у специалистов различного профиля. Так, при изучении истории философии или же методологии гуманитарных и общественных наук востребованным оказывается структуралистский подход Рожкова, который в наши дни (на фоне известных работ историков «Школы Анналов», А. Дж. Тойнби или же П. А. Сорокина) приобретает новую окраску. Параллели между методологией Рожкова и концепцией «Школы Анналов» отмечены зарубежными исследователями [14]. Он справедливо отнесен к числу первооткрывателей *количественного направления* экономической истории в России и лидера в отечественной *экономической историографии* [6].

Примечательно, что разработка и применение структурного подхода и сравнительно-исторического (*компаративного*) метода (распространявшегося в современном Рожкову Западном мире, но еще не достигшего пика популярности в исторической и общественных науках), во многом опережавшие введение принципов структурной истории учеными «Школы анналов», происходили во время заключения Николая Александровича и пребывания его на поселении в Сибири. Здесь можно вспомнить и другие судьбы, например, саранский период жизни М. Бахтина (методологическая специфика исследования времени и пространства у которого также имела структуралистские начала): отношения политической власти с деятелями науки, по иронии судьбы, на всем протяжении XX в. строились таким образом, что наилучшие работы и открытия создавались соотечественниками в ссылке или эмиграции. Особое же признание достигалось, а научные последователи появлялись чаще всего за рубежом. Рожков настойчиво просил лично Ленина не высылать его из России, и так и остался «смешным профессором», известным лишь узкому кругу специалистов.

Более благополучно сложилась, например, судьба его приятеля по ссылке (также «ушедшего» в меньшевизм) эмигранта В. С. Войтинского: умерший в США, он оставил после смерти массу работ в области экономики, а Мичиганским университетом на протяжении 45 лет организуются ежегодные научные мероприятия «Лекции Войтинского». Той областью науки, где идеи структурализма и синхронии в I-й четверти XX в. распространились быстрее всего, стала лингвистика, в развитии

которой преуспели российские эмигранты Р. Якобсон, С. Карцевский и Н. Трубецкой. А спустя два года после смерти Рожкова французы Л. Февр и М. Блок создали журнал «Анналы экономической и социальной истории».

Так попытка опередить время, предпринятая одним из многих российских ученых, потерпела фиаско, а отечественная историческая наука не стала пионером в области применения структурализма и компаративизма.

Литература

1. *Андреева И. А.* Историческая концепция Н. А. Рожкова: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 1995.
2. *Горев Б. И.* Демагогия или марксизм? (Итоги и наблюдения) // Наша заря. 1914. № 6. С. 30–41.
3. *Дан Ф. И.* Разные «заклочки» // Социалистический вестник. 1927. № 4. 26 февраля. С. 11.
4. *Ильин Вл.* [Ленин В. И.]. Манифест либеральной рабочей партии // ПСС. 5-е изд. Т. 20. С. 396–410, 414.
5. *Куприанов Б. В.* [Ленин В. И.]. Разговор легалиста с противником ликвидаторства // ПСС. 5-е изд. Т. 20. С. 234–244.
6. *Майдачевский Д. Я.* В годы сибирских скитаний (у истоков количественной экономической истории) // Былое. 1995. № 11. С. 4.
7. [Рожков Н. А.] Ново-Николаевск, 21 сентября // Голос Сибири. 1916. 21 сентября.
8. *Рожков Н. А.* Письма к З. П. Рожковой. 1908–1910 гг. // ОР РГБ, фонд Н. А. Рожкова, 546, оп. 1, карт. 22, ед. хр. 10–12.
9. Письмо В. И. Ленина к И. В. Сталину // РГАСПИ, ф. 2, оп. 2, д. 1344, л. 1 об.
10. *Рожков Н. А.* Основы научной философии. СПб., 1911.
11. *Рожков Н. А.* Русская история в сравнительно-историческом освещении (основы социальной динамики): в 12 т. Пг.; М., 1918–1930. Т. 1 [1918]. С. 10.
12. *Рожков Н. А.* Современное положение России и основная задача рабочего движения в данный момент // Наша заря. 1911. № 9–10. С. 31–34; *Рожков Н. А.* Исходная точка избирательной агитации // Звезда. 1911. 31 декабря. № 36. С. 7–10.
13. *Шапиро А. Л.* Русская историография в период империализма: курс лекций. Л., 1962. С. 174–188.
14. *Эммонс Т.* Ключевский и его ученики // Вопросы истории. 1990. № 10. С. 45–61.

И. С. Бразевич

ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ КОМПАНИИ К ИЗМЕНЕНИЯМ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

Российским ученым А. А. Богдановым в начале 20-х гг. XX столетия была создана общая теория организации — наука об универсальных типах и закономерностях строения и развития разных организационных форм, различных систем. В своей основной работе «Тектология: Всеобщая организационная наука» русский ученый предвосхитил такие научные направления, как теория систем, кибернетика, синергетика, многие неоклассические теории организаций и др.

Одним из основных пунктов его концепции является положение о том, что законы организации едины для всех объектов, в которых самые разнородные явления (элементы) объединяются структурными связями. Разрабатывая тектологию,

Богданов исходил из идеи о тождественности организации систем разных уровней — от микромира до биологических и социальных. На всех этих уровнях происходит борьба организационных форм, и побеждают в ней более организованные. Это происходит оттого, что организационная система всегда больше, чем сумма ее частей. При этом она никогда не находится в состоянии равновесия, чутко реагируя на изменения во внешней среде. Только открытость внешней среде и обеспечивает сохранность системы.

Отсюда, подход к изучению любого явления, по его мнению, должен основываться на исследовании любой системы как отношений всех ее частей, так и отношении ее как целого со средой, т. е. со всеми внешними системами. Нет и не может быть комплексов, изолированных в самих себе: каждый окружен средой, т. е. особого рода организационными комплексами, иными активностями. Они тектологически ему «враждебны», т. е., разворачиваясь по своим направлениям, они могут нарушать его форму, разрушать его; и этого нет именно постольку, поскольку он представляет сопротивление.

Принципы тектологии А. Богданова в определенной степени применимы и к современному рынку. Действующие на нем компании и фирмы являются организационными системами, а конкуренция есть борьба за выживание на рынке. Чем более открыта компания к изменениям внешней среды, чем быстрее она адаптируется к ним, тем успешнее ее деятельность.

Тектология и более поздние работы неоклассической школы организаций содержат необходимые теоретические предпосылки реинжиниринга предприятий и создания посттейлоровских предприятий нового типа для успешной конкуренции на современном рынке.

А. Богданов не раз отмечал, что организация не может быть замкнута в собственной среде. В условиях рыночной экономики компания как объект управления обязательно должна рассматриваться как «компания в макросфере».

А. Богданов одним из первых предложил использовать математические методы для анализа информации и управления организацией, в частности, для оптимизации системы. Так, например, известно, что централизация является мощным организующим началом. Однако со временем она сдерживает внедрение инноваций, и для сохранения системы требуется установить некоторый уровень децентрализации, придать большую автономию ее отдельным направлениям.

Таким образом, научные исследования выдающегося российского ученого в области теории организаций не просто опередили свое время, а опередили на многие десятилетия. Положения тектологии А. А. Богданова приобрели особую значимость в современных условиях — в условиях роста неопределенности экономических процессов и изменчивости потребительского спроса, а также неадекватного поведения партнеров, нечеткого государственного регулирования.

Сегодня главной задачей организации (компании) является успешная конкуренция на внутреннем и мировом рынках. За последнее десятилетие усиление конкуренции отмечено фактически во всем мире. Следует отметить, что еще не так давно она отсутствовала во многих странах и отраслях. Рынки были защищены и доминирующие позиции на них были четко определены. И даже там, где существовало соперничество, оно не было столь ожесточенным. Даже в США, где в течение XX в. отмечен самый высокий рост конкуренции, огромные секторы экономики

до недавнего времени были подчинены строгому регулированию. В то же время телекоммуникации, транспорт, энергетика и другие области экономики являются яркими примерами мощи конкуренции, обуславливающей постоянные инновации и беспрецедентно быстрые темпы их развития.

Принципы тектологии А. Богданова становятся особенно актуальны для компании в условиях жесткой конкуренции. Компания должна постоянно отслеживать изменения окружающей рыночной среды, которая обязана быть гибкой и быстро адаптироваться к любым изменениям. Более того, для успешного развития она должна сегодня не просто быстро адаптироваться к внешним изменениям, но сама формировать необходимые и полезные для себя инновационные воздействия.

Повсюду в мире компании, добившиеся лидерства в международных масштабах, используют стратегии, которые отличаются друг от друга во всех отношениях. Однако, хотя каждая успешная компания применяет свою собственную стратегию, принципы деятельности и эволюция всех успешных компаний очень похожи.

Компании добиваются конкурентных преимуществ посредством инноваций. Они подходят к нововведениям в самом широком смысле, используя как новые технологии, так и новые методы работы. Они осваивают новые методы достижения конкурентоспособности или находят лучшие способы конкурентной борьбы при использовании старых способов. Инновации могут проявляться в создании качественно новых продуктов, новом дизайне уже производимых продуктов, в новом технологическом процессе, в новом подходе к маркетингу или в новой методике повышения квалификации работников. При этом всегда происходит вложение капитала в получение знаний, обновление технологий, НИОКР и повышение репутации новой марки.

После достижения конкурентных преимуществ, благодаря нововведениям, компания может удерживать их только при постоянном улучшении и непрерывному внедрению инноваций. В противном случае конкуренты сразу же обойдут любую компанию, которая прекратит совершенствование и внедрение собственных инноваций. Иногда инертным компаниям удается удерживать свои позиции на рынке в течение лет или даже десятилетий. Однако раньше или позже более динамичные конкуренты создадут лучшие или же более дешевые способы ведения аналогичного бизнеса.

Иными словами, существует только одна возможность удержать достигнутые конкурентные преимущества — их необходимо постоянно совершенствовать, двигаться в направлении оптимальных форм в создавшихся рыночных условиях.

На заре постиндустриального общества, определяемого такими процессами, как информатизация бизнеса и сегментация мирового рынка, происходит насыщение (и перенасыщение) общества материальными благами. А в процветающих странах происходит переход от экономики серийного и массового производства к экономике индивидуальных услуг, ориентированной на клиента. Традиционный способ конкурентной борьбы предприятия — произвести как можно больше продукции, сегодня заменяется более сложный — обеспечить удовлетворение желаний заказчика за счет своевременного изготовления или поставки требуемых товаров.

Инновационная деятельность становится ключевой для современных компаний, чтобы своевременно реагировать на изменения спроса и желания потребителя. Кроме того, посредством инноваций компания способна сама формировать

рыночный спрос, так происходит со многими изобретениями. Например, когда не было персональных компьютеров, не существовало и спроса на них. Изобретение их дало толчок к использованию компьютеров в повседневной жизни и к возникновению огромного рынка. Компании, работавшие на рынке информационных технологий, которые вовремя не увидели преимуществ персональных компьютеров и не смогли адаптироваться к изменениям или вообще ушли с рынка или понесли серьезные финансовые потери.

Сегодня, в век информационных технологий, компании необходимо обладать эффективным механизмом отбора и внедрения инноваций. Для отслеживания рынка (окружающей среды) компании необходимо постоянно проводить маркетинговые исследования инноваций. Целью этих исследований должна быть оценка возможностей компании занять конкурентные позиции в конкретном сегменте рынка путем адаптации выпускаемой продукции или переходу к выпуску новой продукции для удовлетворения требований потребителя и потребностей рынка. Маркетинговые исследования должны быть нацелены на обеспечение наиболее эффективной (оптимальной) адаптации продукции компании к требованиям заказчика и рынка. Важнейшей задачей этих исследований является определение условий, при которых достигается оптимальное соотношение между спросом и предложением инновационной продукции на рынке. Это позволяет компании получать максимум прибыли от внедрения инноваций. Проведение комплекса подобных исследований позволяет выявить приоритетные инновационные проблемы, стоящие перед компанией, на решение которых должны быть направлены, в первую очередь, имеющиеся ресурсы.

Маркетинговые исследования должны проводиться с использованием комплексного подхода и включать в себя:

- изучение, анализ и оценку всех элементов и факторов, оказывающих воздействие на тенденции развития, структуру, характер отношений на выбранном для обследования рынке;
- выявление особенностей состояния рынка во взаимосвязи с состоянием и тенденциями развития общехозяйственной конъюнктуры различных рынков;
- оценка всех внешних и внутренних факторов, оказывающих воздействие на деятельность компании.

Маркетинговые исследования инноваций должны дать информацию, обеспечивающую, с одной стороны, учет требований рынка к инновационной продукции, а с другой — являющуюся основой для уточнения стратегии развития компании. Определяющую роль в маркетинговых исследованиях должен играть сбыт инновационной продукции, являющийся завершающей стадией всего инновационного процесса, свидетельствующий о достоверности произведенного экономического анализа.

Таким образом, проведение маркетинговых исследований — это постоянно осуществляемый процесс, направленный на адаптацию производства к требованиям рынка.

После проведения маркетинговых исследований и отбора ряда инновационных продуктов компании необходимо оценить возможную (максимальную) прибыль каждого из них. Для этой оценки нужно провести моделирование и оптимизацию инновационного процесса для каждого инновационного продукта. Причем, если тот или иной инновационный проект не является самым прибыльным в какой-то

момент, высока вероятность того, что по прошествии времени в результате изменения конъюнктуры рынка он станет востребован рынком и будет актуальным для финансирования.

Таким образом, возникает необходимость в создании информационной системы, позволяющей производить моделирование и оптимизацию инновационных процессов и определять возможную максимальную прибыль.

Система должна позволять отслеживать множество процессов, производить оптимизацию каждого из них при изменении внешних и внутренних факторов компании. Каждый инновационный процесс необходимо представить в виде математической модели, учитывающей как особенности разработки конкретной технологии (продукта), так и возможную прибыль от коммерциализации этой технологии. Нужно также создать модель внешней среды, что позволит производить оценку инновационных процессов не только на текущий момент, но и делать прогнозы на будущее.

Помимо внешних факторов модель также должна учитывать внутренние характеристики компании, внедряющей инновации, включая текущий технологический уровень для каждого инновационного продукта, предельный объем инвестиций и т. д.

Для оптимизации инновационный процесс можно представить в виде динамической модели, состоящей из трех процессов:

- изучение и оценка рынка потенциальных инноваций (получение набора характеристик, описывающих внешнюю среду для инновационного процесса);
- выбор возможного сценария для инновационного процесса и оптимизация времени коммерциализации;
- определение оптимального уровня инвестиций.

При исследовании рынка инноваций компании необходимо определить возможности конкурентов по коммерциализации конкретного инновационного продукта и получить основные показатели инновационного процесса.

Как правило, компания решает проблему оптимизации инвестиционной политики, базируясь на информации о времени коммерциализации и разнице между достигнутым запасом технологий и требуемым запасом для начала серийного производства.

Таким образом, обладая подобной информационной системой, компания может непрерывно проводить мониторинг инновационной составляющей рынка, моделировать и оптимизировать различные инновационные процессы и выбирать наиболее актуальные и прибыльные из них. Это позволяет адаптироваться к изменениям ситуации на рынке, оптимально расходовать средства на внедрение инноваций и получать преимущества в конкурентной борьбе.

И. В. Гордеева

НАУКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ И ВНЕНАУЧНЫЕ ИДЕИ

Развитие современного постиндустриального общества на основе всемерного использования потенциала, заключенного в прогрессе теоретического знания, — факт, не подлежащий сомнению. Превращение научных знаний в непосредственную производительную силу общества, невиданные ранее темпы научно-технического

прогресса изменили облик современного мира в большей степени, нежели политические и социально-экономические потрясения последних десятилетий. Экономика современных высокоразвитых стран Запада и Востока — это экономика общества, основанного на высоком интеллектуальном потенциале и наукоемких отраслях промышленности. Все это порождает спрос на знания, а формирование «класса интеллектуалов» стимулирует развитие системы высшего образования, ибо уровень интеллектуального развития начинает непосредственно определять материальное благосостояние.

В данной ситуации нельзя не вспомнить высказывание В. И. Вернадского о приоритетной роли научной мысли в преобразовании биосферы в ноосферное состояние и о невиданном ранее возрастании значения наук в общественной жизни всего человечества. Казалось бы, сбывается мечта сциентистов, и современной науке по силам осуществить ранее не разрешимую философией и религией задачу: сделать всех людей счастливыми. Тем не менее, реальность развеивает оптимистические иллюзии. В конце XX — начале XXI вв. одним из парадоксов развития человечества стал рост интереса к всевозможным паранаучным и антинаучным учениям. Повышенное внимание к всевозможным оккультным «наукам» в российских и зарубежных СМИ, художественной и претендующей на звание научно-популярной литературе, а также среди значительной части населения нельзя объяснить, исходя исключительно из гносеологических причин. Очевидно, что ситуация значительно сложнее и требует детального анализа. При этом не следует забывать, что развитие любой самоорганизующейся системы (а современный глобализирующийся мир, безусловно, является таковым) определяется синергетическим эффектом взаимодействия целого ряда фактов, причем некоторые из последних нередко упускаются из внимания в силу своей «незначительности». Таким образом, вызывающее серьезную и безосновательную тревогу кризисное состояние мировоззрения значительной части населения может являться результатом сочетания разнообразных и нередко взаимоисключающих причин и одновременно представлять серьезную угрозу для перспективы дальнейшего развития общества в целом.

Интерес к исследованиям современного противостояния научных (в первую очередь, естествознания) и лженаучных концепций неуклонно возрастает на протяжении последних 10 лет. Распоряжением Президиума РАН № 101003-500 от 11.11.1998 г. была создана Комиссия по борьбе с лженаукой. В работах В. С. Степина, В. Л. Гинзбурга, Э. П. Круглякова и др. нашел яркое и в достаточной мере полное отражение как драматизм современного состояния науки в России, так и возрастающее влияние антинаучных концепций на мировоззрение российского общества, включая государственные структуры. К сожалению, на взгляд автора данной работы, среди причин, вызвавших современный мировоззренческий кризис, фигурируют в основном гносеологические, а также социально-экономические. При этом за пределами внимания оказались как особенности национального мышления и культуры, так и изменения мира современной науки в целом.

Прежде чем анализировать специфический характер взаимоотношений научных и вненаучных концепций в современном мире, необходимо иметь четкое представление о соответствующей терминологии. Существует несколько дефиниций слова «наука», наиболее распространенными среди которых являются «сфера человеческой деятельности, функции которой состоят в выработке и системати-

зации объективных знаний о действительности», а также «форма духовной деятельности людей, направленная на производство знаний о природе, обществе и о самом познании, имеющая непосредственной целью постижение истины и открытие объективных законов на основе обобщения реальных фактов в их взаимосвязи, для того чтобы предвидеть тенденции развития действительности и способствовать ее изменению». В. И. Вернадский в качестве основных особенностей научного познания выделял: 1) обязательную эмпирическую проверяемость выводов; 2) активное использование математических методов исследования; 3) рациональность мышления, указывая, что «есть одно коренное явление, которое определяет научную мысль и отличает научные результаты и научные заключения... от утверждений философии и религии, — это общеобязательность и бесспорность правильно сделанных научных выводов, научных утверждений, понятий, заключений».

Что касается лженаучных концепций, то приходится констатировать, что, несмотря на ряд исследований в данной области, четких дефиниций понятия «лженаука», а также единой классификации учений, относящихся к данной сфере деятельности, не существует. Так, например, термины «лженаука», «антинаука», «псевдонаука» в одних случаях рассматриваются как синонимы, в других же исследованиях характеризуются как родственные, но все же самостоятельные понятия. В дальнейшем мы будем использовать наиболее распространенный термин «лженаука» как синоним псевдонаучного знания, понимая под ней совокупность учений, претендующих на статус науки, но не соответствующих критериям научного знания. Мистика, наряду с религией, мифологией, искусством, составляют самостоятельные сферы духовной культуры и не могут соответствовать критериям научного знания по определению, а также являться лженауками до тех пор, пока они сами не постулируют себя в качестве таковых, декларируя свою принадлежность к миру науки.

Доминирующая роль науки начинает проявляться в период позднего Возрождения и, несомненно, обусловлена потребностями практического развития общества, зарождения и развития капиталистических отношений и индустриальной цивилизации. XIX в. в истории Европы можно по праву охарактеризовать как период величайшего научного оптимизма, когда лозунг Ф. Бэкона «*Scientia potentia est*» получил реальное воплощение в жизнь, наука декларировалась в качестве величайшей человеческой ценности, «сама себе философия» (О. Конт), и с научно-техническим прогрессом связывались надежды на реализацию всеобщего счастья. Однако спустя 100 лет ситуация изменилась радикальным образом. Согласно данным социологического исследования, проведенного в странах Европы, 63,2% опрошенных полагают, что наука несет опасные знания, а около 80% утверждают, что ученые пренебрегают этикой в процессе исследования. Еще более парадоксальными выглядят результаты проекта, объединившего исследователей из 30 стран мира с целью выяснения отношения к науке современных 15-летних подростков. Данные опроса выявили обратно пропорциональную зависимость между уровнем экономико-технологического развития страны и взглядами учащихся на роль науки в обществе. Самые негативные оценки научной деятельности были выставлены в Японии, где большинство опрошенных полагают, что потенциальный вред от научных исследований превалирует над выгодой.

Таким образом, можно констатировать, что из воплощения надежд на всеобщее счастье научно-технический прогресс превратился в своего рода «пугало» совре-

менного постиндустриального общества, что обусловлено очередным мировоззренческим кризисом цивилизации. Пессимистические взгляды на современное развитие преобладают не только в слаборазвитых, но и процветающих странах, средства массовой информации привычно оценивают международные события в терминах катастроф». В подобной ситуации становятся привычными всевозможные апокалиптические сценарии и прогнозы развития человечества. Чаще всего катастрофические сценарии связывают с 1) возможностью применения оружия массового поражения (ядерного, химического, бактериального) как в мировой войне, так и локальными террористическими группами; 2) полной модификацией природы человека и превращения последнего в некоего киборга и 3) экологическим кризисом цивилизации. В любом случае в происходящем обвиняют в первую очередь науку, которая, снабдив человечество средствами к самоуничтожению, не смогла обеспечить его духовный прогресс и, кроме того, не в состоянии представить какие-либо точные прогнозы на будущее. Следовательно, в глазах населения наука утрачивает одну из важнейших — прогностическую функцию знания.

Следующая причина изменения отношения к научным исследованиям отражена Ш. Л. Глэшоу в символическом заглавии «Физика элементарных частиц как бесполезная трата времени и денег». Затраты на научные исследования в высокоразвитых государствах сопоставимы с годовыми бюджетами некоторых регионов. Но если прикладная наука на 60–85% финансируется из различных фондов и заказчиками, заинтересованными в разработке той или иной темы, т. е. существует за счет большого бизнеса, то фундаментальные исследования осуществляются, в первую очередь, за счет государственного бюджета, следовательно, в конечном счете, на деньги налогоплательщиков. Современное общество потребления, ориентированное на существование «здесь и сейчас» не заинтересовано в накоплении «бесполезных» теоретических знаний для гипотетических потомков. Концепции происхождения Вселенной и множественности миров, строения черных дыр и зарождения земной жизни представляют интерес для далеких от науки людей до тех пор, пока это не выражается в конкретных суммах финансовых затрат. Выбор же бизнесменов, если существует дилемма между серьезным исследованием, обещающим конкретный результат через 5–10 лет и чудо-технологией, гарантирующей «КПД от 300 до 500%», зачастую оказывается отнюдь не в пользу традиционной науки.

XX в. можно по праву назвать периодом научных революций, приведших к смене естественнонаучной парадигмы и формированию принципиально новой науки неоклассического и постнеоклассического типа, не соответствующей ряду критериев научного знания, перечисленных выше. Речь идет не только об утрате наглядности, наблюдаемой в квантовой механике, где любая картина атома, которую можно нарисовать на основе наших представлений о нем, будет ошибочной. Помимо этого, многие современные научные концепции принципиально не доказуемы даже косвенными методами, следовательно, к ним невозможно применение важнейших принципов верификации и фальсификации, лежащих в основе достоверного научного знания. Следовательно, научное знание сближается с религиозным, где главным критерием истинности является вера. Таким образом, с точки зрения неспециалиста размывается граница между наукой, мистикой и религией, что неоднократно отмечали и сами исследователи. Наука, ищущая ответы на загадки мироздания в мистической сфере, перестает быть наукой в традиционном смысле

этого слова. В этой связи совершенно логичным выглядит высказывание Ф. Капры о том, что уравнения современной квантовой механики сродни восточным мантрам и также непонятны неспециалисту.

Одно из неизбежных следствий перехода современной цивилизации в постиндустриальную и информационную стадию — изменение представлений о цели, содержании и критериях качества образования. Тенденция к интеграции ряда европейских стран в единое образовательное пространство является результатом происходящих в современном мире стремительных и необратимых процессов глобализации. Целью реформирования европейского образования становится повышение его конкурентоспособности на мировом рынке образовательных услуг. Высшее образование, являвшееся еще недавно элитарным, постепенно становится массовым, почти обязательным для успешной карьеры в любой сфере деятельности, профессионально ориентированным.

Соответственно, изменяются и требования к уровню и характеру предлагаемых образовательных услуг: из фундаментального образование превращается в прикладное, нацеленное на решение конкретных практических задач. Высшее образование становится непременным условием жизненного успеха, а знания превращаются в товар, качество которого предстоит оценивать потребителю. В этой связи реформы высшего образования, осуществляемые в современном мире, нацелены именно на ориентацию вузов в сторону подготовки специалистов в сфере конкретной практической деятельности при одновременном снижении удельного веса фундаментальных дисциплин в учебных программах. Лауреат Нобелевской премии Ш. Э. Глэшоу писал: «Я получил образование в системе бесплатных средних школ Нью-Йорка. Государственные экзамены требовали серьезной, обстоятельной и стандартной учебной программы. Сегодня подобное тестирование популярностью не пользуется. Важно самовыражение, а грамматика и история — дело десятое» [3, с. 318]. Эту мысль разделял известный астрофизик К. Саган: «В наши дни на Западе купить астрологический журнал можно в любом киоске. Гораздо труднее найти издание по астрономии» [7, с. 425]. Подобная картина наблюдается и в России. Не имея базовых знаний по основным естественнонаучным дисциплинам потенциальный предприниматель не в состоянии отличить научные от лженаучных идей, а также оценить перспективы той или иной научной разработки и нередко отвергает мир науки. Академик РАН Г. А. Месяц отмечает: «В Америке, например, труд ученого не считается престижным. Там в бизнесе можно заработать гораздо больше. Поэтому черновой работой в науке занимаются в основном приезжие» [6, с. 214].

Российского учащегося отличает, во-первых, большая любознательность и интерес ко всему необычному, выходящему за рамки привычной науки, во-вторых, отсутствие критического мышления и умения анализировать полученную информацию. Причины данной особенности заключаются не только в авторитарном стиле педагогики, практиковавшейся в прошлом страны, но и в отсутствии длительных традиций университетского образования в России в целом.

С целью выяснения распространенности некоторых лженаучных идей среди учащихся студентам первого курса ряда факультетов УрГЭУ были предложены анонимные анкеты, вопросы в которых отражали различные аспекты взаимодействия науки, лженауки и общества. Всего в анкетировании приняло участие 500 человек. Ниже приведены обработанные данные по ряду выборочных вопросов (табл. 1–2).

Таблица 1

Какие из перечисленных концепций, на ваш взгляд, можно отнести к лженаучным (антинаучным)?	Ответы учащихся, %
Возможность построения вечного двигателя	34,1
Теорию эволюции Ч. Дарвина	10,0
Теорию относительности А. Эйнштейна	3,2
Возможность существования внеземных форм жизни и разума	16,8
Возможность предсказания по положению небесных тел судьбы и будущих событий	54,3
Существования у ряда людей паранормальных способностей (чтение мыслей и пр.)	34,7

Характерно, что только 34,1% учащихся считают возможность построения вечного двигателя лженаучной концепцией, что свидетельствует о явной потребности в корректировке школьных программ по физике. Тот факт, что только 3,2% анкетированных отнесли к лженаучным теорию относительности, не должно вызывать особых иллюзий, т. к. большинство учащихся экономического вуза просто не знакомо с данной концепцией и поэтому не имеет о ней собственного мнения. Что касается 10% учащихся, охарактеризовавших как лженаучную теорию эволюции, то данный факт можно рассматривать как повод для сдержанного оптимизма, т. к. в условиях стремительно развивающейся атаки на дарвинизм со стороны креационистов, и создателей «новых концепций мироздания» результат мог быть гораздо хуже хотя бы потому, что эволюционная теория изучается в школьном курсе биологии и учащиеся имеют возможность дать ей соответствующую оценку.

Таблица 2

С какими понятиями у вас ассоциируется слово «наука»?	Ответы учащихся, %
Достоверность знаний	75,2
Прогресс	73,1
Опасность	1,2
Скука	3,4
Интерес	27,9
Противоречивость	20,0
Непонятность	7,4
Ненужность	0

Результаты ответов на данный вопрос вызывают более всего оптимизма. Во-первых, важно, что ни у одного из опрошенных не возникло сомнения в ненужности науки как таковой. Во-вторых, только 1,2% учащихся выразили своего рода опасения перед научными исследованиями. Чаще всего понятие «наука» ассоциируется со словом прогресс, а также достоверность знаний (таким образом, принцип верификации интуитивно используется учащимися). Характерно также, что ассоциация со словом интерес применительно к науке применяется приблизительно в 9 раз чаще, чем со словом скука. Принципиально важно, что в опросе участвовали студенты экономического вуза, большинство из которых

в перспективе ориентируется не на научные исследования, а на деятельность в сфере бизнеса. Тем не менее, значительная часть из них проявляет заинтересованность в научных исследованиях пока в качестве наблюдателей, но в будущем, возможно, потенциальных спонсоров отечественной науки, развивающих свой бизнес на основе интеллектуального капитала. Современная российская молодежь, несмотря на обвинения в прагматизме и скептицизме, в большинстве своем готова к восприятию научных достижений и относится к ним с интересом. Мир вступил в новую фазу своего развития, когда главным богатством страны становится не природно-ресурсный потенциал, а интеллект нации, рынок идей и высоких технологий приносит максимальную прибыль. Очевидно, что в ближайшие десятилетия наука сохранит лидирующее положение в обществе, выполняя как рыночные, так и мировоззренческие и социальные функции. Важно, чтобы лженаучные идеи не подорвали авторитет науки, а вместе с ним и социально-экономический базис общества, следовательно, необходим взвешенный анализ как причин возникновения, так и возможных последствий развития данных концепций.

Литература

1. Берков В. Ф. *Философия и методология науки*. М., 2004.
2. Вернадский В. И. *Биосфера и ноосфера*. М., 2002.
3. Глэшоу Ш. Л. *Очарование физики*. Ижевск, 2002.
4. Капра Ф. *Дао физики*. К., 2002.
5. Кара-Мурза С. Г. *Идеология и мать ее наука*. М., 2002.
6. Кохановский В. П. *Философия и методология науки*. Ростов н/Д, 1999.
7. Месяц Г. А. *Спасти науку*. М., 2000.
8. Саган К. *Космос: эволюция Вселенной, жизни и цивилизации*. СПб., 2004.
9. Лебедев А. С. *Философия естественных наук*. М., 2006.

Р. А. Данакари

О РОЛИ НАУКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ

Формирование «общества знания», создание инновационной экономики, решение актуальных задач политической модернизации целиком и полностью опирается на науку и приращение научного знания, использование российского и мирового опыта. Однако современное социокультурное бытие России удивительным образом носит парадоксальный характер. Оно одновременно включает огульную критику и неприятие научной рациональности, веру в иррациональное и мистическое, религиозные догмы, веру в «чудеса» и «тайны», легенды, мифы и символы.

Сегодня востребованность науки и научных принципов, подходов анализа социальной реальности не вызывает сомнений, но она наталкивается не только на равнодушие, но и стремление различных социальных и профессиональных групп, околонучных кругов «развенчать» науку, признать ее не только бесплодной, но и вредной для общества. Разработка и реализация стратегий, национальных проектов, социальных программ без реальной поддержки научных коллективов, ученых различных направлений и школ превращается в простую декларацию и бесперспективное занятие.

Решение задач политической модернизации, поиск основных детерминант гражданского общества, развитие систем государственного управления и местного самоуправления невозможно без объективного научного исследования происходящих в государстве и социуме объективных процессов.

Для науки актуальным становится выявление главных констант политической модернизации, определение неразрывно связанных с ней детерминант развития гражданского общества и интегральных характеристик национального бытия.

1. Становление и развитие рыночных отношений коренным образом изменило общественное бытие российского общества. Однако научный анализ показывает, что современный социально-экономический кризис не внес значительных изменений в содержание высоких материальных и духовных притязаний граждан. Многие россияне привыкли опираться только на собственные силы, проявляют активность, инициативу, демонстрируют высокий уровень жизненных притязаний и готовность к их достижению. Сегодня в нашем обществе сформирован высокий запрос на новое качество жизни, направленной на личностную самореализацию с формированием ответственности и социальной солидарности, ценностей доверия.

2. Главная претензия к существующей в стране политической системе заключается в отсутствии желания или неспособности государственной власти или ее бюрократии обеспечить: во-первых, реализацию подлинных политических прав на местах, что показывает выборные кампании и избирательная практика, отсутствие в них объективности и состязательности, широкое использование манипуляционных технологий, административного ресурса, игнорирование мнения оппозиции. Во-вторых, защиту социально-экономических прав огромного количества граждан страны, желающих честно работать и зарабатывать, жить достойно; в-третьих, гарантировать приоритетность права, верховенство закона, законность и правопорядок в стране.

3. Как показывает исторический опыт многих европейских стран, становление и развитие демократии, успехи политической модернизации были обеспечены в результате круглого стола между основными политическими партиями и оппозиционными силами. Совместная разработка основных вопросов стратегического развития государства и социума, наличие общенациональной программы выхода из кризиса, поддержка со стороны подавляющего большинства населения помогли сформировать в них как эффективно функционирующую политическую систему, так и реально действующее гражданское общество.

4. Сегодня значительная часть политической и экономической элиты России во многом исключительно эгоистически и крайне прагматически понимает идеалы и ценности демократии. Формально настаивая на приоритетности демократических принципов многопартийности, политической конкуренции, свободе печати, незыблемости прав собственности, она фактически игнорирует мнение не только оппозиции, но и большинства общества. Словом, речь идет только о применении классической ее модели, ограниченной, в основном, сферой политических отношений и выборных кампаний, т. е. формализацией избирательных процедур и правил. Как известно, существует высокий уровень корреляции между социальными завоеваниями трудящихся и стремлением общества к демократии. Уже второе десятилетие граждане России мечтают жить в демократической стране и пользоваться плодами

социального государства, что невозможно без подлинной демократии, т. е. наличия реальных рычагов влияния на деятельность всех ветвей власти.

5. Современное российское общество характеризуется низким уровнем политической активности и социальной мобильности граждан. В этих условиях в числе актуальных оказываются задачи: во-первых, по объективному анализу и постижению формально существующих структур, во-вторых, реконструкции и формированию реального действующего гражданского общества; в-третьих, трансформации не только политических, но и общественных институтов; в-четвертых, четкому определению общенациональной идеологии, общезначимых целей; в-пятых, творческое отношение к прежней культуре, ценностям, традициям. Словом, решение перечисленных задач предполагает новую их институционализацию, выявление оптимальных путей взаимодействия между государством, бизнесом и социумом как реальной триадой и основой нормального и устойчивого функционирования демократического общества.

6. Политическая модернизация неразрывно связана с процессами реальной демократизации общества. Как известно, появившись в античную эпоху, феномен демократии за несколько тысячелетий претерпел значительную трансформацию и сегодня имеет разные интерпретации, часто противоречащие друг другу. Однако неизменными остаются классические идеи демократии, ценности, ключевые характеристики. Большинство граждан страны по-прежнему демократию рассматривают как эффективно функционирующую систему народовластия, в основе которой лежит идея общего блага. В результате политика приобретает истинное свое предназначение, способствует реализации человеком высшего смысла жизни. Как и всегда, эффективность политики определяется степенью влияния демократических институтов на деятельность властей, динамикой уровня и качества жизни, социальной защищенностью граждан, реальным обеспечением личных и коллективных прав и свобод граждан.

7. Радикальные реформы 90-х гг. XX в., демонтаж советской системы и движение к демократии, в основном, завершилось свертыванием ее социальных основ. Абсолютизация политических прав и свобод привела к игнорированию социальных прав и гарантий граждан. Любые разговоры на социальную проблематику рассматривались как призыв к тоталитаризму, возвращение к этатизму и патернализму. Сегодня одним из основных детерминантов гражданского общества является наличие устойчиво сформированного и активно функционирующего среднего класса, который у нас отсутствует. Во многом оно связано с уменьшением роли и значения социальной сферы в системе реформирования, особенно науки и образования, отчуждением интеллигенции от рыночных реформ и неприятием им существующих форм демократических преобразований. Поэтому приоритетными становятся задачи: во-первых, обеспечения неразрывной связи государственной политики модернизации экономики с решением проблем социальной сферы; во-вторых, развития механизма социальной мобильности и создания системы конкурентоспособности.

8. Развитие гражданского общества и местного самоуправления актуализирует необходимость реализации идей партиципаторной демократии на практике, что предполагает широкое развитие процессов экономической демократии, превращение десятков миллионов граждан страны не просто в акционеров крупных и

средних компаний, а в активных субъектов производственных отношений. Следует также использовать огромный опыт развитых западных стран, различные формы легального давления на федеральную и региональную власть.

9. На современном этапе развития российского общества не менее актуальной стала проблема политического и правового противодействия экспансионизму и эксплуататорским амбициям крупного бизнеса посредством легальных демократических институтов, акций протеста, с помощью профсоюзов, средств массовой информации, обращения к представительной власти. Перед государством стоит задача по снятию негатива и налаживанию нормальных отношений между бизнесом и обществом, разработка мер по укреплению доверия и тесного взаимодействия между данными субъектами. Как показывает мировой опыт, сращивание бизнеса и власти и его прямое участие во власти оказывает отрицательное влияние на политическую жизнь, угрожает бытию самого государства и его демократическим институтам. За годы реформ российский крупный бизнес, как консервативная и конформистская структура, создал жесткую авторитарную систему производственных отношений, продолжает отвергать принципы экономической демократии и не допускает деятельность профсоюзных организаций.

10. Отсутствие государственной идеологии, недостаточная очевидность общенациональных целей и общезначимых ценностей привели к мировоззренческому и моральному кризису общества, поразили ее активную часть, в том числе и молодежь, способствовали падению интереса к политике, к тому, что происходит за пределами непосредственной среды обитания каждого человека. Политическая модернизация не может быть успешной, если разные социальные сообщества, национально-этнические, профессиональные и другие группы населения расколоты, находятся в шоке и не видят перспектив будущего. Политическая элита, овладевшая всеми механизмами электоральной поддержки, накопившая значительный опыт манипуляционных технологий, часто игнорирует общественные интересы, нередко действует в угоду крупному бизнесу.

11. Несмотря на наличие огромного количества проблем, россияне демонстрируют сравнительно высокий уровень включенности в решение тех или иных вопросов, с которыми они сталкиваются в своем непосредственном окружении. Широко распространены такие гражданские инициативы, как движение автомобилистов, обманутых пайщиков и дольщиков жилищных пирамид, правда, носящих пока спонтанный, но относительно эффективный и организованный характер. Такие формы участия, в отличие от политики, не требуют каких-то существенных материальных и организационных затрат, однако востребованы, прежде всего, активной дееспособной частью общества. Они позволяют решать конкретные социальные и материальные проблемы людей, а главное, стимулируют людей к диалогу, коммуникации и единству, создают предпосылки для формирования коллективной идентичности и общенациональных целей, социокультурных ценностей, открывают реальные перспективы универсализации основ социального бытия. Реальная демократия предполагает также постоянное и широкое обсуждение, дискуссию всех важных и актуальных для общества и государства проблем, активное участие граждан в делах страны, региона, города, района, села.

12. За последние годы продолжается раскол и расслоение российского общества по различным признакам, в нем идут негативные процессы сегментации

и фрагментации общенационального бытия. Общероссийская идентичность размывается все более возрастающей религиозной и этнической идентичностью. Вместо единства, культурное многообразие постепенно приобретает характер взаимной отчужденности и несовместимости. Современный россиянин, слабо зная родной язык, свою историю, культуру, традиции, наполняет свою самость негативным смыслом. Утверждение собственной идентичности осуществляется не через постижение уникальности этнической жизни и специфики культуры, а через неприятие цивилизационных особенностей других народов, а также стремление осмыслить их по принципу противопоставления «свой — чужой». Одновременно тревожной становится тенденция «свертывания» общего поля публичной политики, дискуссий о насущных проблемах и перспективах жизни государства и общества.

Подводя итоги, отметим, что в числе основных задач политической модернизации России — подлинная демократизация общества, реальное развитие разнообразных форм коллективной интеграции, самозащиты и самоорганизации граждан. Огромное количество социальных и этнических групп, несмотря на многообразие и специфические экономические, политические и культурные интересы, в состоянии оказывать решающее влияние на формирование уникальной российской нации. Базовые структуры гражданского общества могут заложить основы интегрального единства многонационального российского общества, обеспечить широкое участие людей в процессах модернизации политической и общественной жизни, которые адекватны ожиданиям и настроениям подавляющего большинства населения России как уникальной евразийской цивилизации.

*М. Г. Дмитриев, Л. Т. Усенова,
К. Х. Шарафитдинова*

НАУКА И ОБЩЕНИЕ: ПОНИМАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ И АГРЕССИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ

В процессе общения за счет невербальных средств человек получает до 90% полезной информации

Для достижения целей общения важно правильно ориентироваться в истинных намерениях того, с кем общаешься. Это либо способствует, либо препятствует социально-психологической адаптации человека. И здесь незаменимыми становятся знания в области невербального общения как индикатора завуалированных целей собеседника. Однако не смотря на наличие множества публикаций по проблематике невербального общения, до сих пор остаются малоосвещенными вопросы, касающиеся влияния данного общения на агрессивность подростков и его межличностные отношения и адаптацию в коллективе.

В связи с существенным влиянием невербальных знаков на поведение человека и эффективность межличностного общения **целью нашего исследования** являлась оценка влияния понимания невербальных стимулов на агрессивность подростков и их адаптацию в межличностных отношениях.

Гипотеза исследования — невербальное общение оказывает существенное влияние на межличностные отношения подростков и их адаптацию.

Предмет исследования — особенности невербального общения, агрессивность и адаптивность подростков.

Объект исследования — 80 подростков ГОУ «Новое поколение» в возрасте 14–20 лет.

Основные задачи исследования:

- анализ литературы по анализируемой проблематике;
- изучение особенностей невербального общения и индивидуального поведения человека;
- оценка влияния невербального общения на агрессивность подростков и их адаптацию в межличностных отношениях;
- обоснование основных направлений совершенствования эффективности межличностного общения в подростковой среде в целях предупреждения у них возникновения дезадаптационных расстройств.

Для получения первичного материала использовались методики, позволяющие оценивать агрессивность подростков (методика А. Баса — А. Дарки), характеристику поз человека как знаков невербального общения (методика Е. Горевой), а также экспертные оценки по адаптированности поведения подростков в межличностном общении.

Всего было обследовано 80 подростков ГОУ «Новое поколение»; из них — 40 хорошо ориентировались в невербальных стимулах, и 40 — плохо, что способствовало дезадаптации их поведения в межличностном общении.

Для статистической обработки исходных данных, полученных в ходе проведения исследования, использовался комплекс одномерных (расчет параметров вариации признаков (среднее арифметическое значение, стандартная ошибка среднего значения, стандартное отклонение, *t*-критерия Стьюдента) и многомерных (корреляционный анализ) методов анализа данных.

Полученные нами данные позволили выявить следующие особенности.

Оказалось, что по мере ухудшения адаптации подростков снижается точность восприятия ими поз, несущих невербальную информацию об эмоциональном состоянии другого, с кем им приходится общаться.

Учитывая, что агрессивность является одной из интегральных характеристик, оказывающих существенное влияние на протекание адаптации человека, нами осуществлялась оценка распространенности готовности подростков использовать различные варианты агрессивного поведения в межличностном отношении.

При этом выяснилось, что в группе хорошо адаптированных подростков в межличностном общении готовность к различным видам агрессии была следующая: вербальная агрессия — 25%, физическая агрессия — 3%, предметная агрессия — 10%, эмоциональная агрессия — 21%, самоагрессия — 10%; в группе же плохо адаптирующихся подростков картина была несколько иная: готовность использовать тот или иной вариант агрессии была следующая: вербальная агрессия — 49%, физическая агрессия — 15%, предметная агрессия — 15%, эмоциональная агрессия — 35%, самоагрессия — 15%.

То есть в целом у плохо адаптирующихся подростков отмечается более высокая готовность использовать агрессивное поведение в межличностном взаимодействии, что влечет за собой нарушение их адаптации.

Нами с целью определения информативности показателей, по которым отличаются подростки с различной адаптированностью, в том числе и в межличностном общении, проводился расчет параметров вариации показателей методик для оценки агрессивности человека (методика А. Баса — А. Дарки) с вычислением средних арифметических значений и средней квадратической ошибки с последующим анализом значимости различий между ними по *t*-критерию Стьюдента.

При этом оказалось, что в группе подростков с высокой адаптированностью в межличностном общении, по сравнению с подростками из противоположной группы по данному качеству, отмечаются значимо более низкие показатели по шкалам вербальной, физической и предметной агрессии ($p < 0,05$).

То есть подростки, хорошо адаптированные в межличностном общении, достаточно точно и адекватно понимающие невербальные стимулы в виде тех или иных поз в процессе общения, характеризуются следующими качествами:

- меньше вербально, словами, выражает свое агрессивное отношение к другому человеку, употребляет словесные оскорбления;
- менее склонны физически выражать свою агрессию по отношению к другому человеку и применять грубую физическую силу;
- не склонны срывать свою агрессию на окружающих предметах.

С целью оценки взаимосвязи показателей и оценки влияния понимания невербальных стимулов на агрессивность поведения нами проводился корреляционный анализ, позволивший выявить следующую картину.

Оказалось, что понимание невербальных стимулов имеет прямые значимые взаимосвязи со всеми видами агрессии ($p < 0,05$), что свидетельствует о существенном влиянии понимания невербальных знаков на поведение человека и его адаптацию в межличностных связях, т. к. агрессивность, по общепризнанному мнению в психологических исследованиях, является признаком дезадаптации.

Таким образом, восприятие партнера по межличностному общению на основе правильного восприятия невербальных стимулов способствует оптимизации общения в подростковой среде и способствует повышению его эффективности и профилактики возникновения у них дезадаптации.

А. В. Заугольников

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

Статья написана в рамках госбюджетного научного проекта Министерства образования и науки РФ № 3.1.2/6023 и ставит своей целью дать краткий обзор зарубежных методов обучения, способствующих развитию научно-исследовательского потенциала учащихся образовательных учреждений разного уровня.

В современном обществе знания одна из важнейших компетенций человека — это умение «учиться», и связано это с тем, что новые технологии повсеместно ускоряют создание и распространение знаний. Обучение становится ключевой ценностью [5]. Важное значение приобретает способность ориентироваться в потоке информации,

когнитивные способности, критический ум, позволяющий отличать полезную информацию от бесполезной, т. е. способность к научно-исследовательской работе.

Научно-исследовательский потенциал — это способность и стремление к творческой и исследовательской деятельности, позволяющие учащемуся самостоятельно осваивать, перерабатывать предлагаемые идеи, теоретические и практические задачи, знания, а также применяемые учащимися методы, позволяющие использовать полученные и освоенные знания для принятия собственных нетиповых решений в русле актуальных исследований или проектирования.

Отметим, что для нас ключевым в формулировке исследовательского и научного потенциала выступает понятие метода. На наш взгляд, подход (метод) к новым накопленным знаниям и новой информации обычно определяется путем, которым человек в самом начале шел к знаниям, еще не имея их. Поэтому столь важно формирование метода обработки и анализа информации в современном обществе знания, начиная с детства.

За рубежом целью развития научно-исследовательского потенциала учащихся стоит в первую очередь перед системой высшего образования: «...исследования, проведенные в Германии, показывают, что если способности и навыки к самостоятельному труду не прививаются систематически на начальном этапе обучения в вузе, то студенты не смогут в фазе непосредственного включения в научное исследование полностью применить и использовать свои возможности» [2, с. 114]. Данная образовательная ориентация заложена еще в эпоху романтизма Вильгельмом фон Гумбольдтом, который занимал пост тайного советника министерства внутренних дел Пруссии [3, с. 160].

Университетская реформа Гумбольдта позволила выдвинуть на первый план исследовательскую деятельность — в этой ситуации профессор был в первую очередь ученым, а потом уже преподавателем. Соответственно, у преподавателя был опыт ученого, который он мог передать и передавал учащимся.

Такое отношение к научно-исследовательской деятельности студентов позволяет искать новые пути в развитии и стимулировании научно-исследовательского потенциала учащихся. В высшей школе за рубежом применяют такие методы развития научного мышления, как «метод проектов», анализ конкретных ситуаций (case-study), групповая дискуссия, метод мозгового штурма (brainstorming). Кратко остановимся на том, какие научно-исследовательские навыки развивают эти методы обучения.

«Метод проектов» ставит своей целью формировать и развивать критическое и творческое мышление учащихся. Данный метод предполагает проблемную постановку вопроса, самостоятельное решение задачи и презентацию достигнутых результатов.

Метод «анализ конкретных ситуаций» призван развивать аналитические способности, навык правильного использования информации, а также ставит своей целью вырабатывать самостоятельность и инициативность студентов. При использовании этого метода организовывается активная познавательная деятельность обучающихся.

Метод «групповой дискуссии» ставит целью научить четко выражать мысли, отстаивать свою точку зрения, аргументированно высказывать возражения, умению опровергать ошибочную позицию. Данный метод развивает способность диалогического общения участников обучения.

Метод «мозгового штурма» ставит целью произвести генерацию идей и одновременно, путем введения эксперта, осуществить критический анализ сгенерированных идей. Данный метод позволяет обучить студентов умению сформулировать проблему, имеющую неординарное решение, и развить способности генерировать идеи и гипотезы.

Однако некоторые из указанных методов (особенно это касается метода проектов) применяются не только в вузах, но и в школах. На сегодняшний день существуют технологии развития творческих и исследовательских способностей детей даже в дошкольных учебных заведениях, например монтессори-педагогика и вальдорфская школа. Коротко рассмотрим школьные и дошкольные развивающие технологии.

Вальдорфская школа получила свое название от фабрики «Вальдорф». В рамках этой школы душа считается божественным началом. И поскольку человек приходит на землю с определенной миссией, задача школы — помочь ребенку проявить свою душу и выполнить свое предназначение.

Основные положения вальдорфской педагогики можно свести к следующим положениям: природосообразность, свободное воспитание и обучение, воспитание и обучение приспосабливается к ребенку, приоритет воспитания, культ здоровья и творчества, подражание в качестве средства обучения, синтез европейской и восточной культур, единство развития интеллекта, духовных качеств и трудовых навыков, школа одного учителя, одна жизнь для педагога и ученика, школа для всех.

Целью вальдорфской педагогики является задача сформировать целостную и гармоничную личность. Это возможно благодаря акценту на самореализацию, самоопределение и индивидуальную ответственность. Для данной системы характерна возможность сопоставить результаты образования с традиционной системой.

Монтессори-школа: Мария Монтессори получила первоначально образование врача и работала с детьми, имеющими ограниченные возможности. Наблюдая за такими ребятами, она предположила, что их состояние связано не столько с заболеванием, сколько с отсутствием возможности развиваться — ими никто не занимался и не пытался давать образование. В своей педагогической практике Мария Монтессори реализовала идеи свободной педагогики и выдвинула идею раннего развития. Она предположила, что детям нужна развивающая среда, которая будет стимулировать процесс саморазвития. Результаты ее педагогической деятельности были ошеломительными, и данная педагогическая система получила широкое распространение по всему миру.

Целью данной системы можно считать раскрытие самостоятельности и всестороннее развитие.

Образовательные технологии данной школы базируются на идее о возможности саморазвития ребенка при условии создания развивающей среды. В разном возрасте у детей проявляется особая чувствительность к тому или иному образовательному материалу. Так, можно выделить периоды:

- **до 3 лет** свойственна предметно-чувственная ориентация, особая чувствительность (сензитивность) к способу расположения предметов в пространстве;
- **от 3 до 6 лет** развивается наглядно-образное мышление, для этого возраста свойственна особая чувствительность к речи и языку;
- **от 6 до 9 лет** осваиваются абстрактные действия, характерна сензитивность к социализации;

- *после 9 лет* происходит завершение начального периода школы и для следующих этапов характерна самостоятельность.

По мнению Марии Монтессори, до 5 лет ребенок строит сам себя. Очень важно на данном этапе развивать моторные и сенсорные чувства и умения. После 5 лет развивается сознание, ребенок проявляет исследовательские качества. К 8 годам происходит становление исследовательского интереса к тексту. Исходя из этих особенностей возраста, детям предлагается различная педагогическая развивающая среда.

Дальтон-план-школа: Хелен Паркхерст в США (г. Дальтон) в 1920 г. на основе идей М. Монтессори организовала школу, которую принято называть «дальтон-план-школа».

Основным принципом организации является свобода, самостоятельность и сотрудничество. Основная задача Хелен Паркхерст была в том, чтобы привлечь ребят к организации обучения. Дети сами составляли план обучения на неделю. Таким образом, индивидуальный план стал средством самоконтроля и саморефлексии. Помимо этого у ребят есть возможность выбрать различный темп обучения.

В данной школе могут быть как группы одного возраста, так и разновозрастные группы. Дети получают возможность планировать свою учебную деятельность, самостоятельно ставить цели, совершать выбор, творчески мыслить, работать в группе и распределять обязанности. Дети свободно планируют свое время, выбирают порядок выполнения заданий, организуют общение друг с другом. Задача учителя в данной школе состоит в формировании доброжелательной, доверительной и активной атмосферы. Учитель формирует как учебные навыки, так и социальные.

Основная дидактическая единица этой школы — это задача или задание. Ведется строгий учет по выполнению каждым учеником заданий. Учеба начинается с «круга», на котором обсуждаются планы учащихся на день, старшие школьники планируют свою деятельность на более длительный срок. Таким образом, каждый может составить индивидуальный план обучения. По каждому предмету есть три уровня обучения (минимальный, средний и развернутый) и три темпа прохождения программы (медленный, средний и быстрый).

Йена-план-школа: германский профессор П. Петерсен внедрил в экспериментальной школе при Йенском университете в 1924 г. новую модель образования. В основе данной модели лежат следующие принципы: уважение к личности, признание уникальности каждого человека; организация школы по принципу самоуправления; создание гармоничных групп, которые развивают индивидуальность; процесс обучения строится на базе четырех видов деятельности: игры, диалога, обучения, праздника; оценка достижений учащихся с точки зрения его индивидуального развития

С точки зрения П. Петерсена, школа должна превратиться в школьную общину, где все участники должны относиться друг к другу как братья. Форма контроля вводится в виде патронажа старших над младшими. В школе нет четкого деления на перемены и уроки — учащиеся могут свободно передвигаться в пространстве школы и обращаться друг к другу. В данной школе отсутствует понятие классической школьной отметки. Широко практикуется учет, самоучет, самооценка. В конце года педагоги предлагают одну оценку для обсуждения в группе и другую — объективную оценку для родителей.

Управление школой находится в руках комитета из родителей и учителей. Указанный комитет планирует работу, организывает школьные мероприятия, решает вопросы хозяйственной деятельности. В педагогической системе Йена-план родители принимают активное участие, вплоть до того, что руководят творческими мастерскими.

Для данной школьной системы характерны гетерогенные по возрасту группы: младшую, среднюю и старшую. Помимо основных групп, организованных для работы по учебной деятельности, есть подгруппы, которые возникают месяца на три по интересам.

Для группы детей предполагается два работающих учителя. Роль учителя в системе йена-план синтезирует две крайности. П. Петерсен резко критиковал как авторитарную позицию учителя в традиционной школе, так и служебную роль в альтернативных системах образования.

Школьный день начинается с планирования, ребята говорят о своих проблемах, задают вопросы и получают задания сразу по всем предметам. Получают время на самостоятельную подготовку, и каждый работает в своем ритме и осваивает индивидуальный объем знаний. Старшие ребята получают задание на неделю. Если ребята выполняют свой план раньше, они могут выбрать себе дополнительное задание. В понедельник планируется неделя, в пятницу подводятся итоги.

Неотъемлемой частью этой педагогической системы является система праздников, которые проводятся обязательно раз в 2 недели (это ярмарки) и раз в год устраивается очень большой праздник.

В педагогической системе йена-план приоритет принадлежит воспитанию. Одной из основных целей является необходимость дать детям разностороннее представление об изучаемой теме. Конечная цель начального образования — обучить чтению, письму, счету и поиску новой информации с опорой на приобретенные знания.

Более наглядно развитие научно-исследовательских навыков зарубежными технологиями в школе и в вузе можно отразить в виде таблицы.

Таблица 1

**Составляющие научно-исследовательского потенциала
в зарубежных образовательных технологиях**

Составляющая научно-исследовательского потенциала	Школа	Вуз
Диалогическое общение	йена-план-школа	метод групповой дискуссии
Самостоятельность мышления	метод проектов, дальгон-план-школа, монтессори-школа, вальдорфская педагогика	метод, анализ конкретных ситуаций
Решение проблемной ситуации	метод проектов, йена-план-школа	метод проектов, метод мозгового штурма, метод групповой дискуссии
Целенаправленное развитие творческого мышления	метод проектов, вальдорфская школа	метод проектов

Глядя на применяемые методы и технологии в зарубежном альтернативном образовании мы можем сделать вывод о том, что только метод проектов применяется как в высшем профессиональном образовании, так и в школьном. Данный факт доказывает то, что метод проектов является наиболее предпочтительным методом в образовании учащихся как в системе высшего образования, так и в системе дополнительного образования. Метод проектов служит своего рода связующим звеном между школой и вузом и может послужить основой для интеграции вузовских программ в дошкольное образование.

Литература

1. *Бондаренко Е. Н.* Технологии и методы обучения студентов в зарубежном педагогическом вузе. // Высшее образование в России. 2009. № 6. С. 132–138.
2. *Курганов А. В.* Опыт реформирования готовности студентов к исследовательской деятельности на примере стран Европы // Казанский педагогический журнал. 2006. № 2. С. 114–119.
3. *Мотрошилова Н. В.* Социально-исторические корни немецкой классической философии. М., 1990.
4. *Селевко Г. К.* Альтернативные педагогические технологии. М., 2005.
5. *Lane R. E.* The Decline of Politics and Ideology in the Knowledgeable Society // American Sociological Review. 1966. Vol. 31. P. 649–662.

А. А. Зубрий

ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА. ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ «НОРМАННСКОЙ ТЕОРИИ»

«Норманнская теория — направление в изучении отечественного прошлого, сторонники которого считают скандинавов, викингов, норманнов основателями русского государства. Тезис о “призвании варягов”, легший в основу теории, как и она сама, более трех веков используется в научно-политических спорах как идейное обоснование концепции о неспособности славян, и прежде всего русских, к самостоятельному государственному творчеству и вообще развитию без культурно-интеллектуальной помощи Запада» [1].

Определение, приведенное выше, является наследием советского периода историографии, которое до сих пор встречается в толковых словарях, не ставящих своей целью повлиять на сознание современного российского читателя. Поэтому смысловая нагрузка данного определения, явно претендующая на формирование общественного мнения, является интересным историографическим фактом, поскольку выявляет существование проблемы преодоления крайностей в истории России. Речь идет о тех событиях, которые имеют неоднозначную оценку, а их интерпретация способна влиять на понимание национальной истории обществом.

Разительные перемены, произошедшие в мире за последние два десятилетия, преобразовали гуманитарные знания, включая современную историографию. Глобализация, неразрывно связанная с коммуникативными процессами, включая коммуникацию идей, поставила на повестку дня новые вопросы. Интеллектуаль-

ная деятельность понимается, как культурно-историческая ситуация, не только задающая условия, но и провоцирующая вызовы и проблемы, которые требуют своего разрешения. Формирование в обществе новых ценностных ориентиров не только отрицается на исходных предпосылках историка и постановки им научных проблем, но и во многом определяет результаты его познавательной и творческой деятельности [2].

Процессы, происходящие сейчас в исторической науке, необычайно важны. В современном российском обществе интерес к своему прошлому вырос неизмеримо. Люди вглядываются в него в поисках ответов на вопросы — кто виноват? что делать? — и страстно негодуют, когда не получают ответов. Или получают такие, которые их не убеждают или не устраивают.

История — социальная память человечества, а историк — ее хранитель. Но должен он хранить подлинную историю, а не создавать мнимую [3]. Кроме того, история, даже далекая, постоянно затрагивает чьи-то интересы, а порой и эмоции. Главная беда исторической науки, как мне кажется, в стремлении поставить ее на службу не истине, не извлечению уроков из прошлого, а идеологическим или политическим целям.

Вспоминая самые глобальные проблемы русской истории, на первое место выйдет «варяжский вопрос», как по своей древности, так и по количеству споров. «Варяжский вопрос — начальный, а потому — ключевой вопрос русской истории» [4].

Действительно, ничто так не волнует целые народы, как вопрос об их происхождении и образовании государства. Это вызывает бурю удивительных эмоций. Многим хочется, чтобы их народ был автохтоном, т. е. исконным насельником той территории, которую он сейчас занимает [5]. С такой позиции вопрос о событиях VIII–IX вв. вызывает в нашем, да и не только, обществе особый интерес. Возникают исторические мифы (или национальные мифы), вокруг них ведутся споры, в которых эмоциональная и современная политическая сторона преобладает над научной. Зачастую известные исторические мифы являются продуктом творчества идеологических манипуляций и умелой пропаганды интеллектуальных и политических элит, властных структур [6].

Мифопорождающим сюжетом уже на протяжении трех столетий является «норманнская теория». Под историческим мифом подразумевается представление о прошлом, воспринимаемые в социуме как достоверные, составляющие значимую часть картины мира и играющие важную роль как в ориентации, самоидентификации, так и в формировании и поддержании коллективной идентичности и трансляции этических ценностей. Дискуссия вокруг образования государства у восточных славян, затрагивающая политические и общественные интересы, представляется сложнейшей проблемой для национального самосознания.

Сказ о призвании варягов оформился к XVII в. в настоящую проблему для русской истории. На протяжении трех столетий русская общественная мысль не может преодолеть неприязнь к словам из «Повести временных лет» (далее ПВЛ). Согласно ПВЛ, варяжская русь, пришедшая «из заморья» и положившая начало Руси, активно участвовала в процессе генезиса Древнерусского государства. Тем самым она придала своеобразный характер этому процессу, а значит, предопределила будущее России. Вместе с тем летопись прямо не говорит, кто такие варяги и где находилась их родина [7].

«Норманнская теория» имеет на Руси давнюю, почти 850-летнюю историю, поскольку ее первым сознательным творцом был автор ПВЛ, которым большинство исследователей признают монаха Киево-Печерского монастыря Нестора. Его мнение о скандинавском происхождении Руси повторялось в позднейших летописях; оно было известно как при царском дворе в России, так и за границей, в особенности в Швеции. Первые научные основы норманнской проблемы заложил член Петербургской академии наук Г. З. Байер. Материалы источников, собранные и опубликованные Байером, были использованы Миллером. Выводы о норманнском завоевании славянских племен вызвали негодование общественности и мгновенную отповедь М. В. Ломоносова [8].

С возникновением дискуссии вокруг сказания о призвании варягов ученые поделились на «норманистов» и «антинорманистов» — две своеобразные партии, отстаивавшие свою точку зрения на начальный период русского государства. Ожесточенная борьба «норманизма» и «антинорманизма» изначально выходила за пределы академических исследований, что сделало «норманнскую проблему» не столько научным, сколько общественно-политическим феноменом. Действительно, в понимании многих историков речь идет не менее чем о начале русской государственности, даже об его «основополагающем принципе» [9].

«Норманнская теория» возникла в политической сфере, что подтверждает ее появление в шведской историографии XVII в., вызванная притязаниями Швеции на господство в Балтийском регионе, которым противостояла Россия. Тезисом о норманнском, германском происхождении Киевской Руси Миллер и Шлецер усилили политическое звучание варяжской проблемы.

В российской науке оформление идейного содержания «норманнской теории» восходит к первой половине XVIII в., т. е. к периоду появления Академии наук. В этот период историческое образование делает свои первые шаги. Своеобразным мерилom, с которым так или иначе соотносилось все последующее развитие, для людей XVIII в. были петровские реформы. Тогда изменились сами координаты мышления: происшедшая, по выражению П. П. Шафирова, «метаморфозис» требовала осмыслить совершаемые перемены в историческом плане [10].

XVIII в. во многом перекликается с современным периодом нашей истории. Русская культура обживалась с новшествами, а перед национальным сознанием вставали вопросы: «Что есть Россия? Каков ее путь? Откуда она началась и к чему пришла?»

Появление норманнской проблемы в дискуссиях, проходивших в Петербургской академии наук, между приглашенными для работы академиками-немцами Г. Байером, Г. Миллером, А. Шлецером и их русским оппонентом М. В. Ломоносовым, явилось первым проявлением пробуждения меняющегося национального сознания. Начиная с дискуссий тех лет, он относится не только к области чистой науки, но и густо замешан на политике, эмоциях, ложно понимаемом патриотизме [11].

М. В. Ломоносов, первый антинорманист, усмотрел в варяжском вопросе попытку немецких ученых унижить национальное достоинство горячо им любимой России. В дальнейшем развитии антинорманизма еще больше поспособствовали рассуждения немецких философов XIX в. об «исторических» и «неисторических» народах, способных и неспособных создавать государства, т. к. к первой группе народов были отнесены германцы, а ко второй славяне.

В западном обществе значительно возрастает интерес к России. В результате для многих просветителей Россия стала идеализированной моделью будущей Европы. Значительная роль приглашенных европейцев, прежде всего немцев, в политической и общественной жизни России, времен петровских преобразований, воспринималась многими просветителями, как особая роль европейцев в распространении цивилизации. Однако в целом никакие перемены в жизни русского общества не могли поколебать устоявшийся стереотип об отсталости России, что повлекло за собой такое понятие, как европоцентризм. К примеру, Ш. Л. Монтескье отстаивал идею особой роли германцев, в частности норманнов, в развитии правовой и политической культуры в Европе. Он идеализировал германцев, противопоставляя их другим народам. Подобный взгляд был воспринят многими учеными и нашел последователей. По мнению Гегеля: «Только германцы с давними началами индивидуальной свободы и другими положительными качествами, оказались носителями начал свободы». Леопольд Ранке считал Романо-германскую группу народов единственной, принимающей участие в «общественном движении» [12].

За 70 лет существования Советского государства вопрос о роли варягов закрепил за собой определение идеологически выдержанного мифа. В подавляющем большинстве случаев дискуссия по «норманнской проблеме» сознательно или бессознательно использовалась в пропагандистских целях.

Не кто создавал, а как создавалось Русское государство — вот главная тема, прочно закрепившаяся в советское время в изучении норманнской проблемы. Методология критического анализа источников в таких условиях придавала чрезмерно большое значение поиску ответа на вопрос: «Кому выгодно?» То есть оцениваются идеологические установки древнего автора или его властных покровителей — светских или церковных, и в соответствии с этим подтверждается или отрицается достоверность приводимых сведений [13].

Приведем меткое замечание А. Про, которое, на мой взгляд, отражает ситуацию исторической науки в советское время: «...в конце концов историк создает тот тип истории, который требует от него общество: иначе оно от него отворачивается. Но с другой стороны, нет такого коллективного общественного проекта, который был бы возможен без исторического воспитания его участников, и без исторического анализа проблемы» [14].

В советской исторической науке антинорманизм становится идеей борьбы за национальное достоинство. Историки, изучавшие древнейший период русской государственности (Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, М. Н. Тихомиров, В. В. Мавродин) были поставлены перед необходимостью дать «ожесточенный отпор реакционной буржуазии, пытающейся очернить далекое прошлое русского народа, подорвать чувство глубокого уважения к нему со стороны всего прогрессивного человечества».

Распад СССР открыл двери для нового этапа в изучении, не только «варяжского вопроса», но и многих других проблем русской истории.

Вплоть до сегодняшних дней научное изучение варяго-русской проблемы сохраняет прямую связь с основными политическими и национальными проблемами современности. В последнее время вновь обострилась дискуссия вокруг вопроса о роли варягов в русской истории. Это вызвано и обусловлено различными причинами, в том числе на высоком государственном уровне.

Трехсотлетняя дискуссия по норманнской проблеме показала, что ее идейное содержание намного сложнее и многограннее, чем ее научная сторона.

Таким образом, на протяжении всего периода существования «варяжская легенда» выходила за научные рамки, что естественным образом затрудняло и затрудняет ее изучение. Общеизвестно-политическая сторона дискуссии по норманнской проблеме является ее составной частью, которая влияет на появление исторических мифов и способствует неверному восприятию обществом исторических событий, повлиявших на формирование Древнерусского государства.

Литература

1. *Пушкарёв Л., Пушкарёва Н.* Норманнская теория // Энциклопедия «Кругосвет»: http://www.krugosvet.ru/enc/istoriya/NORMANNSKAYA_TEORIYA.html.
2. *Репина Л. П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 5.
3. *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? Опасная профессия // http://www.vivoco.rsl.ru/VV/BOOKS/DANGER/PART_3.html.
4. *Лебедев Г. С.* Эпоха викингов в северной Европе и на Руси. СПб., 2005. С. 14.
5. *Кобрин В. Б.* Кому ты опасен, историк? Опасная профессия // http://www.vivoco.rsl.ru/VV/BOOKS/DANGER/PART_3.html.
6. *Репина Л. П.* Исторические мифы и национальная идентичность: к методологии исследования. // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории: материалы международной научной конференции. Ставрополь, 2008. С. 9–13.
7. *Фомин В. В.* Варяги и варяжский вопрос в судьбе России // <http://www.portal-slovo.ru>.
8. *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 59.
9. *Нильсен Й. П.* Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992. С. 5.
10. *Володина Т. А.* У истоков «национальной идеи» в русской историографии // Вопросы истории. 2000. № 11–12. С. 5.
11. *Джаксон. Т.* Варяжский вопрос // <http://www.istrodina.com/jakson.htm>.
12. *Нильсен Й. П.* Рюрик и его дом. Опыт идейно-историографического подхода к норманнскому вопросу в русской и советской историографии. Архангельск, 1992. С. 15.
13. *Егоров К.* Образование Киевской Руси // <http://www.old.ru/doc/hist.zip>.
14. *Репина Л. П.* Новые исследовательские стратегии в российской и мировой историографии. М., 2008. С. 5.

С. А. Козлова

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Цель настоящей статьи — провести сравнительный анализ исследовательской проблематики в европейских странах и Республике Беларусь.

Развитие политической науки как самостоятельной дисциплины в Европе начинается во второй половине XIX в. В течение долгого времени политическая наука в Европе вынуждена была преодолевать сопротивление со стороны представителей других академических дисциплин. В начале своего развития политическая наука преподавалась за пределами университетов, и только в XX в., не без трудностей, дисциплине удалось интегрироваться в программы вузов. Сегодня политическая

наука стала коллективным предприятием, профессией с четко определенными стандартами обучения и трудоустройства, в основе которых — национальные университетские системы с серьезными транснациональными связями между индивидуумами и институтами по всей Европе. В статье будет рассмотрен только один аспект развития политической науки — развитие областей исследований в различных европейских странах.

М. Доган, Х.-Д. Клингеманн отмечают, что большинство областей исследований характеризуются специализацией, фрагментацией и гибридизацией. Наиболее актуальные вопросы политической науки связаны, в основном, с политическими и социальными контекстами, в которые она встроена. Вследствие специализации достаточно сложно суммировать исследовательские программы европейских стран. Большинство исследовательских программ в странах Западной Европы направлено на изучение политических систем в собственных странах и в Европейском союзе. Международные отношения, политический анализ, государственное управление, политическая социология, политическая экономия занимают второстепенное положение, за ними следует политическая теория, история политических учений. Отмечается и низкий интерес к методологии как вспомогательной области исследования, сравнительная политология остается далеко позади [1, с. 35]. Ж.-Л. Кермонн отмечает также постепенную, но заметную смену объекта исследования с 1960 г. Будучи первоначально сосредоточенной на изучении форм правительства, политических партий, электорального поведения дисциплина обращается к таким областям, как анализ дискурса. Изучение символов, появление меньшинств, выражение плюрализма, механизмы, способствующие воспроизводству элиты и угрозы окружающей среде. Однако можно также обнаружить, что политическая наука не оставила без внимания исследования моделей правления, политических партий и электорального поведения. Наблюдается процесс дифференциации тематики исследований в области политической науки, что добавляет новые горизонты, но не закрывает старых.

Падение авторитарных режимов по всему миру, в частности коммунистических режимов в Центральной и Восточной Европе, стимулировало появление разнообразных исследовательских программ, посвященных переходу от авторитарного правления к демократическому и консолидации молодых демократий. Эта тема не освещена специально в широких категориях, принятых для исследовательских программ. Но ее также следует упомянуть, потому что она широко обсуждается политологами в Центральной и Восточной Европе.

Если говорить о политологических исследованиях в европейских странах, то нельзя не отметить лидирующую роль Великобритании, Германии и Франции. Это лидерство обусловлено историческими предпосылками, т. к. именно в этих странах Старого Света появились первые учебные заведения, в которых стали преподавать политическую науку. И по настоящее время эти страны сохраняют свое лидирующее положение как по количеству университетов, в которых ведется подготовка специалистов-политологов, так и по количеству профессорско-преподавательского состава, студентов и областей исследований, которые входят в сферу интересов ученых этих стран.

В Австрии основным предметом исследований является австрийская политическая система. В последние годы эта тема была дополнена изучением процессов европейской интеграции. В области международных отношений проделана

определенная работа по изучению конфликта Севера и Юга, а также проблемы становления демократии в Центральной и Восточной Европе. Исследованию политической теории и политической философии уделяется меньше внимания. Возрастающий интерес исследователей наблюдается в области изучения гендерных проблем. Именно в этом направлении австрийские политические исследования получили широкое международное признание.

В Бельгии все факультеты политической науки стремятся включить в исследовательское поле проблематику международных отношений, политической социологии и государственного администрирования. Специализация в основном зависит от исследований, проводимых группой единомышленников, отдельными людьми, работа которых обеспечивается крупными и стабильными (обычно государственными) фондами. Усилий, направленных на достижение критической массы в каком-либо определенном направлении исследований, практически не предпринимается. Поэтому политическая наука чрезвычайно фрагментарна, с невысоким уровнем специализации с точки зрения тематики исследований и присуждаемых ученых степеней.

Исследования кафедры общественных и политических наук Университета Кипра охватывают спектр проблем, связанных с политикой на Кипре, которая рассматривается в национальных и международных аспектах, а также проблемы гармонизации отношений Кипра и Европейского союза. К числу основных областей исследования относятся: проблемы Кипра, права человека, международные организации, женщины и политика, женщины и наука, Европейский союз и европейское сотрудничество в Средиземноморье.

Политическая наука в Дании уделяет больше внимания государственной администрации, государственной политике, политическому поведению и международным отношениям, чем политической теории и развитию методологии. В последнее десятилетие определенную силу набрали такие исследовательские программы, как политическая теория — эмпирическая и нормативная.

В Финляндии изучение финской политической системы развито слабо. В числе основных проблем исследования необходимо отметить исследования политического участия и выборов, а также изучение политики Европейского союза. Страноведческие исследования связаны с политикой за пределами Европы: азиатской, африканской и латиноамериканской. Также можно отметить, что интерес к изучению других регионов мира, помимо Европы, существенно выше, чем интерес к политической науке в целом. Сильной стороной политических исследований в Финляндии всегда было изучение проблем мира и конфликтов. Гендерная же проблематика развивается слабо.

Исследовательская проблематика в Германии очень тесно связана с университетами, в которых проводится исследование. В основном каждый университет и исследовательский центр ведут исследования в определенных сферах, а т. к. количество университетов и исследовательских центров велико, то и проблематика исследований охватывает практически все разделы политической науки.

Политологические исследования в Греции в настоящее время ориентированы на электоральное поведение, изучение политических кадров, связаны с изучением социальных исключений, ксенофобией, иммиграцией и распространением информации в государстве.

К числу исследовательских проектов исландских политологов относятся следующие: исследование малых государств и европейская интеграция, отношения между демократией и публичной администрацией, влияние прав собственности на использование природных ресурсов, сравнительная политология, теория игр и методология, электоральные исследования, демократия и общественное мнение, влияние политических помощников министров на политическое руководство, развитие демократии в Исландии.

К исследовательской специализации ирландских исследовательских центров и отдельных ученых можно отнести следующие проблемы: выборы и межпартийная борьба, ирландская и североирландская политика, политическая теория, международные отношения, Европейский союз и европейская политика, социальная и публичная политика, проблемы местной политики и администрации.

Итальянский ученый Л. Морлино в 1989 г. перечислил основные области исследований в Италии: политическая теория, политическая культура, политическое участие, политические партии, группы интересов, массовые движения, электоральное поведение и выборы, политические институты, бюрократия, судебная система и анализ публичной политики. В настоящее время возникли новые области исследований: изучение различных аспектов политической коммуникации, исследование институтов и политики Европейского союза.

К числу исследовательских программ в университетах и исследовательских центрах Нидерландов относятся следующие: создание и функционирование политических институтов и демократических процессов, ценности, образы и политические режимы, европейская политика, демократическое правление, политический курс и общество, публичная администрация, политическая легитимность в Нидерландах и Европейском союзе, электоральные исследования.

Интересы исследователей-политологов Испании охватывают большую часть изучаемых областей, но особое внимание уделяется таким направлениям, как выборы и партии, политическая культура и ценности, политическая децентрализация и анализ политического курса. Региональные исследования также занимают важное место в деятельности испанских политологов, отражая многоуровневую структуру государственного устройства Испании. Что касается сравнительной политологии, то здесь главными направлениями исследований являются Латинская Америка, а в последнее время — Европа.

Профиль политических исследований в Швеции зависит от университета, в котором ведется исследование. Круг своих научных исследований в области политологии был определен каждым университетом еще на ранней стадии их деятельности, но его придерживаются и по настоящее время. И по университетам научные интересы распределились следующим образом: Лунд — конституционное право и публичная администрация; Упсала — политическая теория и политические институты, теория рационального выбора; Гетеборг — центр бихевиоризма в политической науке, и он стал основным ведущим в области электоральных исследований и изучения средств массовой информации; Умео — местные органы власти и сравнительная политология; Стокгольм — международные отношения, центр по разработке качественных методов исследования.

Исследовательские программы Швейцарии в основном связаны с анализом типов публичной политики с одной стороны и политического поведения

	1990-е гг.								
	91	92	93	94	95	96	97	98	99
23.00.01	—	1	—	1	1	—	—	1	1
23.00.02	—	2	2	3	2	—	1	—	1
23.00.03	1	2	2	—	—	—	—	—	—
23.00.04	—	—	—	—	—	—	—	1	—
всего	1	5	4	4	3	—	1	2	2

и институтов — с другой. Кроме того, половина этих исследований уделяет внимание проблемам Швейцарии, а остальные имеют отношение к сравнительным исследованиям (сравнительным политическим системам, сравнительной публичной политике). Это также исследования, связанные с областью международных отношений и внешней политики. В то же время за последние 10 лет не было ни одного исследования, связанного с политической теорией и политической философией.

Исследовательские интересы британских политологов распределяются следующим образом: наибольшее количество исследований ведется в области международных отношений; за ними следуют исследования британской политики, сравнительная политология, политическая теория, публичная администрация и изучение европейских стран и европейского сообщества; на третьем месте — исследования местного управления, политического поведения, политической социологии, политической экономики, политической теории и политической философии; и совсем небольшое число исследований посвящены изучению методологии, гендерным проблемам, американской политике.

Динамику исследовательской проблематики в Республике Беларусь отражает подготовка кадров высшей квалификации в сфере политических наук. На сегодняшний день докторантура и аспирантура по политическим наукам существует в Белгосуниверситете, Академии управления при Президенте Республики Беларусь, БГПУ им. М. Танка, Республиканском институте высшей школы. Подготовка аспирантов и докторантов ведется по специальностям: 23.00.01 — теория политики, история и методология политической науки; 23.00.02 — политические институты и процессы, политическая конфликтология, политические технологии; 23.00.04 — политические проблемы международных отношений и глобального развития. На 25.01.2009 г. в Республике Беларусь защищено 50 диссертаций по политическим наукам, из них 10 — докторских.

Исходя из того, что ключевым фактором развития политического знания является становление государственности независимой Беларуси, Н. А. Антанович, С. В. Решетников, Н. В. Ляхович-Петракова выделяют следующие этапы институционализации политической науки в Республике Беларусь: 1) становление белорусской политологии как учебной дисциплины в начальный период суверенной государственности (1990–1996 гг.); 2) развитие политологии как научной дисци-

ПО ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИМ СПЕЦИАЛЬНОСТЯМ

2000-е гг.									
00	01	02	03	04	05	06	07	08	итого
—	3	1	1	2	1	2	1	—	16
3	1	—	3	1	1	1	2	—	23
—	—	—	—	—	—	—	—	—	5
—	1	2	—	—	2	—	—	—	6
3	5	3	4	3	4	3	3	—	50

плины (1997–2001 гг.); 3) формирование политического знания, ориентированного на практическое использование (с 2002 г. по настоящее время) [2; 65].

В период 1991–1996 гг. становление государственности независимой Беларуси положило начало самостоятельному политическому процессу. С 1991 по 1996 г. тематика диссертационных исследований была представлена следующей проблематикой: политические партии, группы интересов, политический процесс, политическая система в процессе трансформации, проблемы политической культуры и воспитания молодежи, политической идеологии в период перестройки и переходный период.

К концу XX в. белорусская политология оформилась как самостоятельная отрасль научного исследования. В этот период развитие политического знания определялось скорее внутринаучными процессами и потребностями, нежели социальным заказом. Исследовательская проблематика слабо была связана с потребностями органов государственной власти. В числе научных публикаций наиболее активно развивалась тематика специальностей 23.00.01 и 23.00.02, в рамках которых анализировались различные аспекты политики в переходных обществах, политическое сознание студенческой молодежи, социальные и политические преобразования в Беларуси в постсоветский период, государственно-конфессиональные отношения, электоральное поведение, лидерство, элиту, политическую символику. Для диссертаций по специальности 23.00.02 была характерна теоретическая ориентация и относительно невысокий практический выход результатов исследования. В тематике диссертаций и научных публикаций по специальности 23.00.04 затрагивались проблемы белорусско-российских отношений, анализ политических процессов в странах СНГ, европейская проблематика.

В третий период развития политической науки, начиная с 2002 г., закладывается тенденция устойчивой прикладной ориентации политических исследований. В тематике диссертационных исследований начинает преобладать белорусская тематика. Особенно заметно увеличение прикладной ориентации для специальности 23.00.02. В 2002–2008 гг. по этой специальности защищены работы по проблемам национальной безопасности, кадрового резерва, государственной молодежной политики, избирательным технологиям и избирательному процессу, политике Республики Беларусь в сфере информатизации. Исследования этого периода приобрели технологическую ориентацию: все они направлены на анализ конкретных

проблем, их результаты могут быть использованы для разработки методов направленного воздействия на политические процессы.

В тематике научных публикаций по направлению 23.00.02 преобладают проблемы, востребованные органами государственной власти и управления: вопросы идеологии белорусского государства, национальной безопасности, технологий государственного и политического управления. Государственное управление как направление научных исследований активно развивается в Академии управления и в Белгосуниверситете. В Республике Беларусь сложились две основные научные школы исследования проблематики политического управления: политико-управленческая школа (Академия управления) и политологическая школа (БГУ).

По специальности 23.00.04 за третий период развития политического знания представлены диссертации по проблемам глобализации, вопросам национально-государственных интересов Республики Беларусь. На современном этапе наиболее активно развивающейся отраслью является практически ориентированное направление, соответствующее специальности 22.00.02 — политические институты и процессы, политические технологии.

Динамика защит по политологическим специальностям с 1991 по 2008 г. представлена в табл. 1.

За столь небольшой срок, 20 лет, с 1989 г. по настоящее время, политическая наука в Беларуси прошла нелегкий путь от этапа становления до этапа устойчивого развития. Сравнивая развитие политологии в нашей стране с общеевропейскими тенденциями в области научных исследований, можно сделать вывод, что наука развивается быстрыми темпами, которые и по скорости развития, и по содержанию соответствуют основным параметрам развития политической науки в Западной Европе.

Литература

1. Политическая наука в Западной Европе / под ред. Х.-Д. Клингеманна; пер. с англ. М. Гурвица, А. Демчука и др.; под. ред. Е. Б. Шестопаля. М., 2009.
2. Решетников С. В., Антанович Н. А. Политическая наука в Республике Беларусь: традиции и новации // Проблемы управления. 2008. № 4. С. 64–68.

О. Ю. Колосова

НАУКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

Современная эпоха характеризуется как эпоха цивилизационного сдвига, эпоха глобального цивилизационного кризиса. Есть разные оценки самого кризиса — оптимистическая, как естественного явления смены культур, как «конца истории», и пессимистическая, как краха цивилизации, поскольку глобальный цивилизационный кризис современности имеет такую важнейшую составляющую, как глобальный экологический кризис. Но, несмотря на различия в оценке кризиса, есть объединяющая их позиция. Это мнение, что те многочисленные кризисы, с которыми встретилось человечество, есть проявления единого общего кризиса, знаменующего исчерпанность целой фазы антропогенеза — неолитической фазы развития человечества, приведшей к вытеснению органически целостного отно-

шения «человек — мир» его вырожденной формой «субъект — объект». Поэтому никакими технологическими средствами преодолеть его невозможно, поскольку это кризис самого технологического отношения к миру.

Современное человечество во все большей мере вовлекается в процессы, ведущие к смене основ его жизнедеятельности и жизнеустройства. Направление мирового развития все более определяется «вызовами истории» в рамках глобальных проблем, требуя от человечества скоординированных и неординарных мер по обеспечению своего права на дальнейшее существование. Стохастичность, нелинейность исторических процессов проявляется в полицентризме мирового развития, в диверсификации его механизмов, в необходимости преодоления наиболее грубых и неэффективных его форм — разрушительных кризисов и конфронтации. Овладение новым типом развития, в основе которого лежат принципы партнерства, компромисса, сотрудничества и консенсуса, — проблема, решаемая на протяжении продолжительного эволюционного периода, но ориентация на подобный исход должна быть избрана человечеством уже сегодня, если оно желает обзавестись более или менее оптимальной стратегией строительства будущего.

Стремительное развитие техники обусловило ее всеобъемлющее влияние на современный мир. Определяющее воздействие техники испытывают такие социальные институты, как экономика, экология, наука, политика и т. д. Этап НТР, который начался в середине XX в. и продолжается до сих пор, характеризуется новым типом единства, имеющим онтологический статус: временное совпадение революций в науке и технике привело к явлению резонанса — совместного, взаимообусловленного, единого скачкообразного, качественного развития обоих этих феноменов.

Онтологическое единство науки и техники в эпоху НТР прежде всего носит процессуально-функциональный характер: революционные преобразования в науке вызывают революционные же изменения в технике, которые, в свою очередь, выступают предпосылкой новых открытий в науке... Помимо того, развитие научных исследований в последние годы все больше идет по пути изучения так называемых глобальных проблем или процессов, т. е. комплексов процессов таких масштабов и степеней воздействия, что они затрагивают практически все человечество.

Новые объекты науки, такие как космические программы, противоракетные комплексы, глобальные территориально-производственные объединения, порождают новый тип научных исследований. Принципиальная новизна таких научных изысканий заключается в том, что они всегда уникальны и многоосновны. В силу неповторимости объекта исследования такие комплексные научные изыскания объединяют достижения и методы различных наук, а также представителей этих наук, как и сами науки, реализуя это неповторимым, уникальным образом. Многоосновность же этих исследований базируется на том, что в их основаниях лежит не одна наука, а комплекс наук. Все это вместе ведет, кроме того, к возникновению новых научных дисциплин, таких как системотехника, эргономика и др. Наука все больше превращается в производительную силу, а производство все чаще становится «полигоном» для отработки новых научных идей.

Подобно тому, как появление неоклассической науки вызвало необходимость пересмотра концепции научной рациональности, появляющиеся контуры постнеклассической науки требуют того же. Важнейшей парадигмой, а также главными принципами императивами постнеоклассической науки можно считать следующие.

Согласно формирующейся парадигме целостности, мироздание, биосфера, ноосфера, человек, общество и т. п. представляют собой единую целостность. Примером подобной целостности можно считать человека, являющегося частью целостности и в то же время познающего ее. В современной постнеоклассической философии можно заметить тенденции, направленные на формирование новой научной картины мира и связанного с ней универсализма.

Универсальный эволюционизм позволяет рассмотреть в диалектической взаимосвязи не только живую и социальную материю, но и включить неорганическую материю в целостный контекст развивающегося мира. Он создает основу для рассмотрения человека как объекта космической эволюции, закономерного и естественного этапа в развитии нашей Вселенной, ответственного за состояние мира, в который он сам погружен. Принципы универсального эволюционизма становятся доминантой синтеза знаний в современной науке. Это та стержневая идея, которая пронизывает все существующие специальные научные картины мира и является основой построения целостной общенаучной картины мира, центральное место в которой начинает занимать человек.

Проблема коэволюции природы, человека и общества имеет важное независимое методологическое и научное содержание, а также нередко связывается с новой парадигмой цивилизационного развития. Очередной этап научной революции ознаменовали собой труды по синергетике И. Пригожина и его последователей. Данная ступень развития науки и техники связана с созданием очередной метатеории развития вообще и общественно-исторической эволюции в частности. В основе синергетического подхода лежат следующие тезисы:

– ориентированность во времени и направленность эволюции социального бытия извне заранее не определены, они создаются постоянно на уровне «элементарных» человеческих отношений;

– говоря о социальном времени, можно утверждать, что оно обладает особой обратимостью в историческом процессе, тогда как механическое время как одна из форм бытия принципиально необратимо [1];

– «человеческое общество — это очень сложная система, способная претерпевать множество бифуркаций (взрывных изменений), дающих новые, непредсказуемые направления эволюции» [2], что находит свое подтверждение в формировании множества разнообразных культур на протяжении относительно недолгого этапа в развитии человечества.

Современная наука все в большей степени заинтересована в решении проблемы коэволюции человека, общества и окружающей природной среды.

Наука является совокупностью системных знаний, когда факты и законы взаимообусловлены и соотносятся друг с другом определенным образом. Она представляет собой открытую информационную систему, связанную с окружающим миром информационными потоками. Убывающая энтропия системы служит началом самоорганизации в материальных системах. Использование информационной формулировки синергетики в этом случае является более удобным.

Парадигма — это система научных структур и понятий в своей целостности. С позиции синергетики парадигма — это в какой-то степени неизменное состояние текущего равновесия. В ситуации типичного экстенсивного развития парадигма позволяет разрешить появляющиеся рассогласования. С увеличением количества

информации, т. е. нарушения равновесия системы, происходит кинетический фазовый переход структуры научных знаний. Такой переход получил название научной революции, он заключается в переосмыслении исходных положений теории, смене методологических предпосылок и образа мышления. Качественное изменение основных представлений формирует новую картину мира. Вследствие научной революции происходит полное или частичное замещение старой парадигмы на новую. В свойстве атрибутов фазового перехода выступают отклонения и флуктуации в сложившихся понятиях, более частое возникновение «еретических» гипотез, крупномасштабные флуктуации в теоретических трактовках, необходимость увязок и корреляций одинаковых открытий в различных местах (их одновременности и самостоятельности). Так, например, можно говорить об учении о ноосфере в произведениях Леруа, Тейяра де Шардена [3] и В. И. Вернадского [4], возникновении термина «пневмосфера» (сфера духа). Процесс развития науки представляет собой самоорганизацию, проходящую через точки бифуркации, последовательную смену парадигм — стабильных, все в большей степени усложняющихся состояний.

Замкнутость системы, прекращение поступления новой информации становятся причиной диссипации знаний, схоластики. Закрытость всего общества чревата застоєм и деградацией. Сегодня синергетика продемонстрировала свое общенаучное значение. Совершается качественная модификация основных принципов наших знаний, инициированная применением идей и понятий синергетики разнообразными науками. Синергетика позволяет по-новому видеть мир и процессы эволюции. Можно говорить о вероятности перехода в ближайшее время к новой парадигме следом за теорией относительности и квантовой механикой.

С другой стороны, форсирование эволюционных процессов общества дало возможность для совместной работы в планетарном масштабе с целью устойчивого развития. Создание компьютерной техники способствовало появлению сетей для стремительного обмена информацией. Возникла синергетика в качестве мощного инструмента для последующего изучения мира в его взаимосвязи и взаимообусловленности, которая позволяет раскрыть принципы этой взаимообусловленности. Использование синергетического подхода в исследовании природных и социальных процессов и их взаимодействия позволяет вложить конкретный смысл в провидческие слова В. И. Вернадского о причинной связи всех наблюдаемых явлений. Постигание данной связи и определение места и роли человека в процессах природной самоорганизации — основная проблема современного научного знания. Развитие обусловлено усилением неравновесности, что повышает количество и интенсивность неустойчивостей, долю бифуркаций. В целом как раз это и может быть угрозой эволюции цивилизации. Чтобы предотвратить глобальные опасности, требуется мышление нового типа, согласованность коллективных усилий всего человечества.

Углубляющийся процесс дифференциации наук сопровождается еще более мощным процессом интеграции научных знаний. Момент интеграции, интегративного единства знаний проявляется в междисциплинарных интегративных тенденциях и интегративных тенденциях между различными областями знаний. Это происходит, прежде всего, посредством аналогий, дополнений, синтеза наук: через использование методов и понятий одних научных дисциплин в других, посредством использования результатов всевозможных исследований в различных науках и областях знаний, путем возникновения новых научных дисциплин на пересечении

различных наук. В современной науке закономерность интегративных процессов сопровождается формированием в ней целостной системы знания — научной картины мира.

Современная техногенная цивилизация испытывает потребность в формировании новой научной картины мира для осуществления деятельности в сфере познания и преобразования природы и общества. Можно согласиться с мнением Ю. В. Яковца о том, что «вырисовываются признаки очередной грандиозной научной революции, которая создаст обновленную картину развивающегося, неравномерно-закономерно меняющегося мира. Обновленная наука призвана стать лидером, краеугольным камнем постиндустриальной цивилизации» [5].

Современная картина мира строится по принципу дополнительности (научные парадигмы плюс религиозные, философские, художественные картинности) и поэтому она превращается в универсум. Национально-культурная мозаика превращается в синтетическое духовное (ноосферное) пространство. В настоящее время начинает формироваться ноосферная реальность, основанная на взаимодействии биосферы, других земных оболочек и цивилизации, сочетании естественного и искусственного, материального и идеального. Она будет устойчивой, если в процессе ее формирования будет доминировать разумная человеческая деятельность. Такая реальность представляет собой сложный конгломерат — виртуальное единство социосферы, техносферы, атропосферы, культурной сферы, информационной сферы и еще ряда других.

Необходимо обратить внимание на особую тенденцию в развитии феномена картины мира, говоря о наиболее распространенных картинах мира. Она заключается в том, что в современном познании все ярче обнаруживается необходимость формирования не только отдельных предметных дисциплин в познании (в настоящее время их существует множество), но и блоков знания как внутри отдельных дисциплин, так и в рамках взаимодействия различных дисциплин. Такие внутридисциплинарные и междисциплинарные связи в пределах цельных блоков знания в определенных его аспектах имеют место в разных картинах мира и сами формируют отдельные самостоятельные картины мира. Собственно, к подобной интегративно-синтетической картине мира следует отнести экологическую картину мира.

В формировании экологической картины мира играет роль, с одной стороны, дифференциация наук и знаний и преобладание индуктивного пути познания, а с другой — специфика общих полей знания в определенных исследованиях по блокам знания, и преимущественно дедуктивный путь познания.

Она формируется путем диалектического синтеза экологических знаний, в которых отражена сущность наиболее общих экологических взаимосвязей и процессов в природе, обществе, личности, в мире в целом. В результате мир предстает как единое взаимосвязанное и взаимодействующее целое, как общий закономерный процесс самодвижения материи и духа. Общая экологическая картина мира создается на базе философского и общенаучного знания, интегрирует философско-экологические и научно-экологические знания, входящие отдельными частями в философскую картину мира и общую научную картину мира.

Фундаментальный уровень экологической картины мира формируется на базе главных синтетических результатов познания, отражает экологический аспект в фундаментальных направлениях космологического, биологического, социологи-

ческого и технологического знания. Соответственно, в самой экологической картине мира можно выделить космологический, биологический и социологический блоки, со спецификой проявления экологических отношений в соответствующих областях знания. Конкретное экологическое знание, являясь противоположностью общему, отражает конкретные объекты мира в виде соответствующих экологических картин реальности. Говоря о классификации «по горизонтали» в содержательном плане, следует выделить две важные стороны экологической картины мира — естественно-экологическую и гуманитарно-экологическую. Социогуманитарная составляющая экологической картины мира — неотъемлемая часть экологического знания. Наличие объективной взаимобратной связи «человек — окружающая среда» обосновывает включенность человека в экологические отношения.

Однако увидеть эти отношения за многочисленными фактами конкретных наук и знаний можно только при целостном диалектическом мировосприятии в масштабах экологической картины мира в целом и, в частности, ее социогуманитарного блока. Выделение в рамках экологической картины мира данного блока открывает возможность социогуманитарному знанию реализовать свой специфический духовный потенциал в экологической проблематике, освободить экологическое знание от сугубо биологизаторских и даже физикалистских тенденций, которые порой присутствуют и в самом социогуманитарном знании.

Спецификой современного экологического знания является то, что родившееся как прагматическое средство изучения воздействий человека на природу, оно становится этическим, глобальным, мировоззренческим. Его фундаментальные принципы формируют основу и структуру мышления в постиндустриальное время.

Особенности экологической картины мира в современной культуре в большей степени определяются не столько ее научной типологией, сколько социокультурным аспектом, который выражается в определенных ценностно-обоснованных установках человека и общества.

В условиях повышенного риска и неопределенности в развитии современного глобализирующегося общества требуется новое, более гибкое управление, требующее экспериментирования и творческого поиска, глубокого переосмысления применяемых подходов. В этой связи очевидна актуальность рассмотрения проблем социального управления через призму постнеоклассической науки, центральным ядром которой является общая теория самоорганизации (синергетика). Качественная трансформация цивилизационных основ и социального характера общественных отношений, чья вариация и ориентированность станет следствием осознанного выбора человека, будет носить характер бифуркации. Энергия бифуркационного процесса возникает вследствие противостояния биосферы и создаваемой человеком искусственной второй природы. Подобное преобразование сил старого порядка в хаотические перемены, с точки зрения синергетической теории развития, свершается с тем, чтобы из подобного хаоса возник новый порядок в бытии мирового сообщества.

В перспективе на основе объединения теории систем и синергетики, по видимому, возможно становление теории развивающихся систем как интегральной концепции современной теории познания.

Современное экологическое знание, будучи неотъемлемым атрибутом сложноорганизованного общества, а также социоприродного взаимодействия, долж-

но отражать всю полноту мира и познавательных методов, объединять элементы и блоки знаний в единую целостность. В современном глобализирующемся обществе существует необходимость формирования значимой, ценностно наполненной, холистичной и духовно обоснованной системы экологического знания.

Литература

1. Пригожин И. Р. Переоткрытие времени // Вопросы философии. 1989. № 8. С. 15.
2. Пригожин И. Р. Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 6.
3. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. М., 1987.
4. Вернадский В. И. Научная мысль как планетное явление. М., 1991.
5. Яковец Ю. В. История цивилизаций. М., 2003.

М. Ю. Корнеева

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АКСИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ЯДРА КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

Ценности — важнейшие компоненты человеческой культуры наряду с нормами и идеалами. С помощью этого понятия характеризуется личностный смысл для отдельного человека и социально-историческое значение для общества определенных предметов и явлений действительности. Ценности формируются в результате осознания субъектом своих потребностей в соотношении с возможностями их удовлетворения. Ценности определенной культуры задают образцы и стандарты поведения и оказывают влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами.

Аксиология как учение о ценностях долгое время считалась сугубо философской дисциплиной, и в этой связи — дисциплиной умозрительной. Наблюдаемая в настоящее время «психологизация» социального знания (в частности, социологии) обуславливает рост интереса к исследованию ценностей различных социальных групп и переводит аксиологию в междисциплинарную область. Социологические исследования системы ценностей требуют сегодня применения эмпирических методов в аксиологии.

Существует множество определений понятия «ценность». В настоящей статье ценность понимается как общепризнанная норма, сформированная в определенной культуре, которая задает образцы и стандарты поведения и оказывает влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами.

Каждая культура, равно как и субкультура, имеет свое ценностное уникальное ядро. Благодаря этому ядру обеспечивается целостность данной культуры, ее неповторимый облик. Культуры поддерживают непрерывность существования за счет трансформации своих ценностей. Условием выживаемости культуры является ее способность к оптимальному соотношению универсальных и специфических ценностей, позволяющая с одной стороны сохранить свою самобытность, а с другой — найти основания для взаимодействия с иными культурами.

Система ценностей любой социальной группы всегда имеет внешнее проявление, выражается в традициях и обычаях, образе, стиле и манере действия. В числе наиболее актуальных проблем современности довольно часто указывают формирование управленческой культуры в современной России. Культура управления должна стать своего рода идеологией государственных служащих и, как всякая идеология, должна базироваться на системе социальных ценностей.

В аксиологии принято подразделять ценности на абстрактно-всеобщие и эмпирические. Первые из них представляют собой предельно общие идеалы, принципы и формы. Вторые — являются своего рода реальным сущностным наполнением этих идеальных образцов. Эмпирический подход к исследованию системы ценностей исходит из того, что никаких «внесубъектных» ценностей не существует. Ценности актуализируются в конкретных ситуациях человеческих взаимодействий [2; 8]. В настоящей статье предлагается социологический анализ эмпирических данных, полученных в ходе экспертного опроса государственных служащих Комитета по сельскому хозяйству и продовольствию Администрации Волгоградской области, проведенного в марте 2010 г.

Комитет по сельскому хозяйству и продовольствию, являясь структурным подразделением Администрации Волгоградской области, осуществляет государственное управление и координацию деятельности в отраслях сельского хозяйства, пищевой и перерабатывающей промышленности. Осуществляя формирование рыночных отношений в АПК, комитет призван обеспечивать поддержание интеграционных связей сельскохозяйственных товаропроизводителей с перерабатывающими и обслуживающими предприятиями [1].

Экспертам был предложен бланк формализованного интервью, содержащий вопросы, направленные на выявление приоритетных социальных ценностей, и вопросы, касающиеся развития индивидуальной карьеры респондента. В опросе приняло участие 56% мужчин и 44% женщин. 19% опрошенных замещают должности руководителей, 22% — помощников (советников), 59% — специалистов. 100% экспертов имеют высшее образование, из них 19% имеют степень кандидата наук. 37% опрошенных имеют экономическое образование, 30% имеют образование естественнонаучного профиля, 19% — техническое образование, и только 15% — управленческое.

Проведенное исследование социальных ценностей государственных служащих позволяет выявить наиболее значимые ценности социальной группы, как в профессиональном плане, так и ценности общечеловеческого морально-этического характера.

Наиболее приоритетными ценностями межличностного общения в среде государственных служащих были названы порядочность (74%), честность (59%) и бескорыстие (26%). Наименее востребованными в указанной социальной сфере оказались любовь (15%), взаимопомощь и терпимость (по 19%). Следует отметить, что наблюдается значительное гендерное расхождение при ответе на этот вопрос. В частности, 42% женщин отметили важность такого качества, как доброжелательность, тогда как лишь 4% мужчин указали на его значимость. В качестве гипотезы указанное несоответствие взглядов можно объяснить характером должностных обязанностей мужчин и женщин в названном комитете. 67% опрошенных женщин замещают должности специалистов, соответственно, скорее всего, именно

в их обязанности входит работа с людьми, в том числе с обращениями граждан. В этой связи резко возрастает значимость такого качества, как доброжелательность, по сравнению с иерархией ценностей межличностного общения, предложенной служащими-мужчинами.

Среди социальных ценностей или ценностей социального взаимодействия в качестве наиболее значимых были отмечены счастливая семейная жизнь (81%), уважение людей (63%) и репутация (52%). Причем в ответах мужчин и женщин в пользу репутации и уважения людей наблюдается диспропорция. Репутация в системе социального взаимодействия признается значимым качеством 19% мужчин и 75% женщин, а уважение людей — 41% мужчин и 50% женщин. Следует разобраться в причинах указанных расхождений среди столь близких по значению социальных ценностей.

Репутация — (франц. *reputatio* от лат. *reputatio* — обдумывание, размышление), создавшееся общее мнение о достоинствах или недостатках того или иного человека, общественная оценка [4]. Таким образом, понятие репутации как смысловая единица предполагает внешнее признание заслуг и носит скорее формально-отстраненный характер. В свою очередь уважение является ценностью, выражающей «почтительное отношение, основанное на признании чьих-нибудь достоинств» [3], т. е. уважение несет изначально положительную смысловую нагрузку. Тот факт, что именно репутация, в сравнении с уважением, является более ценным символическим ресурсом для служащих-женщин, может свидетельствовать о менее благополучном социальном самочувствии женщин в сфере государственной службы. Для них важнее внешнее признание их заслуг, тогда как для мужчин оно является само собой разумеющимся.

В числе социальных ценностей, получивших наименьшее признание: слава, лидерство (по 4%) и авторитет (19%). Результат, на первый взгляд, неожиданный, учитывая специфику государственной службы. Однако, если брать во внимание то обстоятельство, что социальная ценность — это не только значимый, но и дефицитный ресурс, то можно предположить, что невысокий приоритет указанных социальных ценностей свидетельствует не о низкой их значимости, а о том, что представители исследуемой социальной группы в значительной мере ими обладают, что снимает острую потребность в их приобретении.

В одном из вопросов анкеты респондентам было предложено проранжировать приведенные в списке материальные и духовные блага в соответствии с возрастанием приоритетов. В числе лидирующих оказались такие блага, как семья (44%), возможность поддерживать здоровье (41%), благоустроенное жилье и хорошая работа (по 37%), а также возможность обеспечить будущее своих детей (33%). Среди наименее приоритетных материальных и духовных благ респонденты отметили благоустроенное жилье (22%), возможность иметь свой бизнес (19%) и ощущение уверенности в будущем (11%). Заметим, что благоустроенное жилье оказалось в списке наиболее и наименее значимых материальных благ одновременно. Здесь, очевидно, прослеживается разделение респондентов на тех, для кого «квартирный вопрос» уже решен, и тех, для кого жилищная проблема все еще остается актуальной. Низкая заинтересованность государственных служащих в возможности иметь свой бизнес объясняется объективными обстоятельствами: официальным запретом на предпринимательскую деятельность. Невысокое место в иерархии потребностей

такого духовного блага, как ощущение уверенности в будущем, свидетельствует о достаточно благополучном социальном самочувствии исследуемой социальной группы.

Приоритетными ценностями корпоративной этики респондентами были названы исполнительность (79%), строгая дисциплина и инициативность (по 48%). Высокая оценка информантами исполнительности и дисциплины вполне соответствует сложившемуся в массовом сознании представлению о государственных служащих, тогда как признание инициативности столь значимым феноменом корпоративной культуры несколько «выбивается» из сложившегося стереотипа. Наименее востребованными корпоративными ценностями оказались автономия и индивидуализм (7%), беспрекословное подчинение начальству, помощь и поддержка коллег по работе, самоотдача и отзывчивость (по 11%).

В бланк интервью было включено два вопроса, позволяющих выявить соответствие личностных и профессиональных качеств по четырем параметрам: а) качества, необходимые государственному служащему; б) качества, присущие респонденту, в) качества, требуемые от него руководством; г) качества, требуемые им от подчиненных. Экспертам было предложено заполнить соответствующие таблицы. Полного соответствия по указанным параметрам не было выявлено ни по одному из приведенных качеств. Наибольшее соответствие наблюдается при сопоставлении профессиональных качеств, по сравнению с личностными качествами.

Среди личностных качеств государственного служащего максимальное признание получил профессионализм. 78% респондентов считают его необходимым государственному служащему, 59% — признают, что это качество присуще лично им, 67% — отмечают, что их начальство желало бы видеть их профессиональными, 70% — требуют наличия этого качества у подчиненных. Следующим по значимости была отмечена честность. 56% экспертов считают ее необходимой для государственного служащего и заявляют, что сами обладают этим качеством. 37% — отмечают, что их руководство требует от них честности, и сами, в свою очередь, требуют ее от подчиненных. 52% респондентов полагают, что государственный служащий должен быть порядочным, 48% — отмечают это качество в себе, однако лишь 11% экспертов отметили, что это качество высоко ценится начальством, и только 33% — требуют порядочности от подчиненных. 48% опрошенных считают себя добросовестными, 37% — признают, что это качество необходимо государственному служащему, и их начальство желало бы его видеть в них, 30% — требуют добросовестности от подчиненных. Примерно такой же значимостью было отмечено качество компетентности. 44% респондентов утверждает, что компетентными их желало бы видеть начальство, 37% — компетентными желало бы видеть подчиненных, 33% — считает, что это качество необходимо государственному служащему, и 26% — признает компетентными себя. Интересная ситуация наблюдается при оценке такого качества, как образованность. 33% опрошенных считает его необходимым государственному служащему, 22% — отмечает его наличие у себя, 19% — утверждает, что оно высоко ценится руководством, и только 7% — желало бы видеть образованными своих подчиненных. Такое же несоответствие по четырем параметрам наблюдается при оценке тактичности. 33% опрошенных полагает, что государственные служащие должны быть тактичными, 11% — желает видеть тактичными своих подчиненных,

8% — считают тактичными себя, и 4% — утверждают, что тактичность ценится их начальством. Таким образом, несовпадение приоритетов при выборе качеств, необходимо присущих социальному портрету государственного служащего, и качеств, которые респонденты приписывают себе, свидетельствует о том, что информанты осознанно или бессознательно признают собственное несоответствие идеальному образу государственного служащего. С другой стороны, отличие требований, предъявляемых руководством к экспертам, от требований, которые предъявляют к своим подчиненным сами респонденты, может трактоваться двояко. Первое предположение состоит в том, что информантам свойственно считать, что на разных уровнях должностной иерархии к личностным качествам государственных служащих должны предъявляться дифференцированные требования. Второе предположение менее очевидно, и оно должно высказываться с большей осторожностью. Суть его заключается в том, что своими ответами эксперты показывают несогласие с пожеланиями своего руководства относительно тех качеств, которыми должны обладать опрашиваемые. Эта гипотеза строится на основании той посылки, что рациональному субъекту свойственно представление о правильности собственных суждений, и, соответственно, ошибочности суждений, отличных от собственных (в данном случае — суждений руководства).

Как уже отмечалось ранее, при оценке профессиональных качеств государственных служащих наблюдается большее соответствие суждений экспертов по четырем указанным параметрам, по сравнению с личностными качествами. Профессионализм как деловое качество считают необходимым государственному служащему 96% экспертов, 81% — считают профессионалами себя, 74% — отмечают, что их профессионализм высоко ценит начальство, 70% — желают видеть профессионалами своих подчиненных. Компетентность в качестве необходимого для государственного служащего профессионального качества отмечают 70% опрошенных, 67% — считают себя компетентными, 52% — заявляют, что их руководство требует от них компетентности, и 59% — требуют компетентности от подчиненных. 48% респондентов полагают, что государственные служащие должны быть инициативными, 30% считают инициативными себя, отмечают, что инициативность ценится их руководством и ценят ее в своих подчиненных 52% и 56% соответственно. Обладание аналитико-прогностическими способностями считают необходимыми для государственных служащих 48% респондентов, за собой отмечают такие способности 33%, 41% утверждают, что таких способностей требует от них руководство, и 30% требуют их от подчиненных. 41% считают необходимым качеством оперативность, 59% утверждают, что сами обладают ею, 44% отмечают, что оперативность ценится их руководством, и 37% требуют ее от подчиненных.

Небольшой блок анкеты, направленный на выявление оценок успешности собственной карьеры экспертами, не выявил каких-либо непрогнозируемых тенденций.

В ответах на вопрос о факторах, которые в ближайшем будущем смогут определять служебное положение экспертов, лидировал профессионализм (63%), 41% опрошенных отметили исполнительность, а 37% — «полезные» знакомства и родство. При оценке «скорости» продвижения по служебной лестнице наиболее распространенным стал ответ «реже одного раза в 5 лет», его выбрали 37% респондентов. Как и следовало предполагать, показатель «скорости» карьерного роста ниже

для женщин, 58% из них получали повышение реже одного раза в 5 лет, тогда как 33% служащих-мужчин получали продвижение по карьерной лестнице один раз в 5 лет, 27% — один раз в 3 года, и только 20% — реже одного раза в 5 лет.

Оценка социального самочувствия респондентов производилась с помощью вопроса: «Какие отношения преобладают между коллегами по работе в вашем отделе?» Самыми распространенными стали ответы «доброжелательства» и «поддержки, взаимопомощи» — 44% и 41% соответственно.

Ответы на вопросы «карьерного» блока анкеты позволяют констатировать наличие черт клановой организационной культуры в комитете, выступившем в качестве эмпирического поля исследования. В этой связи возникает два возможных варианта стратегии формирования культуры управления. Первая стратегия может быть связана с дальнейшим развитием системы ценностей в русле имеющей зачатки клановой организационной культуры, что создаст реальную опасность окончательного «замыкания» социальной группы государственных служащих без возможности социального контроля. Вторая стратегия должна быть направлена на формирование организационной культуры другого вида (партнерской, например), что, скорее всего, потребует значительных кадровых изменений в органах государственного управления, что на современном этапе является достаточно проблематичным.

В заключение следует отметить, что представленные результаты исследования создают больше оснований для выявления проблемных вопросов, чем для получения готовых ответов. В духе традиций современной английской социологической школы, используя стиль «слабых описаний», предполагающий вероятностное суждение об исследуемом объекте, проведенный анализ эмпирической информации позволяет разметить проблемное поле в сфере выявления аксиологического ядра системы ценностей социальной группы государственных служащих. Определенные узловые моменты в описании предмета исследования уже просматриваются. Первоочередная задача дальнейшего научного поиска, помимо расширения эмпирического поля, состоит в сопоставлении выявленных приоритетных социальных ценностей государственных служащих с общепризнанными ценностями, присущими российской ментально-культурной традиции. Перенеся известное высказывание грузинского философа Н. З. Чавчавадзе «самое страшное для философа — это перестать быть человеком» [5] на государственных служащих, следует признать, что они несут на себе двойное бремя. Как «слуги народа» они должны соответствовать определенному шаблону эффективного управленца, но не стоит забывать — и ничто «человеческое» им не чуждо. Задача же исследователей состоит в определении, злом или благом для общества является проявление этого «человеческого».

Литература

1. Комитет по сельскому хозяйству и продовольствию Администрации Волгоградской области // <http://www.agro.volganet.ru/agrokom/mis.shtml>.
2. Микешина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // Ценности и смысл. 2009. № 1. С. 6–17.
3. Общий толковый словарь русского языка // <http://tolslovar.ru/u183.html>.
4. Словари и энциклопедии // http://dic.academic.ru/dic.nsf/econ_dict/12830.
5. Центр изучения культуры СПбГУ // <http://www.hexis.narod.ru/friends/socurov.htm>.

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Коммерческий успех любого предприятия и, следовательно, его конкурентоспособность в течение длительного времени определяется устойчивым получением прибыли с помощью реализации потребителям производимой продукции и заключается в умении добиваться того, чтобы покупатели в условиях конкуренции отдавали бы предпочтение именно данной продукции. Опыт работы многих отечественных и, тем более, зарубежных предприятий, подтверждает, что в современной конкурентной борьбе выигрывает тот, кто постоянно, получая, используя и внедряя новые знания, борется за свои конкурентные позиции, обеспечивает системный подход, включая и разработку маркетинговой концепции к разработке организационно-экономических мероприятий, направленной на достижение высокой конкурентоспособности малого предприятия.

К одному из социальных аспектов современного развития малого предпринимательства можно отнести и вопросы управления конкурентоспособностью малого предпринимательства. Управление конкурентоспособностью малого предпринимательства должно включать в себя в первую очередь управление конкурентоспособностью нового знания и должно охватывать, с одной стороны, проблемы качества, ресурсосбережения, изучения инфраструктуры внутренних и внешних рынков, с другой — все общие функции управления — стратегический планирование, организацию процессов, учет и контроль, мотивацию и регулирование, выведение нового продукта на рынок, и с третьей — все стадии жизненного цикла управляемых объектов, начиная со стратегического планирования НИОКР и заканчивая утилизацией отработанного объекта.

В настоящее время усиливается роль и увеличивается количество малых предприятий со значительным влиянием на них «рыночной культуры». Под «рыночной культурой» автор предлагает понимать такие взаимоотношения между участниками рыночных отношений, в основе которых лежат основные цели и задачи их деятельности, определяющие смысл их существования и развития.

В общем и целом для рыночной культуры предпринимательства свойственны ориентация на быстрый финансовый успех, достаточно жесткая конкуренция, целеустремленность и некоторый цинизм в этическом аспекте их деятельности [6], т. е. отсутствие ясной социальной направленности. Малому предпринимательству, в том числе малому инновационному предпринимательству, в отношении «рыночной культуры» свойственны ориентация на финансовый успех в стратегической перспективе, достаточно жесткая конкуренция на рынке только на этапе выхода на него, за которым следует либо уход с рынка, либо отсутствие серьезной конкуренции в течение определенного периода времени благодаря своему инновационному преимуществу (новому знанию), но самое главное отличие заключается в социальной направленности малого предпринимательства, которая оказывает серьезное влияние на его развитие [2]. В этой связи хочется заметить, что социальная

ответственность малого предпринимательства ограничивается тем, что целью деятельности коммерческих предприятий в принципе не может быть деятельность, не имеющая конечной целью получение прямой финансовой выгоды.

Именно поэтому для «рыночной культуры» малого предпринимательства характерна нацеленность на продуктивность и конкурентоспособность своего предприятия, которая опирается на новые знания.

В этой связи хочется отметить, что для достижения долгосрочного успеха и повышения конкурентоспособности необходимо внедрение серьезной маркетинговой ориентации малого предпринимательства, т. е. нацеленность малого предпринимательства на получение и внедрение нового полученного им знания.

Конкурентоспособность знаний определяет конкурентоспособность самого малого предприятия и, естественно, первична.

К конкурентоспособности нового знания необходимо подходить как к многомерной концепции и для ее определения необходимо использовать специальные переменные адаптивности, конкурентных преимуществ нового знания и потенциальных результатов экономической деятельности малого предприятия после использования нового знания.

Одно из важных направлений управления конкурентоспособностью нового знания и, следовательно, малого предпринимательства, состоит в разработке методов повышения конкурентных преимуществ потенциального нового знания и его адапционных свойств [7].

Конкурентные преимущества потенциального нового знания условно можно разделить на три вида превосходства потенциалов малого предприятия: «превосходство в умении», «превосходство в ресурсах» и «превосходство в организации».

Первый вид превосходства потенциалов обусловлен эффективностью работы сотрудников малого предприятия (инженеров, рабочих, маркетологов, сбытовиков и т. д.) и включает в себя ноу-хау в исследованиях, проектировании, умелое использование возможностей малого предприятия. Второй вид превосходства определяет: доступ к сырью, энергии, комплектующим, финансовым ресурсам, кадровый состав и его квалификация, производственные возможности, требующие небольших затрат, наличие развитой системы научно-технического, производственного, коммерческого сотрудничества и др. Третий вид превосходства потенциалов малого предприятия обусловлен возможностью, способностью и умением руководства малого предприятия организовать эффективный исследовательский и производственный процесс, стимулировать сбыт и инициативность всех звеньев деятельности малого предприятия.

К основным направлениям адаптации нового знания относятся востребованность результата нового знания и его адаптация к изменению конъюнктуры рынка, адаптация нового знания к другим нововведениям технического и организационного характера, а также к социально-политическим условиям.

Стратегические цели адаптации востребованности результата нового знания и его адаптация к изменению конъюнктуры рынка определяются потребностью в сохранении существующих и освоении новых сегментов рынка, диверсификации производства, создании новых и поддержании существующих преимуществ выпускаемой продукции и продвижении ее на рынок. К стратегическим целям адаптации нового знания к другим нововведениям технического и организационного

характера относится приспособление нового знания к уже выведенным на рынок новым идеям, технологиям и к новым видам материалов, используя преимущества нового знания и имеющиеся ресурсы малого предприятия. Для адаптации нового знания к социально-политическим условиям можно выделить следующие стратегические цели: использование преимуществ политического устройства страны, получение гарантий и использование протекционистских мер органов власти, использование социальной составляющей малого предпринимательства.

К одному из ограничений в процессе адаптации и распространения нового знания на рынке можно отнести дефицит малых предприятий, ориентированных на открытость со своими партнерами, готовность к сотрудничеству, взаимовыгодному обмену новыми знаниями с целью получения синергетического эффекта.

Успех адаптации нового знания и залог конкурентоспособности малого предпринимательства зависит от множества факторов, в числе которых не последнее место отводится сложившемуся или формируемому имиджу малого предпринимательства в целом и отдельно каждым малым предприятием. Именно имидж малого предпринимательства зачастую становится определяющим в процессе адаптации инноваций в рыночной среде, формируя и обеспечивая общественное отношение и характеризуя общественный рейтинг малого предпринимательства в целом и отдельно каждого малого предприятия и, соответственно, внедряемой им инновации, как результата нового знания. По мнению американских исследователей Т. Питерса и Р. Уотермена [5], предприятия, которые сформулировали для себя лишь финансовые цели, как правило, не достигают финансовых результатов, каких достигают предприятия с более широким диапазоном ценностных установок (т. е. идеологии предприятия, его внутреннего имиджа). Т. е. конкурентоспособность малого предприятия, а, следовательно, и конкурентоспособность его новых знаний, предприятием, не формирующим свои ценностные установки, значительно снижается, что также является ограничителем адаптации нового знания на рынке.

Имидж представляет собой неявный (нематериальный) актив малого предпринимательства. Е. А. Лернер определяет имидж предприятия, как корпоративный, или организационный имидж, под которым понимается образ предприятия в представлении групп общественности [5]. Недостатком данного определения в отношении малого предпринимательства, на взгляд автора, является то, что имидж малого предприятия можно сформировать искусственно, либо он формируется стихийно, что на самом деле сегодня и происходит, а также образ малого предприятия формируется с точки зрения востребованности общества в его деятельности [1].

Стихийно формируемый имидж имеет как положительные, так и отрицательные черты, благодаря чему об одном и том же предприятии могут существовать прямо противоположные мнения, которые определяются внешними факторами.

Имидж может быть различным для разных групп общества, поскольку желаемое поведение этих групп в отношении малого предпринимательства, а также востребованность ими продукции малого предпринимательства может различаться. Иначе говоря, имидж это не только средство, инструмент управления, но и объект управления. Для малого предпринимательства возросла необходимость формирования

его положительного имиджа, являющегося одним из объективных стимулов повышения эффективности использования своих ресурсов, в том числе и повышения эффективности применения нового знания. Позитивному имиджу в России, к сожалению, не все предприниматели уделяют достаточное внимание. Но, чаще всего, без уделения внимания и средств формирования своего положительного имиджа, малое предпринимательство на сегодняшний день имеет стихийно сформированный отрицательный имидж, что, конечно, сразу же, в момент создания малого предприятия и выхода его на рынок отрицательно сказывается на его конкурентоспособности [4]. А также заведомо снижает конкурентоспособность любого, даже самого прогрессивного и революционного нового знания, созданного и выводимого на рынок данным малым предприятием.

Позитивный имидж создается основной деятельностью компании, а также целенаправленной информационной работой, ориентированной на целевые группы общества. Сформировавшийся позитивный имидж повышает конкурентоспособность малого предпринимательства на рынке, привлекает потребителя и партнеров, ускоряет продажи и увеличивает их объем, облегчает доступ малого предприятия к ресурсам — финансовым, информационным, человеческим, материальным.

Кстати, многие иностранные предприятия формируют свой положительный имидж на имидже (престиже) своей страны [9]. Только от одного упоминания страны-производителя возрастает доверие покупателя к определенному предприятию. К сожалению, в России нет четкой программы на продвижение своего имиджа, своих отраслей, регионов. Создание современного положительного имиджа России требует комплексного, системного подхода. Формирование и реализация данной программы, могла бы повысить конкурентоспособность малого предпринимательства в целом и многих российских предприятий в частности, а также повысить конкурентоспособность новых знаний на российском и международном рынках [1].

К одному из ограничений в процессе адаптации инноваций на рынке и, соответственно, сдерживающим фактором повышения конкурентоспособности малого предпринимательства можно отнести и расслоение малых предприятий, на предприятия, имеющие выраженную исследовательскую направленность, занимающиеся в основном опытно-конструкторской разработкой и внедрением инноваций, а также внедренческие предприятия, ориентированные преимущественно на внедрение чужих изобретений. Ограничения в данном случае связаны с разными целями, стоящими перед малыми предприятиями: чистое исследование (зачастую ради самого исследования, а не ради экономически целесообразного и необходимого в конкретном историческом моменте результата или чистая финансовая (часто краткосрочная, сиюминутная) выгода.

На практике адаптация нового знания предприятия к воздействию внешней среды возможна на основе создания организационно-экономической системы адаптации с последующей оценкой его потенциальной конкурентоспособности. Оценка своей потенциальной конкурентоспособности должна позволить малому предприятию принимать решения относительно конкурентного положения на рынке, как самого нового знания, так и непосредственно малого предприятия, а также разработать маркетинговые стратегии на перспективу.

Для оценки конкурентных преимуществ малого предпринимательства используются ресурсный, финансовый, маркетинговый анализ, рассматривающие различные факторы внешнего и внутреннего характера. Не все факторы можно однозначно оценить количественно, что определяет разнообразие методов оценки конкурентных преимуществ малого предпринимательства. В основе общей оценки конкурентных преимуществ малого предпринимательства лежит оценка внешней и внутренней конкурентоспособности [8].

Внешняя конкурентоспособность малого предпринимательства определяется условиями, в которых функционируют крупные, средние и малые предприятия, которые отражают изменения инфраструктуры, изменения в экономике страны, политические изменения и т. д. Выпуск новой конкурентоспособной продукции связан с необходимостью перестройки организационной, кадровой и производственной структур любого предприятия, но что касается малого предприятия — оно, обладая гибкой производственной и организационной структурой, такую перестройку переносит менее болезненно, чем крупные и средние предприятия [3]. Хотя эти изменения для него и более ощутимы в финансовом отношении, чем для более крупных предприятий. И именно уровень внешней конкурентоспособности малого предпринимательства предопределяет неравномерность распределения ресурсов между крупными, средними и малыми предприятиями, в том числе и между разными регионами и отраслями.

Внутренняя конкурентоспособность малого предпринимательства отражает влияние внутренних ресурсных потенциалов малого предприятия [3].

Литература

1. Кошелева Т. Н. Стратегии развития малого инновационного предпринимательства. СПб., 2009.
2. Кошелева Т. Н. Значение малого предпринимательства в зависимости от его влияния на экономическое развитие (малое предпринимательство: экономика и экология) // Российское предпринимательство. 2009. № 3. Вып. 1.
3. Кошелева Т. Н. Инновации как основа конкурентоспособности малого предпринимательства // Межвузовский сборник научных трудов. СПб., 2009. Вып. 10.
4. Кошелева Т. Н. Основы предпринимательской деятельности: учеб. пособие. СПб., 2009.
5. Лернер Е. А. Формирование имиджа организации как важного фактора в управлении предприятием во время кризиса. Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления // Сборник научных статей / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб., 2009. Вып. 7.
6. Макаренко М. А. Влияние экономического кризиса на ключевые характеристики организационной культуры. Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления // Сборник научных статей / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб., 2009. Вып. 7.
7. Матвеева О. А. Формирование организационно-экономической системы адаптации предприятия к условиям кризиса в современной России. Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления // Сборник научных статей / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб., 2009. Вып. 7.
8. Пономаренко Т. В., Чебаева Н. Е. Оценка инвестиционной привлекательности горных компаний калийной отрасли России. Глобальный экономический кризис: реалии и пути преодоления // Сборник научных статей / под общ. ред. проф. В. В. Тумалева. СПб., 2009. Вып. 7.
9. Шарков Ф. И. Имидж фирмы: технология управления. М., 2006.

СООТНОШЕНИЕ СЦИЕНТИЗМА И АНТИСЦИЕНТИЗМА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В настоящее время в мире происходит становление глобального коммуникационного пространства, которое оказывает существенное влияние на все стороны жизни общества и отдельного человека. Большое значение в современном мире приобретают наука и научные знания. Наука — это сложное, многостороннее и динамическое явление. Она создавалась и развивалась многими поколениями людей.

Начиная с эпохи Возрождения, многие деятели культуры, науки и философии связывали совершенствование природы человека, его общественной сущности с наукой: только любовь к истине, научный метод, требующий доказательства каждого утверждения, логика науки могут предложить человечеству лучший путь. Этот образ мыслей получил название сциентизма.

Идеология сциентизма зародилась в недрах просветительства, получила развитие в неопозитивизме — отвергает возможность философии как теоретического познания мировоззренческих проблем, противопоставляет науку философии. Позитивистской философии свойственно стремление отказаться от всех доктрин, которые используют в качестве аргументов не проверяемые научно (экспериментально, эмпирически) доказательства. Сюда попали не только действительно использующие «голую риторику» политические идеологии, но и все философские системы, затрагивающие политические вопросы. Сциентизм не учитывает сложную системную организацию общественной жизни, в которой наука занимает важное, но не доминирующее место, он недооценивает своеобразие философии по сравнению с другими науками.

Со временем, однако, становилось все более очевидным, что сциентизм является вовсе уж не таким универсальным мировоззрением, как об этом говорили позитивисты, в подтверждение этому все более вызревали в недрах науки принципы противоположного мировоззренческого подхода — антисциентизма. Антисциентизм провозгласил решительную войну против науки и потребовал возврата к традиционным ценностям и способам деятельности «донаучного» человечества, ибо наука, с точки зрения антисциентизма, приносит больше вреда, нежели пользы. Аргументация антисциентистов приобрела особенно значительный вес, когда они указывали на ту простую истину, что, несмотря на многочисленные локальные успехи естествознания, человечество в целом не только не стало счастливее, но, напротив, получило именно от естествознания самые серьезные угрозы для всего своего существования.

Антисциентизм настаивает на ограниченности возможностей науки в решении коренных проблем человеческого существования, в крайних проявлениях оценивая науку как враждебную человеческому существованию. Главное это само человеческое существование, постигая его человек обретает свободу, выбирает свою сущность и несет ответственность за все происходящее в мире (экзистенциализм). Философия рассматривается как нечто принципиально отличное от науки, носящее чисто утилитарный характер и неспособной подняться до понимания подлин-

ных проблем мира и человека. Антисциентизм трактует социально-гуманитарное знание исключительно как форму сознания, к которой неприменим принцип объективности научного исследования. Крайние формы: Ницше, Хайдеггер, Бердяев, демонстрировавшие стремление рассматривать действительность с позиции человека, трагически борющегося с остальным миром, куда входит и наука. Исходя из действительно имеющих место негативных последствий НТР, антисциентизм в своих крайних формах вообще отвергает науку и технику, считая их силами враждебными и чуждыми подлинной сущности человека, разрушающими культуру. Методологическая основа антисциентистских воззрений — абсолютизация отрицательных результатов развития науки и техники (обострение экологической ситуации, военная опасность и др.).

Противоборство сциентизма и антисциентизма принимает особенно острый характер в условиях современной научно-технической революции и в целом отражает сложный характер воздействия науки на общественную жизнь. С одной стороны, научный прогресс открывает все более широкие возможности преобразования природной и социальной действительности, с другой стороны — социальные последствия развития науки оказываются далеко не однозначными, а в современном обществе нередко ведут к обострению коренных противоречий общественного развития. Именно противоречивый характер социальной роли науки и создает питательную почву для сциентизма и антисциентизма.

С современных позиций является совершенно очевидным то обстоятельство, что, несмотря на такое противостояние сциентизма и антисциентизма, названные их социальные ориентации оказались весьма распространенными в сфере обыденного бытия современного человечества: сегодня одни люди чуть ли не боготворят науку, приписывают ей поистине чудодейственные свойства, другие же — считают, что современные научные достижения приведут к гибели всего человечества, но и те, и другие, находясь в русле именно обыденного сознания, не могут, конечно, быть в состоянии оценить в достаточной степени меру приемлемости того и другого.

Достаточно полный и глубокий анализ отношения этих «крайностей» может быть осуществлен только с профессиональных позиций и, прежде всего, с позиций философии и истории науки. Но и то, и другое также не свободно от абсолютизации той или другой стороны в этом отношении. Так, экзистенциалисты настаивают на неизбежной ограниченности науки и даже — на ее неподлинности. К примеру, датский философ Серен Кьеркегор видел неподлинность науки в том, что она, по его мнению, так ничего и не сделала в области этики, не может, следовательно, дать человеку ничего и из всей сферы духовности [1]. А немецкий философ и социолог Герберт Маркузе полагал, что развитие науки и техники при посредстве экономически и политически господствующего класса приводит в конечном счете к формированию так называемого «одномерного» человека, т. е. человека абсолютно потребительского типа, а, стало быть, человека ограниченного и потому несвободного [2]. Английский же философ Бертран Рассел видел основной порок современной цивилизации в гипертрофированной оценке развития именно естественных наук, вследствие чего общество фактически утрачивает подлинно гуманистические ценности и идеалы.

Исходя из всего сказанного выше, можно даже подчеркнуть, что в своих крайних проявлениях антисциентизм вообще требует отменить науку как таковую.

Правда, при этом остро встает другой вопрос — вопрос об источниках обеспечения людей необходимыми жизненными благами, не говоря уж о большем, — вопросе о необходимости «проектирования» будущего развития человечества.

Таким образом, дилемма сциентизм—антисциентизм выступает как проявление «вечной» проблемы культурного выбора человечества. Эта дилемма отражает в своей специфике противоречивый характер общественного развития, в котором научно-технический прогресс оказывается объективной необходимостью, а его негативные последствия не могут не приводить одновременно не только к известным потрясениям в обществе, но и способствовать, как это ни парадоксально, проявлению высших достижений человечества в сфере именно духовности.

По-видимому, то, что человечество так и не вышло еще на пути разрешения вышеупомянутой дилеммы. Показательным в этом отношении является сложившаяся в обществе оценка роли и места женщины в науке. Ведь не секрет, что еще со времен античности понятие человека отождествлялось лишь с понятием мужчины. Сохраняется, в принципе, такое положение и поныне, несмотря на то что уже давно в Европе провозглашена идея социального и правового равенства между полами. Однако реально выбор между ними дает для женщины гораздо меньше шансов в сравнении с политическими, экономическими и социальными возможностями мужчины, ибо современная цивилизация базируется, так или иначе, преимущественно на типично мужских характеристиках человека — мужественности, инициативности, агрессивности. Одним словом, что есть — то и есть: в мире сегодня доминирует именно мужское начало и, следовательно, созданная мужчинами наука о природе — естествознание. Естествознание, с этих позиций, выступает как наука, не включающая в себя ценности самого человека, и потому является лишенной гуманистических ценностей. И если сциентизм в указанном смысле проявляет себя ортодоксально технологичным, то антисциентизм является в этом смысле не менее ортодоксально критичным и категоричным. Отсюда вышеупомянутая дилемма сциентизма и антисциентизма перерастает в проблему гуманизации естествознания и распространения этого принципа на весь процесс эволюции современной цивилизации [3].

Современный английский писатель Чарлз Сноу в конце XX в. опубликовал книгу под названием «Две культуры», где утверждал, что на одном полюсе цивилизации находится культура, созданная наукой, а на другом — культура, имеющая художественные корни, иначе говоря, культура гуманитарного склада. Таким образом, Сноу выразил как бы традиционное противостояние сциентизма и антисциентизма, но уже в новой постановке вопроса — как противостояние естественнонаучной и гуманитарной культур.

Действительно, естественные науки дают для культуры образ знания в виде уже готовых истин и результатов, в то время как социальная жизнь представляет собой мир сложных, противоречивых и запутанных явлений. Поэтому здесь неизбежно приходится учитывать сложное взаимодействие объективных и субъективных факторов. Под давлением этих новых обстоятельств в науке представления классической науки о необратимых процессах, строгом детерминизме, отрицании роли случайных событий и др. постепенно отходят на второй план. Так, теория относительности показала, что физические свойства движущихся тел существенно зависят от положения систем отсчета в пространстве и времени, а квантовая меха-

ника выявила, что на процессы, происходящие в микромире, неизбежное влияние оказывают именно измерительные приборы. Но и в том, и в другом случае, так или иначе, присутствует субъективный фактор — человек наблюдающий и измеряющий, и с этим в настоящее время уже нельзя не считаться. Указанные тенденции и приведенные примеры определенно свидетельствуют о неизбежности процесса сближения естественнонаучной и гуманитарной составляющих единой человеческой культуры, как доминанты современного научного поиска.

Специфику современной науки конца XX в. определяют комплексные исследовательские программы, в которых принимают участие специалисты различных областей знания.

Объектами современных междисциплинарных исследований все чаще становятся уникальные системы, характеризующиеся открытостью и саморазвитием. Такого типа объекты постепенно начинают определять и характер предметных областей основных фундаментальных наук, детерминируя облик современной, постнеоклассической науки.

К концу XX столетия в науке наметились перспективы преодоления противостояния сциентизма и антисциентизма. Это, прежде всего, связано с широким распространением междисциплинарного подхода и процессами интеграции наук. Междисциплинарный подход является наиболее значимым для развития социального знания, т. к. современная наука формирует единые знания о человеке, развитии общества и государства, природы и жизни. При этом и социальное и естественнонаучное понимание имеет сходные цели — достижение истинного знания.

Литература

1. *Реале Дж., Антисери Д.* Западная философия от истоков до наших дней. СПб., 1997. С. 162–163.
2. *Маркузе Г.* Одномерный человек. М., 1994.
3. *Лешкевич Т. Г.* Философия науки: традиции и новации. М., 2001. С. 51.

В. И. Лихацкий

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ

Рыночные отношения признаны пока непревзойденными по экономической эффективности деятельности организаций, однако с социальной точки зрения нуждаются в специальном государственном и общественном регулировании, что находит свое проявление и в кадровой сфере. Появление первого предпринимательского слоя из наиболее рискованных категорий населения России и профессиональный рост его представителей до уровня руководителей достаточно высокого ранга свидетельствуют о возможности реализации инициативы и творческого потенциала каждой личности.

В то же время с переходом к рынку нельзя не замечать появления новых и достаточно сложных проблем в кадровой работе, которые могут привести страну к тенденции постепенной потери интеллектуального потенциала нашей нации.

Так, талантливые молодые люди с современным образованием далеко не всегда могут найти в нашей стране возможность реализации своих способностей из-за отсутствия современного технологического оборудования и достаточного внимания к удовлетворению даже минимальных потребностей. Существенное различие в оплате труда, материальные и жилищные трудности нередко становятся причиной оттока нашей интеллектуальной элиты в зарубежные экономически развитые страны.

Недостаточными темпами происходит воспроизводство опытных кадров в сфере интеллектуального и высококвалифицированного труда, где в настоящее время продолжают работать люди преимущественно предпенсионного и пенсионного возраста. Таким образом, постепенно складывается критическая ситуация в сфере высоких технологий.

Причиной такого негативного явления становится недостаточная престижность умственного труда в России и естественное стремление молодых людей после получения современного образования к трудоустройству в торгово-закупочной сфере, где пока выше уровень заработной платы и достаточно простая технология самоопределения, но без особой перспективы по мере роста конкуренции.

Страна традиционно богата талантливыми людьми, однако их выявление во многом носит случайный характер из-за недостаточно развитой системы профессиональной ориентации молодежи. Без продуманной долгосрочной государственной политики сохранить и приумножить интеллектуальную элиту страны достаточно сложно.

Противоречивость влияния рыночных отношений на процессы трудоустройства и социализации личности в целом проявляется в трех основных направлениях, которые оказывают как положительное влияние на выращивание руководящих кадров, так и тормозят процессы развития и социализации личности.

Во-первых, рыночные свободы предоставляют широкие возможности для проявления инициативы каждой личности и реализации потенциальных предпринимательских способностей. Для этого необходимо овладеть современными знаниями и накопленным международным опытом менеджмента, настойчиво добиваться поставленных целей, проявляя трудолюбие, творчество и разумный рыночный риск.

На этой основе в современной России уже сформировался пока недостаточно обширный по масштабам, но устойчивый слой среднего класса, который со временем может составить основу стабильности социально-экономического развития общества. Однако массовая коррупция в органах власти и недостаточное уважение к соблюдению законодательства о предпринимательстве в современной России зачастую привлекает в ее ряды представителей с криминальными наклонностями и, наоборот, отталкивает честных и инициативных людей.

Во-вторых, рыночные отношения предполагают хозяйственный расчет и окупаемость затрат, в том числе и финансовых вложений в развитие человека. В соответствии с этой особенностью рынка государство отказалось от полностью бесплатной системы образования и в настоящее время в России существует реальная рыночная конкуренция между бюджетными, негосударственными и коммерческими образовательными учреждениями.

Расширение объема платных образовательных услуг снижает их доступность для многих способных, но недостаточно обеспеченных молодых людей. Весьма

нежелательна перспектива, когда образование в стране станет привилегией только богатых и очень богатых, которые далеко не всегда блещут талантами.

В-третьих, в современных условиях начинает проявляться негативная тенденция снижения эффективности результатов образовательной деятельности. В частности, при свободном распределении выпускников бюджетных образовательных учреждений многие вчерашие студенты сталкиваются с все возрастающими трудностями на рынке труда.

При найме на работу предпочтение отдается кандидатам, имеющим опыт практической работы, интересы работодателей здесь вполне объективны и понятны. Однако совмещение студентами учебы и работы резко снижает качество образования. К тому же серьезную конкуренцию выпускникам бюджетных вузов создают выпускники платных образовательных учреждений, имеющие, как правило, достаточно обеспеченных родителей, которые стремятся оказывать содействие трудоустройству своим детям всеми доступными способами.

Следовательно, бюджетная образовательная система фактически работает частично вхолостую, т. к. не имеет данных о том, куда же деваются ее выпускники. Особенно такая ситуация проявляется в сфере высшего профессионального образования. Поэтому господствовавшая ранее точка зрения о том, что с высшим образованием легче устроиться на работу, в последние годы изменилась на противоположную тенденцию.

Следует констатировать, что профессиональной ориентации в вузах пока уделяется недостаточное внимание. Названия факультетов заменяют для студентов точное название специализации. В результате каждый второй студент плохо представляет, какую профессию он приобретает в вузе. Такая ситуация рано или поздно порождает массовое несоответствие получаемой в вузе профессиональной подготовки запросам рынка профессий интеллектуального труда, недовольство и, как следствие, социальный протест студентов. Еще менее информированы студенты о месте своей будущей работы после окончания обучения.

Результаты общероссийского исследования свидетельствуют, что почти каждый второй студент сомневается в возможности трудоустройства по специальности. В наибольшей мере это беспокоит студентов гуманитарных, сельскохозяйственных и естественнонаучных специальностей. Более уверены в своем трудоустройстве по специальности студенты педагогических и медицинских вузов, что связано с дефицитом учителей и врачей.

Студенты столичных и региональных вузов примерно одинаково оценивают перспективы своего трудоустройства, хотя в отдаленных регионах положение на рынке труда значительно более острое. Абсолютное большинство российских студентов после окончания вуза намереваются остаться работать в том же городе (области), где они учились, независимо от того, есть или нет вакансии по их специальности. Эмигрировать с целью трудоустройства планируют прежде всего студенты естественнонаучного профиля обучения, студенты-экономисты и студенты технических вузов.

В настоящее время вузы слабо влияют на трудоустройство своих выпускников. Лишь в некоторых из них открыты маркетинговые службы, помогающие молодежи. Подчеркнем, что отсутствие планирования в системе образования формальных организаций государственных структур обуславливает стихийность очень дорого-

стоящих для общества процессов подготовки высококвалифицированных кадров «в никуда». Это подтверждается тем, что самый высокий уровень безработицы в стране отмечается среди специалистов с высшим образованием. Решение данной проблемы требует создания двух государственных организационных структур:

- системы планирования образования, позволяющей привести в соответствие подготовку специалистов и рынок труда с учетом перспектив развития материального и духовного производства;
- создание маркетинговых служб в высших учебных заведениях России как обязательного структурного элемента системы образования.

Такие службы обязаны постоянно работать с различными сферами производства, заключать договоры на подготовку специалистов, отслеживать состояние рынка труда в своей отрасли, предоставлять выпускникам вузов максимально полную информацию, касающуюся трудоустройства.

Вузы пытаются содействовать трудоустройству своих питомцев. С этой целью создаются различные (как правило, пока небольшие, нередко 1–3 человека) службы (подразделения) занятости, организуются встречи с представителями предприятий, куда ранее традиционно поступали на работу выпускники, с новыми работодателями.

Незнание жестких требований рыночной экономики, необъективная оценка (переоценка) своих профессиональных качеств вчерашними выпускниками вузов приводят к тому, что они нередко терпят фиаско и через некоторое время (принудительно или добровольно) оказываются за воротами организаций. Вместе с тем большинство способных сотрудников, преодолевая различные трудности, объективные и субъективные препятствия, успешно реализуют свою деловую карьеру.

Е. Р. Мкртчян

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Начиная с эпохи Возрождения, наука, отодвинув на задний план религию, заняла ведущую позицию в мировоззрении человечества. Научное сообщество диктовало обществу правила практически во всех областях жизни, наука была высшим авторитетом и критерием истинности. На протяжении нескольких веков наука являлась базовой деятельностью, цементирующей различные профессиональные области деятельности людей. Она стала базовым социальным институтом, т. к. в ней формировались единая картина мира и общие теории, выделялись частные теории и предметные области профессиональной деятельности в общественной практике. Производство научных знаний было основным видом производства, определяющим возможности материального и духовного производства. Согласно Ю. Хабермасу, «никакой взаимосвязи науки и техники до конца XIX в. не существовало», а «вклад науки в процесс модернизации был, скорее, косвенным» [4, с. 79].

С XVIII в. до середины XX в. в науке открытия следовали за открытиями, а практика следовала за наукой, но затем этот этап резко оборвался.

Стремительный рост научного знания, технологизация средств его производства привели к резкому увеличению дробности картины мира. Определились кар-

динальные противоречия в строении единой картины мира, созданной наукой, и сама наука породила внутренние противоречия в структуре научного знания.

Со второй половины XX в. триумф науки миновал и существенно изменилась роль науки по отношению к общественной практике. Современное общество не только сильно дифференцировалось, но и стало реально поликультурным. Если раньше все культуры описывались в едином «ключе» европейской научной традиции, то сегодня каждая культура претендует на собственную форму самоописания и самоопределения в истории. Возможность описания единой мировой истории оказалась крайне проблематичной и обреченной на мозаичность. Встал практический вопрос о том, как организовать «мозаичное» общество, как управлять им. Оказалось, что традиционные научные модели «работают» в очень ограниченном диапазоне, когда речь идет о выделении общего, универсального, но не там, где постоянно необходимо удерживать разное как разное.

«Онаучивание техники» [4, с. 87] постепенно способствовало технологическому совершенствованию практики. Основное внимание ученых переключилось на развитие компьютерных технологий. Новейшие ИКТ изменяют формы организации научных исследований. В условиях глобализации, в странах, органически ассимилировавших сетевые информационно-коммуникационные технологии, все больше воплощается в жизнь идея виртуальных коллективов или виртуальной лаборатории. Работа научных коллективов, распределенных в пространстве, но функционирующих как единое исследовательское подразделение, становится новой формой организации науки. Такие понятия, как виртуальный коллектив или виртуальная лаборатория, которые начинают называться *collaboratory* — своеобразный гибрид *collaboration* и *laboratory*, передающий суть новой организационной конструкции. Для российской науки интерес к виртуальным лабораториям пока, к сожалению, не характерен.

С конца 1990-х гг. в центр внимания выдвинулись новые формы научных коммуникаций и основным вопросом в отношении ИКТ стал вопрос об их воздействии на эффективность научной деятельности. Сегодня многие ученые уже не представляют свою дальнейшую работу без этого сервиса, но вопрос о том, насколько они способствуют продуктивности и успешности научной работы, не имеет ответа в мировой литературе, а мнение о «безусловной полезности» новых технологий для научной деятельности подкрепляется обычно лишь общими логическими соображениями» [3].

Информатизация, конвергенция компьютерных и телекоммуникационных технологий, переход к широкомасштабному применению современных информационных систем в сфере науки и образования привели к смене парадигмы в профессиональном мировоззрении, связанной с нарастающими тенденциями интеграции информационной и научно-исследовательской деятельности. Наука переключилась на непосредственное обслуживание практики. Если раньше «чистая наука» Г. Галилея производила «вечное знание», а теории, законы, принципы «работали» столетия или десятилетия, то сегодня наука все реже достигает этого уровня обобщения, концентрируя свое внимание на моделях, характеризующихся многозначностью и вариативностью решения проблем. Не отвлеченные теории, а работающие модели стали наиболее востребованы. Возобладала точка зрения Ф. Бэкона о том, что обществу нужна наука, искусная не в схоластических спорах,

а в изобретении новых ремесел. О. Конт сделал данный принцип кредо социологии — «знать, чтобы уметь действовать».

Сегодня наука все больше переключается на «ситуативное» знание, тесно связанное с принципом дополнительности, сформулированном еще Н. Бором. Если классическая наука ориентировалась на получение системы знаний в окончательном и завершенном виде, на однозначное исследование событий, на исключение из контекста науки влияния деятельности исследователя и используемых им средств; на оценку входящего в наличный фонд науки знания как абсолютно достоверного. С появлением принципа дополнительности в контекст науки включается субъектная деятельность исследователя, что привело к изменению понимания предмета знания, которым стала не реальность «в чистом виде», а некоторый ее срез, заданный через призмы принятых теоретических и эмпирических средств и способов ее освоения познающим субъектом. Было признано, что взаимодействие изучаемого объекта с исследователем (в том числе посредством приборов) не может не привести к различному проявлению свойств объекта в зависимости от типа его взаимодействия с познающим субъектом в различных, часто взаимоисключающих условиях. Все это означало признание правомерности и равноправия различных научных описаний объекта, в том числе различных теорий, описывающих один и тот же объект, одну и ту же предметную область.

Сегодня факт трансформации роли науки в современном обществе настолько неоспорим, что он стал объектом научной рефлексии самого научного сообщества.

Д. Белл рассматривает изменения в науке в контексте взаимоотношения науки и государства, подчеркивая три структурных сдвига. Первый связан с изменением состава прежней научно-политической элиты, которая прежде состояла в большинстве своем из физиков, ввиду их центрального места в военных исследованиях. Сегодня не существует некоей центральной элиты, резкое увеличение количества научных дисциплин существенно расширило научное сообщество. Второй — с уменьшением связи военно-промышленного комплекса от университетской науки. Военные имеют свои собственные научно-исследовательские лаборатории. Третий сдвиг касается роста фондов, выделяемых для научных исследований и разработок, которые увеличили количество претендентов на денежные средства для науки [1, с. 539—540]. Ученые создают коммерческие и некоммерческие структуры для проведения научных исследований и оценок. Д. Белл ставит также вопрос о том, кто сегодня может выступать от лица науки в условиях изменения ее роли в обществе: отдельные личности, научные движения или институциональные ассоциации. В результате роста количества научно-технических ассоциаций, финансовых ресурсов, выделяемых на нужды науки, количества людей, занятых в науке и изменения в целом, роль науки в информатизации общества подчеркивает неизбежность бюрократизации науки [1, с. 540].

В ближайшие десятилетия, по мнению Д. Белла, проблема создания структур представительства станет для науки одной из труднейших. В конце 50-х гг. XX в. говорилось о «парламенте науки», но из этой идеи ничего не вышло и маловероятно, что он когда-нибудь будет создан. Тем не менее, вполне возможна большая степень координации и очевидна необходимость более четкой идентификации представляющих науку органов. Неизбежно возникновение напряженности между бюрократическими тенденциями, проявляющимися в большой науке, и харизма-

тическим измерением научной деятельности, которая рассматривает самое себя как самоцель.

3. Бауман рассматривает изменение роли науки в контексте ослабления традиционных институциональных основ и гарантий влияния университетов. Центральное место университетов находится сегодня под вопросом, а повсеместное ее снижение в производстве научных знаний меняет и роль науки в обществе. Он подчеркивает, что постоянная и непрерывная технологическая революция превращает обретенные знания и усвоенные привычки в обузу и быстро сокращает срок жизни полезных навыков, которые теряют свою применимость и полезность за более короткий срок, чем требуется на их усвоения и подтверждения университетским дипломом. Университеты вынуждены конкурировать с другими организациями, значительно более искушенными в проталкивании собственных идей и гораздо лучше понимающими желания и страхи современной клиентуры [2, с. 165–166]

В условиях доступа к Интернету, когда последние достижения научной мысли, переработанные и адаптированные к требованиям учебных программ, становятся все более доступными, претензии на обучение становятся естественным правом всех желающих. Навыки, необходимые для практического освоения постоянно меняющихся профессий, в целом не требуют систематичных научных знаний и продолжительной учебы. Ценность научного знания с трудом конкурирует с рыночной ценностью повышения квалификации и даже с ценностью краткосрочных курсов [2, с. 163]. 3. Бауман подчеркивает еще одну тенденцию в научной среде, связанную с ростом терминологической, и я бы добавила, методологической «толерантности», которая по мнению ученого вносит путаницу в употребление научных понятий, которые порой имеют принципиальное значение для научного анализа.

Проблема соотношения теории и практики в современном мире находится в объективе внимания Ю. Хабермаса. Свообразие этих отношений он прослеживает на примере роли процессов инструментализации и онаучивания техники и политики, влекущих угрозу безраздельной власти технократического сознания над ходом общественного развития. Он пишет, что сначала посредством научных методов были революционизированы процесс производства, «затем ожидания технически правильного функционирования были перенесены на общественные сферы» [4, с. 126]. Прежняя максима о том, что наука образует, требовала строгого разделения университета и высшей профессиональной школы. Сегодня наука тесно связана с производством и управлением. «Исследования научных достижений в технике и обратное влияние технического прогресса на исследование превратились в субстанцию мира труда» [4, с. 125]. Наука отделилась от образования в той мере, в какой она пронизала профессиональную практику. Утверждение, согласно которому наука образует, уже не соответствует состоянию опытных наук.

Ю. Хабермас подчеркивает сужение диапазона влияния науки, отмечая, что «когда-то наука могла стать практической властью», но сегодня науки сообщают лишь некие «специфические умения», но «это не то же самое, что новые умения в жизни и деятельности, которые ожидалось от научно образованных людей» [4, с. 125]. Умения распоряжаться, которые обеспечивают эмпирические науки, невозможно перепутать с потенциалом просвещенного действия. Научный контроль над естественными и общественными процессами не освобождает человека от действий. Как и прежде должны разрешаться конфликты, сталкивающиеся интересы,

находить интерпретации. Сегодня практические вопросы определяются системой технических достижений.

Е. З. Мирская, рассматривая науку как важнейший социальный институт, фиксирует внимание на трудностях, которые возникают на стыке новых технологических возможностей науки и старых политических установок. Новые технологии создали глобальную возможность для научного сотрудничества, не ограниченного ни расстояниями, ни государственными границами, и легко осуществляемого в режиме реального времени. Наука должна быть открытой, а научное знание должно быть доступно всем, но попытки интернационального использования фундаментального научного знания наталкиваются на реальность национальных расходов на получение нового знания и его хранение. Интернациональные научные проекты должны преодолевать различия национальных интересов их участников и, на фоне очевидной тенденции глобализации мирового хозяйства, по-видимому, со временем трансформация науки в этом же направлении неизбежна. Но в действительности мировой науки не существует, т. к. она организована по национальному принципу, да и в национальных рамках она еще разделена ведомственными барьерами.

Е. З. Мирская ставит ряд вопросов, которые остаются до сих пор не ясными. Смогут ли современные компьютерные телекоммуникации послужить инструментом реструктурирования мозаики национальных фундаментальных исследований в интегрированную глобальную систему? Способно ли дальнейшее развитие ИКТ само по себе привести к интеграции национальных исследовательских систем в глобальную? На основании результатов десятилетних социологических исследований процесса ассимиляции ИКТ в ведущих институтах РАН (1995–2004 гг.) показывает, что ответ на первый вопрос положителен, ибо интернет-технологии, обеспечивающие технологическую основу глобализации науки, идеально соответствуют информационным и коммуникационным потребностям ученых и легко ассимилируются научным сообществом. Однако ответ на второй вопрос, во всяком случае для России, пока остается отрицательным. Думаю, и сегодня мало что изменилось. Развитие сетевых коммуникаций — условие необходимое, но недостаточное для реальной интеграции национальных исследований в единое целое. Пока компьютерные сети не станут сетями, с которыми связано финансирование, т. е. практически — пока у нас не будет реализовано программное финансирование, они будут оставаться очень удобным, эффективным, приоритетным, но все же — только одним из средств научной коммуникации [3].

Опыт использования новейших ИКТ в США и наиболее развитых европейских странах позволяет выделить некоторые латентные тенденции, которые с течением времени могут оказаться опасными для науки. Предоставляя доступ к необычайно большому объему разнообразной информации и облегчая ее целенаправленный поиск, новые информационные технологии сужают угол зрения ученого, т. к. резко сокращают спонтанное ознакомление с информацией по смежным проблемам, методам, подходам, имеющее место при работе с печатными изданиями. Значительная часть ученых, сосредоточенных на своей научной работе, по возможности избегают самостоятельного поиска информации в Интернете. Экономия времени, они зачастую обращаются не к поисковым системам, а к коллегам, уже знакомым с этой информацией. Роль и функции «творцов» и «информаторов», всегда неравномерно распределявшиеся по отдельным ученым, еще сильнее обособляются, что еще

больше сокращает долю «непредвиденной» научной информации, спонтанно падающей к исследователю и расширяющей его кругозор. Это не может не повлечь за собой ослабление универсализма ученого, а также его открытости новым идеям и подходам.

Виртуальные группы научного общения, легко формирующиеся на основании общности профессиональных интересов, объединяют все более гомогенизированные коллективы, явно менее разнообразные, чем невидимые колледжи. Усиление фрагментации, «капсулирование» проблемных областей ослабляют возможность перекрестного опыления — одного из основных стимуляторов развития научного знания. Сохранение разнообразия — крайне важное условие устойчивой дееспособности и продуктивности интегрированной глобальной науки. Собственная жизнеспособность науки обеспечивается разнообразием (на личностном, групповом и национальном уровнях), поэтому его сохранение — одна из серьезных задач и проблем для исследования.

Новый способ оперативного обеспечения исследовательскими кадрами новых проблемных областей — формирование сети из уже существующих и известных специалистов — эффективен лишь на краткосрочной перспективе, но не стимулирует выращивания новых кадров и будет ограничен рамками наличных идей и подходов. Совершенно очевидно, что развитие новейших ИКТ и их внедрение в науку, появление новых форм организации исследований, необратимо и представляет собой доминирующую тенденцию, во всяком случае — на ближайшее десятилетие.

Значительная часть научных исследований сегодня проводится в прикладных областях, в частности, в экономике, социологии, технологиях, в образовании и т. д., и посвящается разработке ситуативных моделей организации производственных, финансовых структур, образовательных учреждений, фирм и т. п. Но результаты таких исследований актуальны непродолжительное время, меняются условия и такие модели перестают работать. Но такая наука необходима и такого рода исследования являются в полном смысле научными исследованиями.

Научное знание сегодня сосуществует с другими видами знаний. Сегодня человеку приходится пользоваться знаниями совершенно иного рода: знанием правил пользования компьютерным текстовым редактором, банками и базами данных, стандартами, статистическими показателями, расписанием движения транспорта, огромными информационными массивами в Интернете и т. д. Эти знания становятся частью повседневной жизни людей, но вряд ли их можно назвать научными, поскольку их постоянное обновление переносит прежнее «знание» в небытие. В публикациях некоторых авторов предлагается разделять понятия «научное знание» и «информация».

Постоянные социальные изменения и инновационность практики, которые стали атрибутом современности, не позволяют ждать научных рекомендаций, требующих времени для их разработок, проверок достоверности и апробации в эксперименте и, только потом, внедрения. Пока это произойдет, ситуация меняется коренным образом, поэтому практические работники стали создавать инновационные модели социальных, экономических, технологических, образовательных и т. п. систем сами.

С конца XX в. наряду с теориями проявились такие интеллектуальные организации, как проекты и программы. Для грамотной организации проектов

и грамотного построения и реализации новых технологий, инновационных моделей практическим работникам понадобился научный стиль мышления, навыки научной работ. Потребность в умениях быстро ориентироваться в потоках информации и создавать, строить новые познавательные и практические модели стала причиной устремления практических работников в к науке, к научным исследованиям. Во всем мире, в том числе и в России, стремительно растет количество защищаемых диссертаций и получаемых ученых степеней. Если раньше ученая степень была нужна лишь научным работникам и преподавателям вузов, то сегодня основная масса диссертаций защищается практическими работниками — наличие ученой степени становится показателем уровня профессиональной квалификации специалиста. Аспирантура и докторантура становятся очередными ступенями образования.

Мировые тенденции быстрого развития новых информационных технологий, в том числе, в сфере науки, привели к появлению большого числа разнообразных информационных ресурсов и услуг. Обеспечение свободного оперативного доступа российских пользователей к этим ресурсам стало одной из первоочередных задач информационного обслуживания науки, культуры и образования. Наиболее эффективно эта задача решается путем создания электронных библиотек, которые реализуют качественно иной подход к оперированию разнообразной информацией в электронном виде и предоставлению ее массовому пользователю.

Последние годы в России наблюдается заметный прогресс в использовании современных информационных технологий. Выпускаются электронные издания на компактных оптических дисках, возникли сотни российских web-серверов в глобальной сети Интернет, содержащих разнообразную научную, культурную, образовательную, массовую и другую некоммерческую информацию. Создано несколько тысяч оригинальных учебно-образовательных программ, в том числе и для дистанционного обучения. Но население России пока живет в слабо компьютеризированной среде, успокоившись тем, что стали доступными компьютеры и появился доступ в Интернет, т. е. — достигли «мирового уровня», забывая, что этот уровень непрерывно растет и новые технологии очень быстро заменяются новейшими, радикально превосходящими прежние.

Не успели российские ученые хотя бы обсудить виртуальные лаборатории, как уже заработала международная сеть (grid system), которая обслуживает современные физические проекты, порождающие огромные массивы экспериментальных данных. Распределяя информационные потоки между соисполнителями из разных стран, grid обеспечивает оперативную обработку данных и быстрое получение научных результатов. Опыт физиков распространяется в другие дисциплины, и речь уже идет об электронной науке (e-science), в том числе и об электронных общественных науках (e-social sciences). В таких условиях даже для того, чтобы быть в курсе интернациональной научной информации и поддерживать международные контакты, требуется постоянное обновление информационно-коммуникационной инфраструктуры национальной науки. Поэтому перспективы российских ученых на достойное место в мировой науке серьезнейшим образом связаны с тем вниманием, которое в ближайшее время будет уделено дальнейшему внедрению и, главное, — развитию новейших сетевых информационно-коммуникационных технологий

Ученые отмечают изменение оснований, на которых сегодня возводятся и разрушаются научные репутации, публичная известность и общественное влияние.

«В науке, целью которой был поиск истины, известность приходит на смену славе и признается мгновенным вариантом бессмертия» [2, с. 200]. Если раньше интеллектуальное влияние измерялось количеством учеников, желающих услышать учителя, позже количеством проданных экземпляров книг и оценкой критиков. Сегодня эти основания перешли в руки руководителей СМИ и интеллектуальное влияние ученого определяется не его достижениями, а его известностью. Правила погони за известностью заставляют преподавателей и ученых вступать в состязание со спортсменами, артистами, победителями лотерей, серийными убийцами и т. д. В таких состязаниях у ученых практически нет шансов победить, ибо наука делается в тишине и вряд ли привлечет внимание общественности.

Еще одной тенденцией развития современной науки является стирание знака равенства между научным знанием, культурой, нравственностью и общественным и личным благосостоянием. XX в. разрушил наивную веру в гуманизирующую роль науки в обществе. «Двуликим символом науки», одновременно создающим и разрушающим, стал Р. Оппенгеймер, спроектировавший ядерную бомбу. Далее были Хиросима и Нагасаки, Чернобыль и т. д.

Таким образом, роль науки в современном обществе изменилась кардинальным образом. Данный фактор вызывает и будет дальше вызывать существенное влияние на все стороны жизни общества: политику, экономику, социальную сферу, образование, культуру и т. д. Наблюдается стремительное сближение науки и практики с целым рядом преимуществ и неявных пока последствий, требующих изучения и постоянного мониторинга.

Литература

1. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / пер. с англ. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
2. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под. ред. В. Л. Иноземцева. М., 2005.
3. *Мирская Е. З.* Наука в информационном обществе: новые возможности и проблемы // <http://emage.iis.ru/arc/infosoc/emage.nsf/BPA/694ddb0421af80efc32571e3003d1>.
4. *Хабермас Ю.* Техника и наука как «идеология» / пер. с нем. М. Л. Хорькова. М., 2007.

И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

ЮНЕСКО на двух Всемирных конгрессах в Женеве 10–12 декабря 2003 г. и в Тунисе 16–18 ноября 2005 г. предложила и разработала концепцию общества знания. В ее основе лежит разумный принцип обеспечения свободного доступа к знаниям, накопленным всем человечеством, всеми народами мира в разные времена и в разных странах. Достижение такого общества признано главнейшей тенденцией культурного развития мирового сообщества. В связи со стратегической направленностью усилий ЮНЕСКО и объявлением общества знания как конечного пути современного социального развития, его название, как нам кажется, выбрано не совсем удачно и корректно. Так как вызываются ассоциации, что человечество всю свою историю до сих пор проживало в «обществах незнания». Но лишь самый

первый, примитивный первобытный период исторического развития можно назвать таким обществом. Во всех же остальных, начиная с эпохи появления первых государств, всегда умные люди, знания, наука, образованность ценились и всемерно создавались (поощрялись) условия для накопления знаний и претворения их на практике. Рассмотрим исторические периоды развития науки, отметив характерные для каждого периода социальные признаки и факторы.

Мы можем выделить семь периодов исторического развития науки: 1) примитивный; 2) сакральный; 3) античный; 4) эпоха компиляции; 5) бытовой науки; 6) королевского покровительства; 7) машинного переворота; 8) военного противостояния; 9) цифровой информации и нанотехнологий.

Примитивный период является самым первым в истории развития науки и, очевидно, соответствует первобытному обществу. Это единственный период в жизни человечества, когда наука была неотделима от остальных областей деятельности, составляя синкретическое целое со всей первобытной культурой. Любые открытия, достижения человеческой мысли становились достоянием общества и сразу использовались для его блага. Не было отдельных социальных слоев, ответственных за научную деятельность или сохранение знаний. Практически все члены первобытного общества усваивали эти знания с самого детства и передавали потом своим детям.

Сакральный период начинается с разложением первобытнообщинного строя и появлением первых государственных объединений. Наука вычленяется из спектра синкретических знаний и формируется социальный слой, ответственный за накопление, сохранение и передачу научной информации. Этим слоем оказываются жрецы. Они создают сложную структуру научных знаний из трех уровней: обыденного, инженерно-технического и сакрального. Первый был связан с обращением внутри простого народа и в основном был оформлен в виде системы религиозных обрядов (земледельческих, семейных, гражданских). Население обычно не посвящалось в мифологическую сущность этих обрядов, но должно было строго им следовать. Инженерно-технические знания были связаны с промышленной, строительной, военной, ювелирной сферами, и передавались ограниченному контингенту профессионально-подготовленных людей через систему специальных учебных заведений. Сакральные знания представляли собой целостную совокупность знаний о природе, обществе, человеке, которые были оформлены в виде сложной системы символов, мифов, идей. К этим знаниям прибавлялась только очень незначительная когорта «посвященных». Развитые символично-мифологические системы мира создали древнеегипетские жрецы, вавилонские священники, древнегреческие оракулы, кельтские друиды. Обладали сакральным знанием и древнеславянские волхвы.

Античный период в истории науки характеризовался стремительным развитием интенсивных международных связей между различными регионами Средиземноморья в середине I тыс. до н. э. Широкий диалог культур способствовал разграничению и узкой специализации экономической и социальной жизни этих регионов. В результате значительно повысился общественный статус образования и научной деятельности. Формирующаяся единая средиземноморская цивилизация потребовала обобщить и унифицировать все накопленные к этому моменту человечеством знания. И античные греки, а за ними чуть позднее и эллинические греки, расселив-

шись по всему Средиземноморью, поспешили выполнить данный социальный заказ. Пифагор, Платон, Евклид, Полибий, Птолемей. Но самое великое, поистине энциклопедическое наследие, определившее развитие науки фактически на два тысячелетия вперед, оставил Аристотель.

Период компиляции в истории науки начинается с эпохи Древнего Рима и заканчивается к началу Возрождения. В это время актуальными становятся проблемы глобального политического переустройства, создания мировой религии, налаживания межэтнических связей. Наука должна была стать универсальной, понятной всем и решать сугубо прикладные задачи. В результате поощрялись обобщающие исследования, содействующие регулированию государственных, национальных, экономических, транспортных отношений. Наиболее популярными становились работы компиляторского, справочного типа, которые преимущественно назывались Энциклопедиями или Лексиконами. Особо преуспели в их создании византийцы и арабы. Благодаря желанию арабов-мусульман обобщить знания всех известных им народов (труды Ибн Кутайбы, Бируни, Аверроэса, Авиценны, Ибн Хальдуна) европейская наука получила ряд уникальных справочников, обеспечивших ее расцвет в XVII–XVIII вв. В свою очередь, во многом отталкиваясь от трудов Аристотеля, европейские монахи также создали свод канонических знаний о мире — схоластику. Ее основу составили труды Боэция, Августина Блаженного, Альберта Великого, Роджера Бэкона, Винченца Бовэсского, Раймонда Луллия.

Период бытовой науки характеризуется ориентацией всех исследований строго на конкретные нужды человека. С XII–XIII вв. в Европе стабилизируется этническая и политическая обстановка и начинает довольно быстро развиваться техника. Практически вся наука становится прикладной, и ее развитие полностью определяется бытовыми потребностями общества. Изобретательская деятельность направлена, прежде всего, на создание механизмов содействующих строительству, мельничному хозяйству, военному делу, мореходству, астрономическим измерениям, ткачеству. Появляется огнестрельное оружие, гидравлическая и коленчатая передачи, водяное колесо, башенные и механические часы, сверлильный станок, химические удобрения. Изобретаются бумага и книгопечатание. Помимо «семи схоластических наук» — грамматика, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка (гармония) — активно развиваются «семь механических наук» — агрокультура, охота, торговля, строительство, ювелирное дело, хирургия, музыка (инструменты). Государства, массово внедряющие научно-технические изобретения, быстро выдвигаются в число передовых в Европе — вначале Византия, потом последовательно Венеция, Испания, Португалия, Фландрия (Испанские Нидерланды), Голландия, Англия, Франция.

Период королевского покровительства характеризуется усиленным покровительством науки в лице державных правителей. Эпоха Возрождения дает стремительный толчок развитию культуры. Поддержка искусства становится престижным для любого европейского монарха. Рост самодержавия, мощи европейских держав вынуждает монархов создавать при своем дворе культурные центры, которые объединяют видных художников, композиторов, писателей, философов, изобретателей, а также алхимиков и врачей той эпохи. Такие центры становятся обязательными, т. к. любой мало-мальски уважаемый в мире правитель для подтверждения

своей влиятельности в мире просто обязан их иметь. Первый такой центр был создан при дворе флорентийского правителя Медичи в XV в. (из которого, например, вышел Микеланджело). Чуть позднее в XVII в. возникают академии, объединяющие только ученых. В их стенах обычно финансируемые монархом ученые занимаются исследованиями по определенному кругу вопросов. Первой в 1657 г. стала также флорентийская Академия — Академия опыта, созданная учениками Галилея. В 1660 г. учреждено Лондонское Королевское общество, в 1666 г. основана Парижская академия наук. Появление двух этих академий дало толчок для возникновения современной фундаментальной науки. Лондонская академия стала издавать первый научный периодический журнал «Философские труды», приглашая ученых со всей Европы для сотрудничества и чтения на своих заседаниях оригинальных лекций по различным направлениям науки. Парижская академия учредила ежегодную премию (достаточно большую по тем временам) на лучшее научное открытие или изобретение. Успех на заседаниях любой из этих двух академий обеспечивал дальнейшую научную карьеру. В результате резко повысился престиж занятий наукой и сам статус ученого. За 50 лет своей деятельности Лондонская академия дала миру Ньютона, Гука, Бойля, Локка, Галлея, Левенгука, Петти, Парижская (Французская) академия наук — Дидро, Д'Аламбера, Лейбница, Лопиталья, Гюйгенса, Лавуазье. В 1724 г. при дворе российского императора Петра I была учреждена Российская академия наук, что вызвало стремительное развитие российской национальной науки.

Период машинного переворота характеризуется активным внедрением открытий фундаментальной науки в промышленное производство в эпоху расцвета капитализма. Особенно эффективно использовались достижения в тепловой и молекулярной физике, электричестве, магнетизме, химии. Становление буржуазного производства стимулировало машинную революцию, появление различных механизмов, двигателей, станков, а также новых приемов организации труда работников (например, конвейера) значительно повышающих производительность труда. Обострение межгосударственных и межнациональных столкновений в борьбе за рынки сбыта промышленной продукции в эпоху капитализма XIX в. выдвигало на первое место развитие тяжелой и горнодобывающей промышленности. Ученые активно поощрялись для решения научных проблем в этих областях. Появляются первые признаки гонки вооружений.

Период военного противостояния характеризуется ориентацией науки на военные нужды. С началом XX в. и особенно Первой мировой войны наука начинает стремительно военизироваться. И фактически до конца этого века решающим критерием научного развития становится отношение к разработке тех или иных видов вооружения. Даже такие ключевые открытия XX в., как квантовая механика и волновая теория, стали следствием соответствующих военных интересов и финансирования. А открытия в космонавтике, системах коммуникаций, кибернетике, атомной энергетике всецело обусловлены военными нуждами. Практически все виднейшие ученые мира, особенно физики, работали на военные ведомства своих стран — Эйнштейн, Кюри, Ферми, Паули, Борн, Курчатов, Королев, Ландау, Сахаров. Поощрялись любые фундаментальные исследования, предполагавшие хотя бы самое косвенное использование в военной сфере. Престиж и авторитет ученых становится очень высоким. Наука превращается из удела

избранных в массовую отрасль. Многочисленные премии, среди которых выделяется Нобелевская, обеспечивают ученым статус одних из самых оплачиваемых и почитаемых работников.

Современный период развития цифровой информации начинается с конца 70-х — начала 80-х гг. XX в. Прогресс в полупроводниковой технике и интегральной электронике, приведший к миниатюризации элементов электронных устройств, открыл широчайшие горизонты в развитии цифровой информации и вычислительной (компьютерной) техники. Открытия в микро- и нанoeлектронике сделали возможным создание устройств с размерами менее одного микрона. К сегодняшнему дню разработаны технологии производства приборов с размерами в 0,1 долю микрона (т. е. в 100 нанометров — 10^{-7} метра). Возможность компоновки в одном стандартном электронном приборчике (размерами 1 см × 1 см) последовательно порядка сотен миллионов однотипных элементиков дала возможность разрабатывать и создавать сверхкомпактные и сверхбыстродействующие цифровые устройства, т. к. каждый элементик способен хранить и передавать один элемент (бит) информации (цифровая информация и есть информация, разбитая на мельчайшие значимые смысловые единицы). В настоящее время развитие практически всей естественной науки преимущественно ориентировано на свершения в области обработки и передачи цифровой информации — компьютеры, мобильные телефоны, носители информации.

Таким образом, наука всегда была стержневым направлением человеческой деятельности и определяла прогресс общества. На каждом этапе своего развития наука непременно базировалась на свершениях своих великих деятелей прошлого. И где сделанные ранее открытия забывались, общество непременно испытывало застой и стагнацию. Однако всегда прогрессивные представители человечества, общественные деятели, политики, ученые, философы, поэты осознавали важную роль науки и всемерно содействовали ее развитию. В этой связи предложенный ЮНЕСКО термин наступающего общества как общества знания не совсем точен. Нам кажется, для современной эпохи более гармоничными будут понятия «общество овладения знаниями» или «общество тотальных знаний».

Г. К. Пуринова

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФУНКЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА

Стремительные изменения в политической и экономической жизни страны в последние десятилетия, развитие демократических принципов управления общественным и частным производством настоятельно требуют глубокого изучения современных методов и форм управления. Функции современного руководителя значительно усложнились. Теперь он не только обязан думать о производственном и хозяйственном управлении своим предприятием, фирмой, но и постоянно решать перспективные, стратегические вопросы, которые раньше решались на уровне главка или министерства. Теперь существуют маркетинг, реклама, разветвленные связи с общественностью, нужно искать контакты с партнерами в ближнем и дальнем зарубежье, учитывать разнообразные интересы поставщиков и потребителей,

создавать благоприятную атмосферу внутри фирмы и положительный имидж предприятия в целом, и ведь все это требует новых профессиональных знаний и умений, обоснованных научных разработок.

Каждый специалист в области управления обязан владеть научной теорией, практикой и искусством управления, уметь четко определять цели своей деятельности, определять стратегию и тактику, необходимые для их достижения, принимать управленческие решения и нести персональную ответственность за них.

Появилась и успешно развивается новая тенденция в практике управления — оказалось, что успешная работа предприятия, фирмы во многом зависит от культуры организации. Все крупные и процветающие фирмы мира имеют свою собственную, глубоко продуманную культуру организации, т. е. целый комплекс правил, традиций, ритуалов и символов, которые постоянно дополняются и совершенствуются. Все это дает основание утверждать, что наступает время «культурной революции в управлении» и основное оружие этой революции — PR.

Public relations — специфический сектор менеджмента, направленный на создание благоприятной и доброжелательной социальной среды деловой активности. В современном менеджменте, предпринимательстве, политике, административной работе public relation все более, и чем дальше, тем более явно, выходит на первый план, а владение технологией PR становится одним из основных требований к компетентности современного делового человека (предпринимателя, менеджера, политика и т. д.).

Осознание этого обстоятельства и широкий интерес к PR нарастают исключительно динамично. Еще несколько лет назад сама эта тематика выглядела довольно экзотично. Ситуация радикально меняется на глазах.

Современная политическая жизнь — как международная, так и внутрисударственная (избирательные кампании, информационное обеспечение политических акций и т. д.) — немыслима без опоры на технологии PR. Новейшая российская история это убедительно демонстрирует. Практически в каждой фирме, в каждой организации, в каждом учреждении образуются службы, главным направлением деятельности которых так или иначе становятся PR.

Особенно важны научные аспекты и знание технологии PR для руководителей любого уровня. Во-первых, им необходимо формировать и продвигать репутацию, имидж своей организации, свой фирменный стиль, налаживать отношения с властями, СМИ, населением, в том числе — зарубежными и международными. Во-вторых, привлекая финансовый, промышленный, торговый капитал, органы власти, общественные организации к участию и поддержке социально значимых проектов и программ, предприятия, фирмы, организации помогают всем этим реальным и потенциальным донорам формировать и продвигать их имидж и репутацию, приобретать известность, получать дополнительные возможности рекламы, т. е. осуществлять их PR. Поэтому менеджер, действующий в социально-культурной сфере, должен ориентироваться как в вопросах PR собственной организации, так и PR своих партнеров.

Современная PR-деятельность не только коренным образом изменила отношение к управленческой культуре, но и заняла активную позицию в формировании, изменении и использовании ее как фактора повышения конкурентоспособности, эффективности производства и управления организацией.

Специфика культуры управленческого труда состоит в том, что в ее основе лежат определенные **нормы**, которые должны строго соблюдаться менеджером. Наиболее важные из них:

- моральные нормы, регулирующие поведение менеджера в области нравственности и морали;
- юридические нормы, требующие знания и выполнения государственно-правовых нормативных актов;
- организационные нормы, устанавливающие структуру организации, состав и порядок деятельности функциональных подразделений и их руководителей, правила внутреннего распорядка и др.;
- экономические нормы, формирующие экономическую деятельность организации.

Есть и другие виды норм (эстетические, технологические и т. п.), которые определенным образом формируют управленческую культуру. В конечном итоге образуется совокупность элементов, аттестующая деятельность менеджера в рамках культуры современного управленческого процесса. Технологией такого управления и является PR.

По мнению Г. Л. Тульчинского, практика современного менеджмента и PR в особенности убедительно свидетельствует о существовании двух основных типов менеджмента, двух модусов управленческой деятельности: управление по целям (целевое управление) и управление по ценностям (нормативно-ценностный менеджмент).

В первом случае решения и деятельность определяются конкретными целями. Главный вопрос такого менеджмента — «что?». Вся работа ориентирована на достижение желаемого результата.

Во втором случае на первом плане не цели, а ценностные нормы, на шкале которых и определяются конкретные цели. Менеджмент ориентирован не столько на результат, сколько на процесс. Главный вопрос не «что», а «как?». Становится важным не столько то, чем занимается фирма, сколько ее традиции, репутация, имидж — каким бы бизнесом фирма ни занималась. Такой менеджмент строится не на организационной иерархии, а на неформальных отношениях, сопричастности общему делу, сознании некоего «мы». Второй управленческий модус нацелен на решение вопросов культуры взаимодействия организации с общественностью.

В решении подобных вопросов в рамках систем управления PR-специалист помогает налаживать процесс общения между субъектами социальных отношений, конкретными аудиториями.

Возрастание в современном мире объема управленческих действий, скорости протекания социальных процессов, количества информации, наличие специальных средств, методик и научно обоснованных технологий работы с общественностью требует новых канонов управленческих действий в организации общественных отношений и связей и свидетельствует о «культурной революции» в сфере управленческой деятельности.

Литература

1. Бландел Р. Эффективные бизнес-коммуникации. СПб., 2000.
2. Тульчинский Г. Л. PR фирмы: технология и эффективность. СПб., 2001.

*Juan Carlos Pino Fernandez
Хуан Карлос Пино Фернандес*

EL FUTURO DE LA MARCHA MUNDIAL POR LA PAZ БУДУЩЕЕ ВСЕМИРНОГО «МАРША ЗА МИР»

La Marcha Mundial por la Paz y la No Violencia que ya ha concluido, comenzó el día 2 de octubre de 2009 en New Zelanda y terminó en Punta de Vacas (Argentina) el día 2 de enero de 2010. Durante todo el año 2009 se han desplegado miles de actividades por distintos puntos del planeta.

Esta Marcha ha sido una señal por la Paz y la No Violencia en un mundo violento que vive tiempos borrascosos. Es verdad que a su paso no se han cerrado fábricas de armas. Las bombas siguen amenazando la vida en el mundo entero y este sistema cruel e inhumano sigue vigente. Seamos claros: Nos horroriza la situación actual, pero no se pretendía con la Marcha cambiar el estado actual de las cosas ni mucho menos organizar nada... pero algo ha cambiado. Se ha dado la señal y se va creando conciencia. El tiempo dirá si fue una señal débil o poderosa, pero lo que sí sabemos y no está en duda es que ha sido la señal correcta, necesaria, urgente y valiente.

Y en honor a la precisión histórica, durante este recorrido en realidad se ha planteado lo que se viene diciendo desde el origen mismo del Movimiento Humanista: la Paz y la No Violencia han sido desde siempre temas de preocupación central para nosotros.

Vi a mucha gente buena que sueña con un mundo mejor. Es la marcha de las mejores aspiraciones humanas que construirán el mundo del futuro.

En Punta de Vacas, hace ya 40 años, (Silo) pseudónimo literario de Mario Rodríguez Cobos, comenzó a entregarnos su enseñanza para superar el dolor y el sufrimiento en nosotros y en nuestros pueblos. Guiados por sus palabras hemos desarrollado el Movimiento Humanista.

Pero el Movimiento Humanista también ha experimentado la crisis del momento actual y necesita renovarse para ser una herramienta útil para las grandes transformaciones que vivimos.

Eso haremos a partir de mañana.

Hemos dado la señal. Ahora es el momento de darle continuidad y crecimiento. Y eso requiere organización. Una palabrita antipática, que no nos gusta mucho, pero si queremos continuidad, necesitamos crecer, y si queremos crecer necesitaremos organizarnos. Organizarnos, porque sino todo se diluye y queda en nada. Necesitaremos estructuras flexibles, que se puedan adaptar rápidamente a un mundo muy cambiante.

Desde mañana iniciamos entre todos los que estamos aquí y junto a los amigos que siguen estos diálogos en los diferentes Parques de Estudio y Reflexión, los encuentros e intercambios para impulsar los 5 organismos del Movimiento Humanista.

La Comunidad (para el desarrollo humano) que estudia, desarrolla y difunde la instalación de una nueva cultura basada en la no violencia y que será el correlato de una configuración de conciencia avanzada en la que todo tipo de violencia provoque repugnancia.

El Partido Humanista dedicado a modificar las estructuras políticas para alcanzar una verdadera democracia, señalando a la violencia económica, especialmente la debida a la concentración del capital financiero especulador, como causa del sufrimiento de los pueblos y apuntando a establecer una relación justa entre el Capital y el Trabajo.

La Convergencia de las Culturas que busca el diálogo entre la diversidad de las culturas y el encuentro entre ellas en sus momentos de mayor grandeza, cuando logran respetar al ser humano sobre cualquier otra verdad.

El Centro Mundial de Estudios Humanistas que promueve el desarrollo de un pensamiento relacional y un método estructural en el campo de las ciencias, buscando el buen conocimiento para que la ciencia sea para beneficio del ser humano y nunca para su destrucción.

Mundo sin Guerras y sin Violencia que es la organización que coordinó la Marcha Mundial y nos ha traído hasta aquí, y continuará con su acción hasta eliminar las guerras y la violencia de la faz de la Tierra.

Estos 5 organismos son el medio y el modo que tenemos para llevar al mundo nuestro proyecto humanizador. Y serán aquellos que pongan en marcha y actúen en cada organismo los que decidirán el modo de moverse.

Espero que la gente entienda esta causa digna, estas ideas de libertad, igualdad y fraternidad, y se acerque sin temor y haga algún aporte para poder hacer realidad este proyecto mundial tan maravilloso.

Que podamos ser recordados como seres humanos que aportaron al mundo amor y lucha para humanizar la tierra. Por nuestros antepasados y para las futuras generaciones

Comparto con cada uno un deseo de Paz, Fuerza y Alegría.

В статье Пино Фернандеса Хуана Карлоса, координатора «Марша за мир и ненасилие» — международного движения «Мир без войн», рассматривается вопрос о перспективах международного антивоенного движения, о роли ученых всех стран, борющихся за мир, в объединении общественных усилий в защиту мира, сохранение стабильности, уверенности в завтрашнем дне планеты.

Е. А. Сергодеева

ДИЛЕММА «СЦИЕНТИЗМ — АНТИСЦИЕНТИЗМ» И САМОКРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Общество модерна неразрывно связано с достижениями науки, поскольку культурные основания индустриального общества создала для современного человека наука Нового времени. Ценность науки в этом обществе связывается, прежде всего, с освобождением человека от внешних природных и социальных обстоятельств и становлением рационального знания как инструмента переустройства мира. Благодаря этому рационализм приобретает высокий культурный и этический статус, а рационализация природы и социальных связей рассматривается как необходимое условие гуманизации общества и прогресса в осуществлении свободы.

Возрастание роли науки в современном мире, сложности и противоречия этого процесса породили две противоположные позиции в его оценке: сциентизм и антисциентизм. Отождествляя науку с естественно-математическим и техническим знанием, сциентисты считали, что она в состоянии разрешить все проблемы человечества, в том числе гуманитарные. Наука, по сути дела, претендовала на исполнение традиционных религиозных функций, поскольку брала на себя обязанность совершенствовать душу человека. Мыслители Просвещения полагали, что развитие рациональных форм мышления и социальной организации, основанных на науке,

позволит избавиться от иррациональности окружающего мира и призола власти. Поэтому приветствовались все изменения, способствующие усовершенствованию науки и ее внедрению в практику.

В XX в. этот оптимизм уступил место разочарованию, лозунги Просвещения обернулись системой универсального угнетения человека, пропасть между научно-техническим и интеллектуальным развитием, с одной стороны, и нравственно-духовным прогрессом человека — с другой, только выросла. По мысли А. Тойнби, без традиционной религии дом западного человека в конце концов оказался пуст. «Из него все вымел рационализм, — констатирует историк, — не оставив ни пылинки. Дом аккуратно и тщательно прибрала наука, но наука не сделала его уютным для обитания Человека, ибо оставила его без религии. А когда предлагают науку в качестве заменителя религии, то это все равно, что предложить вместо хлеба камень» [1]. Знаменитый афоризм Ницше «Бог умер» отражает характерные черты новоевропейского сознания XX в. Бессмысленность мира без опоры на Бога была на время закамуфлирована верой в могущество разума, теперь же человечество отказалось и от веры в разум. Конец 60-х — начало 70-х гг. XX в. отмечены разрыванием острой критики науки. Возникают контрнаучные движения, появляются антисциентистские концепции, подвергающие критике науку и пессимистично настроенные к ее способностям обеспечить прогрессивное развитие. Одновременно с этим подвергаются отрицанию идеи истины, рациональности и т. д. Известный социолог Э. Шилл видит в появлении контрнаучных движений серьезный симптом кризиса науки, который касается не столько ее интеллектуальных возможностей, сколько взаимоотношений с обществом.

Одним из радикальных подходов научной критики является критика мировоззренческих последствий ее развития. Здесь акцент ставится на том, может ли наука как особая форма сознания быть основной инстанцией решения нравственных и мировоззренческих вопросов. В основе такого вопроса лежит сомнение в возможности объективного научного знания быть источником человеческих суждений о мире, поскольку в сознании современного человека гуманизм и научность перестали совпадать.

Большое место в контрнаучном движении занимает критика сциентизма, который рассматривается как определенная идеология. В сборнике документов и статей «Самокритика науки», вышедшем в Париже в 1973 г., выделены основные мифы сциентистской идеологии, совокупность которых и составляет ее кредо. Миф 1: только научное знание является истинным и объективным, лишь научное знание, будучи квантитативным и формализованным, оказывается универсальным и инвариантным во все времена и во всех культурах. Миф 2: объект научного познания может быть выражен в количественных параметрах и лабораторном эксперименте. Миф 3: мечта науки — построение «механической», «формализуемой» природы, редукция сложных процессов к физико-химическим процессам. Миф 4: только мнение экспертов существенно, сами эксперты принадлежат к технократии, поэтому абсолютизация роли экспертов — абсолютизация роли технократии. Миф 5: наука и технология, основанная на научных исследованиях, способны решить все проблемы человечества. Миф 6: только эксперты обладают знанием, необходимым для принятия решений [2]. Важно то, что идеология сциентизма господствует не только среди ученых, а навязыва-

ется всему обществу, что в значительной степени актуализирует необходимость борьбы с засильем сциентистских взглядов.

С. Тулмин связывает контрнаучное движение с контркультурой, причем для него критика науки составляет одну из важных тенденций истории культуры. Он выделил ряд наиболее значимых принципов, характерных для всех вариантов критики науки:

- требование гуманизации знания;
- противопоставление научной и художественной деятельности, поскольку научная деятельность не позволяет выразить индивидуальность ученого, подчиняя его интеллект мнению профессиональной группы;
- подавление в науке воображения;
- пренебрежение качественной стороной явлений ради их количественной соизмеримости;
- абстрактный характер научных идей, лишающий науку гуманистического содержания [3].

Известный физик Э. Вайнберг выделил следующие группы критиков науки: 1) разоблачители, подвергающие критике современные формы институционализации науки, ее связь с истеблишментом; 2) вдумчивые законодатели и администраторы, критикующие естественников за отсутствие у них чувства ответственности, политических установок и интересов; 3) технологические критики, подвергающие критике науку за отрицательные последствия ее технического приложения; 4) нигилисты и аболиционисты, усматривающие в научно-техническом прогрессе вообще угрозу существования человечеству.

Э. Топич полагает, что научно-индустриальная революция способствовала обособлению функции объяснения мира от других мировоззренческих функций. Однако наука, сведенная к чисто инструментальной способности человека, оказывается неспособной осмыслить фундаментальные проблемы бытия. Современный человек так же беспомощен перед мыслью о своей неизбежной смерти, как и древние люди. «Этот страх является одним из могущественнейших, может быть, самым могущественным мотивом мифорелигиозной мысли, более того, лишь с небольшим преувеличением можно было бы назвать смерть матерью метафизики. Наука не располагает никакими заменителями для уходящих иллюзий и не может предложить рецепта, с помощью которого человек мог бы внутренне справиться с этим основным фактом своего существования» [4].

Хайдеггер, анализируя науку, замечает, что научное отношение, в отличие от донаучного, изначально конституируется актом опредмечивания. Этот фундаментальный акт задает постижение сущего как предмета. Поэтому сущность науки и метафизики состоит в подстановке вместо истинного бытия того или иного сущего, т. е. вещественной или идеальной конкретности. Такая ситуация, по его мнению, создала условия для прогресса науки и техники, но при этом была утрачена связь с жизнью человека. В рамках метафизики место бытия занимает субъект, рассматривающийся в разных видах (божественный разум, трансцендентальный субъект и т. д.). Субъективизм является причиной того, что все сущее в европейской философии рассматривается как объект, противостоящий субъекту. Это, с одной стороны, увеличивает свободу человека и возможности его господства, но с другой — порождает иррелигиозность и весь стиль современного общества, ведет к омассовлению

и обезличиванию человека. Забвение бытия становится характерной чертой упадка современного общества или метафизической эпохи, разрушившей единство человека с самим собой.

Гуссерль, подобно Хайдеггеру, полагает, что кризис европейского человечества имеет своим источником кризис европейской науки, а точнее, европейского рационализма. Кризис наук означает, что в неудовлетворительном состоянии находятся сами способы постановки проблем и методы их решения. Естественные науки лежат в основе повышения уровня благосостояния, но самоотстраняются от таких жизненно важных вопросов, как вопросы смысла человеческого бытия. «Но что может сказать наука о разуме и неразумии, о человеке как субъекте свободы? Физическая наука, разумеется, ничего — ведь она абстрагируется от всякой соотнесенности с субъективным. Что же касается наук о духе, <...> то они, как полагают, в соответствии с нормами строгой научности требуют от исследователя исключения всех ценностных установок, всех вопросов о разуме и неразумии тематизируемого человечества и произведений его культуры. Научная, объективная истина состоит исключительно в констатации фактичности мира, как физического, так и духовного. Но может ли мир и человеческое существование обладать истинным смыслом в этом мире фактичности, если науки полагают истинными лишь подобные объективные констатации...» [5]. Гуссерль отмечает, что такими характеристиками наука обладает не изначально. Он критикует философию Нового времени за отождествление познания с научным познанием. Математизация, примененная без прояснения своей сущности, привела к расколу мира, из-за чего наука, абстрагировавшаяся от субъекта, признала реальность только вечно мира. Начиная с эпохи Ренессанса, наука стала претендовать на главную роль в определении судьбы человечества и претерпела существенные изменения, приведшие к нынешнему губительному состоянию. Необходимо восстановить человеческие смыслы, лежащие в основе науки. Для этого наука должна обратиться к жизненному миру. Гуссерль подчеркивает, что жизненный мир как сфера первоначальных очевидностей, является основой всякого познания. Научное познание вписывается в его контекст и нуждается в нем как в источнике смыслополагания.

Характерной чертой антисциентистской критики научной рациональности является указание на возможность сращения ее с государством и превращения во властную структуру. Рациональность, выродившаяся в технологию, становится средством манипулирования человеком, выступает в качестве чуждой ему силы.

Г. Маркузе, в частности, трактует науку как технически-манипулятивный компонент идеологии господства, а научный дискурс как дискурс господства и утверждения одномерного мышления. В этом случае научная рациональность оказывается сугубо операциональной и развиваемой лишь внутри инструментального разума, ведущего к тоталитарному господству.

В проекте гуманистической социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана явно прослеживается мысль о том, что наука служит фактором отчуждения человека. Они полагают, что уже на уровне повседневной жизни происходит реификация явлений человеческой жизни, подобно тому, как в науке происходит объективация изучаемых феноменов. Те смыслы, которые функционируют в нормальной, само собой понятной рутине повседневности, в межличностных коммуникациях объективируются, приобретают предметно-вещный характер. Для них овеществление —

это модальность объективации, при которой созданный человеком мир становится для него непонятным и фиксируется как внечеловеческая, негуманизируемая фактичность.

По их мнению, наука также основывается на овеществлении, поскольку она выдвигает в качестве своего идеала объективности знания, постижение предмета как такового, существующего вне и независимо от человека. Реификация рождает отчуждение социальных явлений от человека. Благодаря ей в сознании происходит переворачивание действительной взаимосвязи человека и социального мира. Человек представляется уже не творцом социального мира, а его продуктом. За обществом же закрепляется качество независимой от человека объективности (вещи). Сам человек в своей деятельности парадоксальным образом приходит к тому, что создает реальность, которая его же и отрицает.

Наиболее конструктивным представляется анализ функционирования научной рациональности в обществе модерна, проведенный Ю. Хабермасом. Он приходит к выводу о том, что в обществе модерна рационализация, помимо государства и экономики, вторгается в коммуникативные области жизненного мира, что нарушает процесс его символического воспроизводства. Дифференциация различных секторов культуры и их отделение от повседневного течения жизни ведет к фрагментации сознания, к нарушению механизмов социальной коммуникации. В капиталистическом обществе утрачивается различие между профанной и сакральной культурами, в силу чего исчезают возможности для нормального воспроизводства социальных субъектов. Хабермас пишет: «С профанизацией буржуазной культуры ситуация меняется. С этим процессом исчезает связывающая сакральная сила; исчезает субстанция фундаментальных убеждений, которые санкционированы культурой и не требуют убеждения» [6].

Рационализация, таким образом, приводит к расколу социальной реальности: коммуникативные области жизненного мира противостоят формально организованным сферам общественной структуры, где личность, освобожденная от культурных традиций, превращается в нейтрального носителя социальных действий. С одной стороны, социальные структуры подвергаются реификации и отрыву от непосредственного бытия человека. С другой — наука, мораль и искусство обособляются от традиций жизненного мира, делая их недостоверными.

Важным в теории Хабермаса является то, что он объясняет изъяны модернового развития, разграничивая общественную рационализацию как таковую и процесс распространения инструментальной рациональности. Хабермас, указывая на необходимость пересмотра понятия рациональности, подчеркивает, что все ее трудности связаны с односторонним пониманием субъекта. Сейчас, в эпоху философского постмодерна, парадигма философии субъекта должна смениться парадигмой философии языка, intersубъективного понимания и коммуникации, «фокус исследования переместился от когнитивно-инструментальной к коммуникационной рациональности. Для него парадигмично не отношение частного субъекта к чему-либо в объективном мире, что можно представить и с чем можно манипулировать, а межличностное отношение, в которое вступают способные к общению и действующие субъекты, если они вращаются в среде естественного языка, употребляют культурно-преданные интерпретации и одновременно обращаются к чему-либо объективно-му, общему для них социальному и соответственно к субъективному миру» [7].

Таким образом, деструктивные последствия функционирования научной рациональности являются свидетельством неадекватности исходных установок по отношению к миру, сформулированных классической наукой. Парадокс развития социальной рациональности модерна заключается в том, что западноевропейская культура пришла к отрицанию своих собственных основ. Модерн в широком смысле стали определять как противоречие между автономией личности и усиливающейся экспансией рациональных социальных структур. Как отмечает В. Н. Фурс: «Место умерших демонов и богов занимает “индустрия сознания”, успешно заменившая религию в ее основной функции — легитимации господства... индустрия культуры становится выверенным средством манипуляции сознанием и поведением масс... Культурная индустрия исследует человеческие потребности, продуцирует их (уже в форме, соответствующей ее собственным целям и задаче), дисциплинирует их и управляет ими. Тем самым индустрия культуры ликвидирует тот принцип, на котором покоилась вся западная культура, возникшая в результате выделения индивида из рамок первобытного рода, — индивидуальность она превращает в псевдоиндивидуальность» [8].

Следует отметить, что о неадекватности установок, сформулированных классической наукой, можно говорить лишь по отношению к современной культуре, внутренние тенденции которой требуют пересмотра сформировавшихся ранее нормативов рациональности. В ходе исторического развития изменяются как внутренние параметры науки, так и социокультурные условия ее функционирования. С конца XIX в. в науке возрастает удельный вес критически-рефлексивного способа существования рациональности. Кроме того, происходят изменения предметной области науки, которая начинает рассматривать саморазвивающиеся системы органического типа, что предполагает обращение к историзму и философско-мировоззренческим традициям. Преодоление дегуманизации естественного знания происходит также благодаря осознанию включенности человека как субъекта познания в систему науки. Стало понятно, что в науке мы имеем дело не с картиной реальности как таковой, а с ее частными моделями, построенными на основе выбранных субъектом установок. Причем эти исходные установки носят не чисто познавательный характер. Они определяются всей мотивационной сферой субъектов познания и включают в себя как личностные предпочтения, так и факторы социокультурной детерминации науки. Поэтому научное познание представляет собой сложный процесс взаимодействия различных позиций и исследовательских программ.

Современная рациональность уже не нуждается в сциентистской защите. Более того, социальный запрос на науку в наши дни коренным образом отличается от прежнего. Сейчас необходима подлинная культура рациональности, поскольку антирационалистические тенденции составляют питательную среду для различного рода авторитарных идеологий. Отображение подлинной реальности может осуществляться лишь в динамике столкновения открытых познавательных позиций. Рациональность такого типа является необходимым противоядием против замыкания на собственную культурную, социальную, национальную или личностную ограниченность. Следует стремиться к выработке по возможности адекватной объективной познавательной позиции, в рамках которой субъект способен критически рассмотреть собственное сознание, включая его мотивационную сферу.

Литература

1. Тойнби А. Цивилизация перед лицом истории. М.; СПб., 1996. С. 384.
2. Auto-critique de la Science. Paris, 1973.
3. См.: Civilisation and Science in Conflict or Collaboration. Amsterdam; London; New York, 1972.
4. Gottesvorschtellung und Gesellschaftsentwicklung. Muenchen, 1979. S. 34.
5. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 138–139.
6. Цит. по: Фурс В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса. Минск, 2000. С. 157.
7. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 1993. № 4. С. 58.
8. Фурс В. Н. Цит. соч. С. 31–32.

В. А. Сирак

СЦИЕНТИЗМ И АНТИСЦИЕНТИЗМ В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

Современная научно-техническая и информационная революция коренным, качественным образом преобразовала производительные силы общества. В их основе превращение науки в ведущий фактор развития общественного производства. Изменились условия, характер и содержание труда, структура производительных сил, общественное разделение труда, отраслевая и профессиональная структура общества. Произошел быстрый рост производительности труда, состоялось решительное воздействие на все стороны жизни общества, включая культуру, быт, психологию людей, взаимоотношение общества с природой. От успехов науки и техники сегодня в целом зависит дальнейший прогресс человеческой цивилизации.

Колоссальные достижения науки и техники породили идею о том, что неудержимый технический и научный прогресс разрешит все современные проблемы и конфликты (в том числе в области политики, эстетики), как путем всеобщего экономического благосостояния, так и при помощи позитивистской науки. Указанная идея нашла свое воплощение в такой мировоззренческой позиции, как сциентизм (от лат. *scientia* — знание, наука). В основе ее лежит утверждение, что научное знание является наивысшей культурной ценностью, главным условием ориентации человека в мире. Причем высшим критерием для сциентизма выступает не всякое научное знание, а, прежде всего, результаты и методы естественнонаучного познания. Сциентизм в философии возникает как реакция на натурфилософичность и абстрактность схем классической философии, которые, по мнению представителей данного умонастроения, не соответствуют действительному опыту, представляя собой лишь чистую рефлексивную спекуляцию конкретного мыслителя. Поэтому общим смысловым полем возникающих направлений становится критика систематического идеализма. Иногда она ведется в достаточно мягкой форме и выглядит как своеобразное дополнение классических философских систем, что отражается даже в названии этих направлений (неогегельянство, неокантианство), иногда она принимает жесткий характер, направленный на полное отбрасывание классических традиций в философии (позитивизм, неопозитивизм).

Сциентизм как социально-философское мировоззрение возник и утвердился западноевропейской культуре в конце XIX в. На рубеже XIX–XX вв. происходят кардинальные изменения в культуре, связанные с резким возрастанием роли науки, которая буквально врывается на все уровни общественного сознания, на все срезы культуры. Конкретным проявлением сциентизма выступает концепция науки, разработанная в рамках современных школ неопозитивизма, которые являются основными направлениями западной философии XX–XXI вв. Неопозитивизм претендует на анализ и решение актуальных философско-методологических проблем, выдвинутых развитием современной науки. К ним относится проблема роли знаково-символических средств научного мышления, отношение теоретического аппарата и этнического базиса науки, проблемы природы и функции математизации и формализации знания. Являясь современной формой позитивизма, неопозитивизм разделяет основные принципы позитивизма. Он также отрицает возможность философии как формы теоретического познания. Противопоставляя науку философии, неопозитивизм считает, что единственно возможным знанием является только специально-научное знание. К сциентизму относится и такое западное направление как философия науки, которое исследует структуру научного синтеза, способы обоснования и развития знания. Философия науки занимается преимущественно изучением методов и принципов, на основе которых ученые истолковывают факты и выдвигают гипотезы, а также исследует процесс развития самой науки. Иначе говоря, философия науки рассматривает внутреннее, логическое функционирование научного механизма. Кроме того, в ее задачу входят определенные роли теории познания в осмыслении человеком своих ощущений и представлений о мире, выявление их соотношения с реальностью, а также исследование действительности науки на этическую сторону человеческих взаимоотношений.

Философия науки — философская дисциплина, исследующая характеристики научно-познавательной деятельности; а также часть философских учений, разрабатываемая в той мере, в какой они, так или иначе, обращаются к феномену науки. Философия науки — область философии, предметом которой является общая структура и закономерности функционирования и развития науки как системы научного знания, когнитивной деятельности, социального института, основы инновационной системы современного общества. Одной из важных задач философии науки является изучение механизма взаимоотношения философии и науки, исследование философских оснований и философских проблем различных наук и научных теорий, взаимодействия науки, культуры и общества.

Философия науки, опираясь, с одной стороны, на различные позитивистские концепции, а с другой — на естествознание (физику, химию, биологию и другие точные науки), откуда черпает материал для метафизических обобщений.

Конкретными проявлениями сциентизма выступают и концепции науки, разрабатываемые в так называемых технократических западных школах. Технократизм — социологическая теория, утверждающая необходимость установления политической власти технических специалистов (менеджеров, организаторов производства, инженеров и т. д.) в интересах всего общества на базе научного знания. Идея технократизма впервые была четко выражена в социологии Торстейна Веблена (1857–1929), американского экономиста и социолога. Упрощенно толкуя связь техники и социокультурных институтов, Веблен недооценивал значение форм соб-

ственности и сводил общественное производство к технологии. В своем главном произведении «Инженеры и система цен» (1921) Веблен отводил ведущую роль в развитии общества промышленному производству и техническому прогрессу. В 60–70-х гг. XX в. идея технократии наиболее полно представлена в работах видного американского экономиста Дж. К. Гэлбрейта («Новое индустриальное общество», «Экономические теории и цели общества»). Близким по духу к концепции технократии в западной социологии является теория американских социологов Джеймса Бернхера («Революция управляющих») и Даниела Белла автора известных концепций «постиндустриального общества» и «революции ученых». Для всех авторов характерны теоретизация науки, радужный оптимизм и надежда на то, что научно-технический прогресс автоматически разрешит все противоречия современного мира, вдохнет в него новые силы.

Одновременно с сциентизмом возникло и противоположное ему философско-мировоззренческое направление — антисциентизм.

Общим философским источником антисциентистской интерпретации философии выступает кризис классической модели философии и своеобразный разрыв того единства рационально-теоретических и ценностных компонентов, которое было ее важнейшим признаком. Если сциентизм базируется на абсолютизации рационально-теоретических компонентов философского знания, то антисциентизм исходит из того, что важнейшим признаком философии является ее ценностный характер.

Наука не является особым доминирующим фактором культуры, а ее методы и принципы не могут рассматриваться в качестве абсолютного эталона для других форм познавательной деятельности. Более важными во взаимоотношении объекта и субъекта, по мнению представителей баденской школы, выступают системы ценностей, на которых основаны, в том числе и гносеологические отношения человека с миром. Человек не может освободиться от своей изначальной субъективности, которая оказывает влияние на все богатство его взаимоотношений с миром и другими людьми. Цель философии не может быть сведена к анализу только научного познания она должна исследовать все системы ценностей, которые существуют в человеческой культуре. Такая установка дает начало, с одной стороны, выяснению специфики гуманитарного знания и его отличия от естественных и математических наук. А с другой стороны, импульс для анализа философии, прежде всего, как формы венаучного, а позже и внерационального сознания.

Антисциентизм подчеркивает ограниченность возможностей науки и техники. Более того, в своих разных проявлениях антисциентизм объявляет науку как силу чуждую и враждебную человеку. Таким образом, если сциентизм объявляет науку абсолютным эталоном всей культуры, то антисциентизм, наоборот, всячески третирует естественнонаучные знания и возлагает на него всю объективность за социальные беды. В сущности, речь идет опять-таки о фетишизации науки и техники, но с обратным знаком, о фетишизации их с отрицательной стороны. Если в первом случае наука и технический прогресс изображается как добрая идея, несущая людям «золотой век», то во втором, та же самая наука и техника преподносится как демон, грозящий раздавить и уничтожить человека.

Такая мировоззренческая позиция весьма красноречиво выражена была еще Н. А. Бердяевым. «Самая главная опасность состоит в том, — писал он, — что техника угрожает самому человеку. Сердце человека содрогается от холода металла.

Человек создал организованное общество и широко использует технику для окончательного господства над природой. Но по чудовищному стечению обстоятельств человек становится снова рабом, рабом того, что он сам сделал, рабом общества машин, в котором сам он незаметно вырождается... Меня тревожат страшные видения: наступит время, когда машины станут настолько совершенными, что они будут действовать без какой-либо помощи человека, машины овладеют Вселенной, автомобили и самолеты победят скорость, радио населит воздух музыкой умерших голосов; последние люди, став бесполезными, неспособными дышать и жить в этой технической среде, исчезнут, оставив после себя новую Вселенную, созданную их разумом и их руками» [1, с. 152].

Эти слова были сказаны Бердяевым в 30-е гг. XX в. Но и позже можно встретиться с такого рода мрачными пророчествами, причем не только в философских и социологических трудах, но и в публикациях по естественнонаучным проблемам, в литературе и искусстве.

В последние годы все более актуальной темой в исследованиях становятся экономические и демографические проблемы, энергетический кризис. Предрекается скорая и якобы неминуемая экономическая и демографическая катастрофа, массовый голод, истощение энергетических ресурсов, запасов пресной воды и кислорода. Бывший руководитель международного союза охраны природы. Жан Дорст отмечает: «...мы вправе спросить себя, какова же общая ценность технической цивилизации. Каждому из нас иной раз, кажется, что мы мчимся в неуправляемом поезде и не можем из него выти. Мы не знаем, куда мы мчимся. Может быть, в тупик, иначе говоря, к катастрофе... Человек вызвал к жизни процессы, которыми он уже не всегда может управлять. И далее: <...> степень цивилизации измеряется не только количеством киловатт, производимых энергоустановками. Она измеряется также рядом моральных и духовных критериев, мудростью людей, двигающих вперед цивилизацию... в полной гармонии с законами природы, от которых человек никогда не освободится» [2, с. 14–15, 19].

Выдающийся физик XX в. Макс Борн отмечал, что техника и наука приобрели новые для них, социальные, экономические и политические функции, что они развиваются с все возрастающей скоростью, до неузнаваемости изменяя лицо человеческой цивилизации. Не отрицая социальной, человеческой пользы научно-технических достижений Борн, в то же время, обращал внимание на сопровождающий научно-техническую революцию процесс разрушения «всех этических принципов, которые создавались веками и позволяли сохранять достойный образ жизни даже во время жесточайших войн» [3].

Действительно, в настоящее время, существует и все более углубляется противоречие между технической цивилизацией и духовной культурой общества, между уровнем «знания» и уровнем нравственного «сознания» людей. Оба направления сциентизма и антисциентизм абсолютизируют социальную роль науки и техники, и тем самым подчиняют социально-политические проблемы в обществе научно-техническим. Гонку вооружений, наращивание военного потенциала, использование достижений науки в корыстных целях, опасность военного использования космоса и многое другое сциентизм и антисциентизм рассматривают только как результат и последствия научно-технического прогресса. Но совершенно очевидно, что только политическая воля правящих властных кругов может придать применению науки и техники такое направление.

Литература

1. Бердяев Н. А. Самопознание. М., 2004.
2. Дорст Ж. До того как умрет природа. М., 1968.
3. Борн М. Размышления // Литературная газета. 1970. 11 марта.

Е. В. Ушаков

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ И ИНСТИТУТЫ БУДУЩЕГО. ПОИСК НОВЫХ СТРУКТУР И ОБЪЕДИНЕНИЙ

В настоящее время вырабатывается международная стратегия по переходу от «информационного общества» к «обществу знаний», представленная в документах организации ЮНЕСКО. Это комплексный проект повышения качества жизни, образования и доступа к знаниям, улучшения демократии и самоуправления, социальной справедливости и внедрения других важных социальных мер на основе нового уровня производства и использования знаний. Если понятие «информационного общества» основано на достигнутой информационной технологии, то проект «общества знаний» — гораздо более широкая перспектива, включающая социальные, политические, экономические, культурные и другие параметры.

Какие институциональные формы были бы адекватны задачам социально целесообразного научно-технического развития и управления знаниями и технологиями в «обществе знаний»?

Одной из фундаментальных характеристик современного общества (общества «модернити») стала его плотная институционализация. Современное общество образовано из высоко специализированных подсистем, которые четко дифференцированы друг от друга, так что каждой определена ее сфера профессиональной деятельности. Социальные институты закрепляют за собой особые социальные функции, а также властные ресурсы.

Преимущества институционализации очевидны: разделение и организация специализированных сфер дает возможность эффективно сосредоточиться на одном виде деятельности, профессионально ею заниматься и совершенствовать ее. С другой стороны, институциональная реальность несет много издержек. В высоко специализированных институтах общества «модернити» возникают предпосылки к внешнему, отчужденному характеру социальных отношений. Институты становятся экспертными сферами, обладающими высшей компетенцией, в то время как автономия непрофессионалов принижается, «клиентам» и «потребителям» институциональной деятельности навязывают свой взгляд и свои профессиональные услуги. К этому надо добавить и постоянную опасность *монополизации* того или иного вида деятельности, придания ему безальтернативного вида. Так, в высоко институционализированных условиях оказываются весьма ограничены возможности непрофессиональных видов изобретательства, исследовательской деятельности, домостроительства, медицинской помощи и самопомощи, неформального образования и многого другого.

В новейших условиях (экономика знаний, общество глобального риска) все более возрастает потребность в институтах нового вида. Их можно назвать институтами будущего. В зарубежной социологии говорят также об институтах «постмо-

дернити», но в русском языке понятнее и менее «жаргонно» было бы именовать их институтами будущего.

В современной литературе активно обсуждаются возникающие феномены «постмодернити». Это очень разнородные и разнообразные структуры.

К их числу относятся различные активно действующие организованные группы интересов (потребителей, правозащитников, особых социальных и культурных общностей и др.); сетевые объединения, рождающиеся в информационном пространстве; сложные альянсы и децентрализованные структуры в бизнесе; новые формы взаимодействий в области научно-технических инноваций (связи государства, бизнеса, научно-технической сферы) и др. Примером нового фактора, влияющего на развитие науки (в данном случае — медицины) может служить активность ассоциаций пациентов, меняющая традиционные правила игры в академической науке.

Какими основными чертами должны обладать (и обладают уже возникающие) новые институциональные формы? Их характеризуют как «постмодернити» именно потому, что в них отражается в той или иной форме преодоление жесткой институционализации, ее «размягчение». Их отличие от традиционных институтов состоит в том, что:

1. Они имеют больший потенциал для взаимодействий (и могут выступать в известном смысле как *институциональные посредники* для различных обособленных, не пересекающихся областей).

2. Они в гораздо большей степени открыты (для партнерства, для вхождения новых участников, для общества в целом) или даже не имеют четко очерченных границ.

3. Они высокоинновационны в том смысле, что обладают выраженной инициативой и креативной энергией. Они способны создавать нечто совершенно новое, однако не столько за счет изощренной экспертной компетентности, сколько за счет нового видения, лучшей артикулированности проблем и лучшей сфокусированности на сущности этих проблем.

Важную роль в образовании нового типа институциональности играет Интернет. Можно сказать, что фактически впервые за всю эпоху индустриализации появилась техническая инфраструктура для создания альтернатив структурам «модернити». Возникающие и активно развивающиеся сетевые общества обладают такими социальными характеристиками, как самоорганизация, децентрализация, неиерархическое структурирование и универсальная доступность. Эти свойства сами по себе служат опорными моментами новой институциональности.

Интернет создает уникальные, беспрецедентные возможности для быстрого получения нужной информации, образования необходимых объединений и партнерств, артикуляции «голоса» различных социальных игроков — т. е. для эффективной активизации информационного и гуманитарного потенциала общества.

Огромное значение для формирования институтов будущего играет активность современного гражданского общества, что выражается в образовании всевозможных социальных объединений для различных видов целенаправленной деятельности (ассоциации граждан, правозащитные группы и т. п.).

Важные примеры в развитых странах подает и бизнес. Первостепенным условием для выживания в современном бизнесе становится качество «подвижности»

деловой организации. Оно означает способность корпорации постоянно обновляться, находить нестандартные решения, адаптироваться к быстрым изменениям рынка, развивать высокий потенциал интеллекта и управления знаниями, достигать высокой степени внутренней сплоченности организации для достижения стратегических целей. Подвижная организация также очень активна в образовании широких партнерских структур.

Институты будущего — ответ на реалии динамично развивающихся экономики знаний и «общества знаний», с важной ролью знаний и человеческих ресурсов, и одновременно — с растущим участием «голоса общества». Кроме того, это вклад в решение задач современного общества, вступившего в эпоху высокой сложности и глобального риска («общество риска» У. Бека), когда обычные институты не только не справляются с ростом многочисленных проблем, но сами служат легитимными генераторами риска. В этих условиях развитие более гибких, креативных, открытых структур «постмодернити» могло бы создать необходимые институциональные ресурсы для адекватного противодействия этим проблемам.

А. А. Федюковский

ФИЛОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ: ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ

Филологическое образование — процесс и результат усвоения систематизированных филологических знаний, умений и ценностных отношений к филологии; науке, образованию, культуре в целом; обществу и личности. Задачей филологического образования является формирование филологически образованной личности.

В настоящее время понятия «филологическое образование», «филологизация» связывают, в первую очередь, с реформированием, гуманитаризацией и модернизацией всей системы образования в России.

Необходимость создания системы такого образования определяется тем, что «филология представляется сегодня не только методологической основой других гуманитарных и общественных наук, но и одной из практических служб, без которых не может существовать современное развитое общество» [1].

Таким образом, в центре внимания оказывается общее филологическое образование, основной задачей которого является «подготовка выпускника, обладающего глубоким уважением к художественному слову, знанием основ отечественного языка и литературы, начитанностью, эрудицией, умением самостоятельно интерпретировать литературное произведение» [2].

Согласно «Концепции образовательной области “Филология” в 12-летней школе» [3] филологическое образование реализуется в средней школе «через единую систему предметов, которые изучают дух, культуру народа, выраженную в языке и литературном творчестве». Значение филологического образования прекрасно сформулировано академиком Д. С. Лихачевым: «каждый интеллигентный человек должен быть хотя бы немного филологом», т. к. «филология лежит в основе не только науки, но и всей человеческой культуры» [4].

Предметом настоящей статьи является, однако, не общее, а профессиональное филологическое образование. При этом следует подчеркнуть, что понятия «общее филологическое образование» и «профессиональное филологическое образование» не противопоставляются по образовательным уровням «среднее образование — высшее образование». Профессиональное филологическое образование можно получить в средних специальных учебных заведениях (например, педагогических колледжах). Общее филологическое образование является и, в идеале, должно быть непрерывным и охватывать все уровни, начиная с дошкольного образования и воспитания, доходя до своего пика в высшей школе.

Необходимо четко различать два вида профессионального филологического образования — классическое филологическое образование и педагогическое филологическое образование.

Классическое филологическое образование — высшее профессиональное образование, представляющее собой процесс и результат преемственного усвоения систематизированных филологических знаний, умений и ценностных отношений (к филологии, науке и образованию, культуре в целом, обществу и личности), необходимых для профессиональной деятельности в предметной области «Филология».

Педагогическое филологическое образование — высшее профессиональное образование, представляющее собой процесс и результат преемственного усвоения интегрированных филологических и психолого-педагогических знаний, умений и ценностных отношений (к филологии и педагогической психологии, науке и образованию, культуре в целом, обществу и личности), необходимых для профессиональной деятельности в предметной области «Филологическое образование».

Задачей классического филологического образования является формирование профессионально-компетентной личности филолога. Государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлению 52.03.00 «Филология» не раскрывают основного понятия «филология». Но, судя по указанным объектам профессиональной деятельности — языки (отечественные и иностранные) в их теоретическом и практическом, историческом и диалектологическом аспектах, а также литература (отечественная и зарубежная) с учетом закономерностей ее развития в различных странах, становится очевидным, что именно исследование языка и литературы в их современном состоянии и историческом развитии составляет содержание предметной области «Филология». Выпускник по специальности 52.03.00 «Филология» подготовлен к научно-исследовательской и практической деятельности, связанной с использованием знаний и умений в области филологии в учреждениях образования, культуры, управления, в СМИ, в области межкультурной коммуникации и других областях социально-гуманитарной деятельности.

Задачей же педагогического филологического образования является формирование профессионально-компетентной личности педагога-филолога. Надо отметить, что государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования по направлению 54.03.00 «Филологическое образование» не раскрывают основного понятия «филологическое образование». Но, судя по перечню магистерских программ — языковое образование, литературное образование, лингвокультурологическое образование и информационные технологии в филологическом образовании, филологическое образование является образованием, осуществляе-

мым средствами филологических дисциплин: русский и иностранные языки, всемирная литература, лингвокультурология и прикладная лингвистика. Выпускники, изучавшие дисциплину 54.03.00 «Филологическое образование», подготовлены к выполнению научно-исследовательской, преподавательской, коррекционно-развивающей, консультационной, культурно-просветительской, организационно-воспитательной, социально-педагогической деятельности.

Несмотря на стремление авторов указанных стандартов предельно четко описать содержание филологического образования, границы понятия «филология» остаются размытыми.

Осмелюсь предположить, что большинство моих коллег-филологов разделяют точку зрения С. С. Аверинцева, что хотя филология — наука универсальная, «пределы которой невозможно очертить заранее», ее предметная область представляет собой «содружество гуманитарных дисциплин — языкознания, литературоведения, текстологии, палеографии и других, изучающих духовную культуру человечества через языковой и стилистический анализ письменных текстов» [5].

Аналогичное определение филологии как сообщества наук находим также во многих других справочных изданиях (например, словари С. И. Ожегова, О. С. Ахмановой, Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой). Все они подчеркивают интегративность филологических наук, изучающих духовную культуру народа.

При сопоставлении подходов к содержательному наполнению понятий «филология» и «филологическое образование» обнаруживается большая интегративность последнего.

Между тем, традиционным является «узкий» подход к содержательному наполнению понятия «филология», при котором филология рассматривается как область знания, включающая только языкознание и литературоведение.

Подобный взгляд несколько лет назад нашел отражение в результатах анкетирования автором настоящей статьи студентов-филологов РГПУ им. А. И. Герцена. Так, 30% респондентов (студенты I курса филологического факультета) понимают под филологией науку о языке, 25% — совокупность наук о языке и литературе, 3% — науку о литературе, 42% — комплексную гуманитарную науку. На первый взгляд, большое количество студентов все же осознают общегуманитарный характер филологии. Однако аналогичный опрос студентов III курса показал следующую динамику: количество сторонников «монополии» в филологии науки о языке выросло до 50%, число «интеграторов» увеличилось до 30%, «литературоведы» не набрали и 1%, а «гуманитариев» стало в два раза меньше — 20%.

Причин такой трансформации может быть несколько. На мнение первокурсников влияют результаты общегуманитарной (общефилологической в широком понимании) подготовки в средней школе, а также преобладание в учебном плане I курса общенаучных дисциплин. Третий курс является первым годом специализации. У студентов в течение 2-летнего обучения произошла определенная переоценка учебных дисциплин, выявились приоритеты, появились некоторые перспективы, усилился прагматизм. Общая (филологическая в широком понимании) фундаментальная подготовка уступила место специальной (филологической в узком понимании) теоретической и практической подготовке.

Понятие же «филологическое образование» было охарактеризовано респондентами следующим образом. 70% первокурсников и 50% студентов III курса считают

филологическое образование «некой ценностью». Получаемое образование, по их мнению, позволит овладеть профессией; филологическое образование всесторонне, духовно развивает личность; дает нравственную ориентацию; создает базу для дальнейшего образования и самообразования; раскрывает умственный потенциал; преобразует человека; воспитывает полноценную личность.

25% студентов (на обоих курсах) считают филологическое образование определенным результатом, т. е. системой или комплексом обширных, глубоких, гуманитарных, хороших знаний о слове, языке, литературе, культуре. 5% первокурсников и 25% студентов III курса рассматривают филологическое образование как процесс, т. е. глубокое, усиленное изучение языка и литературы; овладение гуманитарными дисциплинами; процесс получения/приобретения/формирования знаний, умений и навыков. Судя по результатам опроса, третьекурсники больше озабочены самим учебным процессом, конкретными задачами специальной подготовки.

Нам представляется, что вопрос о структуре и содержании предметной области «филология» надо решать именно в сочетании с определением предметной области «филологическое образование».

«Филология» в узком и традиционном понимании — единство двух гуманитарных и многоаспектных наук о языке и литературе.

«Филология» в широком понимании — универсальная гуманитарная наука как средство образования филологической личности. В данном понимании понятие «филология» практически эквивалентно понятию «гуманитарные науки» (англ. *Humanities* или *Arts*). Конкретный инструментарий образования филологической личности составляют прежде всего родной и иностранные языки и всемирная литература. Объем и содержание данных филологических дисциплин различен в зависимости от уровня и профиля образования (начальное, среднее, высшее/общее и профессиональное).

Надо отметить, что с этимологической точки зрения «филология» не является ни широкой гуманитарной дисциплиной, ни «узким» содружеством языка и литературы.

Термин «филология» был введен немецким филологом Ф. А. Вольфом (1759–1824) как имя науки об античности с универсальной историко-культурной программой.

Профессор Ф. Зелинский (автор статьи «Филология» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона) относил «филологию» к категории «наук о духе» (другие категории — математические и естественные науки), которые изучают человеческий дух «либо в себе самом, либо в его творениях» [6]. По Зелинскому? науки о духе включают: специально философские науки (психология, логика, теория познания); науки «поперечного разреза» (теория языка, теория искусства, право, догматика данной религии и т. д.); науки «продольного разреза» (история и филология). Последние две науки невозможно разграничить, и они образуют особую, историко-филологическую науку, понятие которой можно определить следующим образом: «наука, имеющая своим содержанием изучение творений человеческого духа в их последовательности, т. е. в их развитии». История и филология — «не две различных науки, а два различных аспекта одной и той же области знания» [7]. «Всякий филолог должен быть в известной части своего научного естества и историком и наоборот; иначе филологическая деятельность будет бесцельной, а историческая — беспочвенной»

[8]. Напомним, что с 1863 г. на протяжении более полувека в Санкт-Петербургском университете функционировал отдельный историко-филологический факультет, выделившийся из философского факультета.

В отличие от отечественного подхода за рубежом сложилось практически единое отношение к «филологии» (philology) как традиционному термину для науки об истории языка [9]; историческое изучение языков [10]; предшествующая исторической лингвистике [11]; отрасль лингвистики, описывающая историю языка [12].

Таким образом, можно выделить три точки зрения на предметную область «Филология»: интеграция гуманитарных дисциплин; единство языкознания и литературоведения; историко-лингвистическая дисциплина. Соответственно, при решении вопроса о содержательном наполнении понятия «филологическое образование» последнее может рассматриваться как: фундаментальная общепилологическая подготовка; специальная филологическая подготовка; классическая историко-лингвистическая подготовка.

Остается актуальным вопрос о том, чему же надо обучать будущих филологов. Поскольку цели университетов являются разными, то и в содержании образовательных программ должны быть определенные различия. Но действующие ныне учебные программы по направлениям «Филология» и «Филологическое образование» дублируются. Однако филологические знания, получаемые в РГПУ им. А. И. Герцена, — это метазнания, являющиеся образовательным инструментом развития новой личности. Предметные же знания, получаемые на филологическом факультете СПбГУ, — это знания, направленные на самообразование личности. Таким образом, уравнение «Филологическое образование = Филология + Педагогика» представляется нам неприемлемым.

Литература

1. Гиндин С. И. Введение в общую филологию // Авторские учебные программы по гуманитарным и социально-экономическим дисциплинам: психология, педагогика, лингвистика, литературоведение. М., 1998. С. 83.
2. Современные проблемы филологического образования: межвузовский сборник статей / под ред. проф. С. А. Леонова. М., 2001.
3. Русский язык в школе. 2000. № 2.
4. Лихачев Д. С. Письма о добром. СПб., 1999. С. 171–172.
5. Большой энциклопедический словарь. Языкознание. 2-е изд. М., 1998. С. 544.
6. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 35. С. 811.
7. Там же. С. 812.
8. Там же. С. 813.
9. Crystal D. A Dictionary of Linguistics and Phonetics. London, 2001. P. 286.
10. Yule G. The Study of Language. 2nd ed. Cambridge University Press, 1997. P. 214.
11. Malmkjaer K. (ed.) The Linguistics Encyclopedia. London, 1991. P. 196.
12. Bex T., Watts, R. J. (ed.). Standard English. The Widening debate. London, 1999. P. 28.

ГЛАВА 2

Возможности и пределы интеграции науки и образования

И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ — СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ

Стержневой теорией западной политической науки конца XX в. являлась теория постиндустриального общества. И еще несколько лет назад фактически все политические учения на Западе в той или иной мере принимали концепцию этого общества и выстраивали свои научные конструкции, опираясь на положения данной теории. В последнее время более модными стали термины глобализации и глобализационных изменений. Однако они адекватно вписываются в концепцию постиндустриального мира. Действительно, современное общество и государство в связи со стремительным развитием технологий, науки, информатизации, компьютеризации, усилением международных связей переходят в стадию тотальной интеграции всех сфер жизни, социализации производства и ориентации общественных ценностей на потребление. Функционирование государства на этой стадии еще определяется производством и потреблением, но направляется информацией и обслуживанием. В результате складываются совершенно новые экономические и политические отношения, и существенно модернизируется структура власти.

Гипотеза о возможности возникновения постиндустриального общества, в котором промышленность в связи со своим высоким уровнем развития перестает быть главной заботой государства, была высказана еще в начале XX в. видным ученым-философом, индусом по национальности, жившим в основном в США, Анандой Камурасвами. Однако теоретические основы под теорию постиндустриального общества заложил своими работами американский ученый Даниэл Белл. К самым важным его трудам относятся книга «Грядущее постиндустриальное общество» (1973) и статья «Заметки о постиндустриальном обществе» (1967). Позднее теорию постиндустриального общества развивали в своих трудах такие видные политологи и социологи, как Дж. Гэлбрайт, З. Бжезинский, А. Турен, Й. Масуда, Э. Тоффлер, П. Дракер, Р. Дарендорф, В. Иноземцев. Все они практически без каких-либо условностей ставили знак равенства между понятиями «постиндустриальное» и «информационное».

В самом начале XXI в. ЮНЕСКО по инициативе, прежде всего, экономистов и социологов предложила новую концепцию развитого общества — это общество знания. Под ним подразумевается социум, социальная среда, в которой происхо-

дит тотальная информатизация всех сфер жизни, а главной ценностью признаются накопление и систематизация знаний, а также свободный к ним доступ всех людей. При этом эксперты данной организации обычно противопоставляют понятия общества знания и информационного общества, понимая под последним господствующие сегодня порядки и традиции. Чтобы установить, как соотносятся между собой концепции этих двух обществ, следует точно определить (ограничить) характеристики постиндустриального мира.

Как известно, основная доктрина теории постиндустриального общества заключается в положении, что социум в своем развитии проходит три стадии: 1) доиндустриальную; 2) индустриальную; 3) постиндустриальную. Каждая из этих стадий имеет ряд ключевых параметров и характеристик.

Первая характеристика — ведущая отрасль производства. В доиндустриальном обществе под ней подразумевается сельское хозяйство, в индустриальном — промышленность, в постиндустриальном — информационные технологии и наука.

Вторая характеристика — производственный ресурс. В доиндустриальном обществе им является сырье, т. е. все, что человек может добыть в окружающем себя мире, в индустриальном — энергия, в постиндустриальном — информация.

Третья характеристика — производственный процесс. В доиндустриальном обществе это добыча, в индустриальном — изготовление, в постиндустриальном — программирование.

Четвертая характеристика — источник производства. В доиндустриальном обществе это труд, в индустриальном — капитал, в постиндустриальном — наука.

Пятая характеристика — отношения между людьми. В доиндустриальном обществе они складываются вокруг физического угнетения, в индустриальном — на основе экономического угнетения, в постиндустриальном — на основе информационной специализации и обмена.

Шестая характеристика — отношение к природе. В доиндустриальном обществе оно связано с прямым физическим воздействием на природу, в индустриальном — с воздействием на природу через искусственную среду, в постиндустриальном путем моделирования последствий воздействия.

Седьмая характеристика — распространенность общественных ценностей. В доиндустриальном обществе эти ценности воспринимаются в масштабе этнически однородного общества, народа, государства, в индустриальном — в пределах определенных социальных групп, в постиндустриальном — в глобальном масштабе.

Восьмая характеристика — эвристическая — по тенденциям развития общества и образования. В доиндустриальном обществе это наблюдение за природой и людьми, в индустриальном — обобщение опыта и знаний прошлых поколений, в постиндустриальном — интеграция знаний путем глобализации компьютерных сетей, Интернета.

Главная задача и тенденции развития доиндустриального общества заключались в обеспечении всех его членов пищей и средствами существования, создании условий для увеличения населения, численного его роста. До 90% всех людей занимались сельским хозяйством, остальные — государственным управлением и войной. Длительность этой стадии развития общества — самая большая и составляет не одну тысячу лет. В индустриальном обществе главной ценностью становится промышленное производство, и им занималось более 50% всего населения. Ключевая

предпосылка перехода к такому обществу — значительные достижения в сельском хозяйстве, позволившие существенно сократить число людей им занимающихся, т. к. и труда оставшихся было достаточно, чтобы обеспечить все общество продуктами питания. В целом в истории Европы вторая общественная стадия длилась около 1000 лет. В конце XX в. начинается третья стадия — стадия постиндустриального общества. Переход к ней был вызван превращением научных знаний из достояния немногих в достояние всех, а также переходом науки и образования из вспомогательных в основные сферы жизнедеятельности общества.

Фактически в истории государств и народов данные три стадии развития не имеют резких границ, а представляют собой что-то в виде сплошного светового спектра, когда один цвет постепенно переходит в другой. То есть одна стадия в течение длительного времени перетекает в другую при условии вызревания всех отмеченных характеристик. Очевидно, что государственное устройство, политические отношения в каждой из этих стадий находятся в соответствии с присущими ей характеристиками.

Большинство аналитиков уверенно отмечают, что большинство стран мира сегодня переходят на постиндустриальную стадию своего развития, однако, как нам кажется, это несколько преждевременное высказывание. В связи с этим и большинство экспертов ЮНЕСКО, отождествляя современный мир с постиндустриальной стадией, неправильно разграничивают общество знания и постиндустриальный мир.

ЮНЕСКО определяет общество знания как социальную общность произвольного объема и численности (от небольшой группы до всепланетных масштабов), в которой обеспечено выполнение четырех условий: 1) свободное выражение мнений по любому вопросу; 2) свободный доступ к любой информации, не имеющей корпоративной или государственной тайны, либо раскрывающей интимные данные о человеке; 3) непрерывное улучшение качества и доступности образования; 4) поддержание и развитие культурного и языкового разнообразия. Анализируя восемь вышеописанных характеристик постиндустриального общества, несложно сделать вывод о том, что общество знания является формой выражения (отражения) восьмой эвристической характеристики, т. е. определяет содержание функции образования в постиндустриальном мире. Четыре условия общества знания обеспечивают наиболее полное и эффективное использование людьми накопленных человеческим знанием, а также позволяют выработать в любой этнической и социальной среде механизмы приумножения этих знаний.

Очевидно, что нереализованность хотя бы одной из восьми характеристик складывания постиндустриальной стадии искажает и остальные, снижая ведущее положение всех постиндустриальных качеств. Это означает, что если в социуме отсутствуют или находятся в зачаточном состоянии признаки общества знания (как их определяет ЮНЕСКО), данный социум никак нельзя рассматривать как находящийся в стадии постиндустриального развития. Действительно, если в обществе отсутствуют эффективные механизмы накопления, дифференциации, анализа, обращения и приумножения информации, в нем в свою очередь информационные технологии и наука не будут считаться ведущими отраслями производства, информация не будет относиться к важному производственному ресурсу, программирование не будет определять производственный процесс, моделирование не будет иметь

решающего значения при оценке перспектив развития и т. д. По этой причине современное общество нельзя однозначно соотносить и с рекламируемым ЮНЕСКО обществом знания и с постиндустриальным миром, т. к. в нем не вызрели все без исключения признаки этого мира.

Таким образом, общество знания следует определять как стратегию образовательного процесса, гарантирующего переход в постиндустриальную эпоху. Свободное выражение мнений по любому вопросу предполагает не столько демократичность и уважение чужих интересов, сколько потребность учета максимального количества различных мнений с целью выработки оптимального решения. Свободный доступ к информации усиливает образовательный процесс, поощряет поиски различной информации, заинтересовывает людей к ее распространению. Улучшение качества образования предполагает разработку универсальных механизмов приобретения систематизированных знаний, развитие средств содействия дистанционному самообразованию. Развитие культурного и языкового разнообразия расширяет спектр накопленных знаний, обогащает их совокупность, улучшает систематизацию всеми возможными нюансами, аспектами, направлениями, подходами, примерами и т. п.

Особое значение в последние годы, когда процессы глобализации «аукнулись» всему миру экономическим кризисом, имеет именно последний признак — развитие культурного и языкового разнообразия. Сегодня вследствие стремительного развертывания глобализационных явлений перед любым регионом, любым народом, любым государством встает острая проблема упрочения и повышения своего геополитического положения, своей значимости в системе международных связей и мировой экономике. Этого можно добиться только развитием, с одной стороны, уникальных свойств и качеств, присущих данному региону или народу, с другой стороны, универсальных методов использования этих качеств мировым сообществом. И даже если большинство из специфических знаний, накопленных тем или иным народом или собранных (овеществленных) на какой-то территории, не будут иметь в текущий момент времени прямого прикладного значения, их сохранение и анализ в самом ближайшем будущем могут получить важную методологическую значимость, т. к. они будут содействовать открытиям или прорывам в новых направлениях производства, информатики или науки.

ЮНЕСКО особо подчеркивает необходимость поддержания культурного разнообразия разных регионов и народов, приумножения достижений и знаний, полученных в разных уголках Земли. За каждым из них скрываются глубинные пласты информации, которая не может устареть в полном объеме, несмотря на возможную давность и традиционность. Человечество с глубокой древности оттачивало свое понимание мира, свое отношение к нему, постижение основополагающих закономерностей, определявших его существование и развитие. И многие аспекты этого понимания упущены современным обществом.

Таким образом, отталкиваясь от наметившихся в наше время тенденций социального развития, следует отметить, что общество знания представляется как обязательная стадия развития любого современного государства. И, следовательно, его концепция может рассматриваться и как органическое развитие теории постиндустриального мира, и как самостоятельное актуальное и адекватное теоретическое построение, связанное с описанием тенденций культурного развития мирового сообщества.

МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЮНОШЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ И СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Проблема мировоззренческого самоопределения юношества требует научного разрешения в новых культурно-образовательных условиях.

Анализ программ развития образовательных учреждений (их целей и задач) позволяет сделать вывод о том, что, стараясь соответствовать требованиям современной жизни, школа сосредоточилась на прагматических аспектах образования: адаптации в социуме, креативности, успешности, конкурентоспособности, подчас забывая о духовном, нравственном, мировоззренческом смысле образования.

Если в советский период нашей истории феномен мировоззрения был в центре и теоретической, и практической педагогики, то на сегодняшний момент он почти не изучается применительно к современному молодому человеку и новым социально-культурным условиям.

В педагогической науке прослеживается активное внимание к компетентности и компетенциям как ведущим показателям образованности. Но оно не сопрягается с научным интересом к мировоззренческому смыслу образования, к образованию как фактору мировоззренческого самоопределения юношества.

Вследствие этого научные знания о мировоззрении современного молодого человека, о факторах, влияющих на мировоззренческое самоопределение в юношеском возрасте, условиях и методах его педагогической поддержки, разрознены и фрагментарны.

Отвечает ли современная наука потребностям личности, общества, школы в разработке проблемы воспитания мировоззрения в новых культурно-образовательных условиях? Чтобы ответить на этот вопрос, мы проанализировали диссертационные исследования, посвященные проблемам мировоззрения учащихся за последние 15 лет (1994–2009 гг.).

Чтобы понять, насколько проблемы мировоззрения вызывают сегодня научный интерес, нами был предпринят количественный анализ диссертационных исследований, посвященных этим феноменам. Для определения степени изученности этих проблем в современном социогуманитарном знании был проведен качественный анализ по следующим ключевым вопросам:

Каковы новые подходы к пониманию феномена *мировоззрение* в современном научном знании?

В чем особенности мировоззрения юношества в современном обществе, характеризующемся множеством мировоззренческих влияний различных институций?

Какую роль играет школьное образование в процессе мировоззренческого самоопределения школьника?

Каков мировоззренческий потенциал школьного образования и как он может быть актуализирован в педагогической практике?

Какие условия необходимо создать для педагогической поддержки ученика в решении проблем мировоззрения?

Анализ выявил следующую картину. Феноменом мировоззрения занимаются следующие социогуманитарные науки: педагогика (54 исследования), философия

(40 исследований), психология (4 исследования), социология (2 исследования), политология (2 исследования), история (1 исследование). Всего 103 работы. Какими определениями характеризуется мировоззрение? Данные представим в табл. 1.

Таблица 1

Определения, характеризующие мировоззрение

Тип мировоззрения	Количество исследований
Научное	20
Научное	10
Естественнонаучное	3
Экологическое	3
Экологоориентированное	1
Экологогуманистическое	1
Эволюционно-экологическое	1
Валеологическое	1
Философское и религиозное	8
Гуманистическое	2
Экогуманистическое	1
Экзистенциально-гуманистическое	1
Религиозно-философское	1
Православное	1
Философско-культурологическое	1
Ноосферное	1
Профессиональное	5
Педагогическое	4
Профессиональное	1
Информационное	1
Виртуальное	1
Политическое	1

На сегодняшний день в науке отсутствует типология, охватывающая все типы мировоззрения или хотя бы большинство представленных в данной таблице типов, и соответственно этот термин употребляется произвольно с характеризующими его определениями.

Мировоззрению школьников посвящены 27 работ (из них мировоззрению старшеклассников — 12), молодежи и студентов — 25 (из них студентов педагогических вузов — 7), учителя — 4, подростка — 3, ребенка — 1, дошкольника — 1.

Двадцать одно педагогическое исследование посвящено формированию мировоззрения молодого человека, обучающегося в высшем учебном заведении, причем, как правило, тип мировоззрения связан со спецификой вуза (педагогическое мировоззрение, информационное мировоззрение и т. д.). В 10 диссертационных исследованиях рассматривается проблема формирования научного мировоззрения школьников. 23 научных труда посвящены формированию эколо-

гического, художественно-эстетического, естественно-научного, эволюционно-экологического, валеологического и т. д. мировоззрения, как правило, средствами конкретных учебных предметов (например, А. В. Хахина. Методика формирования экогуманистического мировоззрения в школьной географии 6–7 классов: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. Н.-Новгород, 2006). И только 5 работ обращены к проблемам целостного мировоззрения, мировоззренческих ценностей, мировоззренческой позиции учащихся, однако они рассматривают проблему лишь в одном из ее аспектов (например, И. В. Метлик. Формирование мировоззрения старшеклассников в процессе освоения религиозных знаний: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 1998).

Из 40 кандидатских диссертаций по философии только 5 имеют непосредственное отношение к мировоззренческим проблемам юношества в новых культурно-образовательных условиях, и одна докторская диссертация исследует сам феномен мировоззрения.

Таким образом, мы видим, что в последние 15 лет сам феномен мировоззрения вызывает постоянный интерес ученых, об этом свидетельствует и количество работ, посвященных этой проблеме, и их тематическое разнообразие. Однако обращает на себя внимание почти полное отсутствие фундаментальных исследований (только одна работа по философии), рассматривающих проблемы мировоззрения юношества с педагогической точки зрения и содержащих концептуальные положения, научные теории о его воспитании в новых культурно-образовательных условиях.

Современные философские исследования отвечают на несколько ключевых вопросов, выделенных нами для анализа. В них представлены новые научные знания о феномене мировоззрения, а именно: прослежена эволюция смыслов понятия «мировоззрения», показан теоретико-методологический потенциал и практические функции мировоззрения; охарактеризованы критерии сформированности и цельности его элементов; обоснован мировоззренческий характер проблемы самоутверждения личности. Выявлены особенности мировоззрения юношества в современном обществе и факторы, влияющие на формирование мировоззрения, в частности, показаны изменения мировоззренческих ориентиров личности в условиях глобализации общества; особенности формирования мировоззрения российской молодежи в условиях мировоззренческой дифференциации в посттоталитарном российском кризисном обществе; изучен религиозный аспект мировоззрения молодежи в современной России. Определена роль образования в воспроизводстве и конструировании мировоззрения молодежи; введены и обоснованы принципы «мировоззренческой парадигмы образования». Сделан важный вывод о том, что на современном этапе мирового развития образование приобретает приоритетный характер по отношению к другим сферам деятельности общества в вопросе формирования мировоззрения подрастающего поколения.

Особо значимой для нашего исследования является докторская диссертация М. П. Арутюнян «Мировоззрение: онтологический и методологический подходы», поскольку в ней дается философское обоснование мировоззренческой парадигмы образования. В исследовании охарактеризованы проблемы социальной онтологии в проекции современной мировоззренческой ситуации, «характеризующейся понятиями мировоззренческого “безвременья”, “мировоззренческого коллапса”», в которой проявляется фрагментарность взглядов человека на мир, отсутствие целост-

ности, утрата целеориентиров жизни, расплывчатый характер ценностей человека и его идеалов» [1, с. 33]. В работе выявлен образовательный потенциал мировоззрения, включающий следующие основные позиции: 1) в мировоззрении осуществляется синтез знаний и «когнитивных практик», и мировоззренческая картина мира может стать основанием синтеза учебных знаний и межпредметных связей учебных дисциплин; 2) мировоззрение допускает плюральность взглядов и является емким информационным пространством диалога, дискурса, трансформаций и корреляций взглядов, возможной выработки консенсуса решений; 3) в мировоззренческом дискурсе обсуждаются значимые для теории и практики современного образования понятия фундаментальной науки, такие как «синергетическое мировидение», «экологическое мировоззрение», «экологическая культура», «ноосферное сознание», «коэволюция», экологический императив (Н. Н. Моисеев), экология человека, разума, культуры и т. д. Система этих понятий рисует характер менталитета современной эпохи и обновляющиеся смыслы ее аксиосферы, задает тональность формирования новой мировоззренческой парадигмы; 4) мировоззренческая парадигма образования ориентирована на личностный рост и гармонизацию духовного и практического жизнедеятельности, личностного и культуроёмкого, социально значимого. В ней существенно расширяется аксиосфера образования, встает и решается проблема веера целей, консенсуса и личностного выбора в определении приоритетов [1, с. 36].

С нашей точки зрения, в современной философии имеются достаточные теоретические основания для построения педагогической модели мировоззренческого самоопределения юношества.

Из 6 работ по психологии и социологии, посвященных мировоззрению, ни одна не касается проблем мировоззрения школьников.

Особое внимание было обращено на педагогические исследования, изучающие мировоззрение старшеклассника. Из 12 исследований 4 имеют узкоспециальную направленность, например, Якимова Е. Б. «Формирование эволюционно-экологического мировоззрения у старшеклассников в процессе обучения физике на основе синергетической концепции. На примере углубленного изучения тем “Термодинамика” и “Молекулярно-кинетическая теория”».

Выделим работы, имеющие непосредственное отношение к мировоззренческому самоопределению старших школьников.

Три докторские диссертации по педагогике посвящены мировоззрению студентов [2; 3; 4], 1 — учителя [5], 1 — «мировоззренчески направленному обучению математике» [6]. Последнее докторское исследование, изучающее формирование мировоззрения школьников, относится к 1983 г. (Сысоенко И. В. Теоретические основы формирования мировоззрения учащихся: дис. ... д-ра пед. наук: 13.00.01. Ростов-на-Дону).

В поле зрения авторов кандидатских диссертаций оказались такие понятия, как мировоззрение, научное мировоззрение, гуманистическое мировоззрение, мировоззренческие ценности, мировоззренческие позиции, инновационная деятельность школы, педагогическое стимулирование. Отметим, что педагогические исследования касаются практически всех выделенных нами ключевых вопросов. В них представлены новые научные знания о феномене мировоззрения: изучена история постановки и решения проблемы формирования мировоззрения старше-

классников; определены сущность и содержание феномена «научное мировоззрение» в контексте современной экологической ситуации; разработаны теоретические положения формирования основ научного мировоззрения у старшеклассников, исходя из идей гуманизации отечественного образования; установлена сущность и раскрыто понимание выбора как механизма развития мировоззренческой позиции личности старшеклассника. Изучены особенности мировоззрения современного юношества: выделены мировоззренческие проблемы, характерные для современных старшеклассников, определено их содержание, причины возникновения, выделены показатели личностного отношения старшеклассников к проблемам мировоззрения; выявлены современные тенденции развития ценностных ориентаций старшеклассников. Раскрыт мировоззренческий потенциал школьного образования и намечены пути его актуализации в педагогической практике: разработаны программы работы с учащимися по формированию мировоззренческих ценностных ориентаций; разработана и апробирована новая педагогическая модель развития гуманистического мировоззрения старшеклассников в процессе освоения литературы XIX в.; разработаны содержание и методические приемы освоения религиозно-философских знаний, которые позволяют эффективно использовать их в процессе формирования научного, гуманистического мировоззрения. Определены условия для воспитания личностного отношения к проблемам мировоззрения в новой политической, экономической, социально-культурной ситуации; выделены условия, повышающие возможности образовательного процесса в целях стимулирования выбора и развития мировоззренческих позиций у старшеклассников.

Однако этих знаний явно недостаточно для решения проблемы мировоззренческого самоопределения юношества в новых культурно-образовательных условиях. Во-первых, в педагогических исследованиях четко не определены эти условия, следовательно, нет ответа на вопрос, каковы особенности мировоззрения юношества в современном обществе, характеризующемся множеством мировоззренческих влияний различных институций. Во-вторых, из всех рассматриваемых современной наукой типов мировоззрения применительно к старшекласснику изучаются только два: научное и гуманистическое, т. о., нерешенным остается вопрос о соотношении различных типов мировоззрения и о том, каким образом выстраивается целостное мировоззрение старшеклассника. В-третьих, не исследована роль всего педагогического процесса, а не только отдельных его компонентов в воспитании мировоззрения старших школьников. И, наконец, не разработана концепция педагогической поддержки ученика в решении мировоззренческих проблем, столь необходимая современной школе.

Таким образом, раскрытие мировоззренческого потенциала, объективно существующего и в содержании школьного образования, и в его методах, и в способах взаимодействия участников педагогического процесса — актуальнейшая научно-педагогическая проблема, которую необходимо решать сегодня.

Литература

1. *Арутюнян М. П.* Мировоззрение: онтологический и методологический подходы: автореф. дис. ... докт. филос. наук. Хабаровск, 2006.
2. *Патов Н. А.* Генезис и содержание мировоззренческой подготовки студентов в отечественных университетах (XVII–XX вв.): дис. ... д-ра пед. наук. М., 2005.

3. *Лешуков А. П.* Концептуальные основы реализации мировоззренческого потенциала специальной подготовки будущих учителей физики в педагогическом вузе: дис. ... д-ра пед. наук. Вологда, 2003.

4. *Целковников Б. М.* Становление мировоззренческих убеждений у будущих учителей музыки в процессе профессиональной вузовской подготовки: дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 1999.

5. *Реутова Л. П.* Система формирования и развития профессионально-педагогического мировоззрения учителя: дис. ... д-ра пед. наук. Майкоп, 2006.

6. *Жохов А. Л.* Научные основы мировоззренчески направленного обучения математике в общеобразовательной и профессиональной школе: дис. ... д-ра пед. наук. Москва, 1999.

Д. С. Бразевич

А. А. БОГДАНОВ О СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Александр Александрович Богданов — один из величайших умов XX столетия. Главная работа А. А. Богданова «Тектология: всеобщая организационная наука» отличается высокой научной культурой, оригинальностью мышления, рассмотрением организационных проблем на стыке общественных, естественных и технических наук. Достаточно долгое время глубокий анализ теоретического наследия Богданова не осуществлялся. Обществу понадобилось почти целое столетие для того, чтобы осмыслить и оценить научное значение его трудов, в первую очередь, «Тектологии». Тектология А. А. Богданова представляет собой сложный технологический процесс, включающий целый ряд последовательно выполняемых операций — изучение, обобщение и внедрение научных знаний в управление сложными социальными системами.

А. А. Богданов является одним из представителей отечественной социологии, который занимался разработкой социально-технологических концепций. В его работе «Тектология: всеобщая организационная наука» были заложены многие социально-технологические идеи. Если учесть, что цель социальной технологии есть не что иное, как способ внедрения культуры (в данном случае имеются в виду знания) в социальное управление и в социальное развитие, то можно с уверенностью сказать, что тектология — именно та наука, которая должна лежать в основе любой социальной технологии. Данный вывод вытекает, прежде всего, из того, что любая социальная технология призвана опираться на достижения целого ряда наук, а богдановская тектология как раз и выполняет роль организующей науки, которая аккумулирует достижения многих наук, выступая в качестве универсальной. Поскольку социальная технология является элементом механизма управления, она должна, прежде всего, отвечать на вопрос: не что надо делать для достижения поставленной цели, а как это делать. Тектология, являясь наукой управления, помогает найти ответ на этот и другие вопросы.

А. А. Богданов отмечал, что «полный расцвет ее будет выражать сознательное господство идей как над природой внешней, так и над природой социальной. Ибо всякая задача практики и теории сводится к тектологическому вопросу: как наиболее целесообразно организовать некоторую совокупность элементов — реальных или идеальных» [1, с. 142].

Ученый прогнозировал возрастающую роль управления в обществе, считая, что чем больше общество растет и развивается, тем сильнее и болезненнее для него сказывается его неорганизованность в целом. Гигантская масса живых «активностей», в нем непрерывно накапливаемая, все труднее и все менее совершенно сохраняет свое равновесие. Острые и хронические болезни социальной системы — бедствия ожесточенной конкуренции, кризисы местные и мировые, возрастающая напряженность борьбы между нациями из-за рынков, безработица, беспощадные классовые конфликты — все это вместе образует грандиозное расточение общественных сил и создает атмосферу всеобщей неуверенности в будущем. «Это грозные проявления общих дезорганизационных процессов, и борьба с ними при помощи методов частичного характера, какими располагает специализация, по самому существу дела обречена на безуспешность» [1, с. 105]. Таким образом, сам ход жизни все настоятельнее и неуклоннее выдвигает организационные задачи в их новом виде — не как специализированные или частичные, а как универсальные, «интегральные».

В своем учении о всеобщей организационной науке — тектологии — А. А. Богданов рассматривал организационно-технологические структуры в качестве определяющих. Они должны создаваться таким образом, чтобы обеспечить эффективное достижение намеченных целей. Такие организационные структуры только начинают складываться в современной России. Еще не совсем четко определены цели, средства и методы их достижения, своеобразные стадии обуславливают повышенное внимание к становлению организационной структуры как к условию технологизации социального пространства «Всю сумму рабочих сил общества — десятки и сотни миллионов разнообразно дифференцированных единиц — придется строить связать в один коллектив и точно координировать со всей наличной суммой средств производства — совокупностью вещей, находящихся в распоряжении общества; причем в соответствии с этой исполинской системой должна находиться и сумма идей, господствующей в социальной среде, иначе целое оказалось бы неустойчивым, механическое единение перешло бы во внутреннюю борьбу» [1, с. 106].

Значительное место в теории общественного развития А. А. Богданова занимал вопрос, связанный с поиском путей достижения гармонии с окружающим миром основных элементов общества — людей, вещей и идей. При этом ученый отмечал, что «эта триединая организация — вещей, людей и идей — очевидно, не может быть построена иначе, как на основе строгой научной плановости, а именно всего организационного опыта, накопленного человечеством» [1, с. 106]. Очевидным становится то, что в своем нынешнем виде, раздробленном, разорванном на специальные науки, этого опыта будет недостаточно. Согласно А. А. Богданову, необходимо, чтобы такой опыт был проанализирован целостно и стройно, иначе его последующее применение не способно выйти за пределы дробных, частичных задач. Следовательно, нужна универсальная организационная наука.

Из предложенной А. А. Богдановым концепции следует, что именно тектология является той универсальной наукой, которая должна лежать в основе управления общественными процессами. Она призвана обеспечить равновесие между составляющими любого общества — людьми, вещами и идеями. Технологичность разработанной теории состоит в том, что она представляет собой процесс, включающий как изучение накопленного человечеством опыта, другими словами, научных зна-

ний и их целостную и стройную организацию (обобщение), так и внедрение научных знаний в управление обществом.

Представляют интерес идеи А. А. Богданова о государстве и роли государственного управления в обществе. По мнению ученого, государство является более устойчивым и общественно эффективным в том случае, когда оно имеет слитную, централизованную структуру, что имеет особое значение при неблагоприятных обстоятельствах («отрицательном организационном подборе»). В ситуации же стабильного развития общества (при «положительном подборе») необходима структура, основанная в большей степени на федерации, автономии, самоуправлении. Таким образом, А. А. Богданов совершенно очевидно приближается к современной постановке вопроса о целостности общественных систем — государственной, политической, народнохозяйственной. Такая целостность может быть ослаблена слишком возросшим или, напротив, недостаточным влиянием, властью, ответственностью и т. п. отдельных звеньев структуры.

Теория организационной науки тесно связана с изучением проблем равновесия (соответствия, пропорциональности и т. п.) между различными элементами организации. В целом А. А. Богдановым различаются системы уравновешенные и неуравновешенные. Он рассматривает также возможности перехода системы из одного состояния в другое. Для Богданова равновесное состояние системы не является раз и навсегда данным, наоборот, выступает в качестве динамического равновесия. Система, находящаяся в равновесии, в процессе развития постепенно утрачивает это качество и переживает это состояние как «кризис». Преодолевая кризис, система приходит к новому равновесию на новом уровне своего развития. Этот богдановский принцип подвижного равновесия и сегодня сохраняет свое значение.

Структура любой системы рассматривается А. А. Богдановым как результат непрерывной борьбы противоположностей, сменяющей одно состояние равновесия системы другим. Причем, идет ли речь о создании или ликвидации, о слиянии или разделении, укрупнении или разукрупнении различных структурных единиц, т. е. о каком бы уровне речь ни шла — от одного человека, коллектива, предприятия и т. п. до сложных организационных систем огромного размера (государства, государственной службы, отраслей экономики) принцип подвижного равновесия будет действовать. Все эти процессы в наиболее обобщенной форме описаны ученым в предложенных им терминах ингрессии, дезингрессии, депрессии, эгрессии и т. п.

Принцип равновесия находит свое выражение не только в отмеченных выше формах, но и в чисто организационном требовании равновесия прав и обязанностей (ответственности) каждого человека, каждого органа управления и вообще любого звена любой организации. Ведь в случае нарушения этого равновесия тяжелые последствия для данной организации практически неизбежны: либо бесконтрольные и безответственные обладатели полномочий получают и используют возможности для злоупотреблений (коррупции), либо бесправные носители обязанностей не смогут их выполнять должным образом, следствием чего является несоответствие занимаемой должности.

Подобные социальные последствия наступают и в других случаях нарушения равновесия: между производительными силами и производственными отношениями; между производственными отношениями и формами политической и вообще духовной жизни общества; между спросом и предложением на рынке;

между экономическим и социальным развитием, централизацией и децентрализацией; профессиональным и общественным факторами управления; между профессионализмом государственного служащего и его соответствием занимаемой должности.

При рассмотрении принципа динамического равновесия актуален также содержательный смысл профессионализма как социокультурного явления. Феномен профессионализма далеко выходит за рамки соответствия деятельности работника требованиям организации. Значительную роль играют морально-нравственные оценки профессиональной деятельности — профессионал должен не только соответствовать требованиям своей сферы деятельности, но и нести личную ответственность, что придает профессионализму статус нравственного императива. При этом роль и значение участия государства в поддержке профессиональной деятельности и ограничении непрофессионализма существенно повышается в период становления нового социального порядка, когда существует определенная «размытость» общественных ориентиров, возобладают асоциальные интересы. В условиях отсутствия социальных векторов государственно-стратегического развития непрофессиональная деятельность как не просто отсутствие или недостаток профессиональных знаний и умений, а преследование узко-групповых интересов, целей индивидуального преуспеяния в ущерб другим людям имеет особый резонанс.

Рассмотренные идеи А. А. Богданова о роли и значении технологий в жизни общества в сегодняшней управленческой деятельности имеют огромное значение. Использование тех или иных социальных технологий определяет эффективность социального управления, направление регулирования социальных процессов, устойчивость социальной организации и всего социального пространства. Социальные технологии в известной степени определяются типом общественного развития, доминированием в нем эволюционных или революционных процессов.

В этом смысле социальные технологии, с одной стороны, учитывают характер или опираются на эффективность развития глобальных процессов современного мира (развитие средств коммуникации, информации, компьютеризации, интернационализацию научной, культурной, образовательной практики, рост взаимозависимости производственно-экономической жизни и др.). А с другой стороны, они призваны учитывать специфику национально-культурного развития населения, региональных особенностей образа жизни людей, их общественной организации, традиций, взаимодействия в исторически определенных социокультурных условиях. Важнейшей задачей социальной технологии является выявление закономерностей оптимальной самоорганизации и управление социально-экономическими процессами, использование их с целью создания благоприятных условий жизнедеятельности людей.

На сегодняшний день в мире уже сложилась новая культура управленческой деятельности, которая характеризуется единством целеполагания и использования инновационных методов. Для России это особенно важно — неясность целей, ориентиров развития всегда оказывало негативное воздействие на темпы ее обновления. Поставленные цели должны быть реальными и подкреплены современными методами их достижения, а социальные технологии государственного управления должны приобретать особое значение. В России такая культура управленческой деятельности только начинает складываться.

В современных условиях, когда осуществление государственных реформ любого уровня и масштаба зависит, в первую очередь, от целостности государственного механизма управления, а внедрение его предполагает, чтобы на каждом этапе складывались взаимосвязанные отношения, представляющие по возможности определенную систему, способную к дальнейшему развитию, идеи «Тектологии», имеющие общенаучный характер, смогут реально содействовать этому.

Литература

1. *Богданов А. А.* Тектология: всеобщая организационная наука: в 2 кн. М., 1989. Кн. 1.

Н. А. Буюкли

КРИЗИС ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДВЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БРАЧНО- СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сегодня во всем мире семья и семейные отношения находятся в состоянии всесторонних глубинных изменений: трансформируются репродуктивные и гендерные установки, характер супружеских отношений, растет число разводов и неполных семей, стремительно увеличивается количество малодетных семей, изменяется функциональная структура семьи. Эти процессы носят глобальный характер, общий для всех индустриально развитых стран.

Изучение брачно-семейной сферы осложняется принципиальными различиями в оценке глубины семейных изменений, их характера и направленности, а также резким расхождением мнений о необходимости воздействия на эти изменения и о путях проведения той или иной семейной политики. Цели и средства семейной политики служат предметом острой дискуссии в среде, как ученых, так и политиков.

Четко выделяются два исследовательских подхода — кризисный и эволюционный, имеющие, помимо чисто содержательных аспектов, специфическую ценностную окраску. Каждый из них базируется на различных методологических подходах, исследовательских инструментариях и прогностических сценариях. В самом общем смысле сущность этих подходов (парадигм) можно охарактеризовать следующим образом. Эволюционная парадигма утверждает, что на обломках традиционалистской (патриархальной) модели семьи возникают новые альтернативные структуры; в то время как кризисная констатирует патологическое состояние современной семьи и призывает к предупреждению возможного исчезновения семейного образа жизни, необходимости укрепления семейных основ.

Среди отечественных специалистов превалирует кризисная парадигма. Изменения в брачно-семейной сфере рассматриваются ими как выражение глобального кризиса семейного образа жизни. При этом, негативные явления, связанные с невыполнением основных функций семьи, интерпретируются как выражение не просто кризиса одного института семьи, но, главным образом, ценностного кризиса всего общества.

К исследователям, опирающимся на кризисную парадигму, следует отнести, прежде всего, А. И. Антонова, С. А. Сорокина, Ю. А. Гаспаряна, Т. А. Гурко,

Т. А. Репину, В. И. Якунина [2; 4; 7; 10]. Россия переживает «кризис фамилистической цивилизации», — считают А. И. Антонов и В. М. Медков [1], усматривая корень кризиса в семейной аномии — нарушении семейного равновесия, распада семейных связей, ценностных ориентаций.

В то же время В. Б. Голофаст, С. И. Голод и А. А. Клецин придерживаются принципиально иного подхода, предлагая расценивать изменения как эволюцию семьи и семейных отношений от «детоцентристской» семьи к семье «супружеского» типа [5; 6].

Существуют и «промежуточные» трактовки отечественных исследователей семьи, не укладывающиеся в рамки вышеобозначенных подходов. К примеру, Л. В. Карцева [8; 9] предложила субъектно-центрический подход к исследованию семьи, в котором во главу угла ставятся интересы самой семьи. Т. В. Свадьбина [11] призывает не впадать в крайности и заменить слово «кризис» «точкой бифуркации», полагая, что нужно определить, в каких параметрах семьи — как социального института, малой группы, формы социальной общности или экономической ячейки общества — наблюдается кризис. Ю. В. Федотова [13] также отмечает, что при объяснении происходящих изменений в функционировании современной семьи в России не стоит спешить применять терминологию кризисной парадигмы, которая часто используется уже как аксиома, заученная и не подвергающаяся никакому сомнению.

Среди ученых развитых стран Запада в настоящее время господствует парадигма модернизации, в рамках которой все негативные изменения современной семьи рассматриваются как временные на фоне ее позитивного развития, а общество эволюционирует в направлении всеобщего благополучия. С этой точки зрения, изменения института современной семьи являются частным проявлением прогрессивного развития общества в целом. Все мероприятия по укреплению семьи сводятся к повышению приспособляемости отдельных семей к быстрым социальным изменениям, т. е., по сути, к снижению роли семьи как социального института.

При этом западными учеными практически не рассматривается всерьез возможность полного распада как семьи, так и общества в целом. В этой связи многообразие современных форм семьи трактуется как своевременная реакция на изменения социальной среды, но не как признак распада семьи и, тем более, всего общества.

В рамках парадигмы модернизации подразумевается разделение современных форм семьи и брака на приспособившиеся к изменениям в обществе и не приспособившиеся к таковым. Именно таким образом в развитых странах Запада ориентируется семейная политика, меры которой обращены прежде всего к семьям, не сумевшим приспособиться к изменившимся социальным условиям.

Внимание западных ученых к проблеме недостаточной адаптации семей выражается, кроме того, во все более интенсивном развитии теоретических направлений, выступающих основой для семейной терапии и психосоциальной работы с семьей, в частности, психоанализа, социометрии и психодрамы.

Сильно возросший за последние два десятилетия на Западе интерес к микросоциологическим теориям семьи во многом обусловлен также обращением западной социологии в целом к отдельной личности вместо всего общества. Одновременно с этим теряют прежнюю популярность макротеории, и, прежде всего, структурный функционализм, который уже давно поставлен под сомнение. Таким образом,

современная западная наука исследует семью преимущественно на уровне малой социальной группы, но не социального института.

Итак, на данный момент среди множества подходов, сложившихся в процессе изучения проблем трансформации института семьи как в отечественной, так и зарубежной науке, существуют две кардинально противоположенные по содержанию парадигмы — кризисная и эволюционная. Подобная ситуация обусловлена различной интерпретацией причин и последствий глобальных изменений в функционировании семьи в современном обществе. Противостояние парадигм является «тем тупиком, который не позволяет получить адекватное знание о семье и происходящих в ее сфере изменениях» [3].

Вместе с тем, между данными процессами — кризисом и эволюцией существуют тесная связь и зависимость. Очевидно, наступила необходимость пересмотра сложившихся методологических и теоретических подходов к исследованию семьи и семейных отношений в исследованиях семьи, базирующихся на классической парадигме [3].

Применение сравнительно-исторического подхода в рамках изучения трансформации российской семьи как попытка показать признаки сходства эволюции семейных отношений в России со странами с западной моделью развития, также не позволяет полностью объяснить причины и последствия трансформации института семьи, хотя и содержит потенциал инновационного исследования семейной проблематики [3].

Разрешить данное противостояние позволит применение неоинституционального подхода, в рамках которого изучение институциональных изменений исследуется в контексте трансформации традиционных и появления новых институтов, взаимозависимое сосуществование которых и определяет характер воспроизводства семейных отношений и их типов в обществе [3].

На протяжении всей своей истории институт семьи служил в большей степени обществу, чем индивиду. И только в наши дни семья как малая группа становится структурой, жизненно необходимой для отдельной личности. Иерархия соподчиненности внутри взаимосвязи «общество — семья — индивид» приобрела противоположный вид, и теперь это взаимосвязь «индивид — семья — общество». В данной перемене — корень модернизации института семьи в России.

Низкая степень эффективности семейных институтов в российском обществе сохраняется до тех пор, пока со стороны государства и общества не будет реально признан приоритет интересов семьи над иными социальными интересами, а личность не почувствует больших преимуществ в семейном образе жизни по сравнению с несемейным. В связи с этим актуальнейшей задачей, в реализации которой должны быть задействованы социальные работники и психологи, становится создание благоприятных условий для сохранения устойчивости модернизовавшегося института семьи и повышения авторитета семейной общности в общественном сознании.

Литература

1. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи: учеб. пособие для вузов. М., 1996.
2. Антонов А. И., Сорокин С. А. Судьба семьи в России XXI в. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции. М., 2000.

3. *Верещагина А. В.* Трансформация института семьи и демографические процессы в российском обществе: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2009.
4. *Гаспарян Ю. А.* Семья на пороге XXI в. М., 1999.
5. *Голод С. И., Клецин А. А.* Состояние и перспективы развития семьи: теоретико-типологический анализ. СПб., 1994.
6. *Голофаст В. Б.* Социология семьи: статьи разных лет. СПб., 2006.
7. *Гурко Т. А.* Брак и родительство в России. М., 2008.
8. *Карцева Л. В.* Модель семьи в условиях трансформации российского общества // Социологические исследования. 2003. № 7.
9. *Карцева Л. В.* Российская семья на рубеже двух веков. Казань, 2001.
10. *Репина Т. А.* Кризис современной семьи: причины, особенности, последствия // Вестник ТГУ. 2008. Вып. 6.
11. *Свадьбина Т. В.* Семья и российское общество в поиске обновления. Н. Новгород, 2000.
12. *Токмакова М. А.* Методология исследования соотношения семейных и внесемейных ценностных ориентаций: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 1999.
13. *Федотова Ю. В.* Проблема понимания кризиса семьи // Социологические исследования. 2003. № 11.

И. В. Виноградова

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ВУЗОВСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В СИСТЕМУ УДОД

Статья выполнена в рамках госбюджетного научного проекта Министерства образования и науки РФ № 3.1.2/6023, ее цель проанализировать некоторые ключевые аспекты интеграции вузовских научно-исследовательских программ в образовательные программы учреждений дополнительного образования детей как одной из ключевых задач модернизации профессионального образования РФ.

Каждое общество детерминируется суммой особых доминантных технологий и знания, но особенностью современного общества является то, что знание и информация не просто занимают центральное место, но применяются к генерированию новых знаний и к устройствам, обрабатывающим информацию и осуществляющим коммуникацию, в куммулятивной петле обратной связи между инновацией и направлением использования инноваций. «Сегодня знание применяется в сфере самого знания, быстро превращается в определяющий фактор производства, отодвигая на задний план и капитал, и рабочую силу» [2, с. 71].

Базой современной экономической системы являются наукоемкие отрасли промышленности, искусственные интеллектуальные отрасли, зависящие от научных исследований и разработок, а также от человеческих знаний и квалификации. В отличие от промышленности XIX в., зависевшей от расположения естественных ресурсов и наличия капитала, отрасли современной индустрии зависят лишь от расположения интеллектуальных ресурсов. Стержень, вокруг которого организуются новые технологии, экономический рост и социальная стратификация — теоретическое знание и его кодификация.

Вся наша жизнь все более насыщается новейшими информационными технологиями. Их развитие идет до сих пор лавинообразно и непрерывно: смена поко-

лений, например, вычислительной техники составляет около 2 лет. Знание таким образом быстро устаревает и в связи с этим требует постоянной гибкой и точной переориентации. Именно поэтому так важно прежде всего не накапливать знания, а научиться систематически вырабатывать новое знание, сделать правильный выбор при избытии информации, что ставит совершенно особые задачи перед системой профессионального образования.

Не зря группа экспертов Комиссии Европейских сообществ определила современное развитие цивилизации как информационное общество и одновременно как общество знания, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению работать с ней [5].

В условиях интенсификации научного знания в современном обществе обучение на протяжении всей жизни, так называемая модель «непрерывного образования», получает приоритетное развитие. Человек должен иметь возможность получать образование на протяжении всей своей жизни, и главная задача состоит в обучении человека навыкам восприятия новых знаний. Важнейшее значение имеет развитие способностей к научно-исследовательской деятельности, потому что только наличие навыков обработки и анализа информации, то, что составляет суть исследовательской деятельности, позволяет перерабатывать знания и информацию для принятия собственных нестандартных решений.

Современный специалист должен иметь профессиональную компетенцию, состоящую из трех основных блоков:

1. Уровень профессионализма, обеспеченного профессиональными, предметными знаниями.

2. Уровень самоопределения — умение к постановке целей и самоорганизации в проблемных ситуациях.

3. Уровень взаимодействий, проблематизации и свободной кооперации. Это умение быстро кооперироваться и реорганизовывать свою деятельность, интегрально оценить проектную ситуацию и принять оптимальное решение, не ориентируясь на шаблоны.

Последние два пункта достигаются за счет развития мышления. Развитие научного мышления, способности мыслить и процесс формального усвоения знаний, предусмотренные учебными программами — это разные задачи, стоящие перед профессиональным образованием. Научное мышление основано на методе, с помощью которого усваивается информация и на ее основе делаются выводы. Еще Аристотель определял «аналитику» (от греч. *analysis*, т. е. разрешение), она же «логика», как метод, с помощью которого мы извлекаем из некоего заключения элементы и предпосылки, а следовательно, понимаем как нечто получено, обосновано, оправдано ли.

Важно, что подход (метод) к новым накопленным знаниям и новой информации обычно определяется именно тем, каким путем человек в самом начале шел к знаниям, которых еще не имел. И поэтому столь важно, начиная с детского возраста, формирование метода обработки и анализа информации. Современное школьное образование в большинстве случаев ориентировано на усвоение знаний, сохраняется «знаниевая парадигма» и «предметоцентризм», когда за основу содержания образования берутся знания, которые просто передаются, а не формирование умений и навыков [4].

Обучение в вузе ориентировано на принципиально другую схему и конституируется тремя базовыми процессами — ознакомление, освоение-присвоение и изготовление, которые и определяют формы обучения, типы, институции, учреждения и т. д.:

1. Ознакомление (передача набора сведений). Базовые формы: лекционно-семинарский и классно-урочный способ обучения.

2. Освоение деятельностных образцов (повторение стандартного набора интеллектуальных операций). Базовые формы: упражнения, тренинги всех типов.

3. Изготовление. В современном языке — это проектирование (либо по прототипу, либо реальное проектирование) и исследования. Базовые формы: проектная сессия, проектная мастерская, аналитическая сессия, организационно-деятельностные игры (ОДИ), brain-storming и пр.

Существуют еще две пограничные формы обучения. Первая — «case-study», лежащая на переходе между ознакомлением и освоением, базовая для ведущих бизнес-школ и доминантно присутствующая в бизнес-образовании. Студенты осваивают кейсы (упражнения, созданные на основе эмпирического опыта), в результате получая пакет разобранных случаев из практической производственной деятельности. Считается, что чем больше «кейсов» студенты проанализируют, тем больше готовых схем у них будет для действий в аналогичных обстоятельствах.

Вторая пограничная форма — обучающие имитационные системы. Это синтез процессов освоения и изготовления в ходе воспроизводимой имитации деятельности. Имитационная система — тип упражнения, в котором из реальной деятельности выделяются и нормативно описываются функциональные места и их связи — аналитически вычлениется комплексная модель. Часть сложных связей, например структура человеческих отношений, не учитывается. Студенты в разных позициях проигрывают эту имитационную систему несколько раз. Такие обучающие технологии дорогостоящие и интенсивные (скорость обучения увеличивается на порядки). Быстро развиваться они начали с появлением возможности замещать реальные процессы компьютерными моделями.

Сочетание указанных трех базовых процессов обучения и пограничных форм дает технологическое разнообразие обучения в высшей школе. В силу чего в ядро деятельности вузов помещается процесс проектирования, который всегда упирается в дефицит исследовательских данных (как эмпирических, так и научных). Поэтому вторым ключевым процессом является исследование как процесс, обеспечивающий проектирование.

Рефлексия способов работы и в проектировании и в исследовании, и перевод этих способов в технологии обучения задает третий, собственно, педагогический процесс. Конструкция, совмещающая наработанные учебные технологии, время, пространство, обучаемых, педагогов, движение по образовательным услугам, последовательность, ритм обучения и пр., — это есть учебный план, который регулирует учебный процесс и является системой массового обслуживания.

Таким образом, одним из механизмов формирования способности «мыслить», научно-исследовательской компетенции является проектное обучение. Оно развито в современном технологическом образовании, где проектная культура становится особой культурой мышления, тесно связанной с исследовательской составляющей

и сущность которой постигается благодаря методам проектирования и средствам познания, базирующимся на обучении через проектную деятельность.

Проектность становится отличительной чертой мышления современного специалиста. В. Ф. Сидоренко считает, что проектностью пронизаны наука, искусство, психология человека: в его отношении к миру, к социальной и предметной сфере, в формах потребления и творчества присутствует проектное переживание мира. Организация системы образования строится на основе идеи проектной культуры [6].

И. А. Зимняя в своих работах отмечает, что «проектное образование направлено на формирование проектной культуры обучающихся, являющейся общей формой реализации искусства планирования, прогнозирования, созидания, исполнения и оформления» [3]. Учебный процесс на основе проектирования направлен на развитие рефлексивного мышления обучающихся, умения прослеживать перспективу своих действий, определять их место в целостной системе.

Проектная деятельность осваивается студентами в отдельных дисциплинах или модулях, имеющих творческую или практическую направленность. Для этого разрабатываются комплексы заданий пропедевтического характера, с включением элементов проектной деятельности и собственно проектные задания по данным дисциплинам, направленные на формирование готовности обучающихся к проектированию [7].

Сложность состоит в том, что школа в большинстве не ориентирована на проектное обучение, на формирование исследовательской компетенции. Традиционной формой сотрудничества школы и университета является ситуация, когда ряд дисциплин в школе ведут преподаватели вуза. В школе учащиеся и учителя находятся в жестких рамках стандартов и программ.

Система детского дополнительного образования основана на совершенно иных принципах и внедрение элементов вузовских программ может заполнить эту нишу и позволит при соответствующей организации непрерывного образовательного процесса повысить компетентностный уровень будущих специалистов. Отличительная особенность дополнительного детского образования в нашей стране — это включение ребенка в отличный от других учреждений образовательный путь — деятельность. Обучающиеся в студиях детского творчества могут решать сложные проектные задачи, адаптированные под их уровень восприятия.

Эффективность метода проектов в системе образования детей заключается, прежде всего, в его направленности на раскрытие индивидуальной сущности ребенка и развитие его универсальных умений, таких как [1, с. 41]: умение выделять основной смысл события или явления, соотносить его с собственным опытом; умение ориентироваться в пространстве (во времени) и корректировать свои действия. Педагог может подсказать источники информации, а может просто направить мысль учеников в нужном направлении для самостоятельного поиска. Но в результате дети должны самостоятельно и в совместных усилиях решить проблему, применив необходимые знания из разных областей, получить реальный и осязаемый результат. Вся работа над проблемой, т. о., приобретает контуры проектной деятельности.

В основу модернизации образовательных программ должен быть положен принцип формирования образа мысли детей и учащихся в отношении подхода к

решению различных, динамически изменяющихся профессиональных задач. Взаимодействие образовательных программ вузов и учреждений дополнительного образования в интересах профессиональной подготовки специалистов, отвечающих современным потребностям, является одной из важнейших задач в формировании новых стандартов процесса обучения.

Одним из примеров интеграции вузовских исследовательских программ может служить многолетнее сотрудничество педагогов СПбГАСУ (кафедра городского строительства) и студии архитектурного моделирования (при ДДТ «Измайловский» Адмиралтейского района Санкт-Петербурга).

Литература

1. *Гарифуллина И. В.* Метод проектов как способ организации жизни дошкольников // Эстетическое пространство детства и формирование культурного поля школьника: материалы Первой Всероссийской научно-методической конференции (СПб., 15–16 февраля 2006 г.). СПб., 2006.
2. *Дракер П.* Посткапиталистическое общество // Новая постиндустриальная волна на Западе: антология / под ред. В. Л. Инноземцева. М., 1999.
3. *Зимняя И. А.* Педагогическая психология: учеб. для вузов. М., 2002.
4. Постиндустриальный переход в высшем образовании России: на примере анализа развития рынка образовательных услуг Северо-Запада РФ / под рук. В. Н. Княгинина. СПб., 2005.
5. *Савченко И. В.* Информационное общество или общество знаний? // Современные наукоемкие технологии. 2008. № 10.
6. *Сидоренко В. Ф.* Образование: образ культуры // Техническая эстетика. 1989. № 12.
7. Технологическое образование: проблемы и перспективы взаимодействия вуза и школы / отв. ред. П. А. Петряков. В. Новгород, 2008.

Л. А. Волковская, И. Н. Полумеева

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТРАДИЦИОННОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМУ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Письмо — продуктивная аналитико-синтетическая деятельность, связанная с порождением и фиксацией письменного текста.

Письмо возникло на базе звучащей речи как способ сохранения речевых произведений во времени, как хранилище человеческих знаний и накопленного опыта, как зеркало культуры и традиций каждой страны. При построении письменного текста автор следует, как правило, определенной логической схеме: мотив, цель, предмет, адресат. Эта цепь логических звеньев отражается в семантико-синтаксической и лексико-грамматической структуре текста.

Письмо как дистантная форма общения рассчитано на реципиентов, не связанных с автором письменного текста ситуацией непосредственного общения, оно лишено и паралингвистических средств, которые значительно облегчают устное общение. С учетом вышесказанного письменный текст должен быть логичным, точным и последовательным, с более тщательным отбором лексических и грамматических средств.

Текст как продукт письма должен обладать следующими особенностями:

- композиционно-структурной завершенностью и логико-смысловой структурой;
- единством начала, центрального коммуникативного блока и заключительной части;
- соотносённостью заголовка с содержанием;
- предметным содержанием;
- коммуникативными качествами;
- монообъектными или полнообъектными связями.

Письмо как цель обучения предусмотрено в программах вузов на всех этапах обучения. В качестве конечных требований выдвигается развитие умений письменно выражать свои мысли, т. е. использовать письмо как средство общения. На профильно-ориентированном этапе уровень развития коммуникативной компетенции в области письменной речи должен обеспечить более эффективное использование письма как средства осуществления учебной, профессионально-ориентированной и самообразовательной деятельности, что выражается в разнообразии привлекаемых ситуаций официального и неофициального характера, большей сложности продуцируемых текстов, высокой степени самостоятельности и активности студентов.

Студент должен уметь:

- описывать события, факты, явления;
- сообщать, запрашивать информацию развернутого плана;
- выражать собственное мнение, суждение;
- комментировать события и факты, используя в письменном тексте аргументацию и эмоционально-оценочные языковые средства;
- фиксировать фактическую информацию при восприятии устного или печатного текста.

На всех этапах обучения развиваются стратегические умения, к основным из которых относятся следующие:

- использовать текст-образец в качестве информационной и языковой опоры;
- обращаться к справочной литературе и словарям;
- пользоваться перифразой;
- использовать слова — описания общих понятий;
- прибегать к синонимическим заменам.

Эссе относится к наиболее трудному виду письменных работ, поскольку оно предполагает самостоятельный отбор фактов или событий, связанный с выражением чужих и своих собственных мыслей. В отличие от изложения, в котором событие или описание раскрывается в соответствии с планом, которому следовал автор, эссе требует самостоятельного составления плана, соответствующего заданной теме, логического и эмоционального осмысления излагаемого материала и умения дать оценку событиям и поступкам персонажей.

Одним из заданий, которое может привести в задачу написания эссе элементы креативности и занимательности может быть написание короткого, состоящего всего из трех предложений, рассказа. Не лишним будет связать предложенную тематику с изучаемым грамматическим и лексическим материалом. Длина предложений не ограничена, композиционно эссе должно состоять из завязки, основной части и заключения. Непременным условием является использование *time adverbials*

als, таких, например, как: at the beginning; later on; to begin with; afterwards; subsequently; finally; initially; eventually; after a while; in the end.

Студентам можно предложить следующие темы: The Film Star's Mistake; The Island of Dinosaurs; the Collector; Trouble at the Airport.

The Island of Dinosaurs.

To begin with, they believed the whole place was completely uninhabited. But, **after a while**, they started to notice the giant footprints and hear its roars.

In the end it found them and ate most of them for supper.

The Film Star's Mistake.

Initially, he thought the fan only wanted his autograph, so he happily signed it. **Afterwards**, as she was walking away, he noticed how beautiful her hair was and he called her to come back.

Eventually, they got married, but then got divorced and she is now two million dollars richer.

При изучении "Past habits" с использованием "used to" и "would" студентам можно предложить написать сочинение "Fake life". Описываемая воображаемая жизнь автора сочинения не должна иметь ничего общего с действительностью, студент полностью полагается на свою фантазию. Сочинение состоит из шести предложений, в каждом из которых обязательно использование "used to" и "would". Например: "I used to write best-selling novels" или "I would always pilot my own plane whenever I went on holiday".

На современном этапе изучения иностранных языков преподаватель часто сталкивается с тем, что студенты при выполнении домашних заданий прибегают к помощи персонального компьютера и зачастую результаты оставляют желать лучшего. В наше время всеобщей компьютеризации не разумно стремиться противостоять прогрессу и требовать лишь традиционного подхода к изучению. Следует расширить рамки восприятия и задаться вопросом, каким образом можно использовать компьютерные программы для обучения студентов в высшей школе. Рассмотрим возможности применения компьютерных средств в обучении письму и письменной речи. Так, компьютерные программы помогают осуществлять:

- формирование орфографических навыков с применением тренировочных обучающих программ, спеллеров и систем коррекции орфографии;
- контроль уровня орфографических навыков с помощью систем обнаружения орфографических ошибок;
- овладение умениями репродуктивной и реконструктивной письменной речи на основе использования шаблонов документов, содержащихся в программах типа «редактор текста», и систем автоматической переработки текста (аннотирования, реферирования и т. д.);
- обучение творческой письменной речи с использованием программ автоматического порождения текстов.

А также оказывают техническую поддержку в процессе создания текста (набор, коррекция, вывод на печать и др.) и справочно-информационную помощь в процессе написания текста.

Преподаватель в обучении иностранным языкам может воспользоваться текстовыми редакторами. Текстовые редакторы представляют собой особый вид про-

грамм, являющихся инструментальным средством для работы с текстом и обеспечивающих выполнение следующих операций:

- ввод нового текста, который осуществляется обычно с помощью клавиатуры либо другим способом при подключении дополнительного устройства (сканера, устройства ввода текста с голоса пользователя, оптического карандаша и др.);
- отображение на экране дисплея фрагмента текста, введенного пользователем либо полученного из другого источника;
- редактирование текста: перемещение, удаление, вставка, маркировка, копирование либо изменение фрагментов текста;
- оформление текста: маркировка и форматирование элементов текста, выбор вида и размера шрифта, выравнивание текста, установка межстрочного интервала, табуляции и т. д.;
- запоминание текста и вывод на печать.

Практически все модификации редакторов оснащены, как правило, различными сервисными средствами (коррекции орфографии, тезаурусами, системами проверки грамматики и т. д.), которые позволяют говорить о реализации компьютерными программами корригирующей функции преподавателя в учебном процессе по иностранным языкам. С помощью текстовых редакторов возможно создание целых серий различных упражнений на основе заранее введенного преподавателем текста без использования специальных обучающих программ. Приведем примеры некоторых видов операций, которые могут быть положены в основу упражнений, например по редактированию текста:

- разбивка текста на смысловые абзацы;
- разбивка непрерывной цепочки букв на слова;
- разбивка цепочки слов на фразы;
- расстановка знаков препинания;
- расстановка в тексте заглавных букв;
- расположение текста на странице (параграфы, поля, колонки и т. д.);
- коррекция орфографии;
- запись буквами чисел.

Можно предложить выполнить упражнения по модифицированию текста на основе замен, например:

- морфологические замены (замена числа существительных, изменение рода прилагательного и видовременных форм глагола и т. д.);
- функциональные замены (номинализация, адъективация, вербализация);
- синтаксические замены (трансформация вопросительных предложений в утвердительные и отрицательные, перевод прямой речи в косвенную);
- лексические замены (синонимические и антонимические замены, перифразы, лексическая конденсация);
- стилистические замены (модификация текста в зависимости от ситуации коммуникации, например при изменении отношений отправитель — адресат).

По реорганизация текста:

- заполнение пропусков в тексте;
- разделение двух совмещенных между собой текстов;
- соотнесение вопросов и соответствующих ответов;
- восстановление порядка следования фраз в тексте;

По конденсации и расширению текста;

- устранение из текста деталей и повторов;
- подстановка элементов связи;
- механическое сокращение текста;
- дополнение текста (дописать вступление, заключение).

При изучении деловой корреспонденции вызывает интерес трансформация текста по жанру. Например, текст информационного сообщения оформляется в виде письма либо факса, а текст письма — модифицируется в текст открытки или телеграммы.

Рассматривая тему интерактивного обучения письму и письменной речи, нельзя не напомнить об одной из самых ярких программ в создании презентаций и выступлений с использованием специальных эффектов, графиков и рисунков — это PowerPoint. Благодаря PowerPoint ушли в прошлое скучные доклады и сообщения. Данная программа проста в эксплуатации и понятна пользователям, в то же время она позволяет создавать высокопрофессиональные презентации.

Обучение письму предполагает овладение орфографией и выполнение тренировочных упражнений в письменной форме. Обучение письменной речи включает речевые упражнения для обучения составлению письменного сообщения, письменно — речевые упражнения в работе с печатным текстом, письменно — речевые упражнения, обусловленные процессом чтения, аудирования и устного общения. Каким образом составлять и проводить упражнения в традиционном виде или с использованием компьютерных возможностей решать преподавателю, не вызывает сомнения то, что совмещение традиционных и интерактивных методов расширит профессиональные возможности преподавателя и позволит как преподавателю, так и студенту творчески подойти к процессу обучения.

Л. Д. Голубева, Е. И. Жукова

ДИАГНОСТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Статья написана в рамках госбюджетного научного проекта Министерства образования и науки РФ № 3.1.2 /6023 и ставит своей целью проанализировать роль диагностики исследовательского и научного потенциала в ситуации формирования системы непрерывного образования.

Создание системы непрерывного образования в современной образовательной среде требует точных и скоординированных действий на всех уровнях образования. В связи с этим необходимо формировать систему диагностики возможностей и способностей учащихся, их научно-исследовательского потенциала. Причина этой необходимости кроется в целесообразности раннего выявления способностей и своевременного обучения детей необходимым в будущей профессиональной деятельности навыкам.

Педагогическая диагностика представляет из себя систему приемов, специально разработанных технологий, тестовых заданий, позволяющих в ходе педагогиче-

ской экспертизы определять уровень развития ребенка, также выявлять недостатки образовательного процесса; выявлять причины этих недостатков и определять пути улучшения качества образовательного процесса. Таким образом, целью диагностической деятельности педагога можно считать получение объективной информации для управления качеством педагогического процесса, повышения эффективности педагогической деятельности, что приводит к оптимизации образовательного процесса.

Интерес к проблеме педагогической диагностики обусловлен несколькими причинами: во-первых, потребностями в практиках обучения и воспитания детей (для выбора наиболее результативной психолого-педагогической, а также воспитательной работы, необходимо знать способности и предрасположенности ребенка в той или иной области); во-вторых, эффективные методы диагностики нужны для наиболее раннего выявления талантов (в связи с тем, что пики достижений приходится на довольно молодой возраст); в-третьих, «традиционные тесты интеллекта не выявляют такие важные характеристики, как вербальные (речь), математические, пространственные и мнемические (память)» [3].

«Термин “диагностика” происходит от греческих слов “dia” — между, врозь, после, через, раз, “gnosis” — знание. В античном мире диагностиками назывались люди, которые после сражения подсчитывали количество убитых и раненых. В эпоху Возрождения диагностика — уже медицинское понятие, означающее распознавание болезни. В XX в. это понятие стало широко использоваться в философии, а затем и в психологии, технике и других областях» [4].

Понятие «педагогическая диагностика» было предложено К. Ингенкампом в 1968 г. В Большой российской энциклопедии педагогическая диагностика определяется как «совокупность приемов контроля и оценки, направленных на решение задач оптимизации учебного процесса, дифференциации учащихся, а также совершенствования образовательных программ и методов педагогического воздействия» [2, с. 190]. Предметом педагогической диагностики принято считать измерение (оценку) определенных свойств личности учащегося. Объектом педагогической диагностики становятся учащиеся и студенты, а субъектом — тот, кто их диагностирует.

Можно выделить следующие функции диагностики: 1) аналитическая — выявляет причинно-следственные связи в образовательно-воспитательном процессе между условиями и результатами обучения; 2) собственно диагностическая — способствует изучению уровня обученности, воспитанности и развития ученика, а также уровня профессиональной компетентности учителя; 3) оценочную — предполагает качественную и количественную оценку деятельности участников педагогического процесса; 4) коррекционная — направлена на исправление (изменение) действий учителя и ученика с целью устранения негативных последствий обучения; 5) ориентационная — предусматривает профилактику негативных последствий обучения и определение новых целей; 6) информационная — нацелена на постоянное информирование участников педагогического процесса о позитивных результатах педагогической диагностики [6].

Особый интерес представляет диагностика творческих и исследовательских способностей. Это самый сложный и спорный вид диагностики. В рамках нашего исследования наиболее актуально рассмотреть диагностику способностей, одним

из разработчиков такой диагностики является П. Торренс, он дает такое определение творческому мышлению: «...это процесс ощущения трудностей, проблем, разрывов в информации, недостающих элементов, выдвижения гипотез относительно этих недостающих элементов, проверка и оценка этих гипотез, их пересмотр и перепроверка, сообщение результата» [5].

Для определения способностей, необходимо выявить и рассмотреть отдельные составляющие [1]: 1) **моторные способности** направлены на изучение точности и скорости движений, зрительно-моторной и кинестезически-моторной координации, ловкости движений пальцев и рук, тремора, точности мышечного усилия, координация, время реакции, скорость движения руки, оценка контроля; ручная ловкость — ловкость пальцев, твердость руки, скорость движения запястья и пальцев (например: тест ловкости пальцев О'Коннора, тест ловкости Стромберга, тест ручной ловкости Пурдье, Миннесотский тест скорости манипулирования, тест ловкости манипулирования с мелкими предметами Крауфорда); 2) *сенсорные способности*: стандартизованные методы созданы главным образом для изучения зрения и слуха (например: таблица Снеллена, тест Орто-Рейтера, тест «Проверка зрения», «Зрительный тест»); 3) *технические способности* зарубежные исследователи понимают как способности, проявляющиеся в работе с оборудованием или его частями. При этом учитывается, что такая работа требует особых умственных способностей, хорошего развития сенсорных функций, а также определенных моторных качеств: координации, ловкости, физической силы (самый популярный тест — тест Беннета); 4) *пространственные представления* (самый популярный тест — тест Миннесотского на восприятие пространства); 5) *структура интеллекта* (тест Амтхауэра).

В зависимости от показателей той или иной составляющей, у нас есть возможность выявить у человека определенную способность, которая, в свою очередь, предопределяет его предрасположенность к некоторому виду деятельности. Предрасположенность к деятельности означает, что в этой сфере человек будет быстрее усваивать информацию и легче овладевать определенными профессиональными навыками.

На основе вышесказанного мы можем сделать вывод о том, что ранняя и успешная диагностика научно-исследовательского потенциала, как совокупности врожденных способностей впоследствии приведет к снижению экономических затрат на образование и повысит эффективность образовательного процесса на всех уровнях.

Литература

1. Бодалев А. А., Столин В. В., Аванесов В. С. Общая психодиагностика // <http://medbookaide.ru/books/fold1002/book2002/p21.php>.
2. Большая Российская энциклопедия. М., 2002. С. 190.
3. Гуревич К. М., Борисова Е. М. Психологическая диагностика: учеб. пособие // <http://www.rusmedserver.ru/med/psdiag/66.html>.
4. Ждамирова И. М. Педагогическая диагностика как частный вид диагностирования // <http://www.ncstu.ru>.
5. Лубовский Д. В. Диагностика креативности дошкольников — современное состояние перспективы развития // <http://childpsy.ru/lib/articles/id/10382.php>.
6. Психологическая диагностика // <http://thl.narod.ru/3/pd.html>.

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Настоящее исследование посвящено изучению окказиональных комбинаций «производный каузативный глагол + сателлит (Adv/prep) (+именной компонент (NP))», представленных в предложениях типа *They'll cluck you out of the house*, *The professor talked us into a stupor*. Предметом исследования являются когнитивные факторы, обуславливающие существование данного рода конструкций в английском языке.

Рассматриваемые сочетания можно разделить на два вида: первый вид описывает ситуацию движения, понимаемую в узком смысле, а именно перемещение или нахождение в пространстве, а второй передает ситуацию движения, трактуемого в широком философском смысле и понимаемого как все происходящие в реальной действительности изменения и процессы. Первый вид можно проиллюстрировать следующим примером: *It was so good of them not to laugh him out of the room* («С их стороны было любезно не смеяться над ним, так что он остался в комнате»), второй вид может быть представлен таким предложением: *...he had talked himself back into a satisfactory state* («От разговоров ему снова полегчало»).

Следует отметить, что причиной движения в обоих случаях является производный каузативный глагол (*laugh, talk*), т. е. такой глагол, который изначально не имеет в своей семантической структуре семы каузации. Так, Longman Dictionary of Contemporary English трактует глаголы *laugh, talk* следующим образом: *laugh* — '[intransitive] to make sounds with your voice, usually while you are smiling, because you think something is funny'; *talk* — '[intransitive] to say things to someone as part of a conversation'. Сема каузации отмечается у данных глаголов только в контексте, когда из непереходных глаголов они превращаются в переходные. Таким образом, в значение этих глаголов входит как сема образа действия, так и сема каузации: 'they **caused** them out of the room **by laughing**'; 'he **caused** him back into a satisfactory state **by talking**'. Такая способность английского глагола сочетать в своей семантической структуре сразу несколько сем называется слиянием (conflation). Имеются даже определенные модели такого сочетания.

Позицию объекта такого производного каузативного глагола занимает не простой актант, а предикатный, т. е. выражающий пропозициональные отношения, описывающий целую ситуацию, в нашем случае, ситуацию движения (локации): *to laugh_them out of the room* — [they move\go\get out of room], *talked_himself back into a satisfactory state* [he get into satisfactory state]. Предикат пропозиции, отражающей ситуацию движения, получает частичную экспликацию, он оказывается представлен своей дейктической частью, обозначающей один из обязательных параметров движения — направление, и также именем, которое выражает ориентир, относительно которого перемещается субъект. Другими словами, он эксплицируется либо в виде Adv/prep+NP локативной семантики (как во втором примере), либо Adv/prep+NP абстрактной семантики (как во втором случае), либо в виде Adv/prep (...*he must see they didn't sneak him away*). Причем на поверхностном уровне предикатный актант может содержать одно или несколько дирекционных выражений: Путь,

Источник, Цель. Это зависит или от интенций говорящего (т. е. от того, что он считает необходимым подчеркнуть), или от контекста.

Дейктическая постглагольная частица предиката движения в когнитивной лингвистике получила название сателлита (satellite) — спутника глагола, модифицирующего его семантику. Если в своих конкретных значениях сателлиты обозначают направление движения, перемещение из одного локуса в другой, то в сочетании с именем пропозитивной семантики в анализируемых конструкциях они обозначают переход из одного состояния в другое, т. е. реализуют свои абстрактные значения, как например, в *Last night she had wept herself to sleep*, где *to* означает переход из одного состояния в другое. Поэтому естественным кажется вывод, что в качестве пространств мыслятся отнюдь не только физические тела, но и ментальные сущности: чувства или состояния, стили и манеры, разные виды деятельности, разные социальные институты и т. д.

Прототипические значения сателлитов — пространственные значения, значения нахождения, местоположения или перемещения в пространстве. Остальные значения основаны на пространственных значениях и выводимы из них. Способы выражения пространственных отношений, переосмысляясь, предоставляют возможность выражать другие отношения. Телесные ощущения являются основанием, базовыми структурами, на основе которых благодаря аналогии, метафоре и метонимии человек концептуализирует отношения в абстрактных областях. Отсюда возникла идея, что значения сателлитов должны рассматриваться в виде (образных) схем (image-schema). Их семантическая структура должна рассматриваться как сеть, состоящая из набора конкретных смыслов и их обобщений, которые говорящие извлекают из конкретных смыслов. Здесь можно говорить об особом механизме (chaining — цепочке переходов) семантического вывода одного значения из другого как типичном механизме развития значений, изображаемым образной схемой. В любом из своих проявлений они в целом передают либо концепт вместилища, либо направление движения по отношению к этому вместилищу.

Анализируемые сочетания производного каузативного глагола и сателлита можно рассматривать как входящие в группу фразовых глаголов, представляющих собой единую семантическую единицу. Хотя эти сочетания разложимы на смысловые компоненты, вместе они порождают еще и новое, каузативное, значение. Отличительной чертой таких фразовых глаголов является то, что лишь некоторые из них зафиксированы словарями, большинство же являются окказионально созданными.

Появление новой лингвистической единицы представляет собой результат сложного взаимодействия неязыковых и языковых знаний. Возможность существования рассматриваемых в статье комплексных единиц может быть объяснена с помощью теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера [2] (см. также Г. Дрессингер, Э. Свитсер, Т. Оукли, О. И. Ирисханова), развившейся из теории ментальных пространств Ж. Фоконье, основанной на том постулате, что языковые выражения представляют собой определенного рода инструкции, разворачивающие массивы информации, и в соответствии с которыми осуществляется ментальное конструирование реальных, вымышленных или гипотетических ситуаций, что, важно заметить, осуществляется неосознанно. Другими словами, пространства используются для моделирования механизмов языкового понимания. Ментальные

пространства когнитивны по своей природе и не имеют онтологического статуса вне человеческого сознания, ибо они не отражают объективную действительность, а воплощают образ того, как человек думает и говорит о тех или иных вещах, при этом, не заключая никакой информации о самих вещах.

Ментальным пространствам присущи следующие свойства: они могут включать ментальные сущности и структурироваться когнитивными моделями; ментальное пространство или сущности одного ментального пространства могут быть связаны с другим ментальным пространством или сущностями другого ментального пространства, соответственно, коннекторами. Также ментальные пространства не являются константными, в процессе коммуникации они претерпевают изменения, так, они могут расширяться, т. е. присоединять другие сущности и другие идеализованные когнитивные модели.

Другими словами, ментальные пространства можно определить как упорядоченные множества с элементами и отношениями между ними, открытые для пополнения их новыми элементами и отношениями. Они обладают большой гибкостью и в каждый данный момент могут и не сохранять последовательность и непротиворечивость, что отражает особенности общения и, следовательно, позволяет более адекватно моделировать процесс речевого восприятия.

Автор полагает, что в когнитивных процессах, вовлекающих ментальные пространства, оказываются задействованы такие стратегии, как устранение имеющихся противоречий; максимально возможное увеличение общих базовых предпосылок смежных ментальных пространств; перевод элементов, находящихся в центре внимания одного пространства, на задний план в будущих пространствах.

Ментальные пространства, по мысли Ж. Фоконье, могут взаимодействовать по следующим отношениям: метонимическому переносу, аналогической и метафорической проекции и некоторым другим. Анализ типов взаимодействия пространств между собой привел автора к дальнейшему развитию своей концепции и ее преобразованию в теорию концептуальной интеграции.

Концептуальная интеграция является одной из базовых когнитивных операций, лежащая в основе способности человека к рассуждению, изобретению и т. д., обладающая динамизмом и гибкостью. Эта модель состоит из двух и более элементов, ментальных миров, которые интегрируются в новое ментальное пространство. Из исходных совмещающихся ментальных пространств (input) предполагается создание нового целостного конструкта, не тождественного ни одному из исходных пространств и не сводимого к сумме их элементов, создание интегрированного пространства, бленда (blend). Другой особенностью бленда является то, что он создается и структурируется при актуальном процессе мышления или говорения, т. е. он характеризуется субъективностью, нестабильностью и динамичностью [1].

Авторы теории концептуальной интеграции, Ж. Фоконье и М. Тернер, рассматривают три основных вида ментальных пространств: во-первых, вводные ментальные пространства (input spaces — source-input space 1 and target-input space 2), содержащие фреймы соответствующих сфер и фоновую информацию; во-вторых, бленд, новое выходное гибридное, или интегрированное, пространство (blended space, blend), получаемое при смешении первых; и, в-третьих, дополнительно введенное ими родовое или общее когнитивное пространство (generic space), объединяющее вводные пространства.

Схема концептуальной интеграции выглядит так: два вводных пространства, источник и цель, комбинируются посредством некоторого структурного отображения, и производят бленд, новое независимое смешанное пространство, несущее результирующую интегрированную структуру. Интеграция из первого и второго вводных пространств в выходное пространство осуществляется под действием родового пространства.

Родовое пространство содержит базовые, фоновые знания, общие для обоих вводных пространств, а также и для выходного пространства, бленда. Родовое пространство выполняет роль координирующего пространства, приводящего вводные пространства в структурное соответствие, которое заключается в таком проецировании концептуальных структур, при наличии которого происходит структурное выравнивание объектов заданных пространств.

После образования бленда происходят такие процессы с вводными пространствами, как уточнение, обогащение вводных пространств дополнительным значением и эмоциональным содержанием, придание дополнительного веса одному из вводных пространств, концептуальные и культурные изменения, элементы производной структуры бленда могут быть подвергнуты расширению и др. Таким образом, мы оперируем не двумя, а четырьмя и более пространствами, которые впоследствии можно проецировать и смешивать с другими ментальными пространствами, как интегрированными, так и исходными, и к которым можно добавлять дополнительные вводные пространства [2].

По мнению Дж. Гради, С. Коулзен и Т. Оклея, в процессе интеграции и последующего смешения происходят следующие действия: композиция (composition), завершение (completion) и развитие (elaboration). Первое действие — это композиция. Она позволяет проектировку содержаний из источника к цели и в выходное пространство. В процесс композиции вовлечены личностное понимание и ассоциирование человека. Вторым действием является завершение, представляющее собой процесс, в результате которого полученный бленд, а именно структура, спроектированная от источника и цели, соотносится с информацией в долгосрочной памяти. И, наконец, третьим осуществляется развитие, которое понимается как последующие мысленное моделирование и развитие смешанного концепта. После того, как устанавливаются связи с долгосрочным знанием о бленде, можно строить дальнейшие возможные пространственные модели по различным траекториям при наличии условий оптимальности.

Условиями оптимальности, описывающие, чем отличается структурно правильное использование схемы концептуальной интеграции, являются следующие пять условий: 1) интеграционное условие (Integration), которое предполагает, что вводные пространства можно легко представить в виде одного концептуального объекта; 2) условие переплетенности, или наличие сетей (Web), которое требует, чтобы интеграционное условие не разрывало связи между заново смешанными элементами и их оригинальными входными прототипами; 3) расшифровка (Unpacking), требуемая для того, чтобы восстановить сеть пространств, из которых была произведена интеграция; 4) топологическое условие (Topology), которое требует, чтобы схожее смешивалось со схожим, чтобы соответствующие друг другу смешиваемые элементы соотносились с другими элементами своих пространств сходным образом, благодаря чему обеспечивается семантическая законность интеграции;

5) полезность (Good Reason), которая подразумевает, что интегрированный концепт должен иметь достаточное значение, в связи с другими концептами в пространствах. Эти условия не являются онтологическими, так что не нужно ожидать, что в каждой данной интеграции они будут соблюдаться абсолютно.

Рассмотрев теоретическую базу, вернемся к анализируемому в данной статье конструкциям «производный каузативный глагол + спутник (+именной компонент)», как например, *What a ludicrous story — Laughed my head off, I'll walk you back to the station*. Представляется правомерным предположить, что данные комплексы представляют собой производные единицы, а когнитивной основой их образования является механизм концептуальной интеграции, в ходе которой создается новая интегрированная концептуальная структура, бленд двух исходных пространств, концептуальных структур глагола и спутника, представленная в языке формально интегрированной структурой в виде фразового глагола. Такие грамматические конструкции английского языка задействуют механизм концептуальной интеграции для целостного представления ряда событий в их причинно-следственной связи. Возможность их существования обусловлена такими когнитивными причинами, как стремлением человека связать воедино все элементы сценария и представить их в целостном виде. Например, в предложении *It was the younger members who voted Smith onto the committee* глагол *to vote* (голосовать) позволяет представить действие агента (*'the younger members'*), конечную точку действия (*'the committee'*), траекторию перемещения (*'onto'*) в виде единого целостного события: «Именно молодые члены проголосовали таким образом, что Смит прошел в комиссию».

В то время как в английском языке данная модель является продуктивной, в русском языке она не имеет нормативных аналогов. Употребление данной модели в русском языке можно наблюдать лишь в случаях, намеренно отклоняющихся от нормы, таких как «Его поступили в университет» («Они сделали что-то, чтобы он поступил в университет»), «Его ушли с должности» («Кто-то сделал что-то, что послужило причиной его ухода с должности»). По-видимому, это объяснимо не когнитивными факторами, т. к. из приведенных выше примеров становится очевидным, что аналогичные операции интеграции возможны и для русскоязычных людей, а чисто лингвистическими основаниями, такими как пониженной избирательностью английского глагола к своему окружению и аналитическим строем языка в целом, языка, в котором возможно существование переходного и непереходного глагола, представленного одной формой.

В связи с анализируемыми конструкциями можно говорить о получившем в настоящее время популярность ситуационном (событийном) подходе к значению слова, который акцентирует внимание на том, что для пользующегося языком значение слова реализуется через включение его в более объемную единицу типа пропозиции, фрейма, схемы, ментальной модели и т. п. Относительно данных конструкций можно заключить, что они обладают особым композиционным, или интегративным, типом значения (термин Е. С. Кубряковой), не сводимым полностью к значению их частей и в то же время базирующимся на этих значениях.

Такие комбинации непереходного глагола и спутника сохраняют изначально присущую им мотивированность, что и позволяет восстановить ход когнитивных процессов. Мотивированность спутников обеспечивается их образными схемами, гештальт-конфигурациями, отражающими как прямое значение передвижения/

нахождения в пространстве, так и переносное, абстрактное значение, а именно значение любого изменения действительности, развившееся из первого метафорическим путем. Как отмечалось выше, правильность любого возникшего бленда обеспечивается родовым пространством, которое содержит фоновые знания, являющиеся общими для обоих входных пространств, а также и для полученного пространства. В отношении рассматриваемых конструкций таким родовым пространством является ментальное пространство, когнитивная модель узуального фразового глагола.

Можно предположить, что концептуальные структуры глагола и сателлита взаимодействуют следующим образом: на концептуальную структуру исходного пространства некаузативного глагола происходит наложение концептуальной структуры исходного пространства сателлита, что становится возможным в силу того, что имеется еще и третье, родовое, пространство, которое, как отмечалось выше, представляет собой когнитивную модель узуального фразового глагола. Другими словами, родовое пространство можно описать как имеющуюся у носителя языка стойкую абстрактную, ментальную модель сочетания глагола с сателлитом. Такое наложение двух сфер приводит, в результате, к тому, что их бленд получает когнитивное выделение своих отдельных аспектов, т. е. отмечается его профилирование (в зарубежной лингвистике это явление известно под термином 'windowing of attention' [5]). На передний план, как можно заключить, выступает результативность побуждающего действия, смена местоположения или изменение состояния. В процессе наложения моделей происходит также заполнение слотов пространства глагола новым концептуальным содержанием.

Итак, в результате когнитивной интеграции рассматриваемые конструкции, в формальном плане, дублируют модель фразовых глаголов, в содержательном плане, они развивают новое значение, отличное от простой суммы значений ее составляющих. Таким образом, значение оказывается выраженным всей конструкцией целиком.

Литература

1. *Скребицова Т. Г.* Языковые бленды в теории концептуальной интеграции // *Respectus Philologicus*. 2002. 2. URL: <http://filologija.vukhf.lt/2-7/skrebcova.html>.
2. *Fauconnier G., Turner M.* *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*. New York, 2002.
3. *Fauconnier G., Turner M.* *Rethinking Metaphor* // *Cambridge handbook of metaphor and thought* / Ray Gibbs (ed.). New York, 2008.
4. *Longman Dictionary of Contemporary English* // <http://www.ldoceonline.com>.
5. *Talmy L.* *Toward a Cognitive Semantics: 2 vols.* Cambridge, 2000. Vol. 1.

А. Б. Довейко

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: УСТАНОВКИ, ОЦЕНКИ, ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА

Модернизация образования — это очередной этап его реформирования, цель которого состоит в создании механизма устойчивого развития системы образования, а главной задачей российской образовательной политики является обеспе-

чение современного качества образования на основе сохранения его фундаментальности и соответствия актуальным и перспективным потребностям личности, общества и государства. Особую актуальность это приобретает в связи с присоединением России к Болонской декларации. Необходимость модернизации образования определяется следующими факторами [1]:

- 1) ролью образования в развитии российского общества;
- 2) соответствием российского образования тенденциям мирового развития;
- 3) новыми социальными требованиями к системе российского образования.

Модернизация образования обусловлена социально-экономическими изменениями в стране, произошедшими в последние десятилетия. Начиная с 90-х гг. XX в., в нашей стране осуществляется широкая модернизация системы образования, направленная на ее демократизацию и позитивное развитие. Основными субъектами рассматриваемой реформы становятся коллективы вузов, и целенаправленное действие отдельных преподавателей и студентов в совокупности составляет общественную силу, способную осуществить реформу. Мониторинг мнений участников процесса представляется значимой составляющей всего процесса реформы. Для обеспечения позитивного развития процесса очень важно представлять реальные масштабы его распространения, возникающие трудности и проблемы на пути внедрения управленческих решений в модернизацию высшей школы.

В ходе исследования модернизационных процессов в образовании в апреле–июне 2009 г. автором был проведен опрос 300 преподавателей 14 вузов (государственных и негосударственных) в городах Владимире, Воронеже, Мурманске и Санкт-Петербурге. Анкета разработана с использованием некоторых вопросов исследования И. Б. Назаровой «Преподаватели экономических дисциплин: профессиональный потенциал, особенности занятости и трудовой мотивации» (<http://www.ecsocman.edu.ru>).

Что же привлекает преподавателей вузов в их педагогической деятельности? Среди ответов на этот вопрос наиболее часто встречаются ответы о возможности быть самостоятельным участником образовательного процесса (84%), влиять на развитие студентов, формировать их мышление и мировоззрение (76%). Далее следует такой мотив, как реализация своих знаний, опыта и способностей (75%). При этом наблюдается разброс мнений в зависимости от профиля профессиональной подготовки и деятельности педагогов. Так, у преподавателей, работающих на гуманитарных кафедрах, этот показатель составляет 80%, у преподавателей-естественников — 62% и у их коллег на кафедрах технического профиля только 60%. 71% опрошенных устраивает, прежде всего, график работы, позволяющий совмещать основную работу с другой (54%). Возможность заниматься наукой в данном вузе отмечают 62% респондентов, условия труда привлекают 60% преподавателей. Далек не последнюю роль играют также возможность установить полезные связи (54%) и надежные гарантии занятости (51%).

Наибольшую неудовлетворенность у вузовских педагогов вызывает оплата их труда. Этот фактор неудовлетворенности назвали две трети респондентов. Средняя зарплата по вузу изменилась в ходе внедрения новой системы оплаты труда весьма незначительно. Почему? Потому что сегодня зарплата состоит в основном из повышающих коэффициентов, доплат и надбавок, которые рассчитываются от мизерных ставок. И это при том, что увеличили количество студентов на одного

преподавателя, т. е. фактически нагрузка возросла. Состояние российской образовательной системы и учреждений образования таково, что методы материального стимулирования отдельных работников трудно реализуемы, что связано не только с дефицитным ресурсным обеспечением системы образования, но и жесткой регламентацией расходов в образовании. В связи с этим особое значение приобретает выявление возможностей нематериального стимулирования.

На втором месте среди факторов, вызывающих неудовлетворенность, с большим отрывом находятся техническое оснащение учебного процесса и распределение работы (педагогической нагрузки). Их назвали по 45% преподавателей. На третьем месте оказался такой фактор неудовлетворенности, как возможности профессионального развития, повышения квалификации (26%).

Преподаватели высказывают различные пожелания относительно повышения уровня своих знаний. 46% считают необходимым для себя стажировки в российских вузах или организациях, 34% — то же самое, но за рубежом, 35% хотели бы участвовать в научных проектах. Для трети опрошенных большое значение имеет доступ к нужной информации с помощью современных технических средств (Интернет, доступ к электронным библиотекам, вузовская внутренняя сеть и т. д.). Востребованными являются также семинары по обмену опытом с коллегами из других вузов России (36%) и с зарубежными коллегами (14%). О необходимости участия в российских научных конференциях заявляют 24% педагогов и в зарубежных конференциях — 11%.

Удовлетворенность трудом вузовских педагогов формируется, не в последнюю очередь, исходя из их целевых установок. В чем состоит, по мнению респондентов, основная цель их деятельности? На первом месте — вооружить студентов знаниями, умениями и навыками практической работы (до 40% ответов), на втором — помочь им развить свои способности и найти свое место в обществе (26%). Способствовать всестороннему личностному развитию студентов готов каждый пятый наставник, а помогать тем студентам, которые проявляют интерес к обучению, намерены 7% преподавателей государственных и 11% негосударственных вузов. 4% видят свою цель в том, чтобы продемонстрировать перед студентами интеллектуальную красоту науки.

Значительно усложняется деятельность преподавателей по участию в разработке образовательных программ и курсов, т. к. быстро меняется объем информации, содержание образовательных программ, технология их подготовки и реализации. Высокие требования предъявляются и к качеству учебно-методического обеспечения образовательных программ. Все большую роль играют учебные материалы, представленные в электронном виде, призванные заменить обычные учебные пособия. Подготовка таких материалов — новая профессиональная компетенция преподавателей, а повышение их квалификации в этом направлении — фактор дальнейшего повышения качества образования. По данным опроса, в текущем учебном году 38% преподавателей начали преподавание 1–2 новых для себя курсов, 18% — 3-х и более курсов. 29% преподавателей пришлось сильно поменять содержание своих лекций и семинаров, 54% изменили его незначительно и лишь 16% не считают для себя нужным что-либо менять в преподавании.

Представление о преподавательском корпусе будет неполным без выявления его отношения к различным процессам и проблемам института высшего образования.

Проведенный анализ социологических данных выявил сложную и многоцветную палитру общественного мнения по самым актуальным вопросам. Изучение этого мнения является неотъемлемым элементом социальной технологии управления инновациями в вузах, одним из важных факторов эффективности модернизации системы высшего образования.

Прежде всего, респондентам были заданы вопросы об их отношении к изменениям и событиям, произошедшим в высшей школе за последние 5–7 лет. Основные данные показаны в табл. 1.

Таблица 1

Отношение к изменениям и событиям, произошедшим в высшей школе за последние 5–7 лет (в индексах)

	Государственные вузы	Негосударственные вузы	Всего
Возникновение рынка образовательных услуг	0,14	0,53	0,27
Введение приема в вузы по результатам ЕГЭ	–0,45	–0,41	–0,44
Расширение сферы негосударственного образования	–0,32	0,35	–0,09
Вхождение в Болонский процесс	–0,24	–0,18	–0,22
Переход на двухуровневую систему высшего профессионального образования — бакалавр — магистр	–0,20	–0,14	–0,18

Прежде всего, налицо явный перевес негативных оценок. Самое большое недовольство преподавателей вызвало введение приема в вузы по результатам ЕГЭ — индекс равен –0,44 (индекс рассчитывался как разница между положительными и отрицательными оценками различной степени интенсивности и может варьировать от +1 до –1). Причем в этом вопросе наблюдается полное единодушие преподавателей как государственных, так и негосударственных вузов. В ЕГЭ можно увидеть один положительный момент: сделана попытка создать единый измеритель знаний. Но когда на него навешивают дополнительные «обязательства», немедленно возникают проблемы. Теперь ЕГЭ становится автоматическим вступительным испытанием в вуз, учителя «прессуют», если у него низкие показатели ЕГЭ. Теряется объективность. Появляются нечестные результаты. В ряде вузов проведены проверки на предмет соответствия реальных знаний первокурсников баллам, указанным в сертификатах ЕГЭ. По разным данным, от 20 до 60% студентов не смогли подтвердить высокую оценку, полученную на экзаменах [3]. По словам ректора Высшей школы экономики Ярослава Кузьмина, три четверти инженерных направлений и специальностей приняли студентов на I курс со средним баллом ЕГЭ ниже 60–55. Это значит, что половина зачисленных на бюджетные места людей имеют тройку по физике и математике!

По мнению спикера Совета Федерации С. Миронова, руководство Минобразования сделало ошибку, введя единый госэкзамен, который с 2009 г. получил статус обязательного и будет являться единственной формой государственной аттестации выпускников школ. Очень трудно признавать ошибки, но это нужно сделать обязательно. На основе единого госэкзамена невозможно проявить себя как личность. Такие предметы, как обществознание, история и литература, вообще не могут сдаваться на основе ЕГЭ. Необходимо вносить коррективы и дать возможность абитуриентам поступать либо на основании ЕГЭ, либо на основании обычных вступительных экзаменов.

Негативную реакцию преподавательского корпуса вызывают также вхождение в Болонский процесс (-0,22) и, соответственно, переход на двухуровневую систему высшего образования (-0,18). При этом негативизм в негосударственном секторе образования выражен чуть мягче. С переходом на двухуровневую систему обучения возрастет число различных рисков, в том числе это может негативно сказаться на рынке труда, поскольку, к примеру, диплом бакалавриата пока в целом не является признанным в среде работодателей. Более того, возникает опасность дифференциации заработной платы в зависимости от вида диплома: бакалавра или магистра. Это может коснуться значительной части выпускников вузов, поскольку магистратура многим может оказаться не «по карману».

К сожалению, большинство наших вузов ничего в этой системе не видят, кроме сокращения срока обучения. Просто назвать выпускника, проучившегося 4 года вместо 5, бакалавром — значит исказить полностью смысл Болонской системы. Это не та подготовка специалиста, когда преподаватель и вуз знают, что необходимо студенту, чтобы он через 5 лет работал успешно. Это когда преподаватель и вуз создают условия, чтобы студент сам за 4 года определился, что ему нужно, за что он будет нести свою ответственность. Такая система требует другой компетентности преподавателей, другой организации учебного процесса. Очень мало в России вузов, где студент за 4 года может «попробовать» несколько разных вариантов и, в конце концов, выйти на диплом по интересующей его теме.

В настоящее время, как нам видится, в России идут два слабо взаимодействующих процесса: внедрение в вузы форматов Болонского процесса — разворачивается интенсивно и интеллектуальное осмысление соответствующих социальных реалий — проводится чрезвычайно слабо.

Положительно оценили участники опроса факт возникновения рынка образовательных услуг (+0,27, в том числе преподаватели государственных вузов +0,14, а негосударственных — +0,53). Расхождения в оценках провинциальных и столичных вузов по данным вопросам являются малозначимыми. Все это наводит на мысль о существующей широкой оппозиции в преподавательском корпусе вузов различного статуса проводимой властями политике в области высшего образования.

Далее мы попросили респондентов высказаться по поводу их отношения к различным предлагаемым нововведениям в системе высшего образования. В этом случае мы получили примерный баланс положительно и отрицательно оцениваемых мероприятий.

Наибольший позитивный резонанс вызывает предложение создания эффективных форм участия работодателей в управлении и финансировании системы профессионального образования, формирования его содержания (+0,36, в т. ч. в него-

сударственных вузах — +0,50), активнее вводить учебные курсы по выбору (+0,28), ужесточение процедуры контроля качества высшего образования со стороны государства (+0,19), введение балльно-рейтинговой системы оценки знаний студентов (+0,17 и вдвое выше в негосударственных вузах), а также самостоятельный выбор вузом образовательных программ и сроков реализации Болонских соглашений (+0,16).

В привлечении к процедурам оценки качества образования негосударственных организаций заинтересованы и государство, и общество, и образовательные учреждения (организации), и студенты, и родители, и бизнес — одним словом, все. Подтверждение этому мы находим и в заявлениях руководителей государства. На этом фоне возникает другой вопрос: а заинтересованы ли в этом государственные органы, осуществляющие политику в области образования? Ответ здесь не столь однозначен. По выступлениям руководителей — да, по реально проводимой практике — нет! В связи с этим можно поставить третий вопрос: а почему к оценке качества образования и аккредитации вузов слабо привлекаются негосударственные структуры? Мы подписали Болонскую декларацию. В соответствии с нормативными документами Болонского процесса оценку качества образования и аккредитацию вузов должны проводить негосударственные аккредитационные агентства, признаваемые государственными органами, осуществляющими политику в области образования.

Поразительное единодушное неприятие преподаватели вузов разного статуса высказали по отношению к идее увеличения времени самостоятельной работы студентов при сокращении числа аудиторных часов, что вполне понятно, т. к. ведет к ощутимому снижению учебной нагрузки преподавателя (−0,37), а также к возможности перехода от традиционных лекций и семинаров к консультированию студентов (−0,34). По-видимому, определенная часть преподавателей усматривает в этом новшестве также покушение на их «часы», а ломка привычных стереотипов учебных занятий также не может вызвать особого восторга.

Предложение сделать все экзамены письменными также не находит отклика в преподавательской среде. Эта идея, возможно, хороша для точных наук, но не для студентов-гуманитариев, которым надо шлифовать свои коммуникационные умения — говорить, держаться перед собеседником-экзаменатором, справляться со стрессом. Как письменный экзамен может это обеспечить?! Сегодня становится также распространенной практикой перевод итоговых испытаний по дисциплине на компьютерное тестирование. Вероятно, по определенным предметам такое нововведение может быть вполне оправданным. Вместе с тем, если это становится панацеей, преподаватели начнут натаскивать студентов на правильные ответы, увеличивая объем справочного материала для запоминания; учащиеся разовьют навыки письменной речи, научатся работать с тестами, но слабые студенты разучатся разговаривать.

Что же касается таких предлагаемых изменений, как выделение из всех вузов федеральных и научно-исследовательских университетов, преобразование вузов в автономные образовательные учреждения, создание независимых общественных организаций, проводящих аккредитацию вузов, то эти меры вызывают очень осторожный оптимизм преподавателей при большом числе воздержавшихся от каких-либо оценок.

Среди наиболее заметных изменений, произошедших за последнее время в российской системе высшего образования, можно назвать развитие негосударственного сектора образования. Как известно, негосударственные вузы начали возникать в 1990-х гг. Сразу же наблюдался интенсивный рост негосударственного сектора. В настоящее время число негосударственных вузов почти сравнялось с числом государственных, хотя по численности студентов государственные вузы заметно опережают негосударственные. Существенно расширился прием на платной основе и в государственные вузы. Сегодня происходит дальнейшее увеличение платности образования [4]. Несмотря на неоднозначное отношение к негосударственному образованию, оно становится неотъемлемой частью системы высшего образования. По словам председателя Совета Ассоциации негосударственных вузов России В. Зернова, негосударственный сектор в системе высшего образования сохранится в качестве более гибкой оболочки мощного государственного ядра, а в качественном отношении уровень образования будет сопоставим с уровнем образования в ведущих государственных вузах [5].

Таблица 2

Суждения по поводу негосударственного высшего образования

Суждения	Направления кафедр		
	гумани- тарные	есте- ственно- научные	техниче- ские
Негосударственные вузы представляют более широкий и более качественный уровень образовательных услуг	-0,40	-0,54	-0,81
Качество платного образования вызывает сомнение	0,16	0,29	0,80
Частное образование должно быть «рядом», но не «вместо»	0,51	0,55	0,50
Необходимо строже оценивать качество обучения в частных вузах и, особенно в их филиалах	0,54	0,69	0,85
Следует полностью отказаться от платного образования. Оно более вредно, чем Болонский процесс	-0,40	-0,17	0,17
Негосударственные вузы дают возможность получить высшее образование малообеспеченным категориям учащихся	-0,42	-0,48	-0,44
Частные вузы дают возможность заработать и «выжить» преподавателям	0,22	0,22	0,37
Частное образование должно развиваться свободно. Это выбор свободных граждан	0,34	0,12	0,13

В нашем исследовании были получены следующие оценки и характеристики негосударственного высшего образования (в индексах; табл. 2).

Очевидно весьма настороженное отношение к негосударственным вузам. Причем представители кафедр технического и естественнонаучного профиля наиболее негативно оценивают как сами параметры негосударственных вузов, так и само направление коммерциализации высшего образования. Согласно в оценках всех трех групп проявляется разве лишь в том, что негосударственный сектор выступает в роли некоего «подсобного хозяйства», позволяющего заработать и «выжить» преподавателям, а также в равноправном положении и взаимодействии этих двух секторов.

Таким образом, на содержание и структуру деятельности преподавателей значительное влияние оказывает их отношение к тем процессам, которые происходят сегодня в высшей школе. Значительная часть преподавателей не удовлетворена тем, что официально принято называть реформированием высшего образования. В преподавательской среде сформировалось отчужденное отношение к различного рода бюрократическим методам модернизации высшего образования, слепому копированию зарубежного опыта функционирования высшей школы.

Настороженность преподавательского корпуса в отношении инноваций нельзя целиком отнести на консерватизм их мышления. Неосведомленность педагогов о целях, формах и методах реформирования высшей школы, о тех принципах, на основе которых определялись государственные образовательные стандарты — результат не столько инертного отношения части вузовских работников к преобразованию в сфере высшего образования, сколько свидетельство формализации процесса модернизации, неумения и нежелания органов управления высшим образованием заинтересовать преподавателей вузов, сделать их активными субъектами подлинных, глубоких реформ в вузах. Все это не позволяет вузовским педагогам реализовать в полной мере свой творческий, научно-педагогический потенциал, негативно сказывается на содержательной стороне модернизационных процессов в вузах.

Реформирование системы образования — это сложный процесс, это путь ошибок и побед. Только преодолевая собственное кризисное состояние, преобразуя содержание, формы и способы его организации, создавая принципиально новое технологическое обеспечение учебного процесса, совершенствуя профессионально-педагогическую культуру, образование может ответить на вызовы времени и стать ресурсом устойчивого развития российского общества.

Литература

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 г. // <http://www.mma.ru/article/id10055>.
2. Источник: www.president.kremlin.ru.
3. Новые Известия. 12 ноября 2009 г.
4. *Сорокина Н. Д.* Управление новациями в вузах (социологический анализ). М., 2009. С. 174—175.
5. *Зернов В.* Негосударственный сектор: анализ, прогноз развития // Высшее образование в России. 2004. № 9. С. 57.

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ: ОТРАСЛЕВАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ

В последнее время большое внимание в сфере высшего образования уделяется соблюдению его стандартов, признанию российского образования в европейском и мировом масштабах, признанию российских дипломов. Участие нашей страны в Болонском процессе, направленном на выработку и достижение единых стандартов высшего образования, принятых во всем мире, ставит перед высшим образованием России целый ряд проблем, которые следует решить уже в ближайшее время. Одна из таких проблем — это информационная поддержка современной российской науки и образования, обеспечение всех участников научного и образовательного процессов современной и качественной научной информации [1].

Информационные ресурсы служат основой создания информационной продукции и оказания информационных услуг. Электронные услуги являются разновидностью информационных услуг. Термин «электронные ресурсы» означает формирование информационных ресурсов в удобной форме не только для хранения, обработки, но и в первую очередь для визуализации и представления с помощью информационных технологий [2]. Электронная форма означает возможность визуализации продукта или услуги с помощью автоматизированных или компьютерных средств визуализации.

Сегодня все основные наиболее ценные научные издания сконцентрированы в крупнейших издательствах и агентствах, предоставляющих информацию на коммерческих условиях.

Бурное развитие информационных технологий позволило использовать новые формы обеспечения процесса образования. На смену печатным изданиям приходят издания в электронной форме. Работать с ними гораздо удобнее и оперативнее. Электронный доступ позволяет динамично и наиболее полно обеспечить получение необходимой информации.

К примеру, рассмотрим процесс создания электронных курсов (ЭК), создаваемые профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербургской академии управления и экономики (СПбАУЭ). ЭК — это совокупность графической, текстовой, цифровой, речевой, музыкальной, видео-, фото- и другой информации, размещенной на электронных носителях и адаптированной для использования в учебном процессе. ЭК может быть исполнен на любом электронном носителе, а также опубликован в электронной компьютерной сети.

Начиная работу с электронными курсами, многие организации руководствуются примерно теми же правилами, что и для печатных изданий, но появление большого числа полнотекстовых нелегитимных изданий в Интернете, хаотичная и не всегда обоснованная деятельность отдельных организаций, библиотек, по развитию своих электронных полнотекстовых коллекций даже и в интересах пользователей не всегда обеспечивались правовой основой и влекли за собой нарушение авторских и исключительных прав.

Авторские права на электронные курсы возникают независимо от достоинств и назначения, а также от способа его выражения.

Права интеллектуальной собственности являются исключительными правами, которые включают в себя право запрета. Реагирование на их нарушение представляется очень важным действием для осуществления и сохранности прав.

В случае создания автором в рамках своих трудовых обязанностей или конкретного задания работодателя результата интеллектуальной деятельности, как в нашем случае, исключительное право на такой результат принадлежит работодателю.

С целью защиты авторских прав и интеллектуальной собственности созданных электронных ресурсов, на протяжении длительного времени сотрудниками Института дистанционного образования (ИДО) Санкт-Петербургской академии управления и экономики велась тесная работа с Объединенным фондом электронных ресурсов «Наука и образование» (ОФЭРНиО), г. Москва.

Итогом плодотворной и успешной работы между СПбАУЭ и ОФЭРНиО стало заключение некоммерческого договора на формирование и открытие Регионального отделения при Академии.

Региональное отделение Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» в г. Санкт-Петербурге создано в соответствии с договором о сотрудничестве № 31/10 от 26 января 2010 г. между Учреждением Российской академии образования «Институтом научной информации и мониторинга», и Негосударственным образовательным учреждением высшего профессионального образования «Санкт-Петербургская академия управления и экономики» (СПБАУЭ), согласно которому Учреждение Российской академии образования «Институт научной информации и мониторинга» поручает СПбАУЭ организацию и ведение Санкт-Петербургского отделения объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» с целью популяризации отраслевой и государственной регистрации электронных ресурсов науки и образования вида «неопубликованные документы», способствования обмену передовым педагогическим опытом в области информационных технологий и телекоммуникаций и созданию единого информационного научного и образовательного пространства.

Региональное отделение — Санкт-Петербургский Объединенный фонд электронных ресурсов «Наука и образование» предназначено для:

- аккумуляции информации об электронных ресурсах науки и образования, имеющих вид «неопубликованные документы»;
- стандартизации и унификации слабоструктурированной информации об электронных ресурсах;
- каталогизации электронных ресурсов научного и образовательного назначения;
- обеспечения доступного, полного и прозрачного оповещения научного и педагогического сообществ страны о последних достижениях в области науки и образования.

Основными целями Регионального отделения — Санкт-Петербургского Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» являются:

- проведение научно обоснованной государственной политики в области формирования единого информационного пространства науки и образования о результатах интеллектуальной деятельности (РИД) на основе широкого использования информационных и коммуникационных технологий;

- обеспечение разработчиков и потребителей электронных ресурсов науки и образования доступной, полной, достоверной и оперативной информацией по вопросам электронного обеспечения образования и науки;

- обеспечение условий для устранения неоправданного дублирования электронных ресурсов науки и образования и, тем самым, устранения нерационального бюджетного финансирования фундаментальных и прикладных исследований и результатов проектной деятельности в образовании и науке.

Функциями Регионального отделения — Санкт-Петербургского Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» являются:

- консультирование авторов и организаций разработчиков электронных ресурсов науки и образования по вопросам регистрации электронных ресурсов науки и образования (включая вопросы: оформления комплекта документов);

- консультирование по правовым нормам авторского права на интеллектуальную собственность;

- регистрация (учет) электронных ресурсов науки и образования;

- каталогизация электронных ресурсов науки и образования;

- оказание помощи авторам и организациям-разработчикам в регистрации электронных ресурсов науки и образования в Национальном информационном фонде неопубликованных документов (ФГНУ «ЦИТиС»).

Пользователями Регионального отделения — Санкт-Петербургского Объединенного фонда электронных ресурсов «Наука и образование» являются:

- авторы и авторские коллективы — разработчики электронных ресурсов Санкт-Петербурга (Северо-Западного федерального округа);

- организации-разработчики электронных ресурсов Санкт-Петербурга (Северо-Западного федерального округа).

РО ОФЭРНЮ — Санкт-Петербург принимает на регистрацию разработки на основании письменного обращения организации — разработчика, авторов-индивидуалов и авторских коллективов.

Регистрации подлежат:

- электронные учебники;

- электронные учебно-методические комплексы;

- учебные пособия и другие методические материалы;

- сборники задач, тестов;

- программные модули и системы, поддерживающие документооборот и инфраструктуру образовательных учреждений;

- разработки алгоритмов и программ, применяемых в учебных и научных целях;

- другие электронные ресурсы имеющие научное и образовательное назначение.

Немаловажным пунктом является то, что работы, зарегистрированные в РО ОФЭРНЮ — Санкт-Петербург, учитываются Высшей аттестационной комиссией (ВАК): Инструкция к действующему Положению о присуждении ученых степеней (Приложение 3, п. «б»).

Особенностью реализации современных информационных, электронных услуг и ресурсов является использование и учет информационных пространств. Концепция интеграции информационного обеспечения приводит к необходимости создания единого информационного пространства в масштабах страны, отрасли и в масштабе конкретной организации.

В заключение хотелось бы добавить, что результаты интеллектуальной деятельности следует обязательно защищать.

Литература

1. Кузнецов А. Ю., Разумова И. К., Щварцман М. Е. Информационная поддержка науки и образования. Российский опыт использования электронных ресурсов // Вестник Национального комитета «Интеллектуальные ресурсы России». 2004. № 2. С. 15–20.
2. Поляков А. А., Цветков В. Я. Информационные технологии в управлении. М., 2007.

О. Д. Ермакова

О НЕКОТОРЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СПЕЦИАЛИСТУ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Каждая эпоха имеет свою парадигму образования, т. к. понятие «образованный человек» меняется с течением времени. Сегодня государственная машина нуждается в специалистах, способных функционировать в условиях быстро меняющегося мира, в ситуации нарастающих глобальных проблем и кризисов.

Являясь объективной потребностью общества, иностранный язык тесно связан со всеми его сторонами: экономикой, политикой, культурой, образованием.

Для того чтобы осваивать прогрессивные технологии, накопленные в мировом производстве, пользоваться зарубежными первоисточниками, необходимы высококвалифицированные специалисты, владеющие хотя бы одним иностранным языком.

К сожалению, система подготовки специалистов по иностранному языку на неязыковых факультетах не лишена противоречий, мешающих реализации поставленных целей. Среди проблем — отсутствие преемственности между школьными и вузовскими учебниками; пробелы в системе мотивации к изучению языка, без которой этот процесс не эффективен. Кроме того, до сих пор не разработаны такие требования образовательной программы, которые бы учитывали неоднородность обучаемого контингента, обладающего разными уровнями коммуникативной компетентности. В ряде российских вузов существует проблема с выбором адекватных процессу обучения учебных пособий.

Считается, что участие вуза в Болонском процессе не будет успешным, пока определенное количество специальных учебных предметов не будет читаться на иностранном языке. Отсюда возникает необходимость в специалистах, владеющих неязыковой специальностью и иностранным языком.

Болонская декларация является отправной точкой развития наиболее важных умений личности, которые следует развивать у студентов, в их числе: интеграция различных точек зрения, умения предоставить аргументы, подтверждающие ту или иную позицию, выступать с конструктивной критикой идей, а не персоналий. Нет сомнений в том, что современные студенты с легкостью делают это на родном языке, но такой научный диалог возможен и с представителями других культур.

Через использование иностранного языка студенты овладевают вербальными и невербальными моделями поведения, принятыми в другой лингвокультурной общ-

ности, осознают национально-специфические особенности восприятия мира иноязычными представителями, что в первую очередь ведет к формированию умений межкультурного общения.

Находясь на перекрестке культур, иностранный язык призван формировать способности обучаемых к участию в межкультурной коммуникации, поэтому целью обучения иностранному языку уже не может быть передача лингвистических знаний, умений и навыков.

Заницентричная модель образования уже перестала удовлетворять реальные потребности развития общества и личности. Сегодня речь идет об обеспечении активного владения иностранным языком как средством формулирования мыслей как в области повседневного, так и профессионального общения.

Важную роль при этом должны играть составляющие коммуникативной компетенции. Так, например, *социолингвистическая компетенция* есть способность использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией, учитывая языковые особенности социальных слоев, места проживания, происхождения, рода занятий. Такие особенности встречаются на уровне лексики, грамматики, фонетики, паралингвистики.

Наиболее востребованные виды речевой деятельности, ориентированные на потенциальное общение — это говорение и чтение.

Учитывая ситуации, в которых иностранный язык может понадобиться будущим специалистам, необходимо моделировать аналогичные ситуации в ходе обучения, варьируя то один, то другой компоненты. Речь идет об официальных и неформальных диалогах, индивидуальных и групповых контактах, имитациях конференций и т. д.

Студенты, будущие специалисты, в том числе в области иностранного языка, должны уметь описывать различные ситуации с опорой на иллюстрированный материал, высказывать свою точку зрения, комментировать, составлять рассказ с опорой на схему, коллаж или без них, вести телефонный разговор.

Необходимо научить студентов строить свои высказывания в соответствии с различными речевыми функциями: выражать радость, удовлетворение, огорчение, удивление, интерес, желание.

Важно также научить обучаемых обмениваться впечатлениями об увиденном или услышанном, активно использовать новые речевые средства в общении.

1. What shall I say about the episode?
2. What shall I start from?
3. What is the main problem?
4. What shall I prove or disapprove?
5. What conclusion may I come to?

Среди множества заданий, направленных на формирование коммуникативных умений, выделим задания на совместный поиск информации, необходимой для общения.

Такая форма работы предполагает различные виды упражнений: работа с таблицами, когда учащимся предлагается заполнить недостающую информацию, общаясь друг с другом на иностранном языке, причем общение может быть как в форме диалога, так и в форме монолога. Коммуникативно-оправданным является совместное выполнение теста, когда обучаемые вынуждены задавать друг другу

вопросы, чтобы восполнить недостаток информации. Важно отметить, что упражнение, направленное на воспроизведение материала страноведческого характера, будет направлено на формирование не только социолингвистической, но и социокультурной компетенции.

Не менее важным умением будущего специалиста является умение читать профессиональную литературу на иностранном языке.

Для эффективного чтения на иностранном языке необходимо сформировать следующие умения:

- игнорировать неизвестное, если оно не мешает выполнению поставленной задачи;

- вычленять смысловую информацию;
- читать по ключевым словам;
- работать со словарем;
- использовать сноски и комментарии, предлагаемые в тексте;
- интерпретировать и трансформировать текст.

Подготовка к коммуникативному чтению проходит в традиционные 3 этапа:

До чтения

- осмыслить заголовок;
- проанализировать внешние данные текста: иллюстрации, выделенные слова;
- попытаться предугадать содержание текста.

По ходу чтения

- выявить скрытые вопросы в тексте;
- искать в тексте ответы на скрытые вопросы;
- выделять, подчеркивать, записывать главное, существенное, неизвестное;
- отмечать профессионально значимую лексику.

После чтения

- сформулировать основную мысль текста;
- выделить основную информацию;
- выделить главные мысли каждой части текста;
- выбрать материал для выполнения задания (пересказ, план, устный ответ).

Другим, не менее эффективным видом работы на занятиях по иностранному языку в неязыковых группах является изучение тем с привлечением аутентичных документов. Отметим, что образцы различных аутентичных документов появились сегодня в учебных пособиях как зарубежных, так и отечественных издателей. Это и образцы резюме, контрактов, бизнес-планов, проектов. Использование их на занятиях ведет к усилению мотивации изучения иностранного языка и содействует постепенному снятию психологических и лингвистических трудностей обучаемых.

Большинство исследователей рассматривают современные технологии обучения как один из способов реализации на занятиях личностно-ориентированного подхода, где студенты выступают как активные творческие субъекты учебной деятельности. Необходимо добавить, что среди популярных технологий обучения выделяют следующие формы личностно-ориентированного подхода: обучение в сотрудничестве, проектные технологии, дистанционное обучение, использование языкового портфеля, тандем-метод, интенсивные методы обучения, применение технических средств. Технологии обучения будут способствовать развитию коммуникативных способностей личности обучаемого.

Умение самостоятельно учиться и соответственно идти по пути самообразования всегда являлось актуальной задачей во все периоды развития человечества.

Речь идет о требованиях усилить степень автономии как обучаемого, так и педагога. При этом наличие автономии предполагает и приобретение ответственности. Особенно это касается новой роли обучаемых, которые также должны нести ответственность за результат и процесс учебного труда. Для того чтобы это стало возможным, необходимо научить студента осознавать цели и задачи как образовательного процесса в целом, так и отдельных его этапов, оценивать динамику своего прогресса, преодолевать препятствия и учебные неудачи без эмоциональных потерь.

Существуют определенные памятки-ориентиры, позволяющие студенту осознавать степень своего прогресса. Например:

Для последующей работы с текстом двуязычного контракта необходимо:

1. Выучить 10 новых лексических единиц.
2. Составить с ними предложения-ситуации.
3. Подобрать подходящий вариант транскрипции из предложенных.
4. Найти новые слова в тексте контракта.
5. Сравнить свою работу с вариантом партнера.
6. Выбрать из двух вариантов лучшие образцы.
7. Сопоставить с оригиналом.
8. Оценить свою работу по предложенной шкале баллов.

Руководство по организации учебного процесса должно строиться таким образом, чтобы студент сам чувствовал ответственность за качество приобретаемых знаний и мог свободно реализовать их в своей дальнейшей профессиональной деятельности.

Таким образом, для достижения высокого уровня научно-практической подготовки выпускников вузов необходимо решить несколько проблем: обеспечить возможность получения студентами глубоких фундаментальных знаний по изучаемым предметам. Кроме того, необходимо изменить подходы к организации самостоятельной работы студентов с тем, чтобы повысить качество обучения, развить их стремление к непрерывному обогащению новыми знаниями, а также учесть особенности интересов студентов в самоопределении и самореализации.

Для этого необходимо привить обучаемым следующие умения:

- умение анализировать собственную деятельность с позиций оценивания потенциальной приемлемости;
- умение работать в группе, адекватно взаимодействуя с другими участниками образовательного процесса;
- умение пользоваться всеми доступными средствами получения знаний.

Как мы уже отмечали, в современных условиях требуется создание новой концепции образования и глубокое реформирование всей системы обучения, направленные на идею культурно развитого человека, которому предстоит жить в сложных, динамических, изменяющихся условиях. Таким образом, он должен быть вооружен не системой заученных знаний, а умением, способностью меняться, приспособляться, самообучаться.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Проблема личности, ее становление и развитие являются важным и необходимым звеном при рассмотрении вопроса о профессиональной идентичности человека. Личность — субъект социальных отношений и активной деятельности, наделенный качествами и способностями, позволяющими реализовать себя. Составной частью развития личности является профессиональное развитие, которое Э. Ф. Зеер определяет как «непрерывный процесс целенаправленного изменения личности под влиянием социальных воздействий и собственной активности, направленной на самосовершенствование и самореализацию» [1]. В таком контексте понятия «личностно-профессиональное становление» и «становление личности в процессе обучения в вузе» можно отождествить.

Современное определение личностно-профессионального становления основывается на материалах теоретических и экспериментальных исследований общей психологии (С. Л. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев, А. Н. Леонтьев, Б. Ф. Ломов, В. Н. Мясищев, К. К. Платонов и др.), психологии личности (К. А. Альбуханова-Славская, А. А. Бодалев, Л. И. Божович, А. А. Деркач и др.), психологии труда (Э. Ф. Зеер, Е. А. Климов, Т. В. Кудрявцев, А. К. Маркова, Ю. П. Поваренков и др.).

Среди зарубежных подходов к проблеме личностно-профессионального становления можно отметить работы А. Адлера, К. Роджерса, А. Маслоу. Большой интерес для нас представляет теория самоактуализации А. Маслоу. Высшим уровнем развития человека он считает уровень самоактуализации, под которым понимает непрекращающийся процесс развития потенциальных возможностей человека.

Анализ исследований в этой области показывает, что при рассмотрении вопроса профессионального развития личности выделяют два аспекта: акмеологический и социально-психологический.

В рамках социально-психологического направления рассматривается влияние профессионального сообщества на развитие профессионала, роль социально-психологического климата в данной общности.

Профессиональная деятельность с позиций акмеологического подхода рассматривается как решение бесчисленного ряда репродуктивных и творческих задач, связанных с непосредственным содержанием деятельности.

Основной тенденцией профессионально-личностного развития специалиста выступает тенденция взаимообусловленности формирования его профессиональной деятельности и личности. Эта тенденция отражает известную закономерность: личность развивается и проявляет себя, свою сущность в деятельности. Взаимообусловленность личности и деятельности, их единство, взаимозависимость позволяют говорить о потенциальном развитии личности специалиста, как субъекта деятельности, и о деятельности, способствующей профессионально-личностному развитию этого субъекта. В рамках акмеологического подхода разработаны теоретические положения о «Я-концепции» субъекта деятельности. В рамках этого направления подробно рассматривается наивысший уровень профессионального

развития специалиста — уровень профессионализма. По Е. А. Климову, профессионализм «не просто некий высокий уровень знаний, умений и результатов человека в данной области деятельности, а определенная системная организация сознания, психики человека» [2].

Профессионализм в исследованиях отечественных авторов — это интегральная характеристика деятельности, общения и личности человека труда, которая ставит перед субъектом труда определенные жесткие обязательства, отражающие не только качество деятельности, но и влияющие на систему его отношений.

А. А. Деркач и Н. В. Кузьмина в соответствии с системным подходом предложили рассматривать категорию профессионализма в совокупности двух находящихся в единстве подструктур: «профессионализм деятельности» и «профессионализм личности».

Профессионализм деятельности — качественная характеристика субъекта деятельности, отражающая высокую профессиональную квалификацию и компетентность, разнообразие эффективных профессиональных навыков и умений, владение современными алгоритмами и способами решения профессиональных задач, что позволяет осуществлять деятельность с высокой продуктивностью.

Профессионализм личности — качественная характеристика субъекта труда, отражающая высокий уровень развития профессионально важных и личностно-деловых качеств, адекватный уровень притязаний, мотивационную сферу и ценностные ориентации, направленные на прогрессивное развитие специалиста.

И в отечественной (Е. А. Климов, Т. В. Кудрявцев, Э. Ф. Зеер, Ю. П. Поваренков, Л. М. Митина, А. К. Маркова, Б. Л. Еремин и др.) и в зарубежной литературе (например, Д. Сьюпер) подробно проработаны и описаны все стадии профессионального становления личности. При этом каждая стадия профессионализации характеризуется особой ролью, социальным статусом субъекта труда и типичными трудностями, кризисами профессионального становления (Э. Ф. Зеер, Э. Э. Сыманюк). Этот процесс начинается с момента выбора профессии и длится в течение всей профессиональной жизни человека. Прежде чем человек станет полноценным профессионалом, проходит многолетний, многоэтапный и сложно обусловленный процесс его телесного и духовного развития.

Большинство ученых выделяют четыре этапа профессионализации:

- поиск и выбор профессии;
- освоение профессии;
- социальная и профессиональная адаптация;
- выполнение профессиональной деятельности.

Ю. П. Поваренков иначе, чем другие авторы, рассматривает процесс становления личности профессионала. В качестве единиц периодизации в рамках концепции профессионального становления личности используются стадии, периоды и фазы. Стадии в основном совпадают с этапами профессиональной социализации личности, которых четыре: допрофессиональное развитие личности (подготовка к профессионализации); поиск и выбор профессии, учебного заведения; профессиональное обучение; самостоятельная профессиональная деятельность. Периоды являются компонентами стадий и возникают как результат конкретизации профессионального становления личности. В наиболее общем виде выделяются четыре

стандартных периода: профессиональная адаптация или завершение профессионального развития предыдущей стадии; устойчивый рост показателей; период наивысших достижений; период спада, которому может предшествовать стагнация.

Этим автором в ходе экспериментального исследования было показано, что стадия профессионального обучения в университете делится на два периода: учебно-академический и учебно-профессиональный. На первом формируется учебная деятельность, адекватная университетским требованиям, и личность студента; на втором — начинают закладываться основы личности профессионала и психологической системы профессиональной деятельности.

Каждый период в зависимости от решаемой задачи делится на ряд фаз:

— фаза «послевузительной эйфории» и апробирования довузовских форм учебной деятельности;

— фаза осознания неэффективности профессиональных форм учебной деятельности и формирование новых;

— фаза наивысшего развития учебно-академической деятельности студента.

В своей концепции Ю. П. Поваренков выделяет критерии профессионального становления личности: профессиональная продуктивность, профессиональная зрелость и профессиональная идентичность [3].

Профессиональная продуктивность характеризует эффективность профессионального развития личности и степень соответствия ее результатов социально-профессиональным требованиям. Профессиональная продуктивность оценивается на основе объективных показателей производительности, качества и надежности, которые имеют свою специфику, в зависимости от стадии становления профессионала.

Профессиональная зрелость свидетельствует о сформированности личностного контура регулирования процессом профессионального развития, о степени осознания личностью своих возможностей и потребностей, требований, которые ей предъявляются. Профессиональная зрелость является ведущим показателем становления субъекта профессионального труда.

Профессиональная идентичность характеризует значимость профессии и профессионализации в целом для личности, как средства удовлетворения, реализации своих потребностей и развития своего потенциала. Профессиональная идентичность оценивается на основе субъективных показателей, включая удовлетворенность трудом, профессией, карьерой, собой, профессиональную самооценку, индексы самореализации и самоактуализации личности. Профессиональная идентичность требует принятия человеком определенных идей, убеждений, оценок, правил поведения принятых и разделяемых членами данной профессиональной группы (или профессионального сообщества). Обретение профессиональной идентичности является чрезвычайно важным моментом профессионального становления. Будучи расширением «Я-концепции», сформированная профессиональная идентичность служит надежной системой координат для осмысления как профессионального, так и личного опыта.

Относительно профессии психолога профидентичность можно считать сформированной тогда, когда:

1) осуществлено: а) личностное самоопределение, б) парадигмальное самоопределение в теоретических концепциях, в) инструментальное самоопределение,

предполагающее свободное владение методами, г) ситуативное самоопределение, отражающее предпочтение в работе с определенным типом клиентов и определенным типом проблем (приобретен опыт);

2) произошла интеграция в профессиональное сообщество (налажено общение);

3) сформировано и осознаваемо представление о себе как психологе (сформирован адекватный образ «Я») [4].

На процесс личностно-профессионального становления студента в вузе оказывают влияние система образования и онтогенетические изменения, возрастная динамика, социальная среда, жизненно важные события и случайные моменты, что, в свою очередь, может приводить к кризисам, конфликтам, деструкциям. В процессе личностно-профессионального становления студенты проходят два кризиса: кризис идентичности (Э. Эриксон, 1996) и кризис профессионального выбора (Э. Ф. Зеер, 1996). Во время кризиса идентичности по Э. Эриксону подросток должен объединить в единое целое осмысленное прошлое и спроецировать свое будущее. При удачном протекании кризиса подросткового возраста у юношей и девушек формируется чувство идентичности, при неблагоприятном — спутанная идентичность, сопряженная с мучительными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы.

Факторами, детерминирующими кризис профессионального выбора в 16–21 год, могут быть неудовлетворенность профессиональным образованием и профессиональной подготовкой, изменение социально-экономических условий жизни, перестройка ведущей деятельности, несовпадение профессиональных ожиданий и реальной действительности.

Данные кризисы позволяют в процессе личностно-профессионального становления выходить на новый, качественный уровень, который в свою очередь будет являться новой отправной точкой для дальнейшего профессионального и личностного развития.

В современной психологической литературе процесс профессионального становления понимается как целостный феномен, который включает в себя компоненты как объективного (престижность профессии, ее социальная конкурентоспособность, уровень безработицы и т. д.), так и субъективного характера (отношение человека к профессии, к себе как профессионалу, профессиональные цели, переживание успехов и неудач в профессиональной деятельности).

В заключение следует отметить, что на сегодняшний день уже разработаны теоретико-методологические основания психологии профессионального образования: определены подходы, принципы, закономерности реализации личности в системе профессионального образования, сформирован понятийно-терминологический аппарат. Предложены концепции профессионального становления личности, выявлены закономерности и детерминанты этого процесса, установлены кризисы профессионального развития и психологические барьеры этого процесса. Эти результаты социально-психологических исследований позволяют решать проблемы повышения качества подготовки специалистов и успешного формирования профессиональной идентичности у студентов во время обучения в вузе.

Литература

1. *Зеер Э. Ф.* Профессионально-образовательное пространство личности. Екатеринбург, 2002.
2. *Климов Е. А.* Психология профессионала. М.; Воронеж, 1996.
3. *Поваренков Ю. П.* Психологическое содержание профессионального становления человека. М., 2002.
4. *Шнейдер Л. Б.* Профессиональная идентичность: теория, эксперимент, тренинг. М., 2005.

Adriano Chimbonde
Адриано Шимбонде

RELAÇÕES BILATERAIS МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

As relações bilaterais entre Angola e Federação da Rússia saíram mais fortificadas com a assinatura dos instrumentos jurídicos que irão nortear a cooperação entre ambos estados.

No âmbito da visita, foram rubricados seis instrumentos jurídicos nos domínios da aviação, investimento, ensino superior, recursos minerais e telecomunicações.

Na presença dos presidentes angolano, e russo, foram igualmente assinados os acordos sobre serviços aéreos, promoção e protecção recíproca de investimentos, assim como um programa plurianual de cooperação económica, técnico-científica e comercial para o período 2009–2013. Os dois governos assinaram também memorandos de entendimento sobre a criação do sistema de comunicações via satélite Angosat e sobre a cooperação técnica nos sectores dos recursos minerais, ensino superior e formação de quadros.

Na sessão de abertura das conversações entre os dois países o chefe de estado angolano, que se vive actualmente num mundo globalizado, marcado por avanços científicos sem precedentes, pela circulação rapidíssima da informação e de produtos culturais, que reduz a importância das fronteiras nacionais e coloca aos povos desafios cada vez mais complexos.

“A actual crise económica e financeira internacional é um desses desafios, que só poderá ser superado de forma efectiva e duradoura através da mais ampla concertação que tenha em devida conta os interesses legítimos de todos e de cada um dos Estados do planeta”, referiu.

Outras preocupações não menos importantes, asseverou, são a governação global, a segurança energética e alimentar, a luta contra a pobreza, que afecta uma significativa percentagem da população mundial, o terrorismo, o tráfico de drogas e as grandes endemias, o combate à imigração ilegal e à criminalidade transnacional e a protecção do ambiente.

Defendeu por outro lado o estabelecimento de uma parceria estratégica com a Rússia com vantagens comuns.

De acordo com, os dois países têm um grande potencial por desenvolver em vários domínios, acreditando que se pode pensar em estabelecer parcerias, incluindo estratégica, com vantagens mútuas e com base na igualdade. Ao fazer uma retrospectiva do encontro que o chefe de estado angolano manteve com o seu homólogo russo, considerou bastante frutuoso.

“Foi muito impressionante a forma como tratou das questões africanas, buscando não apenas um grande conhecimento mas também a sua visão e entrega pessoal na busca de soluções e contribuições para melhorar a situação de segurança no nosso continente”, realçou.

Afirmou ainda que equipas dos governos angolano e russo deverão continuar a estudar novas áreas para o alargamento da cooperação.

As duas partes, segundo ainda o Presidente, “por forma a criar mecanismos de suporte financeiro de todas as operações de cooperação de investimento quer no sector público como no privado decidiram encarregar os ministérios das finanças e da economia para aprofundarem o estudo de um mecanismo de financiamento e crédito às acções de cooperação”.

O estadista russo referiu que em relação a este aspecto, igualmente abordado durante o encontro em privado que manteve com o Presidente angolano, nem tudo está feito e os dois líderes pretendem continuar os esforços no sentido de tornar este mercado mais transparente e favorável.

В статье автор рассматривает вопросы международного сотрудничества между Анголой и Россией. Анализирует процесс развития и обогащения взаимовыгодных отношений посредством развития научных контактов, инвестиций в образование, телекоммуникации и др. Автор дает высокую оценку соглашениям, подписанным на 2009–2013 гг. в области экономики и научно-технического развития.

Г. А. Жукова

КОММУНИКАТИВНЫЕ НАВЫКИ ПЕДАГОГА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ

Развитие наукоемких технологий привело к увеличению спроса на получение высшего образования. Стремясь удовлетворить данную потребность, в различных регионах России появились филиалы высших учебных заведений, активно стала развиваться система дистанционного образования. Сейчас спрос на высшее образование удовлетворен, но в то же время серьезно встала проблема его качества.

Одной из причин, осложняющих качественную подготовку студентов вузов, принято считать противоречие между классическим способом передачи учебной информации от обучающего к обучаемому и большим ее объемом, который к тому же интенсивно дополняется новыми научными фактами.

Хотя актуальность этой проблемы связана с развитием информационных технологий, что в свою очередь привело к увеличению объема информации, вопрос о способе передачи учебной информации обсуждается педагогами уже давно. Еще в начале XX в. С. И. Гессен писал: «Целью образования не может быть простое приобретение сведений. Сведения быстро забываются, они бесконечно разнообразны, так, что, не зная в точности, как сложится в будущем жизнь ученика, совершенно невозможно выделить именно то, что ученику действительно пригодится в жизни. <...> Задача обучения заключается не в том, чтобы сделать человека умнее (усовершенствование ума как чисто психической способности возможно вообще только в известных очень узких границах), но в том, чтобы сделать его ум культурнее, облагородить его прививкой ему метода научного знания, научить его ставить научно вопросы и направить его на путь, ведущий к их решению» [1].

Эта задача обучения является актуальной и в наши дни, когда непрерывное образование становится насущной необходимостью, для каждого современного человека. Важно не только передавать знания студентам, но помочь им овладеть методом научного познания, сформировать умение и желание учиться, т. е. развить учебно-познавательную деятельность.

Согласно определению, которое дает Д. Б. Эльконин, «учебная деятельность — это деятельность, имеющая своим содержанием овладение обобщенными способами действий в сфере научных понятий, такая деятельность должна побуждаться адекватными мотивами. Ими могут быть мотивы приобретения обобщенных способов действий, или проще говоря, мотивы, собственного роста, собственного совершенствования. Если удастся сформировать такие мотивы у учащихся, то этим самым поддерживаются, наполняясь новым содержанием, те общие мотивы, деятельности, которые связаны с позицией школьника, с осуществлением общественно значимой и общественно оцениваемой деятельности» [2].

Опираясь на исследования таких ученых, как Д. Б. Эльконин, И. Лингарт, И. И. Ильясов, И. А. Зимняя выделяет пять характеристик учебной деятельности: 1) она специально направлена на овладение учебным материалом и решение учебных задач; 2) в ней осваиваются общие способы действий и научные понятия (в сравнении с житейскими, усваиваемыми до школы); 3) общие способы действия предваряют решение задач; 4) учебная деятельность ведет к изменениям в самом субъекте что, по определению Д. Б. Эльконина, является основной ее характеристикой; 5) изменения психических свойств и поведения обучающегося зависит от результатов их собственных действий. Внешняя структура учебной деятельности состоит из следующих компонентов: мотивация; учебные задачи в определенных ситуациях в различной форме заданий; учебные действия; контроль, переходящий в самоконтроль; оценка, переходящая в самооценку [2].

Следовательно, развитие учебно-познавательной деятельности предполагает: формирование мотивации направленной на получение знаний, развитие умения выделять учебные задачи, формирование навыка выполнения учебных действий в процессе решения учебных задач, овладение эффективными формами контроля.

К сожалению, в связи с массовостью высшего образования значительно снизился средний уровень образованности поступающих в вузы. Особенно беспокоит тот факт, что у выпускников школ практически не сформирована учебно-познавательная деятельность и, в частности, такой ее компонент как мотивация учебной деятельности. Так, Л. И. Карташова отмечает, что при экспериментальном изучении мотивации учебной деятельности старшеклассников можно увидеть, что «ведущим мотивом у 58% опрошенных является страх перед родителями и учителями, опасение получить плохую отметку, не сдать вовремя зачет, “провалиться” на вступительных экзаменах, оказаться несостоятельными в глазах более успешных товарищей. Собственно познавательный мотив, как и мотивы, так или иначе связанные с самореализацией личности, занимали в ответах старшеклассников от 4 до 12%». Таким образом, можно сделать предварительный вывод о том, что к концу обучения в школе учащиеся не достигают необходимого уровня развития познавательной потребности, который должен стать основой их взрослой жизни и, возможно, дальнейшего обучения [3].

В связи с этим возникает необходимость формирования учебно-познавательной деятельности в вузе, как необходимого условия успешности обучения. Навыки учебно-познавательной деятельности, полученные в вузе, помогут в дальнейшем самостоятельно пополнять запас знаний на протяжении всей жизни. Развивая учебно-познавательную деятельность, мы, прежде всего, научим студентов самостоятельно получать знания из различных источников, в том числе и электронных ресурсов.

Развитие дистанционного и смешанного обучения ставит вопрос о роли учителя в образовательном процессе. Какова должна быть роль учителя на занятии, нужен ли вообще педагог в аудитории или может его сможет заменить книга или компьютер с его Всемирной паутиной? Может ли электронная образовательная среда заменить педагога в аудитории?

Ответ на этот вопрос можно так же найти у С. И. Гессена. «Овладеть методом научного знания можно, только наблюдая его в его живой работе. Метод передается не путем книг, а путем заразы, путем непосредственной передачи его от человека к человеку. Поэтому первая задача учителя — в классе, в аудитории, в лаборатории, — это мыслить научно, применять метод как живое орудие мысли. Только постоянная напряженность мысли, с которой учитель использует на деле, в живой работе метод научного знания, ставя перед учениками проблему, разрешая с его помощью вставшие перед классом вопросы, встречая им неожиданные затруднения, указывая путь для решения возникающих то у одного, то у другого недоумений, — только такая бдительность мысли способна приобщить ученика к методу знания. <...> Руководить этой совместной работой класса, указывать ей направление, отзываться на всякий обнаруженный в течение работы вопрос и вариант в его решении, ободрять ищущих своего решения, — вот подлинная задача учителя» [1].

Таким образом, роль педагога будет заключаться, прежде всего, в том, что бы заинтересовать студента и научить учиться. Интерес к предмету и знание предмета в большей степени зависит от профессионализма преподавателя. Для решения данных задач педагогу необходимы не только знания учебного материала, но и владение методикой обучения, хорошо развитые коммуникативные навыки.

К сожалению, как отмечает в своей работе И. К. Шац, подготовка педагогов практически не включает в себя обучение приемам и навыкам профессиональной коммуникации, что серьезно отражается на качестве педагогического процесса. Кроме того, неэффективная коммуникация приводит к серьезным конфликтам в самой педагогической среде [4].

В ряду коммуникативных навыков особое место занимают техники активного слушания, как базовые навыки коммуникации, необходимые в профессиональной деятельности не только психологов, но и педагогов, осуществляющих свою деятельность на основе коммуникации, от эффективности которой напрямую зависят результаты обучения [4].

Техники активного слушания используются в психологическом консультировании и в педагогическом процессе на семинарских и практических занятиях, однако потенциал их этим не ограничивается. Использование данных техник в качестве методических приемов в процессе обучающего взаимодействия на лекционных занятиях позволит, на наш взгляд, развить учебно-познавательную деятельность через создание условий для осознанного восприятия учебной информации и повышение в структуре мотивации учащегося удельного веса внутренней мотивации посредством формирования эмоционально-положительного отношения к учебной деятельности. В то же время использование техник активного слушания на лекциях имеет ряд ограничений. Не все техники активного слушания (например, эмпатическое слушание), могут быть использованы в ходе лекционного занятия.

Для использования в лекционных занятиях в качестве методических приемов нами были выделены следующие техники активного слушания: техники нерerefлек-

сивного слушания расстановка и дистанция между преподавателем и студентами, а также невербальный контакт.

Рефлексивное слушание состоит в установлении обратной связи слушателя с говорящим. Для использования на лекциях нами были выделены такие техники как непонимание, отражение, перефразирование, резюмирование, пояснения, использование различных типов вопросов.

Проверка эффективности техник активного слушания в качестве методических приемов развивающих учебно-познавательную деятельность и как результат повышающих эффективность обучения нами была осуществлена в рамках учебного курса «Психология» для направления «Туризм». В течение семестра проводилось пилотное исследование, экспериментальная группа — студенты I курса направления «Туризм» (12 человек) и контрольная группа — студенты I курса направления «Туризм» (10 человек).

В качестве основного метода исследования при сравнении контрольной и экспериментальной группы было использовано тестирование промежуточного (рубежный контроль) и конечного уровней знаний студентов (промежуточная аттестация) с помощью тестов с 4 альтернативными вариантами ответов. Знания рассматривались как конкретные содержательные единицы: понятия, факты, даты, персоналии. Уровень знаний измерялся количеством правильных ответов на вопросы теста.

Начальный уровень в обеих группах был принят за «0». Таким образом, первое измерение, проведенное по прошествии полутора месяцев обучения, после 21 часа занятий в каждой группе рассматривалось как рубежный контроль — прирост знаний в течение первых занятий (прирост 1).

На втором этапе (по завершении изучения блока материала по дисциплине «Психология»), после 51 часа были произведены измерения конечного уровня знаний (промежуточная аттестация) (прирост 2).

После обработки данных измерений были получены индивидуальные и средние по группам значения промежуточного (прирост 1) и конечного (прирост 2) уровней знаний. Результаты представлены в табл. 1. Значения в таблице даны как среднее по группе количество правильных ответов, а также как процент от общего количества вопросов теста.

Таблица 1

Результаты измерений уровней знаний

Среднее значение	Группа			
	экспериментальная		контрольная	
	количество правильных ответов	% правильных ответов от общего количества вопросов	количество правильных ответов	% правильных ответов от общего количества вопросов
Прирост 1	11,6	35	9,8	29
Прирост 2	25,7	78	20,5	62

Полученные данные позволяют говорить о более значимом различии в приращении знаний у студентов экспериментальной группы. Это объясняется большей эффективностью занятий, проводившихся с использованием техник активного слушания.

Кроме того, было проведено исследование учебной мотивации посредством методики Т. И. Ильиной «Мотивация обучения в вузе». Методика исследует мотивацию обучения в вузе по трем шкалам: «приобретение знаний», «овладение профессией», «получение диплома». Результаты исследования показали, что если на начальном этапе обучения (в начале семестра) основным мотивом в обеих группах был мотив получения диплома, по прохождению курса (в конце семестра) в экспериментальной группе увеличилось число мотивов по шкале «приобретения знания» за счет шкалы «получение диплома», по шкале «овладение профессией» существенных изменений не произошло.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы.

Использование в лекционных занятиях в качестве методических приемов техник активного слушания в целом повышает прирост знания, а также повышает уровень учебной мотивации.

Дальнейшую работу по исследованию эффективности использования техник активного слушания на лекционных занятиях необходимо проводить в направлении исследования их влияния на развитие познавательной потребности студентов и развитие их коммуникативной компетентности.

Литература

1. Гессен С. И. Основы педагогики, введение в прикладную философию. М., 1995.
2. Зимняя И. А. Педагогическая психология. М., 2001.
3. Карташова Л. И. Развитие познавательной мотивации старшеклассников при обучении информатике на основе решения задач межпредметного характера: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009.
4. Шац И. К. Коммуникативные навыки в психологическом консультировании. СПб., 2009.

Н. В. Загваздина

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЛИДЕРСТВУ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Формирование лидеров в обществе — одна из актуальных задач процесса обучения и воспитания молодого поколения. Сегодняшние подростки — это будущие руководители и специалисты, которым предстоит принимать активное участие в экономической и социальной жизни на разных уровнях. Для этого они должны не только владеть современными знаниями, но и навыками эффективной организации и управления трудовыми коллективами.

Поиск эффективных способов формирования лидерских качеств можно и нужно вести непрерывно, начиная с подросткового возраста. Именно в этот период жизни у многих подростков начинается стремление к лидерству, что и является объективным состоянием их внутреннего мира. Оно выражается в стремлении к получению социального статуса личности в детском коллективе, возможностей самовыражения и самоутверждения в глазах своих сверстников и взрослых.

Проблема лидерства достаточно интересна и многогранна. Одной из множества ее граней — содействие развитию лидера, его самореализации, самостоятельности и инициативы со стороны педагога, который сам обладает лидерскими качествами, является личным примером для обучаемых и владеет инновационными методами обучения и воспитания.

На процесс становления характера и направленность лидерства непосредственно влияют внутренние побуждения человека к занятию лидирующих позиций, природные качества и интенсивность целенаправленных усилий молодого человека. По мнению ученых, лидерами и рождаются, и становятся с помощью обучения, упорной индивидуальной работы, освещенной знаниями практики и приобретенных навыков.

Несомненно то, что лидерские качества педагогу необходимо уметь выявлять и формировать систему воспитания лидеров. Для этого требуется создавать такие условия развития личности, при которых лидерские качества личности будут проявляться и совершенствоваться. Наиболее эффективны коллективные формы работы с группами, сформированными по интересам, в частности в виде детских и молодежных организаций, которые вновь возрождаются в России, но по-другому содержательно наполнены.

В качестве примера следует привести участие молодых людей в спортивных секциях и командах, кружках по интересам, командах клубов КВН. Их многообразная деятельность направлена на создание условий не только для развития наиболее активных индивидов, но и для тех, кто внешне не проявляет свою активность из-за природной скромности. Эти формы работы способствуют раскрепощению личности, избавлению от комплексов, приобретению полезных для будущей жизни качеств и формированию активной жизненной позиции.

Объединения молодежи по интересам возникают на основе естественного стремления молодых людей быть принятыми обществом в качестве его полноправных членов. Это стремление находит выражение в направленной в социум активности взрослеющих людей. Формы, которые может принимать эта активность, могут быть разными.

Деятельность молодежных объединений реализуется в реальном настоящем и направлена на решение актуальных социальных задач по обустройству доступных сторон общественной жизни в будущем. В такой деятельности подросток или юноша оказывается в желанной позиции преобразователя, открывателя, охранителя, творца, созидателя, в отличие от предполагаемых в других организациях позиций ученика, воспитанника, опекаемого, потребителя всевозможных услуг.

В нашей стране и за рубежом существуют и реализуются программы молодежных объединений, которые направлены на подготовку лидеров. На основе опыта их реализации можно сформулировать их основные принципы:

1. Добровольность и свобода выбора.

Молодые люди добровольно сами принимают решение об участии в этой деятельности, без принуждения и внешнего контроля, имеют возможность высказывать свое мнение по какой-либо проблеме, проявлять творческую инициативу. Занятия общественной деятельностью должны быть ориентированы на заботу о себе (самореализацию), своем объединении, своей улице, своем городе и своем Отечестве.

2. Реализация личностно-индивидуальных ценностей.

Индивидуальное начало тесно связано с внутренними установками, потребностями, качествами личности, уровнем способностей, сущностью «Я-концепции»

личности. Общественные объединения с устойчивыми индивидуальными характеристиками становятся полем удовлетворения их личностного роста, саморазвития и самоактуализации.

Молодые люди с индивидуальной направленностью признают полезность участия в общественном объединении только тогда, когда они удовлетворены собственными достижениями. Наиболее ярко такие установки проявляются у лидеров. Общественную деятельность они рассматривают как стартовую площадку для дальнейшей карьеры и главное внимание уделяют развитию лидерских качеств. Целью лидерства для них является командное достижение, конкретный результат деятельности. Личный интерес — значимый мотив общественной деятельности, его следует поощрять и всесторонне поддерживать.

3. Организация деятельности, отвечающей потребностям молодежи и ее социальным интересам.

Социальный интерес — это способность интересоваться другими и принимать в них участие. Для молодежного возраста социальный интерес — одно из центральных социальных новообразований личности. Несомненно, развитие социального интереса может осуществляться в любой социальной группе, но в общественном объединении на этом концентрируется внимание, и зачастую он становится целеполагающей деятельностью группы.

В теории социального интереса значительное внимание уделено способности «видеть глазами другого, слышать ушами другого, чувствовать сердцем другого». Деятельность общественного объединения в отличие от любой другой социальной деятельности естественно соединяет предметную деятельность, отношения и общечеловеческие ценности, способствует формированию и развитию умения ладить с другими людьми, понимать их нужды и проблемы, сочувствовать им.

Принципиально важным для молодежного возраста является такое чувство социального интереса, как мужество быть несовершенным — ощущение того, что естественно делать ошибки и что не надо быть всегда «первым» и «лучшим». Кроме того, социальный интерес проявляется в ощущении себя человеком — обладании чувством, что ты являешься частью всего человечества, а также и в оптимизме как ощущении, что мир можно сделать лучшим местом для жизни.

В поведении личности с устойчивым социальным интересом можно наблюдать высокий уровень готовности использовать свои возможности, знания, способности для оказания поддержки другим людям, готовность поделиться тем, что тебе принадлежит. Социальный интерес стимулирует присоединение к групповой деятельности, готовность участвовать в ней, готовность признавать чужие права, идти на уступки для достижения взаимоприемлемых решений.

Для личности с развитым социальным интересом характерно умение показать другим, что ты понимаешь и ценишь их мысли и чувства, способен воодушевлять, мотивировать других людей, проявлять стремление работать вместе ради достижения общей цели или общей пользы.

4. Взаимопонимание и взаимодействие.

Мощный фактор общественных объединений — это встречное стремление к консолидации и совместному решению проблем молодых людей и педагогов. Мир ценностей молодежи динамичен, противоречив, неустойчив. Их ценностная система подвержена воздействию самых разных социальных агентов и институтов.

Современный этап отношений сообщества молодежи и взрослых можно обозначить как этап борьбы за умы или «охоту на личность», которую начали многие деструктивные силы. И где будут наши дети — в организованном общественном движении или стихийном, имеющем часто асоциальную направленность, — во многом зависит от педагогов-профессионалов. Ответственность взрослых велика, поскольку подростковый возраст — это период исключительный по интенсивности и напряженности мировоззренческого поиска и ценностного выбора.

Педагог, непосредственно включенный в деятельность общественного объединения, должен решить, как стать привлекательным в глазах молодежи, как сделать добро притягательным на фоне усиливающейся пропаганды изощренно обаятельного образа зла. Ему необходимо профессионально разрешать противоречие «парадокс лидера». Он одновременно консерватор и инноватор.

Лидером педагог может стать только в том случае, если он в максимальной и лучшей форме будет представлять нормы, ценности принятые в группе молодежи (механизм идентификации), т. е. свою «одинаковость» с другими, похожесть на них. Одновременно лидер отвечает за развитие группы, поэтому вносит в ее систему ценностей традиционных, уже принятых и разделяемых, новые. Лидер первым преступает через устоявшиеся ценностные ориентиры, порождает своим талантом, творчеством новые смыслы жизнедеятельности группы.

При множественности образа лидера остается одно: это человек, который сам «думает обо всем, как глава правительства», неизбежно открывая для младших по возрасту, но равных себе перспективы интересной жизни, жизни полной романтики и приключений, заботы о соотечественниках, «широкого поликультурного диалога с миром».

5. Создание среды для развития лидерства.

Лидерство — социально-психологический феномен, отличительными чертами которого являются социально-эмоциональное влияние индивида на группу и ее членов посредством авторитета личности и взаимовлияния членов коллектива друг на друга. Под воздействием социальной среды складываются качества личности лидера, развиваются знания о лидерстве, умения и навыки действий в соответствии с лидерскими ролями и функциями. Эти характеристики не прирожденные, а формируются под влиянием ближайшего окружения, с развитием собственной «Я-концепции» и накоплением опыта взаимодействия с другими людьми. Вне реальной деятельности, вне общения появление лидера невозможно.

杨林海

Линьхай Ян

高等教育对经济发展作用及改革方向 РОЛЬ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

经济发展最基本的因素是人，而人的素质提高要依靠教育。从这个层面讲，教育是经济的发动机，是经济发展与转型的动力和支点。高等教育是教育体系的重要组成部分，是社会体系的一个子系统，它必然与社会经济发生千丝万缕的联系。随着社会经济的发展，高等教育与经济之间的关系也不断地发展变化。现代经济社会中经济对高等教育的影响越来越主动，起的作用也越来越大；高等教育也日益成为制约经济发展的关键因素。

1. 高等教育促进经济的增长与发展

1.1. 高等教育为经济发展提供着重要的智力资源。美国国民生产总值中的高科技含量已高达80%，日本为75%。在中国一些较为发达的地区如经济特区，科技含量在国民生产总值中可以占到60%左右，但在一些落后的省份，自然型的农业经济和粗放型的工业经济还占很大的比重，高科技含量还不到15%。至2005年，全国经济发展中高科技贡献的平均水平大概在30%左右。要追赶世界先进水平，除了大力开发人力资源，大力发展科技和教育事业，没有第二条路可走。当今世界知识经济的兴起已经向人类昭示了一个重要信息，即在未来社会的生产中，劳动者的知识与技术水平将取代资本和自然资源而成为最重要的生产要素，建立在知识基础上的高科技将为人类寻找到可持续发展的新资源、新天地。

高科技的发展有赖于高水平人才的创新活动，而高水平创新型人才则需要高等教育的精心培养。大学阶段的教育，类似制造一件产品的成型阶段，培养出来的人将直接进入社会的生产活动过程。个体在基础教育阶段所形成的基础知识、基本能力要在高等教育阶段进一步发展为专门的应用能力，包括发展为实际工作中的创新能力。因此高等教育是培养高水平创新人才的关键一环。高等教育的发展水平直接决定着—个国家高级专门人才的数量和质量也在一定程度上决定着高科技领域的发展水平，从而决定其可持续发展的能力。

1.2. 高等教育为经济发展提供重要的知识基础和先进的科技成果。对于社会的发展来说，知识、技术、产品是现实的力量。工具、工艺、方法与管理的水平直接决定着生产的效率。高等教育不仅通过培养人才为社会的可持续发展提供智力支持，而且它还通过科研活动直接为社会的可持续发展提供各种知识、技术和产品等支持，为经济可持续发展战略的实施提供不可或缺的重要条件。

高等学校是国家科技创新体系的重要组成部分，高等教育的发展要与经济社会发展紧密结合，既要为现代化建设提供各类人才支持，又要提供知识贡献。由于高等学校具有多学科并存以及注重系统知识传授的特点，所以它在总结、整理人类已有知识成果以及开展基础研究方面往往占有一定的优势，一所高水平的大学往往就是人类知识的一座宝库。另一方面，在现代社会，随着各国政府和社会各界对高等学校社会服务职能的强调，高等学校越来越重视科技成果的开发、转化和推广工作，其对于社会发展的直接作用越来越大，许多高等学校已经成为社会的知识创新与传播以及科技发明与推广的中心。

1.3. 高等教育为经济发展注入重要的精神动力。经济发展需要劳动者知识与能力水平的提高，需要科学技术的支持，更需要人类成员间的相互理解、宽容和合作，需要人们摆脱那种根深蒂固的极端利己主义的价值取向，需要一种科学高尚的精神境界或精神力量。

要提高人类自身的文明水准，提升人类的精神追求，除了寄希望于社会制度的变革和加强法治以外，最实际、最根本的措施还在于教育。由于担负着传承和发展文化、促进人类个体和社会进步的神圣使命，高等学校虽然不完全是社会的一方净土，但总体上还是具有一种清新脱俗的气质。相对于社会公共环境和多数社会机构来说，高等学校可以为学习者提供一个更加富有理性和人文色彩的文化环境，学生不仅可以学习各种专业知识、锻炼专业能力，而且有很好的条件去学习人文与社会科学方面的知识，从而促使他们感悟人生、孕育理想、涵养心灵，提高精神境界或人文素养。因此，社会总是希望高等教育在防止道德滑坡、重建人类精神家园方面发挥更积极的作用，为社会的现代化进行价值导航。

2. 经济增长的质量与效果从根本上制约教育的发展

2.1. 经济增长为教育协调发展提供物质基础。教育一定程度上是指通过人力投资的基本形式——教育投资所形成的，按计划培养和训练劳动能力的活动。从这个角度

看，教育的投资和经营可以看作是一个产业的一种投入产出过程。从负担的主体角度看，教育成本可以分为社会成本和个人成本两部分。高等教育的扩展需要增加相关的投入。教育协调发展，在根本上是要保证长期和持续的教育投入，但这必须以经济的持续稳定增长为前提。

2.2. 经济增长对教育发展具有制约和导向作用。经济发展的水平决定着教育的规模、内容、组织形式、教学方式和教育手段，还决定着劳动力的素质和教育培养人才的素质。从根本上说，教育作为培养人的活动，是社会发展的重要组成部分，其发展最终受经济发展水平的制约。经济发展水平既决定着教育投资的需要量，也决定着教育投资的供给量。这必然要求各级各类教育的规模与发展速度与经济建设的规模和发展速度相适应，在数量上相协调。

3. 市场经济条件下中国高等教育改革思路

中国高等教育受经济的影响，长期以来形成了一套高度集中的教育体制，政府是惟一的办学单位和教育资源分配者，大学成了政府的附属品。改革开放以来，这种教育体制逐渐被打破，开始积极探索适应社会主义市场经济要求的新的教育模式。在教育改革过程中，既不能割裂高等教育与社会其他系统的联系，盲目夸大高等教育的独立性，也不能照搬经济学的模式、经验来管理教育，用经济领域的价值标准来评估教育。

3.1. 必须坚持积极适应与积极批判的态度。大学是社会体系的一个子系统，其与政治、经济发生着千丝万缕的联系。随着社会经济发展不断对高等教育提出新的要求，高等教育应当根据市场信息设置学校和专业，根据市场趋势确立科研方向，根据市场需求确定教育规模、层次和质量；应当以积极的态度适应现代经济所提出的要求。但是高等教育不是社会经济的「温度计」，不可能一味地适应，而对社会的每个冷热现象都予以反映；它也不是社会经济的「风向标」，不可能一味地迎合，而完全反映市场经济风向。在教育改革过程中，高等教育应当坚持独立批判的态度，批判经济领域里的消极因素，抵御这些消极因素对高等教育的冲击，坚持高等教育的自身价值体系和评判标准，批判市场经济给高等教育带来的消极影响，为高等教育「坚持人文立场，发扬学术精神」创造环境。

3.2. 必须树立高等教育现代教育观念。现代教育观念是以人为本的观念、教育终身化的观念、教育国际化的观念。要树立现代教育观念，主要表现在人才观上，即培养什么样的人。未来教育的四大支柱是：学会认知、学会做事、学会与人相处、学会发展。在培养目标上要以培养能力为主，而不是以传授知识为主。要培养这些能力，首先要把学生放在主体地位，让他们主动地、相对自由地发展。其次要树立培养个性的观念，要培养学生果断的精神、执着的精神和开拓精神。第三要树立终身教育的观念，终身学习的观念。第四要建立国际化的教育目标，培养学生具有国际意识、全球观念。同时要进一步加强爱国主义教育，注重培养学生国际理解、国际竞争和国际合作的意识。要调整结构，创建现代教育体制。要根据经济全球化的需要，优化专业结构，拓宽专业口径，构建有竞争力的国际化人才培养课程体系，以及建立与国际接轨的高等教育质量保证体系。

3.3. 加快高等教育大众化进程。自1999年开始中国高校连续几年本科生、研究生大量扩招，自主招生权限的扩大，以及高考年龄的放宽，这是中国高等教育向大众化发展的可喜表现。高等教育大众化的发展前提应是多样化，办学层次与类型的多样化，模式的多样化、培养目标与规格的多样化、课程与教学内容的多样化以及大众化高等教育质量标准的多样化，以适应各类层次的办学需要。积极发展多样化的高中大学和大学后续教育，统筹各级各类资源，充分发挥普通高等学校、成人高等学校、广播电视大学和自学考试的作用，积极推进社区教育，形成终身学习的公共资源平台。

3. 4. 必须正确认识高等教育的经济功能。高等教育的经济功能体现为它拉动经济增长的作用，但我们需要明确高等教育对经济的拉动作用是因为它给经济发展提供了高科技的生产力，为经济发展带了巨大的潜力，而不是依靠自身的消费能力来拉动经济增长。制约高等教育发展的重要因素是经费不足，而造成经费不足的主要原因一是教育资源的利用率不高，因此引入市场机制，用市场优化教育资源的配置势在必行。国家扶持高等教育的发展，既要注重提高和完善高等教育的经济功能，同时也要保证高等教育的其他功能正常发挥，既重视高等教育带来的巨大经济效益，同时也要重视它带来的巨大社会效益。

В статье рассматривается современное состояние науки в КНР и ее влияние на систему образования. Статья состоит из следующих частей: система образования, его роль и место; влияние образования и науки на развитие экономики и жизнь людей; состояние, недостатки и реформы образования.

Horacio Alfaiate
Орасиу Алфайяте

CIENCIA NO MUNDO MODERNO EM MOCAMBIQUE НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МОЗАМБИКЕ

O sistema de Educacao em Mocambique:

- Ensino Superior, Historia, Politica, Gestao.
- Direccao basica da Investigacao Cientifica em Mocambique.
- Papel da Ciencia nodesenvolvimento economico, politica, no campo social, na sociedade e nas instituicoes particulares.

INTRODUCAO:

Mocambique, como a maioria ou totalidade de Países africanos, teve definidas suas fronteiras geograficas na conferencia de Berlim, em 1885, quando as potencias colonizadoras resolveram estabelecer nas fronteiras actuais com a filosofia da “Ocupacao efectiva colonia”.

A populacao Mocambicana predomina no campo rural, com somente 23% vivendo em areas urbanas (Capitais Provinciais), dos quais quase a metade esta a viver na Cidade de Maputo. O Pais rico de ponto de vista de diversidade etnica e idiomas. Social, politica e economicamente o pais esteve associado a transicoes multiplas e sucessivas, do colonialismo a independencia de 1975, do confito armado inter-estado (iniciou em 1976) a paz (atingida em Roma em 1992) no periodo pos-Independencia, a partir de um modelo de economia centralizada para uma economia do mercado (desde 1986); de um sistema de partido unico para um sistema Democratico multipartidario (a Constitucao de 1990 e a de 2004); as primeiras eleicoes Multipartidarias em 1994, as segundas em 1999, as Terceiras em 2004 e as quartas em 2009.

A Simultaniedade de alguns desses processos no contexto pos-guerra, a interface com as tendencias desafiadoras da globalizacao que impactaram um padrao mais de exclusao que inclusao neste Pais, envia nos ao papel de educacao como, contribuindo para a reducao da pobreza assim como para a capacitacao das pessoas.

Assim pode se dizer que nos ultimos anos, o sistema de formacao e democratizado e o desenvolvimento cientifico em Mocambique e algo notavel nas Intiyuicoes de ensino superior em Mocambique.

Em Mocambique e necessario dar-se a adequada atencao a educacao, e mambas as suas dimensoes relevantes: a transmisao de conhecimentos cientificos e aquela do processo de socializacao. A primeira e importante em termos de treinamento do capital humano para o avaco tecnologico para o avaco tecnologico para impulsionar o crescimento economico do pais; a ultima e mais revelante para reconstituir a rede de confianca social, para assegurar uma cultura de paz, vinculando a transformacao do conflito positivo atraves de mecanismos de administracao de conflito pacifico na sociedade, bem como forjar uma identidade de consciencia.

Hoje, a construcao do Estado Mocambicano nao pode fugir da opcao neoliberal, do Mercado, assumida, quando dos acordos com FMI e BM em 1986. E uma sociedade clas-sista, alienadora, fruto de uma sociedade capitalista. Ha que juntar os cacos e ver o que tera sobrado das utopias libertadoras que moveram toda a uma juventude a abdicar do periodo tao fertile da sua vida para a luta pela Independencia. Hoje todos os Mocambicanos, as institu-coes de ensinos, Empresas, e a sociedade em geral esta no fio de pensamento; a LIQUIDA-CAO DA POBREZA ABSOLUTA DOS MOCAMBICANOS uzando os conhecimentos sabios adquiridos na educacao cientifica do mundo cientifico moderno em Mocambique.

Em Mocambique ha uma luta renhida e declarada contra a pobreza e uma evolucao cientifica-o saber e implementacao practica da ciencia cientifica no desenvolvimento do pais; Teoria-experiencia e practica na producao de bens.

Em seguida a baixo desta producao vem detalhadamente diversas instituicoes do ensino superiores, Universidades, Institutos, Politecnicos Universitarios empenhando velozmente na educacao, Formacao Investigacao a sociedade em geral empenhada e participativa no cultivo de conhecimentos cientificos para depois implementar-Teoria-Experiencia e practica na producao de bens e a sua seguranca, mantimento e desenvolvimento do nosso belo Mocambique.

COOPERACAO MOCAMBIQUE-RUSIA:

Sempre como longa tradicao entre a Russia e Mocambique trabalharam juntos em todos os sentidos da vida. Os especialistas russos estao empenhados no ensino superior como assim nas outras instituicoes em Mocambique. Muitos especialistas russos envolvidos na educacao Mocambicana.

As relacoes de Cooperacao sao boas. Nas universidades russas estao integrados Mo-cambicanos na formacao cientifica. Hoje em dia temos acima de 200 cidadaos Russos vivendo em Mocambique.

Para terminar vem alguns boletins de actividades do ensino superior e enumeras instituicoes Universitarias que demostram esta renhida luta na formacao cientifica moderna em Mocambique.

No fim anexo algumas emagens que mostram actividades desenvolvidas em varias instituicoes universitarias de Mocambique.

Автор статьи анализирует современную систему образования своей страны, кратко характеризует высшие учебные заведения Мозамбика, основное внимание в своей статье уделяет рассмотрению основных научных направлений. Ведущую роль в развитии экономики, политики, культуры, социальной сферы автор отводит науке. В работе также рассматриваются сферы научного сотрудничества с Россией.

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Одним из основополагающих принципов современного образования является принцип гуманизации. Другими словами, образование должно носить личностно ориентированный характер. Именно эта идея лежит в основе такого подхода в современной педагогике, как герменевтическая педагогика, в центре которой проблема понимания субъектов образовательного процесса.

История происхождения слова «герменевтика» связана с именем древнегреческого бога Гермеса, который, как посланец богов, помогал людям понимать их язык. В переводе «герменевтика» означает истолкование, разъяснение.

Любая деятельность осуществляется в общении. Поэтому успешность ее выполнения зависит от того, насколько было конструктивно организовано общение, т. е. насколько его участники проявили свою способность к пониманию другого, путем «перенесения себя на место другого». И в этом случае образовательный процесс как предмет изучения педагогики не является исключением.

Особенность педагогической науки, с точки зрения А. Ф. Закировой — автора герменевтического подхода, заключается в специфике ее предмета, проявляющейся в уникальности, самобытности, неповторимости «каждого конкретного факта жизни развивающегося человека, и это не всегда позволяет подводить под выработанные наукой общие понятия разнообразные педагогические факты» [1, с. 4]. Поэтому для педагогики, как и любой другой отрасли гуманитарного знания, считает А. Ф. Закирова, особенно продуктивным является герменевтический подход.

Говоря об актуальности герменевтической педагогики, А. Ф. Закирова пишет: «Наука о человеке не может заменить собой всех форм его познания. И это обусловлено, прежде всего, наличием противоречия между гносеологическим и онтологическим аспектами содержания научных категорий, т. е. противоречия между отражаемыми в категориальной системе педагогики свойствами явлений и процессов, характеризующих педагогическую реальность, и результатами познания, свойствами связями и отношениями». И далее А. Ф. Закирова отмечает, что «гуманитарное познание и творчество настоятельно требуют обращения к ценностно-смысловым категориям, опоры на иные — внеучучные — формы духовного постижения человека и действительности: на искусство, религию, здравый смысл, язык» [1, с. 34]. Понимание связано с переживанием, которое всегда интенционально, поэтому оно не может быть представлено только в виде логических действий, в нем всегда присутствует иррациональное начало, связанное с внутренним миром человека. По образному выражению А. Бергсона, тщетны попытки «втиснуть живое в те или иные рамки» [4, с. 74]. Поэтому в анализе процесса понимания наиболее приемлемым оказывается индуктивный способ: делать обобщения на основе изучения частных ситуаций.

Как свидетельствует история, обыденное и научное знание взаимосвязаны и взаимообусловлены: научному знанию предшествует обыденное знание; в то же время, научное знание оказывает обратное воздействие на обыденное, происходит процесс интеллектуализации последнего.

По словам М. М. Бахтина, в познавательный акте действительность отражается уже обработанной в понятиях донаучного мышления, но, главное, уже оцененной и упорядоченной этическим поступком; отражается утвержденной религиозно, и, наконец, основой познавательный акта является эстетически упорядоченный образ предмета. [3, с. 44].

На расширение границ научного познания мира оказывают также влияния искусство и литература (метафорические образы). В частности, Е. В. Субботский определяет художественный образ в качестве нового способа «непосредственного отражения внешнего объекта средствами субъективности, он не произведен от феноменального образа и рациональной конструкции, а соположен им». В таком отражении внешнего мира «присутствуют такие его черты, которые неуловимы чувственностью и рассудком, невыразимы в их языке, но реально присутствуют в бесконечном многообразии внешнего» [9, с. 145]. Поэтому в художественном отображении предмета или явления всегда раскрываются его новые свойства.

Итак, все это свидетельствует о взаимосвязи между обыденным и научным мышлением, что необходимо иметь в виду, интерпретируя тот или иной педагогический текст (ситуацию).

Обращаясь к герменевтике как к возможному средству осуществления понимания человека человеком путем истолкования различных проявлений его внутренней жизни (речевых и неречевых средств, речевых произведений, индивидуально-типологических особенностей и т. д.), мы применяем понятие «текст».

Одними из главных понятий герменевтики и психологии понимания являются смысл и значение. Очень точно содержание этих понятий раскрывается Д. А. Леонтьевым. «В смысле кристаллизуется отношение субъекта деятельности к ее предмету. Значение же, в отличие от смысла, константно (т. е. оно развивается «вертикально»), а смысл, в свою очередь, динамичен» [6, с. 96].

Необходимо отметить, что психология как наука является не закрытой системой, она открыта любым знаниям извне, этим объясняется во многом ее по отношению к различным наукам прикладной характер.

Так, Г. Л. Тульчинский, рассматривая проблему смысла, в качестве одного из его источников выделяет психологию. С точки зрения Г. Л. Тульчинского: «В рамках психологии смысл соотносится с ценностными ориентациями и установками, включая проблему смысла жизни. Тем самым он увязывается с мотивацией, которая выступает не причиной поведения, поступков, а их рациональным объяснением (интерпретацией)» [10, с. 8].

Мотивация связана с направленностью, обусловленной всей системой ценностей личности, среди которых ведущую роль играют нравственные ценности. В их формировании участвуют прежде всего гуманитарные знания; человек усваивает их в диалоге посредством переживаний, т. е. приобретает опыт переживаний. Именно он позволяет понять другого.

Эстетический опыт, способствуя освобождению от всего суетного, дает человеку ощущение внутренней свободы, душевного равновесия, гармонии. Согласно М. Бердсли, именно эстетический опыт делает наше восприятие более утонченным, а значит, происходит развитие способности понимать, ставя себя на место другого, что делает возможным развитие взаимопонимания и понимания других культур. Именно в этом, по мысли М. Бердсли, и заключается идеал человеческого существования [5].

Процесс понимания носит творческий характер, поскольку способствует обнаружению в человеке самых лучших его качеств. Это своего рода ориентация на идеал, мечту. По словам М. М. Бахтина, у человека как потребность выступает эстетическая необходимость в другом [2]. Эта герменевтическая идея о понимании человека путем постижения его эстетической сущности является значимой для гуманитарных наук, в том числе и для педагогики.

Понимать другого нельзя без доверия и любви к нему. Как писал А. Маслоу, объективный путь к наиболее точному восприятию — это любящее восприятие «между возлюбленными или между родителями и детьми», которое «порождает формы знания» не доступные без любви. Такое знание обладает ценнейшими преимуществами, потому что, как утверждает А. Маслоу, именно любовь способствует раскрытию человека, позволяет ему быть «обнаженным психологически и духовно»; также когда мы любим, когда проявляем глубокий интерес, видя в другом равного себе, мы даем возможность человеку обнаружить в себе лучшее [8, с. 25].

В течение всей жизни каждый человек постоянно сталкивается с ситуацией нравственного выбора и внутренне свободным является тот, кто оказывается способным на самостоятельный ответственный поступок. Это должна быть всесторонне развитая гармоничная личность, формирование и развитие которой представляется возможным в условиях осуществления герменевтического подхода в образовании, а именно: в понимании другого, видя в нем равного себе, стремлении помочь ему раскрыть и реализовать свой потенциал.

Литература

1. *Закирова А. Ф.* Теоретические основы педагогической герменевтики. Тюмень, 2001.
2. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества. М., 1979.
3. *Бахтин М. М.* Проблема содержания, материала и формы в словесном художественном творчестве // Литературно-критические статьи. М., 1986.
4. *Бергсон А.* Творческая эволюция. М., 1998.
5. *Бердсли М.* Эстетическая точка зрения // Американская философия искусства. Екатеринбург, 1997.
6. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла. М., 2005.
7. *Лузина Л. М.* Понимание как духовный опыт. Псков, 1997.
8. *Маслоу А.* Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
9. *Субботский Е. В.* Сознание как система реальностей // Традиции и перспективы деятельности подхода в психологии: школа А. Н. Леонтьева / под ред. А. Е. Войскунского, А. Н. Ждан, О. К. Тихомирова. М., 1999.
10. *Тульчинский Г. Л.* Смысл и гуманитарное знание // Проблема смысла в науках о человеке. М., 2005. С. 7–26.

О. Б. Качанова

НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: СОЗАВИСИМОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СТРУКТУРНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ НАРУШЕНИЙ

Тенденции развития современного общества, характеризующиеся повышением агрессивно насыщенной информации, сменой привычных стереотипов жизнедеятельности в политической, экономической и идеологической сферах, снижают

психологическую устойчивость личности к деструктивным влияниям. Подростки как особая категория, в наибольшей степени подвержены вышесказанным влияниям.

На протяжении всего жизненного пути человек сталкивается с критическими ситуациями, возникающими при решении экзистенциальных проблем. Характер переживания критических ситуаций влияет на действия, поступки и на развитие личности в целом. В подростковом возрасте «неудачные» переживания, выступая как псевдопреодоление, усиливают общую кризисную ситуацию возраста, ведут к дезадаптации личности, нарушают нормальное протекание жизнедеятельности. Вследствие этого могут возникать защитно-компенсаторные образования, в том числе и в виде отклонений в поведении подростков: ауто- и гетероагрессия, делинквентность и др.

Анализ современных отечественных исследований в этой области показал возросший интерес психологов к проблеме кризисов и отрицательных переживаний у детей и подростков, обусловленный как резким увеличением числа сложных ситуаций в жизни и деятельности детей и подростков, так и практически полным отсутствием теоретических, психотехнических и организационных основ психологической помощи детям в трудных жизненных ситуациях [5]. Также остаются малоизученными вопросы: имеет ли переживание критических ситуаций процессуально-деятельностную сторону; каковы формы переживания критических ситуаций подростками; каков психологический механизм влияния переживания критических ситуаций на развитие отклоняющегося поведения подростков. Исходя из этого, возникают противоречия: между воздействием, оказываемым переживанием критических ситуаций, с одной стороны, и поведением подростков — с другой. Между потребностью в изучении процессуально-деятельностной стороны переживания критических ситуаций, с одной стороны, и недостаточной разработанностью этой проблемы — с другой.

На сегодняшний день наблюдается катастрофическое положение, связанное с алкогольно-наркотическим «рабством» миллионов наших соотечественников. Наркомания и алкоголизм сопровождаются серьезнейшими психофизиологическими и структурными изменениями личности. Практически невозможно разделять разрушительные для физического здоровья процессы и регрессивные психические и социальные последствия употребления наркотиков и алкоголя.

Специалисты единодушны во мнении о том, что основой профилактики и коррекции аддиктивного поведения наркомана или алкоголика является работа с его семьей. Однако практика показала, что члены семей, где есть химически зависимый, нуждаются в отдельной, самостоятельной помощи не только по причине переживания семейных деформаций, но и по причине наличия у них саморазрушительной привязанности к алкоголику или наркоману, сопровождающейся специфическими эмоциональными, психологическими и поведенческими проявлениями.

Ученые давно заметили, что с людьми, которые находятся в тесных взаимоотношениях с химически зависимыми, происходят специфические изменения — у таких лиц наблюдаются физические, психические и эмоциональные расстройства именно вследствие близкого общения с зависимым. И тогда появился новый термин — созависимость.

Ряд авторов считают созависимость болезнью такой же, как и зависимость от психоактивных веществ. Созависимость скорее отвечает критериям патологического развития личности. В любом случае созависимость скорее можно понять в терминах описательной психологии, чем в терминах, обозначающих психопатологические нарушения (рис. 1).

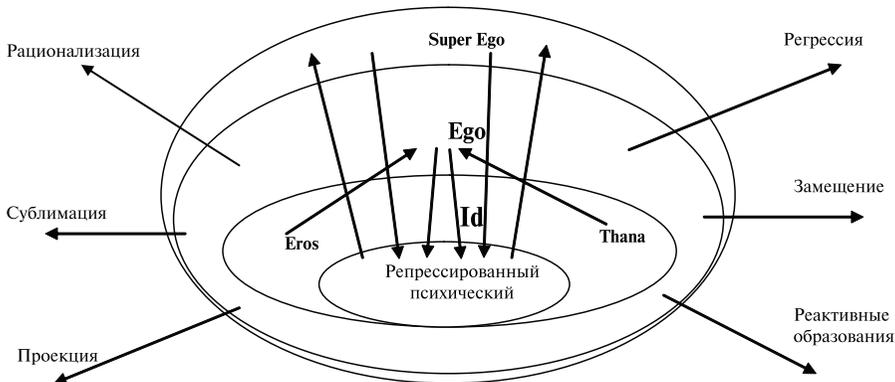

Рис. 1. Психоаналитический вариант патогенеза созависимости

Исходя из психоаналитических представлений о психической структуре человека, состоящей из «Оно», «Я» и «Сверх-Я», глубинную сущность созависимости можно описать следующим образом: мы знаем, что «Оно» — не структурировано, бесформенно, является представителем сферы инстинктов (большой частью асоциальных), в нем нет причинно-следственных отношений, понятий и пространства, и времени (все «существует» в неопределенном времени) и его деятельность подчинена только одному принципу — удовольствия (и удовлетворения потребностей, «несмотря ни на что!»). «Оно» контактирует с реальностью только через «Я», которое в отношении «Оно» является своеобразной «оболочкой».

Основной функцией «Я», которая развивается из «Оно» (при «катализе» родительской любовью) является тестирование реальности и взаимодействие с реальностью. «Я» социализирует (в том числе сублимирует) требования «Оно» и делает их приемлемыми для личности и ее «Сверх-Я».

«Сверх-Я» развивается частично из «Я», а частично путем интроекции родительских и других социальных запретов, моральных норм и установок.

То есть в норме мы могли бы представить эту гипотетическую структуру личности в виде «клетки», где в центре находится «ядро» — Оно, окруженное «оболочкой» «Я» (и внутри этой оболочки есть какое-то «содержимое» — содержание «Я»), а поверх этой оболочки — еще одна «оболочка» «Сверх-Я» со своим содержанием (содержание «Сверх-Я»).

Если «Я» было изначально «сломано» в детстве или даже просто «надломлено», то, во-первых, в нем нет «содержимого», а если оно даже было, это содержимое (содер-

жание «Я») «растеклось» под «оболочкой» «Сверх-Я» и смешалось с содержанием последнего (которое является более «вязким» и более мощным, в любом случае — у нормально социализированной личности — доминирующим).

Что происходит? Так как «Я» фактически отсутствует (или присутствует кое-где в виде фрагментов, при этом «Я» все равно оказывается «опустошенным»), то «Оно» напрямую контактирует со «Сверх-Я», которое не принимает и жестоко осуждает потребности «Оно», диктуемые принципом удовольствия и никак не соотносимые с реальностью (т. к. они не трансформированы — с помощью «Я» — даже в сколь угодно социально приемлемые формы).

Во-вторых, т. к. «Я» было «сломано» в раннем детстве, то из него не могло развиться нормальное собственное «Сверх-Я» (у большинства из нас — всегда более «покладистое», чем его социальный прототип), поэтому единственная «наружная оболочка» представлена почти полностью родительскими запретами (и оценками) и самыми жесткими вариантами моральных норм и социальных установок (т. е. «Сверх-Я» вынуждено в определенной степени искусственно и насильственно идентифицировать «Я» и «Оно» — именно поэтому пациенты бесконечно обвиняют себя во всех смертных грехах, к большей части которых они никогда не имели отношения: при таком-то «Сверх-Я» это просто невозможно!).

В итоге фрагментарное «Я» (не имеющее собственного содержания) не просто мечется, а «зажато» между властными побуждениями (стремлением к удовольствию) «Оно» и не менее жесткими требованиями сверх-моралитета «Сверх-Я» (и ему, этому «Я», не до общения с внешним миром). Это «Я» опустошено и ожесточено, весь его запрос к внешнему миру большей частью обусловлен потребностью любви, любви безбрежной, такой, как ему представляется и которая вряд ли возможна — как в терапии, так и вне ее). А значит, исходно терапия должна строиться на восстановлении (или даже воссоздании) адекватного «Я» пациента, способного к адекватному тестированию реальности и адекватной оценке того, что можно получить от этой реальности (одновременно с постоянством усилий терапевта по интроекции его терапевтического «Сверх-Я» взамен «извращенно-жесткого» родительского).

Итак, используемые здесь понятия характеризуют людей, строящих созависимые отношения! Каждый из них испытывал совершенно естественную для ребенка зависимость от отношения к нему своих родителей или тех, кто их замещал. Каждый из них пережил основной, наиважнейший дефицит — дефицит любви. Слишком холодное и отчужденное, слишком контролирующее и доминирующее, слишком критическое и уничижительное или слишком непоследовательное отношение родителей надломило хрупкое «Я», которое начало образовываться на основании той обратной связи, которую маленький ребенок получал в связи со своими самопроявлениями. Система представлений о себе, еще не закончив формироваться, уже была повреждена или опустошена. Каждый человек, развивающийся таким образом, «обладает утратой» и поэтому вечно ищет любви, которая была необходима и которую он так и не смог получить. Таким образом, остается перспективной работа по совершенствованию технологий психологической помощи созависимым людям из деструктивных семей с расширением реабилитационного пространства и формированием ремиссионной культуры у лиц, соприкасающихся с проблемами созависимости.

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В РУСЛЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ

Когнитивизм — это направление в науке, объектом изучения которого является человеческий разум, мышление и те ментальные процессы и состояния, которые с ними связаны. Это наука о знании и познании, о восприятии мира в процессе деятельности людей.

Согласно когнитивизму, человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека — описываться и объясняться в терминах его внутренних состояний. Эти состояния физически проявлены, наблюдаемы и интерпретируются как получение, переработка, хранение, а затем и мобилизация информации для рационального решения задач [5].

Поскольку решение задач непосредственно связано с использованием языка, вполне естественно, что язык оказался в центре внимания когнитивистов [1, с. 17–33].

В когнитивистике главное внимание уделяется человеческой когниции, исследуются не просто наблюдаемые действия, а их ментальные репрезентации, символы, стратегии человека, которые и порождают действия на основе знаний. Когнитивный мир человека изучается по его поведению и деятельности, которые протекают при активном участии языка, образующего речемыслительную основу любой человеческой деятельности.

Таким образом, к числу важнейших принципов когнитивизма относится трактовка человека как активно воспринимающего и продуцирующего информацию, руководствующегося в своей мыслительной деятельности определенными схемами, программами и планами. А сама когнитивная наука стала рассматриваться как наука об общих принципах, управляющих ментальными процессами в человеческом мозгу. В когнитивистику включаются несколько наук — когнитивная психология, культурная антропология, моделирование искусственного интеллекта, философия, нейронауки, лингвистика и др. В этой связи актуально отметить интердисциплинарный характер когнитивистики.

В результате когнитивной деятельности создается система смыслов, относящихся к тому, что индивид знает и думает о мире. Исследование того, как человек оперирует символами, осмысляя и мир, и себя в мире, объединило лингвистику с другими дисциплинами, изучающими человека и общество, создало когнитивную лингвистику.

Категоризация человеческого опыта связана с когнитивной деятельностью человека, т. к. содержательная информация, полученная в ходе познавательной деятельности человека и ставшая продуктом обработки, находит свое выражение в языковых формах. Языковое сознание вообще и значение слова как его фрагмент есть форма структуризации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире, форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании. Когнитивные процессы связаны с языком и принимают форму «языковенных» процессов [4].

Итак, когнитивная лингвистика возникает на базе когнитивизма в рамках современной антропоцентрической парадигмы, существенно расширяющий гори-

зонты лингвистических исследований. В XX в. назрела необходимость посмотреть на язык с точки зрения его участия в познавательной деятельности человека. Полученная в ходе предметно-познавательной деятельности информация поступает к человеку через разные каналы, но предметом рассмотрения в когнитивной лингвистике является лишь та ее часть, которая приобретает свое отражение и фиксацию в языковых формах.

Когниция — основное понятие когнитивной лингвистики, оно охватывает знание и мышление в их языковом воплощении, а потому когниция, когнитивизм оказались тесно связаны с когнитивистикой. Сейчас уже стало аксиомой, что во всем комплексе наук о человеке в первую очередь сталкиваются отношения между языком и другими видами человеческой деятельности. Язык в большей степени, чем культура и общество, дает когнитивистам ключ к пониманию человеческого поведения [5, с. 8–9].

Именно язык обеспечивает наиболее естественный доступ к сознанию и мыслительным процессам, не потому, что многие результаты мыслительной деятельности оказываются вербализованными, а потому, что «мы знаем о структурах сознания только благодаря языку, который позволяет сообщить об этих структурах и описать их на любом естественном языке» [3, с. 21].

Когнитивная лингвистика сформировалась в преодолении структурного языкознания, но она не противоречит структурному подходу: она его предполагает и использует. Перелом в сознании многих лингвистов нашего времени наступил с появлением ряда новых дисциплин, показавших неадекватность имманентного подхода к языковой системе, игнорирующего деятельность природу знака и его включенность в процессы жизнедеятельности человека и общества. Среди этих дисциплин, возникших на стыке с лингвистикой, оказались психолингвистика, этнолингвистика, социолингвистика, когнитивная лингвистика и лингвокультурология.

Это оказало влияние на саму лингвистику: в ней произошла смена ценностных ориентаций и наметилось стремление к изучению мыслительных процессов и социально значимых действий человека. В центре лингвистических исследований оказались процессы получения, обработки и хранения информации. Кроме того, было доказано, что, получая новую информацию, человек соотносит ее с уже имеющейся в его сознании, порождая при этом новые смыслы. Инструментом оперирования в когнитивной лингвистике становятся оперативные единицы памяти — фреймы, концепты, гештальты и т. д. Следовательно, когнитивная лингвистика нацелена на моделирование картины мира, на моделирование устройства языкового сознания.

Решение мыслительных задач непосредственно связано с использованием языка, ибо язык оказался наиболее мощным в семиотическом плане из всех систем коммуникации. Он не только опосредствует передачу и прием информации, знаний, но и обрабатывает полученную индивидом извне информацию, т. е. строит специфические языковые фреймы. Тем самым язык создает возможности для упорядочения и систематизации в памяти множества знаний для построения языковой картины мира.

Существующие предпосылки, фоновые знания в виде отдельных мыслей, идей, установок и проблем, поднимавшихся в трудах отечественных и зарубежных лингвистов, психологов и философов, побудили когнитологов исследовать язык в его

современном понимании, т. е. с позиций когниции человека. Это явилось результатом развития психолингвистических концепций речевой деятельности, ономаσιологической теории, семасиологического подхода, теории логического анализа языка, семиологической грамматики, речемыслительной деятельности, функционально-семантических полей и др. Трудami многих ученых была подготовлена теоретическая и методологическая база для выработки собственно когнитивных методов анализа и формирования системы взглядов на язык как когнитивную способность человека, свойства человеческого разума, для выявления широких взаимосвязей языка с другими когнитивными способностями и психическими процессами: восприятием, памятью, мышлением и т. п. Тем самым, лингвистика стала чем-то большим, нежели замкнутая область изучения языка, внося свой вклад в обнаружение и объяснение общих аспектов человеческой когниции. Когнитивная наука берет на себя труд выявить процессы и результаты мыслительной деятельности в непосредственной реальности их осуществления. В ее задачу входит установить способы категоризации мира в сознании, описать реальные процессы когниции и оценки и возникающие в их результате концептуальные структуры сознания в их соотношении с миром и деятельностью человека.

Когнитивная лингвистика может быть определена как «направление, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [1, с. 21]. Основопологающим тезисом является утверждение о неразрывной связи языка с когницией [4, с. 35].

В центре внимания находятся те аспекты структуры и функционирования языка, которые связаны с усвоением, обработкой, организацией, хранением и использованием человеком знаний об окружающем его мире. Отсюда — неизбежная междисциплинарность когнитивной лингвистики, выражающаяся в активном привлечении самых разнообразных сведений о мышлении и мозге. Объяснение и описание тех или иных языковых фактов с точки зрения КЛ должно согласовываться с эмпирическими данными других наук [10, s. 40].

Когнитивный подход к языку подразумевает анализ лингвистических фактов в их связи с организацией понятийной системы. Языковые структуры рассматриваются при этом сквозь призму общих знаний человека о мире, накопленного им опыта взаимодействия с окружающей средой, и в тесной зависимости от психологических, коммуникативных и культурных факторов. Лингвистический анализ, с точки зрения сторонников когнитивной лингвистики, должен учитывать не только языковое поведение как таковое, но и психические процессы, диктующие соответствующее поведение. При этом большое значение уделяется выявлению, описанию и объяснению внутренней когнитивной структуры, базисной для говорящего и слушающего [1, с. 22; 11, s. 4; 8, s. 27].

Согласно концепции Е. С. Кубряковой, когнитивная лингвистика — это наука «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов. Большинством принимается определение когнитивной науки, согласно которому она представляет собой науку о системах репрезентации знаний и обработке информации, приходящей к человеку по разным каналам» [3, с. 35].

Одной из самых серьезных проблем, с которой может столкнуться лингвистическая теория, писал в своей книге Рэй Джекендофф, это вопрос о соотношении языка и мышления. Скорее, добавляет он, это вопрос о том, в чем именно и как язык помогает нам думать [9]. Соглашаясь с этой точкой зрения, можно полагать, что в еще более конкретной форме этот вопрос может быть сформулирован как вопрос о том, как связаны оперативные единицы человеческого сознания с объективирующими их языковыми формами. Значительным шагом вперед в решении указанных проблем и стало выдвинутое в когнитивной лингвистике положение о концептах, как оперативных единицах, и о необходимости исследовать значение, обращаясь к структурам знания и оценок — к концептуальным структурам, стоящим за единицами языка, — и давая определение значения через концептуальные структуры (концепты, связанные знаком) [6].

По мнению Н. А. Кобриной, когнитивный подход, сформировавшийся и получивший достойное ему признание в лингвистике, используется в основном в сфере синтаксиса — «для изучения синтаксических связей и отношений, и фактов расширения комбинаторики и, отсюда, изучения механизмов формирования семантической поликомпонентности лексем, их категоризации и перекатегоризации и других явлений, выявляемых в синтаксисе и требующих осмысления и объяснения» [2, с. 7].

Соглашаясь с этой точкой зрения, лингвисты-когнитологи считают, что центральными для когнитологии являются взаимосвязанные понятия концепта, концептуальной структуры и ментального мира. Концепт — дискретная содержательная единица сознания, формирующаяся в нем как результат креативной способности строить ментальные миры. Концепты, сочетаясь, образуют концептуальные структуры разного уровня сложности, при том, что и сами сочетающиеся концепты, каждый на своем уровне холистической иерархии, обладают собственной структурой (включая и сам мир сознания как часть действительного мира). Базисным среди миров сознания является ментальный мир, связанный необходимостью соответствовать отраженному (объективному) миру действительности. Наряду с ним и на его основе сознание конструирует многообразные мнимые миры разной меры сложности. В этом смысле все ментальные миры сознания, от базисного до чисто мнимых, носят смешанный характер, но различаются степенью сочетания элементов действительного и мнимого, жесткостью обязательства соответствовать реальности непреложного мира. Крайнюю позицию на шкале мнимых миров занимают иррациональные миры сознания, легализирующие существование невозможного [6].

Под термином «когнитивная лингвистика» понимается группа теоретических подходов, которые в целом совместимы друг с другом и разделяют некоторые основные принципы. За основу возьмем утверждение А. Ченки, например: язык — это неотъемлемая часть познания.

Это утверждение очевидно, но в фокусе внимания оказываются и другие проблемы. Например, Дж. Лакофф эксплицитно заявляет, что интерес к когнитивизму является важной частью его плана научной работы. Это «обязательство — согласовывать свои объяснения человеческого языка с тем, что известно об уме и мозге как из других дисциплин, так и из нашей собственной [т. е. лингвистики]» [10, s. 40].

Язык отражает взаимодействие между психологическими, коммуникативными и культурными факторами, т. е. язык и его структура показывают, как работает сознание.

Таким образом, развитию когнитивной лингвистики и восприятию ее научной общественностью способствовали освобождение от вульгарных материалистических идей до роли «историзма» в общественном развитии, в философии и языке, т. е. от представлений об обществе как творческом начале в формировании языка и возвращение из забвения тезиса о главенствующей роли индивидуальной языковой личности. Когнитивная семантика стала новой научной парадигмой благодаря успехам психологии и понимания того, что мерой всего является не объективный мир, а человек с его видением объективного мира. В современной лингвистике это связывается с развитием и укреплением позиций человеческого фактора в языке. Преимущество этого подхода также заключается в очевидной ограниченности традиционной лингвистики, замыкающейся как системы имманентной, саморазвивающейся и противостоящей человеку.

В соответствии с этими принципами, языкознание оказывается неотъемлемой частью когнитивной науки и непосредственно связано с психологией и нейронаукой, с антропологией и философией. Так как когнитивная функция языка предполагает осмысление способов организации и хранения значений в сознании человека, то в качестве основных теоретических предпосылок возникновения когнитивного подхода на современном этапе можно рассматривать разработку важнейших положений теории концептуализации и категоризации, определение концепта как единицы знания, заключающей в себе результаты теоретического и обыденного познания.

Поскольку возникновение когнитивной лингвистики отчасти было реакцией на пренебрежение семантикой в лингвистических теориях, господствовавших в 1970-х гг., то поэтому семантика стала играть значительную роль в исследованиях по когнитивной лингвистике и рассматривается в ней как ведущая сила в употреблении языка. Ее первой важной чертой является новый подход к интерпретации значения и связывание его со знанием. Известно, знание отражает понимание и осмысление мира, достигаемые в предметно-познавательной деятельности человека, и именно это вызывает необходимость появления определенных форм сознания. Значения языковых форм фиксируют человеческий опыт. Их и следует изучать как определенные результаты обработки и переработки информации, поступающей к человеку по всем его чувственным каналам. Таким образом, важной чертой когнитивной семантики является опора на телесный опыт общения человека с миром, попытка установить значимость и конкретный характер простейшей категоризации того, что получает человек при непосредственном восприятии мира, и как происходит его «структуризация» в простейших типах человеческой деятельности [4].

Еще одной важной чертой когнитивной семантики является выдвижение целой серии понятий, отвечающих на вопрос о приемах или способах этой структуризации (фреймы, прототипы, сцены и т. п.). Среди них предлагается понятие образной схемы, суть которой на материале несколько взятых схем мы попытаемся показать в нашей работе. Все эти понятия помогают ответить на вопрос, как думает человек и в чем ему здесь помогает знание языка. И, наконец, самая важная черта когнитивной семантики, по словам Е. С. Кубряковой, — выйти через детальный анализ языковых форм со всей спецификой «упаковки» в них человеческих знаний к пониманию того, как работает человеческий разум [там же, с. 490].

В свете когнитивного подхода к осмыслению семантики предикатов партитивной семантики, выражающих отношения «часть <=> целое», их становления и исчезновения, в настоящем исследовании мы опираемся на следующие основные положения: антропоцентричность мышления и учет языковой картины мира обычного носителя языка; необходимость определения уровней функционирования лексико-семантических вариантов предиката партитивной семантики как с позиции части (часть — целое), так и с позиции целого (целое — часть), и его содержательного ядра (актуальным является исследование того, в каком виде слово хранится в сознании человека и актуализируется в речи); необходимость исследования образов формы, помогающих осмыслению значений анализируемых единиц, поскольку образная схема, наряду с языковой, несет ответственность за репрезентацию знаний в сознании.

Литература

1. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4. С. 17–33.
2. Кобрин Н. А. Класс местоимений в аспекте когнитивно-коммуникативного подхода // Когнитивная лингвистика: ментальные основы и языковая реализация. Ч. 1. Лексикология и грамматика с когнитивной точки зрения: сб. статей к юбилею профессора Н. А. Кобриной / отв. ред. Н. А. Абиева, Е. А. Беличенко. СПб., 2005. С. 7–26.
3. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М., 1994.
4. Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., 2004.
5. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд. Минск, 2005.
6. Никитин М. В. Основания когнитивной семантики: учеб. пособие. СПб., 2003.
7. Никитин М. В. Курс лингвистической семантики: учеб. пособие. 2-е изд., доп. и испр. СПб., 2007.
8. Gibbs R. W. What's cognitive about cognitive linguistics // E. H. Casad (ed.). Cognitive linguistics in the redwoods: The expansion of a new paradigm in linguistics. Berlin; New York, 1996. P. 27–53.
9. Jackendoff R. The Architecture of the Language Faculty. Cambridge (Mass.), 1997.
10. Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is abstract reason based on image-schemes? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1. № 1. P. 39–74.
11. Taylor J. R. Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory. Oxford, 1995.

*Ю. В. Кошалова, И. В. Виноградова,
Н. А. Трунова*

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫМ КОМПЛЕКСОМ

В мировой практике можно выделить две основные модели управления научным комплексом: отраслевая и селективная (программно-целевая). Отраслевая модель управления научным комплексом была реализована в СССР. И особенности современного российского комплекса тесно связаны с отраслевой специализацией советских научных разработок.

В СССР существовала жесткое централизованное управление наукой и техникой. В отличие от многих западных стран, в СССР (и эта система до сих пор функ-

ционирует в России) фундаментальная наука была сосредоточена преимущественно в академии наук и отраслевых академиях, образованных и сформировавшихся независимо от системы образования.

Также каждое отраслевое министерство имело подведомственные исследовательские институты, которые обслуживали отрасль либо подотрасль или группу предприятий, а не отдельные предприятия.

Большая часть исследований и разработок, ориентированных на решение отраслевых задач, осуществлялась и до сих пор осуществляется в крупных государственных научных центрах, созданных в советское время в ряде отраслей хозяйства и сохранившихся после приватизации предприятий этих отраслей. Другие организации научно-исследовательского сектора, в основном в форме довольно крупных институтов, были и остаются государственными по форме собственности, источникам финансирования (включая институты, формально относящиеся к предпринимательскому сектору) и их деятельность также завязана на отраслевой принцип.

Отраслевая система управления научным комплексом успешно функционировала в рамках советской плановой экономики. В СССР примерно две трети исследований и разработок были связаны с обороной страны, 10–12% приходилось на теоретические изыскания почти во всех сферах фундаментальной науки, остальные относились к прикладным исследованиям, нередко пересекавшимся с исследованиями и разработками оборонного характера [5]. Были созданы крупные концентрированно расположенные в разных частях страны научные центры, в зависимости от схемы хозяйственного функционирования. Например, в Центральный экономический район (ЦЭР) концентрировал на своей территории значительную часть промышленного производства и объектов относящихся к научно-исследовательскому комплексу страны.

В отраслевой модели управления научным сектором цели на проведение исследований и развитие деятельности ставились не исследовательскими/научными структурами институтами, а через систему Госплана и отраслевых министерств. Уже в рамках этих целей ставились задачи для отраслевых научных и проектных институтов и конструкторских разработок. Экономические рыночные отношения в данной модели задействованы не были, т. к. заказчик — отраслевая организация, принимающая результат научной деятельности — в этой схеме появлялся в рамках принятых отраслевых планов.

Такая система приводила к тому, что квалификация, отвечающая на вопрос о развитии дальнейших научных разработок в целом, никогда не формировалась в рамках того, что называлось проектными, проектно-конструкторскими, научно-исследовательскими и т. д. институтами, а концентрировалась на уровне министерств. В результате помимо отсутствия просчета экономической эффективности не было учета точности принимаемых технологических решений для характера и устройства деятельности, в которой будет употребляться изобретение/реализованный проект, не принималась во внимание ее специфика. Прикладные научные разработки призваны были оказывать техническую помощь предприятиям, внедрять отдельные нововведения, повышающие производительность труда, и адаптировать западные технические решения к отечественным условиям. Из-за ведомственной разобщенности также даже наиболее успешные новшества редко внедрялись более чем

на одном-двух предприятиях, что связано именно с особенностями отраслевого управления.

Принятая в СССР стратегия развития была направлена на выделение приоритетных направлений и сосредоточение в них основных хозяйственных ресурсов [3]. Данный подход основывался на том, что все управление (по типу планирование) и все ресурсы подсчитывались и распределялись в Госплане и передавались отраслевым ведомствам, которые уже ставили задачи отраслевым исследовательским центрам. Ресурсы распределялись между ведомствами, а объектом воспроизводства и развития была отрасль в целом. Конкретные предприятия при этом вообще не наделялись никакими ресурсами для самостоятельного воспроизводства и развития (технологической модернизации). Все, что зарабатывали предприятия, у них изымалось ведомствами, поступало в распоряжение Госплана, перераспределялось между ведомствами и далее между предприятиями в соответствии с приоритетами. Тем самым воспроизводство, как и развитие, было отделено от предприятия и передано в ведомство. И заинтересованность во внедрении научных разработок в производственный цикл у предприятий была минимальной.

Основным механизмом развития в такой стратегии была не модернизация и массовое включение в деятельность технологических инноваций, а строительство новых предприятий и ввод новых мощностей. К тому же развитие промышленности было тесно соединено с задачей освоения северных территорий и Сибири, которое понималось как промышленное освоение. Как следствие накапливалась доля предприятий с устаревшей техникой. И к началу перестройки имеющиеся в централизованной системе управления ресурсы не позволяли осуществить технологическую модернизацию устаревших производственных фондов, накопленных с конца 1920-х гг., начиная с индустриализации.

Таким образом, как мы видим, отраслевая система централизованного планового управления не позволяла оценивать эффективность работы отдельных предприятий (и хозяйств на селе), не обеспечивала своевременного обновления производственных фондов, эффективного внедрения технических инноваций и новых технологий и ввиду роста удельного веса устаревших предприятий, и научные разработки существовали в большинстве своем параллельно реальному сектору экономики.

В противоположность отраслевой селективной модели управления научным комплексом основана на программно-целевой поддержке науки. Программно-целевой подход используется на протяжении многих лет в большинстве развитых стран мира. В их числе Канада, Япония, Южная Корея, Австрия, Германия, Франция, Финляндия, США и пр. Механизмы, форма программно-целевых инструментов в этих странах сильно отличаются и во многом зависят от исторически сложившихся социально-экономических условий.

В широком понимании программно-целевой метод — это способ решения крупных и сложных проблем посредством выработки и проведения системы программных мер, ориентированных на цели, достижение которых обеспечивает решение возникших проблем. Этому методу свойственно рассмотрение совокупности целей и целевых задач, образующих многоуровневую, иерархически построенную целевую систему, охватывающую все целевые элементы, достижение которых требуется для решения программной проблемы, рассматриваемой во всех ее аспектах.

Данная модель реализована, например, в США через деятельность Национального научного фонда (National Science Foundation — NSF) — независимого агентства при американском правительстве, отвечающего за развитие науки и технологий. NSF реализует свою деятельность в основном через временные гранты. Большинство грантов предоставляется индивидуальным исследователям или небольшим группам исследователей. Остальные гранты обеспечивают финансирование исследовательских центров. Национальный научный фонд не управляет никакими лабораториями, а только поддерживает национальные исследовательские центры, океанографические суда и антарктические исследовательские станции, совместные исследования университетов и частных компаний, американское участие в международных научных и технических программах, и образование — на любом академическом уровне.

Отметим, что Американский Национальный Научный Фонд был взят за образец при реформировании российского научного сектора, когда были созданы два государственных научных фонда — Российский фонд фундаментальных исследований (РФФИ) и Российский гуманитарный научный фонд (РГНФ), финансирующие на конкурсной основе в форме грантов небольшие проекты фундаментальных исследований [2]. Также принципы селективной модели управления наукой в нашей стране реализовываются через государственные целевые программы. В 2008 г. в Российской Федерации действовало 46 федеральных целевых программ (ФЦП) [2].

Селективная модель управления наукой также свойственна европейским странам. Региональная научно-техническая политика в Европе, как отмечает, в частности, профессор университета Северной Каролины М. Лангер, во всех без исключения подходах ориентирована на развитие сетей коммуникаций и транспорта, а также создание инфраструктуры знания [1].

Если говорить о таких странах как Великобритания, Испания, Италия то для них начиная с середины 1970-х гг. характерно вытеснение так называемого «пакетного» финансирование системой обеспечения исследовательских разработок через проекты и контракты. В отношении государственных структур последствием является необходимость приспособлять свои научные планы к целям, которые могут быть изменены в довольно короткие сроки [4].

В Испании правительственную структуру науки и технологии определяет скоординированная система приоритетов, сформулированная в Национальном плане научных и технических исследований. Фонды на секторальные проекты распределяет Межведомственная комиссия по науке и технике. В Италии аналогичную функцию выполняет Национальный исследовательский совет.

Главным параметром более гибкой системы управления в указанных европейских странах является порядок размещения фондов на ИР и изменения в организации науки. Имеется ввиду такое явление в европейской практике, как межинституциональное сотрудничество. Отмеченная тенденция ставит руководство институтов перед необходимостью решения многих организационных проблем: в том числе в области новых методов оценки работы, применения системы экспертных оценок и пр. Поощряя программы смешанного частно-государственного сотрудничества, европейские страны разработали различные способы стимулирования такого рода деятельности. Развитие межинституционального сотрудничества повлияло на

модель университетских исследований, которая все в большей мере приобретает черты, свойственные государственным НИИ: многодисциплинарность, целевой характер программ, ориентированных на приоритетные направления. Таким образом, государственные НИИ и университеты теряют свои специфические роли в системе национальных ИР.

В Великобритании с начала 1970-х гг. реализуется концепция «оценки науки и ее ответственности перед экономическими проблемами общества». Главным инструментом ее реализации стал принцип «заказчик — подрядчик», в роли первого выступало правительство. В связи с сокращением финансовых поступлений на нужды науки ключевыми направлениями правительственной научной политики становятся стимулирование промышленно-университетских связей и оценка исследовательской деятельности. Такого рода оценка, распространенная и на университетские подразделения и дополненная «нисходящей» моделью определения научных программ, резко повысила конкуренцию среди исполнителей ИР.

ЕС практикует в своем бюджете формирование особых «структурных фондов», ориентированных на поддержку менее развитых регионов стран сообщества [1]. Финансирование осуществляется также в форме целевых программ, таких как программа STRIDE («Наука и технология для региональных нововведений и разработок в Европе»); программы STAR и TELEMATIQUE, ориентированные на развитие сети телекоммуникаций. Среди других программ ЕС можно упомянуть VALUE, IMPACT, SPRINT и BRITE. В их рамках осуществляется стимулирование таких направлений, как оценка и распространение результатов ИР; развитие рынка информационных услуг; поощрение нововведений и передачи технологий; внедрение, новых технологий в производственные процессы.

Несколько иную направленность имеет региональная научно-техническая политика Японии сосредоточена главным образом на проблемах сбалансированного регионального промышленного развития. В настоящее время правительство Японии реализует в качестве основных две программы регионального развития: города науки и технополисы. Разработан план третьей программы — «Интеллектуальный космос». Все три направления рассчитаны на длительную перспективу и обеспечиваются значительными государственными финансовыми ресурсами.

Оценивая в целом мировой опыт применения программно-целевого метода с точки зрения форм государственного регулирования можно подытожить, что правительствами было определено семь основных подходов: формирование программ со 100% государственным финансированием; реализация программ предполагающих использование денежных ресурсов как государственных, так и частных инвесторов; создание выгодных экономико-правовых условий для развития частного сектора в определенных правительством направлениях; стимулирование конкуренции для интенсивного развития приоритетных отраслей; содействие взаимовыгодному сотрудничеству между различными субъектами частного и государственного секторов; применение инструментов государственной фискальной политики (льготное налогообложение, субсидии и т. д.); формирование инфраструктуры (создание инкубаторов, технологических парков и центров трансфера технологий). Как правило, правительства используют сразу несколько схем регулирования, разница заключается, прежде всего, в объемах выделяемых средств на ту или иную форму поддержки и ограничениях доли участия государства в программах.

Таким образом, государственные концепции долгосрочного развития национальных инновационных систем предусматривают конкретные мероприятия по поддержке и стимулированию тех этапов инновационного процесса, где рыночных стимулов недостаточно. Программно-целевое управление инновационной деятельностью в промышленности основано на выделении приоритетных направлений инновационного развития и разработке системных мероприятий по их реализации, государственной поддержке и стимулировании фундаментальных исследований.

Мировой опыт показывает, что применение программно-целевого подхода позволяет правительствам многих развитых стран эффективно использовать государственные ресурсы в целях стимулирования научных исследований и производства инновационной продукции.

Литература

1. *Luger M. I.* Science and technology in regional economic development // *Technology in society*. 1994. Vol. 16. № 1. P. 9–33.
2. *Горбунова Т. В.* Реферативный обзор // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Сер. 8 «Науковедение». 1995. № 3. С. 82–88.
3. Национальная инновационная система и государственная инновационная политика Российской Федерации. Базовый доклад к обзору ОЭСР национальной инновационной системы Российской Федерации. М., 2009.
4. *Попов С. В.* Идут по России реформы // *Методология. Вчера, сегодня, завтра*. М., 2005. Т. 3. С. 223–266.
5. *Poti B., Reale E.* Convergence and differentiation in institutional change among European public research systems: the decreasing role of public research institutes // *Science and public policy*. 2000. Vol. 27. № 6. P. 421–431.
6. Социально-экономические проблемы России: справочник / отв. ред. П. С. Филиппов. СПб., 1999.

С. Н. Кузьмина

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В последнее время развитие информационно-коммуникационных технологий, использование инноваций в образовании стремительно набирает обороты.

Вузы, использующие такие инновации, получают дополнительные конкурентные преимущества на рынке образовательных услуг, что поддерживает статус имиджа вуза инновационного развития.

Действительно, по данным Ассоциации e-learning специалистов¹:

- более 70% преподавателей используют информационные технологии для поиска информации в Интернет при подготовке к занятиям;

¹ См.: <http://elearningrus.ning.com>.

- другие направления использования информационных технологий освоили менее 45% преподавателей;
- более 70% преподавателей убеждены, что использование информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) оптимизирует труд преподавателя и повышает эффективность обучения.

Можно с уверенностью сказать, что деятельность института дистанционного образования СПбАУЭ в области реализации информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе по сути своей инновационна, т. к. фактически это действующая экспериментальная площадка по генерированию новаций, их разработке, апробации и внедрению в учебный процесс как в головном вузе, так и филиалах академии.

Направления инноваций ИДО — это, прежде всего, касающиеся содержания, технологии и организации учебного процесса, а также непосредственно связанные с созданием и управлением интеллектуальной собственностью.

Сегодня в Санкт-Петербургской академии управления и экономики создан и реализуется организационно-экономический механизм использования дистанционных обучающих технологий. Разработана организационная структура управления данной деятельностью, а также разработаны модели использования электронного обучения и их экономическая обоснованность.

В СПбАУЭ выполняется работа по следующим направлениям:

1. Деятельность по организации и планированию учебного процесса для студентов различных форм обучения с использованием инновационных технологий.

2. Деятельность по апробации и внедрению инновационных образовательных технологий, организация экспериментов (например, по внедрению смешанного обучения), обучение преподавателей, специалистов навыкам практического применения инструментов электронного обучения, повышению уровня информационной грамотности. Проводится мониторинг удовлетворенности как студентов, так и преподавателей результатами электронного обучения.

Проводятся практические семинары с целью мотивации профессорско-преподавательского состава активно внедрять полученные навыки в учебный процесс и обмениваться опытом, а также поддержки учебного процесса всех форм обучения, организации самостоятельной работы студентов во внеаудиторное время прежде всего заочной и очно-заочной форм, что несомненно положительно отражается на качестве знаний выпускников.

Организируются вебинары (электронные конференции) объединяющие различные регионы России по использованию электронного обучения.

3. Деятельность по проектированию электронного контента с целью обеспечения информационно-методической поддержки учебного процесса как головного вуза, так и его филиалов, где сначала разрабатывались электронные учебно-методические пособия, а теперь уже создаются интерактивные электронные курсы нового поколения, отвечающие требованиям педагогического дизайна и стандартам электронного обучения (дисциплины «Эконометрика», «Связи с общественностью»).

На рис. 1 приведена диаграмма создания электронных пособий в динамике.

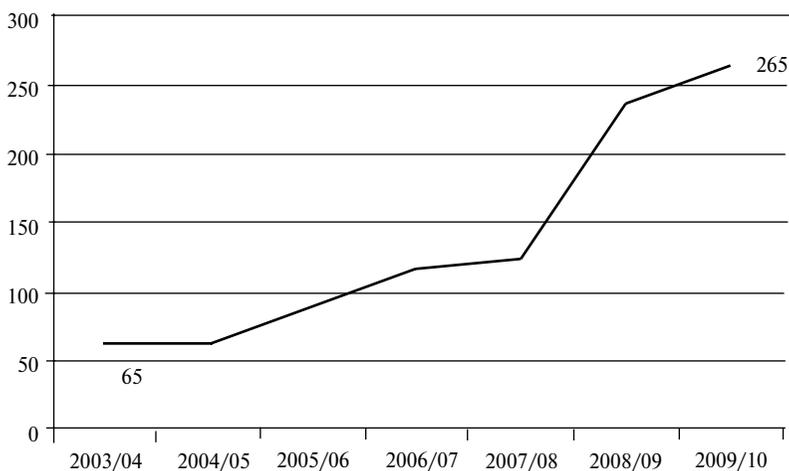

Рис. 1. Информационно-методическое обеспечение образовательного процесса

Также здесь продолжается работа по защите авторских прав авторов и созданию базы интеллектуальной собственности академии.

Если ранее упор делался на создание электронных учебно-методических пособий с максимальным наполнением учебным материалом, то сейчас основная задача — разработка электронных курсов с учетом требования педагогического дизайна и стандартов электронного обучения. В связи с этим и возникает необходимость создания интерактивных электронных ресурсов. Следует пояснить, что понимается под интерактивностью применительно к обеспечению образовательного процесса. Интерактивность — диалоговое взаимодействие пользователя с учебным материалом. Интерактивность электронных курсов обеспечивают стандартные компоненты любого объектно-ориентированного языка программирования.

Но кроме стандартных компонентов, назначение которых — реализовывать интерактивность в создаваемых материалах, для разработчиков программных продуктов есть возможность самостоятельно создавать интерактивные элементы. Значимость интерактивных средств обучения сегодня бесспорна. Пассивная демонстрация с экрана монитора разнообразных материалов служит дополнением к другим формам работы.

Не стоит рассматривать гипертекстовую организацию документа (с доступом к конкретным разделам через систему ссылок) как интерактивность. Гиперссылка — это лишь способ «пролистывания» текста. Меню гипертекстового документа позволяет иначе организовывать доступ к нужному разделу (имеется в виду иначе, чем в печатном документе), но сам документ остается при этом статичным. В интерактивных же приложениях пользователю предоставляется возможность влияния на материалы, представленные в приложении. Что же это за влияние? Рассмотрим подробнее.

Интерактивность в работе с приложением нужна:

При получении информации. В данном случае пользователь может запускать и останавливать проигрывание анимационных роликов, звука, видео — в зависимости от того, готов он к получению новой информации или нет.

На этапе закрепления знаний. Проще говоря, решая задачи. Разнообразие способов получения ответа затрагивает различные способности обучаемого и вносит игровой элемент в процесс решения задачи. Решенная задача может проверяться визуально (с экрана монитора) преподавателем или программным путем (тестирование).

На этапе контроля полученных знаний. Результат контроля обязательно должен быть обработан программно; выборка заданий должна быть организована случайным образом, либо данные для заданий должны генерироваться обучающей программой, например системой дистанционного обучения.

Использование интерактивности позволяет создавать обучающие продукты, полностью отвечающие образовательным требованиям. Интеграция средств, в среде которых идет разработка данных материалов, только улучшит качество создаваемых приложений, поэтому перечислим те программы, в которые органично интерактивные компоненты.

Презентации, созданные в программе PowerPoint. Но мало кто из создателей презентаций использует все возможности данного приложения. Не вдаваясь в подробности возможностей программы PowerPoint, остановимся лишь на том, что включение Flash-роликов в презентацию несравненно улучшит ее качество. Более того, саму презентацию (в режиме слайд-шоу) можно создавать и в самом редакторе Flash.

Возможности Интернета. Сайт учебного заведения — образовательный ресурс, он обязательно должен быть удобен в работе и иметь интерактивность.

Таким образом, следует отметить существенное влияние на обеспечение соответствующего уровня качества образовательного процесса деятельности по разработке, апробации и внедрению информационно-коммуникационных технологий в учебный процесс, использованию интерактивных обучающих материалов и электронных ресурсов, что реализуется посредством поэтапного выполнения следующих мероприятий:

1. Организация обучения преподавателей — тьюторов, специалистов Центров дистанционного обучения.
2. Проведение информационно-методических семинаров для тьюторов, профессорско-преподавательского состава.
3. Формирование навыков работы с электронными информационными ресурсами.
4. Внедрение элементов дистанционного обучения:
 - комплексная оценка знаний посредством системы дистанционного обучения;
 - внедрение смешанного обучения;
 - проведение аттестаций студентов, слушателей в режиме видеоконференций;
 - создание интерактивных электронных курсов.

Преподаватели и студенты, использующие в учебном процессе информационно-коммуникационные технологии, отмечают принципиально новый уровень взаимодействия, а именно: повышение мобильности, эффективность организации самостоятельной работы студентов, более продуктивное использование времени,

отведенной на аудиторную работу, что в конечном итоге позволяет формировать необходимые практические навыки выпускников, обеспечивать их востребованность на рынке труда.

Литература

1. Новые информационные технологии / под ред. Е. Поллад. М., 2002.
2. *Розенкноп Д. Л.* Создание анимационных эффектов в Macromedia Flash MX 2004. М., 2005.
3. *Ларина Э. С.* Интерактивные средства обучения. М., 2010.

Т. Г. Кукулите

АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Глобализация общественных процессов, стремительные перемены в информационно-коммуникационной инфраструктуре, международная конвергенция и многопрофильная кооперация привели к тому, что общество предъявляет новые требования к путям приобретения и передачи знаний, и той роли, которую играет человек в этих процессах. Одним из актуальных направлений реформирования современной системы образования является системная интеграция информационных и телекоммуникационных технологий в сам образовательный процесс и в управление образованием. В ходе реформирования на первый план выходит задача принципиально нового конструирования содержания и организации учебного материала, педагогической деятельности преподавателя и учебной работы студента в компьютерной среде [8].

Для высшего образования первостепенную актуальность приобретает задача использования возможностей компьютера в моделировании исследовательской и профессиональной деятельности. Процесс реформирования рассматривается в контексте создания таких педагогических технологий, которые бы обеспечивали переход от формально-дисциплинарного к проблемно-активному типу обучения [7]. Эта задача напрямую связана с концептуальным обоснованием целостной системы учебно-предметной деятельности, сохраняющей в условиях информационной технологии обучения основные этапы формирования умственных действий с использованием конструктивного анализа и моделирования предметных сред [4]. В основе системного подхода к реформированию содержания и методов обучения, который рассматривается в работах Б. Н. Богатыря, Ю. С. Брановского, Я. А. Ваграменко, Э. Г. Скибицкого и др., а также в целом ряде зарубежных исследований (Т. Reeves, С. Resnick, J. Self, J. Underwood и др.) лежит использование в образовательном процессе обучающей среды (Learning Environment) [1]. Необходимо отметить, что задача перехода к обучающим средам, как насыщенной потребности информатизации образования, была поставлена в целом ряде работ еще в конце 1970-х — в 1980-е гг. (Ю. А. Первин, Д. Сьюзел, Д. Ротерей, S. Papert, D. H. Jonassen и других), но предметом активного обсуждения стала лишь в последнее время [8].

Как показывает анализ исследований и материалов конференций по проблемам информатизации образования, существует целый ряд авторских трактовок, определяющих специфику обучающей среды, основанной на компьютерных технологиях. Это явление во многом обусловлено неустоявшейся, динамично развивающейся терминологической базой компьютерных технологий обучения. Виртуальная среда обучения рассматривается в работах Ж. Н. Зайцевой [5], А. А. Калмыкова, Л. А. Хачатурова; встречаются такие термины, как интегрированная учебная среда (О. П. Крюкова) информационно-предметная среда (И. В. Роберт), предметная обучающая среда (Монахов В. М) [6], информационно-динамическая среда (Н. В. Сизинцева), информационно-педагогическая среда (А. А. Ахаян) и др. [1].

Однако, наиболее распространенным и, адекватно отражающим сущность данного явления термином, является информационно-обучающая среда (ИОС) [7]. В этом определении акцент делается на информационном характере среды, поскольку информационно-знаниевые потоки составляют основу взаимодействия системы «человек-компьютер». Н. Н. Моисеев отмечал, что новые технологии работы с информацией — это такой же закономерный акт самоорганизации материи, как появление жизни, средств использования энергии Солнца, появление разума и т. д. [6]. Современные образовательные процессы не могут проходить без включения в процесс обучения широкого спектра информационных ресурсов, без развития умений обработки и представления информации. Информационная среда, созданная средствами новых информационных технологий (НИТ), рассматривается как составная часть среды обучения и выступает как «сложное, многоаспектное образование, своеобразная результирующая всех информационно-знаниевых и коммуникационных потоков, на пересечении которых находится человек» [6]. Анализ работ позволяет сделать вывод, что большинство исследователей рассматривают ИОС в русле решения задач совершенствования дидактической теории и практики применительно к новым образовательным условиям и описывают модель учебного процесса, в которой используются возможности НИТ, позволяющие эффективно организовать индивидуальную и коллективную работу преподавателя и студентов, а также интегрировать различные формы и стратегии освоения знаний по предмету, направленные на развитие самостоятельной познавательной учебной деятельности. Те различия, которые присутствуют в понимании ИОС, во многом определяются концептуальными подходами к использованию информационных и телекоммуникационных технологий в обучении, на которые опирается каждый из авторов. Можно выделить три основных типа сред, которые были реализованы на практике или описаны в виде теоретических подходов: среды, ориентированные на представление знаний; среды, ориентированные на самостоятельную деятельность по приобретению знаний; смешанный тип сред [5].

Первое понимание ИОС связано с аппаратно-программной моделью изучаемой области знания, в которую встраивается определенная методика или методики обучения. Как правило, это высокоструктурированные обучающие среды, в которых программно определены характер и направление (или направления) обучения, возможности и формы участия обучаемого, реализуется последовательное приближение к поставленной конечной цели обучения. В создании таких сред активно используется когнитивный подход, в основе которого лежит опора на внутреннюю структуру человеческого знания, на системно-структурные

свойства изучаемого предмета. Такие среды могут быть установлены как на локальном компьютере, так и в сетевой среде (локальной или глобальной). К этому же типу относятся большинство интеллектуальных и адаптивных обучающих сред, направленных на реализацию гибкого индивидуализированного процесса обучения, в основе которого лежат модели познавательной деятельности обучаемого [7]. Среды первого типа могут быть как «открытыми», например, программные оболочки позволяют преподавателю заменить или внести новое содержание, так и «закрытыми» (ярким примером этому являются комплексные интеллектуальные среды). Коммуникационные функции в таких ИОС используются преимущественно для управления учебным процессом. Внешние информационные ресурсы (распределенные базы данных, виртуальные библиотеки, электронные учебные пособия и прочее) могут быть включены в процесс обучения, но используются, как правило, в ограниченном контексте, как дополнение к содержанию основного курса. Наряду с таким пониманием все большее признание обретает представление об обучающей среде в русле стратегии развивающего обучения, когда в процесс обучения интегрирован широкий спектр возможностей компьютера, которые в различных формах используются для извлечения и приобретения знаний. Такое понимание ИОС составляет основу второго типа сред.

Для второго типа характерно убеждение, что обучение является органической производной структуры взаимодействия, поэтому упор делается на процессы, лежащие в основе формирования того или иного навыка. Истоки такого подхода лежат в теориях Л. С. Выготского и его последователей, которые рассматривали обучение как активный процесс, в котором ученик играет роль «конструктора» знаний, а процесс конструирования знаний базируется на текущих и прошлых знаниях и опыте ученика. В большинстве зарубежных исследований на протяжении последних двух десятилетий учебные среды рассматриваются с позиций их деятельностного, конструктивистского характера, понимание среды базируется на концепции обретения знаний в процессе решения содержательных задач, разработанных в рамках конструктивистской когнитологии [5]. Согласно такому взгляду, обучение в ИОС является активным процессом, направленным на извлечение, конструирование знания, а не просто на его воспроизведение. Обучение в такой трактовке выполняет роль поддержки конструктивных усилий обучающегося по освоению знаний и умений.

Анализ современных российских и зарубежных исследований показывает, что в последние годы происходит стирание различий между этими типами сред, и формируются среды, которые интегрируют оба подхода, т. е. среды представляют собой источник учебно-методического знания в конкретной области знания и одновременно высоко структурированную среду для организации различных форм самостоятельной познавательной деятельности. Такие среды, как правило, формируются в рамках общедоступных технологий в информационной среде, либо базируются на профессионально разработанных оболочках — распределенных обучающих средах, средах ориентированных на сотрудничество и других, основанных на телекоммуникационных технологиях. Они открыты и для преподавателя и для обучаемого, позволяют дополнять содержание и вносить в него коррективы, представлять результаты своей учебной деятельности в среде. Коммуникационные процессы в такой ИОС обеспечивают дидактический, методический и организационный фон обучения и являются центральным элементом учебного процесса.

Центральным фактором, определяющим уровень подготовки специалистов в высшей школе, является качество учебного процесса. Необходимое качество в любом процессе может быть достигнуто только при опоре на современные научные достижения. Что касается учебного процесса, то такую опору надо искать в дидактике, науке об обучении.

К числу важнейших дидактических требований к организации учебного процесса относится индивидуальный подход к каждому обучаемому. Использование компьютерных обучающих систем предполагает высокую степень индивидуализации познавательной деятельности по сравнению с традиционными методами. Возможность выбора индивидуальной траектории изучения учебного материала, регулирование темпа его усвоения и даже более глубокая адаптация в интеллектуальных системах поддержки обучения, основанных на модели обучающегося, фактически превращают учебную деятельность студентов в самостоятельную когнитивную деятельность. Психологически обоснованная последовательность этапов познавательной деятельности включает в себя: восприятие, осмысление и фиксация знаний, формирование личностного опыта, проектно — исследовательская, поисковая учебная деятельность.

На этапе восприятия ключевую роль играют личностные особенности обучаемых, а именно их ведущая репрезентативная система (визуальная, аудиальная, кинестетическая). Исследования показывают [5], что обучаемые с доминирующей аудиальной модальностью показывают более низкие результаты при работе обучающими компьютерными системами, что связано с их особенностью освоения идеограмм через звуковой образ восприятия.

По предпочитаемой форме восприятия информации различают людей, обладающих тремя репрезентативными системами. Это — аудиалы, визуалы и кинестетики. Аудиал воспринимает информацию на слух и для него важна интонация и громкость преподносимого материала. Визуалу важны изображения, и в речи, и в тексте необходимы слова — ключи, помогающие быстро восстанавливать картину предмета. У кинестетиков главенствующее место занимают ощущения, удобство, комфорт. Естественно, что наиболее успешно с обучающими системами, в которых основная часть информации передается через текст, графику и изображения, могут работать визуалы. Использование учебных мультимедийных комплексов, в которых заранее подготовленная информация передается графическими, анимационными, аудио- и видеоиллюстрациями, позволяет сделать более успешным обучение студентов с различными репрезентативными системами. Психологический тип характеризует индивидуальные свойства психики, определяющие изменения психической деятельности человека. Так, ключевые слова [6]:

- холерика — ощущать, чувствовать;
- флегматика — вообразать, представлять;
- меланхолика — слушать, смотреть;
- сангвиника — говорить, делать.

Опираясь на психологические особенности личности студента, можно максимально реализовать его потенциальные возможности к обучению с помощью компьютерных обучающих систем. При этом интерактивность мультимедийных обучающих систем предоставляет возможности не только для пассивного восприятия информации, но и для активного исследования моделей изучаемых объектов или процессов.

Интерактивность придает мультимедиа когнитивный характер, вносит игровые и исследовательские компоненты в учебную деятельность, побуждает учащихся к глубокому и всестороннему анализу свойств изучаемых объектов и процессов [8].

Таким образом, к факторам, определяющим готовность студентов к обучению с помощью компьютерных технологий относятся уровень усвоения знаний в предметной области учебной дисциплины, уровень мотивации учения, ведущая репрезентативная система обучаемого, психологический тип личности, а также работоспособность и прилежание.

Репрезентативная система и психологический тип личности обучаемых оказывает влияние на мотивацию в обучении [6]. В результате проведенных исследований была выявлена зависимость уровня мотивации к обучению от репрезентативных систем в сочетании с психологическим типом личности:

- наиболее высокий уровень мотивации у холерика — визуала;
- средний уровень мотивации к обучению у сангвиника всех репрезентативных систем;
- не склонны к чрезмерной мотивации холерики — аудиалы, флегматики и меланхолики;
- отсутствует мотивация у флегматика — кинестетика и меланхолика — кинестетика.

Работоспособность и прилежание обучаемых являются ключевыми личностными характеристиками, влияющими на эффективность компьютерного обучения [6]. Исследовались различные социальные и личностные характеристики, влияющие на эффективность компьютерного обучения. Согласно их результатам, основная информация о студентах (пол, семейное положение, специальность, место проживания, возраст, национальность, образование, служебный статус, годы после окончания учебного заведения, опыт в дистанционном обучении, владение основными компьютерными концепциями) не оказывает заметного влияния на успехи в электронном обучении. Самооценка студентов, стратегия обучения, позиции электронного обучения, соответствие окружению также не оказывают значительного влияния на успехи в обучении. Однако привычки учиться и посещение занятий оказывают явное влияние на успешность обучения. Помимо всего прочего, исследовались различные факторы для лучшего понимания того, какие же из них влияют на успехи студентов в Интернет — обучении. Наиболее значимыми факторами, в соответствии с уровнем влияния являются: фактор работоспособности, скорость и стабильность Интернет, обучающие лекции преподавателя в режиме on-line, передаваемые аппаратными средствами [7].

Эффективность компьютерного обучения зависит от психологических особенностей обучаемых, которые определяют мотивацию к учению, их работоспособности и прилежания.

Естественно предположить, что использование различных видов компьютерных обучающих систем должно зависеть от целей образования, которые определяются в профессиональных учебных заведениях на основе профессиограммы или модели специалиста конкретной специальности. Как известно, подготовка специалистов различных специальностей требует усвоения знаний в предметной среде учебных дисциплин на различных уровнях усвоения. В связи с этим необходимо четко представлять, на каких уровнях усвоения знаний возможно

использование компьютерных обучающих систем различного назначения. Уровень усвоения знаний обучаемых в предметной области дисциплины должен учитываться при выборе стратегии обучения и компьютерных средств ее поддержки. Готовность и способность студентов к выполнению заданий продуктивного характера требует определенного уровня интеллектуального развития и элементов творческого подхода, которые зависят от мотивации учения [7]. Студенты с низким уровнем мотивации учения не демонстрируют готовности и способности к выполнению заданий продуктивного характера, т. е. оказываются не готовыми к интеллектуальной творческой деятельности. Таким образом, повышение уровня мотивации учения является необходимым условием повышения уровня усвоения знаний в предметной области учебных дисциплин, формирования готовности и способности у студентов к выполнению заданий творческого характера, повышения эффективности обучения с помощью компьютерных обучающих систем. В связи с этим важной задачей является нахождения способов повышения мотивации учения, которая представляет собой систему целей, потребностей и мотивов, побуждающих студентов к учению. Успешное формирование мотивов имеет место, если предмет длительно и стойко насыщается положительными эмоциями, тогда цель (изучение дисциплины) превращается в самостоятельный мотив — формируется механизм сдвига мотива на цель. Важное значение имеет и эмоциональная включенность преподавателя в процесс обучения студента, ненавязчивое давление и насыщенность среды побуждающими факторами (моральные и материальные поощрения при успешном продвижении по пути овладения предметом) [2]. Для активной, заинтересованной работы обучаемых необходимо целенаправленное формирование и развитие мотивов деятельности в учебном процессе.

Присутствие преподавателя, как объекта управления учебной деятельностью, в том числе и в режиме on-line при обучении в Интернет, также является одним из основных факторов, повышающих эффективность компьютерного обучения.

Литература

1. *Атанов Г. А., Пустынникова И. Н.* Обучение и искусственный интеллект, или Современная дидактика высшей школы. Донецк, 2002.
2. *Бадмаев Б. Ц.* Психология и методика ускоренного обучения. М., 1998.
3. *Ваграменко Я. А., Каракозов С. Д. и др.* Проект создания Федерального узла телекоммуникационной связи системы образования Российской Федерации. М., 1996.
4. *Голицина И. Н.* Исследование готовности студентов к обучению с помощью компьютерных информационных технологий // IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies (Kazan, 9–12 August 2002). Казань, 2002. С. 195.
5. *Зайцева Е. Н.* Информационно-обучающая среда как средство развития самостоятельной работы студентов при обучении иностранному языку: автореф. дис. Ярославль, 2003.
6. *Семенюк Э. П.* Информатизация общества, культура, личность // Научно-техническая информация. Сер. 1. Организация и методика информационной работы. 1993. № 1. С. 6–14.
7. *Сьюзел Д., Ротерей Д.* Основные направления применения ЭВМ // Перспективы. Вопросы образования. 1988. № 3. С. 60–69.
8. *Скибицкий Э. Г., Шабанов А. Г.* Дистанционное обучение: теоретико-методологические основы. Новосибирск, 2004.
9. *Юсупова Н. И., Тарасова Т. Д., Суханова М. В., Шветте Х.* Репрезентативные системы и психологический тип личности: влияние на мотивацию к обучению // IEEE International Conference on Advanced Learning Technologies (Kazan, 9–12 August 2002). Казань, 2002. С. 181–184.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В Г. СТАВРОПОЛЕ С ЦЕЛЬЮ КОРРЕКТИРОВКИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

Современное российское общество переживает сложный и противоречивый этап в своем развитии. На глазах всего одного поколения граждан произошла кардинальная ломка практически всех сфер социальной жизни. В условиях постоянной борьбы между различными политическими силами методом проб и ошибок идет мучительный и болезненный процесс формирования нового сообщества. Изменения коснулись как экономической, так и социальной сфер общества, что привело к социальному расслоению, возникновению «социально незащищенных» социальных групп. В данном отношении положение молодежи представляется относительно трудным. Переход на новые системы образования, утрата большинства социальных нормативов эпохи социализма, ослабление патриотической и воспитательной функции государства, а также проблематичный характер трудовой адаптации привели к формированию у российской молодежи принципиально иного мировоззрения. В связи с особой остротой молодежных проблем государственная и муниципальная власти в последние годы прилагают немало усилий для нормализации ситуации в молодежной среде, вырабатывая приоритетные направления молодежной политики и привлекая молодежь для активного участия в общественной жизни.

Согласно устоявшейся традиции, молодежь принято считать людей в возрасте от 14 до 30 лет. В настоящее время основные проблемы нашей молодежи проявляются на фоне продолжающегося внесоциального расслоения в молодежной среде, утери равных шансов на получение образовательных, медицинских, социально-бытовых и других социальных услуг, а также достойной работы.

Дальнейшее развитие государства и общества связывается как раз с повышением гражданской позиции населения, формированием экономически активного, политически грамотного и социально защищенного социума.

При оценке перспектив модернизации российского общества особый интерес представляют мировоззренческие и поведенческие мотивы поведения молодежи и прежде всего студенчества. Именно эта часть населения наиболее живо и непосредственно реагирует на все происходящие в обществе изменения. К тому же с развитием молодежи напрямую связаны и общие перспективы развития общества.

В самом общем виде задачу работы с молодежью можно определить следующим образом: формирование, развитие и укрепление правовых, экономических и организационных условий для гражданского становления и эффективной социализации молодых граждан. Немаловажное значение для самореализации личности молодого человека как активного участника общественных отношений играет наличие возможности для приложения своей энергии.

С этих позиций огромный интерес представляют исследования социального самочувствия российской молодежи. Выявление проблем молодежи, знание мировоззренческих установок и позиций является одним из условий своевременного реагирования на изменения образа жизни молодого поколения с целью воздействия и корректировки молодежной политики.

С целью определения социальной активности молодежи Ставрополя нами проведено социологическое исследование, направленное на изучение различных аспектов жизни учащихся школ города, студенчества, а также трудящейся молодежи. Репрезентативная выборка респондентов состояла из 1500 молодых людей, жителей г. Ставрополя, и была квотирована по возрасту и социальному статусу:

- школьники (учащиеся) — 250 респондентов;
- студенты вузов — 750 респондентов;
- рабочая молодежь — 500 респондентов.

По возрастному признаку респонденты представлены в следующей пропорции: 14–17 лет — 19,1%, 18–20 лет — 36,9%, 21–25 лет — 14,9%, 26–30 лет — 29,1%, по половому — юноши — 44,5%, девушки — 55,5%.

Опрос выявил, прежде всего, сложную картину состояния молодежи Ставрополя, для которой характерны как негативные черты современного общества (наркомания, проблемы с трудоустройством, времяпрепровождением и т. д.), так и позитивные моменты.

Социальная активность молодежи является наиболее близкой и важной для общества, т. к. именно здесь реализуется большинство его витальных потребностей, т. е. потребностей, связанных с самой жизнью молодого человека. Уровень развития социальной активности является, т. о., косвенным показателем заботы власти о молодом поколении.

Смысловой блок вопросов о социальной активности включает в себя 12 вопросов и адресован всем группам респондентов.

В ходе социологического исследования определено, что большинство молодых ставропольцев (40,3%), не видят необходимости в принадлежности к какому-либо молодежному движению, очень ярко это выражено среди рабочей молодежи (74,0%).

Полученные результаты свидетельствуют об отсутствии желания молодежи принимать участие в деятельности молодежных объединений (59,8%). Анализ полученных данных показывает, что самыми пассивными являются представители рабочей молодежи (90,4%). Подобные результаты говорят, помимо прочего, об отсутствии действенных молодежных организаций неполитического характера, ориентирующихся на работу с трудящейся молодежью.

Соответственно высок процент (61,0%) не желающих участвовать в молодежных акциях, среди рабочей молодежи он достигает — 88,2%. Полученные в ходе социологического исследования данные говорят о несоответствии ожиданий молодых людей относительно проводимых на территории города акций.

Активность молодого поколения можно увязывать с устоявшимся кругом общения. Результаты опроса показывают, что 43,8% представителей рабочей молодежи имеют только одного настоящего друга, 34,8% определили круг друзей от двух до пяти. Школьники и студенты отдают предпочтение более широкой компании — 54,8% и 52,6% соответственно имеют от одного до пяти, а 24% и 25,8% опрошенных молодых людей данных категорий — одного друга. Данные результаты объясняются как стремлением к устоявшемуся кругу настоящих друзей, так и разобщенность трудящейся молодежи, тогда как студенты и школьники достаточно много времени проводят в среде своих сверстников и более мобильны в смене знакомых.

Доминирующим вероисповедованием молодежи г. Ставрополя является христианство (62,7%). Рабочая молодежь зачастую затрудняется с ответом на вопрос отношения к религии (30,4%). Высокий процент «верящих в бога» объясняется массовой пропагандой религии через каналы идеологического воздействия; отсутствием в обществе идеологической альтернативы религии; недостатками в преподавании дисциплин мировоззренческого характера в школах и вузах.

В настоящее время можно констатировать наличие интереса молодых людей к политике. Результаты социологического исследования показывают, что большинство трудящихся молодых людей (58,2%) интересуются политикой, о наличии интереса к политике указали 53,1% студентов и 43,6% школьников. Представители рабочей молодежи и студенты имеют возможность принимать участие в выборах, что объясняет более высокий интерес данных групп к политике по сравнению со школьниками. Вовлечению молодежи в политику может способствовать активная реальная работа молодежных организаций, интерес государства к проблемам молодежи.

Большинство респондентов (70,9%), как вытекает из результатов исследования, считает себя патриотами своей страны. Данные результаты объясняются массовой рекламной патриотизма в средствах массовой информации, сегодня патриотом быть модно. Тема патриотизма активно присутствует в государственной политике России, телевидение и художественные фильмы последних лет формируют патриотические убеждения. В большинстве вузов и школ города формирование патриотизма является частью воспитательного процесса. Соответственно, результаты, полученные в ходе опроса студентов и школьников на предмет причастности к патриотам, отличаются от результатов опроса трудящейся молодежи. Если 81% студентов и 76,4% школьников считают себя патриотами, то среди работающей молодежи только 52,8% можно назвать патриотами. 23,8% трудящихся молодых людей не считают себя патриотами (у студентов данный показатель составляет 7,9%, у школьников — 12,8%).

Среди респондентов в большей степени сформировано положительное отношение к Вооруженным Силам РФ (57,9% или служили, или собираются служить в армии). Данные результаты показывают корреляцию темы патриотизма со службой в рядах Вооруженных Сил России, изменением образа армии в сознании молодого поколения. Вместе с тем 34,9% опрошенных проявляют резко негативное отношение к службе в армии.

подавляющее большинство респондентов (73,3%) в той или иной степени задумывались над смыслом своего существования, что естественно связано с возрастными особенностями, у представителей рабочей молодежи этот процент снижается (64,4%). Причина такого снижения — более устойчивое положение трудящейся молодежи, наличие определенности.

Большинство опрошенных (52%) считают, что молодежь города ущемлена по сравнению с другими возрастными группами и ей не оказывается должного внимания, причем этот процент значителен (87,2%) у самой пассивной части молодых людей — рабочей молодежи. Данные результаты говорят как о потребительском подходе к данному вопросу, так и о реальном положении молодых людей, начинающих определяться с карьерой, трудоустройством, жизненными идеалами. Естественные препятствия в трудовой жизнедеятельности, отсутствие собственного жилья могут трактоваться как ущемление со стороны более опытной части трудоспособного населения.

Получение информации о реализации молодежной политики в Ставрополе отмечает 31,6% респондентов, из этого числа только 5,8% считают себя хорошо информированными. Из числа опрошенных, не получающих информацию о работе с молодежью 21,7% хотели бы ее получать, 15,1% респондентов не стремятся к таким знаниям. Трудящаяся молодежь, как показывают результаты опроса, в значительной мере затрудняется ответить на данный вопрос (62,2%).

Соотнося полученную ранее информацию о пассивности в организации досуга респондентов и ответы на вопрос о желаемых источниках информирования закономерно, что большинство респондентов хотели бы получать информацию через Интернет (42,3%) и телевидение (35,4%). Только 2,6% опрошенных указали на такой источник информирования как газеты. Исходя из таких результатов, органам по работе с молодежью необходимо учитывать популярность телеканалов и сайтов для проведения информирования молодежи города и работы с ней.

Таким образом, результаты исследования показывают высокий уровень политической активности молодых людей в г. Ставрополе. Однако желание участвовать в работе каких-либо формальных и неформальных молодежных организациях очень низкое, что особенно заметно у представителей рабочей молодежи. Необходимо использование новых подходов к вовлечению молодежи к участию в общественных мероприятиях, применять для информирования молодого поколения Интернет и телевидение.

А. М. Лесников

ИСТОРИОСОФИЯ РУССКОГО РАСКОЛА

За более чем тысячелетнюю историю российского государства в нем неоднократно происходили явления, получившие название раскола. Людей, отказывавшихся следовать вновь принятым церковным установлениям, с легкой руки церковнослужителей XVII в., стали называть «раскольниками», что, как будет показано ниже, абсолютно неправильно. Некоторые историки как, например, Б. А. Успенский, называли их более точно — «старообрядцами». В миру за этими людьми закрепилось название «староверы», что, по сути, тоже не правильно, т. к. вера не менялась, а изменилась форма некоторых ритуалов и написание некоторых слов в религиозных книгах.

Цель настоящих тезисов — дать краткий обзор российских расколов, затронувших все общество и наложивших глубокий отпечаток не только на образ жизни, но на менталитет и психологию людей, а также показать, что всякий раз раскольниками называли жертву данного явления, а не тех, кто инициировал раскол и был его истинной причиной.

Первый раскол русского общества произошел в конце X в., когда киевский князь Владимир крестил киевлян в водах Днепра, что, как считается в официальной историографии, послужило началом христианизации Руси. Это случилось летом 988 г. До этого времени на протяжении многих столетий славяне были язычниками¹,

¹ О язычестве славян см. подробнее: *Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М., 1981; Он же. Язычество Древней Руси. М., 1988.*

а их молодое, складывающееся государство оставалось одним из немногих, неохваченных монотеистическими религиями. Светская российская историография XIX и даже полуреиристического XX в. приложили немало усилий, пытаясь доказать прогрессивную роль христианства в развитии страны, зачастую стыдливо замалчивая, как происходил этот процесс. Согласно летописям, мирно крещение прошло только в Киеве, а новгородцев и жителей многих других городов и весей «крестили огнем и мечом», что означает — силой, т. е. те, кто противился или сомневался в необходимости смены веры, были убиты, а жилища их сжигались в назидание другим. Возникает вопрос: почему наши древние предки, в современном представлении дикие, необразованные и неорганизованные люди, отказывались покорно следовать примеру киевлян и князя и добровольно переходить в новую веру? Лучше всех на данный вопрос ответил в своих романах великий русский писатель-эмигрант Иван Наживин: люди задавали простой вопрос — почему им надо менять веру, если их отцы, деды и прадеды поклонялись данным богам, а они теперь должны этим богам изменить и начать верить в новых? Убедительного ответа никто дать не мог, и люди оставались в недоумении, не понимая, почему их заставляют изменять традициям своих предков. Поэтому оставался один аргумент — сила, которая не оставляла людям выбора: или ты принимаешь новую веру, совершаешь обряд крещения и соблюдаешь новые порядки, или тебя и всю твою семью просто убьют, а дом сожгут. Князь Владимир предвидел, что его соплеменники будут сопротивляться новой вере, и отправлял из Киева христианских проповедников в сопровождении дружины. Многие люди, особенно кто был посильнее и помоложе, чтобы не предавать веру своих отцов и дедов, вынужденно бросали свои жилища и уходили в лес, подальше от селений. Так в России появились первые жертвы за веру, первые страсто-терпы, принявшие верность и упорство в отстаивании правоты своей веры. Это действительно были первые староверы, поскольку в то время происходила смена религий: политеистического язычества на монотеистическое христианство¹. Те же, кто был постарше и менее мобилен, чтобы сохранить жизнь себе и близким, шли на хитрость: они официально принимали новую веру и обряды, а в действительности, дома или вдали от соседских глаз, продолжали поклоняться языческим божествам. Официальное, внешнее соблюдение обрядности новой религии, а в душе — сохранение старой веры вело к появлению в обществе такого явления, как лицемерие и конформизм. Поскольку христианизация населения, разбросанного на огромной территории Руси, затянулась на несколько столетий, то это негативное явление раз-

¹ Попытки отдельных авторов представить язычество как отсталую религию, присущую отсталым народам, несостоятельны, т. к. языческие Греция и Рим создали непревзойденные шедевры архитектуры, живописи, литературы, некоторые из которых сохранились до наших дней. Попытки А. Т. Фоменко и Г. В. Носовского, если они в здравом сознании писали свои многочисленные монографии по новой хронологии, в которых пытаются доказать, что античные произведения были сфабрикованы в Средние века, пусть останутся на их совести. Об альтернативной концепции истории и новой хронологии см. подробнее: *Носовский Г. В., Фоменко А. Т.* Русь и Рим. Правильно ли мы понимаем историю Европы и Азии? В 2 кн. М., 2002; *Они же.* Империя. Русь. Турция, Китай, Европа, Египет: Новая хронология древности. М., 1996 и др.

вивалось и вошло в плоть и кровь народа. Если учесть, что лицемерие зародилось в период складывания государства, по мере развития которого простым людям все чаще приходилось «подстраиваться» под волю государства и его правителей, это явление стало хроническим недугом, подтверждением чему может служить конформизм современного российского общества. Причиной первого религиозного раскола в обществе стал, т. о., киевский князь Владимир. И как ни парадоксально это звучит, но источником, побудившим народ лицемерить друг перед другом и перед властью, стало навязанное сверху христианство.

Второй раскол произошел в XVII в. и тоже не без участия царской власти. Началось все в 1653 г. с исправления религиозных книг, в частности, в этом году Псалтырь вышла без глав о двуперстии (двуперстном крестном знаменнии) и без главы о поклонах, занимавших видное место в предшествующих изданиях. Перед Великим постом патриарх Никон разослал по церквам послание, в котором предписывалось креститься троеперстием и сократить количество поклонов при чтении молитвы Ефрема Сирина¹. Узаконенные царской властью нововведения патриарха Никона привели к серьезному расколу в среде священнослужителей и простых людей. Протопоп Аввакум, протопоп Феодор, протопоп Лазарь, инок Епифаний — лишь часть наиболее известных лиц, выступивших против этих нововведений, за сохранение старых обрядов, за что они получили название «старообрядцы». За отказ подчиниться новшествам они были сосланы в г. Пустозерск, где в 1683 г. по приказу из Москвы их заживо сожгли, а их сторонников стали жестоко преследовать. Не желая разделить подобную участь, многие тысячи людей из европейской части страны стали уходить в Сибирь, в тайгу или лицемерить, как и в X в. Вслед за церковной литературой в учебниках по отечественной истории несогласных с никоновскими реформами объявили раскольниками, что можно обнаружить и в современных учебниках по истории России. Так жертву превратили в причину. Раскол XVII в. наглядно продемонстрировал, что власть, как государственная, так и церковная, не намерена мириться с инакомыслием. Особенно поразительна позиция церкви: вместо того чтобы «молиться за врагов своих», как это предписывает Новый Завет, церковь подвергла своих вчерашних служителей анафеме, а государство в прямом смысле превратило их в пепел.

Третий раскол совершили захватившие государственную власть в октябре 1917 г. атеисты. Большевики организовали не только гонение на церковь, но и ее ограбление. Что стояло на первом месте: то ли идейное несогласие и отрицание религии, то ли стремление за счет церкви пополнить государственную казну и личные карманы, сказать трудно. Скорее всего, и то и другое одновременно. В целях скорейшего отвращения поголовно верующего народа от церкви, старых порядков и старого мировоззрения, большевики реформировали календарь и русский язык. Переход в 1918 г. на григорианский календарь сдвинул все даты вперед на 11 дней. Например, до 1918 г. Рождество Христово в России отмечали вместе с Европой 25 декабря. С введением нового календаря все старые праздники не только сдвинулись, но просто исчезли из календаря, а вместо них появились новые, что запутывало людей и постепенно приводило к забвению вековых традиций. Целью введения нового ка-

¹ Цит. по: *Успенский Б. А. Этюды о русской истории.* СПб., 2002. С. 313–314.

лендаря можно считать стремление большевистской власти изгладить из народной памяти все, что связывало народ со старым образом жизни. Не меньший удар по народному самосознанию нанесла реформа русского языка, проведенная также в 1918 г. Под видом модернизации языка, сближения его с европейскими (кстати похожая аргументация была и у патриарха Никона в XVII в.) и т. д. большевики изменили старый славянский алфавит на новый, нарушив его философию. Старый алфавит начинался с буквы «аз», которой обозначалось не только начало чего-либо, но и местоимение «я». Таким образом, старый алфавит ставил, хотя бы лингвистически, а значит и ментально на первое место человека, кем бы он ни был¹. Только воспитанный на таком алфавите писатель мог сказать «Человек — это звучит гордо», поскольку человек был «Аз». Обозначив местоимение «я» буквой «я» и поставив ее последней в алфавите, в испadaющей части старого, буквами которой раньше выражался смысл-назидание — «безродный, пустой, мразь конченная, утробная тварь, шваль суетная, воры, пьянюги, еретики, враги, примите долю горькую, изгнанниками измаетесь, изловят, свяжут, заточат в темнице, казнят»², большевики вольно или невольно сравнивали народ с преступниками, с одной стороны, а с другой, — стали растаптывать де-факто личность человека, что нашло отражение во фразе «я — последняя буква в алфавите», которую говорили человеку, если он, по чьему-то мнению, начинал ставить себя выше остальных. Подспудным отражением философии нового русского алфавита и языка стали выражения «один в поле не воин», «кадры (заметьте, во мн. ч. — А. Л.) решают все» и т. п., принижающие личность человека и превозносящие коллектив. Как и раньше, раскол в общественное сознание внесла государственная власть.

Четвертым, но, видимо, не последним расколом в российском обществе стали горбачевская перестройка и реформы 90-х гг. XX в. Его можно назвать «расколом наоборот», поскольку в ходе этих реформ происходила реставрация некоторых до-революционных (до 1917 г.) порядков. Если на протяжении всей советской истории народу вдалбливали, что рынок — это капитализм, который ведет к эксплуатации человека человеком, то с принятием законов «О кооперации» в 1988 г. и «О предприятиях и предпринимательской деятельности» в 1989 г. гражданам предоставлялась возможность заниматься бизнесом, т. е. самим создавать рыночные отношения. Если 70 лет проводилась дехристианизация населения, то теперь в плановом порядке начали возвращать церквам и монастырям некогда принадлежавшие им здания, земли и культурные ценности, а высшие должностные лица страны и миллионы бывших членов КПСС стали публично креститься и посещать храмы. Вернулся герб в виде двуглавого орла и трехцветный флаг Временного правительства. По сути, в страну вернулась монархия образца 1905–1917 гг. или советских времен, в которой

¹ Автор отнюдь не хочет сказать, что и в действительности человек стоял на первом месте. На протяжении всей истории нашей страны не только отдельный человек, но даже огромные массы людей никогда не стояли на первом месте, а служили лишь средством для удовлетворения потребностей власти и ее политики. Лишь небольшой отрезок времени приблизительно с 1965 по 1980 г. власть стала поворачиваться лицом к народу и решать некоторые социальные проблемы.

² См. подробнее: *Зиновьев А.* Тайнопись кириллицы. Владимир, 1998. С. 62.

президент (в те времена император или генеральный секретарь ЦК КПСС) решает все, хотя в Конституции провозглашена демократия и действуют представительные органы власти на всех уровнях. Существенным отличием четвертого раскола от предшествующих стало сопровождение идейно-духовных расхождений разжиганием национальных страстей, особенно в литературно-публицистической полемике, которая велась отечественной интеллигенцией на страницах журналов и газет с середины 1980-х гг. Экономическая ситуация конца 1980-х — начала 1990-х гг., развал СССР, идейные и национальные потрясения вылились в массовый «исход» граждан из СССР (России), но уже не в Сибирь, как в Средние века, а в Европу, США и на историческую родину, чему в огромной мере способствовала отмена всяких ограничений на выезд из СССР в конце 80-х гг. Уезжали, безусловно, не только евреи, но и русские, прибалты, украинцы и народы из других республик: кто-то за «свободой», кто-то за длинным рублем, кто-то по идейным или иным соображениям. В целом же по количеству «исход» рубежа 90-х гг. сопоставим с «исходом» начала 20-х гг. XX в., т. е. это миллионы граждан.

Даже приведенный беглый обзор русских расколов позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, в истории нашего государства можно выделить минимум четыре крупных идейно-духовных раскола, которые коренным образом изменили жизнь миллионов людей. Во-вторых, расколы всегда инспирировались государством, осуществлялись с помощью насилия и связаны с христианством. В-третьих, расколы способствовали зарождению и развитию лицемерия, которое стало родимым пятном нашего общества. В-четвертых, реставрация духовных порядков в результате четвертого раскола свела на нет 70 лет идейной жизни российского общества в XX в. И, в-пятых, все расколы приводили к исходу части населения в необжитые районы страны или за границу.

Ю. М. Мальцев

**К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ
В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
(НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРОФИЛАКТИКИ
ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ, УКРЕПЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ
В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА 2006–2010 гг.
(ПРОГРАММА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»))**

Изменившийся за последнее десятилетие в связи с интенсивными миграционными потоками состав населения Санкт-Петербурга, характерная для города высокая концентрация различных этнокультурных явлений, с одной стороны, определяют состояние социально-психологического дискомфорта жителей, а с другой, являются условием успешного развития города-мегаполиса. Исторически обоснованная, характерная для этносоциальной структуры города практика поддержания традиций добрососедства и сотрудничества разных наций и народностей, сохранения принципов толерантности и веротерпимости помо-

гают предупреждать конфликты на этнической почве и сохранять гражданское общество.

Одной из реализуемых в Санкт-Петербурге социальных технологий по предупреждению этнических конфликтов является деятельность, связанная с построением полиэтнической образовательной среды. Данный тип образовательной среды понимается исследователями как «часть образовательной среды какого-либо учебного заведения, представляющая собой совокупность условий, влияющих на формирование личности, готовой к эффективному межэтническому взаимодействию, сохраняющей свою этническую идентичность и стремящейся к пониманию других этнокультур, уважающей иноэтнические общности, умеющей жить в мире и согласии с представителями разных национальностей» [1, с. 24].

Таким образом, условием для построения полиэтнической образовательной среды является наличие социальных технологий, связанных с предупреждением этнической интолерантности и распространения межэтнического экстремизма.

Не менее значимым условием реализации задачи построения полиэтнической образовательной среды становится деятельность по предупреждению культурной депривации [2, с. 38], т. е. субъективного переживания субъектом потери личной связи с «материнскими» этническими традициями, которое может привести к развитию внутреннего конфликта субъекта этноса-мигранта и выступить в качестве конфликтогенного фактора для развития этнического конфликта на уровне социальных групп.

В качестве еще одного условия построения полиэтнической образовательной среды выделяется наличие языка-посредника [3, с. 7]. В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации» «государственным языком Российской Федерации на всей ее территории является русский язык» [4]. Однако исследователями замечено, что в настоящее время представители трудовых мигрантов, в частности, выходцы из стран Средней Азии, в основном не владеют русским языком на уровне, необходимом для адаптации на территории Российской Федерации, что объясняется особенностями системы образования в странах бывшего СССР, и это обстоятельство также становится еще одним конфликтогенным фактором.

Одной из социальных технологий по предупреждению актуализации выше-названных конфликтогенных факторов является разработанная Правительством Санкт-Петербурга «Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 гг. (Программа «Толерантность»)». Главной целью данной Программы является укрепление в Санкт-Петербурге толерантной среды на основе ценностей многонационального российского общества, общероссийской гражданской идентичности и петербургского культурного самосознания, принципов соблюдения прав и свобод человека.

Для достижения указанной цели предполагается решение ряда задач: выявление и преодоление негативных тенденций, тормозящих устойчивое социальное и культурное развитие Санкт-Петербурга и находящихся свое проявление в фактах межэтнической и межконфессиональной интолерантности; формирование позитивных ценностей и установок на уважение, принятие и понимание богатого многообразия культур народов, их традиций и этнических ценностей посредством действий,

связанных с формированием этнической толерантности и правовой культуры горожан.

Реализация указанных целей и задач предполагает участие образовательных, научных учреждений, учреждений культуры, силовых структур, муниципальных образований, общественных организаций, средств массовой информации, вузов, школ в работе в том числе над следующими направлениями:

1. Воспитание культуры толерантности через систему образования.

По материалам отчетов о выполнении программы [5], в системе образования Санкт-Петербурга в 2008 г. проведено около 1000 разноплановых, многоуровневых мероприятий, разработана серьезная методическая база. В частности, силами ученых Санкт-Петербурга создан комплект информационно-справочных материалов «Этнокалендарь Санкт-Петербурга», доставленный во все 814 образовательных учреждений города. По материалам информационной справки Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга, многочисленные исследования и мониторинги подтверждают эффективность использования данных материалов в учебно-воспитательном процессе и их востребованность в педагогической среде, т. к. из них учащиеся узнают о роли и вкладе различных этносов в развитии нашей страны [6]. В свою очередь, эта просветительская деятельность является необходимым условием для формирования этнической толерантности.

С 2007 г. в школах проходит фестиваль для старшеклассников «Культурной столице — культуру мира», в 2008 г. охвативший 9 районов города. В 2009 г. фестиваль стал общегородским мероприятием.

Учреждениями по работе с молодежью (молодежными клубами и центрами) активизирована деятельность по формированию негативного отношения к националистическим группировкам, в связи с чем, по данным вышеназванной информационной справки, за время реализации программы среди молодежи вдвое сократилось количество преступлений, совершенных на почве межнациональных конфликтов.

2. Развитие толерантной среды Санкт-Петербурга средствами массовой информации.

Для реализации задач по созданию единого информационного пространства с целью распространения идей толерантности создана концепция социальной рекламы под общим названием «Петербург: обычаи, нравы, традиции». По заказу Комитета по внешним связям было издано пособие по основам корректного освещения этнического многообразия российского общества в средствах массовой информации — «Журналисту о толерантности». Активно используются возможности Интернета, в частности, в ноябре 2008 г. создан специализированный интернет-сайт Программы «Толерантность», где размещается оперативная информация о деятельности комитетов и районных администраций, данные социологических исследований, публикуются мнения экспертной группы, проводятся он-лайн конференции. Подобная информационная работа дает положительные результаты в виде уровня осведомленности населения города (в том числе, и субъектов полиэтнической образовательной среды) о принципах программы «Толерантность»: по данным «Информационной справки о программе Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность», они известны в той или иной степени почти 30% горожан (около 1,5 млн человек).

Широкое информационное освещение мероприятий в рамках реализации Программы может оказать непосредственное влияние на процесс преобразования

образовательного учреждения в полиэтническую образовательную среду. Во-первых, из сообщений СМИ и интернет-сайтов образовательное учреждение может получать информацию о потенциальных социальных партнерах, в качестве которых могут выступать, к примеру, национально-культурные объединения, ассоциации, землячества и т. д. Во-вторых, концепция современного образования предполагает открытость и прозрачность педагогических действий, т. о., информирование посредством СМИ о реализуемых образовательным учреждением программах и проводимых мероприятиях в рамках программы «Толерантность» является одним из условий формирования положительного общественного мнения, а, следовательно, может привести к повышению эффективности действий по формированию этнической толерантности.

3. Содействие адаптации и интеграции мигрантов в культурное и социальное пространство Санкт-Петербурга.

Для снижения дискомфорта петербуржцев, связанного с присутствием в городе мигрантов, необходимы четкие действия по интеграции мигрантов в существующую социокультурную среду города, поэтому в январе 2009 г. Губернатор Санкт-Петербурга В. И. Матвиенко утвердила План мероприятий по реализации государственной миграционной политики в Санкт-Петербурге на 2009–2011 гг., предполагающий работу над социальной адаптацией мигрантов к правовым, социальным нормам и ценностям в условиях жизни в мегаполисе.

Таким образом, участие образовательного учреждения в реализации цели, задач и направлений деятельности, предусмотренных программой «Толерантность», позволяет предупредить такие конфликтогенные факторы, как этническая интолерантность и отсутствие единого социокультурного (в частности, языкового) пространства.

Тем не менее, несмотря на положительные результаты работы над реализацией программы «Толерантность», а, следовательно, над предупреждением актуализации конфликтогенных факторов в условиях полиэтнической образовательной среды, необходимо отметить, что предусмотренные программой механизмы социального управления не решают проблемы актуализации такого конфликтогенного фактора, как формирование культурной депривации.

По нашему мнению, для успешной работы в данном направлении образовательным учреждениям города необходимо сотрудничество с социальными партнерами, в частности, с Санкт-Петербургским государственным учреждением «Санкт-Петербургский Дом национальностей», основанным в 2005 г. согласно распоряжению Правительства Санкт-Петербурга № 1158 от 02.08.2005 г., а также с национально-культурными объединениями, представляющими правовые и культурные интересы этносов, проживающих в городе. Подобное сотрудничество с социальными партнерами позволит образовательному учреждению организовать помощь учащемуся по его включенности в общественную деятельность того или иного национального объединения, что, на наш взгляд, способствует снижению депривации и формированию статусной самооценки учащегося как субъекта материнского этноса.

Только работа над обоими направлениями (реализация принципов программы «Толерантность» и построение системы социального партнерства) обеспечит полноту управленческих действий по предупреждению актуализации всех заявленных в статье конфликтогенных факторов.

Литература

1. *Поштарева Т. В.* Формирование этнокультурной компетентности учащихся в полиэтнической образовательной среде: автореф. дис. Владикавказ. 2009.
2. Гуманитарные технологии в полиэтнической образовательной среде: предупреждение культурной депривации / под ред. Л. Н. Бережновой, В. И. Богословского. СПб., 2007.
3. *Атаев Б. М.* Русский язык и языки народов Дагестана: особенности функционирования в полиэтнической среде // Вестник ВЭГУ. 2009. № 4.
4. Российская газета. 7 июня 2005 г.
5. Отчет о выполнении постановления Правительства Санкт-Петербурга от 11.07.2006 г. № 848 «О Программе гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 г. (программа «Толерантность»)» по линии Комитета по образованию в первом квартале 2009 г.; Аналитический отчет о реализации исполнительными органами государственной власти Санкт-Петербурга «Программы гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006–2010 г. (Программа «Толерантность») за 2008 г. // <http://k-obr.spb.ru/page/229>.
6. Информационная справка о программе Правительства Санкт-Петербурга «Толерантность» // <http://www.kvs.spb.ru/userfiles/file/Spravka%20tolerancepdf.pdf>.

Я. А. Маргулян

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

Проблемы личности, ее места и роли в системе социальных отношений, обеспечения личной безопасности гражданина в условиях мирового финансово-экономического кризиса, взаимосвязи безопасности личности, общества и государства являются ключевыми как в социологических работах, так и в современной общественной мысли. Причем в начале XXI в. в философских, социологических, политологических и других исследованиях все в большей степени проявляется персоналистическая нота, связанная с переходом от принципов «массовизации» и «плеядности» к принципам «монадности» и «индивидуализации». Такой подход обусловлен сменой идеологических парадигм, пониманием значимости личностного фактора в ходе общественного прогресса и цивилизационного развития.

Развитие человека непосредственно связано с обеспечением его безопасности, поскольку последняя затрагивает все стороны деятельности каждого гражданина, влияет на практическую реализацию его конституционных прав и свобод. Не случайно проблема безопасности личности получила статус одной из важнейших в глобальном масштабе, в том числе в докладах ООН и конституциях ведущих демократических государств мира.

Безопасность личности трудно отделить от безопасности государства и общества — это взаимосвязанные и взаимообусловленные понятия. Однако именно безопасность личности, т. е. обеспечение нормальных условий ее жизнедеятельности, соблюдение прав и свобод, является тем краеугольным основанием, который обеспечивает всю систему национальной безопасности, т. к. вне безопасности личности невозможно себе представить безопасность государства или гражданского общества. «Уж так печется человеческая природа о сохранении свободы той области,

что включает в себе достоинства человека, — замечал Дж. Локк, — подавив которое, вы обратили бы его в существо, мало чем отличное от скота» [1, с. 84].

В контексте обеспечения социальной безопасности личность, как ее основной субъект, активно и целенаправленно воздействует на природную и социальную действительность с помощью полученных знаний, накопленного жизненного опыта, определенных личностных качеств, сформированных в процессе социализации. Это позволяет человеку: правильно ориентироваться и профессионально действовать в различных ситуациях, представляющих для него или других людей опасности и угрозы; иметь практические навыки и умения по реализации вопросов, связанных с защитой его профессиональной деятельности; знать различные аспекты проблемы обеспечения личной и общественной безопасности; активно влиять на процесс социализации других людей, обеспечивая им нормальные условия для организации процесса обучения и воспитания.

Учитывая, что основная цель и назначение социальной безопасности — создание условий для развития человека, защита его здоровья, благосостояния, образа жизни, прав и свобод, правомерно утверждать, что личность является основным объектом обеспечения социальной безопасности. Ее реализация непосредственно связана с основными элементами социальной сферы: социальной структурой общества, социальными интересами, ценностями, нормами и отношениями, складывающимися в процессе взаимодействия людей, их образом жизни, социальной инфраструктурой, институтами социального управления.

Безопасность личности непосредственно связана с безопасностью общества и государства, поскольку внутренние и внешние опасности, угрожающие обществу и государству, во многих случаях представляют собой опасности и угрозы для личности. Так, по данным социологического опроса, проведенного учеными института социально-политических исследований РАН, свыше 90% россиян считают, что их личная безопасность в условиях мирового финансово-экономического кризиса не обеспечена.

Вместе с тем личность как объект и субъект социальной безопасности подвержена определенным реальным или гипотетическим опасностям и угрозам, характерным непосредственно для нее. К таким опасностям и угрозам относятся: лишение жизни, здоровья, дееспособности; насильственное разрушение сложившегося и навязывание чуждого мировоззрения; манипулирование сознанием и поведением; нравственное разращение и физическое рабление; лишение гражданской автономности в политических, идеологических и общественных делах; ограничение или лишение международно-признанных прав и свобод; насильственное подчинение преступным группировкам и делам; использование одного человека другим как средства обогащения; формирование конформизма и покорности любым политическим порядкам и режимам; подавление чувства солидарности и готовности оказывать помощь другим индивидам, которым грозят опасности и беды [2].

Существенное влияние на безопасность личности оказывают социальные деформации: недооценка или искажение нравственных ценностей, социальных норм и приоритетов, утрата самоуважения и человеческого достоинства, появление у людей комплекса неполноценности при выполнении не свойственных им социальных ролей, возникновение разнообразных фобий (навязчивых страхов), социальной шизофрении (мании подозрительности, недоверия, враждебности, агрессивности).

Усиление социальных деформаций вызывает снижение уровня личной безопасности граждан и, в конечном итоге, приводит к снижению инициативы и творчества людей, к апатии и пассивности при решении проблем жизнедеятельности, всесторонней деградации личности и, следовательно, всего общества. Э. Фромм отмечал, что общество только тогда функционирует эффективно, когда «его члены достигают такого типа поведения, при котором они хотят действовать так, как они должны действовать в качестве членов данного общества. Они должны желать делать то, что объективно необходимо для общества» [3, р. 380—384].

Поскольку люди в своем большинстве любят стабильность больше, чем перемены, то переходные периоды, приводящие к социальным деформациям, вызывают у них чувство настороженности и дискомфорта. Подавляющее большинство ученых правомерно считают, что пока такой период не минует, решение основных смысловых проблем равнозначно для общества решению проблемы выживания. Поэтому, важное значение имеет не только научный анализ причин и характера возникновения и функционирования социальных деформаций в обществе, но и определение основных направлений их преодоления и обеспечения безопасности личности.

Механизм преодоления социальных деформаций включает множество различных составляющих. Он невозможен без экономического подъема страны, стабилизации политической системы общества, повышения качества жизни населения, ликвидации межнациональных конфликтов и войн на территории государства, укрепления законодательной базы, принятия комплекса законов, реально защищающих права и свободы граждан и предусматривающих суровое наказание за преступления против них, формирования национальной идеологии, направленной на сплочение российского общества на основе идей государственности, патриотизма, гуманизма, значимости культурных и национальных ценностей, исторических традиций, норм и правил, уважения человеческой личности, ее жизни, чести и достоинства.

Вместе с тем значительное влияние на преодоление деформаций оказывают, на наш взгляд, изменения социальных условий жизнедеятельности людей. Эти изменения должны осуществляться по следующим приоритетным направлениям: повышение жизненного уровня людей, улучшение их здоровья, образа жизни и условий существования; создание и осуществление комплексной государственной социальной программы, направленной на снижение антагонистических противоречий в социальной структуре общества, укрепление ее социальной инфраструктуры, усиление борьбы с проявлениями девиантного и делинквентного поведения; формирование государством и обществом уважения к жизни, чести, имуществу граждан; повышение социального статуса личности в обществе, формирование условий для усиления ее социальной активности; социальная защита граждан, недопущение нарушений прав и свобод личности; повышение уровня социально-психологической и профессиональной компетентности управленческих кадров при организации социальной работы с населением, реализации социальной политики государства; усиление роли государственных органов и общественных организаций в процессе социализации людей: повышения их образовательного, нравственного и общекультурного уровня, выработки умения не навлекать на себя опасности, а в случае необходимости, эффективно защищать себя, свою семью, общество и государство;

привлечения к решению социальных вопросов негосударственных общественных организаций и фондов, развитие в стране благотворительности.

Таким образом, безопасность личности представляет собой определенное состояние человека, обеспеченное благоприятными материальными и духовными условиями его развития и функциональной деятельности, защитой жизни и здоровья, благосостоянием, законными правами и свободами. Это достигается с помощью совокупности мер, предпринимаемых государством, обществом, гражданами по выявлению, предупреждению и устранению социальных деформаций личности, уменьшению или ликвидации внутренних и внешних опасностей и угроз (физических, духовных, информационных, этнокультурных, социальных, экономических, техногенных, политических, экологических, медико-биологических, военных и т. д.).

Литература

1. Локк Дж. Соч. М., 1988. Т. 3. С. 84.
2. Серебрянников В. В., Дерюгин Ю. И., Ефимов Н. Н., Ковалев В. И. Безопасность России и армия. М., 1995.
3. Fromm E. Individual and social origins of neurosis // American Sociological Revue. 1944. № 9.

Г. Б. Монаха

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Интенсивная приватизация, развернувшаяся в нашей стране в начале 90-х гг. XX в., привела к системной трансформации экономики и рынка труда. За сравнительно короткий срок в России появилось множество коммерческих организаций, численность персонала которых постепенно возрастает. Особенно интенсивный рост количества коммерческих организаций наблюдается в таких отраслях, как торговля, финансы и кредит, страхование, здравоохранение, образование.

В условиях рыночной экономики и жесткой конкуренции деятельность сотрудников коммерческой организации характеризуется высокой эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью, необходимостью быстрого реагирования на изменения, происходящие на рынке товаров и услуг [1; 11 и др.]. Она протекает в условиях постоянной нервно-психической напряженности, стресса и требует максимальной мобилизации адаптационного потенциала личности.

Одним из негативных последствий столкновения личности со столь сложными условиями современной жизни становится возникновение синдрома эмоционального выгорания. Он относится к числу феноменов личностной деформации и представляет собой многомерный конструкт, набор негативных и психологических переживаний, связанных с продолжительными и интенсивными межличностными взаимодействиями, отличающимися высокой эмоциональной насыщенностью или когнитивной сложностью. Это ответная реакция на продолжительные стрессы межличностных коммуникаций [4]. В психологической литературе отмечается, что данный феномен, являющийся ярким отражением современной жизнедеятельности человека, широко распространен среди сотрудников коммерческих предприятий и организаций [5; 6; 12 и др.].

Установлено, что особенно часто синдром выгорания развивается у специалистов, «помогающих» профессий (воспитателей, учителей, медицинских сестер, врачей, социальных работников), у тех, кто работает в сфере услуг и управления в коммерческой сфере (менеджеры, продавцы, официанты, специалисты салонов красоты). Все ситуации рабочего (делового) общения, отягощенные высокой ответственностью за людей (клиентов), сопровождающиеся высокой эмоциональной и интеллектуальной напряженностью, становятся фактором риска эмоционального выгорания сотрудников.

Психологическая специфика стресса зависит как от внешних воздействий, хотя они и должны быть достаточно сильными для человека, так и от личного смысла цели деятельности, оценки ситуации, в которой он находится. Поэтому и трудовая деятельность, и та или иная производственная ситуация могут выступать не столько причиной, сколько поводом для возникновения стрессового состояния работников. При этом истинные причины стресса скрыты в личностных особенностях человека: его мировоззрении и установках, потребностях, мотивах и целях, стереотипах восприятия, позициях в межличностном взаимодействии, особенностях стрессоустойчивости или внутриличностной динамики [7].

Ухудшение экономического положения в стране вызывает снижение внимания к проблемам управления персоналом, и в конечном итоге приводит к сокращению выделяемых средств на обеспечение достойных условий труда. Все это не может не приводить к снижению уровня работоспособности; потери времени из-за заболеваемости и травматизма; к избыточной текучести кадров, обусловленной чрезмерной интенсивностью труда и к возникновению синдрома эмоционального выгорания.

Кадры, которыми располагает организация, представляют собой важную часть ее реального капитала. Профессионально подготовленный персонал с достаточным уровнем стрессоустойчивости (и работоспособности) даже при неблагоприятных внешних условиях способен минимизировать действие отрицательных факторов и добиваться успешных результатов в работе. Отлаженная работа с персоналом становится средством повышения конкурентоспособности, а порой — средством выживания организации на рынке услуг. Поэтому многие современные коммерческие организации вкладывают значительные средства в формирование и развитие человеческого капитала. С этим, в частности, связаны рост спроса на консультационные, рекрутинговые и тренинговые услуги, на услуги по оценке персонала, а также появление в крупных коммерческих организациях таких «узких» специалистов по работе с персоналом, как «менеджер по развитию персонала», «специалист по обучению персонала» [1].

В связи с этим особую актуальность приобретает проблема выявления факторов, влияющих на эмоциональное выгорание сотрудников коммерческих организаций, т. к. четкое представление о них позволит разрабатывать программы профилактики и ранней диагностики этого дезадапционного явления.

Интерес к синдрому выгорания обусловлен тем, что этот синдром — непосредственное проявление всевозрастающих проблем, связанных с самочувствием работников, эффективностью их труда и стабильностью деловой жизни организации. Синдром эмоционального выгорания (СЭВ) — это реакция организма, возникающая вследствие продолжительного воздействия профессиональных стрессов средней интенсивности.

Наиболее полно психологами изучены внешние факторы выгорания, обусловленные организационным контекстом, в котором протекает деятельность менеджера [3; 4; 12].

Проблема личностных факторов эмоционального выгорания сотрудников коммерческой организации не являлась предметом специального научного исследования. Представленный в немногочисленных публикациях [2; 3; 5; 6] перечень личностных характеристик, которые могут инициировать процесс эмоционального выгорания у данной профессиональной группы, является неполным и недостаточно определенным.

Некомпетентность руководителей коммерческих организаций в вопросе, связанном с синдромом эмоционального выгорания, приводит к тому, что они сталкиваются с кадровыми проблемами: происходит большая текучесть кадров, следствием которой является потеря прибыли. Руководство компаний возлагают ответственность за выгорание на своих сотрудников. Работодатели полагают, что если сотрудник «сгорел на работе»: у него нет прежней энергии и качество работы хуже, то причины этого кроются исключительно в его личности. Следовательно, такого человека следует уволить и найти ему «свежую» замену.

Таким образом, назрела необходимость исследований по выявлению факторов эмоционального выгорания коммерческих организаций, которые будут способствовать более полному пониманию взаимосвязи личностных факторов на уровень эмоционального выгорания, а также позволят снизить риск возникновения выгорания у сотрудников коммерческих организаций.

Целью нашего исследования стало выявление психологических особенностей эмоционального выгорания у сотрудников коммерческой организации. В исследовании приняли участие 134 сотрудника.

Рассматривая эмоциональное выгорание как выработанный личностью механизм психологической защиты в форме полного или частичного исключения эмоций в ответ на избранные психотравмирующие воздействия, а так же как приобретенный стереотип эмоционального, чаще всего профессионального, поведения, как функциональный стереотип, мы пришли к необходимости исследовать особенности проявлений эмоционального выгорания у лиц разного пола, профессиональной направленности, с разным уровнем интеллекта и эмоциональной стабильности.

На основании результатов исследования можно сделать ряд выводов:

1. Все принимавшие участие в исследовании сотрудники в той или иной степени подвержены эмоциональному выгоранию. Его проявления приближаются к высокому уровню стресса. однако в большей степени эмоциональному выгоранию подвержены женщины. При этом у испытуемых профессиональной направленностью «человек-машина» эмоциональное выгорание проявляется в меньшей степени. высокий уровень интеллекта, напротив, увеличивает степень выраженности эмоционального выгорания. Но при наличии эмоционального выгорания люди с высоким интеллектом не склонны хуже выполнять свои профессиональные обязанности.

2. Наличие тревожности увеличивает риск эмоционального выгорания, а такие личностные свойства, как «низкая нормативность поведения», «доверчивость», консерватизм, практичность и замкнутость снижают уровень выраженности эмоционального выгорания.

3. Выделен фактор, содержащий психологические симптомы, характеризующие процессы эмоционального выгорания: переживание хронического стресса, а

также стадии стресса (напряженность, резистенция и истощение), эмоциональный дефицит, тревога, депрессия, тип А поведения, редукция профессиональных обязанностей. В выделенный фактор с большим весом вошел и общий индекс стресса ИДИКС.

4. Признаки эмоционального выгорания связаны со всеми тремя фазами сформированности стресса: напряжения, резистенции и истощения. В свою очередь, эмоциональный дефицит связан с деформациями личности, поведения и поведенческими риск-факторами. А чувство загнанности в клетку связано с тревогами, депрессиями, поведением типа А и социальными конфликтами.

Полученные в ходе исследования данные могут быть использованы практическими психологами при работе со столь актуальной проблемой, как эмоциональное выгорание сотрудников предприятия. Также результаты исследования могут быть использованы службами персонала коммерческих организаций в целях улучшения психологического здоровья сотрудников и повышения эффективности их профессиональной деятельности.

Литература

1. *Бахтаилов А. В.* Комплексная оценка управленческого персонала в системе кадрового обеспечения. Дис. ... канд. экон. наук. Иркутск, 2002.
2. *Бойко В. В.* Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. СПб., 1999.
3. *Водопьянова Н. Е.* Синдром «выгорания» в профессиях системы «человек-человек» // Практикум по психологии менеджмента и профессиональной деятельности / под ред. Г. С. Никифорова, М. А. Дмитриевой, В. М. Снеткова. СПб., 2001.
4. *Водопьянова Н. Е.* Профессиональное выгорание и ресурсы его преодоления // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2003.
5. *Вудкок М., Френсис Д.* Раскрепощенный менеджер. М., 1991.
6. *Гринберг Дж.* Управление стрессом. М.; СПб., 2002.
7. *Куликов Л. В.* Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2000.
8. *Монина Г. Б., Раннала Н. В.* Тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». СПб., 2009.
9. *Леонова А. Б.* Основные подходы к изучению профессионального стресса // Вестник психосоциальной и коррекционно-реабилитационной работы. 2001. № 11.
10. *Никифоров Г. С.* Психология здоровья. СПб., 2002.
11. *Постылякова Ю. В.* Ресурсы совладания со стрессом в разных видах профессиональной деятельности // Психологический журнал. 2005. Т. 26. С. 35–43.
12. *Самоукина Н. В.* Психология оптимизма. М., 2002.
13. *Шербатых Ю. В.* Психология стресса и методы его коррекции. СПб., 2006.

Е. Г. Олейникова

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

Конец первого десятилетия XXI в. ознаменован мировым экономическим кризисом. В результате социальные проблемы вновь приобретают чрезвычайную остроту даже в странах, уже несколько десятилетий стабильно занимающих первые позиции мирового рейтинга качества жизни населения. Перед «государствами

всеобщего благосостояния», «социальными государствами» в сложных экономических условиях встала задача сохранения основных приоритетов своей внутренней политики. В еще более трудном положении находятся страны, которые переживают процесс становления модели социального государства.

В Российской Федерации в течение последних 20 лет произошли коренные перемены парадигмы социальной политики. В конце 1980-х — 1990-е гг. — отказ от государственного патернализма в социальной сфере и переход к монетаристскому курсу, означавшему в наших условиях фактически полный отказ государства от ответственности за негативные последствия стремительных рыночных реформ и шоковой терапии. Одновременно Конституция Российской Федерации, принятая в 1993 г., провозгласила Россию социальным государством. Однако практически никаких реальных шагов, не говоря уже о стратегии построения этой модели, в 1990-е гг. не осуществлялось. В эти же годы в отечественной науке проявилась тенденция упрощенного понимания социальной политики, вплоть до отождествления ее исключительно с государственной помощью отдельным, наименее защищенным слоям населения. Опыт государств «всеобщего благосостояния» исследовался рядом отечественных ученых, но вопрос о его практическом применении не нашел решения на уровне формирования государственной социальной политики.

В начале нового тысячелетия очевиден поворот, связанный с осознанием глубины социальной пропасти, в которой оказалась страна. Социальные аспекты в политике государства выходят на первый план. Ставятся задачи борьбы с бедностью, улучшения демографической ситуации; стартуют приоритетные национальные проекты, направленные на решение самых насущных проблем, касающихся каждого россиянина — продовольственной безопасности, охраны здоровья, возможности приобрести жилье и качественное образование. Таким образом, сделаны первые шаги в реализации конституционной нормы «Россия — социальное государство», хотя целостная концепция такого государства применительно к нашей стране пока еще до конца не сформирована. Научное осмысление социальной политики в новых рыночных условиях приводит исследователей к расширенному ее пониманию, в частности, как системы целенаправленных государственных мероприятий по регулированию отношений между различными социальными группами населения в части повышения общественного благосостояния, улучшения качества и уровня жизни, рационального использования трудового потенциала и на этой основе роста эффективности функционирования экономики страны [1]. По нашему мнению, социальную политику в условиях постиндустриального общества следует понимать как комплексную, многогранную деятельность государства, осуществляемую им в процессе управления социальным развитием общества [2, с. 5].

В последние годы отечественная политическая наука исходит из того, что анализ социального государства возможен на трех базовых уровнях:

- концептуальном (идея и ее развитие в целом ряде научных направлений);
- нормативном (принципы, закрепленные в Основных законах многих государств);
- эмпирическом (практика деятельности государственных институтов по осуществлению эффективной социальной политики) [3, с. 6; 4, с. 10].

Исследование феномена социального государства на концептуальном уровне предполагает: научное осмысление его понятия и основных признаков, выделение этапов его становления, анализ различных его моделей; прогноз перспектив его идейного развития.

Введение в научный оборот термина «социальное государство» осуществил немецкий экономист и государствовед Лоренц фон Штейн в 50-е гг. XIX в. В его понимании социальное государство «обязано поддерживать абсолютное равенство в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти. Оно обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо, в конечном счете, развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве» [5]. Таким образом, в качестве отличительного принципа социального государства выделялась его направленность на создание достойного уровня жизни всем гражданам и социальным группам.

В XX в. особенностью генезиса научных представлений о социальном государстве явилась тесная связь теоретических исследований и практических шагов, предпринимаемых рядом стран в их внутренней политике. Экономической основой социального государства многие ученые и практики признали особый строй — социально ориентированную рыночную экономику, которая предполагает синтез экономической свободы и государственного регулирования. Данный термин был введен в научный оборот в 1947 г. сподвижником Л. Эрхарда, немецким экономистом А. Мюллером-Армаком. Сам Людвиг Эрхард в своих реформах по возрождению послевоенной Германии придерживался базового принципа социального государства — «благополучие для всех». В качестве неотъемлемых элементов нового социально-экономического порядка он выделял:

- создание социальной структуры с массовой покупательной способностью всех слоев населения;
- обязанность государства через управление процессами конкуренции и использования личного стремления каждого к трудовым достижениям обеспечить всем трудящимся соответственно росту производительности постоянное повышение заработной платы;
- преодоление неприязни между богатыми и бедными путем обеспечения благополучия для всех.

По мнению Л. Эрхарда, политика государственного невмешательства в социально-экономические процессы неприемлема для демократического общества: «Самоустранение от дел свободного государства, такого, как наше, подрывает его строй и только открывает дорогу для элементов, которые позволяют себе забыть об общих интересах, воплощенных в государстве, и думать о себе и о собственных своекорыстных интересах» [6, с. 569].

Исследование феномена социального государства в России началось сравнительно недавно — в 90-е гг. XX в. Западная традиция пристального внимания к экономическим основам «социальности» государства поддерживается многими авторами. К примеру, по мнению П. К. Гончарова, «успешное функционирование социального государства возможно лишь на основе высокоразвитой экономики, которая должна быть эффективной, социально ориентированной, служащей интересам всех слоев общества» [7, с. 51].

Ряд российских ученых подчеркивают ярко выраженный политический характер социального государства, что означает сознательное взятие властью на себя социальных обязательств по созданию достойных условий жизни и развития граждан в целях сохранения социальной и политической стабильности [8, с. 41].

По нашему мнению, обеспечить социальный характер государства в современных условиях возможно исключительно на базе комплекса высокоразвитой рыночной экономики и политической демократии. В политике социального государства можно выделить следующие приоритеты, делающие его таковым.

1. Поощрение плюрализма и состязательности различных форм собственности (частной, государственной, коллективной) ради предотвращения монополизации с ее негативными социально-экономическими последствиями.

2. Государственное участие в нормализации отношений работодателей и наемных работников, трипартизм — трехсторонняя система социального партнерства (работодатель — наемный работник — государство).

3. Курс государства на обеспечение всеобщей занятости.

4. Налоговая политика, которая предусматривает частичное перераспределение доходов с целью поддержки малоимущих слоев населения и предотвращения социально опасного уровня имущественного расслоения.

5. Государственные программы социального страхования, охватывающие подавляющее большинство населения.

6. Эффективная система социальной защиты и обеспечения неконкурентоспособных в условиях рынка слоев населения.

7. Демократические принципы в основе функционирования политической системы, защита прав человека, прежде всего его права на труд и достойный образ жизни.

В настоящее время негативное влияние экономического кризиса и посткризисной депрессии на социальную ситуацию в России очевидно. В результате кризиса обострились многие социальные проблемы населения. По данным Росстата, в 2009 г. реальные цены возросли в среднем на 25%, тарифы на услуги ЖКХ — на 19,4%, а доходы населения увеличились всего на 1,1%. К началу 2010 г. 15% россиян жили за чертой бедности [9, с. 16].

Правительством Российской Федерации избрана стратегия выхода из кризиса, ориентированная на первоочередность социальной составляющей осуществляемых трансформаций. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г. в числе семи основных приоритетов предусматривала исполнение публичных обязательств государства перед населением в полном объеме:

- оказание поддержки гражданам и семьям, наиболее пострадавшим в период мирового экономического кризиса;
- усиление социальной защиты населения;
- повышение объемов и качества оказания социальных и медицинских услуг;
- улучшение ситуации с лекарственным обеспечением, особенно жизненно важными препаратами;
- сохранение трудового потенциала, расширение масштабов деятельности государства в сфере занятости, противодействия росту безработицы, развития

программ переобучения и переподготовки работников, находящихся под риском увольнения [10].

Одним из базовых положений государственной антикризисной концепции стало осуществление комплексных мероприятий по оздоровлению социальной ситуации, осуществляемых совместно федеральными структурами, органами субъектов федерации, местным самоуправлением.

Таким образом, кризисная ситуация в экономике не привела к отказу от соблюдения основных принципов социальной политики, проводимой в Российской Федерации с начала нового тысячелетия. В то же время анализ антикризисных мероприятий федерального и регионального уровней свидетельствует о том, что целый ряд аспектов политики, свойственной социальному государству, требуют в нашей стране дальнейшего совершенствования. В том числе — ключевая проблема степени и характера государственного вмешательства в социально-экономические процессы. Какое сочетание рыночной свободы и государственного регулирования оптимально в посткризисных условиях для обеспечения скорейшего восстановления экономики и повышения уровня жизни населения? Представляется, что поиски ответа на этот вопрос дадут дополнительный стимул к исследованию феномена социального государства в концептуальном, юридическом, эмпирическом аспектах с целью создания его модели, наиболее приемлемой для нашей страны.

Литература

1. *Константинова Л.* Модель социальной политики // http://www.pmuc.ru/journal/number3/konstant_art.htm.
2. *Олейникова Е. Г.* Социальная политика государства: эволюция моделей и приоритетов в XX — начале XXI вв. Волгоград, 2006.
3. *Баглай М. В.* Конституционные основы социального государства // Социальное государство. Краткий словарь-справочник. М., 2002.
4. *Жирнов Н. Ф.* Социальное государство: политико-теоретический анализ // Власть. 2008. № 9.
5. Цит. по: *Калашиков С. В.* Становление социального государства в России. М., 2003 // <http://www.economizdat.ru/cgi-bin/main.cgi?page=catgooda&link=0000H0:0000KV>.
6. *Эрхард Л.* Полвека размышлений: речи и статьи. М., 1993.
7. *Гончаров П. К.* Социальное государство: сущность и принципы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Политология». 2000. № 2.
8. *Кочеткова Л. Н.* Социальное государство: европейская теория и российская практика // Власть. 2008. № 4.
9. *Гонтмахер Е.* Сползаем в бедность? // Аргументы и факты. 2010. № 4.
10. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации на 2009 г. // <http://www.minzdravsoc.ru/labour/relationship/12>.

Аднан Абду Алмажед Али Осман

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛИВИИ

Автор характеризует систему образования Ливии. В статье описывается история развития высшего образования, в частности Ливийского университета, а также роль науки в развитии современного ливийского общества.

التعليم في ليبيا

التعليم في ليبيا بجميع مراحلها مجاني وينقسم إلى قسمين:

الأول وهو التعليم العام (الإجباري) وينقسم إلى مرحلتين: المرحلة الأساسية وتتكون من تسع سنوات دراسية. المرحلة المتوسطة (الثانوية) وهي تخصصية وتتكون من ثلاث سنوات دراسية.

الثاني وهو التعليم العالي ويتكون من: الدراسة الجامعية لمرحلة البكالوريوس أو الليسانس. الدراسة الجامعية لشهادة الماجستير (العالية). الدراسة الجامعية لشهادة الدكتوراة (الدقيقة). وتقوم الجهات التنفيذية للدولة بإيفاد الطلاب الليبيين للدراسة بالخارج في الدول المتقدمة لاستكمال دراستهم على حساب الدولة.

وتشرف اللجنة الشعبية العامة للتعليم على مراحل التعليم العام. كما تشرف اللجنة الشعبية العامة للتعليم العالي على مراحل التعليم العالي.

تطور التعليم الجامعي

الجامعات العامة

الجامعات الأهلية

تطور التعليم الجامعي

تأسست أول جامعة في 1955، وحملت اسم الجامعة الليبية وكان مقرها مدينة بنغازي، وبدأت بكلية واحدة هي كلية الآداب والتربية، وعدد الطلبة بها واحد وثلاثون طالباً (بنون طالبات). وأضيفت لها في عامها التالي كليتان: الاقتصاد والتجارة في مدينة بنغازي وكلية العلوم في مدينة طرابلس، وقفز عدد الطلبة إلى (79) طالباً. وفي عام 1973 انقسمت الجامعة الليبية إلى جامعتين: بنغازي (ثم سميت جامعة قاريونس)، وطرابلس (التي سميت جامعة الفاتح) *

كما تم تأسيس ثاني جامعة في ليبيا وأول جامعة إسلامية في ليبيا عام 1960م في مدينة البيضاء وهي كانت معروفة فيما مضى باسم جامعة محمد بن علي السنوسي الإسلامية بمدينة البيضاء بعد ما كانت زاوية دينية لتحفيظ القرآن وبعدها معهد ديني متوسط وبعدها أصبحت جامعته وبعد قيام ثورة الفاتح أصبحت تعرف باسم جامعة عمر المختار، وفي عام 1980 أصبح عدد الجامعات ثلاث،

ثم توالى بعد ذلك افتتاح الجامعات الجديدة، حيث كان عددها في 11 1985 جامعة، وفي 1990 ثلاث عشرة، وفي عام 1995 أربع عشرة جامعة، وكان عددها في عام 2001 اثنين وعشرين جامعة.

وكانت الزيادة في عدد الطلاب كبيرة هي الأخرى، ففي عام 1960 كان عددهم 729 طالباً، وارتفع إلى (5198) عام 1970، ثم إلى (19,453) طالباً 1980 وإلى (62,227) طالباً عام 1990. وزاد إقبال الأثاث على التعليم، حيث ارتفعت نسبة الطالبات من (3.3%) عام 1960 إلى 43.2% عام 1990

شهدت السبعينيات من القرن العشرين سخاءً في الصرف على التعليم، وتميزت بكثرة المنشآت وشيدت خلالها آلاف المباني التعليمية، وارتفع خلالها عدد الموقدين للدراسة بالخارج. وكانت بداية برنامج الإيفاد يتم إلى أمريكا وبريطانيا وفرنسا ومصر)، ولكنه أخذ يتخبط بعد تلك لأسباب فرضتها أولويات سياسية وعقوبات دولية، حتى أصبح الإيفاد يتم أينما كان، لأي دولة من دول العالم.

وكان عدد الدول التي يوفد إليها الليبيون أكثر من (40) دولة، ضمت مالطا والدول العربية وأغلب أقطار المنظومة الاشتراكية السابقة وأقطار جنوب شرق آسيا.

الجامعات العامة

- جامعة الفاتح طرابلس
- جامعة قاريوتس بنغازي
- جامعة عمر المختار - البيضاء
- الجامعة الاسمرية للعلوم الإسلامية زليتن
- الجامعة المفتوحة طرابلس
- جامعة الجبل الغربي بقرن - جادو زنتان غريان
- جامعة سيها
- الجامعة المفتوحة
- جامعة ناصر الاممية- ترهونة
- جامعة المرقيب - الخمس
- جامعة السابع من ابريل - الزاوية
- جامعة التحدي
- جامعة 7 اكتوبر- مصراتة
- جامعة الفاتح للعلوم الطبية طرابلس
- جامعة العرب الطبية بنغازي

• أعضاء هيئة التدريس

الجامعات

ليبيون 4143، غير ليبيين 2731، متعاونون 3918. المجموع 10792 النسبة طالب إلى استاذ
1:35

المعاهد العليا

ليبيون 86، غير ليبيين 58، متعاونون 112. المجموع 256. النسبة طالب إلى استاذ 1:20
المعاهد الصحية العليا :

ليبيون 30، غير ليبيين 118، متعاونون 737. المجموع 880. النسبة طالب إلى استاذ 1:30

• أعداد الطلاب

- عدد طلاب الجامعات 246,000 طالب.
- عدد طلاب المعاهد العليا التقنية 3,286 طالب.
- عدد طلاب المعاهد الصحية العليا 5,260 طالب.
- عدد الطلاب في القطاع 254,546 طالباً وطالبة.
- خريجوا الجامعات منذ الإثشاء المجموع 253,176
 - جامعة الفاتح 100,000
 - جامعة قاريونس 64,612
 - جامعة عمر المختار 43,903
 - التحدي 3,039
 - أكتوبر 1,282
 - الاسمرية 563
 - المفتوحة 5,440
 - المرقب 14,486
 - جامعة سبها 4,000
 - السابع من ابريل 34,451
 - الجبل الغربي 1,400

Т. Р. Писарская

ИСПАНИСТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Термин «испанистика» сравнительно недавно вошел в обиход русской речи, но опыт изучения испанского языка и литературы в нашей стране можно проследить с очень раннего времени; испанская филология как наука также начала складываться у нас более полутора столетия тому назад.

Испанистика (согласно большинству толковых словарей) — совокупность научных дисциплин, изучающих язык, культуру и историю Испании.

Испанистика как научная дисциплина и самостоятельная отрасль в общей системе романской филологии, понимаемая в широком смысле этого термина, безусловно, переживает в настоящее время как во всем мире, так и в нашей стране, пе-

риод своего подъема. Это вызвано очень сложным комплексом причин, имеющих теоретические и практические основания.

Испанский язык, как и другие языки Пиренейского полуострова, представляет собой чрезвычайно интересную и важную область изучения для всякого лингвиста — как теоретика, так и историка языка. Прежде всего, надо иметь в виду огромную роль, которую играет испанский во всем мире по своей географической протяженности и по численности своих носителей. На этом языке говорят десятки миллионов человек нашей планеты, на всех океанах и на всех ее континентах. Изучение распространения его как орудия общения огромных масс населения, как рычага культуры на различных этапах ее развития, представляет чрезвычайный интерес со многих точек зрения. Изучая их, мы можем проследить самый процесс образования мировых языков, различные типы языковых смещений, поскольку этот язык входил в контакты со множеством других. Изучая современное состояние этого языка, мы получаем возможность представить себе и их будущее развитие и, обращаясь назад, наблюдая процессы их возникновения и роста, догадаться о том, как шла их первоначальная эволюция.

Изучение всех этих проблем, которые трудно перечислить здесь, позволяет допустить, что оно может дать лингвисту множество интереснейших аналогий, и предоставляет возможность, в частности, фиксировать различные особенности современного развития как бы происходящих на наших глазах языковых процессов и экспериментов.

Научная испанистика в нашей стране получила свое первоначальное развитие в Петербургском (Ленинградском) университете. Ленинградский университет явился колыбелью советской испанистики.

История преподавания испанского языка и литературы связана с историей кафедры романской филологии университета, которая, как и современные кафедры английской, немецкой и скандинавской филологии, выделилась из общей кафедры романо-германской филологии, восходящей, в свою очередь, к романо-германскому отделению и в конечном счете к кафедре «всеобщей литературы или сравнительной истории иностранных литератур». Основателем романо-германской филологии в Петербургском университете был известный ученый акад. Александр Николаевич Веселовский (1838—1906). А. Н. Веселовский поставил перед собой задачу организовать преподавание западноевропейской литературы на филологической основе и требовал от специалистов-западников знания соответствующих языков и их истории. В 1880-х гг. ему удалось добиться открытия особого отделения «романо-германской филологии», которое в дальнейшем преобразовалось в кафедру.

Родоначальником научной испанистики в университете и непосредственным преемником по кафедре был проф. Д. К. Петров, учившийся во Франции и Испании у выдающихся французских и испанских филологов того времени и ставший у нас первым крупным специалистом по истории испанской литературы. Непосредственным учеником Д. К. Петрова был проф. Б. А. Кржевский, занимавшийся преимущественно испанской литературой золотого века. Наряду с ним много внимания уделял изучению испанской литературы Средних веков и Возрождения крупный ленинградский филолог-романист и кельтолог проф. А. А. Смирнов. Мы не можем забыть и молодых испанистов 20-х и 30-х гг. XX в., которые также оставили свой большой след в истории этой науки. Многие помнят проф. К. Н. Державина и его учеников.

Непосредственным и любимым учеником академика Веселовского был в Ленинградском университете профессор, впоследствии академик В. Ф. Шишмарев.

Академик В. Ф. Шишмарев одним из первых отметил в печати, что «лингвистический участок нашей испанистики» в научно-исследовательском плане к началу 1940-х гг. еще отставал от литературного участка. Мысль о необходимости ликвидировать это отставание и определила то, что сам В. Ф. Шишмарев издал в Ленинграде свои известные «Очерки по истории языков Испании» (1941) — первый обширный сводный труд на эту тему на русском языке.

До 1935 г. планомерной вузовской подготовки испанистов не существовало (кроме Ленинградского восточного института). Однако уже в 1920-х гг. в Ленинграде на Фонетических курсах иностранных языков при университете была организована группа по изучению испанского языка (руководители Б. А. Кржевский и О. К. Васильева-Шведе), а также при ленинградском Доме ученых; с 1930 г. было открыто отделение Латинской Америки в Ленинградском восточном институте (под тем же руководством). В 1935 г. на филологическом факультете, где кафедрой романо-германской филологии заведовал В. Ф. Шишмарев, у филологов-романистов был введен испанский цикл (руководители О. К. Васильева-Шведе). В дальнейшем этот цикл превратился в испанское, а с 1961 г. в испано-португальское отделение Ленинградского университета, которое окончили многие испанисты, в дальнейшем немало сделавшие для развития советской испанистики в научном и педагогическом плане. Они занимались изучением, как распространения, так и истории испанского языка и литературного процесса в Испании.

Организация с 1935 г. университетской подготовки испанистов поставила неотложную задачу создания учебников и учебных пособий по испанистике вузовского типа, т. к. на русском языке вообще не было никаких пособий для изучения испанского языка, не говоря уже о теоретических курсах. Не было и словарей. В связи с этим О. К. Васильева-Шведе в 1937 г. написала «Учебник испанского языка» под редакцией проф. В. Ф. Шишмарева (М., Изд-во лит-ры на иностр. яз., 1937, 255 с). Этот первый советский учебник испанского языка, вообще говоря, открыл новую эру в истории преподавания этого языка в нашей стране. Он был задуман как университетский курс, в связи с массовым характером, который принял интерес к Испании в те годы, и был перестроен как «Начальный курс». Учебник был послан в Испанию в помощь нашим переводчикам, а также сыграл свою роль в изучении испанского языка в стране. Для студентов он был единственным, хотя и элементарным пособием. Создание испанских школ-интернатов потребовало срочного обеспечения их всеми учебниками средней школы, которые в кратчайший срок необходимо было перевести на испанский язык, а некоторые создать заново. Для этого пришлось привлечь все весьма немногочисленные в то время кадры испанистов. Так, была издана большая антология испанской литературы XII—XIX вв. и ряд других учебных пособий, которые оказались полезными для преподавания испанского языка в университете и в течение ряда лет служили основными учебниками. В 1930 г. С. Игнатов и Ф. Кельин опубликовали первый советский испано-русский словарь. Учениками и соратниками О. К. Васильевой-Шведе были профессор Г. В. Степанов, З. И. Плавский и многие другие.

Именно поэтому открытие I Всесоюзной конференции (состоялась 25—27 июня 1970 г. в ЛГУ, председатель оргкомитета акад. М. П. Алексеев, зам. председателя

проф. О. К. Васильева-Шведе) по испанской филологии было поручено Ленинградскому университету, на конференции следовало решить не только научные, но и важные практические вопросы, связанные с дальнейшим развитием преподавания испанского языка в высшей и средней школах.

За время своего существования российская испанистика доказала свою состоятельность, продолжая динамично развиваться, постоянно расширяя сферу научных и практических исследований не только в области лингвистики. Широкий спектр вопросов: от проблем испанской фразеологии и лексикографии до современного состояния российско-испанских отношений в сфере культуры, экономики, бизнеса и других областях взаимодействия поднимаются в последнее время в различного рода дискуссиях. Безусловно, одно из главных мест в этих дискуссиях занимают проблемы методики преподавания испанского языка в России и странах СНГ. Качество подготовки переводчиков, преподавателей, специалистов по самому разному кругу профессий, которые востребованы уже сегодня и будут крайне необходимы завтра, актуально для систем образования и Испании, и стран постсоветского пространства, прежде всего, в свете перехода на двухуровневую систему обучения в соответствии с требованиями Болонского процесса. В этом направлении существует еще немало нерешенных вопросов.

Рассмотрим нынешнее состояние и ближайшие перспективы испанского языка. В настоящее время испанский язык считают родным более 400 млн человек, и хотя сама Испания «достигла» самого низкого в мире уровня рождаемости, 90% испано-говорящих проживают в Латинской Америке, где средний коэффициент прироста составляет 2,4% в год. Таким образом, ожидается, что в 2020 г. испаноязычное население превысит 500 млн человек. Казалось бы, не так уж много на фоне многомиллиардного населения Земли. Однако, люди, считающие испанский язык родным, многочисленными компактными группами проживают на четырех континентах, плюс Антарктида, это официальный язык в 22 странах мира.

Необходимо отметить еще одно важнейшее свойство испанского языка: Королевская Академия испанского языка отмечает, что это самый единый язык в мире. Если в англоязычном сообществе (не говоря о других) его носители в разных странах далеко не всегда понимают друг друга, то в испаноязычном этого не происходит. Испанский язык прочно занимает второе место в мировых контактах, заметно увеличивается его роль на международных форумах при межнациональном общении, и если его нельзя назвать «глобальным», то лишь потому, что используется он не во всем мире.

В поддержании языкового единства трудно переоценить роль Королевской Академии испанского языка, раз в 4 года заседающей с участием представителей академий всех испаноязычных стран.

По данным Европейской Ассоциации преподавателей испанского языка (АЕРЕ), сейчас испанский занимает первое место в мире среди языков, изучаемых как иностранный (английский воспринимается не столько как иностранный, сколько как некое «койн»), технический инструмент общения, развиваемый не только носителями, но и пользователями, в котором допускаются и зачастую действуют процессы, не свойственные естественному языку). Таким образом, в XX в. испанский язык имел наибольший лингвистический рост, а через 20 лет, если сохранятся нынешние пропорции роста населения и тенденции лингвистического самосознания, он будет, по мнению Эухенио Косериу, первым языком общения на

планете. Кроме того, США, при сохранении нынешних тенденций, вполне могут стать двуязычной страной.

Процессы межкультурной интеграции на национальном и международном уровнях обусловили модернизацию содержания языкового образования в России. Язык выступает как средство познания картины мира, приобщения к ценностям, созданными другими народами. Одновременно язык — это ключ к открытию уникальности и своеобразия собственной народной самобытности и исторических достижений представителей других культур.

К настоящему времени в российской системе языкового образования произошли значительные позитивные изменения, как в организационном, так и в содержательном аспектах. Сегодня обучение иностранным языкам приоритетно как никогда ранее в системе образования не только Европы, но и России. Мировая глобализация экономики и культуры в целом обуславливает необходимость владения иностранными языками как широким кругом специалистов, так и людьми, желающими жить в ногу со временем, что, в свою очередь, порождает новые требования к процессу обучения языкам и делает необходимым поиск эффективных способов, методов и технологий для того, чтобы сделать его более успешным и социально-ориентированным в соответствии с концептуальными положениями Еврообразования и Еврокультуры. Такие понятия, как полилингвизм, межкультурная коммуникация, диалог культур, вторичная языковая личность, уже бесспорны в сообществе, которое тяготеет к интеграции экономических и культурных отношений. Существенно изменился социокультурный контекст изучения иностранных языков. Значительно выросли их образовательная и самообразовательная функции в школе и вузе, профессиональная значимость на рынке труда в целом, а это повлекло за собой усиление мотивации в изучении языков международного общения.

Если в предыдущие десятилетия XX в. круг людей в стране, у которых была необходимость общаться на иностранном языке, был достаточно узок, то в настоящее время ситуация изменилась. Геополитические, коммуникационные и технологические преобразования в обществе вовлекли как в непосредственное, так и опосредованное общение довольно большое количество людей самых разных профессий, возрастов и интересов. Соответственно возросли и потребности в использовании иностранных языков. Приоритетную значимость приобрело обучение языку как средству общения и приобщения к духовному наследию изучаемых стран и народов. Стал особенно актуальным интерактивный подход к обучению родному и иностранному языкам в школе, особенно в области развития культуры речи (развитие таких компетенций, как языковая, речевая, социокультурная и некоторые другие).

Для современного языкового образования необходимы междисциплинарная интеграция, многоуровневость, вариативность, ориентация на межкультурный аспект овладения языком. Новые задачи предполагают изменение в требованиях к уровню владения иностранным языком, определение новых подходов к отбору содержания и организации материала, использование адекватных форм и видов контроля. Испанский — один из немногих языков в мире, которые «растут» не только в количественном, но и в качественном плане, развивая свои механизмы таким образом, чтобы приспособиться для делового, научного и, в частности, информационного общения. Лингвисты полагают, что основные лингвистические баталии будущего будут развиваться в Интернете, где испанский язык занимает сейчас второе

место после английского, хотя и далеко отстает от него. Сама структура испанской фразы такова, что, по мнению японских специалистов в области информатики, он лучше всех остальных естественных языков поддается автоматическому распознаванию и моделированию.

Как видно из всего вышесказанного российские испанисты вносят значительный вклад в развитие коммуникационной универсальности испанского языка, который имеет хорошие перспективы развития в России и на постсоветском пространстве: тут и молодое поколение испанистов, и прекрасные переводчики, и очень сильный преподавательский состав. Очень бы хотелось, чтобы и в Испании русистика была бы на таком же уровне, как испанистика в России.

О. В. Савельева

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА И ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

Изменившиеся ценности и приоритеты развития социально-экономических отношений в России обусловили изменение функций, содержания труда и отношения к нему, в особенности подрастающего поколения, чье мировоззрение, система ценностей, мотивации находятся в процессе активного становления.

Конкурентоспособный и добросовестный труд граждан составляет экономическую и нравственную основу прогрессивного социально-экономического развития. Проблема подготовки молодого поколения к участию в трудовой жизни серьезно эволюционировала со временем. Успешное формирование личности в современной высшей школе во многом зависит от рационально организованной практической трудовой деятельности, т. к. труд можно рассматривать в качестве основы личностного развития.

Современный этап развития российской экономики характеризуется незавершенностью ее структурной перестройки к функционированию в рыночных условиях, в том числе продолжающейся трансформации рынка труда. Это относится и к такой его составляющей, как рынок труда учащейся молодежи, на котором проявляется существенное несоответствие между спросом на труд и его предложением. От человека требуются высокая квалификация, широкий технический кругозор и способность к быстрому овладению более совершенными трудовыми умениями и навыками, трудовая подготовка приобретает большую значимость и носит своеобразные черты. Именно поэтому приобщение студентов в той или иной форме к преобразовательной деятельности, формирование трудовых навыков являются необходимым элементом обучения.

При этом студенческая молодежь, не обладающая достаточным профессиональным, экономическим и социальным опытом, и, как правило, не имеющая возможности работать на условиях полной занятости, нередко испытывает значительные затруднения в получении работы. В то же время ей присущи такие преимущества, как мобильность, активность и инициативность, ориентация на получение адекватной требованиям меняющегося рынка труда квалификационной и профессиональной подготовки. Обеспечивая условия для образования, трудовой деятельно-

сти, решения экономических и социальных проблем этой категории экономически активного населения, государство создает определенные предпосылки для более эффективного формирования и развития трудового потенциала народного хозяйства, что подтверждается и практикой ряда стран с развитой рыночной экономикой.

В условиях мирового финансово-экономического кризиса студенческая молодежь вынуждена активно включаться в трудовую деятельность. Совмещение ими обучения в высшем учебном заведении с работой является необходимостью и может как позитивно, так и негативно влиять на его последующую карьеру; чем предметнее занимается этой проблемой государство, тем эффективнее развивается рынок труда студенческой молодежи и рынок труда специалистов в целом.

Основными мотивами поиска работы студентами и широких масштабов их занятости (из 3 млн студентов дневных отделений вузов около двух третей совмещали или совмещают занятость с обучением) определены потребность в материальных средствах и желание приобрести опыт работы еще до окончания вуза. Сами студенты нуждаются в помощи вузов в поиске места работы, поскольку деятельность государственных служб занятости направлена, прежде всего, на трудоустройство безработных, а студенты очных отделений имеют занятия. Особенности временной занятости студенчества государственными службами занятости и кадровыми агентствами не учитываются. Ищущие работу студенты расцениваются на биржах труда, зачастую, наравне с неквалифицированными работниками. В условиях возрастающей конкуренции вузов за студентов, учебным заведениям все более необходимо отслеживание их карьерного роста, приспособление номенклатуры специальностей, учебных планов и программ к текущим и перспективным потребностям рынка труда в целях повышения конкурентоспособности.

Государственное содействие занятости студентов высших учебных заведений целесообразно проводить в трех основных направлениях:

а) повышение конкурентоспособности студенчества на рынке труда через использование инновационных педагогических технологий, модернизацию профессионального образования и приобретение первоначального опыта работы в период обучения;

б) стимулирование спроса на студенческую рабочую силу, в том числе с помощью совершенствования нормативно-правовой базы временной занятости студенчества;

в) развитие «посреднического» механизма, обеспечивающего оперативную и эффективную связь между студентами, желающими работать и работодателями (этому могут способствовать развитие органов занятости и трудоустройства студенчества, создание общегородской информационной базы потребностей рынка труда в студенческой рабочей силе и стимулирование развития молодежного предпринимательства).

В зарубежной практике уже давно существуют примеры достаточно эффективного взаимодействия вуза и предприятия в процессе подготовки молодого специалиста. Например, кадровые службы некоторых крупных японских компаний начинают работу со студентами — будущими специалистами, когда те учатся в университетах на II—III курсах. Выявляются молодые люди со способностями, которые отвечают требованиям стратегии развития фирмы. Далее их начинают приглашать на лекции специалистов и руководителей компании, посвященные истории компании, динамике изменений производства и номенклатуры продукции, прогнозам на

будущее. Студенты, наблюдаемые кадровой службой и являющиеся кандидатами для работы в компании, проходят тестирование, изучается состояние их здоровья. Все это дает студентам возможность заранее познакомиться с корпоративной культурой компании, приобрести какие-либо практические навыки, заработать деньги. В процессе всех мероприятий студентам активно прививается чувство идентификации с компанией, которая намеревается предоставить им в дальнейшем работу. После окончания университета и поступления на работу за каждым молодым специалистом закрепляется так называемый наставник из числа руководителей среднего звена и одновременно из числа выпускников того же высшего учебного заведения, что и его подопечный. Такое кураторство осуществляется до 35 лет.

Примеры подобного сотрудничества появились и в российской практике. Крупные промышленные компании, такие как РУСАЛ, ОАО «ГМК «Норильский никель»», ЗАО «Лукойл-Нефтехим» и др., для привлечения перспективных студентов проводят презентации компании в известных российских вузах, Дни открытых дверей в компании, Дни карьеры. Студентам предоставляют необходимый информационный материал о компании, для них организуют производственную практику. Одновременно осуществляется финансовая поддержка образовательной деятельности вузов. Молодые специалисты в период адаптации в компании находятся в поле зрения Совета молодых специалистов, к ним прикрепляется наставник.

Для подготовки специалиста, преданного предприятию, обладающего высокой мотивацией к труду, необходимо постоянное участие самого предприятия в образовательном процессе. Это участие может проявляться в виде формулирования тематики курсовых и дипломных проектов; участия с правом решающего голоса в работе жюри при проведении конкурсов студенческих научно-исследовательских работ; учреждения премий за лучшую студенческую работу; организации производственной и преддипломной практик, в том числе с временным зачислением целевых студентов на те или иные должности; преподавания профессионально-ориентированных, прикладных дисциплин; участия в текущем и итоговом контроле и оценке приобретаемых студентами знаний с целью ознакомления с уровнем подготовки будущих специалистов и выявления тех слабых сторон, на которые следует обратить особое внимание.

Формирование необходимого уровня профессиональной мотивации у студентов осуществляется тем более успешнее, чем адекватнее и целенаправленнее подчинена этому процессу вся система образовательного процесса вуза. Особое значение имеют дисциплины, способствующие самопознанию и освоению социально-психологических закономерностей процесса управления. Повышение уровня профессиональной мотивации у студентов в процессе профессиональной подготовки достигается в результате накопления профессиональных знаний, умений и навыков, расширения кругозора, сформированных установок, системы ценностей, самооценок, самоидентификации и активной самореализации. Индивидуальные особенности личности студентов, исходный уровень профессиональной мотивации выступают значимыми предпосылками формирования данного качества в ходе обучения в вузе.

Таким образом, поиск оптимальной модели формирования мотивов к труду у студенчества должен повторять вектор нравственного прогресса человечества — от рабства и безвластия к подлинной свободе.

ПРОБЛЕМЫ ОБОСОБЛЕНИЯ АДМИРАТИВА СРЕДИ КАТЕГОРИЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ ОФОРМЛЕНИЕ СООБЩАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ ГОВОРЯЩИМ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ СЛУШАЮЩИМ

Среди исследователей, занимающихся категорией адмиратива, а также рядом других категорий, связанных с теорией речевого общения, нет единого мнения по поводу ее места среди категорий, описывающих способы передачи и восприятия информации. Так, некоторые исследователи тесно связывают категорию адмиратива с категорией эвиденциальности.

Как известно, категорией эвиденциальности является «такая категория, граммемы которой указывают, каким образом говорящий узнал о факте» [7, с. 603–604]. В. С. Храковский, опираясь на то, что семантический признак эвиденциальности принимает два значения: прямой и косвенной засвидетельствованности, рассматривает категорию адмиратива как одно из значений косвенной эвиденциальности [7, с. 610].

Как представляется, такой подход основан на том утверждении, что значение косвенной (или не прямой) эвиденциальности подразумевает интерпретацию информации, полученной слушающим «на основании вербального сообщения внешнего источника (т. е. говорящего — *А. С.*)». Однако можно утверждать, что категория адмиратива все же включает в себя элементы не пересказывательности и интерпретации (как категория эвиденциальности), а именно реакции на предоставляемую и воспринимаемую информацию.

Таким образом мы считаем, что категории эвиденциальности и адмиратива не могут являться равноположенными, поскольку содержат в себе различные установки. Так, значение категории эвиденциальности направлено на указание того, каким образом говорящий узнал о сообщаемом факте. При этом данная категория не затрагивает плана слушающего и не освещает вопроса о том, как именно участники коммуникации воспринимают и оценивают сообщаемую информацию. Таким образом, нам кажется более целесообразным поместить вербальные и невербальные проявления категории адмиратива в один ряд с оценочными высказываниями (репликами), поскольку элементы их семантики будут совпадать.

В этой связи нам представляется более справедливым определение места адмиратива в языковой структуре с точки зрения И. А. Мельчука, по словам которого адмиратив является одним из проявлений семантической категории реактивности, «характеризующей ментальную реакцию говорящего на факт с точки зрения вероятности этого факта» [6].

Однако мы полагаем, что в данном утверждении также не затрагивается план реакции на сообщение с точки зрения слушающего, что является обязательным при рассмотрении диалогического речевого акта.

Кроме того, подобная формулировка (а именно дефиниция категории реактивности) может дать повод выделения в адмиративе модального значения, и, следовательно, для соотнесения этой категории с категорией эпистемической модальности.

К примеру, Р. Ницолова полагает, что категория адмиратива является, наряду с категориями эвиденциальности и эпистемической модальности, элементом «одной более общей семантической категории, «характеристика говорящим сообщаемой информации» [7, с. 609]. Подобное утверждение может показаться истинным, если принимать во внимание, что оценка того или иного факта (сообщения) является модальной, а также то, что «ментально-эпистемическое восприятие происходит, когда информация не только не вписывается в фонд знаний адресата, но сравнивается с имеющимися знаниями, ожиданиями и представлениями и на этом фоне квалифицируется как нечто безразличное или интересное, стандартное или необычное, понятное или странное, закономерное или неожиданное, специфическое, удивительное, неординарное и т. п.» [3, с. 670].

Мы не можем не согласиться с данным утверждением, поскольку под модальным содержанием высказывания действительно подразумевается наличие выражения позиции говорящего относительно связи действия с действительностью. Однако в нашем случае отождествление модальной семантики с категорией адмиратива, имеющей в своей семантике реакцию как субъективный фактор, может привести к слишком широкому пониманию модальности, поскольку субъективное начало в языке проявляется во всех сферах, и «самой естественной реакцией человека на факт будет выражение отношения к нему» [там же, с. 669].

Таким образом, представляется правильным разделить категории адмиратива и эпистемической модальности. Модальные слова действительно могут, наряду с другими лексическими средствами, «выполнять функцию реактивной реплики, служащей для выражения оценки мысли собеседника (т. е. сообщаемой информации — А. С.)» [4, с. 108]. Однако это не позволяет утверждать, что все элементы категории адмиратива обладают модальным значением. Кроме того, в проявлениях адмиративности в высказывании нет приписывания той или иной степени достоверности сообщаемой информации, а оценочность ее выражается как непосредственная реакция без привлечения какого-либо логического вывода.

Исходя из вышесказанного, представляется закономерным выделение адмиратива в самостоятельную семантическую категорию, описывающую непосредственную реакцию как говорящего, так и слушающего на сообщаемую информацию. При этом подобная реакция будет заключать в себе узкую семантику удивления и неожиданности.

Литература

1. Вопросы языкознания. 1993. № 3.
2. Москвин А. Ю. Большой словарь иностранных слов. М., 2003.
3. Рябцева Н. К. Истинность в субъективно-модальном контексте // Логический анализ языка. Избранное 1988–1995 / под ред. Н. Д. Арутюновой. М., 2003.
4. Сабанеева М. К. Эпистемическая модальность высказывания в ракурсах прагматики и формальной логики // Язык и речевая деятельность, СПб., 1999. Т. 2.
5. Сытов А. П. Пересказательные формы балтийских языков и балканская категория адмиратива-комментатива. Рига, 1980.
6. Храковский В. С. О соотношении эвиденциальности и адмиративности // Первая конференция по типологии и грамматике для молодых исследователей: тез. докл. СПб., 2004.
7. Эвиденциальность в языках Европы и Азии / под ред. В. С. Храковского. СПб., 2007.

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

Социальная политика относится в настоящее время к числу основных направлений деятельности органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций. Главное отличие настоящего от прошлого, а тем более будущего, не только в изменении уровня жизни, а в преобразовании ее качества.

Категория «качество жизни» была введена в научный обиход в 60-х гг. прошлого столетия; в 1960–1970-х гг. разработка категории качества жизни нашли свое отражение в ряде публикаций за рубежом. В 1990-х данной проблемой стали активно заниматься в нашей стране. Многие ученые сходятся во мнении, что качество жизни является обобщающим понятием, которое включает в себя не только уровень потребления материальных благ и услуг, но и удовлетворение духовных потребностей, условия окружающей среды, морально-психологический климат, состояние здоровья, продолжительность жизни, динамика рождаемости и смертности [1].

С 1 января 2006 г. стартовал проект «Здоровье». Проект уже получил название «национального приоритетного проекта» и был разработан для реализации предложений Президента РФ по совершенствованию медицинской помощи в Российской Федерации. Основная задача проекта — улучшение ситуации в здравоохранении и содзание условий для его последующей модернизации.

Основными направлениями нацпроекта «Здоровье» являются:

- формирование здорового образа жизни;
- развитие первичной медико-санитарной помощи и совершенствование профилактики заболеваний;
- повышение доступности и качества специализированной, в том числе высокотехнологичной медицинской помощи;
- совершенствование медицинской помощи матерям и детям.

Существует мнение, что во время кризиса люди обращаются к семейным ценностям. Вот только на демографической ситуации это, к сожалению, никак не сказывается, т. к. завести ребенка означает взять на себя большую ответственность на долгие годы вперед, а уверенности в том, что эти годы будут благополучными, у напуганного катаклизмами человечества нет.

В 2008 г. в США на свет появилось 4,2 млн младенцев — на 68 тыс. меньше показателей 2007 г. Это первое снижение рождаемости за последние 10 лет, и эксперты объясняют это влиянием экономического кризиса. Ситуация в России складывается следующим образом, в 2008 г. рождаемость в России была самой высокой с начала 1990-х гг. За первое полугодие 2009 г. родилось около 850 тыс. детей — на 4,7% больше, чем в соответствующем периоде 2008 г. Прирост составил около 38 тыс. детей.

Численность постоянного населения Российской Федерации на 1 октября 2009 г. составила 141,9 млн человек и с начала года увеличилась на 5,3 тыс. человек, или на 0,004% (табл. 1) [2].

Таблица 1

Показатели естественного движения населения

	Январь – сентябрь						Сравочно на 1000 человек населения за 2008 г. в целом
	тысяч			на 1000 человек населения			
	2009 г.	2008 г.	прирост (+), снижение (-)	2009 г.	2008 г.	2009 г., в % к 2008 г.	
Родившихся	1321,0	1274,4	+46,6	12,5	12,0	104,2	12,1
Умерших	1507,3	1573,3	-66,0	14,2	14,8	95,9	14,6
в том числе детей в возрасте до 1 года	10,5	10,9	-0,4	8,1	8,8	92,0	8,5
Естественная убыль	-186,3	-298,9		-1,7	-2,8	60,7	-2,5
Браков	918,0	901,9	+16,1	8,7	8,5	102,4	8,3
Разводов	519,0	525,5	-6,5	4,9	4,9	100,0	5,0

Увеличение числа родившихся наблюдалось в 73 субъектах Российской Федерации, снижение числа умерших — в 75 субъектах. В целом по стране превышение числа умерших над числом родившихся составило 1,1 раза (в январе—сентябре 2008 г. — 1,2 раза), в 21 субъекте Российской Федерации оно составило 1,5–2,0 раза.

Вследствие снижения смертности населения показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении за 2006–2007 гг. вырос у мужчин на 2,5 года, у женщин — на 1,5 лет. Несмотря на то, что сокращение числа умерших в 2008 г. по сравнению с 2007 г. составило только 4,5 тыс. человек, ожидаемая продолжительность жизни по предварительной оценке возросла у мужчин до 61,7 лет, у женщин — до 74,2 лет (в 2007 г. — 61,4 и 73,9 соответственно). Это объясняется существенным снижением показателя младенческой смертности. В 2008 г. он составил 8,5 умерших детей в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми (в 2007 г. — 9,4).

Главная причина увеличения числа рождений в том, что сейчас «подросло» многочисленное поколение женщин в детородном возрасте, далее их число начнет медленно снижаться. Кризис, безусловно, ухудшает демографические показатели, но у человечества есть и другие объективные причины. В определенные периоды рождаемость может реагировать на изменения уровня жизни, но эти колебания незначительны. Социологи разделяют три показателя: идеальное число детей, желаемое и ожидаемое. Ожидаемое число, как правило, всегда меньше желаемого — около 1,5, желаемое же ближе к двойке. Разница 0,5 на ребенка и есть это колебание. К примеру, в России в 1999 г. был исторический минимум рождаемости, что связано с дефолтом 1998 г. Однако, число новорожденных, пришедших на одну женщину, не сильно отличается от показателя предыдущих лет. Если 1992 г. — в начале депопуляции — он составляет 1,5 ребенка на одну женщину, то в 1999 г. — 1,2 ребенка.

В 2006 г. Росстатом было проведено пилотное исследование «Семья и рождаемость» в трех субъектах Российской Федерации: Республике Марий Эл, Нижегородской и Тверской областях, с целью изучения причин снижения рождаемости в зависимости от условий жизни (в особенности жилищных условий), социального положения и состава семьи.

По итогам пилотного обследования среднее желаемое число детей, т. е. то количество детей, которых респонденты хотели бы иметь при наличии всех благоприятных условий, составило в Тверской области 2,24 у женщин и 2,40 у мужчин, в Нижнем Новгороде — соответственно, 2,26 и 2,63, в Республике Марий Эл — 2,33 и 2,56. У более молодых женщин и мужчин этот показатель существенно ниже. Во всех трех регионах оно оказалось ниже уровня, необходимого для обеспечения воспроизводства населения.

Заметно ниже среднее ожидаемое число детей, т. е. то количество детей, которых респонденты собираются иметь: в Тверской области 1,75 у женщин, 1,87 у мужчин и 1,72 у подростков, в Нижнем Новгороде — соответственно, 1,60, 1,78 и 1,97, в Республике Марий Эл — 1,83, 2,05 и 1,92. Таким образом, у взрослых респондентов (кроме нижегородских мужчин) разница между желаемым и ожидаемым числом детей составляет в среднем 0,5–0,6 ребенка. Большая часть этого резерва может быть реализована при существенном улучшении условий жизни, при проведении целенаправленной демографической политики.

Следует обратить внимание на то, что различия в среднем ожидаемом числе детей в группах респондентов с одинаковой оценкой уровня жизни, но разным желаемым числом детей значительно больше, чем в группах, однородных по желаемому числу детей, в зависимости от оценки уровня жизни. Следовательно, установка детности в существенно большей степени зависит от потребности в детях, чем от восприятия условий жизни, как способствующих или препятствующих ее реализации.

Из приведенных результатов следуют два важных вывода для демографической политики, направленной на повышение рождаемости: во-первых, улучшение условий жизни, условий реализации потребности в детях приведет к некоторому повышению рождаемости, во-вторых, изменение потребности в детях может дать несоизмеримо больший результат, чем улучшение условий жизни. Делать нужно, естественно, и то, и другое. Последнее может дать относительно небольшой, но сравнительно быстрый результат, а первое — несравненно более существенный, но значительно более отдаленный результат. Чаще всего среди серьезных помех к рождению желаемого числа детей респонденты отмечали материальные трудности. Если в более ранних исследованиях второе (а иногда и первое) место обычно занимали жилищные трудности, то сейчас такая ситуация была только у нижегородских женщин и мужчин Республики Марий Эл. Другие респонденты более значимой помехой к рождению детей сочли неуверенность в завтрашнем дне.

Еще более 200 лет тому назад знаменитый экономист Адам Смит подметил, чем выше уровень благосостояния в государстве, тем ниже в нем рождаемость. Когда женщина живет в достатке, она начинает делать карьеру, заниматься своим образованием, путешествовать, неудивительно, что на воспитание нескольких детей не остается ни времени, ни сил, ни желания. Однако, это не значит, что если в России снизить уровень благосостояния до уровня, например, Афганистана, то рождаемость станет такой же как там. Рождаемость там высокая вызвана не бедностью, здесь большую роль играет религия, в частности, ислам.

Впрочем, даже во многих мусульманских странах показатель меньше двух рождений на одну женщину давно стал нормой, что тогда говорить про Европу, в Германии, например, около 20% женщин до 35 лет сознательно отказываются от деторождения (табл. 2) [3].

Таблица 2

Сколько детей приходится на одну женщину в разных странах

Страна	Количество детей на одну женщину	Страна	Количество детей на одну женщину
1. Канада	1,58	15. Болгария	1,4
2. США	2,05	16. Греция	1,35
3. Бразилия	2,21	17. Египет	2,66
4. Дания	1,75	18. Россия	1,4—1,5
5. Австрия	1,4	19. Алжир	1,8
6. Бельгия	1,65	20. Нигерия	4,91

Страна	Количество детей на одну женщину	Страна	Количество детей на одну женщину
7. Франция	1,98	21. Камерун	4,33
8. Ирландия	1,85	22. Ангола	6,12
9. Португалия	1,5	23. Нигер	7,75
10. Испания	1,3	24. Замбия	5,15
11. Швеция	1,65	25. Индия	2,72
12. Венгрия	1,35	26. Австралия	2,72
13. Румыния	1,4	27. Китай	1,8
14. Италия	1,3	28. Япония	1,8

У нас средняя по европейским меркам рождаемость, но мы не воспроизводимся с 1960-х гг. Довольно долго население продолжало расти по инерции, которая сейчас сошла на нет. В ближайшее время нас ожидает резкое сокращение числа потенциальных матерей, а потому и числа рождающихся детей. Одновременно верхняя часть возрастной пирамиды будет все больше заполняться представителями относительно многочисленными поколений, появившихся на свет в конце 1940-х — начале 1950-х гг., в период послевоенного подъема рождаемости, а это значит, что увеличится число смертей. Соответственно, станет нарастать естественная убыль населения, которая сейчас у нас сокращается, но уже к 2012 г. начнутся проблемы, ножицы рождаемости и смертности, которые сейчас складываются, начнут раскрываться.

Понятно, что в тяжелые времена государство обязано, позаботится о матерях. Меры, предпринимаемые государством, должны быть адресованы типичной семье, что в России, что в Европе это образованная семья с двумя работающими родителями. Женщина в такой семье совсем не стремится покинуть рынок труда и уйти в семейную жизнь. Никакой материнский капитал, никакое пособие не компенсирует зарплату. В успешных европейских странах стратегия государства направлена на то, чтобы женщина после родов не покинула работу, т. к. в этих странах большое значение уделяется детским учреждениям — их количеству и, что не менее важно, качеству, в то же время развивается программа частичной занятости женщин. Общий социальный климат по отношению к семье более дружественный, чем у нас. Вся политика строится так, чтобы она была адресована типичной семье, а не вообразимой семье традиционного типа, где мать сидит дома, а отец — кормилец, такого в реальной жизни в развитых странах нет.

Бюджетные ассигнования на реализацию нацпроекта «Здоровье» в России за 4 года — 2009–2012 гг. — составят 600 млрд руб. В настоящее время демографический пакет социальной помощи женщинам и детям содержит ряд выплат и пособий, но их нельзя назвать существенными.

Кроме материальных проблем, особняком стоят проблемы, связанные с невозможностью иметь детей по состоянию здоровья. Поэтому со следующего года в рамках нацпроекта «Здоровье» планируется проведение диспансеризации школь-

ников, которая предусматривает посещение уролога мальчиками и гинеколога девочками. Данные меры позволят проверить школьников на репродуктивность, т. к. считается, что многие проблемы в этой области можно решить на ранней стадии путем медикаментозного или оперативного лечения. Однако, такой подход к решению демографической проблемы вызвал много споров, родители не хотят такого повышенного внимания к их детям со стороны взрослых врачей.

Семья — наша сила. Формирование здоровой семьи, процветание семьи, передача лучших традиций из поколения в поколение зависит от государственной социальной политики, кроме того наряду с экономическими мерами демографической политики, направленной на повышение рождаемости, должны присутствовать и меры идеологического, пропагандистского характера.

Литература

1. Орлов Л. Ф. Уровень и качество жизни населения как социально-экономические категории // Социальная политика и социология. 2005. № 4. С. 71.
2. Росстат.
3. The World Factbook.

С. С. Смирнов, С. А. Парфенов, Н. В. Яковлева

НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ СКОРОЙ ПОМОЩИ

Синдром выгорания (burnout) довольно широко известен и исследуется в зарубежной психологии, однако нельзя сказать, что он уже достаточно хорошо изучен.

Деятельность медперсонала характеризуется высокой эмоциональной насыщенностью и когнитивной сложностью, необходимостью быстрого реагирования на изменения состояния здоровья у пациентов, предполагает принятие ответственных решений в ситуациях, связанных с неотложной помощью. Таким образом, она протекает в условиях постоянной нервно-психической напряженности, стресса и требует максимальной мобилизации адаптационного потенциала личности.

На сегодняшний день в литературе, посвященной синдрому выгорания, указывается на значительное расширение сфер деятельности, подверженных такой опасности. К ним относятся: учителя, психологи, педагоги, воспитатели детских домов, социальные работники, полицейские и др.

Проведенные в различных странах исследования показывают, что особой «группой риска» являются медицинские работники.

Однако, не смотря на отдельные публикации, посвященные проблематике профессионального выгорания различных групп работников, до сих пор остается малоосвещенной тематика профессионального выгорания такого специфического контингента, как медицинские работники скорой помощи.

Исходя из актуальности данной тематики целью работы являлась диагностика психологических особенностей (тревожность, ригидность, экстравертированность, локус контроля, удовлетворенность работой) и жалоб на состояние здоровья у медицинских работников скорой помощи с различным уровнем профессионального выгорания.

Гипотеза исследования — эмоциональные особенности, социальная зрелость, удовлетворенность работой оказывают определенное влияние на профессиональное выгорание средних медицинских работников.

Предмет исследования — эмоциональные особенности (тревожность, ригидность, экстравертированность), удовлетворенность работой, локус контроля у медицинских работников скорой помощи с различным уровнем синдрома профессионального выгорания.

Объект исследования — профессиональное выгорание у медицинских работников скорой помощи.

Основные задачи исследования:

— произвести анализ отечественного и зарубежного опыта по проблематике, связанной с исследованием синдрома профессионального выгорания в целом и у медицинского персонала в частности;

— осуществить диагностику тревожности, ригидности, экстравертированности, удовлетворенности работой и локуса контроля у медицинских работников скорой помощи с различным уровнем профессионального выгорания;

— проанализировать взаимосвязь социальных и психологических характеристик с различным уровнем профессионального выгорания у медицинских работников скорой помощи в процессе проведения корреляционного анализа;

— обосновывать практические рекомендации по профилактике профессионального выгорания у медицинских работников скорой помощи.

Обследование проводилось по следующим методикам:

1. Анкетирование (для уточнения некоторых социально-психологических характеристик (возраст, стаж профессиональной деятельности, квалификация, семейный статус, жалобы на состояние здоровья)).

2. «Методика для оценки уровня субъективного контроля» (Дж. Роттера).

3. Методика «Самооценка тревожности, ригидности и экстравертности» (Д. Моудсли).

4. «Методика для оценки удовлетворенности работой» (Д. Я. Райгородский).

5. «Методика для оценки эмоционального выгорания» (В. В. Бойко).

Статистическая обработка полученных результатов включала в себя расчет параметров вариации признаков (среднее арифметическое значение, стандартное отклонение, стандартная ошибка среднего значения), расчет *t*-критерия Стьюдента с целью определения значимости различий в анализируемых группах лиц с различным уровнем профессионального выгорания, а также применялся корреляционный анализ для определения взаимосвязи показателей у всех обследуемых лиц.

Полученные данные позволили прийти к следующим выводам.

1. По мере нарастания длительности работы у медработников скорой помощи увеличивается вероятность развития профессионального выгорания, о чем свидетельствует тот факт, что стаж профессиональной деятельности медработников в группах лиц с различным уровнем профвыгорания имеет достоверные различия.

2. При повышении тревожности, боязни, трудностей перестройки восприятия и представлений в изменившихся ситуациях, а также по мере увеличения ориентации на внутренние переживания, интровертированности увеличивается вероятность развития профессионального выгорания у медработников скорой помощи.

3. Удовлетворенность работой оказывает влияние на подверженность медработников скорой помощи профессиональному выгоранию. По мере нарастания неудовлетворенности работой у медработников скорой помощи увеличивается напряжение, неудовлетворенность собой, появляется чувство загнанности в клетку, увеличиваются тревога и депрессия, появляется импульсивность в эмоциональном реагировании, происходит редукция профессиональных обязанностей, эмоциональное истощение, появляется личностная отстраненность от выполняемой работы и начинают появляться предвестники психосоматических расстройств.

4. По мере увеличения показателей шкал интернальности в области производственных и межличностных отношений, свидетельствующих о высокой ответственности за все события, происходящие в этих областях жизни, снижаются показатели эмоционального истощения и профессионального выгорания у медработников скорой помощи. При этом медработники скорой помощи с низким уровнем профвыгорания, по сравнению с другой группой лиц (с высоким уровнем профессионального выгорания): 1) считает свои действия важным фактором организации собственной производственной деятельности, в складывающихся отношениях в коллективе; 2) считает в силах контролировать свои формальные и неформальные отношения с другими людьми, вызывать к себе уважение и симпатию; 3) они более социально зрелы в целом.

5. По мере снижения коммуникативной компетентности, удовлетворенности работой, экстравертированности, а также неумении систематизировать свою деятельность, низкой социальной зрелости, нарастания тревожности, боязни, трудностей перестройки восприятия и представлений в изменившихся ситуациях увеличивается вероятность развития профессионального выгорания у медработников скорой помощи.

Е. А. Торгунаков, Т. А. Сорвина

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Как показывает мировой опыт, для кадрового обеспечения сферы инновационной деятельности в каждой отрасли экономики требуются руководители и специалисты, обладающие особой подготовкой и владеющие специфическими знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими эффективность инновационного процесса в соответствующей предметной области.

В Основных направлениях политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г. особо подчеркнута важность взаимосвязи государственной политики в этой области с устойчивым функционированием системы непрерывной подготовки кадров по управлению в сфере инновационной деятельности.

«Основные направления политики Российской Федерации в области развития инновационной системы на период до 2010 г.» рассматривают «развитие системы непрерывной подготовки кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности» в качестве одной из основных мер «реализации государственной политики в области развития инновационной системы», «которая призвана стать

одним из инструментов динамичного развития национальной экономики... за счет внедрения и коммерциализации научно-технических разработок и технологий».

Целью формирования системы кадрового обеспечения сферы инновационной деятельности является придание нового качества инновационной деятельности, увеличение на этой основе доли конкурентоспособной инновационной продукции в структуре производства.

В соответствии с постановлением Правительства Санкт-Петербурга от 20.07.2007 г. № 884 «О Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 г.» инновационное развитие Санкт-Петербурга определено как одно из основных направлений развития Санкт-Петербурга до 2025 г.

В настоящее время наиболее остро ощущается потребность в подготовке следующих категорий руководителей и специалистов:

1) органов государственной власти, отвечающих за формирование и управление инновационной системой;

2) органов местного самоуправления муниципальных образований с высокой концентрацией инновационного потенциала, заинтересованных в инновационном развитии своих территорий;

3) инновационной инфраструктуры (технопарков, инновационно-технологических центров, центров трансфера технологий, венчурных фондов и др.);

4) промышленных предприятий, научных и научно-производственных организаций;

5) малых инновационно-технологических фирм.

Вопросы подготовки кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности решаются различными органами государственной власти и местного самоуправления. Однако проблема подготовки, профессиональной переподготовки, повышения квалификации кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности, с точки зрения участников инновационных процессов, остается нерешенной, как в количественном, так и в качественном отношении.

Количество подготовленных специалистов и уровень их подготовки не в полной мере соответствует требованиям по обеспечению формирования инновационной системы предприятий. В образовательных учреждениях, органах государственной власти и местного самоуправления нет единого понимания содержания программ подготовки кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности. Потребности работодателей и инновационной инфраструктуры в кадрах изучены недостаточно.

В связи с невысоким развитием инновационной культуры в обществе и образования в инновационной сфере, квалификационный уровень работников предприятий и организаций в области управления инновациями существенно уступает требованиям, предъявляемым рынком, при этом сами предприятия не всегда четко могут определить запросы в области профессиональной компетенции работников. Не ведется обучение команд специалистов, способных реализовать инвестиционные проекты и программы инновационного развития территорий, отраслей и организаций с учетом отраслевой (предметной) спецификации.

Для подготовки работников по организации и управлению в сфере инновационной деятельности не хватает преподавательских кадров, иностранный опыт

не всегда адаптирован к российским условиям, часто не учитывает национальную и региональную специфику бизнеса, недостаточна учебно-методическая и материально-техническая база, не сформировано общественное мнение о необходимости такой подготовки. Проблема подготовки работников в сфере инновационной деятельности характеризуется комплексностью, что затрудняет выбор и принятие базового варианта системы подготовки кадров инновационной деятельности.

Для повышения эффективности процесса подготовки кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности необходимо провести переоценку и изменить сложившуюся систему подготовки в сторону усиления взаимодействия всех субъектов этого процесса. Поэтому решение данной проблемы связывается с развитием новых подходов к трактовке конкурентоспособности персонала и внедрением компетентностного подхода, развития корпоративной компетенции.

Процесс модернизация содержания и структуры профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности в соответствии с потребностями инновационно ориентированных конкурентоспособных отраслей экономики охватывает широкий круг субъектов, но главные роли в этом процессе принадлежат государству, организациям, работникам.

Задачей государства в решении этой проблемы является формирование системы мониторинга и прогнозирования потребностей в подготовке, переподготовке и повышении квалификации кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности.

Организации же должны ориентироваться на рост инновационного потенциала как основы формирования конкурентных преимуществ.

В условиях рынка, который влечет за собой безработицу, формирование новых хозяйственных структур, как государственных, так и частных, переподготовку и перемещение значительных масс людей, изменяются требования к работникам. Непременное условие конкурентоспособности работника — его компетентность.

Традиционное понимание конкурентоспособности на рынке труда представляет работника как специфический вид товара, который определяется потребительной стоимостью, его качественной определенностью. Отождествляется конкурентоспособности персонала с качеством рабочей силы (квалификация, профиль подготовки, возраст, пол и т. п.) и для определения меры конкурентных преимуществ на рынке труда сопоставляют некоторые интегральные характеристики. Концепция представляется весьма узкой, т. к. предполагает выявление одного показателя, характеризующего функциональное качество рабочей силы или качество труда, т. е. степень соответствия характеристик трудовой деятельности работников требованиям, предъявляемым к качеству выполнения работы, а также не предусматривает анализ факторов, влияющих на конкурентоспособность персонала.

Современное понимание конкурентоспособности работника основано на механизме приведения конкурентных преимуществ рабочей силы в функционирующее состояние, оценки его способности стимулировать инновационное развитие и наращивать инновационный потенциал организации в процессе реализации своих компетенций. Согласно этому, инновационный потенциал организации определяется компетенцией отдельных работников и их групп и в значительной мере

зависит от механизма функционирования человеческого ресурса в производственно-коммерческом процессе.

В практике отечественных организаций сегодня применяются четыре основных концепции конкурентоспособности персонала:

- потребительская концепция, или концепция совершенствования процесса накопления человеческого капитала заключена в том, чтобы обеспечить наиболее полную укомплектованность рабочих мест персоналом;
- компетенционная концепция, или концепция повышения качества человеческого капитала основным положением которой является то, что собственники капитала будут благосклонны к рабочей силе, предлагающей наивысшее качество;
- карьерная концепция, или концепция стимулирования использования возрастающего человеческого капитала основана на убеждении, что если предоставить персоналу право самостоятельно решать вопрос о накоплении своего человеческого капитала, развитии своей компетенции, то предложение потребительского выбора может остаться неизменным или даже ухудшиться;
- традиционная маркетинговая концепция, или концепция эффективности удовлетворения желаний и предпочтений работодателя опирается на то, что критерием оптимизации стратегии потребления рабочей силы является прибыль (убытки) от процесса соединения способности к труду с капиталом и природными ресурсами.

Приведенные концепции не связывают категорию конкурентоспособности персонала с инновационным развитием организации.

Современная концепция поддержания конкурентоспособности персонала ставит вопрос развитие корпоративной компетенции. Компетенции — это устойчиво демонстрируемые работником знания, умения и навыки, которые могут быть наблюдаемы, измеримы, развиваемы, и которые критичны для индивидуального и коллективного качества работы. Корпоративная компетенция представляет компетенцию персонала на уровне, необходимом организации для инновационного развития.

Современная концепция носит системный характер и базируется на основных принципах развития человеческого ресурса в мировой экономике, на учете факторов и проблем, которые сдерживают повышение конкурентоспособности этого ресурса. Развития корпоративной компетенции в организационном аспекте являются, на наш взгляд, наиболее перспективным направлением поддержания конкурентоспособности персонала и способствует повышению конкурентоспособности и адаптивности организации в рыночной среде.

Развитие корпоративной компетенции может происходить в двух аспектах — автономном и организационном (корпоративном).

В автономном аспекте развитие корпоративной компетенции предполагает удовлетворение частных интересов отдельным наемным работником в формировании и повышении своих конкурентных преимуществ на рынке труда путем приращения знаний, умений, навыков, полномочий. Этот процесс в большей мере идет независимо от частных интересов других участников трудовой деятельности.

В организационном (корпоративном) аспекте развитие компетенции персонала предопределяется:

- связанностью и всеобщностью частных социально-экономических интересов всех субъектов трудовой деятельности;

- готовностью организации взять на себя обязательство по созданию необходимых условий для формирования и поддержания конкурентных преимуществ на рынке труда в интересах достижения целей и реализации своей миссии.

Характеристиками развития корпоративной компетенции в организационном аспекте являются: его подчиненность требованиям развития организации (региона) приоритетность мер, обеспечивающих социально-политическую стабильность в организации (обществе); создание экономических условий для поддержания каждым работником своих конкурентных преимуществ на рынке труда с учетом объема и структуры человеческого капитала; устранение (минимизацию) неравенства в формировании конкурентных преимуществ у отдельных работников, возникающего по различным объективным причинам и т. п.

В организационном аспекте развитие корпоративной компетенции предполагает то, что весь персонал организации непрерывно развивается, обучается и за счет этого превосходит конкурентов. Для того чтобы быть эффективным, не снижать достигнутого уровня, персонал должен развивать корпоративную компетенцию, по крайней мере, такими же темпами, какими меняются окружающие условия. А чтобы превосходить будущее, персонал должен совершенствовать свою компетенцию еще быстрее.

Таким образом, управление конкурентоспособностью персонала организации на основе формирования корпоративной компетенции — это процесс направления усилий сотрудников фирмы на достижение стоящих перед данной фирмой целей инновационного развития. Это положение требует изменения подходов оценки конкурентоспособности персонала. Конкурентоспособность персонала организации оценивается по уровню компетенции, который соотносится с моделью корпоративной компетенции.

Модели компетенций — это описание стандартов поведения существующего или желаемого, знания умения и навыки, профессионально-важные качества, мотивационные стимулы и потенциал работника. Модель корпоративной компетенций представляет собой продукт работы организации по технологии управления компетенциями персонала в компании с учетом политики инновационного развития организации. Выработанная модель компетенций позволяет унифицировать требования к сотрудникам и создать единые стандарты поведения, основу для оценки и продвижения сотрудников. Метод компетенций постепенно становится центральным методом управления человеческими ресурсами в организации, т. к. связывает в единое целое системы подбора, оценки, развития и мотивации персонала и предлагает использование единого языка в процессе развития бизнеса.

Цель создания модели корпоративной компетенции зависит от того, для решения каких задач и в какой ситуации она будет использована (специальные и общие модели, модели для линейных менеджеров и HR).

В данном контексте, управление компетенцией — это процесс направления усилий персонала фирмы на воспроизводство и развитие внутренних конкурентных преимуществ, необходимых для инновационного развития. Применение компетентностного подхода к управлению инновационным развитием позволяет не только выполнять принципы подготовки кадров для инновационного развития, но и создаст условия для балансирования рынка труда, развития среднего и малого бизнеса.

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Студенчество — часть взрослого населения, которая объединяется понятием «молодежь», и воспитание которой является профессиональной обязанностью и долгом педагогов высшей школы. Сама же студенческая деятельность это особая форма общественной практики. Все проблемы, которые выступают перед студентами младших курсов как чисто теоретические и отдаленные, становятся для студентов старших курсов проблемами практическими. Переход от старшего школьного возраста к вузовскому сопровождается определенными трудностями, часто ломкой привычных условий жизни.

У значительной части юношей и девушек уже в старшем школьном возрасте формируется интересы в разных областях знаний. После поступления в вуз у молодых людей происходит, с одной стороны, процесс сужения интересов в плане их профессионализации, с другой стороны — весьма разнообразное расширение интересов в избранной области знаний. В связи с этим ряд прежних интересов отступает на задний план. Именно в этот период зарождающегося профессионального интереса необходимо готовить молодых людей к любому труду — и физическому, и умственному, — без которого немислима никакая профессия. Умение преодолевать жизненные трудности — становится одним из ведущих качеств успешного профессионального становления. Основным и главным условием профессионального — личностного развития является включенность в систему социально профессиональных требований к личности.

Физическая культура представлена в вузах как учебная дисциплина и важнейший базовый компонент формирования общей культуры молодежи. Она способствует гармонизации телесно-духовного единства, обеспечивает формирование таких общечеловеческих ценностей, как здоровье, физическое и психическое благополучие, физическое совершенство студенческой молодежи. Понимание физической культуры личности студента как ценности может стать действенным фактором формирования резервов различных видов физической культуры, формирования прогрессивных тенденций в развитии общественного мнения и потребностей в освоении ценностей физической культуры, как вида культуры будущего специалиста.

В последние годы значительно вырос объем, улучшились содержание и качество научных работ, посвященных исследованию эффективности внедрения нетрадиционных форм, средств и методов физкультурной деятельности студенческой молодежи. При этом значительный интерес представляют работы, в которых положено начало новым подходам к изучению физической культуры в аспектах теории культуры, оригинальным решениям в разработке новой концепции теории физической культуры и ее реализации в условиях гуманитаризации вузовского образования.

Оценивая положительный вклад специалистов в разработку проблемы физкультурной деятельности студентов, необходимо отметить, что теоретические аспекты различных видов физической культуры, обоснование целенаправленного использования ее нетрадиционных форм; средств и методов еще не наш-

ли практического внедрения. Остаются нерешенными и другие важные аспекты нравственного, духовного и физического оздоровления студенческой молодежи. В связи с этим настало время теоретически обосновать виды, формы, средства и методы физкультурной деятельности молодежи, определить их специфику, объяснить сущность их различий и взаимосвязей, обосновать пути внедрения. Актуальна проблема формирования мотивов и потребностей студентов в неспециальном физкультурном образовании, спортивной деятельности, физической рекреации и реабилитации.

Главными критериями при разработке различных видов физической культуры в вузах следует считать как объективную (требования общества), так и субъективную (личное желание) потребности в различных видах физкультурной деятельности. Для каждого из видов физической культуры необходимо разработать свою теорию, организацию, задачи, формы, средства и методы, связи с другими ее видами. Такой подход направлен непосредственно на удовлетворение потребности, мотивов и личностных ориентации в физкультурной деятельности каждого молодого человека и в значительной степени повысит престиж физической культуры в системе гуманитаризации вузовского образования.

Рассматривая структуру физической культуры в свете теории социальных (общественных) потребностей, В. М. Выдрин указывает, что в процессе всестороннего развития человека в физической культуре «по мере развития общественного опыта и науки формируются ее виды или формы».

В теории физической культуры разработаны основные формы функционирования физической культуры: неспециальное физкультурное образование, спорт, физическая рекреация и физическая реабилитация. Основой такого единства выступает главное средство — физические упражнения. Они являются началом, структурной основной единицей практики, отношением взаимодействия организма и его движений.

Основная форма функционирования физической культуры в вузах — неспециальное физкультурное образование. Как и образование в целом, оно является общей и вечной категорией социальной жизни личности и общества в целом. На необходимость усиления образовательной направленности физкультурной деятельности и обеспечения грамотности студенческой молодежи вузов нефизкультурного профиля указывается в ряде научных работ В. К. Бальсевича (1991, 1993), М. Я. Виленского (1996), В. М. Выдрина (1991, 1995), Л. И. Лубышева (1993).

Повышение образовательной направленности физкультурной деятельности молодежи означает процесс не только их телесного развития, но и, главное, духовного обогащения их знаниями, которые способствуют осознанному, творческому отношению к задачам, средствам, методам и формам физкультурной деятельности, формированию отношения к физической культуре как ценности и целями неспециального физкультурного образования студенческой молодежи следует считать:

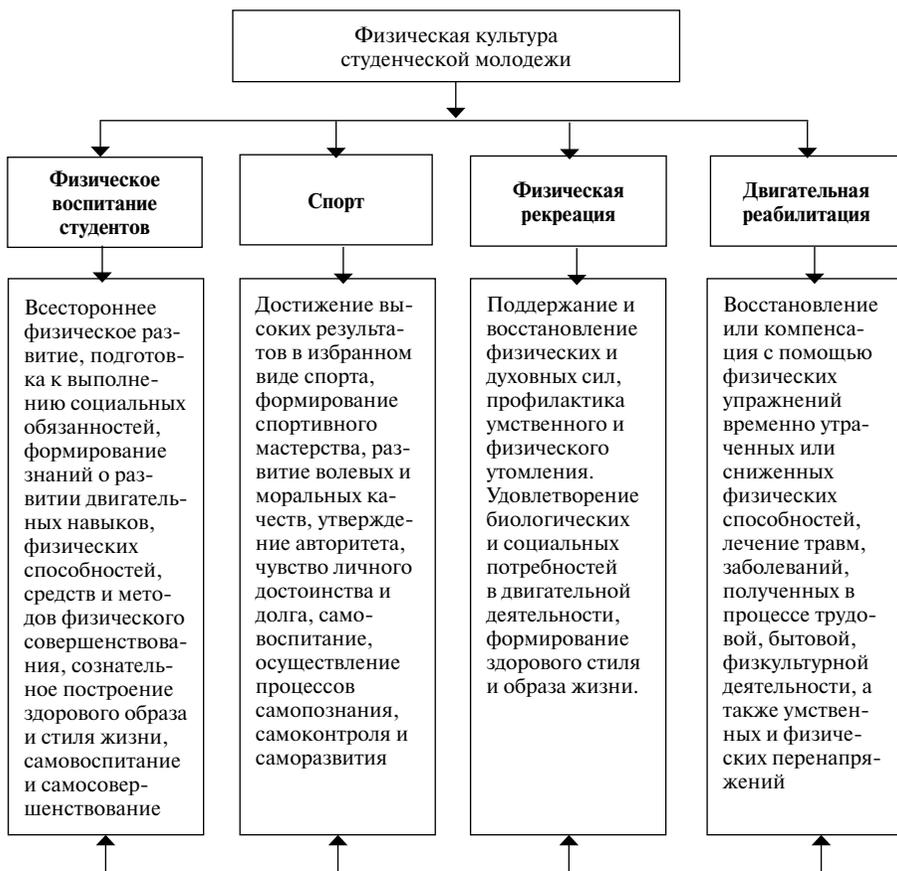
1. Достижение целостности знания о человеке, его культуре как системе норм, ценностей, ориентированных на развитие личностных качеств каждого молодого человека.

2. Создание гуманитарных основ (нравственно-этических, культурно-эстетических) формирования интеллигентности студента в единстве с его физкультурной деятельностью.

3. Воспитание у студентов потребности и способности руководствоваться в своей жизнедеятельности гуманистическими мотивами и целями физкультурной деятельности, умения протезировать и самокритично оценивать результаты телесного и духовного развития.

Ориентация студентов на самообразование, саморазвитие, саморегуляцию и самоконтроль в области физкультурной деятельности, непрерывное духовное и физическое развитие как важный фактор во всех сферах их жизнедеятельности.

То есть гуманизация выступает как объективная необходимость и закономерная тенденция в развитии неспециального физкультурного образования. Она обусловлена как потребностью в гуманизации физкультурного статуса общества, его демократизацией и возрастанием в этой связи требований к духовной, нравственной и физической культуре личности будущего специалиста, так и внутренним развитием самой системы физкультурного образования, его переходом от экстенсивного к интенсивному, качественно новому принципу развития личностного начала в обучении и воспитании в сфере физической культуры.

В физическом воспитании студентов можно выделить две группы:

1. Функции обучения: сообщение специальных знаний в области всестороннего физического развития личности студента, теории и методики занятий физическими упражнениями в различных видах физической культуры. Формирование двигательных умений и навыков, рациональной техники выполнения физических упражнений, двигательных приемов и действий.

2. Функции воспитания: формирование осознанного отношения студентов к своему физическому развитию, воспитание решительности, силы воли к преодолению значительных физических нагрузок в условиях повышенной психоэмоциональной напряженности, связанной с интенсификацией гуманитаризации высшей школы, формирование потребностей и мотивов в регулярной физкультурной активности.

Привлекательной и важной формой функционирования физической культуры является спортивная деятельность. При занятиях спортом раскрываются психофизические способности индивида, выявляются возможные уровни работоспособности его организма. Это и один из способов самоутверждения, победы над временем, соперником, а главное над самим собой.

Спортивная деятельность является логическим завершением неспециального физкультурного образования, т. к. оно создает только начальную базу для всестороннего развития физических качеств: силы, быстроты, выносливости, ловкости, координации движений, двигательных навыков, формирует предпосылки для их многообразного развития. Необходимость в занятиях спортом определяется потребностями общества иметь специфические средства воспитания высоких психофизических способностей молодого специалиста.

Деятельность в сфере спорта позволяет расширить круг общения молодежи, дает возможность сопереживания, эстетического и эмоционального восприятия, решения научных, педагогических, социальных и других задач в нестандартных ситуациях. Это особенно важно в условиях перехода на многоуровневую систему образования, когда студенты вовлечены в стремительный ритм современной жизни, что иногда неблагоприятно сказывается на их психофизических качествах.

В процессе спортивной деятельности создаются реальные условия для саморазвития, самосовершенствования и саморегулирования, обеспечиваются условия для адекватного самопознания личности студента значимых и социально приемлемых способов самореализации и самоутверждения средствами избранных видов спорта. Это дает молодому человеку возможность испытать радость и наслаждение от роста спортивных достижений, осуществления намеченных в самосовершенствовании целей.

Все большее внимание уделяется идее конверсии технологий спортивной подготовки в интересах совершенствования методик физического воспитания студенческой молодежи.

Социально-исторические условия играют главенствующую роль в формировании личности, но их влияние преломляется в непосредственном окружении личности, также немаловажны и ее собственные устремления. Кроме внешних факторов, действующих на личность, существуют внутренние, психологические, а также социально-психологические (связанные с различными видами и кругами общения). Становление личности происходит в постоянном противоречии между

потенциями (умениями, навыками, интеллектом) и тенденциями (целями, стремлениями, планами). Наиболее важный и критический этап развития личности — юность. В этот период человеку необходимо делать жизненный выбор, принимать решение о том, как строить свое будущее. Он сталкивается с двумя основными жизненными задачами. Первая — самоопределение в профессиональной сфере: выбор профессии, овладение ею, вторая — создание своего круга общения, поиск друзей, любимого человека. Для того чтобы сделать правильный выбор, недостаточно знаний о внешнем мире, необходимо разобраться в себе, в своих личных особенностях, познать себя, свои возможности и способности. У личности есть три пути самопознания. Первый — оценки, мнения других людей. Вторым — это социальное сравнение. Третьим возможным путем — самооценка. Человек как бы извне наблюдает за своими поступками и делает вывод об их мотивах, об отношениях с окружающими и о своих личностных качествах. Действительно, поступок, т. е. действие в социальной ситуации, раскрывает внутренний мир личности, выявляет, что в нем главное, устойчивое, а что — внешнее, ситуативное. Такой путь самопознания более сложен, чем первые два: человеку иногда приходится специально конструировать особую ситуацию, а затем проверять себя в ней. Не всегда эти ситуации имеют разумную составляющую (например, на спор пройти по карнизу, спрыгнуть с высоты и т. д.). В последнее десятилетие вырос интерес к экстремальным видам спорта среди молодежи, что служит показателем не только развития современных технологий в области производства спортивного инвентаря, но и желание молодых людей к самопознанию своих возможностей и способностей.

В качестве основной, ведущей деятельности студентов считают учебную деятельность [2; 3]. Однако они считают, что учебная, познавательная деятельность студентов в учебном заведении имеет свои особенности: во-первых, она включает в себя не только усвоение теоретических знаний, но и практического опыта; во-вторых, интеллектуальная, познавательная деятельность не поддается регламентации и протекает не только по законам рабочего, но свободного времени.

В современном обществе все более расширяется виртуальная сфера жизнедеятельности людей. Развитие средств массовой информации. Интернета, международного туризма, глобальной телефонной сети и т. д. ведут к тому, что взаимодействие людей все больше будет приобретать виртуальный характер. А как известно, что самыми активными участниками виртуального общения является молодежь.

Учебно-воспитательный процесс в рамках курса «Физическая культура» в вузе являясь полноправным членом познавательно-преобразовательной деятельности и решая задачу формирования навыков и умений в использовании средств физического воспитания для сохранения здоровья, стремления к физическому совершенству, продуктивности профессиональной деятельности предлагает молодым людям непосредственно «живое» общение, в ходе которого формируются навыки эффективного общения.

При этом средства физического воспитания выполняются с учетом;

- требований учебной деятельности к обучаемым;
- развития наиболее значимых физических качеств и профессионально-важных навыков, уровня физической подготовленности, физического развития и состояния здоровья, обуславливающих успех в учебно-профессиональной деятельности;

- мотивов, пожеланий, склонностей, побуждающих студентов к занятиям физическими упражнениями.

Формирование физической активности является необходимым базисом для успешного овладения профессией, а участие в физкультурно-спортивной деятельности позволяет:

- успешно адаптироваться к обучению в вузе;
- самоопределиться в учебной группе;
- расширить коммуникативный опыт;
- повысить уровень самооценки за счет преодоления посильных трудностей.

Таким образом, создается взаимосвязь между внутренней и внешней активностью, которая и образует, в конечном счете, социальную активность.

Литература

1. *Макеева В. С.* Социализация и профессионализация личности в процессе физического воспитания // Личность студента в образовательно-развивающем пространстве физической культуры: тез. докл. М., 2003. С. 305–308.
2. *Минюшев Ф. И.* Социология культуры: учеб. пособие для вузов. М., 2004.
3. *Митченкова Е. С.* Личностно ориентированное обучение как фактор предвузовской подготовки слушателей подготовительных курсов. М., 1999.
4. Социология молодежи / под ред. В. Т. Лисовского. СПб., 1996.

О. А. Тарасова, И. Ю. Житкова

ОПЫТ СПОРТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

Ухудшение состояния здоровья, снижение физической подготовленности и недостаточность двигательной активности в студенческой среде являются на сегодняшний день проблемой, которая ставит под угрозу инновационные процессы современного образования в высшей школе. Сильное беспокойство у специалистов, ученых и преподавателей вызывают снижение потребности, интереса и устойчивой мотивации к занятиям по дисциплине «Физическая культура» студентов на протяжении всего периода обучения. Поэтому поиск эффективных организационно-методических форм проведения занятий в рамках учебного процесса по физической культуре является особенно актуальным.

Решение организовать работу, используя спортивно-ориентированный подход, в процессе занятий по физическому воспитанию в СПбАУЭ было принято в ходе внедрения балльно-рейтинговой системы оценки успеваемости студентов в учебный процесс. Учитывая, что основными принципами спортивно-ориентированного физического воспитания являются адекватность содержания физической подготовки индивидуальному состоянию человека, гармонизация и оптимизация физической тренировки, свобода выбора формы физической активности в соответствии с личными склонностями и способностями человека, были сформированы 4 подгрупп для студентов, обучающихся на I курсе. В первой подгруппе основной формой двигательной активности являлся волейбол, во второй — баскетбол, для третьей группы были предложены занятия по общей физической подготовленности

и легкой атлетике. Четвертая группа была сформирована для студентов, относящихся к специальной медицинской группе. Для них были организованы занятия с использованием средств ЛФК и пилатеса. Численный состав этих групп представлен в табл. 1.

Представленные виды двигательной активности были выбраны с учетом проведенного анкетирования, выявляющее предпочтение студентов к тем или иным видам двигательной активности.

Таблица 1

**Распределение студентов в соответствии с их предпочтениями
в выборе вида спорта, в %**

	Волейбол	Баскетбол	ОФП	ЛФК и пилатес
Количество студентов	31, 6	13, 4	23, 7	31, 3

В каждой подгруппе занятия проводились в соответствии с программой ГОС второго поколения. Для каждой специализации были разработаны рабочие учебные программы, в которых отражен практический материал по совершенствованию технических и тактических действий для игровых видов спорта, совершенствованию физических качеств для группы ОФП и программы коррекции состояния здоровья и физического состояния с учетом нозологических групп заболеваний для студентов специальной медицинской группы. В каждой программе представлена балльно-рейтинговая система оценки успеваемости студентов, которая представляет систему учета, накопления и оценивания результатов учебной деятельности в ходе семестра по следующим критериям: посещаемость занятий, сдача текущих и обязательных контрольных нормативов, участие в спортивных мероприятиях.

Занятия проводились в объеме 4 часа в неделю. С точки зрения физиологов такой двигательный режим носит поддерживающий режим, поэтому были разработаны методические рекомендации для самостоятельной работы студентов использования физических упражнений в режиме дня. В них представлены комплексы преимущественно направленные на развитие общей выносливости, развития силы различных групп мышц, гибкости в различных суставах, комплексы упражнений для выработки навыков расслабления.

Для контроля уровня физической подготовленности в ходе учебного процесса использовались обязательные тесты, рекомендуемые программой по физической культуре для студентов основной медицинской группы: для юношей — бег 100 м и 3000 м, подтягивание на перекладине; для девушек — бег 100 м и 2000 м, поднимание и опускание туловища из положения лежа. Контрольные испытания проходили в октябре и мае. Для студентов, занимающихся в группе и ЛФК, были проведено тестирование с учетом индивидуальных показаний и наличие противопоказаний к выполнению физических упражнений, поэтому результаты тестирования студентов этой группы требуют дальнейшего изучения. Полученные результаты тестирования представлены в табл. 2.

Таблица 2

Сравнительный анализ физической подготовленности студентов I курса

	Специализация											
	волейбол					баскетбол					ОФП	
	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после	до	после
	M±m*	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m	M±m
Левушки	100 м	18,24±1,60	17,08±1,17	18,35±1,85	11,35±1,25	11,30±1,04	16,66±1,9	18,68 ±2,02	11,37±1,27	50,25±12,72	59,23±2,66	16,62±1,62
	2000 м	11,31±1,23	11,52±1,60	11,35±1,25	11,35±1,25	11,30±1,04	11,30±1,04	11,37±1,27	11,37±1,27	11,37±1,27	11,25±1,18	11,25±1,18
	пресс	55,36±10,09	57,21±6,03	53,65±11,12	53,65±11,12	56,20±2,59	56,20±2,59	56,20±2,59	56,20±2,59	56,20±2,59	56,20±2,59	56,20±2,59
Юноши	100 м	13,68±0,48	13,79±0,59	13,89±0,60	13,89±0,60	13,64±0,42	13,64±0,42	13,9±0,14	13,9±0,14	12,09±0,28	11,58±0,55	13,25±0,57
	3000 м	12,20±0,67	12,57±1,04	12,59±0,53	12,59±0,53	12,33±0,53	12,33±0,53	12,09±0,28	12,09±0,28	12,09±0,28	12,09±0,28	12,09±0,28
	подтягивание	13,14±1,44	12,44±3,55	8,5±2,59	8,5±2,59	10,78±2,28	10,78±2,28	10,78±2,28	10,78±2,28	10,78±2,28	10,78±2,28	10,78±2,28

* М — среднее арифметическое, m — ошибка среднего.

Сравнительный анализ результатов физической подготовленности студентов I курса показал, что наибольший прирост по показателям общей выносливости произошел у девушек и юношей в группах занимающихся ОФП, наибольший прирост в беге на 100 м и в показателях силы характерен для студентов занимающихся баскетболом и ОФП.

В тоже время студенты, занимающиеся волейболом, прироста в контрольном тестировании не показали. Поэтому был произведен анализ содержания тренировочных нагрузок этой исследуемой группы. При построении учебно-тренировочных занятий много времени уделялось овладению технических приемов волейбола: приемам и передачам мяча сверху и снизу, различным видам подач, нападающим ударам, а так же групповым и командным тактическим взаимодействиям. Это объясняется тем, что в этой группе занимались студенты, которые довольно слабо овладели технической подготовкой этого вида спорта еще в школе. Однако положительным моментом для студентов, занимающихся волейболом можно отметить количество пропущенных занятий по неважной причине. Таких пропусков составляет всего 6% от общего количества пропусков. Изучая такую тенденцию, мы опросили студентов, занимающихся волейболом, пояснить наметившуюся тенденцию. 38% студентов объяснили свое отношение к занятиям, что этот вид спорта был им интересен еще школе, однако они не смогли получить достаточных умений и навыков. А 26% студентов отметили, что популярность в студенческой среде волейбола последнее время возрастает, и получить необходимые умения в вузе — это шанс научиться играть в волейбол в достаточной степени; 24% считают занятия как отличную форму активного отдыха в течение учебного дня; для 12% студентов волейбол является способом неформального общения среди однокурсников.

Группа, занимающаяся ОФП, показала наиболее лучшие результаты контрольного тестирования. Для этих студентов характерен повышенный интерес к различным программам развития двигательных качеств, коррекции телосложения, использования физических упражнений для повышения работоспособности. Однако среди них больше всего студентов (15%), которые пропустили занятия. Это связано с тем, что группы были сформированы из юношей и девушек имеющие разный исходный уровень физической подготовленности. На занятиях где акцент ставился на более интенсивную нагрузку, студенты, имеющие низкий уровень не всегда справлялись с предложенной интенсивностью. После таких занятий многие отмечали у себя снижение самочувствия, активности и настроения. В тоже время занятия с меньшей интенсивностью не устраивало студентов с высоким уровнем физической подготовленностью. Поэтому тем или другим приходилось подстраиваться, что приводило к пропускам учебных занятий.

Для групп занимающихся баскетболом выявлено, что небольшое количество девушек хотят им заниматься. Они отмечают, что в полученный опыт в школе не стимулирует их выбрать данный вид спорта по собственному предпочтению. Многие из них боятся получить травму или стесняются отсутствия сформированных технических навыков. Поэтому следует создавать отдельные группы для девушек, в которых на начальном этапе будет проводиться работа по преодолению недостатков технической подготовленности и разучиванию простейших групповых и командных взаимодействий, характерных для этого вида спорта. В дальнейшем, когда эти навыки будут сформированы, группы девушек и юношей можно объединить,

የከፍተኛ ሁለተኛ ደረጃ ትምህርትን በጥሩ ውጤት ካለፉ ለዩኒቨርሲቲ መግቢያ አጠቃላይ ዝግጅት ፕሮግራም ያልፋሉ።
 ከዚህ በኋላ የዩኒቨርሲቲ መግቢያ ብሄራዊ ፈተና ካለፉ በመረጡት የትምህርት መስክ የከፍተኛ መ-ያ ትምህርታቸውን ይቀጥላሉ።

በከፍተኛ የትምህርት ተቋሞች

- > በባችለር ደረጃ
- > በግስትሬት ደረጃ
- > በደክትሬት ደረጃ ጥናታቸውንና ምርምራቸውን ይቀጥላሉ።

ከዚህ በተጨማሪ በተገኘ ቋሚ የትምህርት ፕሮግራም መኪታተል የግይትሎ በግታና በከረምት (በቢጋ) አንዲሁም በተልዕኮ ትምህርት ትምህርታቸውን መኪታተል ይችላሉ።

2. በኢትዮጵያ የከፍተኛ ትምህርት ተቋሞች በሚከተሉት የመ-ያ ዘርፎች የተለያዩ መ-ያተኞችን ያዘጋጃሉ።

2.1 በጉብረተሰብ (ሶሻል ሳይንስ) ዘርፍ፤

- > የማህበራዊ ኮሮ ባለሙያዎች (ሲቪል ሎጂስቲክስ)
- > የአስተዳደር ባለሙያዎች
- > የኢኮኖሚ (የምግብና ሃብት) ባለሙያዎች
- > የፖለቲካና አለም አቀፍ ግንኙነት ባለሙያዎች
- > የማህበራዊ ገንኙነት
- > የታሪክ ምሁራን
- > መምህራን (ፕላንኒንግ)
- > የኮምፒዩተር ሳይንስ ባለሙያዎች
- > የቤተ መጻሕፍትና ቤተ መዛግብት ባለሙያዎች ሲሆኑ።

2.2 በሳይንስ መስክ

- > የኬሚስትሪ፣ የፊዚክስ፣ የሂሳብ፣ የግሉጂ ወይንም ባለሙያዎች ይዘጋጃሉ።

2.3 በእርሻና የመሬት ጥበቃ መስክ

- > የእርሻ ጠበብኞች (አግሮ ኢኮኖሚስቶች)
- > የክፍትና የዶሮ እርባታ ጠበብኞች
- > የመሬት ማዳበሪያና መጠበቂያ ጠበብኞች
- > የእርሻ ምርቶች፣ ማምረቻ መሳሪያዎች ጥናት ሃላፊዎች
- > የእርሻ የክፍት የውሃ ጥናት ባለሙያዎች ይገኙበታል።

2.4 በተግባር ዕድና ቴክኖሎጂ መስክ

- > የተለያዩ መስክ ሊገኝላቸዎት (የኢንፎርሜሽን ቴክኖሎጂ፣ የግንባታና ጥገና፣ ቢት፣ ድልድይ፣ መንገድ፣ ፋብሪካ ወዘተ -- ተግባርና ግንባታ) የኬሚካልና ፕላስቲክ ሊገኝላቸዎት ባለሙያዎችን፣ የኢሲዩቨን ሊገኝላቸዎት የመሳሰሉት ባለሙያዎች

3. የሚከናወኑ የምርምር ዓይነቶች፤

ከፍተኛ ምርምር ትኩረት የተሰጣቸውና የሚካሄዱት በእርሻና የክፍት ዕርባታ ዘርፎች ሲሆን ከነዚህም ግኝቶቹ፡-

- > የቡናን ጥራትና ብዛት ለማሳደግ የሚደረገው
- > የምግብ ለህልና የፍሬፍሬ ዘርፍን ጥራትና ምርታማነት ለማሳደግ የሚደረገው ጥናቶች
- > የዋሪድ ክፍትና የዶሮ ዕርባታን ጥራትና ብዛት ለማሳደግ የሚደረገው ጥናቶች ጥናት ምንጭ ናቸው።

4. በህብረተሰብ ሳይንስ ረገድ

ኢትዮጵያ የረዥም ዘመናት ታሪክ ያላት አገር በመሆኗ የጥናትና ቅድመ ታሪክ መረጃዎች (የኢኮኖሚክስ ቅርፅ)፣ የብሪናና ሌሎችም የኢትዮጵያ የጥናት፣ የፅሁፍ ቅርፅ፣ የተለያዩ ብሄሮችና ብሄረሰቦች ታሪኮች፣ ቋንቋዎች፣ የአለባበስና የእርምጃ ዘይቤዎች፣ እፈ ታሪኮች፣ ተረቶችና ምላሳዎች፣ የኢትዮጵያ የስነ ፅሁፍ ዕድገት ደረጃዎችና ዘመናዊ ሃይትዮጵያ ስነ ፅሁፍ ወዘተ -- ያጠቃልላሉ።

5- በኢትዮጵያ ህብረተሰብ ዕድገት ሳይንስ ያለውና የሚጫወተው ሚና (የተሰጠው ቦታ) ባለገበት በ 21ኛው ክፍለ ዘመን ሳይንስና ቴክኖሎጂ ዕድገት የሚጫወተትን ወሳኝ ሚና በመረዳት መንግስትና ህዝብ ለትምህርት፣ ለሳይንስና ለምርምር ከፍተኛ ቦታና ትኩረት በመስጠት በሁሉም ዘርፎች ላይ የዕድገት መሰረቶችን በመጣል መሰረታዊና ከፍተኛ የምርምርና የምርት ተቋማት በማቋቋም በመገንባት ከፍተኛ እንግዲህ በማድረግ ላይ ይገኛል። ይህ ግንባታና እንግዲህ ከጊዜ ወደ ጊዜ ላይ ያደገና ለየተስፋፋ የሚሄድ ስለሆነ በሚቀጥሉት ተከታታይ ዓመታት መልካም ውጤቶች እንደሚገኙበት ይታመናል። በአጠቃላይም አገሪቷን ከኋለቀርት ለላቅቆ ለከፍተኛ የዕድገት ደረጃ እንደሚያደርስ ይጠበቃል።

В статье дается характеристика системы образования в Эфиопии. Авторы раскрывают основные направления в развитии науки, ее влияние на экономику, политику и другие сферы жизнедеятельности общества.

П. Е. Тищенко

НАУКА И ВОСПИТАНИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Интерес исследователей к воспитанию подростков является традиционным в истории науки и цивилизации, т. к. данная проблема тесно переплетается с проблемой социальной адаптации молодежи, которая является фактором стабильности общества и его развития. Перспективы страны в большей степени зависят от уровня воспитания, социализации и образованности сегодняшних подростков. Общество, обладающее системой базовых нравственных ценностей, должно передать их молодым. В этом залог того, что они смогут найти свое место в жизни, будут востребованы.

Структура воспитания. В процессе усвоения социальных норм различают следующие уровни воспитания:

В зависимости от отношения к трудовой деятельности выделяются следующие стадии преемственности воспитания:

- 1) дотрудовая, включающая период жизни человека до начала трудовой деятельности;
- 2) трудовая стадия охватывает период зрелости человека. Однако демографические границы этой стадии определить трудно, т. к. она включает весь период трудовой деятельности человека. Именно в труде закладываются основные базисные ценности, формируется самосознание, ценностные ориентации и социальные установки личности;
- 3) послетрудовая стадия наступает в пожилом возрасте и знаменует прекращение трудовой деятельности.

В процессе воспитания личность как бы «примеривает» себя и выполняет различные роли, которые дают возможность ей проявить, раскрыть себя, т. е. определенным образом репрезентировать социуму. По динамике выполняемых ролей можно получить представление о тех реальных взаимодействиях и о тех статусно-ролевых отношениях, в которые личность была включена.

Одной из основных функций воспитания является формирование личности, адекватно отражающей социальную ситуацию и способной взять на себя решение наиболее важных общественно значимых задач, а также эстафировать свою духовность живущим в этом же обществе, стране, семье и в едином цивилизационном пространстве.

Итак, сущностный смысл воспитания раскрывается на пересечении таких ее процессов, как адаптация, интеграция, саморазвитие и самореализация. Диалектическое их единство обеспечивает оптимальное развитие личности на протяжении всей жизни человека во взаимодействии с окружающей средой.

В зависимости от степени интеграции с личностью прививаемых идей выделяют:

1) целенаправленный конформизм, когда приспособляющийся человек знает, как он должен действовать, как вести себя, но внешне соглашаясь с требованиями социальной среды, продолжает придерживаться своей системы ценностей (А. Маслоу);

2) взаимная терпимость, при которой взаимодействующие субъекты проявляют взаимную снисходительность к ценностям и формам поведения друг друга (Я. Щепаньский);

3) аккомодация как наиболее распространенная форма социальной адаптации возникает на основе терпимости и проявляется во взаимных уступках, что означает признание человеком ценностей социальной среды и признание средой индивидуальных особенностей человека (Я. Щепаньский);

4) ассимиляция, или полное приспособление, когда человек полностью отказывается от своих прежних ценностей и принимает систему ценностей новой среды (Ж. Пиаже).

Механизмы реализации воспитания. Выделяют два «плана» воспитания: филогенетический, объясняющий пути и механизмы формирования родовых свойств человека, и онтогенетический, объясняющий процесс становления личности в ходе индивидуального развития. Онтогенетическое воспитание представляет собой процессы интериоризации (перенос общественных представлений в сознание отдельного человека, переход внешних практических действий в умственный план) социальных норм, ценностей и типичных форм поведения, а также процессы экстериоризации (вынесение вовне результатов умственных действий), осуществляемые в процессе индивидуальной жизнедеятельности.

Еще в 1930-е гг. Л. С. Выготский говорил о воспитании как о преобразовании интерпсихического в интрапсихическое в ходе совместной деятельности и общения, как об интериоризации или присвоении индивидом общественного опыта, культурных знаков (культурно-историческая концепция развития высших психических функций).

Согласно Л. С. Выготскому, переход от низших психических функций к высшим есть присвоение культуры индивидом. Источник этого процесса — в социальных отношениях, взаимодействии ребенка и взрослого. Воспитание практически тождественно «окультуриванию» как присвоению социального опыта ребенка через взаимодействие с носителем этого опыта. Через других мы становимся самими собой.

Это правило относится не только к личности в целом, но и к истории каждой отдельной психической функции. Всякая психическая функция первоначально является как разделенная со взрослым. Установившаяся контакт с ребенком, наполняя общение соответствующим содержанием, взрослый во многом определяет развитие личности воспитываемого. За всеми высшими функциями личности стоят социальные или реальные отношения.

Всеобщими и универсальными механизмами воспитания являются интериоризация и экстериоризация, которые проявляются в ряде психологических механизмов, выполняющих защитную (адаптивную), регулятивную и самоактуализирующую функции.

Воспитание и коллектив. Непременным условием воспитания ребенка является его общение в коллективе, которое происходит в детском саду, школе, различных неформальных детских и подростковых объединениях. Общество сверстников — это совокупность различных малых групп.

Стереотипы поведения, особенностей языка в малых группах складываются под влиянием больших социальных групп. Малые группы представляют собой социальную микросреду, опосредствующую взаимосвязь ребенка с обществом в целом. Психологи выделяют в детских и подростковых группах функционально-ролевые, эмоционально-оценочные и личностно-смысловые отношения между сверстниками.

Функционально-ролевые отношения зафиксированы в специфичных для данной общности сферах жизнедеятельности детей (трудовой, учебной) и разворачиваются в ходе усвоения ребенком норм и способов действий в группе под непосредственным руководством и контролем со стороны взрослого.

Основная функция эмоционально-оценочных отношений в детской и подростковой группе — осуществление коррекции поведения сверстника в соответствии с принятыми нормами совместной деятельности. На первый план здесь выступают эмоциональные предпочтения — симпатии, антипатии, дружеские привязанности и пр. Они возникают в онтогенезе довольно рано. Так, если дошкольник следует этим нормам, то он оценивается другими детьми позитивно, если отходит от этих норм, то возникают «жалобы» взрослому, продиктованные желанием подтвердить норму.

Личностно-смысловые отношения — это взаимосвязи в группе, при которых мотив одного ребенка приобретает личностный смысл для других сверстников. При этом другие начинают переживать интересы и ценности этого ребенка как свои собственные, ради которых они, принимая различные социальные роли, действуют. Личностно-смысловые отношения особенно ярко проявляются в тех случаях, когда во взаимоотношениях с окружающими ребенок берет на себя роль взрослого и действует согласно ей.

Межличностные отношения ребенка со сверстниками, возникающие стихийно или организуемые взрослыми, характеризуются возрастной динамикой. Так, дошкольники в играх и в реальной жизни, общаясь со сверстниками, воспроизводят отношения взрослых, реализуют нормы и ценности, усвоенные в общении со взрослыми. Основания для межличностных отношений у младших школьников иные, чем в группах дошкольников: предпочтения в выборе товарищей определяются в наибольшей степени успехами или неудачами в учебе, при этом ориентир делается на мнение учителя. У младших школьников появляются первые признаки взаимоотношений по интересам, что служит основой формирования неформальных групп. Для подростков наиболее важным в межличностных отношениях становится соответствие ожиданиям, т. е. ожиданиям. Поэтому особую ценность приобретают такие качества личности, как смелость, сообразительность, умение понять товарища и помочь ему. Подросток сам готов оказать поддержку сверстнику, но и

от него ждет помощи. Для него общение со сверстниками — это самостоятельная и значимая сфера жизни. Психологи считают, что потребность обрести индивидуальность и добиться ее признания окружающими, быть похожим на взрослого является преобладающей в подростковом возрасте.

Именно поэтому коллектив (неформальная группа), объединенный общностью интересов и взаимными симпатиями, для подростка приобретает особую притягательность. Иногда личностные качества подростка, которые высоко ценятся в одной группе, отвергаются в другой, отличающейся иными ценностными ориентациями. Расхождения между взглядами подростка на себя и отношением к себе, неуспех в общении толкают его на поиск однородной с ним группы, где он может утвердить себя в ином качестве. Как правило, это неформальные группы, в которых нередко доминирует асоциальная направленность. Из множества сфер общения подростком выделяется референтная группа сверстников, с требованиями которой он считается и на мнение которой ориентируется в значимых для себя ситуациях. Выявление этой референтной группы помогает понять, кто оказывает наибольшее влияние на психологический климат класса. Опора на авторитет «значимого круга общения» усиливает эффект целенаправленного воспитания.

Подростково-юношеская субкультура выполняет не только воспитывающую функцию, но и конструктивно-творческую, поскольку ее явления непосредственно включены в жизнь общества и определяют некоторые формы ее развития, факторы, отделяющие подростково-юношескую субкультуру от мира взрослых, связаны с противоречивостью норм взрослой жизни, резкими культурными и технологическими изменениями, одиночеством, противоречивым влиянием средств массовой коммуникации, неустойчивостью социальной среды. В таких условиях группы подростков и юношей тяготеют к различным формам контркультурного движения и отклоняющегося поведения, которые в современном обществе приобретают характер усиливающейся тенденции.

Таким образом, основа общества сверстников — неформальные (приятельские и дружеские) коллективы, куда входят практически все дети, подростки и юноши. Чем старше школьник, тем сильнее его потребность в таких коллективах. В них он получает действительную или мнимую, но неосознаваемую возможность самореализации. При этом внутренняя (сущностная) самореализация проявляется в самоощущении себя равным, принятым и поэтому значимым для других. Внешняя самореализация направлена на то, чтобы быть таким, как все, соответствовать стандартам моды, поведения.

Воспитание и труд. Виды воспитания классифицируются по разным основаниям. Наиболее обобщенная классификация предполагает выделение в отдельный класс трудового воспитания.

Трудовое воспитание — это многогранный, диалектический процесс, в результате которого подрастающая смена перенимает у старших поколений трудовой и социальный опыт и тем самым практически, идейно и нравственно готовится к труду, к управлению производством и государством.

Современная педагогика и психология позволяют выделить следующие концептуальные основы воспитательной функции трудовой деятельности.

Труд развивает умственные способности человека, его сообразительность, творческую смекалку. Работа на современном производстве требует широкой

образовательной и технической подготовки, умения быстро овладевать новой технологией, способностей в области рационализации и совершенствования трудовых приемов.

Исключительно велико значение труда в нравственном воспитании личности. Многие педагоги связывали трудовую деятельность с развитием гражданского сознания школьников, патриотических чувств и понимания своего общественного долга. Каждый воспитанный готовится стать членом трудового коллектива. Его значение и ценность как гражданина будут зависеть исключительно от его умения трудиться и приносить пользу себе и людям. В то же время от трудовой подготовки и личного вклада человека в общее дело зависит его материальное благосостояние.

Существенная функция труда состоит в формировании у подростков товарищеских отношений, коллективизма и взаимной требовательности. А. С. Макаренко считал труд существенным элементом выработки у воспитанников жизненной сноровки, укрепления характера и гражданских чувств. «Мы хорошо знаем, — писал он, — что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни умеют работать лучше, другие — хуже, одни способны только к самому простому труду, другие — к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни и в особенности в молодости.

Наконец, труд как фактор воспитания способствует жизненному самоопределению и правильному выбору профессии. Как ни многогранно воспитательное значение учения, оно все же связано главным образом с умственной деятельностью и, естественно, формирует интерес преимущественно к интеллектуальной работе.

Таким образом, процесс воспитания является сложным явлением, требующим системного подхода в целях достижения эффекта в подростково-молодежной среде.

Н. А. Трунова, И. В. Виноградова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ

Статья выполнена по результатам работы над госбюджетным научным проектом Министерства образования и науки РФ № 3.1.2/6023 и ставит своей целью рассмотрение международного опыта разработки показателей эффективности в научной сфере.

Отметим, что разработка системы оценки результатов деятельности отдельных научных сотрудников, лабораторий или институтов в разных странах имеет различные интерпретации. Выбор подходов в осуществлении оценки зависит от различных факторов. Например, если оценка осуществляется для выявления эффективности вложенных в проект инвестиций, то на первый план выходят показатели, характеризующие потенциал и результаты коммерциализации продукта, созданного в рамках реализации проекта. Если целью оценки является определение рыноч-

ной позиции или конкурентоспособности проекта/компании, то в данном случае на первый план выходят сравнительные показатели производительности у разных участников рынка.

При оценке эффективности научного сектора в масштабе страны, прежде всего, выявляется согласованность направлений работы научного сектора со стратегическими целями и задачами развития государства, а также сопоставляется результативность с другими странами мира.

Наибольших результатов в оценке результатов научной деятельности удалось достичь странам Организации Экономического Развития и Сотрудничества (ОЭСР). Не менее одного раза в 2 года (начиная с 1999 г.) ОЭСР публикует сборник статистических показателей, характеризующих состояние и динамику развития науки и технологий по странам — членам ОЭСР, а также основным странам, не включенным в ОЭСР: «OECD Science, Technology and Industry ScoreBoard». Помимо сборника также публикуется множество аналитических и статистических отчетов о характере развития науки и технологий в мире.

В состав данного и аналогичных статистических исследований, как правило, входят следующие блоки статистических индикаторов: 1) инвестиции в науку; 2) государственная поддержка исследований и разработок; 3) кадровый потенциал науки; 4) образовательная система; 5) торговля результатами научной деятельности; 6) патентная работа и цитируемость.

В 2003 г. был опубликован «Третий европейский доклад о показателях развития науки и технологий: к экономике, основанной на знаниях». Этот доклад интересен не только обилием фактической информации о состоянии научных и инновационных систем стран Европы, но и методологическим подходом, принятым в этом проекте.

В докладе использована следующая классификация знаний [6, р. 39]:

- научные знания, формируемые в университетах, государственных научно-исследовательских институтах и частном корпоративном секторе исследований и разработок;
- технические (технологические) знания, основными поставщиками которых являются компании предпринимательского сектора, проводящие собственные исследования и разработки, институты предпринимательского сектора и государственные научные учреждения, университеты, а также исследовательская активность в новых предпринимательских структурах, возникающих как при создании нового бизнеса, так и в качестве побочного продукта исследований, проводимых в уже существующих организациях (spin-offs);
- инновации, осуществляемые компаниями предпринимательского сектора и вновь созданными предприятиями;
- человеческий капитал, создаваемый благодаря деятельности университетов по подготовке специалистов и кадров высшей квалификации; в процессе исследований в государственном и предпринимательском секторе, а также других специализированных заведениях высшего профессионального образования;
- квалификации (компетенции), которые являются результатом получения образования в высших учебных заведениях, обучения, проводимого в корпоративном секторе, а также профессиональных курсов и профессионального опыта работников во всех секторах экономики, включая исследовательский сектор;

- ИКТ (информация), — этот вид знаний создается в корпоративном секторе информационно-коммуникационных технологий и распространяется в результате применения ИКТ и деятельности сетевых структур.

Таблица 1

Номенклатура основных групп показателей статистики науки (на основе индикаторов развития науки и технологий ОЭСР) [4]

Инвестиции в науку	Государственная поддержка исследований	Кадровый потенциал науки
<p>Объем инвестиций в исследования и разработки. Структура финансирования науки. Объем прямых иностранных инвестиций в исследования и разработки. Объем внутренних расходов на исследования и разработки. Численность предприятий, финансирующих (или осуществляющих) исследования и разработки. Объем венчурных инвестиций в основной капитал</p>	<p>Объем государственных расходов на исследования и разработки. Объем частно-государственного финансирования на исследования и разработки. Размер национальных и региональных бюджетов на исследования и разработки. Показатели использования результатов исследований и разработок. Численность инновационно активных предприятий</p>	<p>Численность научного персонала. Численность выпускников вузов. Численность выпускников в сфере ИКТ. Численность населения, имеющего звания. Численность исследователей. Численность иностранного исследовательского персонала. Показатели мобильности научного персонала. Доля занятого научного персонала в промышленности. Доходы от образовательных услуг</p>
ИКТ	Торговля результатами научной деятельности	Инновационная деятельность
<p>Инвестиции в ИКТ-оборудование и программное обеспечение. Телекоммуникационные сети. Доступ домохозяйств в Интернет. Уровень использования Интернета предприятиями. Объем электронной торговли. Численность кадров с профильным образованием в ИКТ. Ценовая политика в ИКТ. Объем международной торговли посредством ИКТ</p>	<p>Объем торговли результатами научных исследований и разработок. Объем импорта и экспорта результатами научных исследований и разработок. Уровень использования результатов исследований и разработок в промышленности. Объем региональной и национальной торговли наукоемкой продукцией</p>	<p>Объем патентов, выданных государственным научным и образовательным учреждениям. Число научных статей по отраслям. Уровень цитирования. Распределение коммерческих и некоммерческих инноваций. Производительность труда в промышленности и научном секторе. Вклад исследований и разработок в изменение макроэкономических показателей (ВВП, ВРП, промпроизводство и пр.)</p>

Указанный подход представляется конструктивным с точки зрения экономического и институционального анализа, т. к. позволяет охватить широкую совокупность общественных институтов, задействованных в создании и передаче тех или иных видов знаний и развития науки. Действительно, ни одна научная организация, инновационное малое предприятие или промышленная компания не работают в изоляции, а в процессе своей деятельности взаимодействуют с множеством агентов. Европейский подход основан именно на качественном анализе индикаторов развития науки. Подробно номенклатуру индикаторов развития науки и технологий ОЭСР см. в табл. 1.

Наиболее важный среди них — показатель «инвестиции в науку». Этот показатель включает: 1) расходы на исследования и разработки предприятиями бизнеса; 2) расходы правительства и 3) объем инвестиций в исследования и разработки.

Для измерения «производительности научно-технологического комплекса» и инновационной деятельности ОЭСР использует два косвенных показателя: 1) патентование в сфере высоких технологий; 2) торговля наукоемкой продукцией. Эти параметры, рассматриваемые в пакете, могут в определенной степени охарактеризовать картину инновационно-технологического развития страны. Показатель торговли наукоемкой продукции высокотехнологичных отраслей промышленности используется также как измеритель воздействия затрат на НИОКР, на уровень инновационности промышленного производства и рост экономического развития в целом. В обзоре ОЭСР учитывается также объем затрат зарубежных аффилированных (дочерних) фирм в сфере науки. Это косвенно характеризует не только научно-технологический уровень, но и степень глобализации в сфере научных исследований и воздействия ТНК на эту сферу.

Таблица 2

**Показатели технологического развития Комиссии ООН
по науке и технологиям для развития (UNCSTD) [1]**

Аспекты развития	Показатели
Объект оценки: технологическое развитие	
1. Инновации. 2. Человеческий капитал. 3. Структура экспорта	— затраты на НИОКР (% ВВД); — количество технического персонала в секторе НИОКР; — количество учащихся в высших учебных заведениях (% населения); — высокотехнологичный экспорт в % от общего экспорта
Объект оценки: развитие ИКТ	
1. Подсоединение. 2. Доступ. 3. Политика. 4. Использование	— хосты Интернета, персональные компьютеры, стационарные телефонные линии, мобильные телефоны; — число пользователей сети Интернет, грамотность в области ИКТ, ВВП на душу населения, стоимость местных звонков, междугородняя связь, рынок интернет-провайдеров; — средний входящий и исходящий телекоммуникационный трафик

Иная модель была разработана Комиссией ООН по науке и технологиям. В ее структуре показателей, отражающих развитие науки было выделено два важнейших показателя: «исходные данные», касающиеся персонала и расходов, и сектор ИКТ, относящийся к фактору инноваций.

В России на федеральном уровне используется система индикаторов развития науки и инноваций, которая в значительной степени опирается на приведенную выше систему европейских стран. Используемая система индикаторов содержит показатели, характеризующие виды ресурсов для научно-технической деятельности, предложение инноваций и спрос на них.

Основные показатели:

1. Научоемкость — показатель включающий в себя удельную численность исследователей в стране, численность персонала, занятого НИОКР, долю расходов на НИОКР в ВВП страны объемы затрат на фундаментальные и прикладные исследования и разработки и др. — виды ресурсов, обеспечивающих научную деятельность.

2. Предложение инноваций — показатель включающий в себя результаты научно-технической деятельности, которые могут быть использованы в реальной практике (патенты, созданные технологии), доля предприятий промышленности, осуществляющих технологические инновации, затраты на технологические инновации — спрос на научные исследования и инновации; удельный вес инновационной продукции в общем объеме продаж промышленной продукции на внутреннем рынке, удельный вес инновационной продукции в экспорте промышленной продукции — оценка масштаба осуществления инноваций.

Резюмируя все вышесказанное отметим, что одной из наиболее значимых проблем в оценке результатов научной деятельности является невозможность применения формальной оценки к значительной части показателей. Фактически показатели оценки научной деятельности можно разделить на два типа: количественные и качественные. Последние, как правило, определяются экспертным путем.

Кроме того, помимо экспертной оценки все чаще используются методы кейс-стади (case-study), позволяющие определить, как деятельность в сфере науки позволяет достичь социально значимых результатов [5]. Опасность ориентации исключительно на количественные показатели состоит в том, что при таком подходе из числа приоритетных задач, как правило, исключаются те, решение которых не может быть надежно оценено количественно, а также игнорируются компоненты решения задачи, которые непосредственно не влияют на значения установленных для оценки показателей.

Так, для Национального Научного Фонда США все цели его деятельности были разделены на две группы: цели достижения результатов в сфере науки и цели, связанные с повышением эффективности деятельности самого Фонда и его работы с контрагентами. Эффективность работы Фонда оценивается на основе количественных показателей, которые показывают степень выполнения конкретных задач.

Такие задачи имеют в своей формулировке определенные количественные ориентиры, например [3, р. 9–12], направлять не менее 85% финансирования на поддержку проектов на конкурсной основе, на базе оценки их научного уровня и

качества; добиться того, чтобы 95% объявлений о новых программах и конкурсах было опубликовано в открытой печати по крайней мере за 3 месяца до конечного срока подачи документов на конкурс; увеличить средний размер гранта на определенную величину в сравнении с уровнем предыдущего года и т. п. Таким образом, уровень менеджмента в министерстве (агентстве) имеет вполне конкретные измерители, а результаты реализации тех или иных инициатив получают качественную оценку.

Существуют и системы показателей эффективности, направленные на оценку отдельных направлений и связей научного комплекса. Так в 2001 г. Комиссия ЕС, компания «DG Enterprise» и Австрийское федеральное министерство труда и экономики организовали исследование по оценке эффективности взаимодействия науки и промышленности в Европе [2, с. 142–151].

Модель, которой авторы руководствуются в своем исследовании, требует учета трех групп переменных: 1) показатели, измеряющие степень взаимодействия науки и промышленности; 2) характеристика главных «действующих лиц» — предприятий и государственных научных учреждений, представляющих спрос и предложение на национальном рынке знаний; 3) политические структуры, формирующие условия взаимодействия — государственные программы стимулирования, посреднические услуги, законодательные и регулирующие условия.

В заключение следует добавить, что универсальной информационной и методологической матрицы исследований эффективности научного комплекса на сегодняшний день не существует. Оценка деятельности научных структур и оценка их эффективности может происходить по разным показателям. Каждый раз для подготовки информационной базы для принятия решений в какой-либо области необходимо формулировать проблему одновременно с учетом масштаба и границ структурных и функциональных аспектов поставленной задачи.

Но в любом случае необходимо иметь в виду, что любой количественный анализ должен дополняться качественными характеристиками заданной проблемы или явления. Уровень сложности и многообразие современных общественных процессов допускают неоднозначность интерпретации получаемых количественных данных. И качественный анализ в комбинации с количественным представляется наиболее предпочтительным.

Литература

1. Мониторинг информационного общества и обществ знаний: статистические данные / сост. Л. В. Петрова, Е. И. Кузьмин, В. Р. Фирсов. СПб., 2004.
2. *Poli W., Rammer Ch., Gassler H., Schibany A., Schartinger D.* Benchmarking industry — science relations: the role of the framework conditions // *Science and public policy*. 2001. Vol. 28. № 4. P. 247–258.
3. National Science Foundation: FY 2003 Performance Highlights. Arlington, 2004.
4. OECD Science, Technology and Industry Scoreboard 2009 // http://www.oecdilibrary.org/content/book/sti_scoreboard-2009-en.
5. *Roessner D.* Outcome measurement in the United States: State of the Art // Paper presented at the Annual Meeting of the AAAS. 2002. February 17.
6. Third European Report on Science and Technology Indicators: 2003. Towards a Knowledge-Based Economy. Luxembourg, 2003.

ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ ИННОВАЦИИ

Пересечение понятий «философия», «образование», «технология» и «инновации» находится где-то на очень глубоком уровне содержания каждого из них. И без достижения этого уровня невозможно нащупать их общую ткань. Технологическое видение любой проблемы весьма полезно. Хотя бы тем, что в этом случае возникают вполне конкретные вопросы: что именно, каким образом, где, когда, кто... Особенно уместным представляется «технологический» подход к философии. В этом случае как-то сами собой возникают вопросы о природе философии, понимании ее сущности и форм социального проявления этой сущности, репродукции и трансляции — вплоть до ее востребованности.

ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ

На первый взгляд, технологический подход к философии выглядит странно и даже неуместно. Какая может быть технология у мировоззрения и миропонимания? Более того, философия — феномен европейской культуры, результат «встречи Иерусалима и Афин» — иудео-христианского монотеизма с греческим рационализмом, выражающийся в рациональной рефлексии осмысления мира в его целостности, места человека в этой целостности. Восточные культуры собственно философии не знали. Даосизм, йога, буддизм и проч., прежде всего — духовный опыт, обретаемых в результате конкретных практик, в том числе — телесных. Вот где уместен реальный и конкретный технологический подход!

Между тем, философия, и именно в своей европейской традиции, всерьез и по большому счету — ни что иное, как технология. Со времен античных софистов и Сократа она предстает именно технологией рационального, ориентированного на публичное позиционирование способа осмысления действительности, общества, человека и его места в этом мире и обществе. Что как не технология ирония и майевтика Сократа, учение о методе Декарта, феноменология Гуссерля, деконструкция Дерриды?

При этом важно помнить, что живая философская мысль возникает и живет отнюдь не исключительно на кафедрах вузов и в тиши академических кабинетов. Не секрет, что в отечественной мысли давно уже сложилась традиция «нефилософской философии». Характерно, что такие глубокие отечественные мыслители XX столетия, как С. Аверинцев, М. М. Бахтин, В. И. Вернадский, Л. Н. Гумилев, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман, А. А. Любищев, Б. Ф. Поршнев, С. С. Хоружий, В. Б. Шкловский — не профессиональные философы, хотя и являются таковыми по самому «гамбургскому счету». Их философствование, осуществлявшееся и осуществляемое за рамками, а зачастую и вопреки философскому официозу, входит в ткань духовной жизни общества, определяя и содержание концептуализаций профессиональных философов. Такая тенденция характерна для российской философской культуры вообще. Титульные и культовые для нынешнего понимания российской философии фигуры — П. Я. Чаадаев, ранние славянофилы, Н. Ф. Федоров, Н. А. Бердяев, Л. Шестов, В. В. Розанов, Вяч. Иванов, П. А. Флоренский, П. Савицкий и др. — не являлись философами ни по специальной подготовке, ни по

официальному статусу и роду занятий. В. Соловьев был отстранен от университетской кафедры. А такие ключевые для понимания русской мысли фигуры как Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой? Можно сказать, что типологической закономерностью развития российской философии — философская канонизация нефилософского философствования. Психологи Л. С. Выготский и А. Н. Леонтьев оказали решающее влияние на формирование деятельностного подхода в отечественной философии. Ныне живущие в Германии, но с очевидностью, яркие русские мыслители Б. Е. Гройс и И. С. Смирнов — изначально матлингвист и филолог соответственно. По словам студентов и выпускников философского факультета СПб госуниверситета последних лет, их самое яркое философское впечатление за время учебы — спецкурс Н. А. Шанина, одного из создателей конструктивистской школы оснований математики.

Но эта же тенденция характерна и для мировой философской культуры. От философии Возрождения и Нового времени до наших дней в динамике философской мысли нередко ключевую роль играли отнюдь не профессиональные философы и сама эта динамика зачастую реализовывалась на основе противопоставления и противостояния философии как таковой. Ф. Бэкон, позитивизм, З. Фрейд, Ж. Деррида — только первые пришедшие на ум фигуранты и направления. А. Эйнштейн и Н. Бор, А. Пуанкаре и В. Гейзенберг — яркие и ключевые фигуры в философской мысли нашего столетия, их интуиции дали богатую пищу для ума не одного поколения профессиональных философов. Живое философствование всегда получало и получает мощный импульс развития из-за пределов собственно философской культуры.

Таким образом, есть живое философствование и есть академическая философия. Есть собственно философы — те, кто философствует, и есть преподаватели философии, делящиеся радостью узнавания чужого философствования. Парадокс заключается в том, что профессиональной философией считается второе, тогда как первично и существенно первое, а реализовываться оно — философствование — может где угодно, в каком угодно жизненном материале, а отнюдь не только в учебных аудиториях или на профессиональных философических конференциях.

Философствование реализуется практически во всех сферах жизнедеятельности. Но как тогда отличить его от чего-то иного? Существует ли какая-то специфически философская тематика осмысления, форма мышления, язык, поступки, образ жизни? В этой связи представляется плодотворным и оправданным взять за точку отсчета «технологическое» представление о философии как о том, чем занимаются философы, а точнее — философствующие, люди, идентифицирующие себя как философы. Философия предстает не видом знания, а социально организованной и социально значимой деятельностью. Она может иметь свои цели и ценности (предмет деятельности) и реализуется по определенным правилам как любая нормативно-ценностная система культуры: со своей системой формальной и неформальной коммуникации, выдвижением лидеров, вербовкой и подготовкой учеников и т. д.

Точнее говоря, с таких позиций философия предстает не столько единой, монолитной, строго упорядоченной системой, сколько «системой систем», которые находятся в отношениях и связях друг с другом, напоминающих «семейства языковых игр» Л. Витгенштейна. Эти отношения и связи напоминают плетеную (типа коль-

чуги) или войлочную структуру. Философские концепции и способы философствования относятся друг к другу не как род и вид. Они образуют сложные цепочки и плетения, в которых каждое из звеньев пересекается с близлежащими, цепляется за них, но при этом может не иметь никаких непосредственных связей с другими, может никак к ним не относиться или иметь сложно опосредованные переходы к ним. Например, непосредственный переход от позитивизма к экзистенциалистскому философствованию без опосредующей роли феноменологии практически невозможен. Поэтому очень часто философы различных школ и направлений просто не понимают друг друга — ни о чем, ни как, ни зачем они говорят, пишут и думают. Однако все вместе, в своей целостности они образуют прочную и всюду плотную ткань философствования, покрывающую (или пронизывающую) все сферы жизнедеятельности.

При всем разнообразии своих форм философия — на редкость целостная нормативно-ценностная система культуры. Выражается это в характере ее традиционных вопросов. Будучи мировоззрением и миропониманием, если не мироощущением, любая философия — как осмысление мира, человека и его места в мире — связана с поисками ответов на несколько «философиеобразующих» вопросов: какова природа действительности, что представляет собой реальность самой реальности? что такое человек? что происходит в момент смерти? почему вообще возможно познание и каким образом мы узнаем, что правильно, а что неверно? в чем смысл человеческой истории?

Уже этот перечень делает ясным главное. Философствование есть попытка конечного существа понять бесконечный мир. И человек — как конечное существо — всегда делает это с какой-то точки зрения, с какой-то позиции, в каком-то смысле. Из этого следует, что философия, в принципе не является и не может быть наукой в самом точном смысле этого термина — в смысле science. И это несмотря на самые наукообразные и рациональные формы возможного философского осмысления. В своем осмысляющем порыве философия неизбежно сталкивается с проблемой смысла мира вообще, который может быть найден только с позиций «не от мира сего». Философствование по самой своей природе принципиально метафизично: вне- и над-природно. Из трансцендентности философствования следует ряд принципиальных обстоятельств, характеризующих любое его проявление.

Во-первых, философия оказывается индивидуальным выходом человека к свободе, его самоопределением. Будучи предельным осмыслением, она есть свобода выбора своего идеала, реализующаяся как поиск, нахождение и утверждение человеком самого себя — конечного существа — в бесконечном мире. Философствование дает человеку смысло-жизненное оправдание — таков «социальный заказ». Всякая философия, так или иначе, но отвечает на вопрос о смысле жизни — обстоятельство очевидное для нефилософов и неочевидное для некоторых философов лишь потому, что они, подобно Журдену, не знают, что «говорят прозой».

Однако философия не является и не может быть учением о том, «как жить дальше». Философствование, как самоопределение, в конечном счете, есть путь и способ самопознания, самообъяснения и самооправдания. И это — во-вторых. Сколько бы не стремилась мыслитель учить, как жить дальше, на самом деле, его учение есть ответ на вопрос, зачем и как жил он сам. Разум дан человеку для осознания меры и глубины его ответственности, его «не-алиби-в-бытии» — как говорил М. М. Бах-

тин. И философия — не только наиболее общий, но и наиболее подходящий путь такого осознания. Ее привлекательность лежит в самой природе самооправдательных возможностей философской рефлексии.

В-третьих, в силу первого и второго, философствование должно располагать богатым спектром выразительных возможностей, позволяющих осмыслять всю полноту действительности во всей ее противоречивости. Ф. М. Достоевский говорил, что «ум — подлец, потому как виляет» — ищет и находит объяснения и оправдания происходящему. В этом плане философский ум — самый «подлый», т. к. по самой своей природе занят объяснениями и оправданиями мира в целом, фактически — чего угодно. Извне, с позиции непосвященного, философствование выглядит особенно изощренной игрой ума, не имеющей реального практического смысла. На самом же деле как универсальное, предельное самоопределение философия оказывается исключительно важным моментом человеческого бытия, многообразным — как само это бытие — способом реализации свободы самоопределения.

Но тогда — как реализуется технология философствования? Имеется ли универсальная форма выражения предельного осмысления? Если бы такая форма была возможна, мы располагали бы универсальным каноном — идеал, к которому стремится практически каждое учение. Достигим ли он и насколько он соответствует реальному бытованию философствования?

Как всюду плотная ткань осмысления действительности, философия подобна фольклору, «народной мудрости» — столь же универсальному (тотально-всеобъемлющему) осмыслению реальности, покрывающему и пронизывающему все ее сферы и проявления. Аналогия с фольклором важна — фольклорное осмысление дается с самых различных позиций, даже взаимоисключающих. Например, в поговорках — поговорах, инвективах и т. п. — даются осмысляющие примеры и нормы на все случаи жизни, в том числе — на основе взаимопротиворечащих оценок. Они вполне могут исключать друг друга: «семь раз отмерь, один раз отрежь», но «смелость города берет» и «кто не рискует, тот не пьет шампанское»; «везде хорошо, где нас нет», но «свой хлеб лучше чужих пирогов»; «с глаз долой — из сердца вон», но «старая любовь не ржавеет» и т. п. Однако такая взаимопротиворечивость отнюдь не нарушает целостности фольклорного осмысления, а наоборот — укрепляет его целостность и полноту.

В философии прямым аналогом подобного мозаичного осмысления является философская афористика. Некоторые мыслители склонны именно к «паремиологическому» философствованию, позволяющему им наиболее полно (хотя и фрагментарно) выразить свое мировоззрение и миропонимание. М. Монтень, Б. Паскаль, Новалис, В. В. Розанов — перечень таких мыслителей можно продолжать. За счет чего же достигается целостность «паремиологического» философствования? Его «противоречивая полнота» есть выражение целостной неповторимости личности философа. Именно неповторимая индивидуальность его выступает интегрирующим фактором. Противоречия осмысления объединены его личностной неповторимостью и уникальностью. Философские паремии, в силу своей смысловой самодостаточности, текстологически между собой не связаны. Они перечислительны и не выстраиваются в какую-то сюжетную линию. История их развития — личная биография мыслителя. Поэтому наиболее развитой формой «паремиологического» философствования являются дневниковые записи.

Однако философствование может носить и сюжетный характер. Например, буддистские притчи и коаны являются, по сути дела, мировоззренческими паремиями, объединенными сюжетами. Сюжеты эти могут быть короткими (притчи), внешними по отношению к тексту (письма), могут разрастаться в наиздания, в эссе, в диалоги, новеллы, повести или романы, как скажем, в творчестве Платона, Унамуно, Достоевского, Толстого, могут иметь самостоятельное художественное значение. Важно подчеркнуть, что философствование может реализовываться практически в любом речевом акте и в любом жанре речевого и языкового общения.

Общей чертой паремиологического и сюжетного философствования является необходимость толкования афоризма или сюжета для осознания полноты выраженного в них мировоззрения. Такое толкование может само стать способом философствования, сводящим результаты осмысления в некоторый герменевтический компендиум с различной степенью упорядоченности, «инвентаризации» мысли. Примерами могут служить не только новомодные «деконструкции», но и классические философствования Аристотеля, Фомы, К. Вольфа. Различия — в степени упорядоченности. Но объединяет их сюжетность мысли, именно не мысленный сюжет, а сюжет самой мысли, становящийся системообразующим фактором.

Окончательно логика осмысления выходит на первый план в философских системах — от Декарта и Спинозы до Фихте и Гегеля. Если для паремиологического и сюжетного философствования противоречивая целостность органична, естественна и есть выражение множественности осмысляющих позиций в бесконечном мире, если для компендиума она — терпимый и несущественный факт, обстоятельство инвентаризации, то в системном философствовании, основанном на последовательном развертывании исходных принципов, требование противоречивости — парадоксальный, но необходимый и достаточный принцип. Мировоззренческая полнота философской системы возможна только в случае ее изначальной противоречивости. Поэтому наиболее последовательные концепции и начинают с противоречия, кладут его в основу философствования (Фихте, Гегель, систематизаторы диалектического материализма). Из противоречия следует все, что угодно. Именно этот логический принцип и позволяет «логически последовательной» системе достичь полноты осмысления.

Способы философствования, очевидно, не исчерпываются рассмотренными текстовыми вариациями жанров. Хотя уже на примере этих форм выражения, так сказать, «левополушарного», словесного философствования видно богатство философской палитры. И опыт показывает, что существует и «правополушарное» философствование, реализуемое с помощью иконических знаков — схем, рисунков, изображений. Так, на геометрически-наглядном рассуждении основана античная математика. Но и философия оперирует наглядными образами. Есть философы, склонные к непосредственному оперированию с иконическими знаками. Причем характер используемых средств — схем, графиков, блок-схем, фигур, изображений и даже склонность к вполне определенным фигурам (или треугольникам, или кругам, или прямоугольникам, или стрелкам и т. д.) способны многое сказать о способе и стиле философствования.

Более того, представляется, что палитра способов философствования не исчерпывается разнообразием вербализации и схематизации. Существует «поступочная» философия — как способ философствования, выражающийся непосредственно в

образе жизни, поведении. Примерами могут служить не только киническая традиция, но и бессловесное философствование мудрых людей, самой своей жизнью уплощающих ценностную норму.

Философия, подобно Протею, способна принимать самые различные, непохожие друг на друга обличья. Она столь же многообразна, как и пути человеческого самоопределения, самосознание, самообъяснение и самооправдание. Поэтому вряд ли обоснованы претензии какого-то одного способа философствования философствования на исключительность и общезначимость. К такому выводу приводит рассмотрение даже чисто внешних форм бытования философии. Что же говорить о разнообразии философствования, если включить в поле зрения его концептуальное разнообразие ее технологий?!

ФИЛОСОФИЯ И ИННОВАЦИИ

Философия не только технологична, но и инновационна по самой своей природе. Во-первых, и прежде всего, она инновационна в том смысле, что необходимость в философствовании возникает в кризисной ситуации, смыслового сдвига, поиска новых оснований. Это относится не только к отдельно взятой личности, но и к социуму, и к конкретным научным дисциплинам, художественному творчеству. Например, философские проблемы математики, естествознания, социологии и т. п. возникают, когда установившиеся парадигмы, дисциплинарные матрицы сталкиваются с противоречиями, когда необходим поиск новых оснований, выводящий в лиминальную фазу.

Ситуация та же, что и со смыслом жизни. В самой жизни смысла нет, но есть проблема смысла жизни, возникающая в кризисной, «пограничной ситуации»: утраты близкого человека, личной трагедии, профессионального краха, неизлечимого диагноза, когда жизнь ломает человека через колена и он начинает задумываться — зачем жить дальше. Невозможно, да и незачем думать постоянно о смысле жизни. Наоборот, если человек задумался о нем — это верный признак того, что что-то серьезное в его жизни проблематично для него самого.

То же самое можно сказать и об обществе в целом. Интерес к философии, особо активный спрос на нее возникает в общественном сознании на изломе, «в трансфере», в эпоху радикальных перемен, когда утрачивается привычное, в чем-то уютное понимание действительности. Достаточно вспомнить отечественные конец 1980-х — начало 1990-х гг., когда плодились философские клубы, семинары, публичные дискуссии, собиравшие сотни людей.

Поэтому философия инновационна тем, что открывает новые горизонты осмысления. Она не столько дает некое знание, сколько открывает новый путь к новому знанию.

Она инновационна, формулируя новый метод осмысления, как инновационно было не только декартово учение о методе или инновационен анализ языка, предложенный Л. Витгенштейном, как инновационен любой серьезный мыслитель — не только в критике предшественников, и в новой постановке (иногда традиционных) проблем, в формулировке нового языка в описании и осмыслении действительности — объективной и субъективной.

Три последних столетия завершались беспощадной критикой философии (И. Кант, Ф. Ницше, Ж. Деррида). Каждое последующее начиналось открытием но-

вых методов и новых перспектив философии (Ф. Ф. Гегель, Э. Гуссерль). Думается, что и XXI в. вряд ли станет исключением. Задача философии — не просто анализировать, осмыслять, но и расширять концептуальный аппарат, существующий язык, синтезируя новые слова и понятия. Творчество мыслителя всегда стремится принять форму новых слов, открывающих новые предметные и смысловые значения, конструируя новый мир, переформируя старый, творя не столько лексические, сколько семантические неологизмы. Каждый оригинальный мыслитель вводит такие семантические поля с помощью новых слов или наполняя новым смыслом старые. «Идея» Платона, «вещь-в-себе» И. Канта, «диалектика» и «снятие» В. Ф. Гегеля, «позитивизм» О. Конта, «сверхчеловек» Ф. Ницше, «интенциональность» Э. Гуссерля, «Dasein» М. Хайдеггера, «différance» Ж. Деррида — в таких терминах интегрируется новая система мышления, конденсируя радикальный инновационный сдвиг в понимании [1].

Инновационная философия и в силу отмеченного выше ее принципиально личностного характера. Наконец, философствование — это всегда «технология» приспособления мира с целью придания собственному существованию осмысленного характера, в конечном счете — оправдания собственного бытия. Она всегда презентация личности, ее самопознания и самоопределения.

Успешная концептуальная инновация в философии зачастую предполагает буквальную инновационность в плане технологии продвижения новых идей. Это предполагает создание устойчивого сообщества единомышленников, привлечение общественного внимания — иногда судьбой философа, эпатажностью поведения его самого и учеников. Фактически речь идет о чаще бессознательном, стихийном, а иногда и рассчитанном использовании технологий маркетинга и PR.

ИННОВАЦИОННОСТЬ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Инновации инновациям рознь. Инновация всегда относительно конкретного опыта. Для кого-то это новое, а для кого-то уже ставшая рутинной обыденность. Например, что может быть инновационного в образовании, задача которого дать жизненную и профессиональную компетентность, способность решать соответствующие задачи, научить и вышколить, научить воспроизводить уже кем-то освоенное. Однако для ученика, студента это усвоение всегда и каждый раз инновационно, потому что его жизненная и личностная компетентность переживает вызов, испытание способности освоить нечто новое, непривычное — для данной личностью. Вне такой социальной репродуктивности в сочетании с личностной инновационностью образование просто невозможно.

Более того, есть разные виды инновационности — в зависимости от степени «новизны». Так, научить творчеству, открытию принципиально нового, невозможно. Природа этого дара или проклятия неясна и непонятна. Творчество и гениальность не от технического мастерства и даже не от способности воплотить замысел. Это результат некоего откровения, когда личности открывается новая гармония целостности мира, а ему только остается как-то выразить эту гармонию — в краках, нотах, математических формулах, собственных поступках...

Но есть новизна другого уровня. Не говорите, что я не создал ничего нового, если я иначе скомпоновал хорошо известное старое, — писал Паскаль. Новое, «креативное» решение предполагает выявление нового контекста осмысления.

В. Б. Шкловский называл эту «технологию» — остранением: представлению хорошо известного странным, необычным. Есть специальные приемы такого остранения, которым можно и необходимо учить. Это важно при решении математических задач [2], художественном и научном творчестве [3], социальных технологиях [4].

Что до преподавания философии, то здесь нет пределов инновационности. Некоторые преподаватели логики на философском факультете практикуют задания по теме «Определение» дают в форме кроссвордов. Финский философ и логик Э. Сааринен взял в руки гитару, записал несколько дисков песен и использует их на лекциях и семинарах, а то и в живую поет на занятиях...

Дело не в форме. Например, много копий сломано вокруг тестов по философии. Тесты, как средство контроля и самоконтроля, важны и полезны. Особенно — в нормативных дисциплинах. Потому что тестирование предполагает наличие правильного ответа, знание которого предполагается и у успешного ученика. Более того, составление программы теста предполагает нормативность знания составителя этого теста. Философия же специфично не столько знание ответов, сколько постановка вопросов. Потому как она — как технология (!) — есть постоянный выход за рамки нормативного, трансцендирования за его пределы.

С этим даже связана определенная парадоксальность философского образования. Любое образование по самой своей сути консервативно, ориентировано на репродукцию готовых стандартов знаний, умений, навыков. Оно «упаковывает» смыслы в некие готовые продукты, которые необходимо усвоить с помощью не менее стандартных процедур. С этим даже связана определенная инновационность в образовании — особая эвристичность шлифовки и подачи знания как готового продукта. Но, если образование «упаковывает» смыслы, то сама суть философии в том, что она смыслы «распаковывает», выявляя новые и новые смысловые связи и отношения, раздвигая в этом «инновационном» процессе горизонты осмысления.

Поэтому, как представляется, главный вопрос в «технологии философских инноваций в современном образовательном процессе» — это не столько вопрос о том «как» преподавать (и уж точно — не вопрос о каких-то нетривиальных приемах преподавания), сколько вопрос о «где» и «когда» преподавать философию.

По моему глубокому убеждению, преподавать философию (на нефилософских специальностях) в вузе не только бессмысленно. Но и вредно. Ее место — в средней школе, когда подростки 13–15 лет живейшим образом впитывают «мудрые мысли», впервые и серьезно задумываются о смысле жизни. Не случайно специалисты по девиантному поведению давно зафиксировали статистически значимую суицидоопасность этого возраста. Вот тут-то как раз и нужен ответ на этот экзистенциальный запрос. Но не в виде усвоения готовых мировоззренческих формул, а в виде честной постановки вопросов и, по мере возможности, с опытом ответов на них в истории человеческого духовного опыта. Иначе говоря, — в виде живого философствования. Очень важного и уместного именно в этом возрасте, и очень уместного для самой философии — хотя бы в силу ее отмечавшегося выше неизменно личностного начала.

Такие попытки предпринимались и предпринимаются. И неоднократно. В США уже много лет реализуется школьная программа «Босоногий Сократ» [5]. Инициативной группой питерских философов (С. С. Гусев, В. А. Карпунин, Б. И. Липский, Е. М. Сергейчик, Г. Л. Тульчинский, Б. И. Федоров) был подготовлен учебник по

философии для средней школы, и на его основе — учебно-методический комплекс, включающий хрестоматию, учебную программу, методические рекомендации [6]. Причем, хрестоматия содержит не только фрагменты «профессиональных» философских текстов, но и притчи, фрагменты текстов из художественной классики, писем... Реализация проекта в ряде школ Санкт-Петербурга вызвала живой интерес преподавателей обществоведения, но не нашла поддержку органов государственного управления народным образованием.

Между тем, философский компонент в гуманитарном образовании важен именно для школьников, когда закладываются основы осознания себя свободной и ответственной личностью, занимающей свое место в обществе и государстве, обладающей собственной ценностью и значимостью. И познание человеком самого себя отнюдь не является далеким от жизни абстрактным теоретизированием, напротив, оно выражает практический подход к жизни, способствующий не только утверждению сложившейся в современном обществе системы ценностных ориентиров, но и обретению некоторых навыков самостоятельного осмысления важнейших жизненных вопросов.

Делать это в вузе, в возрасте «бури и натиска», освоения профессии, решения предельно практических вопросов личностного и профессионального самоутверждения, — уже поздно. Поэтому преподавание философии в этом возрасте большей частью студентов воспринимается как отвлеченное теоретизирование на каком-то птичьем языке, странная дисциплина, по которой нужно почему-то сдавать экзамены, а после сдачи — поскорее забыть. Ничего, кроме дискредитации философии это не вызывает. Наверное, такой подход был «оправдан» в условиях идеологического нормативизма, когда «марксистско-ленинская философия» выступала транслятором конкретной идеологии, а то и откровенного программирования личности. И понятно, что от такой инерции, прежде всего, в организации учебного процесса, при наличии кафедр, штатных преподавателей, отойти трудно. Однако явочным порядком процесс репрофилирования философских кафедр в технических вузах уже идет и идет активно. Где-то они становятся выпускающими по специальности «связи с общественностью», где-то — по конфликтологии... Более обоснованным представляется их специализация на методологии профессиональных дисциплин, базовых для вуза, а также на политической философии.

Но в обоих случаях — школы и вуза — необходимо учитывать «инновационную» особенность нашего времени. В силу ряда общезивилизационных факторов (формирование массового общества, переход от статусного к ролевому позиционированию личности, смещение акцента с сущего и должного на возможное, достижения медицины и геной инженерии, информационные технологии, превращение маркетинга в универсальную технологию социально-культурных нововведений и т. п.) активно формируется новая персонология, в которой личность во все большей степени предстает как проект, или даже — как серия проектов, автором которых выступает сама личность. В этой связи чрезвычайно важной становится и роль образования, которое не может ограничиваться только передачей совокупности дисциплинарных знаний и обучением стандартным навыкам. Оно должно не только учить элементам такого самоопределения и самопозиционирования личности, но и выступать площадкой реализации и продвижения личностных проектов.

Так что главная технология философской инновационности в образовании в наши дни видится именно в смещении повышенного внимания средней школе. И тогда возникает главный «инновационный» вопрос — «кто». Готово ли философское профессиональное сообщество к такому развороту? Готово ли оно сменить технологию проявления своего профессионализма — к переходу от искусства самодовольного, но не востребованного обществом теоретизирования к искусству разговора всерьез с теми, кто ждет искреннего разговора по существу?

Литература

1. Проективный философский словарь. Новые термины и понятия. СПб., 2003.
2. *Пойя Д.* Как решать задачу. М., 1959.
3. *Родари Д.* Грамматика фантазии. Введение в искусство придумывания историй. М., 1978.
4. *Грин Э.* Креативность в паблик рилейшнз. СПб., 2003.
5. *Юлина Н. С.* Философия для детей. М., 2005.
6. Начала философии. Кн. 1. Учебник для старших классов общеобразовательных школ; Кн. 2. Методическое пособие. Программа и методические рекомендации; Кн. 3. Хрестоматия (для учащихся средней школы). СПб., 2001.

Е. В. Ушаков

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ФЕНОМЕН ТЕХНОНАУКИ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

Тесное взаимодействие науки и технологии на современном этапе часто обозначают таким термином, как *технонаука*. Это понятие ввел в 1990 г. бельгийский философ Г. Готуа (G. Hottois). Сегодня феномен технонауки активно обсуждается в философской литературе. В самом этом понятии подчеркивается особое состояние современной науки, находящейся под сильным влиянием инженерно-технической рациональности, а точнее — тенденция массивной трансформации современной науки, все более явное сращение науки и технологии в некий единый комплекс.

Для феномена технонауки характерны следующие черты.

Конечным выходом научной деятельности становится не только и не столько новое научное знание само по себе, сколько конкретные новые продукты, методы, процессы. Целью научных изысканий выступает конструирование новых объектов — новых материалов, химических соединений, промышленных процессов (например, плазменно-технологических, лазерно-химических, биотехнологических и др.), компьютерных микросхем и др.

Меняется сама идеология научного прогресса: он все более явно отождествляется с получением новых продуктов и решением конкретных технических проблем. Научный прогресс и само научное мышление все теснее связываются с категориями пользы, результативности, эффективности, технической достижимости и т. п., которые и служат мерилami научных достижений.

Сложная инженерно-техническая деятельность становится опорой и сущностью научно-исследовательского поиска. Все большее значение для научного познания приобретают обслуживание его инженерно-технической базы, конструирование новой техники и т. п. Наука в некотором смысле сама оказывает-

ся придатком мощных, непрерывно развивающихся материально-технических систем.

Прирост нового знания в науке все сильнее зависит от достигнутого уровня техники. Это особенно ярко видно в передовых областях физики, целиком базирующихся на сложнейших технических разработках. Таковы, например, эксперименты со сверхнизкими температурами или с квантовой жидкостью и квантовым газом. В лабораторных условиях в последнее время получают все новые формы материи: в их ряду можно назвать бозе-конденсаты, фермионный конденсат (особо необычное состояние материи) и др.

Кстати, сами эти эксперименты несут в себе существенное изменение самой фундаментальной идеи экспериментального подхода. Если в классическом естествознании речь шла о том, чтобы посредством эксперимента выявить скрытые свойства и закономерности природы, то теперь ставится задача «заставить» материю принимать новые, необычные состояния — иными словами, это принципиальный поворот от разведывательного эксперимента к эксперименту конструирующему, перепланирующему.

Наука в «эпоху технонауки» обнаруживает намного более агрессивные цели, чем в период классического естествознания. Она активно вмешивается в окружающий мир — вглубь и вширь, — нацелена на его решительную перестройку «атом за атомом»: ярким примером служит проект развития нанотехнологий и нанороботов в развитых странах. Может быть, только сейчас в полной мере созревают предпосылки к формированию того типа науки, за который ратовал еще Ф. Бэкон — науки, покоряющей природу и производящей «знание = силу». В итоге современная наука снижает свои метафизические, теоретико-созерцательные устремления и целиком разворачивается к систематическому техногенному изменению мира.

Технонаука — это наука развитого общества, общества высоких технологий, потребления и изобилия.

К институциональным следствиям такого сращения науки и технологии относится то, что наука все отчетливее становится внутренней частью, или подсистемой, рынка, промышленности, различных секторов экономики. В науку продвигаются рыночный подход, экономическая эффективность и управленческая (менеджеральная) рациональность. Все большее место занимают вопросы конкурентоспособности научных продуктов, их патентования, лицензирования, проверки их безопасности и соответствия различным стандартам и т. п.

В результате для науки и для общества в целом все больше значения приобретают не открытия, а *инновации*. На самом деле это означает радикальный сдвиг в самих основаниях научного познания. Нам не столь нужны крупные достижения в научной картине мира (независимо от того, возможны ли они сейчас или нет) — они не имеют такого важного мировоззренческого значения, как это было в «героический» период Научной революции (XVII в.) или в эпоху Просвещения.

Например, относительно недавние результаты изучения реликтового излучения (2003 г.) значительно изменили научные представления о размере, возрасте, общей космологической «карте» вселенной. Однако они вряд ли приложимы к практике. Поэтому они фактически остались незамеченными широкой общественностью. От фундаментальной физики общество ждет радикальных изменений в вычислительной технике, лазерных технологиях, энергетике, производстве искусственных

материалов и т. п. Сейчас нас куда больше интересуют события, имеющие прикладное и инновационное значение — новые технические средства и возможности, а также, более широко, изменения в организационных формах, в социальной сфере и т. п.

Между инновацией и просто «научным открытием» лежит принципиальное различие. Инновация — это практически значимый, внедряемый новый продукт, процесс, социотехническая система и т. п., которые сами по себе рассматриваются как *ресурс* для большей эффективности, производительности и т. п.

Сами инновационные системы, которые лежат сегодня в основе современной экономики, все чаще называемой «экономикой, основанной на знаниях», предполагают создание необходимых технических, организационных, интеллектуальных условий для непрерывного порождения и внедрения инноваций. Но это некий внутренне парадоксальный феномен — когда само *новое* (причем творчески найденное, нестандартное) не просто «приходит» или «рождается», а становится объектом неуклонного преследования; то, что по существу относится во многом к сфере свободы и поиска (творчество, возникновение новых идей), а также случая (находка, открытие), само оказывается закономерным итогом планируемого, хорошо организованного процесса.

Инновация есть конкретный шаг вперед в хорошо структурированной оценочной системе (польза, числовые показатели и т. п.). Это нечто практически приложимое, зримое, а также транслируемое между системами, организациями, отраслями и т. п. Это своеобразная твердая валюта «экономики, основанной на знаниях».

Трансформация науки в технонаучное состояние — глобальный процесс, который, видимо, будет все интенсивнее набирать обороты в XXI в. К каким следствиям это приведет, трудно сказать. Но очевидно, что он неминуемо повлечет значительные изменения ценностей, целей и методологических предпосылок научного познания, а также организационных и институциональных основ научной деятельности.

Н. Н. Шестернева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОФИОРИЕНТАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Статья посвящена актуальным проблемам корректировки образовательных программ и учебных планов учреждений дополнительного образования с целью их включения в единую систему профориентации учащихся. С 2004 г. совместные проекты Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета (кафедра «Городского строительства») и студии «Архитектурного моделирования» (ДДТ «Измайловский») осуществляются в рамках работы над проблемами интеграции вузовских программ в педагогическую практику студии с целью создания единой методической и педагогической структуры, обеспечивающей учащимся возможности непрерывного образовательного процесса.

Вопросы модернизации системы профориентационного образования в настоящее время становятся неотъемлемой частью системных преобразований в области

профессионального образования вообще. Причиной этому служат и необходимые изменения в структуре учебных планов вузов в связи с переходом на стандарты Болонского процесса, и современные вызовы к образовательным стандартам вообще, подразумевающие высокую мобильность выпускников, их готовность к принятию нестандартных решений, комплексных аналитических действий. То есть некоторая «стандартизация» образовательного процесса с одной стороны, неизбежно ведущая к устранению некоторых профессиональных различий для смежных специальностей и возрастающие требования к интеллектуальной «гибкости», исследовательскому потенциалу будущих инженеров и архитекторов — с другой. На фоне этих реалий становится неизбежным обращение к другим образовательным учреждениям помимо вузов, включение в систему формирования профессиональных взглядов других учебных заведений (школ, художественных школ, учреждений дополнительного образования). При реорганизации в таких учреждениях системы диагностики и мониторинга профессионального потенциала учащихся они с успехом могут служить начальной ступенью для формирования профессиональных навыков и морально-этических принципов, необходимых для архитектора и градостроителя будущего.

Для реализации этих возможностей были изучены образовательные программы учреждений дополнительного образования по научно-технической направленности. Были сформулированы основные задачи этого анализа: диагностировать проблемные точки в существующих образовательных программах; выявить структуру программы и найти пути ее корректировки в аспекте применения метода проектов и поощрения исследовательского потенциала, сформулировать принципы последующей корректировки образовательной программы, определить ее место в цикле других дисциплин системы непрерывного обучения

Результаты анализа показали, что существующие образовательные программы имеют близкую друг другу структуру, объединяющую методические, воспитательные и образовательные задачи педагога в единую структуру. Условно структура образовательных программ может быть обозначена схемой на рис. 1. Очевидно существование трех взаимозависимых, но не взаимосвязанных блоков в каждой программе — «внешний» блок, «внутренний» блок и «блок результатов».

В основе программы лежит выполнение ряда мероприятий и определение конечного результата работы путем выявления появившихся умений и знаний учащегося. В программе не излагаются основы применяемой диагностики — схожесть структуры всех программ, видимо, предполагает совершенно идентичные способы проверки исходных данных у учащегося и данных после прохождения курса. Причем проблема «диагностики» при анализе программы может быть рассмотрена в двух аспектах — как проблема диагностирования результатов учащегося и проблема определения результативности работы педагога. Но обозначенные во «внешнем» блоке программы цели и задачи едины для педагога и ученика, в программе не формулируются задачи для педагога. Между программами разных учебных направлений и предметов отсутствует связанность. Структура программы не позволяет (или не предполагает) учитывать специфику других предметов, что ведет к отрыву программы от поля реального образования учащегося и не может помочь в формировании представления учащегося о месте осваиваемых знаний в общей структуре знаний и компетенций. Помимо сложностей, возникающих с работой с

**Образовательная программа
(на примере курса «Архитектурное моделирование»)**

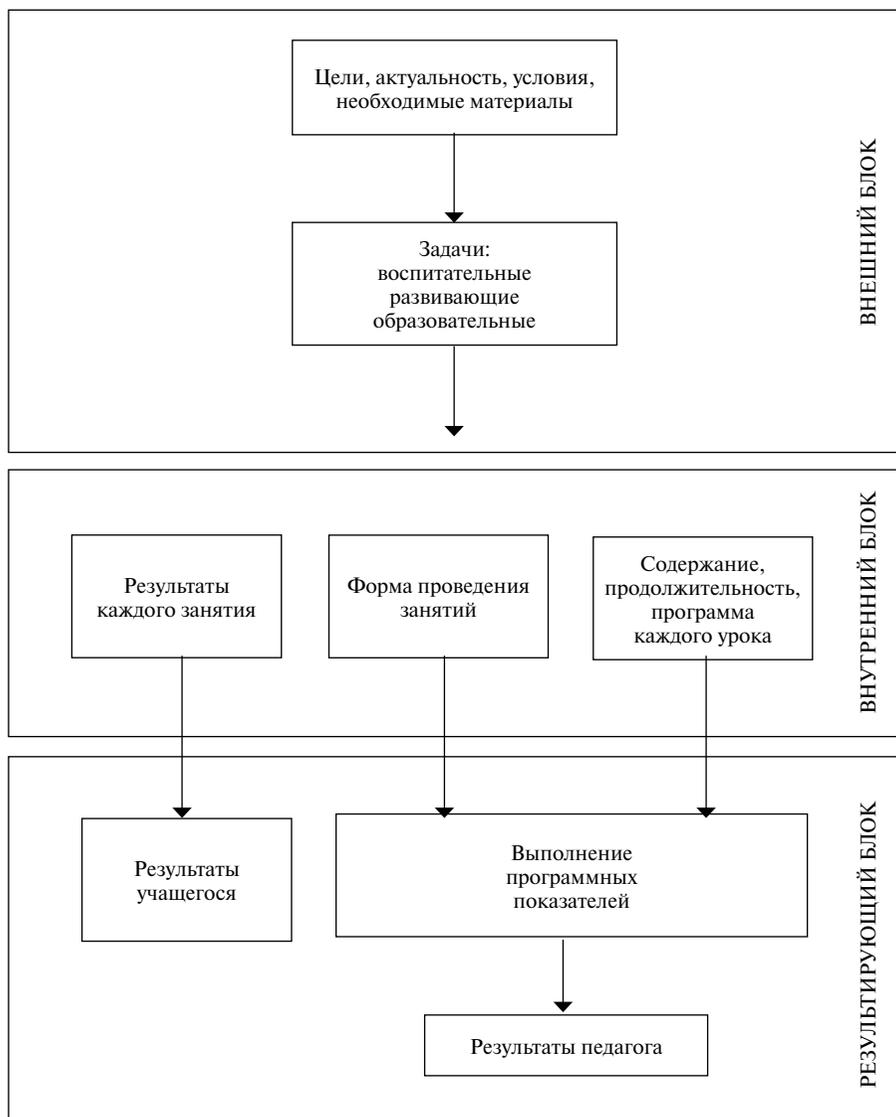

Рис. 1. Структура образовательных программ детских образовательных учреждений дополнительного образования

«внешним» блоком образовательной программы, существуют определенные трудности которые проявляются в поведении учащихся, в их готовности к восприятию материала. Это оказывает некоторое «давление» на педагогов, т. к. от численности учащихся и стабильности в их посещаемости зависит оценка работы педагога в образовательном учреждении. Таким образом, мы можем сформировать две группы «вызовов» (или проблем), проявляющихся в самой структуре образовательных программ дополнительного образования, они отражены на рис. 2.

Проблемные аспекты образовательной программы

ВНУТРЕННИЕ ВЫЗОВЫ ПРОГРАММЫ	ВНЕШНИЕ ВЫЗОВЫ К ПРОГРАММЕ
невозможность учитывать индивидуальные особенности учащегося	нет общих целей и задач с другими образовательными учреждениями
протяженность курса обучения при отсутствии динамики в использовании образовательных технологий (потеря интереса обучающегося)	нет связности с другими профориентирующими программами дома детского творчества, с художественными школами
постановка стандартных задач, не связанных с курсом и годом обучения	не соответствие требованиям учащихся более старших возрастов

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ
ПРОГРАММА ДОМА
ДЕТСКОГО ТВОРЧЕСТВА**

Рис. 2. Результаты анализа образовательных программ детских образовательных учреждений дополнительного образования

В результате проведенных исследований и интервью, можно сделать следующие выводы.

Программы включают в себя слишком продолжительные курсы обучения. Внутри каждого курса недостаточно динамично меняются применяемые технологии обучения. В результате большинство детей не проходят весь курс обучения, уставая от предмета через 1,5–2,5 года и переходя в другую студию.

Программы недостаточно гибко учитывают существующие потребности учащихся, предлагают каждый год один и тот же набор компетенций и знаний.

Нет никакой связи у программ между собой и с учреждениями другого уровня образования — только 15% педагогов подтвердили, что имеют представление о программе по школьному аналогу своего предмета, не более 5% используют эти данные при составлении своих программ.

Отсутствие устойчивых связей между программами не дает возможности гибко сочетать и использовать результаты работы других студий и кружков — например при организации праздников или совместных проектов.

Все это позволяет разработать рабочую гипотезу о корректировке образовательных программ с целью устранения всех проблемных точек и максимального расширения возможностей программы. Прежде всего, необходимо проанализировать те требования, которые возникают исходя из полученных результатов.

Суммарно требования к образовательным программам состоят из постоянных, неизменных компонентов:

- принцип доступности и последовательности (предполагает «построение» учебного процесса от простого к сложному);
- принцип наглядности (предлагает широкое использование наглядных и дидактических пособий, технических средств обучения, делающих учебно-воспитательный процесс более эффективным);
- принцип связи теории с практикой (органичное сочетание необходимых теоретических знаний и практических умений и навыков в работе с детьми).

Из требований, возникающих в современных условиях образования:

- принцип индивидуализации программы (предлагается максимальный учет характерологических особенностей каждого воспитанника);
- учет возрастных особенностей детей (содержание и методика работы должны быть ориентированы на детей конкретного возраста);
- принцип актуальности (предполагает максимальную приближенность содержания программы к реальным условиям жизни и деятельности детей).

Из требований, продиктованных необходимостью развивать и поощрять исследовательский потенциал учащегося:

- принцип научности (учебный курс должен основываться на современных научных достижениях);
- принцип результативности (в программе должно быть указано, что узнает и чему научится каждый ребенок);
- принцип межпредметности (подразумевает связь программы с другими науками или областями деятельности).

Таким образом, краткий анализ всех внешних и внутренних вызов, возникающих для образовательной программы, позволяет сформулировать несколько практических и теоретических принципов корректировки образовательной программы:

- принцип **«подвижности цели»** — предполагает формирование разных целей и задач для курсов разного значения, даже внутри одного преподаваемого предмета;
- принцип **«контроля горизонтальных и вертикальных образовательных связей»** — предполагает контакт с образовательными программами других учебных заведений и внутри одного учебного заведения;
- принцип построения **«индивидуальных задач»** — может быть реализован с помощью использования метода проектов.

Предлагаемая методика корректировки программ проходит в настоящее время свою апробацию в образовательных учреждениях. Для ее полноценного развития и внедрения потребуются продолжительные педагогические эксперименты и поиски оптимально устойчивых моделей образовательного взаимодействия. Однако уже сейчас можно делать выводы о востребованности такой корректировки и ее актуальности. В современном мире рынок труда нуждается не только в квалифицированных специалистах, но в специалистах умеющих принимать самостоятельные решения. Большая часть школьного времени посвящена освоению опыта предыдущих поколений и на творческую деятельность времени не остается. Система дополнительного образования может заполнить эту нишу и повысить компетентностный уровень будущих специалистов, но для этого необходимо создать гибкую и динамичную систему образовательных программ дополнительного и общего образования.

Отличительной чертой учреждений дополнительного образования от иных детских образовательных учреждений является то, что ребенок проходит другой образовательный путь. Дополнительное образование включает его в деятельность. При этом возникает уникальная задача социализации детей в обществе. Действительно, учреждения дополнительного образования являются специфическими организациями, оказывающими существенное влияние на социализацию детей. Образовательные услуги, предоставляемые этими учреждениями, способствуют овладению ребенком новых для него социальных ролей, позволяют включиться в разнообразные социальные ситуации, в которых дети выступают в качестве субъектов социальных отношений.

Система дополнительного образования реализует специфические социально-педагогические функции: функции социальной защиты, формирования социальной грамотности, коррекции социального поведения и социальных связей, профилактики асоциального поведения, социальной реабилитации. Включение этих функций в образовательные программы и создание системы диагностики — следующая задача по корректировке образовательных программ, решение которой еще впереди.

Интеграция программ вузовского образования в систему дополнительного образования позволит повысить компетентность и конкурентоспособность будущих специалистов на рынке труда, качество их работы в будущем. Причем важна здесь не только профориентация учащихся — как уже было сказано выше, не конкретные численные показатели отражают работу студии — в данном случае речь идет о формировании образа мысли, подхода к решению различных задач, развитию научно-исследовательского потенциала учащихся.

А. С. Щербакова

МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ВУЗА

Важнейшим активом формирующейся в мире высокотехнологичной, информационно-сетевой экономики становятся не материальные ресурсы, как это было прежде, а знания, интеллект, информация, инновации, которые превращаются сегодня в реальные факторы и самостоятельные продукты производства.

Принципиальная новизна современной экономики заключается в том, что важнейшей составляющей социально-экономического развития становятся не просто любые знания, а знания и информация, овладение которыми требует высшего профессионального образования и, прежде всего, университетской подготовки. Изменяется сам подход к сущности, смыслу и способам приобретения знаний и отбора информации. Новая парадигма образования состоит в том, чтобы не просто передавать обучающимся конкретные знания и служить «информационной накачкой», а научить их умению адаптироваться к качественно иным условиям хозяйствования и жизнедеятельности в целом, встраиваться в постоянно меняющуюся экономическую, социальную и прочую среду.

Одним из мощных рычагов повышения эффективности управления образованием в современных условиях является использование в управлении основных положений и механизмов экономического и социального маркетинга.

Развитие рыночных отношений в системе образования чаще всего связывают с такими легко замечаемыми внешними факторами, как:

- появление множества программ;
- возникновение для учащихся и их родителей альтернативы в том, куда пойти учиться;
- создание, наряду с муниципальными, различного характера частных образовательных учреждений;
- сокращение государственного финансирования образования и вынужденность образовательных учреждений в связи с этим искать новые источники своего дохода.

Однако, подлинное становление рынка образовательных услуг возможно только при изменении способа мышления об образовании и управлении им. Необходимо вести речь о формировании принципиально нового мышления в образовательной сфере.

В чем суть этого типа мышления?

Прежде всего, в изменении представления об основных результатах и содержании деятельности современного образовательного учреждения. Распространенный на сегодняшний день в практике подход к их определению с экономической точки зрения можно назвать производственным, т. к. здесь школа понимается как производство, формирующее человека. Производство человека является главным и изначально заданным содержанием педагогической деятельности.

Маркетинговый подход к управлению системой образования имеет несколько иное кредо: образование не производит самого человека, а оказывает человеку особые специфические услуги. Жизнь любого образовательного учреждения разбивается внутри данного подхода на две самостоятельные, но взаимозависимые части — на разработку услуг и собственно их реализацию. Школа становится учреждением, производящим образовательные услуги, а вся система образования начинает рассматриваться как достаточно органичная часть сферы услуг.

Необходимо сказать и о том, что при переходе в новый тип мышления значительно меняется представление о степени педагогической и управленческой ответственности образовательного учреждения. Раньше мы отвечали целиком и полностью перед государством за наш результат — за наших выпускников, лишая тем самым последних собственной самости, свободы и ответственности.

В рамках маркетингового или, иначе говоря, рыночного подхода мы отдаем каждому человеку право быть собой и отвечать за себя, чем, собственно, и начинаем реализовывать по полноте гуманистическую парадигму образовательных ценностей. Каким человеком станет наш выпускник, должно зависеть в основном от него самого, точно так же, как только от него и от его личных усилий должно зависеть и то, какое образование он получит. Образовательное же учреждение в данном случае может и должно отвечать исключительно за профессиональное и качественное оказание тех услуг, которые оно предлагает потреблять учащимся в ходе получения ими их образования.

Слово «маркетинг» в своем буквальном переводе с английского означает «действие на рынке» или же «рыночную деятельность», именно в таком понимании употребление этого понятия стало привычным и часто используемым в экономическом и деловом мышлении, начиная с середины XX в. Ф. Котлер определяет маркетинг

сегодня как «упорядоченный и целенаправленный процесс осознания проблем потребителя и регулирования рыночной деятельности». Осознание маркетинга как экономической концепции состоит в признании ключевого, решающего значения потребителя в успехе любого бизнеса и любого производства. Лозунг «производить то, что продается, а не продавать то, что производится» является объединяющей идеей практически всех современных подходов к маркетинговой деятельности.

Современная ситуация требует построения каждой конкретной образовательной практики не только исходя из наличных кадровых, материально-технических и содержательных ресурсов, но и ориентируя на интересы его конечного потребителя. Первый из этих путей уже достаточно хорошо освоен за последние годы нашими образовательными учреждениями. Второй — собственно маркетинговый путь — еще ждет своего постепенного освоения.

Функционируя в напряженном режиме, образовательные учреждения вынуждены искать пути развития, которые совершенствовали бы уже достигнутые средства, формы и методы, и позволяли бы проектировать новые. В силу своих социальных связей, образовательное учреждение в случае оторванности от общества и его заказа подвергается вырождению. Именно поэтому школа должна производить то, что пользуется платежеспособным спросом. С учетом длительности цикла оказания образовательных услуг нельзя ждать, когда этот спрос будет предъявлен в оформленном виде, к нему необходимо готовиться, его надо прогнозировать, целенаправленно формировать. Вот здесь и появляются задачи маркетинга. Причем сферой маркетинга в образовании выступают не только платные услуги для конкретных потребителей, но и все образование в целом, т. к. обучение, финансируемое из государственного бюджета, в принципиальном отношении является таким же актом обмена, как и оказание платных образовательных услуг. Поскольку в качестве источника оно имеет налоги и сборы, которые прямым (как подоходный налог) или косвенным образом (налог на прибыль, добавленную стоимость и др.) берутся с того же самого клиента, которому затем в качестве общественного продукта эти образовательные услуги предоставляются. Целью маркетинговой деятельности является создание адаптированной к современным условиям конкурентоспособной школы.

Конкурентоспособность учебного заведения — это состояние, при котором образовательные учреждения имеют высокие результаты обучения, пользуются повышенным спросом у родителей и имеют постоянную потребность в развитии.

Результаты деятельности школы должны зависеть от того, насколько профессионально ею управляют, насколько правильно выстроены приоритеты, насколько глубоко разработано и реализуется перспективное планирование образовательного заказа. А это и есть маркетинговая деятельность.

Ведя речь о применении маркетинга в сфере образования, мы понимаем под ним:

- особую область знаний, находящуюся на стыке теории управления, экономики, социологии, психологии, информатики;
- современную концепцию управления образованием, формирующую особое рыночное, педагогическое мышление, а также представление способа существования образования на рынке, необходимый компонент в реформировании образовательной системы любого уровня;

- важнейшую функцию управления современной образовательной системой, направленную на координацию деятельности всех ее звеньев с целью достижения общих тактических и стратегических целей;

- особую деятельность по всестороннему изучению и формированию рынка образовательных услуг, осуществлению целостной образовательной политики, продвижению отдельных образовательных программ;

- отдельную научную дисциплину, рассматривающую маркетинг образовательных услуг как новую философию образования и образовательной практики, переориентирующую ее с абстрактного социального заказа на интересы и потребности конечного потребителя;

- средство для принятия эффективно-тактических и стратегических решений с учетом как внутренних, так и внешних по отношению к данной образовательной системе факторов.

Маркетинг образовательных услуг приводит к удовлетворению потребностей:

- личности в образовании;

- учебного заведения в развитии и благосостоянии его сотрудников;

- предприятий и организаций в росте кадрового потенциала;

- общества в расширенном воспроизводстве совокупного личностного и интеллектуального потенциала.

Маркетинговый подход к образованию резко меняет представление всех субъектов образовательного рынка (как производителей, так и потребителей) о конечном результате или продукте педагогической деятельности. Традиционно мы привыкли считать результатом деятельности любого образовательного учреждения его выпускника, обладающего на определенном уровне какими-либо качествами и характеристиками. Однако, с точки зрения современных управленческих концепций, такое понимание выносимого на рынок образовательного продукта представляется не совсем корректным и до конца гуманистичным, поскольку превращает учащихся из полноправного субъекта рыночных отношений в некоторый продукт, потребляемый или же производимый исключительно другими субъектами педагогического производства.

Применение концепции маркетинга в образовании позволяет иначе определить тип результата или продукта, выносимого на рынок образовательным учреждением. Таким продуктом становится образовательная программа как комплекс образовательных услуг, нацеленный на изменение образовательного уровня или профессиональной подготовки потребителя и обеспеченный соответствующими ресурсами образовательной организации.

Именно так понимаемую образовательную программу приобретают, в первую очередь, учащиеся как ее прямые, непосредственные потребители, а во вторую очередь, общество, предприятия и организации в лице выпускников, освоивших данную образовательную программу. Кроме этого, образовательные учреждения могут предлагать на рынке множество различных продуктов в виде учебников и учебных пособий, консультационных и исследовательских услуг. Однако современный рынок образовательных услуг — это, прежде всего, рынок образовательных программ. От качества предлагаемых каждым образовательным учреждением образовательных программ зависит сегодня во многом его настоящее и будущее.

Введение маркетингового подхода иначе структурирует взаимодействие между педагогами и учащимися, где единицей организации этого взаимодействия является образовательная услуга, которая не только предлагается учащимся, но ими потребляется. Потребительский характер учебной деятельности создает условия не только для субъектной позиции учащегося в части усвоения учебного материала, но и рефлексивно-организованной проектной позиции по отношению к своему образованию.

Последнее может быть выражено в терминах — «индивидуальная образовательная траектория» и «проектирование индивидуальной образовательной траектории». При этом учащиеся, родители и педагоги становятся партнерами в определении содержания, форм образования на каждой ступени.

Безусловно, что за образованием сохраняется доминирующая роль, но характер взаимоотношений между педагогами, родителями и учащимися меняется, становится не предопределяющим, а поддерживающим, экспертным, консультативным. Предопределение сохраняется в части заботы об обеспечении договоренностей о содержании, формах, условиях образования, заключенных между партнерами.

Можно также отметить, что учащиеся не могут изначально по полноте занимать позицию субъекта в проектировании, данная позиция может быть сформирована в процессе обучения. Однако это требует изменения в содержании образования, включение в перечень базовых умений умение проектировать, в том числе и собственную образовательную траекторию.

На наш взгляд, именно данные актуальные проблемы маркетингового подхода соотносятся с идеями концепции модернизации содержания современного образования.

Н. В. Щербакова

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ КАРЬЕРЫ

Каждый человек в определенный момент начинает серьезно задумываться о своем будущем, о своем профессиональном и должностном росте, о своей будущей карьере. Все это делает вопрос анализа и понимания социально-технологических аспектов возникновения и эволюции понятия карьеры важным и актуальным.

К настоящему времени еще не сложилось окончательного определения понятия карьеры, и вполне возможно, что единомыслие в этом вопросе вовсе недостижимо. Различные авторы акцентируют внимание на разных характеристиках карьерного процесса. Рассмотрим наиболее популярные подходы к определению понятия карьеры.

Прежде всего, необходимо разделить такие, казалось бы, сходные, даже по звучанию, понятия, как карьера и карьеризм. До недавнего времени в нашей стране понятие «карьера» и «карьеризм» относились к одному моральному основанию, признаваемому социально негативным. Это отношение формировалось благодаря доминированию в официальной пропаганде идей социального равенства. «Делать карьеру» означало осознанно стремиться к возвышению над другими людьми, причем исключительно с целью получения личных преимуществ, в про-

цессе распределения материальных благ. Такая трактовка карьеры, действительно отождествляла ее с представлениями о карьеризме. Однако на данный момент времени уже сформировалось различие этих созвучных понятий. Карьеризм определяется как «карьерная агрессия», т. е. вторжение в карьерное пространство, интенсивное освоение последнего на статусных высотах с подавлением в нем нормальных карьерных процессов деформацией кадровой политики и системы социального управления [1].

В работах зарубежных исследователей термин «карьерера» встречается достаточно часто, как в настоящее время, так и несколько десятилетий назад. Часто зарубежные исследователи предпочитают давать расширенное определение карьеры, определяя ее как «разбитый на определенные промежутки жизненный путь человека, связанный с его работой» [2].

Еще более широким оказывается объяснение понятия карьеры в определении ее как последовательности и комбинации ролей, которые человек выполняет в течение всей жизни [3].

В нашей стране подробное изучение понятия карьеры стало осуществляться сравнительно недавно. Разнообразные определения карьеры, принятые в обществе, отражают, с одной стороны, различные грани понятия, с другой стороны широту вкладываемого в него смысла.

Достаточно широкое определение понятие слова карьерера можно встретить, например, в «словаре русских синонимов», в котором карьерера рассматривается как будущность, судьба. С точки зрения философского знания понятие карьеры рассматривается динамически, и определяется как «процесс, прохождение, последовательность состояний систем» [4]. С другой стороны, часто на первое место выводится понятие карьеры, как «продвижения в какой-либо сфере деятельности». Второе значение слова карьерера определяется как «достижение известности, славы, выгоды». На третьем месте находится такое объяснение карьеры как «обозначение рода занятий, профессии» [5].

Если конкретизировать понятие карьеры с позиций социологии, карьерера оказывается в большей степени относящейся к именно служебной деятельности: «Карьера — это результат профессионального или должностного продвижения в жизни индивидуума» [6]. С другой стороны, карьерера определяется как социальное продвижение, переживаемое человеком в течение жизни, хотя обычно ассоциируется с профессиональной деятельностью индивида [7].

В социально-технологическом аспекте трактовка карьеры может, рассматривается с двух позиций:

1. Карьерера — индивидуально-осознанная социально-психологическая позиция и поведение человека, связанные с его трудом, опытом и деятельностью на протяжении рабочей жизни.

2. Карьерера — фактическая, организационно-структурная последовательность занимаемых ступеней (должностей, рабочих мест, положений) в коллективе. В общем смысле карьерера — это продвижение человека по ступеням производственной, имущественной, социальной лестницы.

Уточный смысл понятия карьеры должен быть многокритериальным.

Обязательно содержать в себе как технологический аспект (тип карьеры, темп, господствующие общественные отношения, объективные возможности), так и со-

циальный (обстоятельства жизни конкретного индивида, его личными способностями, целеустремленностью, воля, семейное положение, состояние здоровья) [8].

Сущностной составляющей вышеперечисленных определений понятия карьеры является продвижение, т. е. движение вперед. В этом отношении карьера выступает как процесс, представляющий собой прохождение, последовательность социальных систем — технологической системы.

Такое понимание карьеры ориентирует на соответствующий методологический подход к ее исследованию. В его основе лежит тенденция современной науки изучать события, а не вещи, процессы, а не состояния. Общество и его компоненты рассматриваются, как процессы, а не как статичное состояние, как непрерывный бесконечный поток событий. Человек включен в этот поток и вынужден непрерывно двигаться в нем, приспосабливаться к нему, преодолевать отклоняющиеся его течения, собственное изменение в этом процессе и изменение его составляющих. Чем стремительнее общее движение, тем опаснее замедление.

Отсюда понимание карьеры, как активного продвижения человека в освоении и совершенствовании способа жизнедеятельности, обеспечивающего его устойчивость в потоке социальной жизни.

Так под карьерой понимают «активное продвижение человека в освоении и совершенствовании способа жизнедеятельности, обеспечивающего его устойчивость в потоке социальной жизни» карьеру трактуют как движение человека в пространстве организационных позиций, предполагающие последовательную смену функций статуса, социально-экономического положения. То есть карьера — это процесс движения по пути овладения некими ценностями, благами, признанными в обществе или организации.

Таковыми являются:

- должностные ступени, уровни иерархии;
- ступени квалификационной лестницы и связанные с ней разряды, дифференцирующие навыки и знания людей по уровню мастерства;
- статусные ранги, отражающие величину вклада работника в развитие организации (выслуга лет, уникальные рациональные предложения, судьбоносные для организации) его положение в коллективе;
- ступени власти как степени влияния в организации (участие в принятии важных решений, близость к руководству);
- уровни материального вознаграждения, дохода (уровень заработной платы и разнообразие социальных льгот).

При этом следует подчеркнуть, что перечисленные блага могут быть рассмотрены как через призму субъективности человека, так и сточки зрения его среды (организации профессиональной сферы, общества), оценены как чисто субъективно в форме самоощущений, самооценки достижений, так и подкреплены признанием их в среде в виде повышения в должности, уровня оплаты и т. д.

Например, человек может ощущать изменения своих навыков, знаний, но окружающие воспримут, «увидят» его профессиональный рост только после того, как ему повысят квалификационный разряд.

С этих позиций определяется подход к анализу социально — технологических аспектов моделирования карьерного процесса и основ стратегического управления карьерой.

Таким образом, карьера — это процесс социально-психологического развития и профессионального роста человека, роста его влияния, авторитета, статуса в среде, выраженный в его продвижении по ступеням иерархии, квалификационной лестницы, вознаграждения, престижа.

В определении социально-технологической сущности карьеры у различных авторов существуют различные точки зрения.

По утверждению Д. М. Иванцевича и А. Д. Лобанова [9], карьера — это «индивидуально осознанная последовательность социальных изменений во взглядах, позиции и поведении, связанных с опытом работы и деятельности в течение трудовой жизни». Но это определение не учитывает статусных и должностных перемещений.

Н. А. Горелов и А. И. Тучков [10] под карьерой понимают линию продвижения работника, позволяющую реализовать его потребности в улучшении материального положения, достижения социального статуса, повышении властных полномочий и самореализации. Не говоря о том, что карьера предполагает не только вертикальное, но и горизонтальное перемещение, а зачастую и падение должностного статуса, трудно поверить, что это просто «линия», а не социально-производственный процесс, состоящий из взлетов и падений. А. В. Филиппов [11] понимает под карьерой технологический процесс постепенного должностного перемещения за период работоспособного состояния.

Если это так, то можно ли этот процесс планировать и управлять им, или он изначально задан? Насколько его этапы схожи у различных работников? Это степень реализации потенциала человека — считает Б. М. Генкин [12]. Любопытно, как и в каких единицах ее измерять? Да и сам человек может не пожелать реализовывать и развивать отдельные свои потенциальные черты. С. И. Сотникова понимает под карьерой «индивидуально осознанную позицию и поведение, связанное с накоплением и использованием возрастающего человеческого капитала на протяжении рабочей жизни человека» [13], не учитывая неизбежную изменчивость позиций и поведения.

Принимая во внимание неоднозначность определения понятия карьеры, можно заметить, что во многих объяснениях карьера соотносится с понятием успешности индивида. Эта смысловая составляющая присуща понятию карьеры даже на словарном уровне. Так, в словаре Ожегова карьера определяется как «путь к успехам, видимому положению в обществе, на служебном поприще, а также само достижение такого положения» [14]. С другой стороны, в словаре иностранных слов карьера истолковывается как успешное продвижение в области общественной, служебной, научной и др. деятельности или как род занятий, профессия [15].

Однако наряду с расхожими и общепринятыми объяснениями существуют и персональные определения понятия и механизмов карьеры. В середине 1990-х гг. образуются научные направления по изучению данного явления. Карьера осуществляется в процессе деятельности человека. Деятельностный подход к осмыслению понятия «карьера» строится на представлениях о способах и формах продвижения индивида в различных сферах его деятельности и рассматривается в трудах многих ученых, исследующих сферу управления человеческими ресурсами.

В отечественной школе сформировался подход к определению «карьеры» в широком и узком смысле. В широком смысле определяют карьеру как общую по-

следовательность этапов развития человека в основных сферах жизни (семейной, трудовой, досуговой). При этом карьера представляется динамикой социально-экономического положения, статусно-ролевых характеристик, форм социальной активности личности. В узком смысле понятие «карьера» связывается с динамикой положения и активности личности в трудовой деятельности [16].

А. К. Маркова также различает широкое и узкое понимание карьеры, но придает им несколько другое звучание. В первом случае карьера рассматривается как профессиональное продвижение, профессиональный рост, переход от одних ступеней профессионализма к другим. Во втором случае карьера рассматривается как должностное продвижение, где на первый план выступает достижение определенного социального статуса, занятие определенной должности [17].

Эту идею развивает А. И. Турчинов, рассматривая карьеру как индивидуальный трудовой путь человека [18]. Понятие «карьера персонала» в его представлении отражает единство двух карьерных процессов — профессиональной карьеры и должностной карьеры.

С. В. Шекшня дает только предельно сжатое, «узкое» определение, рассматривая карьеру как «последовательность должностей, занимаемых сотрудником в одной организации» [19].

О. П. Филиппов трактует карьеру как «продвижение человека по ступеням производственной, социальной, административной или иной иерархии» [20]. Автор выделяет критерии, определяющие социально — технологический характер карьеры:

- собственно психологические (личные способности человека, его целеустремленность, воля);
- макроэкономические (господствующий тип общественно-экономических отношений);
- социальные факторы (объективно представляемые данным обществом возможности для осуществления карьеры).

Г. Б. Михайлова утверждает, что в современных условиях, понятие «карьера» трактуется как движение индивида по службе в профессиональном совершенствовании, соответствующее его ценностным ориентациям, и в то же время в полной мере удовлетворяющее интересы общества [21]. Такое понимание карьеры исходит из признания интересов личности и общества. Этот подход дает возможность рассматривать карьеру в качестве универсального индикатора социального и профессионального развития представителей любых социальных слоев [22].

Авторы, занимающиеся изучением карьерного процесса, сами свидетельствуют о том, что проблема карьеры привлекает все большее внимание исследователей различных научных направлений. Этот процесс имеет две базисные детерминанты — индивидуальную и социально-управленческую. Первая связана с актуализацией потребности человека в обеспечении собственной безопасности и благополучия. Вторая — с возрастанием значения во всех управленческих процессах так называемого человеческого фактора, в основе которого лежат индивидуальные карьерные потенции, мобилизованные и организованные в интересах системы [23].

Таким образом, можно констатировать, что исследователи часто склонны относить явление карьеры не только непосредственно к профессиональной деятельности, но и к социальной жизни в целом, причем многие авторы связывают понимание карьеры с успешностью индивида. То есть с этих позиций представляется

возможным предположить, что, например, человек, который не сумел достигнуть высот в профессиональном плане, но при этом сумел создать и сохранить семью, воспитать хороших детей — состоялся в карьерном плане, он уважаем в кругу своих знакомых и ценен для общества, являясь успешным человеком.

Сложность карьеры с точки зрения социально — технологических аспектов определяется обусловленностью ее множеством факторов, прежде всего связанных с особенностями личности работника, делающего карьеру, и среды, в которой развивается карьера (карьерная среда), а так же особенностями и уровнем развития общества, в котором действуют человек и организация. Для более полного изучения, понимания и овладения механизмами воздействия на характер карьеры необходимо учитывать как сложные связи образующих элементов, так и сложность и особенности самих этих элементов.

Комплексность карьеры предполагает необходимость рассмотрения ее с различных сторон, использования при ее исследовании различных подходов.

Социально-технологическая многоаспектность карьеры выражается в ее наполненности различными составляющими. Карьера комбинирует в себе такие направления деятельности, как совершенствование уровня профессионального, личностного, общего культурного развития, мероприятия по самопрезентации, саморекламе, формированию, укреплению и поддержанию необходимых связей, способствующих тому, чтобы реальный внутренний рост был замечен, по праву оценен в среде служащего и отражен в форме внешнего роста (повышения по службе, оплаты труда). Полноценное развитие карьеры невозможно без содействия карьерной среды, направленных на обеспечение необходимых условий для роста и реализации растущего потенциала личности.

Проведенный анализ социально-технологических аспектов карьеры позволяет сделать вывод в том, что карьера представляет собой процесс профессионального, социально-экономического развития человека, выраженный в его продвижении по ступеням должностей, квалификации, статусов, вознаграждения и фиксируемый в определенной последовательности занимаемых на этих ступенях позиций. Другими словами, карьера — это развитие человека и освоение им социального пространства (если речь идет о межорганизационной карьере) или экспансия человека в организационном пространстве конкретного предприятия (если рассматривается внутриорганизационная карьера).

Литература

1. Административная этика: учеб. пособие / под ред. В. А. Романова. М., 1999.
2. Social cognitive theory // R. Vasta (ed.) Annals of child development, 1989a. Vol. 6. P. 58.
3. *Super D. E.* Synthesis: Oz it distillation // Personnel and Guidance Journal. 1983. Vol. 61. P. 508–512.
4. Современный философский словарь. Екатеринбург, 1996. С. 391.
5. Большой энциклопедический словарь. СПб., 1999.
6. Большой толковый социологический словарь. М., 1999. Т. 1. С. 277.
7. Лоусон Т., Геррод Д. Социология: словарь-справочник. М., 2000. С. 160.
8. Энциклопедический социологический словарь / под ред. Г. В. Осипова М., 1995. С. 262.
9. Иванцевич Дж. М., Лобанов А. А. Человеческие ресурсы управления. Основы управления персоналом. М., 1993.

10. Горелов Н. А., Тучков А. Н. Энциклопедия труда и занятости. СПб., 1997.
11. Филиппов А. В. Работа с кадрами: психологический аспект. М., 1990.
12. Генкин Б. М. и др. Основы управления персоналом. М., 1996.
13. Сотникова С. И. Управление карьерой: учеб. пособие. М., 2001.
14. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1990. С. 273.
15. Словарь иностранных слов / под ред. Ф. Н. Петрова и др. М., 1988.
16. Социальное управление: словарь / под ред. В. И. Добренкова, И. М. Слепенкова. М., 1994. С. 67.
17. Маркова А. К. Психология профессионализма. М., 1996. С. 65.
18. Турчинов А. И. Служебная карьера. М., 1998.
19. Шекшня С. В. Управление персоналом современной организации. М., 1996. С. 149.
20. Филиппов А. В., Липинский В. К., Князев В. А. Производственная социология, психология и педагогика. М., 1989.
21. Михайлова Г. Б. Понятие карьеры в психологической науке // Психологические проблемы профессиональной деятельности кадров государственной службы. М., 1997.
22. Психологические проблемы профессиональной деятельности кадров государственной службы. М., 1997. С. 85–92.
23. Кобзева В. В., Колесников Ю. А. Карьера: суть, планирование, мотивация // Управление персоналом. 2000. № 1. С. 45.

Д. Д. Юсупова

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Проблема валентности языковых единиц является одной из актуальных проблем современного языкознания. Любая структура в языке представляет собой сочетание тех или иных компонентов. Существуют универсальные и специфические языковые законы и тенденции сочетаемости, отступление от которых приводит к нарушению нормы или к изменению свойств языковых единиц. Без установления закономерностей сочетания языковых единиц в составе более сложных образований невозможно понять структуру этих образований. Кроме того, при описании системы языка, удовлетворяющем коммуникативным целям обучения, должна быть охарактеризована неразрывная связь и взаимообусловленность единиц разных уровней, отражающая системный подход к изучению языковых явлений. Именно этим обусловлена актуальность изучения валентности языковых единиц, которая содержит сведения о межуровневых связях, например, лексики и синтаксиса, лексики и морфологии, словообразования и лексики и т. д.

Валентность (от лат. *valentia* — сила) — способность слова вступать в синтаксические связи с другими элементами. В лингвистику впервые ввел это понятие С. Д. Кацнельсон [2, с. 25]. В советском языкознании развивается более широкое понимание валентности как общей сочетательной способности слов и единиц разных уровней. Это фундаментальное свойство языковых единиц отражает синтагматические отношения между знаками языка. Они возникают между последовательно расположенными его единицами при их непосредственном сочетании друг с другом в реальном потоке речи или в тексте. Выделение синтагматических отношений связывают обычно с именем Ф. де Соссюра, но в отечественном языкознании задолго до этого И. А. Бодуэн де Куртенэ описывал их в терминах отношений рядопо-

ложения, а Н. В. Крушевский — в виде отношений по смежности. По мнению Ф. де Соссюра, из двух типов отношений, определяющих систему языка и его состояние в каждый момент его существования, — синтагматических и ассоциативных (позднее названных парадигматическими) — первые непосредственно наблюдаемы и основаны на линейном характере речи и свойстве ее протяженности, однонаправленности, последовательности. Благодаря этому элементы, следуя один за другим, образуют определенную цепочку, последовательность — синтагму, внутри которой составляющие ее элементы вступают в синтагматические отношения. Они характеризуют связи следующих друг за другом единиц и определяются их контрастом; языковой элемент может поэтому противопоставляться либо предшествующему, либо следующему за ним, либо тому и другому одновременно [4, с. 124]. Все языковые единицы находятся в зависимости от того, что их окружает в потоке речи. С этим свойством связаны методика валентностного анализа и особенности сочетаемости языковых единиц.

Различается сочетаемость разных типов в зависимости от позиции — контактная (при соположении языковых единиц) и дистантная (на расстоянии); в зависимости от факторов сочетаемости — обусловленная (определяется наличием у языковых элементов различительных черт) и произвольная (определяется лишь принятой нормой); в зависимости от уровня языка — формальная и семантическая. Поскольку синтагматические отношения наблюдаются на разных уровнях строения языка, то в зависимости от выбранной единицы анализа синтагматика нередко понимается как часть соответствующей уровневой дисциплины (фонетическая, фонологическая, морфологическая, синтаксическая), посвященной описанию синтагматических отношений в пределах данного уровня или исследуемой подсистемы. На уровне фонем обусловленная сочетаемость проявляется в совместимости или в несовместимости их дифференциальных признаков (во многих языках не могут сочетаться глухие и звонкие согласные, твердые согласные и гласные переднего ряда и т. п.). В случае сочетаемости фонем с несовместимыми признаками происходят их комбинаторные или позиционные изменения: ассимиляция, диссимиляция, аккомодация, диэреза, эпентеза, сингармонизм, гаплоглогия, метатеза, оглушение, палатализация и др. Произвольная сочетаемость фонем — важный типологический признак языка, она проявляется в универсальных (более легкие и более трудные сочетания звуков) и частных тенденциях. Важную роль в сочетаемости играет позиция звукосочетания в слове (начальная, средняя, конечная), напр. начальная группа [st] обычна в английском и русском языках (stop, «стой»), но в испанском и немецком встречается лишь как исключение в заимствованиях, хотя фонемы [s] и [t] есть во всех четырех языках. Разбирая вопрос об ограничении и правилах сочетаемости звуков речи, А. А. Реформатский сначала анализирует основные фонетические процессы, связанные с сочетанием звуков в речи на любом языке: редукцию, аккомодацию, ассимиляцию, диссимиляцию и т. д. как универсально представленные в языках явления, характеризующие связь звуков в потоке речи, и дает схему счета слогов в зависимости от ударения. Затем он переходит к комбинациям звуков, характерным для конкретного языка: «Для выполнения этой роли — складывания и различения значимых единиц языка — фонемы должны быть противопоставлены друг другу в системе языка» [3, с. 59]. Синтаксическая трансформация звуков уясняет их качества и дает принцип со-

четаемости звуков конкретного языка в виде последовательной системы, охватывающей количество и группировку фонем (по соотношению гласных и согласных и по оппозициям в пределах каждой группы), типы позиций и факторов, обуславливающих те или иные позиции, и возникающие в слабых позициях вариации и варианты.

В морфемике важным критерием описания морфемы является ее валентность, т. е. способность сочетаться с другими морфемами. Большинство морфем являются мультивалентными (т. е. многовалентными), поскольку они легко сочетаются с другими морфемами (ср. русскую флексию -у, свободно сочетающуюся почти со всеми основами глаголов настоящего времени). Морфемы, обладающие ограниченной способностью к сочетанию с другими морфемами, являются унивалентными (т. е. одновалентными), напр. корневые морфемы в русских словах буженина, брусника или унивалентные суффиксальные морфемы в словах стеклярус (-'арус), белесый (-'ос). Сочетаемость, а следовательно и синтагматические отношения, проявляются в комбинации морфем и различаются на формальном и семантическом уровнях. На формальном уровне — это использование алломорфов, которые избирательно сочетаются с корневыми морфемами (ср. «нес-ет», но «беж-ит»), различного рода изменения на морфемном шве и другие явления, изучаемые морфонологией. На семантическом уровне сочетаемость определяется совместимостью значений морфем. Какие же закономерности регулируют сочетаемость морфем? В каждом языке имеются ограничения, которые накладываются самой системой языка на сочетаемость морфем. В русском языке, например, по наблюдениям Е. А. Земской, к таким ограничениям относятся:

- семантические ограничения, которые связаны с семантической несовместимостью морфем (ср. в русском языке суффикс действующего лица -тель, который не может сочетаться с основами существительных и прилагательных, для него возможны только сочетания с основами глаголов: писатель, строитель);

- словообразовательные ограничения, связанные со словообразовательной исчерпанностью некоторых основ, от которых уже невозможно образовать новое слово, ср. в русском языке прилагательные с суффиксами субъективной оценки -еньк- (маленький, беленький) или — -ущ- (большущий, здоровущий);

- морфологические ограничения, связанные с родовой принадлежностью основ производящего слова: в русском языке суффикс -к- (коровка), -'онк- (коровенка) соединяются только с основами существительных женского рода. Однако с существительными мужского рода эти суффиксы соединиться не могут, в этом случае используются суффиксы -ик (слоник), -ок (волчок), -ец (хлебец), которые связаны с системой флексий муж. р.;

- фонетические (или формальные ограничения), связанные с несовместимостью фонем на морфемных швах (ср. суффикс прилагательных -н-, который не может сочетаться с основами существительных, имеющих в своем исходе группу согласных, типа парк, воск, в этом случае используется суффикс -ов: парковый, восковой);

- стилистические ограничения, связанные со стилистической несовместимостью морфем, т. к. словообразовательные морфемы так же как и слова, могут обладать стилистической окрашенностью (ср. в русском языке прилагательные типа здоровущий, большущий и невозможность прилагательного культурнуший, т. к.

суффикс -ущ- имеет сниженную стилистическую окраску и тяготеет к сочетанию с нейтральными или сниженными основами, но не книжными);

- лексические ограничения — это ограничения, идущие со стороны лексики, которая накладывает запрет на сочетаемость морфем вследствие возникновения омонимии (ср. невозможность образования названий лиц женского пола от соответствующих названий лиц мужского пола с помощью суффикса -к- по модели штукатур — штукатурка) [1, с. 195].

Интерес к сочетательным потенциям слова послужил толчком к возникновению учения о синтаксических валентностях [5, с. 16]. Сочетательная ценность слова, т. е. его валентность, проявляется в лексической и синтаксической сочетаемости слова при выполнении того или иного коммуникативного задания. Синтаксическую сочетаемость слова можно охарактеризовать как совокупность всех возможных синтаксических позиций, имеющихся при слове. Эти синтаксические позиции заполняются лексическими единицами, которые однотипно связываются синтагматическими отношениями с опорным словом и образуют в совокупности лексическую сочетаемость слова. Сочетаемость слов определяется грамматическими, лексическими, семантическими факторами. Грамматическая сочетаемость определяется принадлежностью слов к конкретным частям речи: например, в русском языке имена существительные легко сочетаются с именами прилагательными и глаголами, глаголы — с именами существительными и наречиями; для многих языков подчинительное сочетание из двух существительных нехарактерно и т. д. На лексическом уровне сочетаемость проявляется в избирательности лексем, ср. «уделить внимание», но не «уделить заботу». На семантическом уровне сочетаемость слов определяется семантическим согласованием — компоненты сочетания не должны иметь противоречащих сем (минимальных, предельных единиц плана содержания), напр., глагол, обозначающий действие живого существа, как правило, сочетается с одушевленными именами существительными («люди общаются»). При этом семантика слова проявляет его валентностные свойства, которые способствуют установлению синтагматических отношений.

Таким образом, коммуникативная направленность обучения русскому языку предполагает в качестве цели обучения речевую деятельность, что не исключает задачи овладения системой языка, знания валентностных особенностей языковых единиц различных уровней, изучения изменений валентности языковых единиц.

Литература

1. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.
2. Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ. 1948. № 2.
3. Реформатский А. А. Введение в языковедение. М., 1967.
4. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. Труды по языковедению. М., 1977.
5. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М., 1988.

ГЛАВА 3

Место и роль науки в трансформирующемся российском обществе

В. Н. Гончаров

НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Наука представляет собой определенную сферу человеческой деятельности, направленную на производство объективных знаний о природе, обществе, процессах мышления и познания, способов производства и упорядочения знаний. Развитие науки связано не только с приращением нового знания, хотя в целом научная деятельность ориентирована на это. Не менее важное значение имеет и то, что полученные знания надо упорядочивать, систематизировать и передавать в приемлемых формах. Оба аспекта в совокупности представляют науку как определенную социальную деятельность, определенный социальный институт, позволяют провести различие между понятиями «научное знание» и «научная информация».

Научные знания представляют собой знания о сущности, свойствах, связях и закономерностях явлений. «Ядром» научных знаний выступают законы, хотя наука включает в себя и ряд других элементов знания (гипотезы, факты). Научная информация есть такое научное знание, которое включено в научно-коммуникативные процессы. Из этого следует, что научное знание превращается в научную информацию, когда функционирует лишь в системах социальной коммуникации. «Научная информация — это получаемая в процессе познания логическая информация, которая адекватно отображает закономерности объективного мира и используется в общественно-исторической практике» [1].

Истолкование понятия научной информации на базе категории отражения позволяет сделать более широкие выводы о соотношении информации, определенности и неопределенности. Научная информация в самом общем виде выступает как единство определенности и неопределенности, причем в зависимости от той или иной познавательной ситуации (и вообще уровня социального развития) на первый план выступает то определенность, то неопределенность знания.

С существованием той или иной неопределенности научной информации связаны многие трудности научно-информационной деятельности. Это отображает тот факт, что один и тот же объект познания имеет различные стороны, изучаемые специальными науками и теориями, в силу чего понятия объекта и предмета познания не совпадают. Осознание наличия двух различных видов неопределенности научной информации, в принципе устранимой (субъективной) и неустранимой

(обусловленной объектом познания), позволит выработать более адекватные методы и приемы научно-информационной деятельности, оптимизирующие процессы приращения научной информации и ее использования в практических целях.

Наука как единая система социально-организационной деятельности обеспечивает движение знаний из науки в другие сферы человеческой деятельности [2].

Одно из наиболее актуальных направлений, на современном этапе общественного развития, — взаимодействие науки и политической власти. В социуме власть может быть определена как регулятор общественных отношений и механизм социального общения. Политическая наука становится равнозначной исследованию власти. Это наука о действительной воле к власти и ее рациональной координации в обществе.

Власть — одна из самых спорных и неоднозначных категорий, как политической, так и социально-философской науки, которые содержат в своей основе различные подходы в рассмотрении ее явления.

Понятие «власть» в научной литературе употребляется в самых разных смыслах. Используются понятия законодательной, исполнительной и судебной власти.

Одни считают, что власть означает реальную способность одного из элементов существующей системы реализовать собственные интересы в ее рамках, и в этом смысле власть есть осуществление влияния на процессы, происходящие внутри системы. Другие считают властью результаты, продукт некоторого целенаправленного влияния. Третьи полагают, что власть представляет собой такие взаимные отношения между людьми или группами людей, сущность которых заключается во влиянии, воздействии, что это стремление к достижению равновесия.

Власть есть присущее обществу волевое отношение между людьми. Власть необходима, подчеркивал Аристотель, прежде всего для организации общества, которое немисливо без подчинения всех участников единой воле, для поддержания его целостности и единства.

Исторический опыт показывает, что там, где появляется необходимость в согласованных действиях людей (будь то отдельная семья, группа, социальный слой, нация или общество в целом), там происходит подчинение их деятельности достижению определенных целей. Властные отношения объективно присущи общественной жизни. Без отношений власти человеческая цивилизация невозможна.

Власть неизбежно оказывается следствием самой социальной природы человека. Однако как только проявление власти приобретает общественный характер, главной ее целью становится создание и поддержание порядка, важнейшим средством чего и выступает власть. Власть — это один из важнейших видов социального взаимодействия, специфическое отношение, по крайней мере, между двумя субъектами, один из которых подчиняется распоряжением другого, в результате этого подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы.

Сама власть выступает в виде управления, управление — в виде власти. Но управление не есть функционирование власти. Управление, шире, чем власть. Власть — элемент управления, источник силы управления. Процесс управления представляет собой процесс реализации властной воли для достижения цели властителя. Управление же является средством, при помощи которого целенаправленное воздействие власти из возможности превращается в действительность [3].

Одно из наиболее распространенных представлений о власти — понимание ее как принуждения. Власть безотносительно от форм своего внешнего проявления, в сущности, всегда принудительна, ибо, так или иначе, направлена на подчинение воле членов данного коллектива, господствующей или руководящей в нем единой воле [4]. Вместе с тем неправильно сводить сущность властных отношений только к насилию и принуждению. Свести властные отношения к насилию не позволяют следующие основания: власть оказывается неполной, когда субъект не достиг поставленных целей. Если желаемые результаты не достигнуты, то колоссальные трудности, связанные с преодолением сопротивления других людей, свидетельствуют не о триумфе власти, а о ее недееспособности. Кроме того, неясно, почему мобилизация людей на достижение общественно значимых целей должна осуществляться только на основе принуждения и насилия. Ведь существует множество других способов влияния.

Политическая власть вторична по отношению к индивидуальной власти, формируется в результате делегирования части прав и концентрации воли множеств в одном субъекте. Однако политическая власть не тождественна любой общественной власти. Политическая власть определена пространственными, территориальными границами. Политической властью обеспечивается порядок на основе принадлежности человека, группы к данной территории, социальной категории, приверженности идее. При неполитической власти нет жестких различий между управляющими и управляемыми. Политическая власть осуществляется всегда меньшинством, элитой. Политическая власть возникает на основе соединения процесса концентрации воли множества и функционирования структур (учреждений, организаций, институтов), взаимосвязи двух компонентов: людей, которые сосредоточивают в себе власть, и организаций, через которые власть концентрируется и реализуется.

Политическая власть является ядром политической системы общества, ее организационным и регулятивно контрольным началом. Она определяет все другие институты и отношения в самой политической системе общества. Прямо или косвенно политическая власть воздействует на развитие всех других общественных систем — экономической, социальной, духовной. К понятию «политическая власть», конечно, применимо общее, приведенное выше определение власти как таковой, как широкого понятия, имеющего многочисленные формы проявления. Политическая власть, как и любая другая власть, означает способность и право одних осуществлять свою волю в отношении других, повелевать и управлять другими. Но вместе с тем она имеет в отличие от других форм власти свою специфику, проявляющуюся в следующем: верховенство, обязательность ее решений для всего общества и, соответственно, для всех других видов власти — она может ограничить влияние других форм власти, поставив их в разумные границы, либо вообще устранить их; всеобщность, т. е. публичность — политическая власть действует на основе права от имени всего общества; легальность в использовании силы и других средств властвования в пределах страны; моноцентричность — существование общегосударственного центра (системы властных органов) принятия решений; широчайший спектр используемых средств для завоевания, удержания и реализации власти.

Основными элементами власти являются ее субъект, объект, а также средства (ресурсы). Субъект власти воплощает в себе ее активное, направляющее начало. Им может быть личность, орган, организация, социальная общность. Для реализации

властных отношений субъект должен обладать рядом таких качеств, как желание властвовать и воля к власти. Помимо этого субъект власти должен быть компетентным, должен знать состояние и настроение подчиненных, обладать авторитетом.

Отражением первостепенной роли субъекта в отношениях власти является широко распространенное отождествление власти с ее носителем. Так, говорят о решении власти, о действиях властей, о произволе власти, подразумевая под властью управленческие органы или отдельных лиц.

Субъект определяет содержание властного отношения через: приказ (распоряжение) как властное повеление подчиниться воле субъекта власти; подчинение как поведение частной воли под всеобщую волю власти: наказание (санкции) как средство воздействия на отрицание господствующей воли; нормирование поведения как совокупность правил в соответствии с всеобщим интересом. От приказа, характера содержащихся в нем требований во многом зависит отношение к нему объекта (исполнителей) — второго важнейшего элемента власти. Власть — всегда двустороннее отношение взаимодействия субъекта и объекта. Власть немыслима без подчинения объекта. Где нет объекта, там нет власти. Качества объекта политического властвования определяются, прежде всего, политической культурой населения.

Цель власти состоит в том, чтобы посредством прямого или косвенного воздействия на людей, их объединения или разъединения: противодействовать деструкции, кризису, упадку, нейтрализовать напряжение, конфликты; стремиться к максимуму стабильности общественного целого, способствовать его совершенствованию, упрочению, прогрессу [5].

Специфическим признаком власти как общественного явления выступает доминирование властной воли, а не просто влияния. Власть связана с общественной организацией, она есть качество, внутренне присущее организации общества. Следует видеть различия между властью организации (на первых ступенях развития человеческого общества) и организацией власти (в классовом обществе). В современном обществе политическая власть разделена между различными институтами и группами.

Не последнее место в понимании власти как явления, связанного с процессами, происходящими в жизни общества, занимает такое понятие как легитимность. Власть — понятие правовое, означающее созидание ценностей согласно общественным интересам; это законное право принимать решения, которым люди обязаны подчиняться, легальное право использовать принуждение во имя законов. Власть чрезвычайно необходима для достижения целей, ибо государственная политика вряд ли будет эффективной, если не соблюдаются правила, установленные для реализации этой политики. Власть, действующая в масштабах государства или какого-либо его подразделения (учреждения) или территориальной единицы, становится политической властью [6].

Политическая власть как одно из важнейших проявлений власти характеризуется реальной способностью данного класса, группы, индивида проводить свою волю, выраженную в политике. Понятие политической власти шире понятия власти государственной, определяет политическую деятельность, осуществляемую не только в рамках государства, но и в других составных частях социально-политической системы общества.

Литература

1. Михайлов А. И., Черный А. И., Гиляревский Р. С. Основы информатики. М., 1968. С. 55.
2. Урсул А. Д. Философия и интегративно-общенаучные процессы. М., 1981. С. 95.
3. Краснов. Б. И. Власть как явление общественной жизни // Социально-политический журнал. 1991. № 11. С. 35.
4. Байтин. М. И. Государство и политическая власть. Саратов, 1972.
5. Ильин В. В. Власть. // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. 1992. № 3.
6. Ильин В. В. Философия власти. М., 1993. С. 79.

Е. А. Кулагина

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XXI в.: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Что всегда превращало государство в ад на земле,
так это попытки человека сделать его земным раем.

Ф. Гельдерлин

Традиционное понимание социального государства как института перераспределения национального дохода не объясняет всю сложную природу данного феномена, поэтому в настоящее время предпринимаются попытки «насытить» дополнительными содержательными значениями данное понятие.

До сих пор дискуссии вызывает процесс преemptивности институтов и механизмов социальной политики в рамках становления самостоятельной российской государственности и ее отказа от советских аналогов. Важнейшей составляющей социальной политики государства по сей день является социальная защита. В связи с этим, ряд авторов предлагают вернуться к забытому сегодня «общественному призрению» (от «зреть, наблюдать, присматривать»), корни которого можно найти еще в Древней Руси в формах благотворительности церковных институтов. Институт общественного призрения авторы противопоставляют институту социальной защиты, исполняющего волю не общества, а центрального органа управления. К тому же, социальная защита как феномен развивалась в рамках централизованно управляемого хозяйства, и только в его рамках способна существовать [5, с. 91]. Сохранение данного института в рамках рыночной экономики и гражданского общества ведет к искажению сущности и функций социального государства.

В советский период социальная защита являлась встроенной в общую сущность и логику развития самого государства. Такому государству в английском языке можно найти аналог по типу «*panny state*» — «воспитывающее государство» — государство, забота которого о благополучии граждан нарушает их личную свободу и независимость [14]. Однако данная форма государства является гиперболизированной и искаженной формой «*saing society*» — общества и государства, которые активно, но в допустимых пределах, помогают нуждающимся, больным, престарелым [14].

Однако исторически сложилось, что институт призрения в России имел два чрезвычайно важных условия функционирования, связанных с нравственностью

в отношении призываемых и призывающих, и боязнь обидеть призываемого, оскорбить его помощью, усомнившись в его силах или возможности стать полноценным и полезным членом общества.

Для деятельности современного института социальной защиты характерно отсутствие этих моральных ограничений [5, с. 101], тем самым наблюдаем если не изживание, то морально-ценностную деформацию данного института.

Сам термин «социальная защита», на наш взгляд, порождает потенциально негативное социальное восприятие внешней среды, в том числе, политики социального государства, в качестве агрессивной. В этом отношении более полными по содержанию и адекватными для восприятия представляются термины «социальное страхование» и «социальное обеспечение». Причем термин «социальное страхование» необходимо использовать в более в широком смысле — как страхование от всех видов социальных рисков (не только связанных с наступлением страхового случая, но и, например, социальных рисков в кризисный период, в период инфляции; риски, связанные с некорректным и необоснованным увеличением страховых взносов, и иные риски, связанные с результатами неэффективного государственного управления). Эти термины часто путают [1].

В качестве основания отказа от повсеместного и тяжеловесного института социальной защиты само государство вынуждено «извиняться... и повседневно разъянять свое предназначение» [3, с. 98].

В связи с этим и человеческая беда всегда индивидуальна, как и способы ее преодоления. Не существует единого рецепта даже при внешне сходных ситуациях. Суть проблемы еще в начале XX в. выразил Г. Швиттау: «Современное государство не может непосредственно и немедленно реагировать на постоянно вновь возникающие вопросы, столь живые и изменчивые, как запросы и интересы современной общественности. Для того чтобы брать на себя удовлетворение *даже самых важных* из возникающих в обществе потребностей, современное государство не имеет в своем распоряжении ни сил, ни средств» [цит. по: 5, с. 91].

В связи с этим получила развитие концепция минималистского государства (minimal state), которая носит название минархизма (minarchism) — учения, признающего за государством только минимальную власть и минимальную государственную организацию. Сущность такого государства созвучна сущности «государства — ночного сторожа» (night watchman state) в рамках классического либерализма. Радикальным же решением проблемы невмешательства государства в общественную жизнь является либертарианизм (libertarianism) — радикальное направление в либерализме, отрицающее вмешательство государства и социальных институтов в личную жизнь человека [14].

Таким образом, переосмысление сущности и функций социального государства происходит параллельно с аналогичным процессом по отношению к концепту государства в целом.

Проблема слабости и хрупкости государственных институтов и их функций — одна из центральных и в определенном смысле фундаментальных в современной политической науке. По оценкам экспертов, общий объем убытков от деятельности — точнее, бездеятельности — несостоявшихся (failed) государств во всем мире в 2006 г. составил 276 млрд долл. [цит. по: 10, с. 101]. Причем данные охватывают не только страны третьего мира, но и развитые западные страны. Там, где еще недавно

государство казалось несокрушимым монолитом — настоящим Левиафаном в духе Томаса Гоббса, оно вдруг с удивительной легкостью начало расставаться с частью своих функций. На способность государства эффективно и в полном объеме выполнять свои функции влияет ряд факторов, причем сочетание факторов усиливает процесс ослабления института государственности.

Среди факторов, влияющих на «государственную дееспособность» — социальное неравенство, как между общественными группами, так и между отдельными областями, территориями одной и той же страны. Особое место среди факторов, усугубляющих хрупкость государства, занимает изобилие полезных ископаемых на его территории. Такое богатство становится своего рода «ресурсным проклятием» [10, с. 106].

Вышеобозначенные факторы являются в связи с этим неким «факторным проклятием» для российского государства. В силу их наличия государство обнаруживает свою слабость. Однако существуют и противоположные взгляды: «радикально-либеральные установки на «отмирание» национальных государств и разгосударствление социальной сферы в корне расходятся с современными реалиями. Более того, есть основания предполагать, что в обозримой перспективе роль государства в социальной сфере глобализирующихся обществ не только не уменьшится, но, напротив, существенно увеличится» [11, с. 179]. Тем не менее, представляется, что утрата государством части своих функций — объективный и закономерный процесс, который не поддается однозначной оценке, но который имеет ряд проверенных временем и опытом разных стран преимуществ (например, передача части социальных функций частным фондам и использование механизмов добровольного накопления в ряде государств Западной Европы). Соединить эти противоречивые оценки можно следующим образом: государство теряет часть узко-специализированных, но всеохватывающих функций и сосредотачивается на координации институциональных взаимодействий в социальной сфере, причем это не уменьшает, а увеличивает сферу компетенции государства, превращая в основного субъекта-носителя социальной миссии [4, с. 28].

Отдельный сегмент в дискуссиях относительно переосмысления феномена социального государства связан с идеологией ордолиберализма (ordoliberalism). Идеология предполагает функционирование социального государства в условиях рыночной экономики и социальной направленностью экономических процессов, что порождает специфическую, «человеческую», социально ориентированную рыночную экономику (social market economy) [14].

В рамках ордолиберализма некоторые авторы трактуют социальное государство, исходя из принципа свободы экономической деятельности: «...большинство граждан... вполне в состоянии самостоятельно обеспечить себе достойный уровень жизни, существенно отличающийся от того минимума, который устанавливает для своих граждан государство» [2, с. 5]. В самом общем смысле, речь идет о создании условий для такого *самообеспечения*, в т. ч. о закреплённой в ст. 7 Конституции РФ политике государства. В качестве одного из важнейших институтов, являющихся исходной точкой создания таких условий и залогом развития социального государства, автор называет институт собственности. Логика взаимосвязи социального государства и собственности выглядит очевидной: собственность позволяет гражданину пополнять свое благосостояние и обеспечивать свое достойное и безбедное

существование. У государства же в отношении такого собственника отпадает необходимость затрачивать усилия на создание условий, необходимых для подобного существования, что означает снижение социальной и, в частности, финансовой, нагрузки. Проблема российского государства состоит, по мнению автора, в том, что оно берет на себя всю полноту регулирования социальных отношений (причем, перечень оснований для реализации идеологии социального государства и насильственного ограничения прав собственности (в том числе) изначально законодательно не ограничен). Отсюда следует очевидный вывод — чем больше будет собственников того или иного имущества, тем меньше лиц, нуждающихся в социальной помощи [2, с. 13].

Представляется, что обозначенная закономерность не является однозначной и прямолинейной. Общество и связи внутри общества *устроены* сложнее, а законы его функционирования и развития отличны от физических законов (в этой связи вряд ли применим закон сообщающихся сосудов, согласно которому если в одном из них нечто увеличивается, то в другом это же нечто уменьшается).

Безграничное развитие института частной собственности имеет пределы и известные последствия. В их числе и ослабление социальных связей в обществе, и разобщение, и утеря или же пересмотр ценностных смыслов по «принципу неправильной пирамиды». Например, в рамках классической (распределительной) модели социального государства имеет место межпоколенческое субсидирование, причем, упоминая данный механизм, не нужно оговариваться, что речь идет о субсидировании старших младшими (отцов детьми). Это нормально, и ни у кого не вызывает оснований для сомнений в незыблемости этой логики. Однако в современном мире само понятие «нормально» размывается (в этом отношении дискуссионным является, например, вопрос о содержании понятия, употребляемого Н. Жирновым — «нормальные условия жизни для всех членов общества», которые должно создавать социальное государство) [6, с. 11]. В сегодняшнем мире имеет место то же межпоколенческое субсидирование с одной лишь отличительной особенностью, что теперь зачастую родители содержат «детей» в течение длительного периода жизни. Весьма распространенным стал феномен «молодежного иждивенчества», когда активные и трудоспособные члены общества не желают трудиться, например, в силу того, что существует семейный бизнес, который обеспечивает безбедное существование, и дети якобы встроены в бизнес и «заняты», но с каждым новым поколением коэффициент участия в таком семейном бизнесе, как ни странно, ослабевает. Иными словами, беспредельное и повсеместное развитие института собственности приводит к коренным изменениям социальных связей и отношений.

К тому же абсолютно все члены общества не могут быть собственниками (и это утверждение далеко не ново) в силу разных причин. В первую очередь, из общества никогда не исчезнет группа нетрудоспособных (инвалидов, пенсионеров, матерей и т. д.), которые не могут (да и не должны) по своему статусу заниматься профессиональным управлением собственностью и получать доход от этой деятельности. Определенная часть общества *всегда* будет нуждаться в субсидировании, будет ли субъектом этого субсидирования государство, общественные организации или иные институты общества. Но в условиях общества собственников социальное государство вынуждено «извиняться... и повседневно разьяснять свое предназначение

ние» [3, с. 98], причем на единственно понятном для прагматически настроенной аудитории деловом и холодном языке убеждения.

Последствия интенсификации развития частной собственности не исчерпываются вышеобозначенными явлениями. Поэтому институт частной собственности хотя и является одним из факторов развития социального государства, но не абсолютным и не единственным. Скорее, он является таковым для рыночной экономики, а вот станет ли он фактором развития *социально ориентированной* рыночной экономики — ответ на этот вопрос зависит от ряда других факторов. По верному замечанию Ю. А. Дмитриева, в России сложилась парадоксальная ситуация: рыночная экономика существует отдельно, а социальное государство отдельно [12, с. 32–33]. Поэтому обращение лишь к экономическим рычагам будет выглядеть, скорее, паллиативным, не учитывающим всей сложности становления социального государства.

Фактор государственности как феномена тоже рассматривается в политической науке в качестве фактора, влияющего на развитие социального государства. И если степень развитости государства не соответствует степени развитости общества, то само государство, его природа становится препятствием на пути становления социального государства. Так, например, М. А. Чешков связывает наличие неразвитого (слабо развитого) социального государства со слабым социумом в целом, причем в условиях функционирования сильного государства [15, с. 64–66]. Обладая всеми внешними признаками неозтатистского государства (гармоничного сосуществования разнообразных форм государства и общества), российское государство таковым не является. Ситуация, в которой политический режим со всеми внешними атрибутами подменяет подлинную государственность, ограничивает возможности развития социального государства. Иными словами, государство может и должно быть сильным, но только при условии адекватного ему социума, такого же сильного и развитого; несоответствие оказывается пагубным как для социума, так, в конечном счете, и для государства.

Специфика и главный внутренний конфликт социального государства как раз и состоит во взаимообусловленности экономических и политических факторов его существования, что возвращает к проблеме сильного или слабого государства и его влияния. С одной стороны, активизация властных институтов в отношении социальной политики приводит к повышенному вниманию к данной сфере, позволяет осуществлять большие финансовые вливания, решать социальные проблемы на новом качественном уровне и т. п. С другой стороны, само вмешательство государства как факт означает вместе с тем укрепление позиций государственности, ее символическое самоопределение. Для России вообще характерна «политическая отягощенность социальной проблематики» [4, с. 29].

В то же время социальное государство по своей природе носит ярко выраженный политический характер, т. е. государство, выполняя взятые на себя обязательства, преследует свои собственные цели; оно берет на себя эти обязательства, по сути, во имя поддержания политической стабильности и самосохранения. Социальное государство исторически возникло как ответ на острую классовую борьбу и неравенство, сопровождавшие воплощение в жизнь идеологием классического либерализма. Гражданин же выполняет свои обязательства перед социальным государством (например, своевременное отчуждение в государственный бюджет части

своего дохода в виде налогов для их дальнейшего перераспределения) не потому, что оно социальное, а потому, что оно-государство [9, с. 41].

Взаимосвязь политики и социального государства не представляется однозначной, и упомянутая выше «политическая отягощенность социальной проблематики» ее не исчерпывает. Прежде всего, социальное государство являет себя посредством социальной *политики*, что уже предполагает определенную политическую окраску, связанную со следующим обстоятельством. Рассуждая о чрезмерной политизации «социалки», чаще всего имеют в виду фактор политической конъюнктуры, расстановки и веса политических сил, межбюджетных отношений и т. п. — т. е. всего того «политического», что сопровождает процесс реализации социальной политики.

С другой стороны, там, где политическая составляющая социальной проблематики действительно необходима, она отсутствует на должном уровне. Речь идет о трехсоставной концепции социального государства как политической доктрины, предложенной В. Н. Расторгуевым, а именно — о второй, проектной компоненте политической доктрины социального государства, который отличается от социального государства в качестве теоретической конструкции (идеологема) и социального государства как конституционного принципа. Автор отмечает, что социальное государство — «один из самых динамичных политических проектов нашего времени, обладающий огромной созидательной силой» [13, с. 6]. Иными словами, концепт социального государства должен рассматриваться политическими проектантами в качестве высшего блага, предполагать соответствующую мотивацию, солидарность, ответственность и готовность к принятию ответственности за последствия осуществления таких проектов.

В настоящее время звучат многочисленные призывы «демократизировать, освободить от власти денег и бюрократии институты социального государства, помогать гражданам терять статус «клиента» и приобретать статус «свободного агента» [8, с. 16]. Иными словами, включать настройки демократизации и развития гражданского общества.

Вообще, для отечественной политической науки на данном этапе, представляется, характерно своеобразное «выведение» социального государства из других феноменов, его зависимость, конструируемость и производность от ряда других факторов и обстоятельств. Социальное государство подобно мозаике, где каждая деталь должна быть тоже достаточно зрелой и подходящей, чтобы «сложилась картинка» такого государства (прежде всего, это касается проблемы построения гражданского общества в стране). В то же время гражданское общество часто рассматривается как результирующее, в зависимости от степени развитости социального государства. Получается цепочка-путаница понятий и явлений, причем найти «перводвигатель», который запустил бы в обратном направлении принцип укладки «карточного домика», и выстроил благодаря этому все остальные общественные институты, крайне сложно. Не стоит утверждать, что приведенные выше феномены вовсе не взаимосвязаны, но прямой зависимости между развитием демократии и одновременным, сопряженным с ним, развитием социального государства, конечно же, нет (например, в условиях нелиберальной демократии [7, с. 6].

Резюмируя, стоит отметить, что в рамках статьи удалось остановиться лишь на некоторых авторских позициях относительно развития социального государства в России, которые, на наш взгляд, содержат в себе упоминания факторов, прямо или

опосредованно влияющих на данный процесс. Эти факторы были обозначены как «точки роста» нового знания, переосмысления концепта «социальное государство» в современной отечественной политической науке.

Литература

1. Письмо Министерства РФ по налогам и сборам от 15.01.2002 г. ФС-6-10/34 «Об изменении в 2002 г. порядка уплаты взносов на государственное пенсионное страхование (обеспечение)».
2. *Алейников Б. Н.* Социальное государство и собственность // Государство и право. 2008. № 1. С. 5–13.
3. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2005.
4. Васильева Е. «Социальное государство» и новая модель социальной политики // Власть. 2008. № 11. С. 27–30.
5. *Говоренкова Т., Жуков А.* Социальная политика современной России: от «социальной защиты» к «общественному признанию» // Муниципальная власть. 2006. № 4. С. 90–105.
6. *Жирнов Н.* Социальное государство: политико-теоретический анализ // Власть. 2008. № 9. С. 10–12.
7. *Закария Ф.* Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами / пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М., 2004.
8. *Кочетков В., Кочеткова Л.* Социальное государство и мировой кризис: парадигма преодоления // Власть. 2009. № 3. С. 13–16.
9. *Кочеткова Л.* Социальное государство: европейская теория и российская практика // Власть. 2008. № 4. С. 39–43.
10. *Красильщиков В.* Актуальный предмет исследования: несостоявшиеся государства // МЭиМО. 2008. № 7. С. 101–111.
11. *Красин Ю., Галкин А., Вебер А.* Глобализация и политическое развитие России // Свободная мысль. 2009. № 2. С. 169–182.
12. Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю. А. Дмитриева. М., 2007. С. 32–33.
13. *Расторгуев В. Н.* Социальное государство: институциональные ниши российской политики и доктринальный уровень политического планирования // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2008. № 1. С. 3–16.
14. Толковый англо-русский словарь «Экономика, социология, политология» // <http://www.ecsocman.edu.ru/db/dict/4693/index.html>.
15. *Чешков М. А.* Феномен неозатизма (мировые и локальные измерения) // ПОЛИС. 1996. № 2. С. 56–67.

Н. А. Антанович

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Тема взаимоотношений интеллектуалов и власти для ряда *известнейших* мыслителей стала *специальной*, особой. Можно привести имена Макса Вебера, Антонио Грамши, Норберто Боббио, Мишеля Фуко, Раймона Арона, Джеймса Петраса. А в целом каждый мыслитель задумывается над основаниями своей деятельности и своем месте в системе властных отношений. Проблему о взаимоотношениях власти и интеллектуалов можно переформулировать в проблему о критериях истинности

и объективности социально-политического познания. Цель данной статьи — рассмотреть роль интеллектуалов в системе социальных и властных отношений.

Интеллектуалы — люди, профессионально занимающиеся умственным трудом. Антонио Грамши различал органических и традиционных интеллектуалов. Макс Вебер ставил проблему объективности социально-научного и социально-политического познания и пытался разграничить субъективно личностную оценку исследователя и процедуру «отнесения к ценности», благодаря которой и достигается объективное знание социальной действительности. Раймон Арон писал, что осознание действительности — часть самой действительности. «Политика как область общественной жизни предполагает минимальное осознание этой области. Личности в любом сообществе должны хотя бы примерно представлять, кто отдает приказы, как эти деятели выбирались, как осуществляется власть... Вместе с тем любое познание политики может наталкиваться на противоречие между политической практикой существующего строя и других возможных режимов. Стоит лишь выйти за рамки защиты и прославления существующего строя, как надо отказаться от какой бы то ни было его качественной оценки или же изыскивать критерии, по которым можно определить лучший режим» [1].

Норберто Боббио в книге «Политика и культура» выразил идею о том, что на место титанов, рождавшихся в период потрясений, приходят их карикатурные копии, «стаи мелких провинциальных Заратустр». Боббио называл себя «пессимистическим просветителем», усвоившим уроки Макиавелли, Гоббса, де Местра и Маркса. В докладе «Политика и интеллектуалы» и интервью журналу «Вопросы философии» в 1992 г. Боббио подчеркивал, что интеллектуал должен быть независимым от власти, но при этом не оставаться равнодушным к проблемам общественной и политической жизни. Боббио исследовал роль социологов, политологов и деятелей культуры в развитии политических процессов, а также их роль в становлении и оправдании диктаторских режимов и борьбе против этих режимов. Боббио изучал опыт итальянских интеллектуалов в период начального этапа правления фашистов, во время второй мировой войны и в период послевоенного кризиса и пришел к выводу, что «речь не о том, кем являются и что делают интеллектуалы, а о том, кем они должны быть и что должны делать». Он выделял два типа интеллектуалов: идеологов и экспертов. Различие между ними объективно, а не субъективно, потому что и те, и другие исполняют в политическом измерении разные функции [2, с. 158—159].

Боббио писал, что есть интеллектуалы, заботящиеся о консенсусе, так же, как есть интеллектуалы, отстаивающие инакомыслие (эта функция значима для стран, где консенсус — результат принуждения и манипуляции, а интеллектуалы — единственные инакомыслящие) [2, с. 161]. Интеллектуалы как инициаторы консенсуса с властью имущими, становятся идеологами, а не экспертами: «Идеологи — это те, кто вырабатывает основополагающие принципы и проекты связанных с ними действий, являющихся рациональными по своей последовательности. Эксперты — те, кто, указывая на наиболее нужные знания, способные привести к определенной цели, поступают таким образом, чтобы соответствующие действия могли называться рациональными относительно цели. У идеологов акцент — на цели, у экспертов — на средства» [2, с. 169]. Но интеллектуалы отличаются от политиков. Задача интеллектуала — выдвижение идей, постановка проблем, выработка программ или только лишь общих теорий, а задача политика — принятие решений.

Мишеля Фуко интересовала «археология социальной политики». Власть повсюду учреждает иерархические отношения подавления и контроля, которые пропитывают язык и политику. Власть, воплощенная в языке одна из основ подавления жизни. В ряде исследований Мишель Фуко пытался выяснить взаимосвязь между властью и знанием, между возникновением институтов, созданных для поддержания дисциплины и порядка, происхождением современных социальных и гуманитарных наук. Наука для Фуко — тоже форма власти, она стала результатом взаимодействия дисциплинарной практики и потребностей нового экономического порядка западных стран. Классическая наука основана на разделении на субъект и объект с целью преодолеть замкнутость ученого-наблюдателя. Г. Салмон в духе М. Фуко отмечает, что сама наука «возникает как форма власти, господства и контроля. Мы начинаем осознавать науку как форму инструментальной рациональности, которая манипулирует как вещами всеми объектами, в том числе и человеком. Данный критический подход к науке впервые появился в неомарксистской Франкфуртской школе, а также в движениях контркультуры» [3].

Рассматривая политические функции интеллектуалов, Фуко противопоставлял универсального интеллектуала интеллектуалу-специалисту: «Эта новая фигура [интеллектуала-специалиста] имеет иное политическое значение... Ведь до этого интеллектуал был по преимуществу писателем: всеобщей совестью, свободным субъектом, и он противопоставлял себя всего лишь специалистам на службе государства или капитала, т. е. инженерам, должностным лицам, преподавателям... Тип интеллектуала-специалиста появился после Второй мировой войны. Возможно, им был физик-атомщик, назовем одно слово или скорее имя — Оппенгеймер, который послужил передаточным звеном между интеллектуалом-универсалом и интеллектуалом-специалистом. Как раз потому, что у него была прямая и локализованная связь с образованием и научным знанием, он выступал как физик-атомщик, однако, поскольку атомная угроза затрагивала целиком весь человеческий род и судьбы всего мира, его рассуждения в то же время имели возможность стать рассуждением о всеобщем» [4, с. 201–202].

Итак, интеллектуал-универсал — «почтенный законодатель», писатель как носитель значений и ценностей, а интеллектуал-специалист — это ученый знаток. Фуко считает, что интеллектуал характеризуется тремя отличительными признаками: «особенностью классового положения; особенностью условий жизни и труда, связанных с его судьбой как интеллектуала (областью его исследований, его местом в лаборатории, экономическими или политическими требованиями, которым он подчиняется, или против которых бунтует в университете, в больнице и т. д.); и, наконец, особой политической ролью истины в нашем обществе [4, с. 206]. По мнению Фуко современные интеллектуалы являются частью системы власти, а массы не нуждаются в интеллектуалах: «Дело в том, что массы сами прекрасно и отчетливо все знают, знают даже намного лучше, чем интеллектуалы, и гораздо лучше могут это выразить. Однако существует система власти, которая этот дискурс и знание запрещает, перечеркивает и объявляет недействительными. Это власть, которая существует не только в органах высшей цензуры, но и очень глубоко и незаметно проникает во всю сеть общественных отношений» [4, с. 207].

Многие современные мыслители не разделяют оптимистичных представлений эпохи Просвещения об особой миссии интеллектуалов. Так, С. Волков пишет:

«Интеллигенция, понимаемая как сословие образованных людей на самом деле такого сословия собой не представляет, потому что в условиях массовой профанации образования диплом вуза давно перестал быть свидетельством образованности и определенного уровня культуры. А интересы подлинных интеллектуалов и массы малокультурных и невежественных “образованцев” в принципе различны. Это разные социальные явления и разные страты... Но то, что достаточно просто на бытовом уровне (взаимные оценки представителей той и другой разновидности “интеллигенции” достаточно адекватны), на социальном представляет трудноразрешимую проблему» [5].

Рассуждая в пессимистическом духе, можно сказать, что ценностные установки интеллектуалов эпохи постмодерна — «асоциальный индивидуализм». Современные интеллектуалы различаются не только по социальному статусу и профессиональному уровню, но и по уровню социальной активности, отношениям с властью. Интеллектуалов можно разделить на несколько групп. В любом государстве есть официальные интеллектуалы и партийные интеллектуалы. Согласно Н. Боббио, их можно назвать идеологами. Интеллектуалы-идеологи занимаются политико-идеологическим обеспечением функционирования политического режима.

Можно выделить слой политических консультантов («интеллектуалов-технологов»), которые обслуживают политический класс. Они не конфликтуют с властью и выполняет функцию своеобразных «политических клерков». Эта группа — источник для пополнения слоя «интеллектуалов-идеологов».

«Интеллектуалы-конформисты» политически пассивны, безразличны к практической политике и официально декларируемым ценностям, живут во «внутренней эмиграции».

Различают также особый тип интеллектуалов — интеллигенцию, которую называют нравственным эталоном общества. Н. Латова считает, что «русская интеллигенция, понимаемая как совокупность оппозиционных к власти лиц умственного труда, оказалась в дореволюционной России довольно изолированной социальной группой». Оппозиционные настроения, широко распространенные среди советских интеллигентов, нашли выход в конце 1980-х — начале 1990-х гг., когда именно интеллигенция возглавила тотальную критику советского строя, предопределив его моральное осуждение и гибель [6]. Г. Атаманчук считает, что «трудовая интеллигенция... никогда не была у власти. Нацеленность на власть свойственна элитной интеллигенции...» [7].

Самый небольшой слой составляют *интеллектуально свободные исследователи*, которые не испытывают иллюзий относительно характера политического процесса и не стремятся участвовать в практической политике. Часто их называют «независимыми», что означает финансовую независимость от объекта исследований — политики, ее конкретных субъектов. Однако достижима ли такая независимость? Вопрос риторический. На интеллектуальную жизнь влияет ряд закономерностей политической жизни. 1. Отчуждение общества от власти при многомерной зависимости от нее, формирование социальной атомизации. 2. Произвольное осуществление властных полномочий, закрытость для общественности процессов формирования и функционирования властных структур. 3. Теневое распределение и перераспределение собственности в условиях патрон-клиентских неформальных отношений. 4. Сращивание бизнеса с властью, возникновение «олигархических»

кланов. 5. Неопределенность и непредсказуемость внешнеполитических ориентаций правящих группировок. 6. Отсутствие системы реальной защиты прав человека с помощью политических институтов.

Дж. Петрас считает значимой роль интеллектуалов по следующим направлениям: 1) влияние на руководителей и активистов партий, общественных движений; 2) легитимизация и пропаганда в пользу режима или политических движений; 3) оценка состояния экономики, государства, политики; 4) разработка рекомендаций и политической стратегии и программы для режимов, движений и руководителей; 5) организация и участие в политическом просвещении активистов партии или движения [8].

С вопросом о роли интеллектуалов в обществе связана проблема истины в социальных науках. Всегда имело место сражение за истину или по поводу истины. В социальных науках разграничение истинного и ложного связано с доминирующим дискурсом науки и в конечном итоге и с воздействием власти. Сама истина есть власть. М. Фуко считает, что идет сражение вокруг статуса, политической и экономической роли научной истины и утверждает, что «под «истиной» следует понимать совокупность процедур, упорядоченных и согласованных с целью производства, узаконивания, распределения, введения в обращение и в действие того, что высказано; «истина» циклически сопряжена с производящими и защищающими ее системами власти, также с воздействиями власти, которые она вызывает, и которые ее возобновляют, т. е. с «режимом» истины» [4, с. 208]. Однако Фуко признавал, что речь идет не о том, чтобы освободить истину от всякой системы власти, но «об отделении власти истины от различных форм гегемонии (общественных, экономических, культурных), внутри которых она действует до сих пор» [4, с. 209].

Социальные науки уникальны тем, что одновременно являются и универсальными, общечеловеческими, и национальными в том смысле, что должны быть направлены на осознание жизни своей страны и ее развития. Можно строить умозрительные конструкции, заниматься чем-то глобальным с вольным простором для мысли. Жизненные практики и проблемы всегда конкретны, нуждаются в решениях и действиях. Миссия науки об обществе, а значит и интеллектуалов, определяются тем, как она помогает людям обустроить их жизнь, способствует социальному развитию, но главное — помогает не потерять изначальные жизненные смыслы.

Литература

1. Арон Р. Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
2. Боббио Н. Интеллектуалы и власть // Вопросы философии. 1992. № 8. с. 158–171.
3. Салмон Г. Наука как власть и наука как коммуникация (противоборство двух традиций) // Философские исследования. 1993. № 3. С. 60–67.
4. Фуко М. Интеллектуалы и власть. Избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. М., 2002.
5. Волков С. Придут ли к власти интеллектуалы? // <http://contrtv.ru/common/2708/>.
6. Латова Н. Интеллигенция // http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/sociologiya/INTELLIGENTSIYA.html.
7. Атаманчук Г. Наука, власть, общество // Государственная служба. 2001. № 2.
8. Петрас Дж. Роль интеллектуалов в общественных переменах // <http://www.rebellion.org/noticia.php?id=13029>.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРИКАТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Карикатура традиционно считается жанром изобразительной сатиры, который в комической форме представляет явления, события и лица окружающей действительности. Вместе с тем карикатуре присваивается статус малоформатного поликодового текста, поскольку содержание карикатур складывается из взаимодействия знаков таких семиотических систем как графика и язык. Однако участие вербальных компонентов (реплики, подпись) в карикатуре является факультативным, ее суть — это комический рисунок, нетрадиционно представляющий события окружающей действительности. Сюжет карикатуры основан на реальной, а не вымышленной ситуации, героями карикатур становятся политики, известные личности, значимые события, привлекающие к себе общественное внимание. Комический эффект создается за счет искажения общепринятых стандартов переворачивания норм с целью вызвать не только эмоциональную реакцию у реципиента (улыбку или смех), но и выработать определенное критическое отношение к объектам или событиям, изображенным в карикатуре. При этом карикатура реализует не только свою основную сатирическую функцию, она является жанром, обладающим мощным воздействующим потенциалом, поскольку, как считает А. В. Дмитриев, это — одна из форм неофициальной информации в противовес официальной. Карикатуры хотя и могут потерять свою актуальность вместе с прецедентными явлениями, отраженными в них, но они сохраняют свою культурно-историческую ценность, как свидетели своего временного отрезка (к примеру, карикатуры времен I и II мировых войн, предвыборные карикатуры и шаржи или все выпуски немецкого сатирического журнала «Eulenspiegel» за 1990 г., в которых отражена тема объединения Германии и социальные изменения и т. д.). Благодаря этому карикатуры значимы и интересны для историков, социологов, политологов и искусствоведов. Интерес лингвистики к невербальным средствам и семиотически осложненным текстам таким, как карикатура обусловлен тем, что современная лингвистика переосмысливает проблему границ текстовой протяженности и типологии текстов, включая в поле своей деятельности поликодовые тексты, построенные на основе взаимодействия знаков различных семиотических систем (аудио-, видео- и вербальные средства). Прагматический потенциал невербальных средств нередко выше чем у вербальных, но лингвистику интересует их органичное сочетание с целью максимального воздействия на реципиента. Кроме того, интерес лингвистики к поликодовым текстам объясняется тем, что их интерпретация представляет значительные трудности для воспринимающего сознания, особенно в рамках межкультурной коммуникации.

Карикатура является одновременно авторской интерпретацией событий и элементом национальной культуры, поскольку несет на себе отпечаток общественного национального сознания. Как средство общения и способ реакции человеческого сознания на окружающую действительность карикатура известна с древних времен. В основе миропонимания и миропонимания каждого народа лежит своя система социальных стереотипов и когнитивных структур. Каждая нация обладает широким спектром карикатурных символов, чтобы представить самих себя или других сатирическим или юмористическим образом. В этой связи можно упомянуть немецкого

Мишеля (*der deutsche Mischel*), который с первой половины XIX в. и по сей день используется в карикатурах как собирательный образ немецкого народа, Марианну — женщину-символ Франции или дядю Сэма — персонафицированный образ США. К примеру, карикатура «Марианна и медведь» французского автора Ад. Вилле, опубликованная в газете «*Soleil*» в 1893 г. к заключению франко-русского союза. Марианна (Франция) сидит на заснеженной постели под двуглавым орлом в объятиях медведя (Россия) и спрашивает у него: «Скажи-ка, дорогуша, я отдам тебе сердце, но получу ли я твою шубку зимой?» В этой карикатуре символически изображены политические отношения между Россией и Францией того времени.

Основной способ выражения информации в карикатуре — импликация. Это означает, что смысл композиционных элементов заключен не в их непосредственном внешнем содержании, а скрыт за ними. Карикатура, по сути, представляет собой метафору, выраженную как на вербальном, так и на визуальном уровнях. Дж. Эдвардс, проанализировав политические карикатуры времен президентской компании 1988 г. в Америке, обнаружила, что в них доминирует метафора «преуменьшения»: изображение президента в виде карлика или ребенка, которому нужно приложить немало усилий для борьбы с оппонентом, тем самым подчеркивая, что он не готов занимать такой высокий пост. Высокий рост и крепкое телосложение — визуальный аналог политической силы. Карикатура лишь намекает на возможную близость с некими конкретными фактами. Для того, чтобы карикатура состоялась необходима логическая условность изображения, однако необходимым условием для видеоряда в карикатуре является сходство образов с исходной ситуацией.

Язык символики и обобщенные образы вызывают у наблюдателей не только различной длины ассоциативные цепи, но и параллельные ассоциации, о которых сам автор мог и не догадываться. Сотворчество автора работы и зрителя начинается путем раскрытия эмоциональной ориентации относительно затронутой темы или проблемы. Базу для понимания составляет совпадение концептуальных систем автора и адресата, но полное совпадение таких систем невозможно, соответственно полного совпадения проекций карикатуры у автора и адресата быть не может. Проблема понимания смысла карикатуры в значительной степени возрастает в процессе межкультурной коммуникации. И хотя карикатура обладает определенным набором универсальных черт, независимых от ее принадлежности к той или иной культуре, понимание карикатур, определяемое как когнитивная деятельность, представляет собой сложный и многомерный процесс. Создание карикатуры подчинено понятию коммуникативно-прагматической нормы (термин, введенный Е. Е. Анисимовой), которая является устойчивым ориентиром для создания и воспроизводства поликодовых текстов, т. к. в ней отражаются речевые и визуальные стереотипы передачи информации в типовых ситуациях общения. Знание этих норм позволяет коммуникантам безошибочно, не вникая в содержание, отличить карикатуру от рекламы или газетного объявления. Однако раскрытие смысла компонентов карикатуры требует наличия у реципиента определенных фоновых знаний, владения исходной экстралингвистической ситуацией, без которых неизбежна коммуникативная неудача. Авторы карикатур являются представителями определенной культуры и опираются в своем творчестве на элементы, входящие в состав когнитивного пространства одной культуры, а соответственно малоизвестные или неизвестные представителям иных культур.

С целью выявления специфики понимания инокультурной карикатуры Е. А. Артемовой в 2002 г. был проведен эксперимент на базе Волгоградского государственного педагогического университета факультета иностранных языков. 50 студентам, владеющим английским языком, было предложено прокомментировать 60 американских и английских политических карикатур. В ходе эксперимента были выявлены следующие результаты:

- 1) адекватное понимание — 12 %;
- 2) частичное понимание — 20 %;
- 3) ложное понимание — 30 %;
- 4) полное непонимание — 13 %.

Необходимо отметить, что понимание такого семиотически неоднородного текста как карикатура отлично от понимания собственно вербального текста, что связано с актуализацией когнитивных структур не только через языковую проекцию, но и через визуально-пространственные образы. Анализируя результаты эксперимента, Е. А. Артемова делает вывод, что «в основном интерпретация иконического и иконографического кодов осуществляется успешно, при раскодировании языкового кода участники эксперимента также не испытывают трудностей. Блокировка понимания происходит на уровне пересечения языкового и иконического кодов с социальными, культурными и идеологическими кодами» [2].

Рассмотрим карикатуру, на которой изображены политические лидеры Германии и Франции Франсуа Миттеран и Гельмут Коль на фоне панорамы немецкого города Франкфурта. Миттеран представлен в образе эффектной женщины, символизируя, очевидно, сложившийся стереотип представлений о Франции как о столице красоты и моды, а Коль изображен как германский викинг в рогом шлеме, чей образ по устойчивой традиции ассоциируется с Германией. В одной руке Коль держит бюст Гете, а в другой — кувшин для яблочного вина — типичного напитка из Франкфурта. Карикатура посвящена прецедентному событию — культурному саммиту в октябре 1986 г. во Франкфурте. Оба лидера приветствуют друг друга рукопожатием. Карикатура имплицитно намекает на немецко-французские отношения, подпись к ней на английском языке «How do you do?» («Как дела?») указывает на то, что ни Коль, ни Миттеран не говорят на языке друг друга. Для расшифровки смысла этой карикатуры зрителю необходимо соотнести ее персонажи с лидерами двух стран, знать о состоявшейся встрече на высшем уровне, иметь представление о национально-культурной специфике Германии и Франции и немецко-французских отношениях на данном временном отрезке.

Собственно языковые средства в карикатуре выполняют смыслообразующую функцию на основе своего интегративного взаимодействия с визуальными средствами. Немецкий ученый Э. Штраснер рассматривает интегрирование вербальных средств в карикатуре, прежде всего, как способ устранения многозначности декодирования реципиентом. «Подпись в сжатой форме представляет собой разъяснение изображения, обоснование, оценку, дает характеристику, поясняет время и место, представленные в картинке» [5, s. 56]. Однако, в роли вербальных средств в карикатуре могут выступать так называемые прецедентные тексты, такие как словицы и поговорки, афоризмы, цитаты, тексты песен, отрывки художественных произведений и т. п., которые являются элементами определенной культуры и незнание или ложное толкование которых может привести к потере комического

эффекта и к коммуникативной неудаче при интерпретации карикатуры. Изображение — это фон, условие, которое делает вербальные средства смешными.

К примеру, карикатура, изображающая пчел, вылетевших из улья и преследующих чиновника, который, очевидно, хотел разорить их улей. Пчелы с репликой: «Wir sind das Volk!» («Мы — народ!») символизируют немецкий народ. Адекватная интерпретация карикатуры возможна при условии знания об этом лозунге, используемом на протяжении истории Германии во времена политических преобразований, и, учитывая тот факт, что карикатура появилась в период объединения Германии.

Или другая карикатура со времен перестройки в России. На ней чиновника атакует стая птиц, изображенных в виде газет с заголовками «Труд», «Правда», «Литературная газета». В подписи к карикатуре «Wie die Vögel von Hitchcock» («Как птицы Хичкока») видна аллюзия, отсылающая реципиента к известному фильму Альберта Хичкока «Птицы».

Следовательно, карикатура опирается на прецедентную информацию, предварительное фоновое знание, лежащее за пределами самого текста карикатуры. Многое при восприятии иноязычной карикатуры, помимо языковых различий, зависит от концептуальной системы адресата, его культурно-событийной осведомленности, на базе которой карикатура способна реализовать прагматическую цель автора.

Литература

1. Анисимова Е. Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация. М., 2003.
2. Артемова Е. А. Карикатура как жанр политического дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2002.
3. Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
4. Дмитриев А. В. Социология юмора. М., 1996.
5. Straßner E. Text-Bild-Kommunikation. Bild-Text-Kommunikation. Tübingen, 2002.

А. И. Бардаков

ТВОРЕЦ И ВЛАСТЬ В ФОРМАХ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

Вот уже почти 20 лет россияне живут в постсоветской социальности, которая претерпевает значительные изменения. Эти изменения происходят практически во всех сферах жизнедеятельности общества, что естественно и закономерно в парадигмах социальной эволюции, поэтому вполне понятно наличие различных, порой прямо противоположных позиций по толкованию одного и того же социального явления. В современном политическом дискурсе сохраняется осуждение советской политической системы и имеет место критического осмысления социальных процессов современной России. Апологетика, завуалированная, а порой и открыто верноподданническая по отношению к власти, по поводу экономических, политических, правовых, идеологических и иных социальных преобразований ожидаема в современной социальной системе и не является чем-то новым в политике. Новое состоит в другом. Наблюдается необычное единодушие у деятелей искусства и ученых в характеристике состояния отечественной культуры

и человека. Состояние культуры и человека, как правило, определяется в терминах «стагнация», «деградация». Данное единодушие основывается на очевидном снижении культуры и человеческого потенциала граждан России. Каковы причины? На данный вопрос, видимо, нет однозначного ответа. Из многообразия факторов, способных прервать развитие культуры, нам представляется наиболее значимым сегодня — это взаимодействие власти и людей творчества. Определяя культуру как *возделывание* человеческих качеств общественных индивидов, хотим понять роль власти, творца в этом процессе.

Надежды на то, что со сменой политического устройства культура обретет устойчивое развитие, не подтвердились практикой. Отдельные успехи в постсоветском искусстве тонут в безбрежном море пошлости и утилитарности, транслируемых всеми видами коммуникационных средств. Можно согласиться с В. Ж. Келле в том, что «Иллюзорная свобода, которой культура постмодерна наделяет человека, оплачивается победой мифа над логосом. <...> Постмодернизм выстраивает иную модель культуры, задающую ей перспективу, которая неприемлема и из чисто теоретических соображений, и потому что она не отвечает нуждам человека и общества» [1, с. 106].

Соглашаясь с концептуальным положением автора о том, что миф побеждает логос, следует заметить — миф носит виртуальный характер, т. е. движение мысли, знания развивается не по логике развития природы или социума, а в пределах и направлениях запрограммированной реальности. Власти уже не надо изменять реальность, поскольку, создавая виртуальный мир, она вовлекает всех потребителей коммуникационных сетей в политический процесс. Смешение в виртуальном мире высокого и низкого, бытовых сцен и политических баталий является культурой, которая не механически заменила советскую агитационно-пропагандистскую деятельность, а формирует социальные свойства «винтиков» общества, применяя самые продвинутые технологии. Выстроенная модель культуры действительно не отвечает нуждам человека, но она релевантна для социального индивида. Человеку чужда власть, для социального индивида она необходимость. В. Ж. Келле замечает, что существует три основных подхода по определению начал человека, которые связаны с природой, социумом и культурой [1, с. 93].

Решая проблему корреляции власти и творца в формах бытия культуры, необходимо отметить, что во многом разделяем позицию М. С. Кагана, который выделяет четыре формы бытия [2], однако мы исходим из трех форм бытия. Нам представляется более корректным, что каждая из последовательно возникающих форм бытия (природа — общество — культура) обуславливает три качественно различных состояния индивида, о чем ранее автором представлена развернутая аргументация [3]. Природа — причина возникновения биотической, социум — социальной, а культура — человеческой составляющих индивида. Такая классификация позволяет увидеть более широкий диапазон взаимосвязей власти и творца.

Понять закономерности развития взаимоотношений творца и власти, на наш взгляд, можно только понимая культуру как форму бытия и признавая наличие человеческой и социальной деятельности свойственных художнику. К. М. Петров еще в 60-е гг. XX столетия ставил вопрос о разделении человеческой и социальной деятельности, связывая первую с творчеством, а вторую с репродукцией. По его мнению, «Репродукция — основной тип биологической и социальной деятельности, на

котором держится все то, что мы называем реальностью, действительностью, определенностью, объективностью, законом, системой. <...> Смысл репродукции — количественное умножение одних и тех же по качеству схем для того, чтобы получить серию одинаковых результатов. Основная функция репродукции — производство для потребления» [4, с. 15]. Творчество же ученый трактует как противоположное репродукции. Через всю работу автор последовательно проводит мысль о том, что человеческая деятельность является не воспроизводящей и повторяющейся, а создающей или творящей новое. Он полагает, что *творцом* нового может быть только яркая индивидуальность, осуществляющая деятельность в искусстве, что и приводит его к выводу: «...канон человека есть вместе с тем и канон искусства — творческая деятельность, способная помочь человеку разобраться в окружающем его мире человеческих отношений, и стать целью среди целей, человеком» [там же, с. 176].

В формах социального бытия ученые и деятели искусства осуществляют репродуктивную деятельность, детерминирующую приоритетность прагматизма над бродячеством в их поведении. Категоричное утверждение М. К. Петрова: «**канон науки**, ...не только не включает человека, но и **активно исключает его**». Научное знание начинается там, где кончается человек, где от него удается освободиться» [там же, с. 47], вполне корректно для характеристики репродуктивной деятельности, осуществляемой в формах бытия социума. В формах же бытия культуры ученый и художник занимаются творчеством, т. е. человеческой деятельностью. Наличие человеческой составляющей у работника искусства, науки вовсе не отвергает, а предполагает существование социальной составляющей, которая, в свою очередь, не существует без природной составляющей. В системе координат социальных отношений в искусстве, науке всегда есть «генералы», в координатах же бытия культуры социальная иерархия не имеет смысла, поскольку значимость художника, ученого определяется уровнем его творчества и человеческими качествами. Как верно замечает С. А. Никольский — «человек в погонах» как центральный субъект отечественной, в том числе и современной, истории должен уступить место «человеку культуры» [5, с. 110].

Надо заметить, что в отечественной практике «человек культуры» — это, прежде всего художник. Исследование взаимодействия власти и представителей творческих сообществ приводит В. А. Шкуратова к выводу о том, что в российском случае пара «знание-власть» уступает место паре «власть-литература» [6, с. 252], т. е. для отечественной власти была и остается наиболее важной взаимосвязь не с ученым, а художником. Главенство художника вполне объяснимо, т. к. он непосредственно участвует в формировании общественного сознания, развивает или разрушает человеческое в индивиде, сформированное предшествующей культурой. В качестве примера можно обратиться к творчеству А. И. Солженицына. Обобщая мнения о творчестве писателя, Е. В. Белопольская представляет большой перечень известных писателей и ученых [7], которые восхищены гуманизмом его творчества, при этом автор акцентирует внимание на постоянные сравнения А. И. Солженицына с Л. Н. Толстым и Ф. М. Достоевским. А. И. Солженицын был одним из ярких последователей великих гуманистов XIX–XX вв., что непосредственно имеет отношение к культуре, но вольно или невольно он, а точнее его как социального индивида, гражданина и его творчество как явление культуры власть использовала для решения своих политических задач. Так возвращение писателя в Россию использовалось как доказательство истинной

демократии в стране, а затем широкое вещание антикоммунистических высказываний и минимизация критических замечаний в адрес существующей социальной системы умело режиссировалось властью. Его слова о том, что «вся нравственно шаткая атмосфера в нашей стране освобождает воров и взяточников от угрызений Греха и от Стыда» [8], сказанные в 2008 г., вряд ли могли понравиться власти.

Деятельность художника в формах бытия социума и культуры с необходимостью предполагает преемственность в рамках двух противоположных тенденций. С одной стороны, власть, используя все возможные формы и методы воздействия, принуждает ученого и художника выполнять политическую функцию по развитию социальных свойств индивидов. При этом в рамках осуществления политической функции власть всячески приветствует творчество ученого и художника. С другой стороны, сам творец, искренне веря в позитивность действий власти и воспринимая происходящие политические процессы как явления культуры, активно включается в поддержку существующей социальной системы. Искренняя вера художника и ученого носит объективный характер, т. к. научная критика и сарказм с иронией предшествуют социально-политическим изменениям. Ученый и художник, чаще всего не осознавая своей причастности к осуществлению социально-политической функции, тем не менее, являются активными участниками политических процессов. Действенность политического влияния на индивидов социальной системы зависит от масштабности творческого потенциала ученого, художника.

Власть использует репродуктивную и творческую деятельность ученого и художника для решения политических задач, власти нужны не творцы, а специалисты, формирующие социальные качества индивидов. Со сменой политической системы не исчезает потребность в специалистах, формирующих мировоззрение народа по заказу власти, поэтому преемственность эта, прежде всего, социальна. Деятельность государства не может быть направлена на развитие культурной преемственности, культура, формируя человеческие качества, разрушает объектные свойства индивидов и тем самым сокращает субъектные функции структур власти. Тем не менее, на протяжении развития человечества наряду с репродуктивной деятельностью существовало и творчество, которое и являло собой момент культуры в многообразии и преобладании социальности.

В современных обществах значительно повышается личная ответственность ученого и художника за свою деятельность, т. к. культура как форма бытия значительно упрочила свое положение и обнаруживает себя даже в организации жизни людей, где наличие власти длительное время было абсолютным. Трудный процесс совмещения социальных и культурных функций, выпавших на долю художника, хорошо раскрыт Л. А. Булавка в статье «Художник и власть». Приводя факты верноподданности художника власти (М. Булгакова, А. Солженицына) автор развенчивает миф о том, что идеология определяет творчество художника. Однако исследователь оставляет открытым вопрос М. Цветаевой, которая, осуждая верноподданность О. Мандельштама власти, пишет: *«Мой вопрос всем и каждому: как может большой поэт быть маленьким человеком?»* [9, с. 110]. Вопрос, поставленный около ста лет назад, не утратил сегодня своей актуальности. Есть основания полагать, что художник и ученый, посвящающие свое творчество развитию человеческих качеств, не могут быть «маленьким человеком». Ученые же и художники, творчество которых направлено на развитие социальных взаимосвязей, остаются

«маленьким человеком». Тут важно понять, что величина человека, человеческий потенциал не определяется профессией и даже масштабом творчества. Масштаб творчества, престижность профессии, социальный статус важны в рамках социальных координат и социум выдает все это за культуру. В рамках же бытия культуры эта социальная атрибутика вторична по отношению к человеческим качествам политика, художника, ученого и т. д. Российское общество в своем эволюционном движении исчерпало потенциал социальности и находится на этапе осознания, освоения культуры как основного условия своего дальнейшего развития.

Конечно, живя в обществе нельзя быть свободным от него, поэтому в деятельности творца сочетаются действия социального и гуманистического характера. Грань между векторами различной направленности деятельности одного индивида достаточно условна и определение приоритета социальных или гуманистических начал в деятельности конкретного ученого, художника в значительной степени зависит от доминанты форм бытия социума или культуры. При всей любви к науке и искусству, вряд ли удастся найти в мировой истории творца, не согрешившего «социальностью». Однако, обращая взор на современную отечественную культуру, нетрудно заметить весьма и весьма скромные результаты в этой сфере жизнедеятельности. Решая задачу соотношения, взаимодействия творца и власти, обнаруживаем, что дальнейшее развитие культуры не может быть обеспечено властью. Власть уже не может принудить ученых и художников, способных к творческой деятельности, выполнять социально-политическую функцию, а специалисты, которые берутся за осуществление этой функции, способны только к репродукции, поэтому культура находится в кризисе.

Наступление эры доминирования культуры является закономерностью, однако субъективный фактор в виде властных структур играет важную роль в ускорении или торможении ее реализации. Цепь взаимосвязей «культура — человек — творчество» предполагает переосмысление ряда вопросов социально-политической проблематики, в частности, взаимодействия творца и власти. Поскольку власть явление социальное, то по мере возрастания роли бытия культуры в жизнедеятельности конкретного общества взаимодействие творца и власти претерпевают значительные изменения. Так политические лидеры длительное время были непререкаемыми авторитетами во всех сферах жизни, а сегодня их деятельность даже в вопросах социального бытия воспринимается критически. Власть была и остается значимой для развития социума, но развитие культуры не может быть успешным при ее вмешательстве в творчество художника, ученого. Во взаимодействии творца и власти есть и другая сторона. Художник, ученый активно участвующие в политической деятельности с необходимостью оказываются в «дурной» компании олигархов и политических проходимцев, деятельность которых несовместима с культурой. Быть богатым в нищей стране безнравственно. Оптимизация отношений творца и власти видится в минимизации социальной функции художника, ученого и значительное сокращение структур власти, именующих себя организаторами творчества и культуры.

Литература

1. Келле В. Ж. От эпистемы Мишеля Фуко к матрице культуры // Человек. 2007. № 3.
2. См.: Казан М. С. К истории формирования и взаимодействия человеческих общностей // Человек: соотношение национального и общественного. Сб. материалов международ-

ного симпозиума (г. Зугдиди, Грузия, 19–20 мая 2004 г.) Вып. 2 / под ред. В. В. Парцвания. СПб., 2004. С. 104–110; Системный подход и гуманитарное знание: избранные статьи. Л., 1991; Философия культуры. СПб., 1996.

3. См.: *Бардаков А. И.* Детерминанты самоуправления: экономика или культура? // Научный вестник ВАГС. Вып. 7. Волгоград, 2007; Культура как основной детерминант самоуправления // Муниципальное управление: теория, история, практика. Волгоград, 2007. С. 37–56.

4. *Петров М. К.* Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность / ред. коллегия А. А. Воронин, А. П. Огурцов, В. А. Смирнов. М., 1995.

5. *Никольский С. А.* Российское самосознание в реалиях XXI столетия // Политическая концептология. 2009. № 4.

6. *Шкуратов В. А.* Похороны и торжества (к скриптополитике и скрипторелигии русской интеллигенции) // Политическая концептология. 2009. № 4.

7. См.: *Белопольская Е. В. А. И.* Солженицын в оценке критики последних лет // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2008. № 4. С. 6–14.

8. *Солженицын А. И.* Что нам по силам // Аргументы и факты. 2008. 30 января.

9. *Булавка Л. А.* Художник и власть // Политический класс. 2009. № 1.

Н. И. Безлепкин

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ

Управление представляет собой специфическую разновидность человеческой деятельности, возникающей на базе потребности в организации совместного труда многих лиц и необходимости поддержания определенного порядка в жизнедеятельности самых различных социальных образований и стабильного их развития. Оно выступает способом координации многообразных видов деятельности как социальных групп, так и отдельных людей, обеспечения их рациональной взаимосвязи. Отношения управления возникли в обществе по мере необходимости управлять кем-то или чем-то.

Как особый вид общественных отношений, управление представляет собой комплексное, целостное явление, имеющее под собой социокультурные и лингвофилософские основания. Выявление роли данных оснований в управленческом процессе обусловлено уровнем современного развития «общества знания», где особое значение имеет эффективное использование человеческого капитала в целях обеспечения конкурентоспособного развития, как отдельных отраслей экономики, так и общества в целом.

На протяжении длительного времени человек в развитии управленческих идей представал большей частью в экономическом измерении, связанном с актуализацией экономических отношений, и лишь, начиная с 70-х гг. прошлого века, область интересов сместилась в сторону социокультурных аспектов, в частности, к вопросам культуры управления, которая выполняет важнейшие воспитательные и объединительные функции, опосредованно влияя на показатели экономического роста предприятия. Превращение социокультурных факторов в мощный рычаг воздействия на экономические преобразования и развитие обусловил интерес к основным составляющим культуры управления — ценностям организации и лич-

ности, нормам и ритуалам поведения, способам и средствам социокультурного взаимодействия и коммуникации работников в процессе реализации управленческих функций. Человеческий капитал стал рассматриваться главным фактором развития общественного производства, конкурентоспособности организации, а культура управления признается как механизм, с помощью которого ускоряются позитивные преобразования, сохраняются единство и целостность систем управления.

Повышенный интерес к культуре управления в значительной степени актуализирует интерес к лингвофилософским основаниям управления, где доминирующая роль принадлежит языку. И хотя большая часть современных исследований в области менеджмента ориентирована на изучение механизмов формирования и управления организационной культурой, которую совершенно справедливо рассматривают как важный стратегический ресурс управления и развития современных компаний, организаций и учреждений, проблемы языка все более выдвигаются на первый план. И это не случайно, поскольку организационная культура важна для управления не сама по себе как набор принятых и разделяемых сотрудниками той или иной компании ценностей, как культура труда, но, прежде всего, как культура управления.

Философия предприятия, принятые в компании ценности и бытующие в ней артефакты лишь тогда обретают свое значение и смысл, когда включены в процессы коммуникации в организации посредством разнообразных знаковых систем и в первую очередь — языка. Именно язык, объективирующий процессы передачи опыта, приказов и распоряжений, распространения ценностей, становится важной и неотъемлемой стороной процесса управления. При этом тот или иной вид социальной организации или деятельности предполагает, по Ж.-Ф. Лиотару, собственную прагматику языка, или собственные «языковые игры», определяющие правила его использования.

Организация только тогда и возникает, когда существует язык, будь то организация внешнего мира или трудового коллектива. Язык — это фундаментальная антропологическая константа. Он осуществляет функции по реализации организационных орудий, которыми являются слово, идея, ценности и норма. Возникший в процессе практической деятельности людей, язык с момента своего возникновения выступает неизменным условием осуществления совместной деятельности людей, придавая ей организованный и целеполагающий характер. Будучи неразрывно связанным с культурой и ее носителем — народом, язык посредством знаковых средств позволяет осуществлять обмен накопленным опытом, а также строить процессы коммуникации и управления в соответствии с культурой своего времени. Поэтому представить управление вне языка и без языка, вне постоянной работы по его совершенствованию — означает погружение в сюрреалистический мир.

Непосредственная включенность языка в процессы управления обусловлена его природой, которая, с одной стороны, предполагает его рассмотрение как семиотической системы, как средства общения, и, с другой — как «опыт мира» и культурно-исторический контекст, в котором реализует себя человек как субъект управления. В своей совокупности обе эти стороны позволяют четко разграничить выполняемые языком в процессе управления функции, когда он выступает как средство коммуникации и когда формирует социокультурную среду, где язык выступает не просто как средство для взаимопонимания, но как способ преобразования «субъективного

в объективное, переходя от всегда ограниченного индивидуального к всеобъемлющему бытию» [1, с. 318]. Обе эти стороны природы языка накладывают свой отпечаток на его использование в управленческой деятельности, где он выступает не только продуктом рефлектирующего мышления, но и является специфичным родом деятельности, особой «энергией».

Язык как «опыт мира» и его «онтология» выступает носителем социокультурных значений. Соответственно, всевозможные изменения в социально-экономической среде, процессах управления находят свое отражение в языке, его лексике. Социальная обусловленность языка имеет важное значение для организации процессов коммуникации и управления, т. к. ориентирует на его конкретно-историческое применение, на своевременную работу по приведению языка в соответствие с реалиями времени. Данный аспект построения языка управления и его применение связан с той его стороной, которая не столько связана с отображением общего и существенного в деятельности людей, сколько с его свойством оказывать влияние на его деятельность, быть средством речевой коммуникации и управления. На данное обстоятельство еще Аристотель обращал внимание, отмечая: «...если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может быть не позорным бессилие помочь себе словом, т. к. пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом» [2, с. 2]. В данном своем качестве язык реализует многие свои функции, среди которых важное место отводится его роли как средству управления. Язык, отягощенный образами, понятиями и значениями, в которых отражаются общие и существенные знания о мире, посредством звуковой речи делает это знание достоянием других людей, убеждая их в необходимости применения его в своей жизнедеятельности.

Выступая в качестве средства управления, язык имеет свою структуру, отличную от логической. Андрей Белый, в частности, подчеркивал, что «смысл живой речи вовсе не в логической ее значимости; сама логика есть порождение речи; недаром условие самих логических утверждений есть творческое веление их считать таковыми для известных целей; но эти цели далеко не покрывают целей языка как органа общения» [3, с. 133]. Другими словами, риторическое построение речи отличается от других языковых форм, например, от научного языка или письменной речи. По наблюдению Ю. М. Лотмана, «если текст на естественном языке организуется линейно и дискретен по своей природе, то риторический текст интегрирован в смысловом отношении. Входя в риторическое целое, отдельные слова не только «сдвигаются» в смысловом отношении..., но и сливаются, смыслы их интегрируются» [4, с. 179]. Данное обстоятельство имеет важное значение для понимания роли языка в управлении.

Процесс понимания этого «сдвига», когда происходит интеграция смыслов в языке, составляет неотъемлемую сторону управления, поскольку язык, на котором мы говорим, по справедливому замечанию Гадамера, устроен так, что от него способна исходить постоянная путаница наших понятий [5]. На это обстоятельство еще раньше обращал внимание Ф. Бэкон, обличая идолы рынка — предрассудки, корнящиеся в словоупотреблении и способные привносить предвзятости в процессы коммуникации и управления. Взаимопонимание в процессах управления достигается, по М. Веберу: во-первых, языковой общностью; во-вторых, наличием «значимого» согласия и действия, основанных на согласии; наконец, в-третьих,

договоренностью — эксплицитной (легальной, явной) и молчаливой (неявной) [6, с. 514]. Преодоление предрассудков, связанных со словоупотреблением, достижение взаимопонимания — составляет важнейшую сторону процесса управления и предполагает высокий уровень общей и профессиональной культуры управленца.

Для того чтобы эффективно осуществлять управляющее воздействие на объект управления, субъект должен владеть языком, который, с одной стороны, обладает свойствами научного языка, а, с другой, — иметь понятную для исполнения риторическую структуру, которая не возникает автоматически из языковой, а привносится управленцем и имеет ценностно-прагматическое значение, служащее для дополнительной его упорядоченности. В своей совокупности эти две стороны — научно-понятийная и ценностно-прагматическая — образуют основу языка управления, который призван не только точно и лаконично передать приказ, распоряжение, указание, но и за счет ценностно-прагматических значений, почерпнутых из культурного багажа менеджера, способен оказать регулирующее и мотивирующее воздействие на подчиненных. Ценностно-прагматические элементы являются «выражением внутренних совершенств говорящего, <...> отголоском его ума и сердца» [7, с. 14].

Тесная связь в языке управления научно-понятийной и ценностно-прагматической сторон подтверждается как научными исследованиями, так и практикой управления, в которых она предстает как закономерное явление, поскольку и процесс познания, закрепленный в виде определенных знаний, и его результат, выражающийся в управленческом воздействии, всегда состоит из двух родов текстов: утверждений о действительном положении дел и команд (алгоритмов действий и прочих регулирующих действия предложений). Причем первые утверждения оцениваются с позиций истинности, вторые же — с позиций их эффективности, т. е. имеют ценностное значение. Всякая попытка отделить одну сторону языка от другой по сути дела умерщвляет язык, делает его нефункциональным.

Исследования лингвистов подтверждают неприемлемость элиминирования из языка ценностно-прагматических элементов с целью достижения его большей точности. Семантическая структура языка получает наиболее полную и объективную интерпретацию именно в контексте оценочной деятельности. Это диктуется самой природой языка, его социально-культурной обусловленностью.

На используемый в управлении язык значительный отпечаток накладывает индивидуальность управленца, уровень развития его мышления, личные качества, нравственно-духовное развитие. От того, какими знаниями обладают менеджеры, каковы их морально-этические нормы отношения к труду и другим людям, уровень развития организационных навыков и умения владеть собой, понимания психологии работающих рядом людей определяют культуру управления данной организации и эффективность применяемого языка управления.

Знание и умелое использование лексических, грамматических и орфоэпических особенностей языка определяет стиль речи управленца. На стиль речи также оказывает существенное влияние и применение всего многообразия риторических фигур и тропов. За многовековую историю человечество значительно преуспело в развитии техники речи. Если логика насчитывает порядка 30 силлогизмов, применение которых делает речь логичной и доказательной, то риторика располагает 300 фигурами и тропами, в соответствии с которыми можно построить речь на

любой случай жизни. Повышенное внимание к эффективному использованию человеческого капитала обусловил возрастание интереса со стороны управленческих кадров к стилю речи как важной слагаемой управленческой культуры.

В современных условиях эффективность использования языка в управлении еще в большей степени находится в зависимости от глубины, точности и полноты понимания менеджерами сути управленческих процессов, от уровня развития их управленческой культуры, важным показателем которой выступает владение языком управления. Лаконичность и точность языка управления, его простота и ясность, максимальная емкость и образность достигаются развитием и постоянным совершенствованием теории и практики менеджмента, уточнением его терминов, единым смысловым пониманием понятий и категорий управления, уяснением социокультурного контекста его использования в управленческой деятельности.

Литература

1. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
2. Аристотель. Риторика // Античные риторики. М., 1978.
3. Белый А. Символизм как миропонимание. М., 1994.
4. Лотман Ю. М. Риторика // Избранные статьи: в 3 т. Таллинн, 1992. Т. 1.
5. См.: Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного. М., 1991.
6. Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Избранные произведения. М., 1990.
7. Толмачев Я. Военное красноречие... СПб., 1825. С.14.

Е. Н. Бекасова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: УРОКИ ИСТОРИИ

Но с языком, с человеческим словом, с речью безнаказанно шутить нельзя; словесность, речь человека — это видимая, осязаемая связь, союзное звено между телом и духом...

В. И. Даль

Языковая политика — важнейший атрибут государства, особенно с разнородным этническим составом. Изначально сложилось так, что государственное устройство Руси, а затем и России опиралось на территориальную и языковую общность. Русский язык как общее достояние спланировал и спланирует многочисленные народы огромной страны. Известное удивление М. В. Ломоносова однородностью русского языка на бескрайних российских просторах в отличие от маленькой Германии с ее многочисленными то ли языками, то ли весьма отличными друг от друга диалектами заканчивается важным выводом: «Сие краткое напоминание довольно к движению ревности и тех, которые к прославлению отечества природным языком усердствуют, ведая, что с падением одного без искусных в нем писателей немало затмится слава всего народа» [1, с. 591]. Такое особое положение русского языка требовало и требует весьма выверенной и выдержанной языковой политики, которая не должна упираться в сиюминутные государственные «интересы» в плане экономии на державной основе. В доказательство этому следует вспомнить уроки

недальновидной языковой политики, приведшей к трагическим последствиям раскола русского общества.

Для русской истории и общества забвение своей истории весьма привычно. Уже при закладывании исторического фундамента в XVIII в. в него было намешано немало лжи, а возводимые истории не только пронизывались нужными мифами, но и с особым рвением разрушались «до основанья, а затем» лепились в соответствии с заказом вопреки фактам.

Отделение народной, созидательной истории от введенной в ранг истории суе-ты «элиты» и отдельных исторических «личностей» усугубляется отсечением деяний русской православной церкви, пронизывающей все ипостаси жизни русского государства и человека вплоть до событий 1917 г. Более того, до реформ Петра I церковь и государство были практически неотделимы, время от времени соперничая в главенстве. Однако государство, благополучно открестилось от ряда совместных с церковью действий, имеющих трагические последствия. К сожалению, отказ от своей истории не освобождает от повторения прошлых ошибок и способствует традиционному «наступанию» на одни и те же «грабли», которое в лучшем случае приведет к повторению ее в виде фарса... А ведь извлечение уроков истории — важнейшая составляющая цивилизации.

Одной из таких трагических страниц нашей истории стала объективно необходимая реформа церкви — книжная и обрядовая справа. Амбициозность царя Алексея Михайловича, лелеющего свои мечты о нео-«царьградских» перспективах; пробивная сила и даже безоглядная нахрапистость нижегородского мужика Никона, подминающего под власть церковную власть светскую; великая спесь и жадность греков, в гордыне своей попирающих достоинство принявших от них крещение христиан; бесстыдство и безверие иноземных мошенников разного ранга — вплоть до патриархов, стремящихся поживиться за счет богатой и наивной Московии; невежество русских, теряющихся перед всякого рода «учеными» из-за отсутствия единого и системного образования, — все это, сплетаясь в единый клубок, унижало благочестие и достоинство русских, умаляло заслуги их святых и отнимало достоинство и надежду на великое будущее.

Начав церковную реформу с исправления, или, как позднее об этом скажут старообрядцы, с искривления богослужебных текстов на Печатном дворе, власти закончили ее расколом не столько русской православной церкви, сколько всего русского общества, последствия которого были тождественны потерям в гражданской войне.

Как отмечает известный теолог А. В. Карташев, «своя своих не познаша. Не Никон только, но и все московские власти и государственные и церковные, оказались поверхностными, слишком рациональными. И это были не греки, не малороссы, а сами отцы и учителя народа. Не разгадали глубин своего собственного народа. <...> “Комплекс” русского московского православия слишком всерьез принял путеводную звезду III-го и последнего Рима, русского эсхатологического избранничества. Этот комплекс не мог безжалостно, рационалистически поставить крест над своей целью верой. Не мог оскорбить и развенчать ее, сведя ее каким-то будто бы только грамматическим ошибкам. Оказалось, “шутки плохи” с “душой народа» [2, с. 174–175].

Неустроенность языка печатных никоновских служебников и других церковных книг приводило к явному даже для обычного прихожанина разногласию, тем

более недопустимому в церковном каноне. В челобитной к царю Алексею Михайловичу Никита Добрынин (Пустосвят) обращает внимание на самую суть проблемы: *«Еже есть много хождах и не обретох двух или трех церквий, чтобы в них единочинно действовали и пели, но во всех разнствие и великий раздор. Старое истеряли, а новое не обрели...весь чин церковный мнется: одни служат и поют тако, инии же онако: или — ныне служат тако, наутрие инако. И указуют на Никоновы печатные книги и на разные непостоянные указы. Такожде и в прочих всех службах раздор и непостоянство»*. Ему вторит протопоп Аввакум: *«Тако и ныне от гордости вниде во цековь нестроение и догматное пременение»*. Но попытки донести до власти о «смущении великом» в России из-за «искривления», а не исправления книг, о том, что не должно быть «благочестие в поругании», не слышит царь, слепо и упрямо идущий непонятно к чему и ведомый жадными греческими патриархами, которые были вmeshаны самими верховными властями в русскую прю, касающуюся глубоко личных чувств веры.

Исправление книг было доверено авантюристам без родины и веры. Наиболее одиозной фигурой был грек Арсений. Он прошел типичный для приспособленца путь: богатый турецкий грек учился в Венеции и Риме, где из православия на 5 лет перешел в католичество, но вернулся на родину вновь православным, а когда турецкие власти посадили его в тюрьму как венецианского шпиона, то под пытками принял ислам и бежал в Валахию, потом в Польшу и в Киев, затем, примкнув в 1649 г. к Иерусалимскому патриарху Паисию, попал в Москву, где его взяли на роль учителя греческого языка. Паисий, узнав истинную биографию лукавого грека, сослал его на Соловки, но оттуда в 1652 г. его забрал приехавший за мощами святителя Филиппа Никон, и именно Арсению было доверено дело исправления русских богослужебных текстов. Вероятно, власть в проведении неподуманных реформ нуждалась именно в таких нравственно пустых людях, готовых за определенный куш «править» что угодно и как угодно, а защитники древнего благочестия еще раз утвердились в своей правоте: ведь портить книги могут лишь порченные люди. Другой «исправитель», лже-митрополит Газский Паисий (Лигарид), изловчился получать помимо денег за правку московских духовных книг еще два жалованья: от Рима — за успешную миссионерскую деятельность на православных территориях, и от греков — за укрепление православия.

Предупреждения о нечистоплотности таких «ученых» мошенников ни светская, ни церковная власти не принимали, видимо потому, что иностранным проходимцам легче было справиться с поставленной задачей, ибо им была не столько непонятна, сколько чужда, а следовательно, и враждебна душа народа.

Эти же греки на печально известном соборе 1667 г. навязали решение об осуждении старообрядчества не как оппозиции, а как ереси, т. е. законодательно утвердили предание старообрядцев анафеме, полного отсечения от православия и отлучение по смерти. Они с легкостью потребовали для защитников исконной книжности и обрядности «градских казней», чуждых для русской, но обычных для греческой истории жестокостей: *«...сице овым языки отрезоша, овым руце отсекоша, овым уши и носы, и позориша их по торгу, и потом сослани быша в заточение до кончины их»* [4]. Вопиющая несправедливость не могла остановить старообрядцев: *«Мать нашу орабили святую церковь, да еще бы мы ж молчали! Не умолчим-су и по смерти вашему воровству»* [4, с. 98], ведь царь *«придумал со властью своими»* лишить старообрядцев

«честнаго погребения», «псом пометати и птицам на растерзание отдать» [там же, с. 142]. Уже Аввакум в письме царю Федору Алексеевичу четко определил виновника: «Бог судит между мною и царем Алексеем. В муках он сидит... Иноземцы те что знают? Что велено им, то и творили. Своего царя Константина, потеряв в безверии, предали турку, да и моего Алексея в безумии поддерживали, костельники и шиши антихристовы, прелагатаи, богоборцы!» [5, с. 146].

Противостояние оказалось стяннутым в гордиев узел. А вскоре власти попытались его неумело разрубить: в «критический для правительства 1682 г. новой смуты, показавший вред от вливания церковной обрядовых вопросов в русло политической разрухи, впервые в жизни русской церкви и государства применена система и дух западной инквизиции» [2, с. 239]. «И крови неповинныя реки потекли...» [6, с. 106].

1 апреля (по старому стилю) 1682 г. вместе со своими «соузниками» — попом Лазарем, иноком Епифанием и дьяконом Федором — Аввакум был предан жестокой, неприемлемой для Руси, но типичной для Европы огненной казни «за великие на царский дом хулы». Однако сожжение в срубках началось гораздо раньше. Судя по старообрядческим синодикам, в Боровске только в июле мученически погибли 14 человек. Из этого опустевшего острога была переведена вместе со своей сестрой княгиней Евдокией Урусовой в земляную тюрьму представительница одной из самых родовитых, древних и богатейших семей Руси, духовная дочь протопопа Аввакума, второй символ русского раскола — боярыня Ф. П. Морозова. Наследница огромного состояния, представительница родовитой фамилии скончалась от голода в ночь с 1 на 2 ноября 1675 г. в боровском срубе.

Сбылись пророчества вождей старообрядчества о приходе сатаны. И теперь уже стало невозможным свести оппозицию до малой секты, а сами отступники, а вернее, неотступники от старой веры вынуждены были выполнять завет Аввакума: «Как в старопечатных книгах напечатано, так я держу и верую, с тем и умираю» [7]. От не тактично проведенной книжной sprawy и от всего поведения патриарха Никона с Алексеем Михайловичем распространяются начиная с 1672 г. (в этом году впервые сожглось более 2000 человек, а до 1690 г. число погибших в результате самосжигания превысило 20 000) массовые акты самосожжения, «пошение до смерти», «великий исход» из родных мест на чужую сторону — потому как «некуда больше деться».

Таким образом начавшись с дискуссий и обсуждений исправлений разночтений, накопившихся за века, реформа закончилась духовным и физическим террором. Но старообрядцы еще помнили единый порыв объединения россиян в смутное время и до последнего надеялись, что их услышат. Поэтому с надеждой пишут челобитные царю, общаясь с ним на равных, призывая опомниться: «Надобно тово царя Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. Накудесил много, горюю, в жизни сей, яко козел скача по холмам, ветр гоня... О царю Алексее! Покажу ли ти путь к покаянию и исправлению твоему? Ей, тебе истину говорю, — время покаяться. Любя я тебя, право сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси лизжут тебя, — да уже и слизали и душу твою! А ты аще умеешь грамоте той, но и нонече хмельнек от Никанова тово напоения. Ты ведь, Михайлович, русак, а не грек. Веть мы у тебя не отнимаем царства тово здесь, ниже иных взмуцаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданием от святых отец. За всех на тебя одного падет вина: ты — попустил...» [8, с. 108–110].

Церковная и светская власть оказалась глуха к мольбам, крикам, проклятиям, угрозам; невосприимчива ни к чувствам, ни к логике, ни разуму, неотзывчива на слова, слезы и даже массовые смерти; безответна и неподсудна, молчалива и несокрушимо уверена в своем невежественном злодействе. Ничто не могло остановить ее в своем настойчивом желании настоять на своем — ни оказавшаяся по-своему пророческой дата церковного собора 1666 г. (1000 — число сатаны, 666 — число зверя), ни показательная дата смерти главного инициатора церковной «купночинности» царя Алексея Михайловича через неделю после взятия Соловецкого монастыря и избиения ослабевших после восьмилетней осады монахов и старцев.

Страшный урок истории невежественного обращения с языком забыли и вычеркнули. Не было! А если что и было — виноваты раскольники, которые сами раскол не спровоцировали, а наоборот, защищали традиционную веру и книжность, пытались хоть как-то остановить процесс в самом его начале. Виноват Никон, но и его осудили и наказали.

Забыли главное, что запалом в этой адской смеси невежества, амбиций, откровенной жадности и продажности стала языковая проблема.

Литература

1. *Ломоносов М. В.* ПСС. Т. 7. Труды по филологии (1739–1758). М.; Л., 1952. С. 591.
2. *Карташев А. В.* Собрание сочинений: в 2 т. Т. 2. Очерки по истории русской церкви. М., 1993.
3. Из постановлений собора 1667 г.
4. *Аввакум.* Книга бесед // Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск, 1979.
5. *Аввакум.* Челобитная царю Федору Алексеевичу // Указ. соч.
6. *Аввакум.* Книга толкований // Указ. соч.
7. Из письма Аввакума Ф. Морозовой, Е. Урусовой и М. Даниловой. Цит. по: *Карташев А. В.* Указ. соч. С. 167. Ср.: ответ боярыне Морозовой царю из «Повести о боярыне Морозовой»: «...яко в вере христианской, в ней же родихся и по апостольским преданиям крестихся, в ней же и умрети» (Повесть о боярыне Морозовой. М., 1979. С. 132).
8. *Аввакум.* Книга толкований // Указ. соч.

*В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов,
М. В. Проскурнина*

НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: ЭФФЕКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОСНОВА АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

Рассматривая психологические аспекты деятельности человека, мы не можем не обратить внимание на то, что она никогда не осуществляется изолированно от внешней среды. Объекты и явления внешней среды постоянно оказывают определенное воздействие на человека и определяют условия осуществления его деятельности, причем часто их воздействие носит отрицательный характер.

Условия, в которых организм человека может функционировать, весьма ограничены. Достаточно повышения или понижения температуры тела всего на один градус, как человек начинает чувствовать себя некомфортно.

Параметры внешней среды также имеют весьма незначительный интервал изменения характеристик, в рамках которых человеческий организм может нормально функционировать. На протяжении всей своей жизни человек постоянно сталкивается с ситуациями, которые грозят ему гибелью. Многие из этих ситуаций обусловлены природными явлениями. Другие возникают при неразумной деятельности или поведении самого человека. Однако, несмотря на всю хрупкость своего организма, человек живет, действует, созидает и творит. Что же позволяет выжить человеку в этих условиях?

Можно говорить о разных факторах, обуславливающих выживание человека как вида, но все они связаны, с одной стороны, со способностью организма регулировать параметры внутренней среды, а с другой — со способностью опосредованного отражения человеком окружающей действительности. Этой способностью человек обладает благодаря нервной системе и психике. Именно они в значительной степени определяют возможность выживания человека как вида, поскольку обеспечивают процесс адаптации человека к условиям среды.

Понятие адаптации — одно из основных в научном исследовании организма, поскольку именно механизмы адаптации, выработанные в процессе эволюции, обеспечивают возможность существования организма в постоянно изменяющихся условиях внешней среды [1, с. 5–7]. Благодаря процессу адаптации достигается оптимальное функционирование всех систем организма и сбалансированность в системе «человек — среда».

Одним из первых, кто стал изучать проблему функционирования живого организма как целостной системы, был французский физиолог К. Бернар [1, с. 7]. Он выдвинул гипотезу о том, что любой живой организм, в том числе и человеческий, существует, т. к. обладает возможностью постоянно сохранять благоприятные для своего существования параметры внутренней среды организма, а это, в свою очередь, происходит потому, что все системы и протекающие в организме процессы находятся в равновесном состоянии. До тех пор, пока это равновесие сохраняется, организм живет и действует. Таким образом, постоянство внутренней среды, по мнению Бернара, — это условие свободной жизни. Позднее идея Бернара о постоянстве внутренней среды организма была поддержана и развита американским физиологом У. Кэнноном, который назвал это свойство гомеостазом [2; 8; 11].

Гомеостаз — это подвижное равновесное состояние какой-либо системы, сохраняемое путем ее противодействия нарушающим это равновесие внутренним и внешним факторам. Одним из центральных моментов учения о гомеостазе является представление о том, что всякая система стремится к сохранению своей стабильности. По мнению У. Кэннона, получая сигналы об угрожающих системе изменениях, организм включает устройства, продолжающие работать до тех пор, пока не удастся вернуть ее в равновесное состояние. Если же нарушить равновесие процессов и систем организма, то параметры внутренней среды нарушаются, живой организм начинает болеть. Причем болезненное состояние будет сохраняться на протяжении всего времени восстановления параметров, обеспечивающих нормальное существование организма. Если же необходимых для сохранения равновесия внутренней среды прежних параметров достичь не удастся, то организм может попытаться достичь равновесия при других, измененных параметрах. В этом случае

общее состояние организма может отличаться от нормального. Очень часто проявлением такого равновесия является хроническое заболевание.

Однако жизнедеятельность организма обеспечивается не только за счет стремления к внутреннему равновесию всех систем, но и за счет постоянного учета факторов, воздействующих на этот организм извне, т. к. любой живой организм существует в определенной среде. Он не может существовать вне среды, поскольку вынужден постоянно получать из внешней среды необходимые для жизни компоненты (например, кислород). Полная изоляция живого организма от внешней среды равносильна его гибели. Поэтому живой организм стремится к достижению с социальной средой, поскольку человеческие качества и свойства конкретный индивид приобретает, только находясь в социуме. Следовательно, адаптация человека протекает на более высоком уровне и осуществляется за счет сложных механизмов физиологической, психической и социальной адаптации [8–10].

Начиная с работ К. Бернара, адаптация рассматривается как совокупность динамичных образований, как соотношение между неравновесными системами.

Современное представление об адаптации основывается на работах И. П. Павлова, И. М. Сеченова, П. К. Анохина, Г. Селье и др. [1; 3; 8; 11]. Несмотря на наличие многочисленных определений феномена адаптации, объективно существует несколько ее основных проявлений, которые позволяют утверждать, что адаптация — это, во-первых, свойство организма, во-вторых, процесс приспособления к изменяющимся условиям среды, суть которого состоит в достижении одновременного равновесия между средой и организмом, в-третьих, результат взаимодействия в системе «человек — среда», в-четвертых, цель, к которой стремится организм.

Таким образом, можно выделить два общих подхода к рассмотрению феномена адаптации. С одной стороны, адаптация рассматривается как свойство любой живой саморегулируемой системы, обеспечивающее ее устойчивость к условиям внешней среды (что предполагает наличие определенного уровня развития адаптационных способностей). При другом подходе адаптация рассматривается как динамическое образование, как непосредственный процесс приспособления к условиям внешней среды.

Поскольку адаптация является свойством любого живого организма, данное свойство присуще и человеку. Однако человек — это не просто живой организм, а прежде всего биосоциальная система и элемент социальной макросистемы. Поэтому при рассмотрении проблем адаптации человека принято выделять три функциональных уровня: физиологический, психологический и социальный, при этом говорят о физиологической, психической и социальной адаптации, а иногда к этому добавляют психофизиологическую и социально-психологическую адаптацию. Более того, существуют определенные физиологические и психические механизмы, обеспечивающие процесс адаптации на этих трех уровнях [9–11].

Выделенные три уровня адаптации взаимосвязаны между собой самым тесным образом, оказывают друг на друга непосредственное влияние и определяют интегральную характеристику общего уровня функционирования всех систем организма.

При этом важно отметить, что в силу наибольшей пластичности психики человека, адаптация именно на этом уровне является наиболее критически значимой; и именно на этот уровень оказывают существенное влияние межличностные отношения, которые во многом зависят от эффективности межличностных коммуникаций и понимания невербальных стимулов.

Литература

1. Агаджанян Н. А. Проблемы адаптации и учение о здоровье. М., 2006.
2. Ананьев В. А. Психология здоровья. Кн. 1. СПб., 2006.
3. Андреева Д. А. О понятии адаптация. Исследование адаптации студентов к условиям учебы в вузе // Человек и общество. Уч. записки. Вып. XIII. Л., 1973. С. 62–69.
4. Березин Ф. Б. Психологическая и психофизиологическая адаптация человека. Л., 1988.
5. Дичев Т. Г., Тарасов К. Е. Проблемы адаптации и здоровье человека. М., 1976.
6. Казначеев В. П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980.
7. Казначеев В. П., Казначеев С. В. Адаптация и конституция человека. Новосибирск, 1986.
8. Медведев В. И. О проблеме адаптации // Компоненты адаптационного процесса. Л., 1984. С. 55–79.
9. Меерсон Ф. З. Адаптация, стресс и профилактика. М., 1981.
10. Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2003.
11. Селье Г. Очерки об адаптационном синдроме. М., 1960.

Е. В. Белова

МОТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНКУРЕНТНОСПОСОБНЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Можно выделить несколько направлений исследования мотивации в психологии управления, психологии предпринимательства, психологии менеджмента [2].

Исторически первым направлением может считаться тот раздел научного менеджмента, который посвящен стимулированию работников к повышенной производительности и предложен Ф. Тейлором.

Второе направление в определенной мере близко тейлоризму и связано с традицией поведенческого подхода.

Третье направление в гораздо большей степени основывается на представлениях о природе мотивов, потребностей и ценностей человека.

Исходя из целей и задач исследования, наибольший интерес представляет третье направление исследования проблемы мотивации в психологии менеджмента, которое позволяет изучить содержательную сторону мотивации любой успешной трудовой деятельности.

Опираясь на концептуальную основу исследования, проанализируем, содержащиеся в литературных источниках, данные о мотивах, значимых для организационной деятельности.

Обобщая представления о предпринимательской деятельности классиков и современных специалистов, можно выделить общие признаки, как для предпринимательской, так и организационной деятельности. Предпринимательская деятельность — это:

- творческая деятельность, которая базируется на новой коммерческой идее, замысле в сфере бизнеса и услуг;
- изыскание таких возможностей получения прибыли, которые еще не замечены другими хозяйствующими субъектами;

- создание, строительство собственного предприятия, с помощью которого можно реализовать свой замысел;
- постоянный поиск и внедрение нового, ориентация на инновационное развитие организации, использование изобретений или разнообразных возможностей для выпуска новых товаров, открытия новых источников сырья, рынков сбыта, реорганизации производства и т. п.

Итак, исходя из представленной сравнительной характеристики, можно заключить, что предпринимательская деятельность — это разновидность организационной деятельности. Следовательно, мотивационный анализ предпринимательской деятельности позволит выявить некоторые мотивы, значимые и для организационной деятельности.

В трудах классиков экономической теории в соответствии с концепцией экономического человека доминирующим мотивом предпринимательства считался один материальный мотив — стремление к прибыли или мотивация достижения успеха. Дальнейшее исследования мотивов предпринимательской деятельности показали, что мотивационная сфера личности предпринимателя гораздо сложнее и не сводится только к стремлению к прибыли.

Исходя из содержания предпринимательской деятельности и проанализировав результаты эмпирических исследований мотивов предпринимательской деятельности, можно выделить следующие мотивы, влияющие на успешность этой деятельности:

- стремление к успеху;
- стремление к новшеству;
- готовность к риску;
- стремление к самодетерминации, независимости;
- стремление к превосходству (мотив власти);
- потребность в деятельности (процессуальный мотив);
- стремление выстраивать партнерские отношения на равных позициях (мотив аффилиации);
- склонность человека манипулировать другими людьми в межличностных отношениях (макиавеллизм);
- мотивация достижения [1–6].

Опираясь на полученные данные, с целью уточнения структуры мотивационной сферы мотивов деятельности конкурентоспособных предпринимателей, были приведены эмпирические исследования.

В эмпирическом исследовании приняло участие 49 человек в возрасте от 27 до 39 лет. Были сформированы 2 группы испытуемых. С точки зрения конкурентоспособности коммерческих организаций все испытуемые на основе анализ анкеты и результатов беседы были разделены на две группы. В первую группу вошли 29 предпринимателей. Эти предприниматели занимаются бизнесом более 5 лет, они создали коммерческие организации, которые в той или иной степени успешности функционируют на рынке. Из анализа данных анкеты, результатов беседы следует, что эти предприниматели, несмотря на трудности, порой неудачи продолжают заниматься бизнесом, при этом в последние годы их организации успешно функционируют. Эта группа испытуемых условно названа «конкурентоспособные». Во вторую группу вошли 19 человек. Они создали коммерческие организации, которые

потерпели крах. В дальнейшем эти испытуемые отказались от занятия бизнесом. Первоначально их отказ был обусловлен финансовыми причинами, а в дальнейшем они не захотели заниматься бизнесом, т. к. считают, что по своим качествам они не соответствуют этому виду деятельности. В настоящее время они являются наемными топ-менеджерами, т. е. осуществляют управление коммерческими организациями. Эту группу мы условно обозначали как «неконкурентоспособные».

Опираясь на литературные данные с учетом валидности, надежности и стандартизованности были отобраны следующие методики:

- диагностика мотивации к успеху и избеганию неудач Элерса;
- методика диагностики степени готовности к риску Шуберта;
- шкала макиавеллизма;
- методика изучения аффилиации.

Анализ полученных результатов исследования позволил прийти к выводу, что по уровню развития мотивации к успеху, мотивации к избеганию неудач и склонности к риску конкурентоспособные предприниматели не отличаются от неконкурентоспособных. Это можно объяснить тем, что эти мотивационные характеристики являются профессионально значимыми не только для предпринимателей, но и для топ-менеджеров, функции которых исполняют неконкурентоспособные предприниматели.

Отсутствие достоверных различий показателей мотиваций достижения успеха и склонности к риску между сравниваемыми группами свидетельствуют о том, что эти мотивационные характеристики являются общими профессионально важными качествами как для предпринимателей, так и для топ-менеджеров, что хорошо согласуется с литературными данными.

Для проверки, представленных в литературе немногочисленных данных о значимости мотивации аффилиации для успешности предпринимательской деятельности нами с помощью опросника для диагностики аффилиации Мехрабиана были проведены исследования этой мотивационной характеристики в двух группах испытуемых.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что не выявлено достоверное различие по показателям методики для диагностики аффилиации в двух сравниваемых группах испытуемых. Результаты исследования можно объяснить характером деятельности, как предпринимателей, так и топ-менеджеров. Для предпринимателей и менеджеров профессионально важными качествами являются хорошо развитые коммуникативные свойства личности.

Для оценки уровня развития использовалась «МАК-шкала». Установлено, что уровень развития макиавеллизма у конкурентоспособных предпринимателей отличается от уровня развития этого качества у неконкурентоспособных предпринимателей. При этом у конкурентоспособных предпринимателей уровень развития макиавеллизма ниже средних значений.

Этот факт можно объяснить, исходя из выявленных особенностей организационного лидерства, в частности из его предназначения. Рассматривая предназначение предпринимателя как субъекта организационной деятельности, который ориентирован на создание долгосрочно преуспевающих компаний, можно отметить, что талантливый руководитель обладает потребностью в установлении тождества с системой верования, которая обеспечивает смысл жизни человека. Если менеджер

мотивирует, обучает и стимулирует персонал, ритуализирует, закрепляет стереотипы поведения, то предприниматель оказывает более глубокое влияние на людей, т. к. он не только и не столько делает то, что входит в обязанности менеджера, сколько способствует личностному росту членов организации, наполняя их жизнь смыслом.

Лидер организации, создавая философию долгосрочно преуспевающих организаций, вступая во взаимодействие с людьми в организации, должен рассматривать их не как объект управления, а как субъект деятельности. Из этого следует, что организационный лидер должен ориентироваться при построении субъектно-субъектных отношений на высший уровень регуляции деятельности — ценностно-смысловую сферу личности подчиненных. Макиавеллизм — это характеристика личности манипулятора, который, исходя из неверия в возможность существования доверительных отношений между людьми, стремится воздействовать на мотивационную сферу партнеров по общению, так чтобы с помощью ложных отвлекающих маневров добиться своих скрытых целей, так, чтобы партнер того не осознавая, изменил свои первоначальные цели.

Следовательно, т. к. влияние на ценностно-смысловую сферу личности предполагает взаимодоверие и принятие человека, макиавеллизм выступает как личностный мотивационный фактор, препятствующий успешной организационной деятельности лидера организации. По-видимому, этим можно и объяснить полученные в нашем исследовании данные о низком уровне развития макиавеллизма у успешных лидеров организации по сравнению с менеджерами.

Итак, проведенные исследования мотивов организационной деятельности с помощью психодиагностических методик позволяли прийти к следующим выводам:

1. Установлено, что ни мотивация к успеху, ни мотивация избегания неудач, ни склонность к риску, ни аффилиации не являются специфическими мотивационными качествами, характерными для деятельности конкурентоспособных предпринимателей. Эти мотивационные характеристики являются, по-видимому, общими мотивами, определяющими успешность как предпринимательской, так и управленческой деятельности.

2. Успешность деятельности конкурентоспособных предпринимателей обусловлена не отдельными независимыми мотивами, а их структурой, в частности сочетанием развитой мотивации достижения успеха, потребности в аффилиации, стремлению к разумному риску и низкой степени выраженности мотивации избегания неудач и стремления к манипулированию. Такое сочетание мотивов в наибольшей степени позволяет объединять вокруг себя талантливых людей, создающих концепцию долгосрочно преуспевающих организаций, и реализовать эту концепцию, ориентируясь на успех в условиях риска и неопределенности, и, в конце концов, повышает уровень конкурентоспособности коммерческих организаций.

3. Исходя из концепции Э. Шострома, А. Маслоу, К. Роджерса, выявленное в процессе эмпирического исследования сочетание мотивов, характерное для успешной организационной деятельности, позволяет для дальнейшего конструктивного изучения личности талантливых лидеров организации сформулировать исходное концептуальное предположение о том, что, скорее всего, установленное нами сочетание мотивов является лишь одним из проявлений личности как самодетерминирующей, саморазвивающейся системы.

Литература

1. Белов В. В. Организационная одаренность. СПб., 2008.
2. Завьялова Е. К., Посохова С. Т. Психология предпринимательства. СПб., 2004.
3. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985.
4. Маслоу А. Самоактуализация // Психология личности. Тексты / под ред. Ю. Б. Гиппенрейтер, А. А. Пузырея. М., 1982.
5. Чирикова А. Е. Лидеры российского предпринимательства: менталитет, смыслы, ценности. М., 1997.
6. Шекшня С. В. Лидерство в современном бизнесе. М., 2003.

Л. Д. Бондарь

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И ЕГО ЧЛЕНСТВО В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН)

Евфимий Федорович Карский (1860–1931), охарактеризованный академиком Б. М. Ляпуновым как языковед, этнограф и палеограф [1, с. 179], а академиками, представлявшими Е. Ф. Карского к избранию в действительные члены Академии наук — как «основатель белорусского языкознания и белорусской филологии» [2, с. 110], состоял в целом ряде научных обществ и был награжден их медалями и премиями.

Следует отметить, что довольно полное, хотя и не исчерпывающее, описание этой составляющей научной деятельности Е. Ф. Карского содержится в очерке, написанном академиком Б. М. Ляпуновым, отгиск которого с дарственной надписью его супруге С. Н. Карской хранится среди других материалов архива ученого в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН (СПбФ АРАН) [1].

Вероятно, первым обществом, членом которого был избран этот ученый в декабре 1896 г., явилась недавно основанная Археографическая комиссия Московского археологического общества (МАО) [1, с. 169] (само МАО было основано в 1864 г.) и занимавшая преимущественно вопросами церковной археологии, византийским и древнерусским искусством и литературой.

Через полтора года (и через год после избрания его ординарным профессором Варшавского университета) в апреле 1898 г., Е. Ф. Карский стал членом-корреспондентом Петербургского Общества любителей древней письменности [1, с. 169], основанного в 1877 г. и занимавшегося археографической и издательской деятельностью, а также исследованиями в области истории, искусства, архитектуры. Первым председателем этого общества был князь П. П. Вяземский (сын поэта П. А. Вяземского), а среди членов — академик Н. П. Кондаков, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии Н. В. Покровский.

Эти избрания явились признанием заслуг ученого в области изучения древних рукописей, происходящих из западных областей Российской империи и разбросанных в библиотеках Вильно, Москвы и Санкт-Петербурга. Результатом этих исследований стала диссертация [3], за которую он получил в 1896 г. степень доктора в Московском университете.

Императорская академия наук обратила внимание на ученого уже в 1898 г., присудив ему в декабре этого года золотую медаль имени Батюшкова. Через три года деятельность Е. Ф. Карского вновь заинтересовала академиков. Протокол № 9 Общего собрания Императорской академии наук от 1 декабря 1901 г. сообщает о создании Комиссии по присуждению Ломоносовских премий, и о том, что было представлено шесть сочинений четырьмя соискателями. Два сочинения одного соискателя отложили на 1903 г. «После того, как вопрос о награждении кого-либо из остальных трех соискателей большою Ломоносовскою премией в тысячу рублей был решен посредством закрытой баллотировки шарами отрицательно, председательствующим [А. Н. Веселовским — Л. Б.] было предложено подвергнуть все четыре означенные труда на награждение их малыми Ломоносовскими премиями, в 500 рублей каждая. В последнем случае наибольшее число одобрительных баллов соединили в свою пользу два труда», среди них «2) профессора Императорского Варшавского университета Е. Ф. Карского: а) “Очерк славянской кирилловской палеографии. Из лекций, читанных в Императорском Варшавском университете” (Варшава, 1901), б) “Образцы славянского кирилловского письма с X по XVIII в.” (Варшава, 1901)» [4, л. 84 об.]. Этот же протокол содержит данные об утверждении избранных по Отделениям членов-корреспондентов. Среди них — по II Отделению (впоследствии — Отделение русского языка и литературы (ОРЯС)) — «Карский, Евфимий Федорович, ординарный профессор Императорского Варшавского университета» [4, л. 85 об.].

А еще через 15 лет (8 октября 1916 г.) он был избран ординарным академиком по ОРЯС. Представление же Е. Ф. Карского к избранию состоялось полугодом раньше, на заседании Отделения русского языка и словесности 2 апреля 1916 г. (протоколе за № 5): «Избранная Отделением Комиссия в составе всех наличных членов отделения [тогда присутствовали: А. А. Шахматов, Н. П. Кондаков, А. И. Соболевский, В. М. Истрин, Н. А. Котляревский, В. Н. Перетц за отсутствием еще двух членов Отделения [5, с. 29] — Л. Б.] произвела баллотировку намеченных кандидатов на звание ординарного академика по Отделению русского языка и словесности. Избранными оказались: <...> заслуженный профессор Императорского Варшавского университета Е. Ф. Карский (6 избират.)» [5, с. 30].

А на ближайшем Общем собрании Императорской академии наук 9 мая 1916 г. председателем ОРЯС, академиком А. А. Шахматовым было зачитано представление на Е. Ф. Карского, опубликованное в Протоколах заседаний общего собрания Императорской Академии наук в качестве V Приложения. Эта «Записка об ученых трудах члена-корреспондента Академии наук, профессора Е. Ф. Карского», составленная 24 апреля 1916 г., была подписана четырьмя академиками: А. А. Шахматов, В. Н. Перетцем, А. И. Соболевским и Н. А. Котляревским. Ученые отметили, что Е. Ф. Карский «уже одним из первых своих печатных трудов, появившимся в 1886 г. <...> обратил на себя самое сочувственное внимание специалистов и занял среди них место как знаток белорусского языка» [2, с. 106]. Указав его ученые труды по исследованию белорусского (письменного и устного) языка [2, с. 106–109], представлявшие не могли не сказать особо о его «капитальном труде» «Белорусы» [2, с. 109–110], который к моменту представления Е. Ф. Карского в академики вышел в двух томах (второй том в трех частях) с 1903 по 1916 гг. [6] (позднее был издан еще один том в двух частях [7]) и затронул все аспекты «белорусского наречия».

«Кроме белорусского языка, — отметили академики, — предметом изучения Е. Ф. Карского была всегда русская филологическая наука во всем ее объеме. Об этом свидетельствуют не только многочисленные его рецензии на труды, относящиеся к самым разнообразным отраслям этой науки, но и многие самостоятельные его работы по языку и палеографии». В качестве большой заслуги ученого «перед русской филологией и лингвистикой» отмечена его работа в качестве реактора (с 1905 г.) «Русского филологического вестника», издававшегося в Варшаве. «Несмотря на скудные средства, находившиеся в распоряжении журнала, Е. Ф. Карский сумел обеспечить правильный выход его книжек, а также участие в нем членов всей семьи русских филологов и языковедов. Своим доброжелательным отношением он поддержал деятельность многих ученых и, между прочим, также деятельность состоящей при Отделении русского языка и словесности диалектологической комиссии, труды которой нашли себе место в его журнале» [2, с. 110]. На том заседании было постановлено выборы Е. Ф. Карского в академики отсрочить, и они состоялись 8 октября 1916 г.: «По произведенной баллотировке оказалось, что Е. Ф. Карский соединил в свою пользу 29 избирательных голосов против 4 неизбирательных, почему и признан избранным» [8, с. 163].

После избрания в академики Е. Ф. Карский переехал жить в Петроград и приступил к работе в качестве профессора в университете. В Академии наук его деятельность была весьма насыщенной: он являлся членом Правления и Президиума. 23 ноября 1927 г. на заседании Президиума АН СССР имя Е. Ф. Карского было упомянуто особо, о чем в документах СПбФ АРАН сохранилось уведомление от 25 ноября 1927 г. в виде выписки из протокола этого заседания Президиума, где было принято постановление выразить благодарность Е. Ф. Карскому за «продолжительное и высокополезное участие в работах, как Президиума, так и его Распорядительного заседания, и просить... впредь не отказать непосредственно докладывать в Президиум дела по подведомственным... академическим учреждениям» [9, л. 10—10 об.]. Под подведомственным учреждением имелся в виду Музей антропологии и этнографии, директором которого Е. Ф. Карский был с 1921 по 1929 г. Он был снят с поста после того как попал в опалу власть имущих, совершив академическую поездку в славянские земли (Чехия, Польша, Югославия) и представил в Академию наук отчета [10].

Еще до избрания в академики Императорской академии наук 5 марта 1914 г. его избирает своим почетным членом Историко-филологическое общество при Новороссийском университете [1, с. 178], которое было создано в Одессе в 1889 г. и занималось научной деятельностью в области славяноведения, византиноведения и классических древностей.

В письме от 10 августа 1918 г. председатель и секретарь Белорусского научно-культурного общества в Москве уведомили академика об его избрании в почетные члены на заседании Общего собрания общества 14 июля 1918 г. — первом собрании общества, созданного при содействии Белорусского национального комиссариата. Общество планировало широкую издательскую деятельность, но, к сожалению, большинство из задуманного так и не было реализовано, хотя имя Е. Ф. Карского сохранилось в изданиях этого общества с публикацией труда, к которому прилагалась карта, составленная этим ученым [11].

В начале 1920-х гг. Е. Ф. Карский состоял в переписке с инициатором создания и первым председателем Института белорусской культуры (Инбелкульт — предтеча

Национальной Академии наук Беларуси) С. М. Некрашевичем. В своем первом письме от 5 января 1922 г. С. М. Некрашевич предложил Е. Ф. Карскому занять должность директора только что созданного института [12, л. 1]. Этот проект не был осуществлен, и председателем Инбелкульта был назначен сам С. М. Некрашевич. Через два с половиной года, 18 августа 1924 г., С. М. Некрашевич обратился с предложением занять штатную должность действительного члена Института Белорусской Культуры [12, л. 4 об.]. Так Е. Ф. Карский стал одним из первых работников Инбелкульта.

24 мая 1925 г. своим почетным членом его избрало литературно-научное Общество любителей российской словесности (ОЛРС) при Московском университете, среди активных членов которого были И. С. Тургенев, А. А. Фет, Ф. М. Достоевский, И. А. Бунин, В. Я. Брюсов и др. 15 декабря 1927 г. Е. Ф. Карский стал почетным членом Общества письменности и искусства в Ленинграде [1, с. 178].

2 марта 1926 г. председатель Русского географического общества адмирал-географ Ю. М. Шокольский уведомил ученого об избрании его действительным членом общества «желая пользоваться просвещенным участием Вашим в трудах своих» [9, л. 4]. Уже 13 марта этого года академиком были уплачены членские взносы за 1926 г. в размере 3 рублей [9, л. 5] и в тот же день имя ученого значилось среди участников заседания Отделения этнографии Русского географического общества, посвященного памяти П. В. Шейна, в качестве докладчика по теме «Труды П. В. Шейна по белорусской этнографии» [9, л. 6].

Наконец, в январе 1929 г. Е. Ф. Карский стал членом Чешского королевского научного общества, о чем в документах СПбФ АРАН сохранилось уведомительное письмо от 9 февраля 1929 г. за подписью главного секретаря общества и диплом [13, л. 9–10]. Благодаря этому избранию среди материалов СПбФ АРАН оказался весьма интересный с исторической точки зрения документ — «Устав и правила Чешского королевского научного общества» [14]. Это общество — предтеча Академии наук Чешской республики — было основано в 1790 г. Чешское королевское научное общество предоставило Е. Ф. Карскому этот документ, избрав его своим, подыскивая эквивалентный термин российской действительности, иностранным членом. Однако в своем буквальном значении этот термин должен быть переведен иначе.

Дело в том, что, как мы узнаем из Устава этого общества, все его члены делились на действительные, экстраординарные, почетные, иногородние члены и члены-корреспонденты [14, с. 3]. Устав поясняет, какой статус членства может быть придан тому или иному ученому. Действительные и экстраординарные члены должны жить в Праге или ближайших окрестностях. В почетные члены избираются ученые, имеющие научные работы или заслуги перед Обществом. Те же, кто не живут в Праге или ближайших окрестностях, могут получить статус иногородних членов или членов-корреспондентов. Если действительный член общества, поменяв местожительства, покидает Прагу и ее ближайшие окрестности, то он получает статус иностранного члена, если это случается с экстраординарным членом, он становится членом-корреспондентом. И наоборот, если иностранный член или член-корреспондент переезжает в Прагу или ее ближайшие окрестности, они становятся действительным и экстраординарным членом, соответственно [14, с. 4]. Е. Ф. Карский был избран именно иногородним членом (*člen přespólní*).

Порядок избрания действительных и иногородних членов был одинаков: два действительных члена из соответствующего разряда должны были выдвинуть кандидатуру на членство на общем собрании, приведя при этом веские доводы. Выборы считались состоявшимися, если 2/3 присутствовавших действительных членов проголосовали «за». Все остальные члены избирались половиной голосов [14, с. 4]. Голосование, как и в Российской академии наук, происходило при помощи шаров [14, с. 5].

Согласно Уставу, действительных членов могло быть не более 30: по 15 на каждый разряд (общество делилось на два разряда: разряд философии, истории и языкознания и разряд математических и естественных наук; допускалось, что при необходимости они могут быть поделены на отделы в соответствии с областями науки). Из их числа избирались председатель, заместитель председателя, главный секретарь, два секретаря классов, казначей, библиотекарь и др. должности, в Уставе не обозначенные. Председатель и его заместитель должны были принадлежать разным классам. Все указанные должностные лица, кроме библиотекаря, получали полномочия сроком на три года [14, с. 5].

Все основные вопросы решались на общем собрании членов. По разрядам также проводились собрания, где обсуждались научные вопросы. Там могли присутствовать и экстраординарные члены, а также приводить с собой гостя [14, с. 6]. Исключение из общества осуществлялось по довольно простой схеме: если в течение года действительный или экстраординарный член не был ни на одном собрании, считалось, что он вышел из общества [14, с. 7]. В качестве основного направления деятельности Общества Устав называет издание научных трудов своих членов и других авторов на языках славянских, немецком, латинском, французском, итальянском и английском [14, с. 7].

Избрание в Чешское королевское научное общество было последним избранием и последним выражением признания заслуг ученого. После той «злополучной командировки» в славянские страны, травле, которой был подвергнут Е. Ф. Карский, и снятия его с поста директора Музея антропологии и этнографии в 1929 г. ученый не смог уже вернуть себе былых позиций в Академии наук (позиции эти были столь велики, что в 1926 г. ему было сделано предложение баллотироваться на пост вице-президента академии) и, как отмечают в своей статье Л. Рублевская и В. Скалабан, «если бы в 1931 г. Карский, которому было уже 70 лет, не умер, а прожил бы еще несколько лет, можно догадываться с большой долей вероятности, какова была бы его дальнейшая судьба» [10]. Целый ряд белоруссистов в 30-е гг. XX в. подверглись репрессиям (тот же С. М. Некрашевич, его коллега П. А. Бузук были расстреляны в 1937–1938 гг.). Е. Ф. Карский избежал этой страшной участи, что позволило и его супруге С. Н. Карской после смерти мужа благополучно сохранить свои позиции в академическом (и гражданском) обществе.

Литература

1. *Ляпунов Б. М.* Очерк жизни и деятельности академика Е. Ф. Карского // Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук. 1932 (= Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 292. Оп. 1. Д. 57).
2. *Шахматов А. А., Перетц В. Н., Соболевский А. И., Котляревский Н. А.* Записка об ученых трудах члена-корреспондента проф. Е. Ф. Карского // Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. СПб., 1916 (= СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163).

3. *Карский Е. Ф.* Западнорусские переводы псалтыря в XV—XVII вв. Варшава, 1896.
4. СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 148.
5. Протоколы заседаний Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. 1916. Петроград, 1918 (= СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а-1916. Д. 163а).
6. *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. С приложение двух карт. Варшава, 1903; Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. Ч. 1. Исторический очерк звуков белорусского наречия. Варшава, 1908; 3) Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. Ч. 2. Исторический очерк словообразования и словоизменения в белорусском наречии. Варшава, 1911; 4) Белорусы. Т. 2. Язык белорусского племени. Ч. 3. Очерки синтаксиса белорусского наречия. Дополнения и поправки. Варшава, 1912.
7. *Карский Е. Ф.* Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Ч. 1. Народная поэзия. М., 1916; Белорусы. Т. 3. Очерки словесности белорусского племени. Ч. 2. Старая западно-русская письменность. Пг., 1921.
8. Протоколы заседаний общего собрания Императорской Академии наук. 1916. СПб., 1916 (= СПбФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1а. Д. 163).
9. СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 2.
10. *Рублевская Л., Скалабан В.* Околонаучный спор // СБ — Беларусь сегодня: Электронная версия газеты. 2006. № 12.
11. Курс белорусоведения. Лекции, читанные в Белорусском народном университете в Москве летом 1918 г. с библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени Е. Ф. Карского. М., 1918.
12. СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 2. Д. 99.
13. СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 109.
14. Stanovy a pravidla Královské České Společnosti Náuk. Praha, 1910 (= СПбФ АРАН. Ф. 292. Оп. 1. Д. 109. Л. 1–8).

Н. И. Борзенков

РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Формирование профессионалов, их образование, обучение и воспитание — важнейшая практическая задача, которая стоит перед человечеством на протяжении всей его истории. Каждая историческая эпоха уже имела унаследованные от прошлых поколений и предлагала свои способы и методы подготовки профессионалов, оказывая им помощи в достижении вершин профессионального мастерства.

Наука, являясь важнейшим фактором формирования профессиональной культуры, в текущем XXI в. обязана учитывать изменение особенностей бытия, деятельности и роли человека в условиях новой, технически и информационно насыщенной реальности. В горизонте внешнего мира (по Ю. Хабермасу — одного из трех «основных миров», наряду с социальным и внутренним миром) техническая реальность уже воспринимается как нечто сущее, влияющее на жизнь и деятельность человека. Поэтому профессиональную деятельность следует рассматривать как систему отношений человека с миром.

Профессия одновременно и обособляет определенные группы людей и объединяет их внутри этих групп. Исследовать специфику, особенности, факторы профессии, влияющие на формирование культуры специалиста — это одна из задач философии, культурологии, социологии, социальной психологии и других

наук, изучающих человека во всех его проявлениях. Сходство трудовой деятельности сказывается и на сходстве образа жизни представителей одной и той же профессиональной группы. Соответственно и отражение окружающего мира и себя в этом мире в сознании приобретает внутри социально-профессиональной группы черты общности. В наиболее оформившихся профессиональных группах возникает «корпоративный дух», т. е. совокупность взглядов, убеждений, оценок, разделяемых всеми членами являющих собой свод правил поведения в группе. Именно в таких сообществах, построенных на идеях солидарности и ограниченности, впервые зарождается то, что мы называем «профессиональная культура», «профессиональная этика», «профессиональная честь», «профессиональный дух». Первоочередное «право» на наличие своей профессиональной культуры и профессиональной этики имеют представители профессий, объектом деятельности которых является человек (педагоги, врачи, юристы, журналисты, военные и др.). Именно от их деятельности зависят сознание, жизнь, здоровье, судьбы других людей. Сейчас мы часто слышим, что нужны профессионалы — в сфере обслуживания, образования, на промышленных предприятиях и т. д. Все понимают, что поступательное развитие общества возможно лишь в том случае, если основу его будут составлять профессионалы. В то же время мы все чаще сталкиваемся с проявлением непрофессионализма, проникающего практически во все сферы нашей жизни.

Таким образом, задача подготовки профессионалов для основных сфер человеческой деятельности приобретает особую актуальность. Но, чтобы обеспечить высокий уровень профессионализма, необходима культурная основа профессиональной деятельности. То есть профессионал должен сочетать в себе профессиональные способности, знания, умения, навыки и опыт при достаточно высоком уровне профессиональной культуры.

Современная наука характеризует профессиональную культуру специалиста как сложное многогранное, относительно устойчивое духовное образование, определяющее его способность и готовность к творческой профессиональной деятельности. **Профессиональная культура специалиста — это диапазон культуры, существующий на личностном уровне в форме профессиональных идей, знаний, умений, навыков, чувств, способов мышления, практических действий, норм поведения и ценностей.**

В системе современного философско-культурологического знания сформировались четыре модели профессиональной культуры специалиста.

1. Нормативная модель профессиональной культуры.

Данная модель обусловлена официальными документами, директивами и инструкциями руководства, регламентирующими профессиональную деятельность, систему подготовки кадров и характер требований, предъявляемых к специалисту.

2. Эмпирическая модель профессиональной культуры.

Это модель реально существующей профессиональной культуры человека, реальной личности, строящаяся на основе данных конкретно-социологических исследований, экспертных оценок.

3. Функциональная модель профессиональной культуры.

Модель, которая выстраивается на основе измерения параметров собственно профессионализма специалиста как выражения профессиональной культуры в реальной деятельности во всем диапазоне профессиональных функций.

4. Экспектабельная модель профессиональной культуры.

Это ожидаемая, прогнозируемая модель профессиональной культуры личности специалиста, проектируемая на основе экспертных оценок перспектив развития данного вида деятельности, основанных на глубоком научном понимании сущности и содержания профессии.

Анализ профессиональной деятельности в ее объективно-деятельном содержании предрасполагает нас к конструированию именно экспектабельной модели профессиональной культуры специалиста, проектируемой особенностями самой профессии.

Основами экспектабельной модели профессиональной культуры, в принципе, должен обладать каждый, кто занят оплачиваемой работой в общественном или в частном секторе. Профессиональная культура включает совокупность общих и специальных теоретических знаний и практических умений, связанных с конкретным видом труда. Степень владения профессиональной культурой выражается в квалификации и квалификационном разряде. Необходимо различать: а) формальную квалификацию, которая удостоверяется сертификатом (диплом, аттестат, удостоверение) об окончании определенного учебного учреждения и подразумевает систему необходимых для данной профессии теоретических знаний; б) реальную квалификацию, получаемую после нескольких лет работы в данной области, включающую совокупность практических навыков и умений, т. е. профессиональный опыт.

Экспектабельная модель профессиональной культуры прогнозирует, что ее носителем будет всесторонне развитая личность современного специалиста.

Основными содержательными компонентами данного вида профессиональной культуры могут и должны быть:

— **общеобразовательная культура**, характеризующая уровень овладения общетеоретическими знаниями, навыками и умениями, необходимыми для повседневной жизни и деятельности;

— **специальная культура**, представляющая собой совокупность знаний, навыков, умений, необходимых для эффективного выполнения профессиональных обязанностей, а также уровень овладения ими;

— **нравственная культура**, которая характеризует уровень овладения нравственными принципами, нормами и правилами поведения в социально-профессиональной группе и обществе в целом;

— **правовая культура** специалиста характеризуется знанием законодательства, глубоким уважением к закону и их пониманием, исполнением и применением в практической деятельности;

— **культура мышления и речи** — это необходимая составная часть профессиональной культуры специалиста, характеризующая собой уровень овладения законами и методами формальной логики, стройно-логической речью, правильным произношением, ударением, интонацией и т. д.;

— **техническая культура** предполагает наличие у специалиста знаний и навыков в эксплуатации и применении различных технических средств и устройств в первую очередь необходимых для достижения высокого результата в профессиональной деятельности;

— **эстетический компонент** профессиональной культуры специалиста характеризуется его способностью видеть прекрасное в действительности и в искусстве, формировать чувство прекрасного у себя и у других людей, стремлением к красоте;

— **административная культура** профессионала предполагает знания теории управления, организаторские навыки и способности, высокую исполнительскую дисциплину;

— **политическая культура** специалиста характеризуется наличием у него общеполитических знаний, устойчивого политического сознания и политического поведения;

— **служебный этикет** специалиста, как компонент профессиональной культуры, имеет этическую и эстетическую стороны и характеризует его уровень овладения нормами и правилами поведения, принятыми в профессиональной группе и в обществе, внешний вид.

Будучи интегрированными в профессиональную единую культуру, эти «блоки» культур пронизаны общечеловеческой культурой общения, поведения и деятельности.

Вместе с процессом зарождения и формирования профессиональной культуры возникают и специфические институты, предназначенные для развития, сохранения и распространения культурных ценностей. Особенно в этом плане следует выделить науку как общественный институт и систему профессионального образования, которая представляет собой социальную форму существования культурных процессов обучения и воспитания.

Важная **роль науки** в формировании профессиональной культуры проявляется в том, что она:

— **формулирует** сущностное понятие профессиональной культуры;

— совместно с практикой **определяет** необходимые содержательные компоненты профессиональной культуры современного специалиста;

— **формирует** через изучение учебных дисциплин элемент теоретических знаний в структуре профессиональной культуры;

— **анализирует** состояние и определяет модели профессиональной культуры;

— **прогнозирует** развитие профессиональной культуры.

Определяющую роль в формировании теоретического элемента профессиональной культуры менеджера и экономиста играют такие науки как: экономика, теория управления, правоведение, этика, эстетика, культурология, политология, филология, философия (логика) и др.

На формирование профессиональной культуры будущего специалиста влияют как особенности самой профессии, так и иные факторы. Среди них можно выделить объективные и субъективные, более или менее значимые, личностные и социальные. Объективное воздействие оказывают общемировые тенденции в развитии науки и образования, социально-философские проблемы культуры, состояние системы образования и качество образовательных услуг, культура образовательного учреждения, престижность профессии в обществе.

Основные проблемы формирования профессиональной культуры вызваны целым рядом неблагоприятных обстоятельств и тенденций, характерных для профессиональной ориентации и самоопределения личности и системы профессионального воспитания. В современном мире мы сталкиваемся с коммерциализацией образования, которая ведет к тому, что платное образование становится недоступно широким слоям населения. Согласно законам нового времени идеалы и герои поменялись: рабочего парня, технического специалиста, инженера сменил преуспе-

вающий банкир, офисный служащий. Проведенный опрос старшеклассников в различных школах с предложением оценить профессии по десятибалльной системе привел к тому, что наиболее интересными представляются профессии юриста, оператора ЭВМ, бухгалтера, а профессии педагог, работник коммунальных услуг, токарь, работник связи, штукатур набрали минимальное количество баллов. Парадокс времени заключается в том, что потребности общества не совпадают со спросом работодателя — все эти Немодные профессии значатся в разделе объявлений «Срочно требуется...».

Среди субъективных факторов профессиональной культуры особо следует выделить осознание студентом важности и необходимости выбранной профессии, желание освоить и прилежание в освоении данной профессии, а также его общую культуру.

Одним из важнейших факторов формирования профессиональной культуры является культура образовательного учреждения, где студент получает теоретические знания в избранной сфере профессиональной деятельности, и культура организаций, где проходит производственная практика. Для ряда творческих коллективов, к которым можно отнести и образовательные учреждения, может быть характерна культура деятельности с ориентацией на групповой метод работы, способностью действовать в команде и брать ответственность на себя за решение какой-либо задачи. Если руководитель создает условия для работы групп, то студенты могут приобрести опыт работы в команде и ответственности за порученное дело.

Особую роль в становлении профессиональной культуры специалиста играет педагогическая культура, включающая систему механизмов передачи знаний и нравственных ценностей молодому поколению и охватывающая не только педагогов, но и других субъектов образовательного процесса. Под ее влиянием складываются и функционируют индивидуальные габитусы учащихся, начинается формирование профессиональных культур.

Современная профессиональная культура развивается в условиях возрастания внимания общества к этике, в т. ч. и профессиональной. В начале XXI в. на смену этике свободы и справедливости пришла этика ответственности. В классической ее модели субъект самостоятелен и свободен, обладает разумом, способен понимать мотивы своих поступков и ответственен за последствия своих действий. В основе неклассической этики ответственности — языковой дискурс. Это коммуникативная этика, выступающая за рациональное аргументирование, стремление к консенсусу, диалог. Компонентами этической ситуации называются субъект, интерсубъект, (общество, группа), интерпретации и дискурсы, ценности, предмет оценки, речевые и письменные акты, последствия поступков, контекст. Процесс формирования профессиональной культуры, включающий теорию и практику разрешения профессиональных ситуаций может и должен строиться на основе анализа их интерпретаций и возможных последствий, с учетом разных систем ценностей и оценки.

Отмечая особое воздействие на становление специалиста общемировых тенденций развития образования, типа организационной культуры, особенностей профессиональной этики, общекультурной подготовки и диалогизации образовательного процесса, в качестве существенных черт современной профессиональной культуры выделим наличие специальных (в т. ч. этических) знаний, навыков и умений, нор-

мативность, относительную замкнутость, и, в то же время открытость, способность к диалогу и восприятию новых идей.

В профессиональной культуре, как и в любой другой отрасли культуры действуют два начала — консервативное, обращенное к прошлому и поддерживающее с ним преемственную связь, и творческое, обращенное к будущему и создающее новые ценности. Консервативные элементы — такие как, нормы, правила, традиции — являются интегрирующим механизмом культуры и позволяют сохранить специфику профессии и организации. Через традиции происходит трансляция ценностей, осуществляется коммуникация работников. Профессиональная культура включает в себя разнообразные модели поведения ее носителей, включая творческие. Творчество, характерное для человека, является сутью культуры, в т. ч. и такой ее отрасли, как профессиональная культура. Несмотря на относительную замкнутость, современная профессиональная культура может и должна быть открыта внешним идеям, это культура диалога и полилога, в русле которых формируется личность, в т. ч. личность профессионала.

Литература

1. *Ананченко М. Ю.* К вопросу о сущности и факторах формирования профессиональной культуры специалиста // Сборник статей и тезисов. Архангельск, 2003.
2. *Борзенков Н. И., Борисенко Л. О.* Военно-профессиональная культура офицера. Петродворец, 2007.
3. *Беспалова С. В., Мищенко Л. И.* Проблемы формирования профессиональной культуры будущего специалиста // Сборник статей и тезисов. Курск, 2004.
4. *Кравченко А. И.* Культурология. М., 2006.
5. *Майорова Л. В.* Повышение уровня профессиональной культуры будущего специалиста ФКиС и перспективы развития социологического центра РГАФК // Теория и практика физической культуры. 2001. № 10.
6. *Новиков А. М.* Об аспектах и уровнях развития профессиональной культуры специалиста // <http://anovikov.ru/atikle/urov.htm>. 2005-2009.

Е. А. Бочков

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Именно исторические знания составляют базис патриотических качеств человека. Можно ли любить свою страну, презирая ее историю? Ответ, на наш взгляд очевиден, нет. Вот почему вокруг тех или иных исторических событий порой разгораются ожесточенные споры.

В 1990-е гг. государственно-патриотическое воспитание фактически было исключено из системы образования. Не случайно основной удар был нанесен по историческим дисциплинам. Под прикрытием борьбы с «мифами советской историографии» школьные и вузовские учебники по отечественной истории были заполнены псевдонаучными материалами, искажающими нашу историю. Уровень и качество исторических знаний школьников и студентов опустились до критического уровня. К сожалению, последствия этого не преодолены и до настоящего время.

Проводя занятия по «Отечественной истории», преподаватели с горечью отмечают, что студенты не знают базовых основ истории российского государства и общества.

Еще четверть века назад мы гордились отечественной системой образования и уровнем подготовки наших студентов. Как глубочайшее невежество и дикость воспринимались в нашем обществе примеры, когда на вопрос корреспондента — «против кого воевали США во Второй мировой войне?», американские школьники отвечали — «против России». С глубочайшим прискорбием приходится констатировать, что сегодня отдельные представители российского студенчества «догнали и перегнали» Америку по этому показателю. На экзамене по истории можно услышать ответы отдельных представителей молодого поколения, что в 1939 г. «между Германией, Италией, Японией и СССР был подписан антикоминтерновский пакт»; что «Великая Отечественная война началась в 1939 г., а закончилась в 1941 г.»; что «советскими войсками, оборонявшими Москву в ноябре—декабре 1941 г., командовал М. И. Кутузов».

У значительной части молодых людей представление о событиях Второй мировой (1939—1945 гг.) и Великой Отечественной (1941—1945 гг.) войн сформировалось не на основе научных источников, а в результате знакомства с низкопробными литературными произведениями и кинофильмами. После просмотра таких фильмов, как «Штрафбат» (режиссер Н. Досталь) или «Последний бронепоезд» (режиссер З. Ройзман), у зрителя складывается мнение, что войну выиграли не бойцы и командиры Красной Армии, а штрафники и уголовники.

Уже два десятилетия наши дети и внуки учатся по учебникам, изданным на деньги западных спонсоров. Какие идеи заложены в эти учебники, ни для кого не составляет секрета. По данным Санкт-петербургского историка профессора А. В. Похилюка, из 40 учебников и учебных пособий, рекомендованных для преподавания исторических дисциплин в школах, большинство предвзято и извращенно освещают факты отечественной истории, в том числе истории Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), а по своему содержанию являются антипатриотическими.

Сегодня история Второй мировой (1939—1945 гг.) и Великой Отечественной (1941—1945 гг.) войн становится не только предметом научных дискуссий, но и полем идеологической войны, ведущейся против России. Попытки фальсификации событий и фактов Второй мировой войны предпринимались западными историками и публицистами уже давно. Цель их заключалась в том, чтобы принизить роль СССР в разгроме фашизма и выставить себя в более достойном виде. Для ее достижения использовались самые разнообразные способы — от откровенной лжи, до «утонченных» идеологических провокаций.

В современных условиях мы наблюдаем качественно новый уровень фальсификации истории и ревизии научной концепции историографии Второй мировой и Великой Отечественной войн. Особую опасность для формирования объективной картины прошлого представляет вовлечение в процесс фальсификации отечественных историков, публицистов, представителей СМИ. Причины активизации таких деятелей различны: кто-то выполняет политический заказ и обрабатывает гранд, выделенный западным фондом (типа «Фонда Форда» или «Фонда Сороса»); кто-то на волне тотального охаивания истории своей страны пытается добиться дешевой

популярности и сделать карьеру; кто-то в силу своей некомпетентности и непрофессионализма распространяет не поверенную (лживую) информацию.

На прилавках книжных магазинов по-прежнему немало произведений, в которых предпринимаются попытки переложить на Советский Союз ответственность за развязывание Второй мировой войны, а история Великой Отечественной войны освещается только в черных тонах (например, публикации Ю. Н. Афанасьева и В. Б. Резуна).

Вопреки реальным фактам и здравому смыслу В. Б. Резун (литературный псевдоним В. Суворов) с точностью до наоборот пытается доказать, что во Второй мировой войне Советский Союз был агрессором, а Германия — обороняющейся стороной. Однако при научном подходе к изучению концепции В. Б. Резуна становится ясно, что аргументация автора не выдерживает критики. По мнению российского историка М. И. Мельтюхова, книги В. Б. Резуна написаны в жанре исторической публицистики и представляют собой некий «слоеный пирог», когда правда мешается с полуправдой и ложью. Профессор В. А. Невежин, критикуя произведения В. Б. Резуна, отмечает не только слабость их документальной базы, но и тенденциозность в цитировании мемуарной литературы, подтасовку исторических фактов, предвзятость в трактовке событий.

Серьезные западные ученые также предъявляют большие претензии к автору «Ледокола». Директор Каммингсовского Центра по изучению России и Восточной Европы Тель-Авивского университета профессор истории Г. Городецкий (Израиль) опровергает многие приводимые В. Б. Резуном утверждения, указывает на присутствие в его работах множества вырванных из контекста цитат, недобросовестное использование им ссылок на источники, а также на другие признаки фальсификации и заведомого подлога. Профессор Рурского университета Б. Бонвеч (ФРГ) прямо говорит о попытке провести ревизию политики национал-социалистов и снять с Германии вину за нападение на СССР. Характеризуя деятельность В. Б. Резуна на литературном поприще, германский историк пишет: «Подход В. Суворова к источникам и литературе крайне непрофессионален и сомнителен».

Цель подобных публикаций — сформировать у читателя негативное отношение к отечественной истории; внушить, что весь наш предыдущий исторический путь — это путь ошибок. И вот уже негодяи и предатели (типа генерала А. А. Власова) представляются героями, а те, кто защищал свою Родину от агрессора, объявляются апологетами тоталитаризма.

В Украине, Эстонии, Латвии и Литве на государственном уровне чествуются бывшие прислужники германского фашизма — легионеры эсесовских формирований; национальными героями объявляются палачи, на руках которых кровь тысяч замученных людей разных национальностей — русских, украинцев, белорусов, поляков, евреев...

В преддверии празднования 65-летия Победы Советского Союза над фашистской Германией научная общественность должна четко обозначить свою мировоззренческую и нравственную позицию в вопросе освещения и оценки событий Второй мировой и Великой Отечественной войн. 25 марта 2010 г. в Волгограде Президент Российской Федерации Д. А. Медведев на встрече с ветеранами Великой Отечественной войны подчеркнул: «Мы не вправе допускать реабилитации нацистских пособников. Мы не можем закрывать глаза на героизацию тех, кто... воевал

против своего народа». Воспитание у молодежи любви к своей Родине, готовности к служению на ее благо возможно лишь на основе объективного освещения отечественной истории. Задача историков — не замалчивать трагические страницы нашего прошлого, а извлекать из этого уроки, формировать высокие нравственные качества.

В. П. Буко

КАТОЛИЦИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Международная политика на современном этапе представляет собой сложную и взаимосвязанную систему, которая охватывает различные стороны общественной жизни. Кроме того, следует учитывать, что в системе международных отношений можно выделить множество самых различных общественных организаций и институтов, деятельность которых требует специального анализа. Наряду с политическими институтами государственной власти огромными возможностями воздействия на международные отношения обладает и церковь. Влияние той или иной церкви в первую очередь зависит от ее роли и значения в данном государстве, регионе и в мире. В Европе в этом плане значительную роль играет католическая церковь. Для религиозных конфессий, что в первую очередь и определяет его важную роль в обществе.

Активная общественная деятельность Католического Костела практически всегда имела непосредственный выход на политику. Это по-разному проявлялось на различных этапах исторического развития. Характерно, что политическая активность католицизма имела различную направленность.

Католицизм является одной из ведущих христианских конфессий, занимающих важнейшее место не только в духовной жизни большинства западных стран, но и оказывающих огромное влияние на политику. Организация католической церкви отличается строгой централизацией, монархическим и иерархическим характером. На протяжении многих веков католицизм был господствующей идеологией в странах Западной Европы. Особенно велика была роль католической церкви в эпоху феодализма. Современная католическая церковь — крупная религиозно-политическая, идеологическая организация, центр которой — папское государство Ватикан (постоянная резиденция главы церкви — папы римского).

В современном мире католическая церковь имеет разветвленную сеть массовых организаций. Весь церковный аппарата с его огромной, подчиненной строгой дисциплине армией священников (более 400 тыс.), с многочисленными организациями, с его благотворительными и другими учреждениями используется для религиозного воздействия на народные массы. Католическая церковь в своей социальной практике использует печать, кино, радио, телевидение; имеет свои католические университеты и другие учебные заведения. Католическая церковь в значительной мере опирается на католические партии (Христианско-демократическая партия — в Италии, Народная партия — в Австрии, Социально-христианская партия — в Бельгии, и др.), католические профсоюзы, сельские, молодежные, женские многие другие организации. Большинство светских католических общественных организаций объединены в систему «Католическое действие». Значительно расширяется

участие верующих католиков в общедемократических движениях, углубляется расхождение среди участников католических организаций, в них появляются левые группы, выступающие против реакционного клерикализма, требующие осуществления демократических реформ.

Современная католическая церковь демонстрирует всему миру большие резервы, способность и возможность приспособиться к новым реалиям, использовать в изменяющейся обстановке свой многовековой опыт. Подтверждением тому является ситуация в Республике Беларусь, где католическая церковь в силу своих возможностей пытается все в большей мере воздействовать на происходящие здесь политические процессы. Это касается как сугубо внутривнутриполитических проблем, так и вопросов, связанных с международной политикой нашей страны.

Проблема взаимосвязи религии и политики приобрела особую актуальность в последней четверти XX столетия. Появление таких ярких и нетрадиционных феноменов, как «теология освобождения», «моральное большинство» в США, религиозно-политические движения в Польше и т. д., побудили исследователей обратить внимание на эту проблему. Один из самых цитируемых политологов современности С. Хантингтон пишет о крахе политических идеологий прошлого столетия — коммунизма, фашизма, социал-демократии, анархизма — и о «великом возвращении» религии. Реальность диктует иные формы христианского участия в политике. Духовенство и миряне начинают принимать активное участие в общественно-политических движениях, развиваются христианские профсоюзы и партии, чрезвычайно быстро прогрессирует социальная католическая мысль.

Да и сама современная политика представляет собой сложную и взаимосвязанную систему, которая охватывает различные стороны общественной жизни. В системе международных отношений можно выделить множество самых различных общественных организаций и институтов, деятельность которых требует специального анализа. Наряду с политическими институтами государственной власти огромными возможностями воздействия на мировую политику обладает и церковь. Влияние той или иной церкви в первую очередь зависит от ее роли и значения в данном государстве, регионе и в мире, а также определяется ее вероучением и социальными установками. В Европе в этом плане значительную роль играет католическая церковь.

Католицизм является одной из ведущих христианских конфессий, занимающих важнейшее место не только в духовной жизни большинства западных стран, но и оказывающих огромное влияние на политику. Организация католической церкви отличается строгой централизацией, монархическим и иерархическим характером. На протяжении многих веков католицизм был господствующей идеологией в странах Западной Европы. Особенно велика была роль католической церкви в эпоху феодализма. Современная католическая церковь — крупная религиозная, политическая и идеологическая организация, центр которой — папское государство Ватикан.

Активная общественная деятельность Католического Костела практически всегда имела непосредственный выход на политику. Это по-разному проявлялось на различных этапах исторического развития. Характерно, что политическая активность католицизма имела различную социальную направленность. После Ватиканского собора, уделившего особое внимание природе и целям политического

общества, политическим отношениям, католическое понимание взаимоотношений между церковью и политикой можно определить как призыв к активным, даже наступательным акциям в социально-политической сфере, где христиане призваны действовать в соответствии со своими религиозными убеждениями и представлениями о справедливости и общем благе.

Современная католическая церковь — крупная религиозно-политическая и идеологическая организация. Активная роль католицизма в идейной и политической жизни современных буржуазных государств определяется особенностями его структуры, историческими традициями и опытом, наличием разветвленной сети массовых организаций. Весь церковный аппарат с его огромной, подчиненной строгой дисциплине армией духовенства, с многочисленными монашескими орденами, миссионерскими организациями, благотворительными учреждениями используются для религиозного воздействия на общественное сознание. Кроме того, в современном мире католическая церковь имеет разветвленную сеть массовых организаций, активно использует в своей социальной практике печать, кино, радио, телевидение; имеет свои католические университеты и другие учебные заведения. В значительной мере она опирается на католические партии, католические профсоюзы, сельские, молодежные, женские многие другие организации. Большинство светских католических общественных организаций объединены в систему «Католическое действие». Значительно расширяется участие верующих католиков в общедемократических движениях, углубляется расслоение среди участников католических организаций, в них появляются левые группы, выступающие против реакционного клерикализма, требующие осуществления демократических реформ.

Для деятельности католической церкви характерно привлечение к выполнению социально-политического характера наряду с духовенством также католиков-мирян. Мирские организации, действующие под контролем и руководством церкви, широко используются для вмешательства в общественную жизнь, для того, чтобы влиять на внутреннюю и внешнюю политику государства.

Современный католицизм все более проникает в сферу политики и стремится выражать интересы и духовные потребности как можно большего количества людей. Система политических и идеологических взглядов католицизма воплощается в теоретической и практической деятельности различных сил общества. Политизация католицизма на современном этапе выражается, прежде всего, в религиозных формах и является одним из проявлений духовной жизни. Успех католицизма в этой сфере обусловлен тем, что человечество порой не в состоянии решить сложные социальные проблемы. Развитию процесса политизации католицизма способствуют и различные кризисные явления общества, а нередко и проблемы самой духовной жизни в тех регионах, где католическая церковь имеет глубокие корни.

Политизация современного католицизма проявляется, прежде всего, в деятельности Ватикана на международной арене. В этой области первостепенное значение отводится политическому фактору, который довлеет над религиозным. Свидетельством активизации внешнеполитической деятельности Ватикана являются также довольно частые визиты главы римско-католической церкви Иоанна Павла II во многие государства мира. Здесь, как правило, понтифик не только выступает перед многомиллионной аудиторией своих приверженцев, но и беседует с представителями государственной власти. Наиболее яркое подтверждение тому — мероприятия,

связанные с празднованием 2000-летия со дня принятия христианства. На торжества, проходившие в Иерусалиме, съехались не только представители христианской церкви, но и многие видные политические деятели мира. Католицизм в современных условиях демонстрирует всему миру большие резервы, способность и возможность приспособиться к новым реалиям, использовать в изменяющейся обстановке свой многовековой опыт. Подтверждением тому является ситуация в Республике Беларусь, где католическая церковь в силу своих возможностей пытается все в большей мере воздействовать на происходящие здесь политические процессы. Это касается как сугубо внутривнутриполитических проблем, так и вопросов, связанных с международной политикой нашей страны.

В конце 1980-х гг. началось каноническое оформление католической церкви в Беларуси. В 1989 г. была образована Белорусская католическая епархия. В настоящее время римско-католическая церковь объединяет 470 общин, в республике действует 4 римско-католических епархии и Конференция католических епископов. Католическая церковь активно занимается благотворительностью. Важную роль в этом играет организация «Каритас», которая действует по специальным программам: проект «Дети», проект «Рождественские каникулы», проект «Неделя милосердия» и т. д.

Католическая церковь в современном мире в последнее десятилетие уходящего столетия стала значительной силой в процессе изменения социальных, политических и экономических отношений. Это характерно как для отдельно взятых стран, так и для мирового общества в целом. Происходит переоценка прежних взглядов католиков и в Беларуси, они пересматривают свое отношение к окружающей действительности. Таким образом, встает проблем диалога церкви и государства по вопросам как внутреннего положения в нашей стране, так и международных отношений.

Осознание необходимости такого диалога и прежде всего по вопросам международного положения, происходит также в кругах высшего католического духовенства Беларуси. Таким образом, эта трезвомыслящая часть руководства католической церкви вместе с поддерживающими его взгляды другими силами католицизма становится мощной силой, которая оказывает давление и влияние на формирование, прежде всего, национальной государственной политики.

В среде католиков наблюдается постепенный пересмотр традиционных ценностей, усиливается поляризация мнений и взглядов на международные проблемы и связанное с этим обособление наиболее консервативных сил. Происходит столкновение политических взглядов католического духовенства с повседневными нуждами верующих, с их социальными и экономическими проблемами с их моральными и этическими идеалами. Современные процессы подтверждают необходимость и полезность диалога, его налаживания и дальнейшего развития. Естественно, при таком диалоге не может быть ущемления интересов той или иной стороны. Такой диалог становится все более насущным по мере того, как утверждается сознание необходимости выработки новых политических подходов для решения сложных международных проблем. Белорусский народ все больше свою принадлежность к единой общечеловеческой цивилизации, несмотря на то, что между государствами и народами существует множество различий экономического и политического характера.

Католицизм в настоящее время представляет собой серьезную силу в системе современных международных отношений, которая обладает многообразными формами и методами воздействия на мировые проблемы и принимает самое непосредственное участие в политических процессах, происходящих в мире. В наши дни католическая церковь в Беларуси стремится активно участвовать в международной жизни и оказывать на нее самое непосредственное воздействие.

Христиане востребованы политикой не потому, что их туда благословляет церковь, они востребованы осознанием катастрофичности политики, лишенной надежного нравственного фундамента и духовной оправданности. Христианство стремится к евангелизации общества, что подразумевает изменение общества в соответствии с евангельским идеалом.

А. Л. Виноградова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ МУЗЕЯ С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ

Одна из главных задач общества — воспитание молодого поколения. В развитии и становлении личности музей может и должен играть важную роль. Являясь носителем духовных ценностей, он помогает понять, что такое культура, выработать собственное устойчивое мировоззрение, формирующее индивидуальность личности.

Но в музейно-педагогической деятельности существуют и сложности. Молодежь — это особая социальная группа, на изучение которой направлены исследования специалистов различных областей науки. Характерные свойства данной социальной группы — это особая предрасположенность к усвоению новых знаний и максимальное разнообразие интересов. В работе с молодежной аудиторией необходимо учитывать различные особенности личности. Наиболее значимыми являются возраст и интересы.

Далеко не всегда музейные педагоги и экскурсоводы при создании и проведении программ учитывают индивидуальные особенности посетителей. Зачастую во внимание принимаются лишь возрастные и психологические особенности. Безусловно, это важно. Для аудитории младшего школьного возраста общение в музее должно быть понятным и интересным, старшеклассников необходимо настроить на размышление. Но музейная педагогика должна уделять больше внимания индивидуальным интересам и особенностям восприятия. Молодые посетители приходят в музей с различными установками.

Сегодня в музейно-педагогической практике применяются различные методы для выявления индивидуальных особенностей и интересов молодежи. В первую очередь это социологические опросы, ориентированные на особенности личности в рамках определенной образовательной программы или музейной экспозиции, и их последующий анализ. Результаты должны способствовать введению инноваций, учитывающих интересы и особенности посетителей (современная техника, интерактивные программы, задания, разработанные и направленные на закрепление знаний, элементы театрализации, др.). На основе информации об индивидуальных

впечатлениях и пожеланиях выявляются особенности восприятия музейных занятий, экскурсий представителями современной молодежной аудитории. В результате музейные педагоги могут внести в осуществляемую деятельность правильные корректировки, и, таким образом, совершенствовать процесс взаимодействия с молодыми посетителями музея в соответствии с современными тенденциями и индивидуальными и коллективными особенностями восприятия.

Во-вторых, профессиональный музейный сотрудник обращает и уделяет должное внимание индивидуальным особенностям детской и молодежной аудитории при проведении музейных занятий и экскурсий. Это позволяет правильно организовать группу, контролировать ее поведение, помогает настроить полноценное общение и взаимодействие с молодыми посетителями.

Таким образом, внимание к интересам личности в музейно-педагогической деятельности является важным фактором стимулирования познавательных процессов у молодежи, способствуя активизации познавательного интереса, повышению уровня знаний в различных областях, общему культурному развитию молодых петербуржцев.

А. Н. Волкова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Современный вуз регионального или федерального значения представляет собой большое, сложное, полифункциональное учреждение с широким спектром функций и миссий. Учебная деятельность вуза, будучи системообразующей функцией любого образовательного учреждения, неразрывно связана с его коммерческой, научно-исследовательской, воспитательной, издательской, экспертной, координационной, функцией аудита и т. д. Спектр функций зависит от возможностей вуза, его профессорско-преподавательского состава, экономической базы и т. д. Вместе с тем, следует отметить, что многогранность деятельности вуза сегодня — неотъемлемый атрибут конкурентоспособного учебного заведения.

Кроме обязательных учебно-образовательных функций, представленных в уставе вуза, он может добровольно принять на себя ряд миссий: социально значимых видов деятельности общественного, гражданского, культурного и иного значения. Например, таких функций, как культуроохранная, пропагандистская, издательская, просветительская, селекционная, туристская, спортивно-массовая, архивная, выставочная и т. д. Миссия — это ставшая традицией общественная или коммерческая деятельность вуза, вошедшая в его имидж в глазах потребителей образовательных услуг и населения в целом. Наличие у вуза миссии также является необходимым атрибутом современного учебного заведения, придавая ему ореол солидности, преуспевания, особого вклада в жизнь региона, города, страны, общества в целом.

Полифункциональность вузовской деятельности и наличие у него собственной миссии является первым и важнейшим фактором, вызывающим необходимость выработки взвешенной образовательной политики. Под политикой будем понимать сформулированные коллективом вуза (преподаватели, студенты, учебно-вспомогательный персонал) и его администрацией приоритетные стратегические

и тактические направления его деятельности. Другие факторы, вынуждающие вуз формулировать образовательную политику, мы видим в следующих обстоятельствах:

- особенности региона, на территории которого работает вуз, его демографические, социальные, культурные, производственные особенности;
- экономический потенциал вуза;
- конкуренция с другими вузами в области образовательных услуг;
- тенденции в развитии профессиональной подготовки по специальностям, осуществляемым вузом;
- состояние соответствующих профилю вуза областей науки и практики;
- состояние научно-производственной базы вуза;
- структура спроса на выпускников вузов в регионе;
- особенности профессорско-преподавательского состава вуза;

Отметим, что наличие ясной и взвешенной образовательной политики вуза сказывается на его живучести, престиже, месте на рынке образовательных услуг, научных достижениях и т. д.

Образовательная политика — не новое понятие для вузов, в том или ином виде она формулировалась всегда. Однако в современных условиях она заслуживает самого пристального внимания и тщательной проработки по ряду причин.

Во-первых, коммерциализация вузов, зависимость их экономического преуспевания от различных особенностей конкретного вуза. Во-вторых, конкурентность вузов в условиях их явной избыточности в Санкт-Петербурге и Москве. В-третьих, рост значения таких факторов, как внеучебная деятельность вуза, его престиж, миссия в обществе. В-четвертых, необходимость перестраивать деятельность вуза в связи с тенденциями глобализации общественной жизни. Остановимся на последнем факторе подробнее.

Глобализация — заметное явление современного общества. Она проявляется в различных сферах жизни общества: свобода в движении товара, капитала; свобода миграции и социальной динамики людей; слияние коммерческих структур в транснациональные объединения; унификация и стандартизация; уменьшение роли территориально-этнических образований и рост роли надгосударственных структур;

Можно выделить следующие аспекты глобализации:

- экономика (производство, потребление, движение капитала и рабочей силы). В этом аспекте появляются новые паттерны производства и торговли, инвестиций, предпринимательства;
- культура, обмен и взаимопроникновение. Культурологический аспект глобализации относится к антропологии и исследованиям культуры, в котором глобализация рассматривается как ряд культурных потоков, столкновений разных культур и культурная гибридизация;
- миграции населения и свобода выбора места жительства, самоопределения личности;
- становление информационного общества, унификация языка, появление международных языков (английский, испанский);
- взаимовлияния религий, создание межконфессиональных советов и союзов, единение церквей;

- смена ценностей и акцентов бытия, формирование идентичностей, определения и распределения знаний, утверждения ценностей и нормативных институтов, конструирования и восприятия символических форм;
- изменение типа личности, самосознания и человеческого идеала;
- социально-политический аспект, сосредоточенный на уменьшении роли национального государства и связанного с ним типа общества, развитие наднациональных образований.

Особенность современной волны глобализации в том, что она является многоаспектной, охватывает практически все стороны социальной жизни. В том числе она охватывает систему образования, изменяя весь институт образования и науки.

Глобализация в образовании, на наш взгляд, выражается в развитии ряда новых тенденций в обучении и воспитании. Отметим следующие проявления глобализации:

1. Ориентация на общие для европейских стран стандарты образования (Болонский процесс), унификация образовательного стандарта.
2. Стандартизация образовательных программ, обеспечивающая личности возможность продолжать прерванное образование в различных вузах внутри страны и за рубежом.
3. Развитие сети надрегиональных и наднациональных вузов с представительствами в разных регионах и странах.
4. Появление новых, универсальных профессий на стыке старых, узколокальных, позволяющих специалисту мобильность в профессии.
5. Многоступенчатость образования, обеспечивающая личности его преемственность, выбор любого уровня в специальности и любой специализации.
6. Международные обмен и контакты специалистов: студентов, аспирантов, преподавателей.
7. Укрепление позиций международных языков общения и обучения (английский, испанский).
8. Свободное движение идей в едином информационном пространстве благодаря изданиям любой литературы и услуг Интернета.
9. Развитие альтернативного образования, появление негосударственных вузов.
10. Сотрудничество вузов в рамках творческих и коммерческих договоров.

Надо отметить, что глобализация в образовании гораздо меньше осмысливается и обсуждается, львиная доля соответствующей литературы посвящена экономическим и политическим аспектам глобализации. Вместе с тем, именно в системе образования осуществляется становление нового мышления, не скованного местническими представлениями, не ограниченного узкими рамками отдельных наук или отраслей. Глобализация востребует новых людей, с более широким кругозором и универсальностью их жизненных ориентиров. Кроме того, глобализация ставит вузы в другие условия деятельности, создает им иные цели и приоритеты, которые следует учитывать при разработке образовательной политики.

В условиях рыночной экономики жизнеспособными оказываются только конкурентоспособные учреждения. Конкурентоспособное образовательное учреждение — это учреждение, которое обеспечивает устойчивый уровень качества образовательных услуг. Когда образовательное учреждение предлагает образовательные

услуги и обеспечивает устойчивый уровень их качества, то оно начинает работать над созданием собственного имиджа.

Идея о связи имиджа организации с ее конкурентоспособностью не является новой. Научные исследования свидетельствуют, что главной функцией имиджа является формирование положительного отношения к кому-либо или чему-либо. Если положительные отношения сформировано, то за ним, как результат влияния социальных связей, обязательно последуют доверие и, в свою очередь, — высокие оценки и уверенный выбор. Такова психологическая цепочка, порожаемая положительным отношением. К тому же положительный имидж, как правило, способствует повышению престижа, следовательно, авторитета и влияния. Позитивный имидж является также важным фактором высокого рейтинга, что очень важно в насыщенной разнообразной информации публичной деятельности.

Следует отметить, что положительный имидж формируется только на основе устойчивой качественной образовательной услуги. Определение качества услуги в образовательной системе является проблемой, требующей привлечения системы экспертных оценок данных. Однако, прежде чем говорить об имидже образовательного учреждения, необходимо уточнить смысл понятия «имидж».

Понятие «имидж» чаще всего трактуется как целенаправленно формируемый образ, призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие на кого-либо в целях популяризации, рекламы и т. п. [7].

Отметим, что уже существуют попытки создать целостную систему образовательной политики вуза через разработку его имиджа [1; 3; 4; 5].

Под имиджем образовательного учреждения понимают сложившийся в массовом сознании эмоционально окрашенный образ, определяемый соотношением между различными сторонами его деятельности и транслируемый во внешнюю среду.

В статье М. С. Пискунова, подробно характеризующего структуру и механизмы формирования имиджа образовательного учреждения, указано: «Можно встретить и такое определение: имидж общеобразовательного учреждения — это эмоционально окрашенный образ школы, часто сознательно сформированный, обладающий целенаправленно заданными характеристиками призванный оказывать психологическое влияние определенной направленности на конкретные группы социума» [7, с. 44].

Автор-составитель книги «Имиджология» В. М. Шепель к основным характеристикам имиджа образовательного учреждения относит в первую очередь образ руководителя (его способности, установки, ценности социально-психологические характеристики, внешний вид), затем образ персонала образовательного учреждения (социальные данные, культура, профессиональная компетентность, личностные характеристики и т. д.), кроме этого, уделяется внимание представлению социального окружения о качестве образования, стиле учебного заведения, уровне комфортности среды образовательного учреждения, цене образовательных услуг и внешней атрибутике [9].

Как утверждается в статье И. Р. Лазаренко, проблема представления образовательного учреждения как открытой социально-педагогической системы (создание имиджа) существовала всегда, но в современных социокультурных условиях она проявляется особенно отчетливо. Связано это как с процессами становления и

развития различных типов и видов образовательных учреждений, с сокращением численности учащихся, так и с отсутствием понимания целей, содержания, педагогических инноваций со стороны родителей [6].

Говоря об имидже, необходимо иметь в виду, что у него всегда есть две стороны: одну определяет отношение к нему внешних аудиторий, которым собственно адресован данный имидж, и другая — данный имидж в представлении самого носителя имиджа, а именно учебного заведения. Из сказанного логично следует два вывода. Первый вывод, если мнения сторон совпадают — эффект (общественный и коммерческий) получается положительным, если существует диссонанс между мнениями, желаемый результат не достигается. Вывод второй, профессиональный подход к формированию желаемого имиджа учебным заведением должен строиться на полномасштабном и всестороннем изучении аудитории, которой данный имидж адресован.

С понятием имиджа тесно связана и репутация образовательного учреждения, которая складывается из нескольких составляющих и которая удерживается в массовом сознании долгие годы. Отличие имиджа от репутации, на наш взгляд, заключается именно в том, что репутация является итогом построения имиджа.

Бесспорно, что качество имиджа — это не только психологический аванс, но и вполне внятные материальные инвестиции, которые учебное заведение может получить в перспективе.

Можно выделить постоянные и переменные слагаемые позитивного имиджа образовательного учреждения.

К числу постоянных имиджа относятся:

- четкое определение педагогическим коллективом миссии и концепции образовательного учреждения;
- оптимистичный настрой и доброжелательный микроклимат в учительском и ученическом коллективах;
- педагогическая, социальная и управленческая компетентность сотрудников;
- сформированный образ руководителя-профессионала, лидера, личности яркой, увлеченной, обладающей неформальным авторитетом, способной вдохновить коллектив на достижение высокой цели;
- эффективная организационная культура образовательного учреждения, включающая разделяемые всеми нормы, ценности, определенную философию управления, весь спектр взглядов, отношений, определяющих специфику поведения коллектива в целом;
 - качество образовательных услуг;
 - наличие и функционирование детских общественных организаций;
 - связи образовательного учреждения с различными социальными институтами, высшими учебными заведениями и т. д.;
- уклад образовательного учреждения в развитие образовательной подготовки учащихся, их воспитанности, психических функций, творческих способностей, формирование здорового образа жизни;
- забота администрации об оказании своевременной актуальной психологической помощи отдельным участникам образовательного процесса (тем или иным ученикам, молодым специалистам, испытывающим затруднения родителям и пр.);
- наличие яркой внешней символики.

К числу переменных имиджа можно отнести:

- содержание миссии и приоритеты образовательного учреждения;
- виды образовательных услуг;
- материальную базу образовательного учреждения.

Следовательно, при работе над созданием устойчивого позитивного имиджа образовательного учреждения необходимо первостепенное значение придавать, прежде всего, неизменным и постоянным компонентам. На наш взгляд, с позиции управления образовательным учреждением выявленные составляющие условно можно сгруппировать в следующие блоки:

- комфортность среды образовательного учреждения (оптимизм и доброжелательность в коллективе, своевременная психологическая помощь отдельным участникам образовательного процесса и пр.);

- качество образовательных услуг (вклад учебного заведения в развитие образовательной подготовки учащихся, их воспитанности, психических функций, творческих способностей, формирование здорового образа жизни; ясное видение целей образования и воспитания, сформулированное в миссии образовательного учреждения и т. д.);

- позитивно воспринимаемый стиль образовательного учреждения (эффективная организационная культура школы; наличие и функционирование детских общественных организаций и т. д.);

- позитивный образ руководителя и персонала образовательного учреждения (педагогическая, социальная и управленческая компетентность сотрудников);

- яркая внешняя атрибутика (наличие внешней символики, ритуалов и пр.).

Имидж всегда направлен на стимулирование положительных эмоций и их проецирование, на те услуги, которые оказывает образовательное учреждение. Имидж, как правило, является средством воздействия на общественное мнение. Так как результат обучения зачастую отдален во времени и может не осознаваться самим обучающимся, то необходимо учитывать такие особенности имиджа, как универсальность и уникальность. Универсальность может выражаться как в унификации научных подходов, понятий, принципов и факторов, так и в стандартизации требований, показателей качества, использовании технологий и методов обучения. Уникальность в данном случае проявляется в выборе образовательных учреждений, специализаций, востребованных на рынке труда и повышающих конкурентоспособность специалиста.

Таким образом, формирование оптимальной образовательной политики современного вуза зависит от учета рыночных условий, возможностей вуза, его включенности в глобальное взаимодействие с обществом и другими образовательными учреждениями, тщательно проработанного имиджа и как итог — репутации вуза.

Литература

1. *Аликперов И.* Формирование имиджа образовательного учреждения: западный и российский варианты // Международные отношения в развитии социально-экономических процессов в странах СНГ: материалы междунар. науч.-практ. конф. (14–15 июня 2001 г., Омск). Омск, 2001.

2. *Варданян М. А.* Имидж педагога с позиции сбережения здоровья субъектов образовательного процесса // PR в образовании. 2006. № 3. С. 56–74.

3. *Вифлеемский А.* PR-технология в образовании // Управление школой. 2003. № 22. С. 6.
4. *Зуева Е. И.* Подходы к формированию имиджа образовательного учреждения // Сб. статей к четвертой международной научно-теоретической конференции «Образование и наука в третьем тысячелетии». Барнаул, 2002.
5. *Карпов Е. Б.* Имидж в образовании // PR в образовании. 2003. № 6. С. 40–50.
6. *Лазаренко И. Р.* Формирование имиджа образовательного учреждения как управленческое новшество // Педагог. 2000. № 9.
7. *Пискунов М. С.* Имидж образовательного учреждения: структура и механизмы формирования // Стандарты и мониторинг в образовании. 1999. № 5. С. 29–32.
8. *Черепанова В. Н.* Формирование индивидуального имиджа педагога как средство реализации гуманистической концепции образования: дис. ... канд. пед. наук. Тобольск, 1998.
9. *Шепель В. М.* Имиджелогия: секреты личного обаяния. М., 1997.

Р. Э. Герман

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В ОБОСНОВАНИИ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Использование исторических мифов в качестве управленческих механизмов — явление распространенное. На значимость мифологии в контексте структурирования власти и управления указывали Э. Кассирер и С. Москвичи [1]. Основная функция мифа — в мобилизации эмоционального компонента коллективного сознания и в преобразовании его в систему прямых действий, направленных на легитимацию либо переструктурирование политического пространства [2].

Особенно явно процесс мифологизации сферы политики при помощи образов истории в России просматривается в региональном политическом пространстве. Объяснения этого явления лежат в следующих плоскостях. Во-первых, региональное политическое пространство в 1990-е гг., в отличие от уровня центральной власти, в меньшей степени оказалось вовлечено в демократический транзит.

Во-вторых, в результате региональной фрагментации в России оказались затруднены коммуникационные процессы общенационального и межрегионального масштаба. Нехватку информации помогали преодолевать мифологические конструкции, для которых точность деталей менее важна, чем правдоподобие и соответствие уже сформированным фреймам массового сознания [3].

И, наконец, региональные политические элиты, которые в пространственном отношении были гораздо ближе к руководимым ими сообществам, нежели центральная власть, и были более на виду, нуждались в формировании дополнительного механизма легитимации.

Формирование региональной мифологии как социальная и политическая технология имеет свои особенности. От иных технологий ее отличает прежде всего отсроченный во времени (иногда очень значительно) результат. Другая особенность — результат культивируемого политического мифа может быть совершенно иным, нежели предполагалось его инициаторами.

Потребность в новой постсоветской политической мифологии в регионах уже в начале 1990-х гг. была обусловлена кризисом идентичности. Его базовыми

причинами были распад СССР и его официальной идеологии, и последовавшее за этим спонтанное и неподготовленное формирование локальных сообществ и локальных идентичностей в регионах Российской Федерации. С этого времени начинается активное формирование региональных мифологий в большинстве регионов России [4].

Новая региональная мифология, таким образом, выполняет ряд базовых функций, способствующих накоплению символического капитала региона и/или региональных акторов.

Во-первых, это легитимация наличного социального порядка, в том числе региональной власти, в том числе ее главной персоны. Вторая функция региональной мифологии — это позиционирование региона, его идентификация и четкая демаркация в ряду других и, в ряде случаев, демонстрация его функциональной уникальности [5].

Отсутствие готовых идеологических клише, которых ожидали от федерального Центра, вынудило каждый регион опираться исключительно на собственные возможности и свой мифогенный потенциал. И если национальные автономии к тому времени накопили какой-то опыт осознания своей этнической и культурной самобытности, то у краев и областей его не было.

В качестве фундамента регионального мифа выступил общеисторический миф, сложившийся еще в советские времена и частично модифицированный в перестроенный и постперестроечный периоды, вкуче с локальными краеведческими мифами, которые, адаптировав этот миф к местным условиям, стали источником множества малых мифологем. А уже из них вырос (и до сих пор подпитывается ими) нынешний локальный исторический миф [6].

Источником такого мифа — история, но в виде не хронологически упорядоченной последовательности событий, а история, превращенная в эпос.

В качестве героя, побеждающего хаос, неизменно оказывался действующий региональный лидер — губернатор или глава администрации.

После того как «народ» субъекта Федерации обретает культурного героя, избрав его из своей среды (а это избрание предстает в массовом сознании неслучайным, предначертанным), тот первым делом вступает в борьбу с хаосом, постепенно упорядочивая жизнь на подведомственной ему территории.

Перечень прочих первоочередных деяний культурного героя не отклоняется от канонов классической мифологии. Это прекращение войн и победа над враждебными силами внутри субъекта федерации, в качестве которых мог выступать кто угодно. Еще одним важным событием, связанным с наступлением эпохи культурного героя, следует считать календарную фиксацию этого события, которая тоже бывает буквальной или замещенной, когда реальные или сконструированные юбилеи празднуются с большим размахом.

Начало новой эпохи было ознаменовано исполнением культурными героями их «культурных функций»: научение людей земледелию (с именем нового лидера почти повсеместно связывали получение рекордных урожаев), ремеслам (через принятие разного рода программ развития промышленности). Сюда же можно отнести и правильное поклонение богам, часто почти в буквальном смысле: например, в ряде мусульманских республик с именем президента ассоциируют возврат к свободному исповеданию традиционной религии.

Среди культурных функций героев — научение также письменности (в том же Татарстане один из важных элементов региональной мифологии — переход на латинскую графику) и закону (законодательная деятельность в регионах неизменно противопоставлена федеральной как более рациональная и в большей степени отражающая интересы местного населения).

Следует упомянуть и формирование в субъектах федерации новых квазиязыков, использование региональных неологизмов, также недвусмысленно связанное с личностью лидеров в их качестве культурных героев. Новый язык был необходим для описания новой реальности, составляющих ее событий и феноменов, равно как и для переосмысления прежней действительности, ее переоценки.

Характерно, что все эти артикуляты, как и общая риторика региональных мифологий, не содержат прямых сепаратистских коннотаций. Культурный герой не мог открыто посягать на целостность государства, т. к. этим он разрушил бы свой образ защитника порядка.

Миф транслировал в сферу массовой коммуникации лишь положительную составляющую происходящих перемен, всячески ее преувеличивал и приукрашивал, полностью игнорируя отрицательную.

Следуя предложенным ими же самими правилам, региональные лидеры все больше усилий тратят на то, чтобы сохранить статус-кво и соответствовать образам культурного героя и верховного мага. Для этого требуется: зримо или незримо присутствовать повсюду (например, все более популярными среди региональных лидеров становятся облеты ими сельскохозяйственных угодий, полей и т. д.); лично вмешиваться в жизнь простых граждан, награждая их и карая; принимать непредсказуемые решения; демонстрировать фантастическую работоспособность.

Говоря о современной региональной идентификационной и легитимационной мифологии, следует отметить тот факт, что региональными элитами создается (а точнее, создается региональными интеллектуалами по заказу региональных элит [7]) либо собственно исторический миф, либо политический миф с обязательным использованием исторического компонента.

Региональный политико-исторический миф в различных регионах приобретает разные формы, которые можно классифицировать следующим образом:

1. Этнизация известных локальных культурных вариантов или изобретение новых. Речь идет о попытках ряда групп объявить себя особыми этносами (например, казаки).

2. Имперские мифы: русификация древних иноязычных и инокультурных общностей и «обрусение» культурного ландшафта окраин. Такие мифы выступают в различных вариантах:

а) миф о «примордиальных предках», т. е. отождествление предков с носителями материнского праязыка;

б) миф о «прародине», где «прародина» отождествляется со своим регионом, получающим, тем самым, престижный статус «материнской территории», способный подкрепить определенные политические претензии;

в) присвоение чужого культурного наследия;

г) искусственное расширение границ исторической территории;

д) миф о происхождении государства изображает регион священной землей, где надо искать истоки русской государственности;

ж) идея имперской миссии и культуртрегерства. Важным способом интеграции окраин в единое поле российской государственности служат юбилеи городов, основывавшихся русскими на землях, присоединявшихся к Российской империи. Этим подчеркивается неравенство культур и цивилизаторская миссия пришельцев-колонизаторов.

3. Идея самобытного исторического культурного очага, которая воплощается в попытках наделить свои регионы особым местом в истории России, в становлении ее государственности и культуры.

4. Идея политической специфики. В ряде случаев самобытность связывается не столько с культурными особенностями, сколько с особым политическим устройством.

5. Идея героики, делающая акцент на местных исторических деятелях, оказавших влияние на ход российской истории.

6. Геополитический миф. Иногда претензии на свою особость ищут основания не столько в культурной специфике, сколько в бесценном вкладе данного региона в развитие человеческой цивилизации [8].

Небольшие размеры данной статьи не позволяют останавливаться на конкретных примерах использования того или иного вида политико-исторических мифов.

Итак, версии исторического развития регионов и репрезентации этого развития нагружены глубоким политическим или этнополитическим смыслом. Они находятся на службе символической политики и связаны с символическим освоением исторического времени и пространства.

Уникальность регионального исторического мифа может проявляться через обращение к известным землякам — выходцам из региона, снижавшим известность и славу, апеллирование к историческому, географическому, экономическому, культурному и пр. статусу территории (проявляющееся в формировании слоганов, идеологических лозунгов, популярных символов, с помощью которых бросается вызов эмоциям социального кризиса в обществе типа), претензии на повышение регионального статуса (тема столичности, первопроходца, оплота государственности в приграничном регионе), создание региональных брендов.

Постепенно мифология находит отражение в ритуалах поведения и символизации жизни жителей региона. Региональные символы, как и другая политическая символика, обладают неязыковой сущностью и воспринимаются людьми как объективная реальность. Местные лидеры устанавливают памятные даты, закрепляющие становление субъектов федерации в терминах исторического мифа. Практически во всех регионах происходит празднование юбилейных дат со дня образования того или иного субъекта федерации. На уровне языка символизация мифов проявляется в перемене имен: регионы приобретают собственное название.

Таким образом, главное направление пафоса регионального мифа — это утверждение особенности и неповторимости регионального сообщества, позиционирование региона, демонстрация его функциональной уникальности, обоснование стратегии регионального развития. Безусловно, особое положение региона может носить объективный характер и в этом случае мифологическое оформление облегчается. От региональных элит требуется лишь институционализировать соответствующие стартовые позиции региона и особенности регионального сознания, которые уже стихийно сформированы. Такими объективными позициями могут быть особое приграничное

положение региона, соседство, уникальность географических и климатических условий (наличие курортов и потенциала для развития туризма, потенциал природных ресурсов и др.) и т. д.; древняя история, наличие опыта государственности; высокий уровень социально-экономического развития и роль донора в формировании бюджета. Причем способы мифотворчества в данных случаях могут основываться на постоянном акцентировании региональной специфики, а также на ее гиперболизации.

Итак, появление региональных мифов в современной России — это объективный процесс, связанный с реакцией регионов на кризис национальной идентичности. Отрицательной стороной регионального исторического мифотворчества как политического инструмента является произвольная трактовка исторического прошлого, изъятие из контекста, а зачастую и просто «конструирование» тех фактов истории, которые востребованы на данный момент.

Для возникновения регионального мифа, кроме мифологических оснований культуры необходима целенаправленная деятельность идеологизированных групп, состоящих, как правило, из представителей интеллигенции, которые активно формируют и распространяют конкретные политико-исторические мифы. Причем, деятельность этих групп не всегда осознается всеми ее представителями. Элитные группы региона, грамотно используя и регулируя процесс мифотворчества, апеллируют к чувствам исторической гордости за свою малую родину.

Через усиление региональной идентификации региональные политические элиты добиваются решения вполне прагматичных задач, способствуют экономическому, социальному, культурному развитию территорий в новых рамках: призывают население активнее работать на благо территории, добиваться превращения данной территории в точку роста, в некий инновационный центр. Внутри регионального сообщества формируются позитивное стремление людей работать на благо своей территории, что уменьшает утечку «человеческого капитала» из региона и способствует росту символического (и не только символического) капитала региональной администрации. Помимо данных преимуществ региональные мифы также играют большую роль при формировании четкого позитивного имиджа или образа территории, который транслируется во внешнее пространство другим территориальным сообществам. Это в свою очередь повышает инвестиционную привлекательность территории, привлекает дополнительные средства в регион, развивает локальный туризм, что не может не отразиться в улучшении инфраструктуры и на уровне жизни населения края.

Таким образом, региональный политико-исторический миф выполняет важнейшую регулятивную функцию, поскольку он выступает одним из механизмов организации социальной, хозяйственной и культурной жизни регионального сообщества, является идеологическим обоснованием региональной стратегии развития. Миф упорядочивает реальность, организует жизнь человека. Он предписывает людям правила социального поведения, обуславливает их систему ценностной ориентации.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод о том, что мифология выступает необходимым элементом в обществе. Представляя собой часть идеологии, она помогает человеку идентифицировать себя с окружающим миром. Устанавливая особые нити в отношениях, связывающих власть и общество, политическая элита активно участвует в процессе развития региональной идентичности, формируют местные мифы, и использует весь мобилизационный потенциал, который они в

себе несут. С помощью мифотворчества осуществляется позиционирование региона, формируется определенный набор ценностей и моделей поведения. Все это позволяет говорить о большом значении региональных мифов в жизни каждого региона. Более того, он влияет на представления о политических явлениях и процессах, позволяет осуществлять маркетинг территории, т. е. создавать такой социально-экономический климат, который бы повышал привлекательность территории как объекта инвестирования и среды жизнедеятельности.

Региональная мифология выступает важным механизмом формирования региональной идентичности. Она помогает упорядочить разрозненные факты местной истории, скрепить общими идеями и ценностями местное сообщество.

Таким образом, можно говорить о том, что региональная мифология становится важным фактором общественно-политической жизни российских регионов. Складывающиеся варианты региональных мифологий обуславливаются различным фундаментом, на основе которого они возникают. Причем этот фундамент зависит как от природных особенностей территории, так и от исторического наследия региона. Региональные мифы создают определенную карту восприятия региона и на уровне внутреннего сообщества и вне его, обозначают место территории на карте России.

Литература

1. *Кассирер Э.* Техника современных политических мифов. М., 1990; *Московичи С.* Век толп. М., 1996.
2. *Кассирер Э.* Избранное. Опыт о человеке. М., 1998.
3. *Реутов Е. В.* Политические мифы Белгородчины // Интернет-журнал социальных дискурс-исследований «Соционавтика». URL: <http://socionavtika.narod.ru/staty/diegesis/belmif.htm>.
4. *Малякин И.* Российская региональная мифология: три возраста // Pro et Contra. Т. 5. Зима 2000. С. 110–111.
5. *Бляхер Л. Е.* Политические мифы Дальнего Востока // Полис. 2004. № 5. С. 29.
6. *Малякин И.* Указ. соч. С. 114.
7. *Фуко М.* Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью / пер. с фр. Ч. Офертаса; под общ. ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. М., 2002. С. 72.
8. *Шнирельман В. А.* Идентичность, культура и история: провинциальный ракурс // История края как поле конструирования региональной идентичности: материалы семинара, проведенного ВолГУ и Институтом Кеннана Международного научного центра им. Вудро Вильсона 11 апреля 2008 г. / под ред. И. И. Куриллы. Волгоград, 2008. С. 10–23.

К. А. Гусев

РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НАЧАЛА XX в.: ПОПЫТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ

Новая Россия сталкивается, во многом, с теми же проблемами, на которых «споткнулись» реформаторы начала XX в. При всей противоречивости оценок, даваемых двум политико-правовым и социально-экономическим реформам, между которыми более ста лет, невозможно отрицать либеральную направленность преобразований. Догоняющая отечественная модернизация имела и имеет своей целью

создание современной конкурентной рыночной экономики, утверждение норм конституционализма и представительной демократии в политико-правовой сфере. Сохраняют научную и практическую актуальность два ключевых положения нового русского либерализма: естественно-правовая философия и концепция социальных прав лица, выраженная в принципе — «право на достойное существование».

Согласившись с И. К. Пантиним, отметим имманентную социальную проблему либерализма — его противостояние демократии, сиоиминутным интересам подданных. «Либеральная система ценностей, — говорит этот ведущий отечественный политолог, — нигде и никогда (кроме США, может быть) не была принадлежностью народных масс («простолоудинов»), а, как правило, культурной установкой «верхних», образованных классов общества. Поэтому, и практически, и исторически либерализм оказывался ни чем иным, как идеологией прежде всего буржуазии (или дворянства) или буржуазной (дворянской) интеллигенции» [1].

Существуют многообразные определения либерализма. В. В. Шелохаев и С. С. Секиринский выделяют два понимания этого термина. *Широкое* понимание характеризует сложившийся тип политической культуры с присущим ему стремлением к обеспечению индивидуальной свободы на основе и в рамках законов, понимаемых как обобщение естественных потребностей людей. В *узком* значении либерализм — это теория и практика максимального ограничения вмешательства государства в сферу экономики и социальных отношений. Политико-юридическим выражением либерализма в его зрелых формах выступает конституционализм — система конституционных правовых условий, необходимых для обеспечения в государстве свободы личности [2]. По мнению Секиринского и Шелохаева, либерализм, являясь выражением терпимости, уважения к традициям, этики компромисса, «не противостоит консерватизму, а, скорее, может рассматриваться как его второе лицо, обращенное к будущему, а не к прошлому» [3]. Не менее распространен и взгляд, противопоставляющий либерализм и традиционализм. Например, по словам А. Н. Медушевского, «либерализм — это философское и социально-политическое течение, выражающее стремление к реформам (в отличие от консерватизма, стремящегося сохранить существующий порядок)» [4].

«Великая правда индивидуалистических предпосылок раннелиберальных теорий (не отрелефлексированная самими их творцами), — пишет о создателях новоевропейского либерализма Б. Г. Капустин, — заключалась в том, что индивид, будучи, несомненно, продуктом общества, обретал свободу самоопределения по отношению к данному обществу» [5]. По мнению Б. Г. Капустина, сущностной проблемой человеческой экзистенции в Новое время стала и поныне остается проблема осуществимости «общественного порядка, общежития вообще, если в их основу кладется индивидуальная свобода, понимаемая как право (т. е. способность и возможность) человека *действовать по своему усмотрению* (курсив наш — К. Г.)» [6]. Преодолев упомянутую Б. Г. Капустиним «неотрелефлексированность» либерально-индивидуалистической классики, современный либерализм отстаивает следующий тезис: «Либералы одни стоят на позиции — пусть неопределенной, неустойчивой и необоснованной, — но которая утверждает возможность свободы в настоящем — возможность индивидуальной свободы для таких людей, как мы с вами, в хорошо известном нам социальном мире. Не отягощенный мистифицирующим наследием традиции, не обольщенный обещанием, что свобода наступит для всех в

исторически назначенное ей время, человек для либерала уже сейчас противопоставит общественному строю и требует уважения к имеющимся у него возможностям автономии, разума и деятельности» [7].

На мировоззренческом уровне либерализм проявляется в духовно-религиозной интенции свободы. Свобода мысли, совести, чувства и действия, свобода личная и социальная, является в либерализме ценностью и идеей, условием бытия человеческого духа и социальным идеалом. На философском уровне либеральная парадигма определяется как совокупность рационально-философских концепций, ставящих и решающих ряд теоретических проблем, способ решения которых и позволяет идентифицировать ту или иную философскую теорию как либеральную. Важнейшей в либерализме является философия субъективного и объективного права, что отличает его как от социализма, не учитывающего субъективные права личности, так и от анархизма, отрицающего правоограниченность действий человека. Выделив из приведенных определений либерализма политическую составляющую, подчеркнем, что либерализм — это теоретическое обоснование сочетания для каждого лица комплекса прав и свобод со всей полнотой этической и правовой ответственности, а также концепция эволюционного превращения государства в правомерно действующий институт, стоящий — в идеале — на страже прав и интересов каждого гражданина.

Рассмотрение мировоззренческих истоков отечественного либерализма, теоретических оснований русского либерального правоведения, а также социально-психологического взгляда на государство позволяет осуществить углубленный и всесторонний анализ особенностей политической теории российского либерализма. Критика концепции естественного права, изложенная в трудах виднейших представителей русской и немецкой школ юридического позитивизма, Г. Ф. Шершеневича, Ф. Ф. Кокошкина, Г. Еллинека, направлена, главным образом, против недостатков классического новоевропейского контрактуализма и юснатурализма, преодоленных школой возрожденного естественного права (Р. Штаммлер, П. И. Новгородцев, В. М. Гессен, Б. А. Кистяковский, Е. Н. Трубецкой и др.).

Исток кризиса либерального сознания на рубеже XIX–XX вв. — его изначальная теоретическая противоречивость. Новоевропейский либерализм XVII — начала XIX вв. рассматривал доктрину народного суверенитета, наиболее ярко сформулированную Ж.-Ж. Руссо, и концепцию прав лица, ограничения всевластия государства посредством провозглашения незыблемости прав и свобод человека и гражданина, а также последовательное проведение в жизнь принципа разделения властей как составные части антиабсолютистской и антифеодальной программы. Теоретические противоречия классического юснатурализма и контрактуализма, мировоззренческая слабость философской концепции естественных прав человека стали, в значительной мере, причинами конфликтного, кризисного, а временами и прямо революционного социально-исторического воплощения этих идей.

Ноевропейский консерватизм, опираясь на многообразную предшествующую социально-философскую традицию, исповедующую принципы органического развития, сложился как целостная политическая идеология в трудах Э. Берка, Р. Шатобриана, Ж. де Местра, Л. де Бональда, Г. Гегеля, немецкой исторической школы права, Н. М. Карамзина, ранних русских славянофилов, осуждавших реалии воплощения в жизнь либерального проекта. С середины XIX в. либерализм как

политико-юридическая доктрина стал придерживаться системы догматического правоповедения, отрицающего концепцию естественных прав человека. В рамках позитивистской философии идея неотчуждаемости прав лица сменилась рассмотрением государства и права как двух сторон социальной субстанции — солидарности. Традиционализм, выглядевший целостной метафизикой в трудах классиков консерватизма, в новейшее время превратился у некоторых их эпигонов в проповедь национализма и самоощущения державности.

Социальный либерализм выделяется из всего многообразия либеральных концепций через противопоставление с крайним экономическим либерализмом, принимающим во второй половине XX в. форму либертаризма. Истоки многочисленных кризисов открытого общества социальные либералы справедливо увидели не только в духовно-нравственном катастрофизме «железного века», но и в обыденной социально-экономической неустроенности. Миллионы обездоленных людей бесполезно призывать к высотам духа. Им надо помочь выбраться из полуживотного состояния, приобрести общие и профессиональные знания. В предреволюционной России, с ее обостренными социальными противоречиями, это было особенно необходимо.

Именно в России совершен первый шаг к преодолению классической либеральной парадигмы. На рубеже XIX–XX вв. в России, как и на Западе, формируется новый или социальный либерализм. Истоком политической теории нового (социального) либерализма начала XX в. стали две классические отечественные политико-философские системы, созданные Вл. Соловьевым и Б. Н. Чичериным.

Идею сочетания несомненной ценности права и свободы с неотрицанием равенства сформулировал еще Вл. Соловьев, рассматривавший право как синтез равенства и свободы. Человек, по словам основоположника концепции Богочеловечества, должен иметь не только средства к существованию, достаточный физический отдых, но и возможность пользоваться досугом для своего духовного совершенствования [8], т. е. комплекс не только политических и гражданских, но и социальных прав, который П. И. Новгородцев назовет правом на достойное человека существование.

«Истина либерализма, — писал в работе эмигрантского периода Е. В. Спекторский, — состоит, во-первых, в том, что нельзя от среднего человека требовать самозабвения и жертвенности, во-вторых, в том, что всякому человеку на известном уровне культуры независимость так же необходима, как рыба — вода, а птице — воздух, наконец, в-третьих, в том, что без инициативы отдельных личностей слишком оскудевает общественная жизнь» [9]. По мнению Спекторского, требуется не искоренение свободы, а уравнивание ее другими началами. Право, «свобода в пределах законности», и служит достижению подобного равновесия.

Еще накануне революции С. А. Котляревский признал, что либеральная теория в своих философских основаниях, т. е. идеях народного суверенитета, разделения властей, прав человека и гражданина, а также логической стройности их изложения не всегда убедительна. Но, по словам Котляревского, «возрождается опасная иллюзия», которая заключается в убежденности, что «достаточно разоблачить логические слабости и несовершенства теорий и систем», исходящих из либеральных начал, и «потребность, создавшая последние, перестанет существовать для людей». Постановка вопроса о неотъемлемых правах каждого лица, вопреки многократно

отмечаемым в истории кризисам либеральной идеологии, неколебимо возрождает убеждение: государство должно стать правовым [10].

Поэтому, теория «возрожденного естественного права», дополнившая классический юснатурализм социал-либеральными идеями — феномен опережающего интеллектуального развития. Причины того, почему идеи отечественного либерализма не были актуализированы, многообразны. Эти факторы превращения русского либерализма в «философию проигравших» (А. Янов) — предмет не только нашей работы. Но, возможно, правильнее говорить об опережающем сознании, явлением которого и были концепции отечественных «философов свободы». «Русские либералы-интеллектуалы», по словам известного отечественного историка В. В. Шелохаева, «создали *открытую* (курсив наш — К. Г.) теоретическую модель для будущего открытого гражданского общества», позволяющего личности реализовать свои потенциальные возможности. Целостная либеральная модель рационалистического переустройства России «сводилась к созданию правового государства и гражданского общества, формированию системы рыночных отношений, разработке механизмов социального партнерства, цивилизованных методов разрешения международных конфликтов» [11].

По словам профессора Л. В. Селезневой, русский либерализм рубежа XIX–XX вв. располагал *теорией заимствования*. Это позволяет решительно опровергнуть утверждение о слепом копировании русскими либеральными авторами западного опыта. А взгляды русских новых либералов, преодолевающие доктрину «позволять действовать», концепцию минимального государства, государства-«ночного сторожа», стали общепризнанным достоянием современного западного социального либерализма [12].

Предшественником и социального, и христианского либерализма является, на наш взгляд, политико-правовая концепция великого русского философа *Владимира Сергеевича Соловьева* (1853–1900). Для Вл. Соловьева характерен политический идеализм — проповедь нравственной политики, основанной на христианской этике. При этом, выдающийся русский мыслитель и социолог считает, что каждое лицо наделено не только негативными (собственность и неприкосновенность частной жизни), но и позитивными правами на «некоторые положительные услуги» (формула принадлежит не Вл. Соловьеву, а видному немецкому юристу Г. Еллинеку) со стороны общества и государства. Вл. Соловьев высказал эту мысль в этико-христианской форме — всякий человек как образ и подобие Божества имеет право на достойное существование. Отвергая социализм и анархизм, революционные радикализм и утопизм, Вл. Соловьев, одновременно с создателями западного социал-либерализма (Г. Самюэль, Э. Дюркгейм, Л. Дюги, Л. Буржуа, Ж. Клемансо, Д. Ллойд-Джордж, фабианство, катедер-социализм) и независимо от них формулирует основную для нового либерализма мысль: право на определенный, законом гарантированный минимум благ — неотчуждаемое право каждого лица.

Итак, в социально-христианской этико-правовой доктрине Вл. Соловьева мы выделим принцип права каждого лица на достойное существование, т. е. право не только иметь минимум средств для физического выживания, но и пользоваться досугом для своего духовного совершенствования. Это положение Вл. Соловьева получило глубокое развитие в теории социального либерализма, разработанной создателями концепции **возрожденного естественного права** — П. И. Новгородце-

вым, Е. Н. Трубецким, Б. А. Кистяковским, И. А. Покровским, В. М. Гессеном, С. И. Гессеном.

Другое ключевое положение Вл. Соловьева — рассмотрение государства не только как властного института и единственного создателя правовых норм, но и общества граждан, объединенных нравственной солидарностью, состраданием, милосердием, «организованной жалостью» к ближнему. Это положение станет отправной точкой тезиса о неполитическом государстве, который можно найти в работах П. И. Новгородцева, Е. Н. Трубецкого и Б. А. Кистяковского. Рассмотрение Соловьевым неправомерного закона как фактически «неправа» станет основой доктрины возрожденного естественного права. Отечественные сторонники возрождения юснатурализма в начале XX в. станут рассматривать — в отличие от новоевропейского юснатурализма — естественно-правовые нормы не как внеисторический источник права, а как незыблемый критерий для оценки действующего права и ориентир для правомерного совершенствования объективных (позитивных) норм.

Делая выводы, отметим оставшуюся новой России в наследство и от самодержавного, и от коммунистического режимов неразвитость именно правового сознания. Подлинный либерализм не имеет ничего общего с активно утверждающимися в реальности принципами «волчьей» борьбы за выживание. В условиях многочисленных неудач модернизации, воспринимаемых нередко как крах либерализма, приобретают популярность для миллионов потерявших надежду на свое достойное существование людей бессодержательно-эклектичные доктрины, цинично отвергающие основные общечеловеческие ценности. И сохраняет, поэтому, актуальность безусловно логичная и безупречно корректная критика идеологами кадетизма марксистских, анархических, равно как и праворадикальных течений. Методологии критической оценки Новгородцевым, Е. Трубецким, Б. Кистяковским, С. Л. Франком антилиберальных доктрин не мешало бы поучиться некоторым сегодняшним «записным либералам». И, разумеется, вполне современна критика Новгородцевым, Кистяковским, Е. Трубецким, С. И. Гессеном утилитаристских, релятивистских примитивно-либеральных концепций, также, нередко, провозглашаемых нынешними «большевиками от либерализма».

Литература

1. *Пантин И. К.* Историческая драма русского либерализма // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы международной научной конференции. М., 1999. С. 99.
2. *Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX — начало XX в.)* / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 4.
3. Там же. С. 5.
4. *Медушевский А. Н.* Политическая философия русского конституционализма: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 1994. С. 17.
5. *Капустин Б. Г.* Три рассуждения о либерализме и либералах // Полис. 1994. № 3. С. 14.
6. Там же. С. 13–14.
7. *Уолдрон Дж.* Теоретические основания либерализма // Современный либерализм: Ролз, Берлин, Дворкин, Кимлика, Сэндел, Тейлор, Уолдрон / пер. с англ. М., 1998. С. 137.
8. См.: *Соловьев В. С.* Оправдание добра: нравственная философия. М., 1996. С. 308.
9. *Спекторский Е. В.* Либерализм // Русская философия права: философия веры и нравственности: антология / сост. А. П. Альбов и др. 2-е изд. СПб., 1999. С. 344.

10. См.: *Котляревский С. А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915. С. 2–4.

11. См.: *Шелохаев В. В.* Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 32; Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX — начало XX вв.) / С. С. Секиринский, В. В. Шелохаев. М., 1995. С. 230.

12. См.: *Селезнева Л. В.* Российский либерализм и европейская политическая традиция: созвучия и диссонансы // *Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: материалы международной научной конференции.* М., 1999. С. 123, 128; *Новый либерализм в России* / И. Н. Сиземская, Л. И. Новикова // *Общественные науки и современность.* 1993. № 5. С. 132–140; *Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России* / И. Н. Сиземская, Л. И. Новикова // *Свободная мысль.* 1993. № 15. С. 67–80.

Н. И. Данилова

ДОВЕРИЕ К ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

В наше время современное общество редко оперирует таким понятием, как доверие. Даже если рассматриваются так называемые мягкие факторы управления — мотивация, оценка, развитие персонала и т. д., руководители видят в них инструменты повышения эффективности работы, в которых моральный и этический компонент не учитывается. Мы предлагаем включить доверительные отношения в организации в число тех факторов, которые напрямую влияют на эффективность деятельности организации.

Как правило, доверие определяется как «надежда на то, что люди, от которых мы зависим, оправдают наши ожидания» [1], и связывается с такими понятиями, как «порядочность», «честность» и «проявление заботы». В словаре Ожегова доверие — уверенность в чьей-нибудь добросовестности, искренности, в правильности чего-нибудь; в психологической энциклопедии доверие в человеческих взаимоотношениях (interpersonal trust) трактуется, как обобщенные ожидания человека относительно того, насколько можно положиться на слова, обещания, высказанные или письменные заявления другого человека или группы людей. Е. С. Яхонтова определяет доверие как готовность быть зависимым от других людей в ситуации неопределенности и в ожидании определенной выгоды от этого [3].

Несмотря на то, что определения варьируются, в целом складывается общее восприятие доверия как процесса взаимоотношений и взаимовлияний, который направлен на определение и совместное достижение поставленных целей.

Доверие — главный элемент во взаимоотношениях между людьми и их лидерами. Доверие — это чувство безопасности и комфорта в межличностных отношениях, которое необходимо для создания здорового, открытого климата в организации.

Роль доверия в общественной жизни многогранна. Оно способствует экономическому росту и эффективному функционированию рыночной экономики, социальному партнерству и демократической стабильности, личной удовлетворенности жизнью и оптимистичному восприятию будущего.

Доверие можно рассматривать с нескольких позиций: руководителя к подчиненным, взаимное доверие членов команды и т. д. Для эффективного управления человеческими ресурсами и оптимального использования возможностей внешней

среды менеджмент нуждается в доверии подчиненных, поэтому, мы ограничимся лишь анализом доверия персонала к руководству.

Доверие между руководителем и подчиненными способствует эффективной работе коллектива, выражающееся в следующем.

Во-первых, доверие помогает руководителю стимулировать рост организации, создает благоприятные условия для реализации даже весьма непопулярных, но необходимых организационных и производственных планов и программ.

Во-вторых, именно на доверии к руководству формируется лояльность персонала к организации. Лояльность персонала — это чувство преданности, как непосредственному руководителю, так и организации в целом. Оно включает не только внешнее отношение сотрудника к организации, но и внутреннее отношение человека, его намерения, силу убежденности, приверженность неким обязательствам.

В-третьих, доверие позволяет затрачивать меньше времени на деловую коммуникацию. Повышается скорость и эффективность обмена информацией между начальником и подчиненными. Подчиненному при непосредственном общении труднее игнорировать задание и проще получить все необходимые разъяснения.

В-четвертых, доверие к руководителю позволяет ему быстрее убедить сотрудника в правильности предложенной стратегии, в необходимости отданного распоряжения. Очевидно, что такой убежденный сотрудник будет работать с большей отдачей и качество его работы будет значительно выше, чем у сотрудника не убежденного.

Доверие позволяет передать многие функции управления тому, кто наиболее компетентен.

С ростом влияния человеческого фактора на производство повышается значение доверия в трудовых отношениях. Так, применительно к вложениям в образование персонала, можно говорить об уверенности, что эти вложения не окажутся напрасными: работник, развивавший свои способности в соответствии с потребностями организации, не будет уволен; сотрудники, достигшие высокой квалификации за счет средств организации, не уволятся сами. Система воспроизводства во многом неформальных взаимных обязательств участников трудовых отношений предстает одним из основных механизмов социализации обеих сторон этих отношений, осмысления ими своего общественного статуса и социальной роли.

В каждой организации доверие должно предопределять взаимоотношения между коллективом работников и высшим управленческим персоналом для реализации установленных целей. Поддержка работниками высших руководителей создает благоприятные условия для решения стратегических задач, формирования планов, принятия и проведения в жизнь инвестиционных решений и др.

В любой организации доверие проявляется и формируется через позитивное и последовательное поведение руководителя. Е. С. Яхонтова отмечает, что доверие выражается в следующих элементах поведения руководителя:

- 1) информирование, т. е. предоставление персоналу информации по ключевым вопросам организационной жизнедеятельности;
- 2) открытость сознания менеджера для мнений, оценок и предложений подчиненных, обеспечивающая наличие и эффективность действия каналов обратной связи, участие персонала в разработке и принятии управленческих решений, информированность менеджеров о деятельности подчиненных;

3) предоставление персоналу возможности контроля над своим поведением и процессом принятия управленческих решений [2].

Мы выделим такие элементы, как:

1) умение относиться к каждому сотруднику как к личности, принимая во внимание характер и интересы каждого работника — еще один шаг к завоеванию лояльности персонала. Индивидуальный подход поможет надолго завоевать доверие и преданность подчиненных;

2) прозрачность бизнес-решений и финансового положения компании также поможет завоевать расположение сотрудников фирмы. Сотрудникам нужно знать, какой вклад они внесли в развитие компании, а открытость в ведении бизнеса только укрепляет доверие к руководству;

3) внедрение справедливой системы поощрения сотрудников — еще один шаг на пути достижения нужной цели. Премии, выплачиваемые за реальный вклад в процветание фирмы, а не за выслугу лет, с одной стороны, послужат своеобразным стимулом для персонала, а с другой — в очередной раз докажут внимательное отношение компании к каждому сотруднику и укрепят доверие;

4) предоставление возможности для карьерного роста: тренинги, курсы повышения квалификации, семинары. Если в компании открываются новые вакансии, следует дать возможность собственным сотрудникам претендовать на них в первую очередь.

Доверие — необходимое условие авторитета руководителя. Можно выделить следующие ключевые факторы, от которых зависит доверие: профессионализм и компетентность, результативность деятельности, порядочность во взаимоотношениях и проявление заботы о людях.

Профессионализм и компетентность. Эффективность работы сотрудника во многом зависит от степени его доверия руководителю как профессионалу. Следовательно, если руководитель хочет повысить степень доверия подчиненных, ему стоит позаботиться о том, чтобы:

- иметь высшее образование;
- держать «руку на пульсе» событий и изменений, происходящих в сфере работы организации (например, отслеживать изменения в законодательстве, знать наиболее значимые организации, работающие в той же сфере, знакомиться с опытом работы коллег и др.). Все это можно делать, посещая мероприятия других организаций, читая информационные рассылки и т. д.;
- повышать собственную квалификацию: посещать тренинги и семинары, регулярно читать профессиональную литературу и публицистику и т. д.;
- сделать информацию о своих профессиональных достижениях доступной для сотрудников.

Профессиональное мышление руководителя подчеркивает его способность глубоко и всесторонне анализировать сложнейшие явления и в кратчайший срок принимать научно-обоснованные решения.

Компетентность проявляется в способности к быстрому и правильному принятию решений, содействующих успешной работе предприятия в условиях рынка, а также обладанием специальными знаниями и навыками межличностного общения, необходимыми для выполнения обязательств.

Порядочность во взаимоотношениях — заключается в репутации честного и верного своему слову человека.

Проявление заботы о людях. В отношениях с подчиненными руководителю следует быть объективным, справедливым, предъявлять ко всем одинаковую требовательность, оценивая каждого из них, прежде всего, по отношению к делу, по результатам работы. Ни при каких обстоятельствах руководителю нельзя создавать вокруг себя группу «любимчиков». Это всегда восстанавливает против него всех других членов коллектива и отрицательно сказывается на его авторитете. Свои отношения с подчиненными руководителю важно строить на основе доброжелательности и справедливости, видеть в каждом подчиненном человека, считаться с материальными и духовными потребностями подчиненных, в противном случае у подчиненных может возникнуть чувство неудовлетворенности, мешающее им работать, повышать свое мастерство.

Поддержание нужного уровня доверия требует от руководителя баланса этих составляющих.

Таким образом, доверие не может возникнуть вдруг, по приказу или на основе лишь денежных вложений. Это результат длительного эволюционного процесса, взаимодействия, требующего усилий и добросовестного поведения всех сторон. Такие моральные нормы, как честность, верность слову, взаимное доверие, характерны для цивилизованных трудовых отношений, к которым следует стремиться каждой компании.

Для руководителя важно четко представлять, что можно сделать для увеличения доверия подчиненных и чего нельзя делать ни при каких обстоятельствах, чтобы доверие не потерять.

Негативные последствия на развитие доверия оказывают, прежде всего, следующие элементы в поведении руководителя:

- беспокорство о своем собственном благополучии в ущерб заботе о нуждах сотрудников;
- непоследовательность в общении, отсутствие четких собственных ценностей и позиций;
- неуверенность в себе;
- нерешительность в действиях и уклонение от личной ответственности;
- склонность делать скоропалительные выводы без предварительной взвешенной оценки фактов;
- поиски виноватых в случае неудачного исхода принятых решений.

Потребность в доверии возрастает, когда в компании происходят серьезные изменения: слияние, реорганизация, сокращения. Люди чувствуют себя незащищенными. Они хотят доверять руководству, но руководители настолько поглощены отражением внешних ударов, что забывают о собственных сотрудниках.

Исходя из тенденций, о которых говорилось выше, можно сформулировать некоторые требования к созданию доверительных отношений:

- развитие лояльности сотрудников, повышение степени своего доверия к ним — это создаст дополнительную социальную мотивацию подчиненных;
- оценка своих подчиненных только по результату, что очень сильно повышает веру в непредвзятость руководителя;
- выбор метода контроля: сотрудник не должен ощущать явного надзора в период между получением задания и установленным сроком его выполнения;
- время от времени представлять себя на месте своих сотрудников;

- развитие лояльности сотрудников, повышение степени своего доверия к ним — это создаст дополнительную социальную мотивацию подчиненных;
- подбор работы подчиненным в соответствии с их характером. Люди предпочитают выполнять ту работу, которая у них хорошо получается и которая их интересует.

Регулярные встречи с сотрудниками, особенно в период кризиса. Доступность окружающим помогает установлению с ними эмоционального контакта.

Доверие — это достаточно тонкая субстанция, которая довольно часто кажется руководителю второстепенной на фоне решения «важных задач», но которая зачастую является ключевой для успеха или неуспеха всей деятельности организации. Когда в организации существует доверие, необходимо всеми силами сохранить его. Если же доверие теряется, нужно прилагать самые большие усилия, чтобы восстановить его.

Литература

1. Управление НКО: ставка на доверие. Советы руководителю. СПб., 2008.
2. *Шо Р. Б.* Ключи к доверию в организации. Результативность. Порядочность. Проявление заботы. М., 2000.
3. *Яхонтова Е. С.* Эффективные технологии управления персоналом. СПб., 2003.
4. *Яхонтова Е. С.* Доверие в управлении персоналом. Зарубежные подходы и отечественный опыт оценки // Социологические исследования. 2004. № 9.

Н. О. Егорова

ВАЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКОЙ РИТОРИКИ

В родном языке и родной речи отражается культурная модель мира, а также ценностные ориентиры национальной языковой личности.

Изменения, произошедшие за последние годы в российском обществе, закономерно отразились в языке: современные лексика, словообразование, синтаксис подчинены эффекту разговорности, традиционные семантические модели вытесняются общенациональным жаргоном. Лингвистический термин «язык перестройки» в буквальном своем значении отсылает к экстралингвистическим факторам последней четверти XX в., но в языковой игре положительные коннотации «обновление», «совершенствование», «развитие» едва ли не проигрывают отрицательным: «разрушение», «омертвление языка» (в качестве примера достаточно упомянуть о десемантизации лексемы «икона»).

Научно-практическая программа, осуществленная в рамках Года русского языка в России (2007) («Русский язык: мы теряем его!» — «Русский язык: мы находим его!»), является частью национального проекта сохранения русского языка и объективно коррелирует с другим приоритетным национальным проектом — «Здоровье». Семантическая связь номинаций «язык» и «здоровье» реализуется в коммуникативной конструкции: «Как звучит/будет по-английски, -индийски, -болгарски “Здравствуй/те?”» В номинативном значении русского «здравствуй» первоначально заложено значение «будь здоров» (уже в Остромировом евангелии (1056–1057)).

Незнание и неумение использовать в стандартных коммуникативных ситуациях русские этикетные формулы приветствия, шуточного/вежливого обращения («Здорово! Как ваше здоровье? Здравия желаем! За здоровье молодых! За здоровье лошадей, что возят милых гостей!») [2, с. 177] отрицательно влияют на слушающего, социум, ситуацию.

Небенефактивное воздействие (недоумение, возмущение) не исключает сдвига в сторону сочувствия, сожаления; феномен пренебрежительного отношения с оттенком осуждения к не умеющим говорить по-русски солдатам наполеоновской либо гитлеровской армий фундирован в русской художественной и документальной литературе.

Ценностный ориентир русской языковой личности — «здоровье» — имеет опосредованное выражение в системе прецедентных текстов (поговорки, пословицы, корпус анекдотов). В формировании целеполагания «быть здоровым» особое значение имеют гуманитарные науки.

Преподавание дисциплин «Риторика», «Русский язык и культура речи» в российской общеобразовательной и высшей школе подчинено педагогическому постулату: конечный результат образования — гармонично развитая личность. В случае толкования риторики как «искусства убеждать», на первый план выступает этическая составляющая; Цицерон справедливо сказал, что оратором может быть только человек, желающий добра. *Nemo potest esse orator, nisi vir bonus.*

При любой интерпретации, попытке дефинировать термин «риторика» (в древнерусских текстах отмечено около 20 синонимов слова риторика: добрословие, сладкогласие, златоустие, великоречие, красноглаголение, хитроречие и др.) ценность валеологического компонента не вызывает сомнений.

В сочинении Стефана Яворского «Риторическая рука», написанном в 1705 г. и переведенном на русский язык Федором Поликарповым, пять частей риторического канона: изобретение, расположение, украшение, запоминание, произнесение — образно представлены в пяти главах. Пятый и последний перст руки риторический — произношение. «Мизинец, или ушесник, ушеса отирает и отверзает ко слышанию» [1, с. 95]. К недостаткам произношения Стефан Яворский относит:

1. Частое отдохновение, котораго велми тщательно опасатися подобает.
2. Глас в произношении да не будет пением.
3. Да не будет выше силы.
4. Дабы частыми одышками или кашлем и не растлевался.
5. Дабы в ноздри не изглашался.
6. Дабы по стремнинам не шатался.
7. Дабы не вельми косно.
8. Дабы не зело кричливо.
9. Дабы последняя слогини произносилися» [1, с. 101].

Большинство современных учебников и пособий по русской риторике предлагают практикум, точнее голосоречевые упражнения, направленные на устранение недостатков в ораторском произношении. Например, 26 заданий для самостоятельной работы в разделе IV «Звучащая речь и ее особенности» в учебнике «Риторика и культура речи» (2008) Л. А. Введенской и Л. Г. Павловой.

Интересна типология заданий и система обращений-рекомендаций к читателю.

«Задание 11. («Бумажный кораблик») Сделайте из плотной бумаги кораблик и, поставив его на гладкую поверхность стола, подуйте на него. Вы увидите, как ваш кораблик легко заскользит по столу.

<...> Выдох должен быть сильным, точно сфокусированным. Следите за тем, чтобы у вас не раздувались щеки, не напрягались шея и плечи» [3, 393].

«Задание 13. («Очищающее дыхание»). Внимание! Упражнение очень сильное! Прежде чем начинать его, внимательно прочитайте описание и мысленно примерьтесь к нему. Делайте только один раз!

Медленно, но энергично втягивайте воздух через нос, пока легкие не будут целиком (не чрезмерно!) заполнены воздухом.

Задержите воздух на 2–3 секунды.

Сложив губы, как для свистка, короткими энергичными толчками выдувайте воздух, перекрывая выдох после каждого толчка, не делая добора между ними. Выталкивайте воздух до конца.

Не делая выдоха, еще раз сделайте паузу на 2–3 секунды.

После паузы попытайтесь еще одним сильным толчком выдохнуть остатки запасного воздуха.

Медленно вдохните через нос.

Вдох в конце упражнений делайте через нос, очень медленно. Не хватайте воздух ртом, может закружиться голова.

Это упражнение хорошо делать в конце утренней зарядки перед открытой форточкой или выходя из помещения на свежий воздух. Можно делать на ходу» [3, 393–394].

Русские риторики XVIII–XXI вв. сопрягают успешность запоминания и произношения с хорошим сном, «здравостию всяя плоти, отказом от пьянства».

В «Кратком руководстве к оратории Российской» (1778) Амвросия Серебренникова даны советы–разъяснения, способствующие улучшению памяти оратора:

«а. В питии особливо должно остерегаться от излишнего употребления вин и пьянства, ибо ничто столь памяти и разума не притупляет, как сей порок.

б. Излишний сон умножает мокроты в теле, следовательно, и в мозгу; а сие состояние не меньше, как и сухость, или недостаток потребных соков, памяти вредно, что бывает или от непомерных трудов, или весьма короткого сна» [3, с. 186].

Особый частотный прием оптимизации запоминания — переписывание — также требует соблюдения норм здорового образа жизни, правильной осанки, «мышечного корсета», выверенного освещения.

Внешний вид оратора — это мощнейшее средство воздействия на аудиторию. Невербальные средства общения способны «перечеркнуть» содержание речи, в этой связи различные лингвокультуры фиксируют коммуникативную значимость опрятной, красивой, уместной одежды: «Встречают по одежке, провожают по уму» (русск. посл.), «Хорошо одетому всегда рады» (кит. посл.).

В сфере культурных стереотипов риторика требует от носителей языка узнавания, уточнения, углубления и уплотнения семантики вербальных и невербальных средств общения. Как пишет В. Н. Топоров, русское языковое сознание придает одежде особую, исключительную значимость. «Одежа» обозначает материальную опору человека, однокоренное «надежа» (ср. «надежда») обозначает опору духа, устремленного в будущее. Одежда может быть захвачена сферой духовно-

го и усвоена ею, если одежда соотносится с иными, более высокими смыслами [5, с. 656–657].

В русской духовной культуре огромное значение имеет мотив «худость риз», заявленный в 80-ые гг. XI в. в «Житии» Феодосия Печерского, который завещал это отношение к одежде (любовь к «худым ризам») всему русскому монашеству. В. Н. Топоров тонко замечает, что Феодосий Печерский не равнодушен к одежде, он возлюбил худые ризы, как возлюбил и самого Иисуса Христа, и смирение [5, с. 657].

При всей потенциальной разности идеологических позиций говорящего и слушающего нельзя не отметить великую роль древнерусской словесности в становлении русского эстетического сознания. Л. К. Граудина, обращаясь к истории русского литературного языка, пишет, что «он возник в результате поистине золотого сплава величайших ценностей христианской и отечественной народной культуры» [4, с. 358].

Народный идеал героя и риторический идеал представителей русских духовных школ объединяет образ говорящего/слушающего человека, в котором соединяются крепость всего тела, ясные очи, «румянностью цветущие ланиты», «белостию чистою светло удобрено лице», «крепкая грудь», «долгий дух», соразмерность и благолепие членов [1, с. 133].

В настоящее время создаются различные учебные технологии, направленные на развитие способностей говорения и понимания. Данные технологии немислимы без развития базовых навыков самоанализа, самовосприятия и самоприятия.

Действенным приемом обучения украшенной речи является выполнение письменных и устных заданий, связанных с изучением и практикой использования риторических фигур и тропов. В рамках олимпиады по русскому языку, состоявшейся в Санкт-Петербургской академии управления и экономики 15 декабря 2009 г., студентам и школьникам Санкт-Петербурга и Ленинградской области было предложено составить период, исходный тезис которого «Человеку необходимо быть здоровым». Участники олимпиады должны были выполнить задание не по пути подражания образцу, а исходя из собственного культурно-речевого опыта. Приведем отдельные аргументы, из предложенных молодежной аудиторией: человеку необходимо быть здоровым...

— потому что это — показатель культуры и воспитания;

— потому что я смогу пойти на свидание;

— потому что как человек относится к себе, так он будет относиться и к другим, к членам своей семьи;

— потому что тогда будет хорошее настроение;

— потому что тогда я буду отлично выглядеть;

— чтобы быть счастливым;

— чтобы любить и быть любимым, дарить и принимать любовь;

— чтобы были силы помочь кому-либо;

— чтобы чувствовать жизнь во всех ее красках.

Рациональное речевое поведение не носит исключительно прагматический характер, при этом, безусловно, защищает представителей различных возрастных, этнических и социальных групп от состояния «эмоционального выгорания» и синдрома хронической усталости. Успех в речевом общении способствует обеспечению

гуманизации и гуманитаризации широкого спектра отношений, которые открыты современному человеку.

Литература

1. *Аннушкин В. И.* История русской риторики. Хрестоматия. М., 1998.
2. *Балакай А. Г.* Толковый словарь русского речевого этикета. Свыше 4000 этикетных слов и выражений. М., 2004.
3. *Введенская Л. А., Павлова Л. Г.* Риторика и культура речи. Изд. 8-е, доп. и перераб. Ростов н/Д, 2008.
4. *Граудина Л. К.* Духовная (церковно-богословская) речь // Культура русской речи: учеб. для вузов / под ред. Л. К. Граудиной и Е. Н. Ширяева. М., 2000.
5. *Топоров В. Н.* Святость и святые в русской духовной культуре. Т. 1. Первый век христианства на Руси. М., 1995.

Е. А. Елисеева

НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОРОЧЕСТВО: ДВЕ ПОПЫТКИ ОТВЕТА НА ОДИН ВОПРОС

У науки и религии, как показывает историческая практика, несмотря на явные идеологические расхождения, есть очень много общего. В частности, обе эти формы сознания пытаются получить максимально возможную информацию об окружающем нас мире, о его истоках и законах развития, о природе и феноменальности человека. Кроме того, и для науки, и для религии характерны бесконечные попытки заглянуть в необозримое будущее. И в результате такого прогнозирования рождается эсхатология и многочисленные пророчества, с одной стороны, и футурология и научное предвидение, с другой. В любом случае, небезынтересно будет определить точки соприкосновения науки и религии в этой области познания мира.

Наука не только постигает тайны мироздания, но и предвидит будущее, предсказывает те или иные явления природы и общественной жизни. Научное предвидение основывается на знании законов развития материального мира. Сознание не пассивно отражает действительность, оно анализирует явления объективного мира, за случайными фактами и явлениями улавливает закономерности.

Все явления природы и общества имеют свои естественные причины, подчиняются определенным законам. Мир — единое, неразрывное целое. Окружающие нас явления неразрывно связаны друг с другом. Одни явления вызываются другими и сами в свою очередь вызывают новые явления. Познавая их возникновение и развитие, изучая их взаимные связи, мы выясняем сущность и причины происходящего, устанавливаем, от чего зависит то или другое явление, чем оно вызвано. Вместе с тем мы узнаем, как и в какой последовательности различные явления следуют друг за другом, когда и при каких условиях они повторяются.

Выяснив внутренне необходимые связи различных явлений, мы устанавливаем закономерности в природе. Изучив отдельные вещи и явления, мы находим в них общие стороны, выделяем наиболее существенные, устойчивые признаки. Обобщая затем их, мы открываем, находим объективные законы, которым подчиняется ход явлений в природе и обществе.

История знает много примеров научного предвидения.

Так, например, детально изучив закономерности движения небесных тел, ученые выявляют пути движения комет и на основании этого, производя математические расчеты, заранее определяют, в каком месте та или иная комета будет находиться в то или иное время. Так, английский ученый Галлей предсказал, что появившаяся у Солнца в 1682 г. комета будет вновь видна на небе примерно через 76 лет. А французский математик Клеро, произведя более точные расчеты, определил более точную дату появления этой кометы. Он ошибся всего на один месяц.

В 1846 г. учеными путем математических расчетов на основе знания законов природы была открыта неизвестная ранее планета — Нептун. Ф. Энгельс назвал это открытие научным подвигом. Солнечная система Коперника, писал он, в течение 300 лет оставалась гипотезой, в высшей степени вероятной, но все-таки гипотезой. Когда же Леверрье на основании данных этой системы не только доказал, что должна существовать еще одна неизвестная до сих пор планета, но и определил посредством вычисления место, занимаемое ею в небесном пространстве, и когда после этого немецкий астроном Галле действительно нашел эту планету, система Коперника была доказана.

Изучая историю Земли, геологи открыли законы, по которым образуются в земной коре скопления полезных ископаемых. Зная эти законы, можно предвидеть, где, в сочетании с какими породами должны находиться залежи того или иного минерала, природного топлива, руды или газа. Известный советский геолог И. М. Губкин в течение многих лет изучал закономерности залежей нефти. Он нашел, что образование нефтяных месторождений связано с определенным строем пластов земной коры. Руководствуясь своими выводами, ученый предсказал, что в районе между Волгой и Уралом должны находиться большие запасы нефти. Проведенные уже после смерти Губкина геологические исследования недр этого района блестяще подтвердили его научное предвидение.

В полной мере возможность научного предвидения распространяется и на область социальной жизни людей. Глубоко изучив законы общественного развития, Маркс и Энгельс доказали, что развитие общества с неизбежностью приведет человечество к коммунизму. Они показали, что дело здесь не просто в пожелании людей, а в объективной закономерности. Частная собственность изжила себя. Производство стало в полной мере общественным. И это требует замены частной собственности и частной формы распределения — общественной.

Предвидение — постоянный фактор социальной жизни людей. Оно является условием их успешной деятельности. С углублением познания объективного мира область явлений, которые возможно предсказать, расширяется.

В футурологической литературе общепринято подразделять предвидение на предсказание будущего и предсказание существующих явлений, уже имеющих место в настоящем, но еще не известных.

Так же выделяется предсказание существующих, но неизвестных явлений, которое на самом деле оказывается предсказанием будущих открытий существования этих явлений или их свойств. Так Менделеев, строго говоря, не предсказал существование определенных свойств ряда неизвестных в то время химических элементов (нельзя предсказывать то, что уже существует), а выдвинул гипотезу об их существовании, на основании которой предсказал возможность открытия в будущем

элементов, обладающих данными свойствами. Это предвидение явилось в определенной мере обоснованием гипотезы, относящейся к наличной действительности.

Основой научного предвидения является научная теория, представляющая собой цепь взаимообусловленных, логически связанных законов. Из определенных законов по заранее установленным правилам выводятся следствия, содержащие информацию о свойствах, отношениях и других характеристиках данных явлений. Отнесенные к будущему, они выступают как акты предвидения.

Предвидение может осуществляться по так называемым детерминистической и вероятностной схемам. В первом случае каждое явление предсказывается с высокой степенью точности и строго локализуется во времени или пространстве. Чем сложнее явление, тем чаще приходится прибегать к вероятностно-статистическим методам предвидения-предсказания.

Детерминистические формы научного предвидения, как правило, имеют место в механике, классической физике, химии, ряде разделов астрономии и т. п.

Для предсказания явлений, относящихся к области сложных систем и подвергающихся воздействию многочисленных факторов, не поддающихся полному учету (квантовая физика, а также экономика, политика, психология и др.), используются различные схемы вероятностно-статистического предсказания, предвидения и прогнозирования.

Характер научного предвидения и степень его достоверности зависят не только от структуры и объективной истинности законов определенной отрасли науки, но и от точности и полноты исходной эмпирической информации, описывающей начальные условия того или иного события.

Методология научного предвидения, включая исследование логических структур, применяемых в различных схемах предвидения и предсказания, необходима для разработки специальных методик точного количественного прогнозирования. При этом необходимо учитывать, что каждый акт научного предвидения по схеме обратной связи может оказывать влияние на ход исторических событий, видоизменяя их в рамках объективных закономерностей.

В развитых странах проблемами прогнозирования заняты многие учреждения. Важнейшие из них: в США — корпорация РЭНД, Гудзоновский институт, институт по проблемам будущего, «Комиссия 2000 года» при Американской академии искусств и наук, в Великобритании — «Комитет следующих 30 лет» при Совете социальных исследований; во Франции — «Группа 1985 года» при Совете Министров и Центр прогнозистических исследований; в ФРГ — Институт экономических исследований будущего им. Веккерта; в Италии — институт прикладных экономических исследований и т. д. Центры исследований будущего созданы также в Берлине, при правительствах Швеции, Дании, Норвегии, Бельгии, Нидерландов, Швейцарии и других стран.

Почти во всех странах Западной Европы и в США имеются национальные научные общества, объединяющие специалистов по прогнозированию. Три из них: «Футурибль» (Франция), «Мир будущего» (США) и «Человечество 2000 года» (Великобритания) носят международный характер и имеют филиалы в различных странах. В 1973 г. создана Всемирная федерация исследований будущего.

Научное предвидение возникло одновременно с развитием современной науки в XV–XVII вв. Что касается практики религиозных и эсхатологических предсказаний, они имеют гораздо более солидный исторический опыт.

Предвидение в форме пророчеств, прорицаний, гаданий было известно в глубокой древности. Уже в Древней Греции, Индии, Китае, Египте и Вавилонии происходило первое фундаментальное разграничение областей предвидения на область явлений природы (солнечное затмение, предсказание урожая, изменение погоды и т. п.), область социальных явлений (наступление и исход войны, победа или поражение политической группировки и т. п.), область событий в жизни отдельного человека (смерть, болезнь, рождение, бракосочетание, обогащение и т. п.).

В своей первоначальной форме предвидение нередко выступало в мистической, иррациональной и религиозной форме и монополизировалось специальными группами — жрецами, оракулами, пророками, шаманами и др.

Однако уже в это время известны формы предвидения и предсказания, опирающиеся на личный «мирской» опыт и зачатки научных знаний. Примером может служить предсказание Фалесом солнечного затмения (585 г. до н. э.) и предстоящего высокого урожая винограда.

Потребность в предвидении возникает из необходимости управления обществом, промышленностью, торговлей, организацией земледелия, планированием политических, экономических и культурных мероприятий.

Особое место в теории и практике ненаучных предсказаний занимала эсхатология — учение о последних вещах, о конечной судьбе мира и человека. Эсхатология всегда занимала религиозную мысль.

Эсхатологические пророчества лежат в основе большинства религий мира, в том числе и христианского вероучения. Примечательно, что все варианты сказания о Конце Света имеют сходные черты.

Как правило, Конец Света связывают с приходом мессии — Иисуса Христа, Саошьянта (в зороастризме), Майтрейя (в буддийской мифологии), Машиаха (в иудаизме). Мессия приходит, чтобы победить зло и совершить Страшный суд. Фоном Страшного суда является мировая катастрофа — разрушение мира, потоп, мировой пожар и т. п. После очищения мир вновь возрождается.

Наиболее древние тексты предсказаний о Конце Света дает Авеста — священная книга древнеиранской религии зороастризма. Религиозные воззрения зороастрийцев восходят к общему арийскому, индоевропейскому источнику, поэтому зороастрийская эсхатология имеет параллели в эсхатологии других индоевропейских народов. Зороастризм впоследствии на территории Ирана был вытеснен исламом, но и он сегодня является действующей религией среди народности парсов в Индии. Зороастрийская эсхатология и учение о противоборстве сил добра и зла имели большое влияние на подобные учения, ставшие составной частью христианства, ислама, манихейства.

Согласно учению зороастрийцев верховный бог-творец Ахурамазда определил срок существования Вселенной в 12 000 лет. В первые 3000 лет Ахурамазда создал духовный мир и свет. В это время Ангро-Манью — зороастрийский дьявол — не соприкасался с духовным миром, он существовал вне его. Затем в мир пришло зло, тогда явился и Ангро-Манью. Началось вселенское противостояние добрых сил и сил зла.

Оставшиеся 9000 лет зороастрийцы разбивают на три эпохи борьбы этих изначальных сил творения. Эпоха борьбы добра и зла Ахурамазды и Ангро-Майню, по Авесте, должна закончиться катастрофой. Тогда придет чудовищная зима, над

миром будет властвовать дракон Ажи-Дахака, а потом, после того как Земля погибнет и очистится в огне, мир вновь возродится и обретет незыблемое начало и порядок.

О трех эпохах говорят и религиозные тексты древних индийцев.

Индийцы считают, что Вселенная три раза изменяется во время каждого мирового периода (кальпы): она переходит из состояния созидания и становления в состояние продолжительного существования и затем — разрушения. Но в отличие от зороастрийцев индийцы оперируют гораздо более продолжительными сроками.

Подобным образом гибель мира представлена и в «Старшей Эдде», древнеисландском эпосе, сюжеты которого также восходят к индоевропейскому источнику. В «Прорицании вельвы» (вельва — колдунья) рассказывается о гибели мира, сопровождавшейся мировым пожаром, последующим холодом, «тремя зимами без лета», мраком и потопом, осознающимся как одна из составляющих тех бедствий, которые придут, когда наступит Конец Света (Рагнарек).

Произойдет это потому, что зло проникнет в мир и наступит время Волка. Волк Фенрир проглотит солнце, и начнется борьба стихий. Бог Один вступит в сражение с Волком, с другим чудовищем — мировым змеем Ермунгандом — вступит в борьбу сын Одина бог Тор. Конец мира будет возведен рогом Гьяллархорна (этот рог напоминает трубы ангелов в христианском «Апокалипсисе»).

Отчасти, как заметил известный ученый Н. Ф. Жиров, этот Конец Света напоминает время перед ледниковым периодом. Он обратил внимание на то, что перед Концом Света ледяная река Эливагар, возникшая на севере из источника Гвергельмир, отодвигается на юг к стране асов — древнеисландских богов и приносит с собой холод и мрак, расширяя бездну Тиннуап (мировой водоворот).

В иудаистской эсхатологии Конец Света сопровождается Страшным судом, который вершит всемогущий Яхве. Яхве — грозный ветхозаветный Бог, Бог-творец, Бог, явившийся патриарху Аврааму и родоначальнику евреев Исааку. О его приходе возвещает мессия Машиах (по поздним талмудическим толкованиям), после чего кончается эпоха изгнания и народ Израиля собирается у горы Сион. Космическая катастрофа, знаменующая конец мира, сопровождается землетрясением, тьмой, каменным градом, потопом и т. д. Дальнейшая разработка собственно ветхозаветного сюжета сделана в христианстве. Подробное описание последних времен, эсхатологической битвы Добра и Зла дано Иоанном Богословом в «Апокалипсисе» (в переводе с греческого «Откровение»).

Общепринятая точка зрения такова, что Иоанн Богослов не имел в виду какую-либо конкретную катастрофу, тем более уже совершившуюся в прошлом. Он опирался на ветхозаветные тексты, на пророчества о Страшном суде, на описания гибели Содомы и Гоморры, Казней Египетских, на апокалипсическую литературу того времени (известный исследователь христианства Ренан насчитал 15 «Апокалипсисов», сохранившихся до наших дней: «Апокалипсис Ездры», «Апокалипсис Иуды», «Апокалипсис Баруха» и т. д.).

Научное и религиозное знания, касающиеся вопросов предвидения и предсказания будущего, только на первый взгляд имеют кардинальные идеологические расхождения. Любой человек, вне зависимости от его принадлежности к религии или науке, пытается определить закономерность развития этого мира, и на основе этой закономерности выяснить дальнейшую судьбу человечества. И если наука

реализует, в основном, свои практические интересы, то религия, в большей степени, предупреждает, заставляет задуматься о бренности существования.

Литература

1. *Алисон Д.* Жизнь в последние времена. Иной взгляд на эсхатологию. М., 2010.
2. *Лобье П.* Эсхатология. М., 2004.
3. Научное и богословское осмысление предельных вопросов. Космология, творение, эсхатология. М., 2008.
4. *Ренан Э.* Будущее науки. М., 2009.
5. *Янч Э.* Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1970.

Н. А. Карлик

ФЕНОМЕН УДОВОЛЬСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ НАЧАЛА XXI в.

Вряд ли вызывает сомнение тот факт, что коммуникативное сознание, как отдельного представителя нации, так и всего народа в целом, зависит от исторического и культурного контекста. Изменения в жизни общества влияют на характер общения между людьми, на требования, которые они предъявляют к собеседникам в разных ситуациях коммуникации, на их риторический идеал. Как отмечает И. А. Стернин, «основные тенденции изменений в общении новейшего времени связаны с социально-психологическими изменениями в обществе, вызванными влиянием научно-технического прогресса, научно-технической революции» [1].

Предпринимаемая «попытку прогноза» дальнейших изменений в характере общения российский граждан, И. А. Стернин выделяет ряд черт, которые свойственны русскому коммуникативному сознанию в настоящий момент. Среди них главной оказывается ориентация современного человека, прежде всего на деловое общение — именно эта его особенность определяет основные тенденции развития его контактов с окружающей средой. Благодаря твердым позициям средств массовой информации, являющихся для многих современников чуть ли не единственным источником сведений о мире, благодаря увеличению контактов на работе и по работе, что связано с установкой на работу в команде в разных сферах профессиональной деятельности, деловое общение начинает вытеснять общение неформальное, с друзьями, родственниками. То, что раньше узнавалось путем устных контактов, получало оценку через обсуждение и передавалось из уст в уста, т. е. традиционным способом, теперь приходит через каналы средств массовой коммуникации с уже заданной коннотацией при отсутствии возможности вступить в диалог, спросить, уточнить, опровергнуть.

Реклама и другие продукты информационной индустрии, определяющие коммуникативное сознание современного человека, дают установку на общение, преследующее прежде всего коммерческую цель: успешный человек как в рекламных роликах, так и в сериалах и кассовых фильмах перебегает со встречи на встречу, участвует в обсуждении разного рода проектов на работе, дома, во время бизнес-ланчей, в автомобилях, в самолетах и даже с удочкой на берегу пруда. Делу посвящено не просто время, а все время, которое есть. Современный человек —

это человек постоянно говорящий — с коллегами в традиционном режиме, при этом одновременно по нескольким телефонам, также используя «Скайп», «Mail.Ru Агент» и другие новые способы связи. При этом отметим, что говорит он большую часть времени с людьми, с которыми его связывает только работа, на темы, которые за пределы этой работы не выходят.

В связи с тем, что на такой режим общения переходит все больше наших соотечественников, возникает вопрос, насколько он соответствует русскому коммуникативному сознанию, насколько комфортен, не имеет ли каких противопоказаний, Интересным также будет узнать, можно ли получать от нового формата речевых коммуникаций удовольствия, т. е. положительные эмоции, к которым традиционно русский человек всегда стремился в процессе общения, которые считал целью не менее значительной, чем в настоящий момент являются цели деловые.

Заметим, что гедонистическая функция общения является проявлением традиционной культуры и сохраняется там, где не нашлось места прагматике, меркантильным интересам. Прежде всего, это, конечно, сфера романтических отношений. Сжатый во времени или длящийся годами диалог любящих друг друга людей несет им радость общения, независимо от тем конкретных разговоров. Переживания, связанные с обращением к дорогому человеку, удовольствие от услышанных в ответ слов, бескорыстно проводимые минуты в разговоре, пусть даже на незначительные темы, в этом случае могут вознести собеседников на вершины блаженства, сделать банальный для других разговор источником счастья.

Второе место, где удовольствие продолжает сохранять свои позиции, можно отдать общению светскому, также традиционно далекому от решения деловых вопросов. При том, что у нас долгое время сохранялось негативное отношение к такому общению, как к неискреннему, в настоящее время в русском коммуникативном сознании этот стереотип можно считать преодоленным. Как и общение влюбленных, разговор друзей по душам, светское общение, хотя и не предполагает близких отношений между собеседниками и является, по сути, этикетным, т. е. осуществляется по определенным правилам, деловых целей также не преследует. Светское общение — это общение прежде всего фатическое, связанное с областью правого полушария, выполняющее развлекательную функцию. Для делового общения оно является антиподом, потому что как раз и отнимает у времени час на отдых, потеху, стремится отвлечь от дел насыщенных, погружая в мир приятных эмоций.

Существенно подчеркнуть тот факт, что светское общение имеет достаточно долгий путь развития в отечественном коммуникативном сознании. Дореволюционные корни жанров светского общения связаны с имевшей место в дворянском обществе тесной связью, существовавшей между удовольствием от общения и эстетическим удовольствием. Источником последнего были не только темы, можно сказать, рекомендуемые для разговоров в салонах, на балах и скачках, обсуждение которых «возносило» собеседников над всем серым и повседневным, над «чернью тупой» в сферы доступные переживанию только избранными, посвященными и просвещенными, но сам процесс «плетения словес», а также обстановка, которая к этому располагала, которая никогда не была случайной, а, напротив, детально продумывалась, как декорации для изящной постановки. Впрочем, светская беседа такой постановкой, по существу, и являлась: это была игра, правила которой не являлись секретом для участников, не менее приятная, чем, предположим, бридж или

преферанс, но отличающаяся от них изначально отсутствовавшей целью в конце иметь победителя.

Современный человек, чтобы минутку провести в разговоре о пустяках, не будет готовить для этого специальный антураж. Светское общение приобрело за последние десятилетия демократические черты. Это отразилось не только на обстановке, но и на выборе тем и на требованиях к их оформлению, которые стали гораздо менее жесткими. Конечно, «злоба дня» по-прежнему не приветствуется ни в ситуациях знакомства, ни в беседах для поддержания контакта, ни в других ситуациях общения на отдыхе. При этом каких-то нейтральных для собеседников, но сложных тем современное светское общение также не жалуется: оно становится все более поверхностным, больше напоминая треп, особенно в тех случаях, когда собеседники не особо утруждают себя соблюдением литературных норм и работой над словом в процессе коммуникации. Если прежде светское общение могло дать удовольствие, подобное тому, которое получает шахматист от сложной, но интересной партии, то теперь оно может быть всего лишь приятным, как игра в подкидного дурака во время долгого путешествия в поезде.

С одной стороны в новом светском общении оказываются невостребованными знания, как таковые, т. е. какая-то новая информация, ибо информацией современный человек и так перегружен, с другой, снимаются запреты на прежде табуированные темы.

Если говорить про другие сферы общения, то можно отметить следующие изменения, связанные с феноменом удовольствия. Интеллектуальное удовольствие оказывается заменено тем, которое человек получает от своеобразным образом понятой свободы — говорю, кому хочу то, что хочу. Также становится редким удовольствие от красивого словосплетения, от удачно построенной фразы, зато от крепкого словца, неуместно и безнаказанно выпущенного на свет, удовольствие, судя по всему, получают многие, независимо от того, разделяют ли его или нет слушатели.

Следует отметить и то, что современный человек в меньшей степени испытывает удовольствие от общения, потому что общение-праздник может состояться только при условии, когда оно осуществляется по воле его участников, с обоюдного согласия собеседников говорить друг с другом. В начале же XXI в. большинство форм общения носит принудительный характер. Причем наблюдается значительный рост объема такого общения за счет инициативного. Общение по разным служебным вопросам в течение дня так опустошает современного человека, что он не только не ищет после работы альтернативного общения с возможностью получить от него удовольствие, но начинает отказываться вообще от каких-либо видов коммуникации, т. е. развивается тенденция к уклонению от общения.

Таким образом, у современного человека возникает стереотип, связанный с негативным восприятием общения. Это приводит к изменению в его предпочтениях при выборе видов отдыха: вместо посиделок на кухне с друзьями и бесед по душам — телевизор и компьютер. И здесь он получает удовольствие оттого, что не нужно говорить, не нужно тратить силы на то, чтобы слушать и пытаться понять, что услышал.

В конечном итоге человек XXI в. перестает получать от общения те эмоции, которые получали его предки. Более того, нежелание говорить про то, что за пределами деловой сферы, пагубно сказывается на его речевых навыках — получается,

что он сам также перестает быть потенциальным источником коммуникативных удовольствий для других. Отсутствие желание общаться усугубляется неумением это делать.

В русском коммуникативном сознании приятный разговор с хорошим человеком традиционно воспринимался и с точки зрения производимого им терапевтического эффекта. То есть удовольствие от общения положительно сказывалось и на здоровье собеседников. В настоящий момент наблюдается обратная картина: принудительное общение, общение без удовольствия влияет на настроение, на самочувствие человека, может привести к возникновению депрессивных состояний, к неудовлетворенности от контактов с себе подобными как на работе, так и дома.

Литература

1. *Стернин И. А.* Основные тенденции развития общения в первой половине XXI в. (попытка прогноза) // Коммуникативные исследования – 2003. Воронеж; Ярославль, 2003. С. 4.

В. А. Колесников

ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ЮГА РОССИИ

В устойчивом развитии местного самоуправления одна из основ упрочения конституционного строя и обеспечение народовластия в современной России — согласно Конституции РФ и Федеральному закону № 131-ФЗ (2003 г.). Подчеркнем, что в установленном ВАК РФ паспорте специальности по политическим наукам по направлению 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» для соискателей научных степеней кандидата и доктора политических наук закреплена такая наукоемкая область исследования как «политические аспекты развития местного самоуправления». В настоящей статье ориентиром являются основные направления исследования местного самоуправления в рамках развивающейся отечественной политической науки, посредством которых представляется возможным сформировать целостное представление: об особенностях социально-политической идентификации местного самоуправления и исследовании муниципальной политики как объекта политической науки, основных принципах местного самоуправления как функционирующего властного института в трехуровневой системе российской публичной власти, вычленив факторы объективирующие развитие местного самоуправления как формы народовластия, конституционной основы утверждения демократического строя в современной России.

Исходя из определенности целевого ориентира, выделим следующие познавательные составляющие, которые попытаемся охарактеризовать на конкретных примерах научных исследований по социально-политической тематике местного самоуправления. Подчеркнем, что особый интерес для нас представляют, прежде всего, работы исследователей-политологов Юга России за пятилетний период с 2004 по 2009 г. В связи с этим предпримем попытку:

— дать обзор важных научно-практических конференций (международных, всероссийских, региональных) за указанный период, на которых в той или иной мере рассматриваются социально-политические проблемы местного самоуправления;

— вычленив многообразие тематической направленности диссертационных защищенных работ (на степень доктора политических наук и кандидата политических наук по специальности 23.00.02) по политической проблематике местного самоуправления;

— охарактеризовать фактор монографических публикаций, сборников и научных материалов, статей (преимущественно в указанный период), свидетельствующих о возрастании интереса ученых-политологов к указанной области исследования;

— отметить особую роль эмпирической составляющей и прикладных социологических исследований по аспектам социально-политической идентификации местного самоуправления, осуществления муниципальной политики и проведения муниципальной реформы в современной России.

Если обратиться к массиву международных, всероссийских и региональных научно-практических конференций, актуализирующих политические аспекты местного самоуправления, то целесообразно выделить четыре основных вида научно-практических конференций в спектре данной проблематики:

Во-первых, это научно-практические конференции, на которых местное самоуправление является центральной темой, наличествуют доклады и материалы, характеризующие его политическое содержание. Например, Российско-германская научно-практическая конференция «Инновации в местном самоуправлении: Юг России в контексте национального и европейского опыта» (СКАГС, май 2005 г.). Важнейшей составляющей в работе конференции явилось осмысление политических аспектов повышения эффективности местной власти. Примечательны следующие тематические доклады участников: Кулиев Ф. М. «Местное самоуправление в политической системе Российской Федерации»; Голубева Т. Г. «Муниципальная реформа: попытка осуществления политической модернизации»; Никотин А. Д. «Местное самоуправление в России и проблема развития демократии»; Рыбиков Р. А. «Федеральные отношения и местное самоуправление в современной России»; Кислицкая Н. А. «Противоречия модернизации системы местного самоуправления в России»; Колесников В. А. «Муниципальные интересы в современной России: особенности исследования и обеспечения»; Голубев Н. Н. «Политические и правовые аспекты развития местной власти»; Герман Р. Э. «Местное самоуправление: между государством и гражданским обществом»; Стрюковский В. И. «Самоуправление — гражданское общество — государство»; Аствацатурова М. А. «Местное самоуправление в стабилизации межэтнических отношений и управлении этнокультурным процессом» [1].

К данному виду конференций следует отнести и Международный научный форум в Северо-Западной академии государственной службы (Санкт-Петербург, июнь 2004 г.) на тему: «Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность», где в значительной мере акцентированы исторический подход и теоретико-методологические аспекты взаимодействия местной и государственной власти. См. например, содержательные доклады и сообщения: Китаев П. М. «Муниципальная реформа: правовые аспекты»; Плеханов Г. В. «Общественные объединения между государственной властью и местным самоуправлением»; Сироткин А. М. «Муниципальные выборы как форма политической коммуникации»; Евсеев А. В., Медов А. О. «Реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации: теоретико-методологический аспект» [2].

Второй вид научно-практических конференций характеризуют те, на которых политические аспекты местного самоуправления как научного и практического феномена выявляются в контексте осмысления формирующегося российского политического элитизма, обеспечения качества государственного управления и взаимодействия уровней власти, развития политической науки в России. В качестве примера отметим опыт Всероссийской научно-практической конференции «Взаимодействие уровней власти в условиях федерализма» (Ростов-на-Дону: СКАГС, 2002 г.); Международной научно-практической конференции «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития» (Ростов-на-Дону, 2009 г.) — организована ЮНЦ РАН, Северо-Кавказской академией государственной службы, ведущими научными центрами Юга России (участвовало 15 организаций, в числе соучредители Волгоградская академия государственной службы, Краснодарский госуниверситет, Ставропольский госуниверситет и др.) при поддержке «Фонда им. Фридриха Эберта в Российской Федерации». Интересна тематика докладов по социально-политической идентификации местного самоуправления, представленных исследователями на этой международной научно-практической конференции: Ароян А. С. (Ростов-на-Дону, СКАГС) «Проблема местного самоуправления как политического института в трудах исследователей Юга России»; Голубева Т. Г. (СКАГС в Ставрополе) «Концептуальные подходы к формированию теории местного самоуправления в России»; Заможных Е. А. (СГУ, Ставрополь) «Местное самоуправление: политологический аспект анализа»; Колесников В. А. (Волгоград, ВАГС) «Муниципальная политика как феномен исследования»; Ляхов В. П. (Ростов-на-Дону, Совет муниципальных образований Ростовской области) «Государственная политика России по формированию местных сообществ и местного самоуправления в современных условиях (политологический анализ)» [3].

Интересен также опыт Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров» (Волгоград: ВАГС—СКАГС, 2009 г.). В материалах последней конференции интересующую нас муниципальную проблематику представляют пленарный доклад и выступления на тематических секциях: Рудого В. В. «Актуальные проблемы подготовки кадрового резерва органов государственной власти и местного самоуправления»; Бардакова А. И. «Предпосылки элитарности субъектов муниципальных отношений»; Колесникова В. А. «Зарубежный опыт государственного и муниципального управления и формирование политической культуры управленческой элиты»; Байдаловой О. В. «Диагностика кадрового потенциала органов государственной власти и муниципального управления (социологический анализ)»; Носачева П. В. «К проблемам взаимоотношений органов местного самоуправления и государственной власти» и др. [4].

Третий вид научно-практических конференций характеризует содержательность местного самоуправления в контексте исследований политической и управленческой регионалистики. Важные аспекты и политическая идентификация местной власти выявляются здесь и в связи с обеспечением интеграции в системе управления и обеспечения административной реформы в современной России. Показательны, например: научно-практическая конференция «Проблема разработки и внедрения региональных целевых программ поддержания, становления и развития

государственной службы российского казачества, казачьего местного самоуправления, привлечения казачьих обществ к организации военно-патриотического воспитания молодежи» (состоялась в СКАГС 5 сентября 2008 г.); Всероссийская научно-практическая конференция «Государственная политика по формированию резерва управленческих кадров на региональном уровне: опыт, проблемы, пути, решение» (Представительство Президента РФ в ЮФО, Администрация Ростовской области, проведена в СКАГС в 2009 г.); научно-практическая конференция «Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность» (СКАГС, Пятигорский филиал, 2009 г.). В материалах вышеотмеченной конференции интерес представляют доклады: Малаховой Г. Н. «Методология исследования управленческого потенциала муниципальных образований при разработке стратегий социально-экономического развития»; Косенок О. Н., Киселева Н. Н. «Теоретико-методологические подходы к стратегическому планированию социально-экономического развития малых городов России»; Тимченко В. А. «Местное самоуправление как фактор становления гражданского общества в современной Российской Федерации»; Киселев В. В., Киселева Н. Н. «Стратегии эколого-ориентированного развития муниципального образования». Во вторую часть опубликованного по итогам конференции сборника включен раздел «Власть, политика, управление», в котором представлены наиболее содержательные доклады по политическим аспектам местного самоуправления: Рудой В. В. «Русская и западная общественно-политическая мысль о местном самоуправлении и современная практика муниципального строительства»; Ароян А. С. «Субсидиарность как стратегический ориентир социальной политики муниципальных образований»; Филатова Ж. В. «Деятельность казачьих органов местного самоуправления в Терской области в 1917 г.: ракурс “новой локальной истории”» и др. [5].

Четвертый вид научно-практических конференций отражает многообразие преобразовательных процессов в современной российской действительности, где фактор местного самоуправления являет как социально-политическую определенность, а с этим пространственно-локальную территориальную данность и объективацию развития, так и властное воздействие местных органов на преобразовательные процессы. Отметим некоторые из этого вида научно-практических конференций (обширного своей тематической полифонией):

— Всероссийская научно-практическая конференция «Динамика социально-территориальной структуры современного российского общества» (организаторы: МГУ им. М. В. Ломоносова, ВАГС, Российская социологическая ассоциация — РоСА и др.) состоялась в ВАГС 28–29 апреля 2008 г. Здесь всесторонне рассматривались модели территориального развития и взаимодействия субъектов федерации и муниципальных образований, как локальных территорий Российской Федерации (особо содержателен IV раздел изданного по результатам конференции сборника о социально-политических факторах территориального влияния на жизнь, политическую культуру, политическую толерантность). Социально-политическая определенность местного самоуправления как фактора развития локальных муниципальных территорий представлена в ряде исследовательских материалов: Колесников В. А. «Территориальный фактор обеспечения местного самоуправления в современной России»; Новокрещенов А. В. «Территориальная организация местного самоуправления в контексте общей теории самоорганизации»; Рязанцев И. Л. «Социально-

территориальная стратификация и модели территориального поведения россиян»; Моисеенко О. Ю. «Социально-территориальная структура и границы локальных территориальных образований: опыт исследования» [6];

— Всероссийская научно-практическая конференция, состоявшаяся 4 апреля 2008 г. в Волгограде «Экологические аспекты сохранения исторического и природно-культурного наследия» (организаторы: ВАГС, ООО «Лукойл-Нижневожскнефть»), на которой выявлены взаимосвязи политической составляющей, состояния экологической среды, исторического и природно-культурного наследия, муниципального развития в современной России. См., например, доклады: Колесников В. А. «Экологический фактор муниципальных интересов в современной России»; Лукьянова М. Н., Муха Т. П. «Будущее Волгограда — проект “Полиэтнокультурный парк”»; Чикильдина А. Ю. «Необходимость развития общественного экологического контроля (на примере Волгоградской области)» и др. [7];

— Всероссийская научная конференция «Полиэтничный макрорегион: язык, культура, политика, экономика», проходившая 9–10 октября 2008 г. в Ростове-на-Дону (ИОНЦ РАН, Институт СЭГИ), посвященная исследованию различных аспектов развития Юга России как полиэтничного макрорегиона (в фокусе конференции комплексная аналитика проблем полиэтноразвития и функционирования языка культуры, политики, экономики на территории ЮФО). Интересующая нас социально-политическая идентификация местного самоуправления здесь выявляется в контексте осмысления этнополитического развития в местных сообществах и в связи с формированием этнополитической устойчивости в городской среде и муниципальных образованиях. См. доклады: Рыблова М. А., Тюменцев И. О. «Казачество Волгоградской области: проблемы самоидентификации» (авторами представлен анализ этносоциологического опроса в казачьих поселениях Серафимовичского района Волгоградской области, проведенного сотрудниками Лаборатории региональной истории и казачества ИОНЦ РАН в 2007 г.); Лысенко Г. В. «Межэтнические отношения в молодежной среде: социологический анализ (на примере г. Волгограда)»; Колесников В. А. «Муниципальные интересы: факторы обеспечения в российском регионе»; Иванова С. Ю. «Гражданско-патриотическое воспитание как фактор стабилизации полиэтничного социума в современных условиях» и др. [8].

Анализируемая тематика диссертаций и авторефератов, защищенных и представляемых к защите работ на степень доктора политических наук и кандидата политических наук по специальности 23.00.02 «Политические институты, процессы и технологии» (п. 14, направление «политические аспекты развития местного самоуправления») позволяет выделить основные типы диссертационных исследований, исполненных по данным аспектам.

Первый тип представляют диссертации с нацеленностью на исследование особенностей функционирования муниципальной власти как социально-политического феномена и выявление своеобразия субъектной составляющей политического реформирования местного самоуправления в современной России. Это, например, диссертации: Корсунов Д. А. (2008 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Функционирование муниципальной власти в условиях реформы местного самоуправления (на материалах Ростовской области): политологический анализ»; Воронько Т. Л. (2007 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Представительная власть на местном уровне: проблема

становления и эффективности в современной России»; Буров А. В. (2008 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Система оценки деятельности органов местного самоуправления муниципальных образований (элитологический аспект)»; Рудаков П. В. (2009 г., КубГУ, канд. полит. наук) «Политическое реформирование системы местного самоуправления в Российской Федерации (на примере городов Черноморского побережья России)». Представляя положительный отзыв на данную диссертационную работу в Д 212.101.11 при Кубанском госуниверситете, мы отметили: «Актуальность диссертационного исследования не вызывает сомнения, так как в интересах российской политической науки необходима комплексная научная оценка политического реформирования системы местного самоуправления в современной России. Следует согласиться с утверждением автора (П. В. Рудакова) о необходимости совершенствования форм государственного регулирования местного самоуправления, создания возможностей развития гражданского общества, гарантий прав и свобод граждан, определения ответственности органов местной власти за принимаемые решения» (см.: автореферата указанной диссертации, с. 3).

Второй тип представляют диссертационные исследования социально-политических аспектов местного самоуправления, связанные с факторами утверждения демократии в России, обеспечения муниципальных интересов, процессами взаимодействия государственных и муниципальных органов власти, местного сообщества и формирующихся институтов гражданского общества. Отметим некоторые из таких работ: Коломиец И. К. (2005 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Местное самоуправление как механизм формирования гражданского общества»; Ревягина Н. Г. (2005 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Образовательные системы и технологии в процессе формирования региональной и местной административной современной элиты»; Кириченко А. С. (2005 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Политико-административное реформирование и управление казачьими образованиями Юга России (на материалах Ростовской области)»; Колесников В. А. (2006 г., ВАГС, д-р полит. наук) «Муниципальные интересы в современной России: социально-политические особенности и факторы обеспечения». В данном труде автор систематизировал аспекты и исследовал факторную составляющую социально-политической объективации местного самоуправления как властного института, классифицировал типы муниципальных интересов на основе «сферного подхода», проанализировал субъектный потенциал обеспечения муниципальных интересов, формы и особенности взаимодействия государственных и муниципальных органов власти в условиях муниципальной реформы, обеспечения демократического политического процесса в современной России [9].

Третий тип представляют диссертации, в которых исследуется политическая проблематика местного самоуправления в соотношении с развитием регионов России, обеспечением качества муниципальной практики на основе улучшения качества местной политико-административной элиты, повышения ответственности и эффективности органов местной власти. В качестве примера приведем следующие диссертационные работы: Чубарь А. П. (2004 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Формирование региональной и муниципальной элиты России: постсоветский опыт»; Голубев Н. Н. (2005 г., СКАГС, канд. полит. наук) «Политические аспекты развития местного самоуправления на примере регионов ЮФО»; Ткаченко А. И. (2006 г., ВАГС, канд. полит. наук) «Политическая компетенция исполнительной власти

муниципального района в системе местного самоуправления». В этой диссертации предложена оригинальная концепция реализации политической компетенции районной исполнительной власти (за основу взят опыт Николаевского муниципального района Волгоградской области), обоснованы принципы взаимодействия районного уровня власти с исполнительными органами городских и сельских поселений, систематизированы взаимосвязи с исполнительными органами региональной и федеральной власти, представительными органами народовластия в контексте обеспечения политической стабильности в российских регионах.

Анализируя состояние с научным осмыслением современных социально-политических аспектов местного самоуправления в рамках отечественной политической науки, отметим значимый к учету фактор монографических трудов, сборников и научных и учебно-методических материалов, подтверждающий возрастание интереса к указанной области исследования. Здесь — аккумулятивная составляющая политической идентификации местного самоуправления и муниципальной практики, доступная как анализикам и практикам местного самоуправления, так и широкому кругу читателей.

По этому направлению выделим, во-первых, монографии с ориентиром на целостное исследование местного самоуправления как института политической жизни, с направленностью на обуславливающие «аспекты политического развития местного самоуправления». В частности, укажем на работы: Игнатов В. Г., Рудой В. В. «Местное самоуправление». Ростов-на-Дону, 2001; Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. «Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991—2000». СПб.; М., 2002. В данном научном труде осуществлено комплексное исследование местного самоуправления как базового политического института современной России на основе методологии политической науки в аспектах аналитического соотнесения форм политической автономии и контроля применительно к истории и современности. Согласимся не только с аргументацией, но и с ключевым выводом, предложенным в заключении авторами: «Есть основания полагать, что немногие элементы местной автономии могут быть принесены в жертву во имя идеи «вертикали сильной власти» [10].

Интерес представляют, во-вторых, и специальные монографические исследования: Баксаляев В. В. «Проблемы реформирования системы муниципального управления в постсоветской России». Саратов, 2005; Шварцман Н. И. «Политический механизм формирования и координации государственной и муниципальной экономики и политики в современной России». Ростов-на-Дону, 2004. Научно-практическими являются также монографии юристов, историков, в которых осмысливается властная проблематика современного российского местного самоуправления. См., например: Буров А. Н. «Местное самоуправление в России: исторические традиции и современная практика». Ростов-на-Дону, 2000. В данный познавательный блок, представляется правильным включение и сборников по результатам научно-практических конференций по социально-политической тематике местного самоуправления. См., например: «Инновации в местном самоуправлении: Юг России контексте национального и европейского опыта». Российско-Германская научно-практическая конференция: тезисы выступлений (май 2005 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов-на-Дону, 2005. Вып. 1.

В-третьих, существенны работы (монографии, научные сборники), исполненные с акцентом на углубленное исследование процесса, объективирующего политико-социальное развитие местного самоуправления и характеризующего тот или иной конкретный аспект объективации народовластия на местном уровне как явления политической практики, утверждения демократии в современной России. Отметим, например: Бардаков А. И. «Власть и управление в формах коллективной жизни». Волгоград, 2006; Политическое управление и публичная политика XX в.: государство, общество и политические элиты / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина. М., 2008. В указанном сборнике особо важными по интересующей нас тематике являются статьи политологов: Сельцер Д. Г. «Новая номенклатура? Главы администраций городов и районов России, 1991–2005 гг.»; Понеделков А. В., Старостин А. М. (СКАГС) «Региональные и местные административно-политические элиты: постсоветская эволюция». В этой статье авторами предложен анализ взаимообуславливающих механизмов: формирования, выстраивания карьерной лестницы, инфильтрации элит между собой за десятилетний период 1995–2005 гг. — с научными прогнозами в отношении элитной рекрутации и роли в данном процессе региональной бюрократии (которой «так и не удалось создать устойчивые механизмы рекрутирования административно-политической элиты») [11, с. 167, 182].

В-четвертых, динамичной составляющей формирующегося массива исследовательского материала, знаний и опыта по политическим аспектам местного самоуправления в современной России являются научные статьи, опубликованные в ведущих научных российских журналах: «Полис», «Государственная власть и местное самоуправление», «Вопросы государственного и муниципального управления», «Муниципальная власть», «Государственная служба», «Государство и право», «Социс», «Мировая экономика и международные отношения» и др. В этих работах анализируется политическая и методологическая, политико-правовая, политико-экономическая, политико-социальная, политико-организационная и управленческая тематика местного самоуправления в Российской Федерации.

Отметим некоторые из таких работ: Великая Н. М. Основные тенденции политического участия в местном самоуправлении // Социс. 2003. № 8. С. 45–49; Шлихтер А. Местное самоуправление в системе федерализма: проблемы России и опыт США // Мировая экономика и международные отношения. 2002. № 6. С. 45–54; Алейников Н. Взаимодействие как общий процесс развития: размышления о природе отношений государственных и муниципальных институтов власти // Муниципальная власть. 2004. № 1; Голосова С. А. Местное самоуправление и государственная власть: теоретические аспекты их соотношения // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 5. С. 3–6; Туровский Р. Ф. Местное самоуправление: к организации эффективной власти // Общественные науки и современность. 2005. № 12; Виноградова П. А. Государственная политика в области местного самоуправления // Цивилист. 2006. № 1. С. 118–121; Соловьев С. Модели организации системы муниципальной власти: проблемы теории и практики // Муниципальное право. 2006. № 1. С. 44–47; Колесников В. А. Муниципальные интересы как теоретический и практический феномен // Государственная служба. 2006. № 5. С. 74–79; Ярошенко А. А. Проблемы реформы организации системы органов власти местного самоуправления в Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 7; Алпатов Ю. М. Городское самоуправление

в системе публичной власти Российской Федерации // Государство и право. 2008. № 3. С. 93–97; Богданов А. В. Правовые основы взаимодействия органов местного самоуправления с высшими учебными заведениями // Вопросы государственного и муниципального управления. 2009. № 3. С. 143–154.

Целостность материала о состоянии с социально-политической идентификацией и исследованиями МСУ неотделима от эмпирической составляющей, учета качества и состояния прикладных социологических исследований по аспектам социально-политической идентификации местного самоуправления, осуществления муниципальной политики и проведения муниципальной реформы в России. На этой основе предметна апробация результатов исследований социально-политических аспектов местного самоуправления, вырабатываются конкретные рекомендации и предложения, воплощаются практические модели повышения эффективности политического процесса на местном уровне. Посредством данной составляющей обеспечивается верификация научного поиска в системе местного народовластия и демократических институтов, деятельности политико-административной элиты и властных органов, процессов формирования политической культуры в местных сообществах (электоральной, например: участия и взаимодействия, ориентаций и политического выбора).

Говорить о развитой отечественной политической социологии в отношении местного самоуправления, видимо, рано. Вместе с этим, в Российской Федерации, активны многие исследовательские коллективы, формирующие и тип отечественной политической социологии (например: в РАГС, МГУ им. М. В. Ломоносова, в Санкт-Петербурге — коллектив С. И. Рыженкова, В. Я. Гельмана — и др., с выходом и на муниципальную практику [12]).

На Юге России формирующаяся школа политической социологии действует в Ростове-на-Дону (СКАГС) с целевой исследовательской ориентацией на отечественные политические элиты, на развитие политической науки на Юге России (творческий коллектив под руководством В. В. Рудого, А. В. Понеделькова, А. М. Старостина). В рамках этих направлений осуществляются прикладные исследования и осмысление политической эмпирики, в т. ч. политических аспектов развития местного самоуправления. Отметим некоторые из практических исследований: Муниципальная кадровая политика: образовательная составляющая повышения профессионализма. Ростов-на-Дону, 2003 (заказчик РАГС); Социологическое исследование № 1: Административно-политические элиты России: респонденты 20 регионов России. Ростов-на-Дону, 2005 (СКАГС); Подготовка методических рекомендаций по разработке и внедрению муниципальных целевых программ становления и развития государственной службы казачества. Ростов-на-Дону, 2008 (СКАГС); Социологическое исследование № 8: Политическая наука на Юге России. Ростов-на-Дону, 2009 (СКАГС).

Исследования по отдельным аспектам политико-социологической аналитики в отношении местного самоуправления проводятся и в других научных центрах Юга России: Кубанском госуниверситете, Ставропольском госуниверситете, Волгоградском госуниверситете, ВАГС и др. В ВАГС, в связи с исследованиями реформирования местного самоуправления, издавался информационно-аналитический бюллетень «Экспертиза». Где обобщались результаты исследования социально-политической ситуации в отдельных регионах, например, в Волгоградской и

Астраханской областях в отношении к местной власти: доверие населения органам местного самоуправления, особенности муниципальной электоральной ситуации, степень легитимности муниципальной власти и др. [13]. В контексте исследований издавались коллективные аналитические сборники, например: *Власть и общество: успешность деятельности властных структур в глазах жителей региона* / А. Н. Бу-ров, Д. А. Дильман, П. В. Смоленский. Волгоград, 2006.

Укажем на важность того, что результаты прикладных исследований, как правило, задают глубину диссертационным исследованиям по местному самоуправлению. См., например: Гойхман В. Б.-Г. «Местное самоуправление в России как источник формирования коллективной идентичности» (диссертация защищена в ВАГС в 2006 г.); Леденева В. В. «Административно-политическая элита крупного города: структура, механизмы влияния и взаимодействия с региональной элитой» (диссертация защищена в ВАГС в 2005 г.). В этой работе проведено панельное исследование ростовской городской политико-административной элиты 1995 г. и 2005 г. Как констатирует автор, за 10 лет городская элита стала в среднем на 5 лет старше, она стала более «женской» и более гуманитарной, чаще проходит переподготовку и повышение квалификации, в ее составе меньше лиц, имеющих опыт работы в прежней социально-политической системе, существенно (на 12 %) больше хозяйственников, уменьшилась и фракция, имеющая опыт работы в социальной сфере (см.: автореферата указанной диссертации, с. 23–24).

В заключении констатируем, что предложенная в настоящей статье научная информационно-обзорная аналитика обуславливает: важность обоснования политической муниципалистики как научного направления на «стыке» развивающейся политической науки и муниципальной науки в Российской Федерации; объективизирует необходимость систематизации политических аспектов муниципальной власти и комплексный анализ факторов муниципальной политики; ориентирует научный поиск на исследование субъектного потенциала и особенностей реализации политической составляющей местного самоуправления, обеспечения муниципальной реформы в современной России.

Литература

1. Инновации в местном самоуправлении: Юг России в контексте национального и европейского опыта: тезисы выступлений на российско-германской научно-практической конференции (май 2005 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. В. Г. Игнатов. Ростов н/Д, 2005. Вып. 1. С. 3–7, 27–31, 35–38, 43–46, 80–94, 210–254 и др.).
2. II Международный научный форум «Государственная власть и местное самоуправление в России: история и современность» / под общ. ред. А. С. Горшкова, А. А. Валецкого. СПб., 2005.
3. Программа Международной научно-практической конференции «Политическая наука на Юге России: становление, современное состояние и основные направления развития» / 20-летию современной политической науки в России посвящается (11–12 марта 2009 г., Ростов-на-Дону). Ростов н/Д, 2009. С. 10, 14, 22, 23, 29, 30.
4. Программа Всероссийской научно-практической конференции «Политическая элита и формирование резерва управленческих кадров» (16–17 ноября 2009 г., Волгоград). Волгоград, 2009. С. 3–14.
5. Стратегии управления социально-экономическими и политическими процессами в регионе: история и современность: материалы научно-практической конференции в 2 ч. (2009 г., Ростов-на-Дону–Пятигорск). Ростов н/Д, 2009, ч. 1. С. 16–28, 169–178, 198–306, 388–392.

6. Динамика социально-территориальной структуры современного российского общества: материалы Всероссийской научно-практической конференции (28–29 апреля 2008 г., Волгоград) / отв. ред. А. А. Огарков [и др.]. Волгоград, 2008. С. 14–18, 19–22, 61–64, 64–68.
7. Экологические аспекты сохранения исторического и природно-культурного наследия: тезисы докладов всероссийской научно-практической конференции (4 апреля 2008 г., Волгоград) / ред. кол. Г. В. Лысенко [и др.]. Волгоград, 2008. С. 9–15, 118–127.
8. Полиэтнический макрорегион: язык, культура, политика, экономика: тезисы докладов Всероссийской научной конференции (9–10 октября 2008 г., Ростов-на-Дону) / отв. ред. Г. Г. Матишов. Ростов н/Д, 2008. С. 119–122, 144–147, 182–186, 256–259.
9. Колесников В. А. Муниципальные интересы в современной России. Волгоград, 2005.
10. Гельман В., Рыженков С., Белокурова Е., Борисова Н. Автономия или контроль? Реформа местной власти в городах России, 1991–2000. СПб.; М., 2002. С. 319.
11. См.: Политическое управление и публичная политика XX в.: государство, общество и политические элиты / отв. ред. О. В. Гаман-Голутвина. М., 2008. С. 164–182, 183–204.
12. См.: Идеологические и политические ориентации в мегаполисах и провинциях (социологическое исследование ИКСИ РАН — р. 8) // Мегаполисы и провинции в современной России: образы и реальность. М., 2003. С. 78–98.
13. Экспертиза: информационно-аналитический бюллетень. Вып. 3. Волгоград, 2003. С. 6–12, 53–56, 59–60.

Н. Л. Костарева

ПОЭТИКА БАРОККО: ДИАЛОГ КУЛЬТУР (РОЛЬ АНТИЧНЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В СОНЕТАХ АНДРЕАСА ГРИФИУСА)

В Германии XVII в. наблюдалась довольно сложная языковая ситуация, обусловленная раздробленностью страны и событиями Тридцатилетней войны.

Обращение к античной ономастике, широко представленной в немецких произведениях XVII в. может восприниматься одновременно и как традиционный прием, и как выражение идиостиля, проявляющегося в выборе имен и в степени интенсивности использования античных онимов. Как правило, древнегреческие и римские знаменитости служили критерием для оценки современников и их имена включались в стихи — посвящения или хвалебные стихи. Обращались немецкие поэты к античным именам также в стихах, посвященных величию Германии, сравнивая ее с Римской империей времен Августа.

Андреас Грифиус (Andreas Gryphius, 1616–1664) — немецкий поэт, драматург прожил весьма сложную жизнь, его судьба глубоко трагична. Только в последние годы жизни к А. Грифиусу пришли слава и признание. Он был принят в языковое общество «Плодоносящее общество», где получил имя «Бессмертный».

Как и многие его современники, Грифиус начал творческий путь с латинских стихов. Его первый опыт — латинская поэма на библейский сюжет «Неистовство Ирода и слезы Рахили» (1634) косвенно отражает тяжелые впечатления военных лет. Тогда же Грифиус переводит на немецкий язык латинские драмы и стихотворения современных авторов. Первый сборник его немецких стихов вышел в 1637 г. в польском городе Лисса и содержал 31 сонет, в том числе знаменитые «Слезы отечества, год 1636» и несколько других, вошедших в сокровищницу немецкой поэзии. В 1639 г. в Лейдене вышел другой сборник — «Воскресные и праздничные

сонеты» (100 сонетов). Формально каждый из них был написан на какой-либо текст из Евангелия, предназначенный для воскресного или праздничного богослужения, но по сути дела они отражали философские, нравственные и общественные вопросы, волновавшие автора. В дальнейшем поэт продолжает работать над сонетами, создав 4 книги сонетов, а также книги од, трагедии, комедии.

Большая часть стихотворений Грифиуса так или иначе связана с суровой реальностью войны, с бедствиями, обрушившимися на родную страну:

Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе,
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь.
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.
(«Слезы отечества, год 1636», пер. Л. Гинзбурга)

К этой главной теме примыкает и характерная для мировоззрения эпохи барокко идея бренности и суетности земных благ, звучащая во многих сонетах. Преходящей видится поэту женская красота, обреченная на быстрое увядание. Традиционный мотив быстротечной юности, звучавший еще у Ронсара¹, приобретает в стихах Грифиуса трагическую окраску. Единственное, что остается человеку — это стойкость перед лицом страданий, верность своему нравственному долгу, постоянство в убеждениях. Этим путем он может преодолеть зыбкость и текучесть всего сущего и приблизиться к вечности.

Многие сонеты Грифиуса носят автобиографический характер. Грифиус описывает свое физическое и душевное состояние, перенесенные муки и отчаяние выразительными, а порой даже натуралистическими красками. Большинство сонетов завершается обращением к небу с просьбой поддержать в нем силу духа, вселить мужество и надежду. Даже традиционные для поэзии XVII в. «стихотворения на случай» наполнены у Грифиуса напряженным, трепетным и общественно значимым содержанием.

В ряде сонетов (их около 20) автор использовал имена античных богов. Наиболее часто встречается античное имя Phoebus². Этот образ традиционно воспринимается как серебролукий бог — охранитель стад, света наук и искусств, бог-врачеватель, предводитель и покровитель Муз, путников и мореходов, предсказатель будущего. Двойственный характер эпохи барокко отражался в конкретных жанровых формах и системе образов. У А. Грифиуса Феб выступает как в качестве доброго бога-помощника, так и в качестве убийцы, что тоже связано с древней традицией³.

¹ Ронсар — знаменитый французский поэт XVI в. Возглавлял объединение «Плеяда», пропагандирующее обогащение национальной поэзии изучением греческой и римской литератур.

² Аполлон (*др.-греч.* Ἀπόλλων), Феб (*др.-греч.* Φοῖβος, «лучезарный»).

³ В многочисленных мифах о Аполлоне, речь идет об убийствах, которые он совершал: убийство гиганта Тития (за то, что он оскорбил его мать), убийство детей Ниобы, наказание греков под Троей моровой язвой за то, что оскорбили жреца Хриса и т. д. Все это свидетельствует о жестокости Аполлона и его противоречивости. Также Аполлон отождествляется с богом-воителем. Лучи Аполлона-солнца отождествлялись с золотыми стрелами, которыми бог-дальновержец поражает своих врагов.

Древние объясняли скоропостижную смерть человека тем, что Аполлон сразил его своей стрелой. Этот образ А. Грифиус использует в сонете «Der Welt Wolust» (1-я книга):

Ich red' es offenbah, so lang als **Phcebus** licht
Vom Himmel ab bestral, mein bleiches an Gesicht
Ist mir noch nie ein Tag, der ganz ohne Angst bescheret...

Я вовсе не шучу: с тех пор, как Гелиос
На лик мой свет пролил, ни дня я здесь без слез,
Без страха не провел, ни дня без сожалений.
(Перевод Алексея Прокопьева)

В сонете из 2-й книги «Auf H. Sigmund Gutsche Ratsverwandten zu Freystadt, als er zum ersten nach dem Brande der Stadt geheiratet und gebauet» («Господину Зигмунду Гуче, члену городского совета, когда он первым после пожара города женился и построился»). Речь идет о свадьбе в городе, только что пережившем большой пожар.

Мой Феб предсказывает,
что прежде чем луна в 9-й раз посетит Вололея,
он больше еще, чем ныне будет жить на свой кредит

Грифиус применяет прием окказиональной омонимизации: *gutschreiben* — (записывается на кредит, кредитовать) и фамилия горожанина *Gutsche* — барочная игра слов.

Сонет «Annæ Mariæ Gryphiae» написан на смерть сестры А. Грифиуса. Поэт использует имя Нупен (Пименей) — имя бога брака у греков и римлян. В последней строке появляется оним Парка — олицетворение судьбы. А. Грифиус пишет в последней строке, что богиня вычеркивает строгой рукой, по всей видимости, жизнь его сестры.

Doch ach! den wuenscht durchstrich der Parcen strenge Hand.
Ах! и строгая рука Парки желает вычеркнуть.

Характерной чертой использования А. Грифиусом античной ономастики является употребление имен женских персонажей: богинь, муз, нимф (Свада, Каллироя, Урания, Фемида, Веста, Кинтия, Матута).

Последние два имени употреблены в сонете «Deficit in Dolore Vita mea! (Psal. XXXI)» («Как не достает утешения в жизни моей»). Тема псалма — жалоба на жизнь, полную слез и непосильного труда, страданий, скорби — расширена поэтом в сонете размышлениями о бесконечности и безысходности происходящего. В последних строках сонета упоминается имя *Synthia* (Кинтия, Кинфия, Цинтия) — одно из имен Артемиды, в поэтическом языке означающее Луну.

Wenn **Cynthia** her Horn steckt auf den Abend an,
ist nichts, das mich mit Ruh und Rat ergetzen kann

Когда **Кинтия** направляет свой рог на вечер,
ничего не может меня радовать, ни покой ни совет.

Matuta (Матута) — богиня утра «Wenn Matuta lacht, kein Abend deckt die Not, kein Tag kann Trost erwecken» («Когда Матута смеется, ни вечер не скрывает бедствия, ни день не может разбудить утешения»).

Соединение в пределах одного текста христианского и античного (языческого) плана можно трактовать и как оппозицию, и как объединяющее начало между прошлым и настоящим в культуре, и как путь, ведущий к новой гармонии.

Таким образом, в немецкой литературе XVII в. обращение к античной ономастике демонстрировало стремление преодолеть хаос исторического времени и утвердиться в вечности. Античные онимы включаются А. Грифиусом в тексты сонетов наряду с библейскими (христианскими) онимами. Ключевым и наиболее частотным является оним Феб, номинирующий образ античного бога, фигуры двойственной, в наибольшей степени соответствующей барочному мироощущению. Поэты используют женские онимы (музы, нимфы, хариты, пизриды, наяды, дриады, богини) в сонетах разной тематики.

При всей заданности тематики и нормативности художественных приемов, характерных для данной эпохи, автор мог использовать только ему присущий спектр художественных средств и определенный способ языкового выражения. Обращение к античной ономастике и формы ее проявления в текстах становится элементом проявления идиостиля поэта.

Литература

1. *Ботвинник М. Н.* Мифологический словарь. М., 1985.
2. *Гинзбург Л.* Немецкая поэзия XVII в. М., 1976. С. 104–122.

Г. А. Круглова

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ХРИСТИАНСКОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Состояние цивилизации в XXI в. настоятельно требует объединения усилий по исследованию различных подходов и концепций, анализирующих глобальные проблемы современности. Подготовка долгосрочных комплексных программ решения глобальных проблем предполагает не только тесное взаимодействие всех наук, но и сотрудничество различных политических сил и общественных объединений. И здесь следует обратить внимание на различные направления глобалистики, которые начали формироваться еще во второй половине XX в., прежде всего исследование этих проблем, предлагаемые в учениях христианских церквей.

Воздействие христианских церквей на население мира сегодня довольно значимо (около 1,5 млрд человек верующие христиане). И в этом плане очень важно правильно оценить просветительское, воспитательное значение их деятельности. Именно здесь традиционные христианские ценности могут сыграть важную роль. Поэтому необходимо четко представлять их основные теоретико-философские разработки и мировоззренческие подходы. В нашем обществе назрела объективная необходимость в изучении всего разнообразия социальных разработок христианских церквей, где первостепенное место занимают их концепции глобальных проблем. Поэтому в наши дни, когда процесс глобализации разворачивается все шире, для

решения глобальных проблем должны быть задействованы все силы, ориентирующиеся на их решение XX в.

Христианская церковь всегда старалась учитывать потребности общества и по своему объяснять различные социальные перемены в мире. Религия и церковь все более вовлекаются в реальную жизнь эпохи. Христианские церкви изначально существуют «в миру», этим определяется и их неизбежное участие в решении социальных проблем. Теологи придают универсальность всем своим концептуальным разработкам и по возможности пытаются повлиять на общественное развитие в целом.

При этом активное включение христианских церквей в решение глобальных проблем современности показывает, что происходящая модернизация религиозного вероучения не временное и преходящее явление. Оно является новой ориентацией религиозных структур для усиления своей значимости в обществе.

Целостное христианское осмысление глобальных проблем можно представить в виде интеллектуальной традиции «христианской глобалистики». Сама же «христианская глобалистика» предстает в начале XXI в. как своеобразная целостная парадигма миропонимания и мироописания, основанная на базовых постулатах религиозного мировоззрения. Несмотря на существенные разногласия в подходах различных конфессий христианства к общецивилизационным проблемам и наличия у них множества концепций, «христианская глобалистика» может быть охарактеризована рядом существенных признаков содержательного и концептуального единства.

Рассматривая социальные разработки глобальных проблем христианскими теоретиками как основу концептуальной модели «христианской глобалистики», целесообразно выделить ее характерные черты:

- 1) апелляция преимущественно к сугубо личностным ценностям эмоциональной и духовной сферам жизни человека;
- 2) ориентация в первую очередь на морально-нравственные средства при определении возможных путей преодоления многомерного и разнофакторного глобального кризиса современной цивилизации Запада;
- 3) обращение к тем сферам культуры и человеческой психики, которые традиционно затрагивали прежде всего проблемы самосовершенствования человека и его сознания;
- 4) вера в возможность решения всех общечеловеческих проблем посредством улучшения индивидуальной сущности самого человека, обретения им должной гармонии с ценностями духовного и религиозного плана;
- 5) обоснованность единым миропониманием христианства, предполагающим сходные представления об иерархии ценностей мира, об аксиологическом измерении общественного прогресса, о значимой роли веры в структуре мотиваций и поведения индивидов;
- 6) трактовка глобальных проблем как результата проявления греховной сущности человеческих существ, позитивное изменение которой возможно, в первую очередь, посредством «евангелизации человечества»;
- 7) активное использование, прежде всего католицизмом и протестантизмом разработок современной науки и философии — с первостепенным признанием в своих концепциях аргументации религиозного порядка;

8) рассмотрение глобальных проблем современности вне их действительного социального контекста, а ориентация на общечивилизационные оценки и выводы.

Обратившись к изучению общечеловеческих проблем еще в 70-е гг. XX в. христианские богословы наработали серьезный багаж, который позволяет в нынешних условиях выстроить целый ряд концепций в исследованиях проблем, которые получили неравнозначную разработанность на различных исторических этапах. Проблемы войны и мира — это, пожалуй, одна из немногих глобальных проблем, которые всегда были включены западными течениями христианства в их социальные доктрины. Однако традиционно они решались в духе пацифизма, и соответственно этим проблемам придавалось второстепенное значение.

Основные подходы западных христианских конфессий к анализу проблем войны и мира основываются на традиционных теологических догмах о «наказании божьем» за «грехи человеческие». Тем не менее, конкретные разработки этих проблем достаточно специфичны и нередко уходят далеко от традиционной религиозной методологии. Здесь достаточно часто просматривается взаимосвязь христианских концепций с размышлениями западных политиков, социологов, философов по проблемам войны и мира.

Позиция Русской Православной Церкви по проблемам войны и мира стоит в стороне от западных христианских учений, т. к. она формировалась в иных социально-политических условиях. Православие, придерживаясь достаточно традиционных взглядов на проблему источников войн и вооруженных конфликтов, тем не менее, отвергает идею мирового диктата одной сверхдержавы на основании некоей — пусть даже внешне религиозно-мессианской — системы ценностей и приоритетов. Развивая идеи «примирения», иерархи православия считают, что «военный механизм в целом должен быть поставлен на службу мирному обществу» [1]. Но при этом они не забывают подчеркнуть, что именно церковь будет «способствовать прекращению вражды в регионах межгосударственных, межэтнических, политических и гражданских конфликтов и противостояний» [2].

Обращение религиозных мыслителей к проблеме взаимодействия общества и природы далеко не случайно. Они преследуют здесь многочисленные цели, как внутрицерковного характера, так и мировоззренческие. Тем более что эти проблемы, по замечанию самих теологов, оказались для религии ценнейшим аргументом в пользу проповеди «смирения». «Могущество нашего господства над природой опьянило нас, мы сочли себя всемогущими, — пишет теологический эколог Г. Зигвалт. — Сознание своей автономии и бессознательность — решающие ошибки человечества, которое поверило будто может обойтись без данных ему биологических и этических законов, и создало себе свои собственные законы. Наши нынешние трудности — следствие горделивого забвения трансценденции» [3]. Используя подобные установки, теологи делают упор на утрату веры в Бога. Тем самым они подчеркивают возрастающее значение религии в деле наставления человека на «путь истинный», следуя которому можно будет решить экологические проблемы.

Объединив усилия, христианские церкви выступили с осуждением «технологического мышления», против синтеза науки, техники, производства. Осудив «технологическую идеологию», они потребовали «введения науки и техники в определенные, четко ограниченные рамки» [4]. Давая свое специфическое понимание

наиболее важных глобальных проблем, христианские мыслители демонстрируют и различную степень готовности к практическому участию в их решении.

Формирование «православной глобалистики», происходившее в условиях социалистического общества, во многом ориентировало иерархов церкви на сотрудничество с советским государством. «Православная мирология» и «православная экология» в 70-е гг. XX в. во многом развили и дополнили наработки советских ученых. Принятие «Основ социальной концепции Русской Православной Церкви» в 2000 г. позволило православию концептуально оформить уже имеющиеся разработки в рамках «православной глобалистики».

«Католическая глобалистика» складывалась и формировалась в условиях острой внутрицерковной борьбы, что отразилось в существовании нередко прямо противоположных оценок и подходов к анализу глобальных проблем. Принятие общего курса на «аджорнаменто» ознаменовало формирование и более устоявшегося, единого подхода к оценке общечеловеческих проблем и поиску путей их решения с ориентацией на интересы всего человечества.

Анализ протестантских разработок глобальных проблем позволяет выделить целый ряд существенных моментов. Особенностью «протестантской глобалистики» является ее стремление придать «научообразность» своим теоретическим разработкам. При этом следует учитывать «многовариантность» самого протестантизма, который в отличие от католицизма и православия представлен множеством различных течений. Это обусловило отсутствие его единой социальной доктрины, что и послужило основой возникновения и формирования экуменического движения, которое изначально было ориентировано на объединение всех протестантских церквей, а затем и присоединение к ним других христианских конфессий. В силу этого традиционно протестантизм рассматривается как ядро экуменизма. А в разработке многих общечеловеческих проблем идеология экуменизма по сути олицетворяет собой идеологию протестантизма.

И хотя «христианская глобалистика» отличается многообразием подходов, основных позиций и оценок общечеловеческих проблем, она характеризуется и общими моментами. Считая, что именно «глобальность греха» человечества породила все современные общечивилизационные проблемы, теологи отстаивают необходимость «фундаментальной» религиозно-этической концепции их решения. Оказывая серьезное влияние на сознание миллионов людей, богословы стремятся предложить обществу свою трактовку самых насущных проблем человечества, соответствующую «духу христианского вероучения» как единственно верную глобальную теорию.

Выделенные особенности концептуальной модели «христианской глобалистики» позволяют говорить о ее самостоятельности и значимости в рамках рассмотрения различного рода глобалистских разработок в современном цивилизационном процессе. При этом следует учитывать, что вне сферы научного философского анализа оказалось множество христианских разработок глобальных проблем, что привело к утрате возможности для сотрудничества в поиске взаимоприемлемых решений.

Возрастающий интерес христианских мыслителей к мировоззренческим, социальным, ценностным аспектам глобальных проблем современности вытекает, прежде всего, из их озабоченности судьбой церкви в современных условиях. Стре-

мьсь «сохранить чистоту христианской религии», деятели христианства нередко наполняют позитивные установки и призывы двойственным содержанием. Этот «внутренний» подтекст религиозных разработок как раз и раскрывает истинный богословский смысл их социальных концепций. Признавая позитивное значение многих практических действий христианских церквей, ни в коей мере нельзя считать их доказательством истинности религиозных концепций в целом.

Совмещение в индивидуальном сознании человека религиозных и светских взглядов на окружающий мир нередко приводит к их отождествлению. Поэтому при научном анализе необходимо четко отделять пропагандистские призывы христианства от его теоретической сущности. Так, например, широкая массовость антивоенного и экологического движения отнюдь не вызвана деятельностью христианских церквей. Это достаточно убедительно разъясняет российский ученый, профессор Н. Н. Марфенин, отмечая, что антивоенное и природоохранное «движение зародились вне церкви», так как «задолго до христианства... идея бессмысленности борьбы с соплеменниками... и противопоставления человека природе неоднократно и ясно осознавалась самыми мудрыми представителями человечества» [5]. Скорее, наоборот: теологи, озабоченные массовым светским характером этих действий, пытаются придать им якобы высший, «трансцендентный» смысл. Богословы пытаются обосновать стремление человечества к религиозно-нравственному «оздоровлению», а религию объявляют главным двигателем социального прогресса. Поэтому все мировоззренческие лозунги христианства нуждаются в конкретно-аналитической социальной оценке.

Литература

1. Журнал Московской патриархии. 1997. № 4. С. 28.
2. Мир всем: Журнал Православного братства Христова. Ноябрь, 1996. С.17.
3. *Siegwalt G.* Ecologie et theologie // *Revue d'histoire et de pheologie religieuses.* 1974. № 3. S. 348.
4. *La Documentation Catholique.* 2000. 2 janv. P. 589.
5. *Марфенин Н. Н.* Гуманизм и экология // *Экология и жизнь.* 2000. № 5. С. 6–10.

А. Б. Лярский

СУИЦИДОЛОГИЯ МЕЖДУ ГУМАНИТАРНЫМ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ

Начнем с разбора некоторых примеров. Когда в XIX в. исследователи доискивались до причин самоубийств, то многие, особенно медики и биологи, приходили к выводу о наличии глубоко дефекта организма, толкающего человека на самоубийство. Как писал в 1889 г. один из русских исследователей, психиатр И. Гвоздев, «за ближайшую причину не можем принять иную, как только молекулярную мозговую деятельность, дошедшую в отношении сохранения жизни до последней грани своей ненормальности» [1]. В поисках следов такого «молекулярного» воздействия, эксперты проводили многочисленные вскрытия тел самоубийц. Эти вскрытия, впрочем, почти всегда были безрезультатны — тогда анатомы не нашли никаких свидетельств, которые могли бы свидетельствовать о наличии у самоубийц орга-

нических поражений. Один из основоположников медицинского изучения самоубийц, Этьен Эскироль еще в первой половине XIX в. был вынужден констатировать, что изменения, обнаруженные в ходе вскрытия в телах самоубийц, настолько многообразны, что с их помощью нельзя делать ясных выводов. Это, тем не менее, не смущало представителей естественнонаучного похода в суицидологии. Один из них, англичанин Ф. Винслоу, утверждал, что: «Во многих случаях мозг кажется не затронутым структурными изменениями; и тем не менее, рассуждая физиологически, *следует верить* (разрядка моя — А. Л.), что в каждом случае орган чувств должен быть поврежден... Во многих случаях нет сомнения, что корень болезни заключен в головном мозге, в котором, однако, после смерти невозможно обнаружить следы болезни» [2].

Поиски естественнонаучной основы, объясняющей суицидальное поведение, велись не только в области медицины. Итальянский статистик Энрико Морселли, обнаружив статистические закономерности самоубийств, попытался связать эти явления с влиянием климата на организм человека. И та, и другая точка зрения были достаточно авторитетны, и Э. Дюркгейм в своей книге о самоубийстве был вынужден посвятить не мало страниц опровержению медицинской и «климатической» точек зрения для того, чтобы удалить из представления о самоубийстве все внесоциальные факторы. В суицидологии это общеизвестно.

Но развитие физиологии и генетики в конце XX в. сделали возможным возвращение отвергнутого социологами естественнонаучного подхода. Речь идет о так называемой «серотониновой теории», которая связывает частоту суицидов с особенностями работы эндокринной системы человека. По мнению некоторых физиологов, существуют популяции с такими особенностями функционирования этой системы, которые значительно повышают риск суицида, и эти популяции расселяются по земному шару таким образом, что их частота возрастает по мере удаления от экватора и по мере приближения к Гринвичскому меридиану (любопытно, что согласно выводам одного из исследователей — сторонников «серотониновой теории», — японцы являются одной из популяций, не слишком сильно подверженных риску самоубийства [см.: 3]). Любопытно, что это заключение подтверждает выводы Э. Морселли. С помощью «серотониновой теории» можно обосновать также суточные и сезонные колебания в частоте самоубийств — они тоже связаны с особенностями функционирования эндокринной системы человека. Как сообщает «Медицинская газета», это в очередной раз свидетельствует о влиянии суточных и сезонных ритмов, связанных с действием триады «серотонин — NAT2 — мелатонин», на смертность от суицида. Пик смертей от него в первой половине дня, ближе к полудню, российские исследователи объясняют тем, что вся эта система активируется в ночное время и что наибольшая концентрация мелатонина в организме приходится на 2 часа ночи. Ранним утром его концентрация еще высока, а вот уже к полудню она достигает минимума. Что же касается пика самоубийств весной и в начале лета, то сотрудники центра связывают данное обстоятельство все-таки не с климатическими условиями, как считал Морселли, а с активностью все той же триады «серотонин — NAT2 — мелатонин», т. к. известно, что в данное время года концентрация мелатонина в эпифизе снижена.

Этими же обстоятельствами объясняется и большее число самоубийц-мужчин по сравнению с женщинами-самоубийцами; похожее объяснение получают и

подростковые самоубийства: «У подростков в период полового созревания активность NAT2 резко падает, и мелатонина в эпифизе очень мало. В таком возрасте молодые люди часто подвержены депрессиям и самоубийствам» [4].

Но если «серотониновая теория» по каким-то причинам не устраивает исследователя, можно апеллировать непосредственно к генетическим особенностям организма. Согласно последним исследованиям немецких и американских специалистов, существует определенная зависимость между мутациями в одном из генов, отвечающих за формирование нервных тканей мозга, и частотой самоубийств [5].

Таким образом, поиск физиологической основы для самоубийства вышел на новый уровень, воплощая в жизнь мечту анатомов XIX в. Эта, биологическая, точка зрения постепенно начинает распространяться в средствах массовой информации, хотя однозначного преимущества она еще не получила и упоминается наряду со многими как одно из возможных объяснений суицидального поведения [6]. Тем не менее, скорее всего, не за горами то время, когда гуманитариям придется вступить в борьбу с набирающим силу «генетическим детерминизмом» в популярных интерпретациях суицидологических исследований. Естественно-научный дискурс весьма устойчив: результат своих исследований сами генетики интерпретируют как основу для последующей превенции и даже терапии самоубийств [7]. Вряд ли неспециалисту уместно обсуждать возможные следствия из описанных выше теорий. Однако стоит отметить, что в области генетики и биологии не все склонны говорить об однозначной зависимости между генетическими особенностями человека и его поведением. Например, в своей книге «Геном» Мэтт Ридли пишет: «Но влияние серотонина на поведение уравнивается влиянием социума и событий окружающего мира на содержание серотонина в мозгу.. Нет и не может быть детерминизма ни со стороны генов, ни со стороны социума» [8].

Позволю себе сделать несколько замечаний о сложившейся ситуации. Что собственно произошло? Налицо прогресс в наших знаниях о физиологической основе суицидального поведения. То, что было недоступно медикам и физиологам XIX в., стало возможным теперь, с развитием соответствующих технологий исследований и с расшифровкой генома человека. Не так ли люди делали все открытия? Не так ли совершались все технологические прорывы — от книгопечатания до полета в космос?

Но меня, как историка, настораживает то обстоятельство, что собственно ничего нового к нашим знаниям не прибавлено. Раньше мы не видели изменений в теле самоубийцы, теперь мы их можем обнаружить. Это означает, что, как показывает процитированная выше статья из медицинской газеты, старая точка зрения на суицид как на следствие органического дефекта получает новую жизнь. Но с этой точки зрения, как ни парадоксально, ничего нового не увидеть. Наоборот, отсюда виден только «ветхий Адам», образ человека из XIX в., целиком детерминированного своим организмом и/или социальными условиями.

Но кроме этого «консерватизма» и «стагнации» якобы нового знания меня настораживает и постепенное распространение этой точки зрения как единственно верной. Мне не хотелось бы прослыть мракобесом, но обыватель в массе своей вообще склонен к простым объяснениям, и что бы ни говорили специалисты, очень многие до сих пор убеждены, что все самоубийцы — «психи» (для того, чтобы в

этом убедиться, достаточно почитать те многочисленные комментарии в Интернете, которые оставляются пользователями после статей, описывающих соответствующие ситуации). Дело в том, что гуманитарная интерпретация самоубийства (в том числе и психологическая) всегда и сложна и неоднозначна. Ни сложности, ни неоднозначности обыватель — в том числе и подвизающийся в СМИ — не любит. Медицинское знание не менее сложно, чем гуманитарное, однако на выходе оно стремится к однозначности исцеления — иначе такое знание и не имело бы смысла. И такая однозначность имеет большое будущее в СМИ и, следовательно, в головах обывателя, в том числе и потенциального самоубийцы.

С моей точки зрения само распространение физиологического (генетического) объяснения самоубийств сейчас тормозится только тем, что в российской практике самоубийство привыкли интерпретировать как показатель кризиса и всяческого «нестроения». Отказаться от этой идеи достаточно сложно, поскольку представленное таким образом самоубийство (например, самоубийство школьника) превращается в орудие критики чего угодно — школьной системы, устройства семьи, государственного строя и т. д. Однако этот подход несет в себе зерно саморазрушения — при таком подходе исправить ситуацию невозможно, сделать ничего нельзя. Если мы свяжем самоубийство с экономическим кризисом, можем ли мы спасти людей? Нет. Надо ждать, пока пройдет кризис. Если мы свяжем самоубийство школьников с плохой школьной системой, спасем ли мы их? Нет. Школьная система получит еще одну порцию критических тумачков, но, как показывает российская практика, на этом все и закончится. Тем более бессмысленно связывать рост самоубийств с особенностями российского политического устройства. И рано или поздно физиологическая интерпретация самоубийств возьмет верх, поскольку такая стратегия избавляет от бессилия в борьбе с самоубийствами и делает ситуацию ясной. Если речь идет об устройстве организма, то путь к исправлению ситуации, по крайней мере на первый взгляд, хотя бы проходим.

И вот здесь важно учитывать, что подобный взгляд при его распространении очевидным образом вызовет попытки сегрегации «суицидоопасных» и... самоубийства. Такие примеры истории известны, и начав мой краткий очерк примерами, примерами же и закончу.

В конце XIX — начале XX в. были известны случаи самоубийства юношей, которые пошли на этот шаг, поскольку не могли избавиться от привычки к онанизму. Как известно, считалось, что онанизм приводит к истощению нервной системы и, как следствие, к так называемой «сухотке спинного мозга», а следовательно — к смерти. Логика рассуждений суицидентов была проста: если смерть неминуема, то чего же ждать? Легко себе представить, что будут думать люди, которым вдруг станет известно, что они генетически предрасположены к самоубийству.

Что касается сегрегации, то и тут не удержусь от примера. В 1883 г. в Красноуфимске застрелился Степан Дементьев. Общий тон доклада о его смерти позволяет предположить, что доброжелательное отношение к покойнику при жизни и недоумение по поводу его смерти были совершенно искренними. Как писал в донесении попечитель учебного округа, «таким образом, причина его самоубийства была решительно непонятна, т. к. покойный пользовался всеобщей любовью наставников, видел самое дружеское, снисходительное к себе отношение, экзамен выдержал...» [9].

И вот это непонимание очень важно для дальнейшего исследования. Сколько их было, таких, причина чьих самоубийств осталась для родителей, школы, друзей «решительно непонятной». В основном для подобных случаев существовала формула «причины неизвестны». Однако и здесь на помощь могла прийти идея ненормальности самоубийцы. Вот как было объяснено самоубийство Дементьева: «...открыло причину вскрытие трупа, при чем оказалось, что его череп не имел и признака костяных швов и был похож на вздутый пузырь. По объяснению врачей, подобные черепа встречаются только при судебно-медицинских вскрытиях, т. к. еще не было примера, чтобы люди, обладающие ими, не кончали самоубийством, если они своевременно, случайно, не прекращали умственные занятия и не обращались к физическому труду» [10].

Оставим в стороне логическую нелепость фразы и обратим внимание на то, что в глазах человека, находящегося на периферии медицинских знаний, только вскрытие открыло истину, и только ненормальность объясняет суть дела. За ненормальность самоубийцы схватились как за единственное возможное объяснение произошедшего.

Однако это дело интереснее, чем кажется на первый взгляд. Попечитель учебного округа на основании предложенного медиками объяснения развил целую теорию о том, что необходимо заблаговременно выявлять таких учеников, финансировать исследования тех, кто найдет способ выявлять эту патологию у живых людей, поскольку это даст «возможность уменьшения самоубийств среди учащихся детей» — их надо только заблаговременно отстранять от умственных занятий и приставлять к более простым [11]. Видимо, идея заинтересовала министерство, и оно предложило оценить данную информацию экспертам из МВД. Судя по донесению из МВД (медицинский департамент, судебно-медицинская часть), экспертам не удалось экгумировать тело Дементьева (родители не дали соответствующего разрешения), однако они внимательно проанализировали протокол вскрытия. Мнение экспертов таково: «...судя по протоколу вскрытия... можно утверждать, что покойный обладал черепом вполне нормальным...» [12].

Не сложно разглядеть динамику произошедшего: медицинское знание оказалось в руках не профессионалов — медиков, а в руках чиновников, которые постыдились извлечь из него следствия административного характера.

Известно, что основная проблема научного знания заключается не столько в возможности самого открытия, сколько в интерпретации и использовании открытия обществом. И речь идет иногда о вещах пострашнее ядерной бомбы. Недавно мне довелось познакомиться с материалами одной конференции, проходившей в Германии. Конференция была посвящена исследованиям генетических различий между расами. Такие различия есть (и далеко не в пользу, например, белых). Но некоторые из выступавших на конференции генетиков считали, что эти данные не стоит широко обнародовать, чтобы не провоцировать расизм во всех — белых, желтых, черных, — его проявлениях. С самоубийством сложнее, чем с расами. Раса — изначально «физическая» категория, она легко интерпретируется в терминах материалистической редукции, в то время как комплекс идей, связанных с самоубийством, носит в основном культурный и мировоззренческий характер и интерпретация самоубийства в терминах болезни снова повлечет за собой репрессивные последствия, от которых европейская культура и сейчас едва ли избавилась целиком.

Литература

1. Цит. по: *Трахтенберг А.* О самоубийствах среди учащихся // Журнал Российского общества охранения народного здоровья. 1909. № 11. С. 44.
2. Цит по: *Паперно И.* Самоубийство как культурный институт. М., 1999. С. 33.
3. *Гольазизова К. С.* Сравнительное изучение смертности от суицида в различных этнических популяциях: автореф. дисс. ... канд. биол. наук. М., 2005.
4. Медицинская газета. 12 апреля 2006 // <http://demoscope.ru/weekly/2006/0243/gazeta030.php#1>; см. также: *Гольазизова К. С.* Сравнительное изучение смертности... М., 2005.
5. <http://www.mpipsykl.mpg.de/institute/news/press/pr0210.html>.
6. Русский Newsweek. 2007. № 36. С. 48–49. См. также: Новая газета. 20 января 2007 // <http://demoscope.ru/weekly/2007/0275/gazeta033.php#1>.
7. <http://www.mpipsykl.mpg.de/institute/news/press/pr0210.html>.
8. *Ридли М.* Геном: автобиография вида в 23 главах. М., 2008. С. 230.
9. РГИА. Ф. 733. Оп. 165. Д. 1. Л. 74.
10. Там же.
11. Там же. Л. 74–78.
12. Там же. Л. 127 об., л. 128.

В. Н. Мухортова, С. С. Шадрина

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИИ ВРАЧА: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Медицинская социология и антропология, охватывая целый ряд объектов изучения, связанных с врачебной деятельностью, берет под свое начало и анализ процессов, происходящих в среде медицинских работников. Одна из центральных проблем медицинской социологии — взаимоотношения между врачами, медперсоналом, пациентами и их близкими — заставляет социологов обращать пристальное внимание на изучение профессиональных и личностных качеств современного врача. Такое изучение не может не учитывать изменения взглядов на проблему в историческом измерении. Во взаимоотношениях врач — больной участвуют две личности, два субъекта, две индивидуальности, два индивида, и без них не может обойтись ни один лечебный процесс. Сколько существует медицина, столько времени существуют требования морали к врачу и медицинской деятельности.

Генезис представлений о личности врача и характеристик медицинской профессии, которые сохранились и дошли до нас в исторической и медицинской литературе, имеет большое значение для сегодняшних социальных исследований. Во-первых, это дает возможность проследить изменение профессиональных требований к врачу под влиянием тех или иных факторов. Во-вторых, различие подходов к этой проблеме отражает развитие научных взглядов на профессию врача. В-третьих, различие подходов к этой проблеме отражает развитие научных взглядов на профессию врача.

Со времени возникновения медицины до формирования ее в социальный институт облик врача постоянно менялся в соответствии с происходившими изменениями в обществе. В одни исторические периоды они были окружены ореолом славы, уважения и пользовались всеми житейскими благами. Было время, когда врачевание связывали с торгово-ремесленной деятельностью, когда статус

врача ничего не значил. Некоторые авторы, ссылаясь, к примеру, на работы М. Вебера, связывают подобные изменения с меняющимся представлением общества о профессии, с постепенной профессионализацией и стратификацией жизни.

К самому первому медицинскому дискурсу можно отнести анимистическое представление о болезни и лечении, заключавшееся в том, что человек и все живое обладают душой, а болезнь — это временный уход души из тела. Основа популярности профессии врача с древнейших времен покоится на религиозно-мистическом мирозерцании, когда жрецы, шаманы одновременно могли претендовать на излечение болезни. С глубокой древности человечеством накапливались сведения о собственном устройстве. Лишь значительно позднее было декларировано, что анатомия человека — фундамент теоретической и практической медицины. Медицина, таким образом, выросла из колдовства, шаманства, жречества, языческих и мистических представлений разных народов, которые оказались тесно увязанными с народными представлениями. Мирча Элиаде отмечал: «Есть основание предполагать, что в очень далеком прошлом все человеческие органы, все физиологические акты, все жесты человека имели религиозное значение» [2].

По мнению многих исследователей, идеальный образ врача сложился еще на заре современной цивилизации. Так, в Древней Индии считалось, что врачом может быть лишь «человек степенный, почтенного происхождения, с твердым характером, бескорыстный, умный, обладающий рассудком и памятью, вообще даровитый и происходящий из семьи врача или, по крайней мере, вращающийся в среде врачей, любящий истину, скромный, опрятный во всем, не вспыльчивый, сметливый и ловкий, прилежный к учению и стремящийся к усвоению знаний, не жадный, не ленивый, желающий благ всем существам, стремящийся к лечению больного».

В эпоху Гиппократов (ок. 460 — ок. 370 гг. до н. э.) были сформулированы новые принципы медицины, что соответствовало новому пониманию профессии врача — с точки зрения не только его функций и задач деятельности, но и требований, предъявляемых к морально-психологическим и профессиональным качествам личности. Гиппократ, знаменитый греческий врач с острова Коса, реформатор античной медицины, писал об облике и психологии врача, его поведении и обязанностях. В его произведениях впервые создан целостный портрет врача. Он включает в себя морально-психологические качества: бескорыстие, скромность, целомудрие, здравый смысл, хладнокровие, спокойствие души, серьезную речь; знание необходимых практических вещей, отсутствие предрассудков, страх перед богами [1, с. 16]. Считалось: «Тому, кто захочет приобрести себе действительное познание медицины, необходимо иметь природное расположение, обучение, удобное место жительства, наставление с детства, любовь к труду и время».

Сформулированные Гиппократом заповеди для практикующих врачей устанавливали ценность врачебного труда, подчеркивали сущность врачебной помощи как безвозмездной деятельности во имя блага пациента. «Клятва Гиппократов» способствовала развитию внутреннего контроля, внутренней ответственности представителя данной профессии. При этом отношения между врачом и пациентом строились сугубо на доверии. Таким образом, изначально врач как профессионал предстает человеком высокого морального долга, обладающим чувством ответственности за свои деяния и предъявляющим высокие моральные требования к своему духовному

облику и внешнему виду. Эти качества являются доминантными в древнегреческом портрете врача.

Распространение христианства положило начало новому этапу в развитии медицины и внесло культуру в облик врача. Религиозная литература противоречиво относилась к врачебной профессии. Еще во II в. в древнееврейских талмудических книгах обращалось внимание на большую ответственность врачей и на значимость личности врача при оказании медицинской помощи. Однако в первые века распространения христианской религии отдельные группы людей относились к врачам резко отрицательно, преувеличивая роль религиозного внушения и молитвы за выздоровление. Кроме того, и у иудеев, и христиан, и магометан существовали запреты на вскрытие человеческого тела, что явно затрудняло изучение анатомии.

В этот период врачебная деятельность сначала сосредотачивалась в руках священников и монахов. После открытия медицинских школ многие социальные слои получали доступ к медицинскому образованию. Наиболее почетными становились лица, занимающиеся внутренней медициной, они получали рыцарское звание и образовывали так называемую «ученую касту».

Эпоха Возрождения отмечена сложным процессом начавшегося освобождения наук о здоровье от суеверий (в том числе от религиозных). Этот процесс был аналогичен тому, на который указывает А. Кастильони и который происходил в античной Греции в VI–V вв. до н. э. во времена Протагора, Демокрита, Сократа и Гиппократов, когда в трудах гиппократовой школы медицины произошло отделение ее научной ветви от жреческой медицины. Именно тогда нарождающаяся научная медицина впервые утвердилась на своем собственном независимом основании — систематических клинических наблюдениях и их теоретической обработке.

Врачи, занимающиеся внутренней медициной, были доступны не всем, простые люди обращались за помощью к лекарям, хирургам и духовным лицам в лечебницах. Таким образом, наметился конфликт между внутренней медициной и хирургией, который носил сословный характер. В облике средневекового врача находят отражение религиозные установки (требование милосердия, гуманности, заботы о страждущем) и профессиональные требования медицинского образования и практических навыков.

В России слово «врач» известно с XI в. Один из первых русских литературных источников — «Киево-Печерский патерик» (XI в.) содержит описание деятельности и человеческих качеств монахов-лечцов, представителей монастырской медицины: «...Агапит без зова шел к больному и служил ему до тех пор, пока тот не вставал... Лечцу должна претить любая мысль, направленная на обогащение за оказанную помощь... Агапит приказывает раздать все деньги нищим и церквам и отказывается их брать». Филологи говорят об этимологии слова «врач» от «врать», что означало «говорить», т. е. врачами называли людей, умеющих «заговаривать» болезни, лечить силой слова. Занятие врачеванием являлось почетным, а содержание его было более емким, чем просто лечение, оно предполагало большую роль духовной деятельности. Поэтому фигура врача была очень значительной. Профессиональные врачи долго не встречались на Руси, большей частью «врачевали» представители народной медицины, занимавшиеся лечением как ремеслом.

В дореволюционной литературе активно обсуждались проблемы дальнейшего развития статуса «врачебного сословия». На эту тему интересны работы А. Кова-

ленко, А. Моля и др. При этом обращалось внимание на соблюдение принципов коллегиальности, профессиональной солидарности. В ранние периоды развития медицины эти требования касались врача индивидуально, но профессиональные интересы постепенно выдвигались на передний план. При получении врачебного диплома каждый врач дореволюционной России давал клятвенное обещание «ничем не омрачать честь сословия». Таким образом, представления о чести принадлежности к врачебному сословию становились важной чертой дореволюционного врача.

Литература

1. *Миронова О. И., Ленинская О. А.* Психологические условия эффективного взаимодействия врача и пациента. Тамбов, 2006.
2. *Элиаде М.* Священное и мирское. М., 1994.

М. В. Петрушина

ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ» КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В условиях трансформации современного российского общества главной целью и назначением здравоохранения выступает совокупность мер политического, экономического, правового, социального, культурного, научного, медицинского, санитарно-гигиенического и противоэпидемического характера, направленных на сохранение и укрепление физического и психического здоровья каждого человека, поддержание его долголетней активной жизни, предоставление ему медицинской помощи в случае утраты здоровья.

Социальная политика государства, направленная на укрепление здоровья населения страны путем реализации приоритетного национального проекта «Здоровье», вносит определенные коррективы в функциональные элементы системы и позволяет провести анализ соответствия проводимых мероприятий функциональным задачам здравоохранения как целостного структурного понятия.

К числу приоритетных функций системы здравоохранения страны в настоящее время относятся: воспроизводственная; удовлетворения спроса населения на медицинские услуги; регулирующая; обеспечения национальной безопасности; снижения ассиметрии в возможностях разных категорий населения удовлетворять потребности в медицинских услугах; ресурсная; коммуникативная; хозяйственная; креативная; инновационная [1].

Реализация данных функций осуществляется в ходе приоритетного национального проекта «Здоровье» по следующим основным направлениям: во-первых, воспроизводственная функция — через систему социальных благ, которые предоставляет здравоохранение в процессе реформирования и развития. В рамках нацпроекта к числу социальных благ можно отнести развитую и модифицированную систему обязательного медицинского страхования, увеличение доступности различных видов высокотехнологичной медицинской помощи населению. Экономической составляющей этой функции является профилактическая направленность здраво-

охранения, что позволяет достичь эффекта экономии государственных средств в связи с уменьшением продолжительности дней нетрудоспособности и уменьшения затрат на лечение в указанной ситуации.

Во-вторых, удовлетворение спроса населения на медицинские услуги — достижение жителями страны, региона, муниципального образования оптимального потребления услуги, предоставляемой учреждением здравоохранения в соответствии с современным уровнем развития медицины. Возможность удовлетворить спрос населения на медицинскую услугу — является одним из основных направлений реализации национального проекта «Здоровье». Среди целей и задач национального проекта — укрепление материально-технической базы медицинских учреждений путем оснащения ЛПУ современным диагностическим оборудованием, увеличение доступности и объемов оказания высокотехнологичной медицинской помощи с помощью открытия центров высокотехнологичной медицинской помощи, ориентированных территориально по регионам в пределах доступности для населения разных областей России. Разработана система федеральных квот, которая делает доступной медицинскую помощь высоких технологий любому нуждающемуся в стране. В рамках нацпроекта предусмотрено совершенствование организации медицинской помощи пострадавшим при дорожно-транспортных происшествиях; медицинской помощи больным с сердечно-сосудистыми заболеваниями. Система ОМС разработана с учетом реальной стоимости медицинской услуги, что позволяет осуществить доступность качественной медицинской услуги не только платежеспособному населению страны, но и малообеспеченным слоям населения.

В-третьих, регулирующая функция, связанная с распределением значительных инвестиций, кадровых, информационных ресурсов в реализацию поставленных задач. Основные направления национального проекта включают: профессиональную подготовку и переподготовку участковых врачей, повышение им денежных выплат, дополнительные выплаты работникам скорой помощи и фельдшерско-акушерских пунктов. Среди целей национального проекта — введение информационных технологий в работу медицинских учреждений, подготовка управленческих кадров в здравоохранении, что является одним из определяющих факторов успешной реализации государственных задач.

В-четвертых, обеспечение национальной безопасности, связанной с устойчивым воспроизводством населения и формированием здорового образа жизни. В рамках национального проекта сегодня реализуется ряд программ, например, «Формирование здорового образа жизни», включающее в себя мероприятия по снижению уровня злоупотребления алкоголем населения и снижения распространенности табакокурения, совершенствование мер профилактики социально значимых заболеваний (туберкулез, СПИД, вирусный гепатит и т. д.). В сфере воспроизводства так же намечен и реализуется ряд прогрессивных нововведений, призванных уменьшить материнскую и младенческую смертность и усовершенствовать систему родовспоможения и перинатального здравоохранения. В данном направлении ведутся программы неонатального и аудиологического скрининга новорожденных. Продолжается реализация программы «Родовой сертификат». В 2010 г. предполагается участие в реализации программы организаций с различными формами собственности, оказывающих женщинам медицинскую помощь в период беременности, родов и послеродовом периоде.

В-пятых, снижение асимметрии в возможностях разных категорий населения удовлетворять потребности в медицинских услугах связано с преодолением социостратификационных различий в доходах между различными слоями населения. Реализация данной функции предполагает поиск решений не только в рамках выполнения национального проекта «Здоровье», но и принятия законодательными органами государственной власти соответствующих законопроектов в социально-экономической, политической и правовой областях.

В-шестых, ресурсная функция определяет профилактическую направленность национального проекта «Здоровье». Важный фактор социального и психологического здоровья населения страны — человеческий ресурс и именно его необходимо ставить во главу угла при определении целей и задач любого приоритетного национального проекта в современном государстве. Любое мероприятие, проводимое в рамках национального проекта, конечной целью имеет сохранить и приумножить человеческий ресурс, сохранить и увеличить трудоспособность населения.

В-седьмых, коммуникативная функция связана с потребностью информирования населения по широкому спектру значимых для него вопросов, обеспечением преемственности в различных областях медицинских знаний. Государственной задачей сегодня является поддержка и информирование общественности по реализации прогрессивных научных исследований, выполняемых в форме целевых межведомственных медицинских научных программ, поиск новых методов лечения и профилактики известных заболеваний, разработка новых лекарственных препаратов и технологий в лечении.

В-восьмых, хозяйственная функция здравоохранения определяет его роль в финансово-экономическом регулировании процессов охраны здоровья населения на разных уровнях (федеральном, региональном, муниципальном). В рамках национального проекта государство намерено упорядочить систему финансирования в здравоохранении, дабы предотвратить нерациональное расходование денежных средств. С 2007 г. 19 пилотных регионов перешли к системе одноканального финансирования. Оптимизация системы финансирования здравоохранения на данном этапе имеет тенденции к централизации и является одной из приоритетных экономических задач системы управления здравоохранением.

В-девятых, креативная и инновационная функции в полной мере отражены в концепции развития здравоохранения в период до 2020 г. и в основе имеют развитие новых биомедицинских и нанотехнологий, формирование инновационной инфраструктуры медицинской науки, рынка научных медицинских услуг на основе конкуренции научных организаций всех форм собственности, создание институтов внедрения и единого интеллектуального ресурса.

Таким образом, развитие приоритетного национального проекта «Здоровье» направлено на поиск адекватных и разнообразных форм по повышению качества жизни российских граждан, сохранение уровня их жизнедеятельности, поддержание здорового образа жизни, решение демографических проблем.

Литература

1. Прокофьева Т. А. Социально-экономические функции здравоохранения // Вестник ТГУ. 2007. Вып. 5. С. 222–224.

2. Здравоохранение в регионах Российской Федерации: механизмы финансирования и управления / Г. Е. Бесстрелянная, А. В. Заборовская, В. А. Чернец, С. В. Шишкин; отв. ред. С. В. Шишкин. М., 2006.

Н. В. Раннала, Г. Б. Моница

ВЕРА КАК УСЛОВИЕ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ?

Социальные кризисы, увеличение стрессонаполненности жизни, экологические катастрофы, рост заболеваемости населения, — все это является следствием прагматической линии существования человека как личности. Новое мировоззрение, интерес к духовности — один из путей решения многих актуальных проблем человечества. По мнению Е. И. Рерих, создание новой цивилизации возможно лишь на сформированном энергетическом поле национальной духовной культуры.

Традиционно понятие духовность использовалось в основном в религиозных и философских науках. Однако с возникновением гуманистической и экзистенциальной психотерапии появился выраженный интерес к вопросам влияния религии, веры, духовности на здоровье и уровень стрессоустойчивости личности.

Интерес психотерапевтов к религии связан с тем, что именно религия дает возможность личности достичь самореализации. Подобная точка зрения наиболее характерна для представителей гуманистической психотерапии. Так, Эрих Фромм определяет религию как систему идей и действий, признаваемую какой-либо группой людей и предоставляющую индивиду объект поклонения. Религия направляет человека, через развитие способности «любить других так же, как самого себя», на воспитание чувства солидарности со всеми живыми существами, населяющими землю [8]. Фромм делит все религии на два типа: авторитарные и гуманистические. К авторитарным религиям он относит все мировые религии за исключением буддизма. Важнейшей особенностью этих религий является признание особой высшей силы, определяющей судьбу человека. К гуманистическим религиям, по его мнению, принадлежит буддизм, даосизм, дзен-буддизм, раннее христианство, религия разума времен Великой французской буржуазной революции, учение Сократа, а также философия Спинозы. В данных гуманистических религиях человек рассматривается как активный, самореализующийся субъект, который оценивает свою жизнь, ориентируясь на собственные внутренние ценности и результаты собственной рефлексии.

А. Маслоу, так же как и Фромм, видит в религии основное средство совершенствования человека. Автор теории самоактуализации также отмечает, что для современного науки более характерны сциентистские, технократические тенденции и недооценка духовной жизни человека и гуманизации общества в целом. Наука, как считает Маслоу, также как и религия должна изучать духовный опыт и духовные жизнь человека, людей, которые имеют высшие переживания.

В настоящее время взаимоотношения между наукой, религией и психотерапией достаточно сложные. Н. Пезешкиан отмечает, что «часто переоценивается значение науки, а значение религиозных взглядов игнорируется, либо религиозный аспект переоценивается, а научными взглядами начинают пренебрегать»

[5; 6]. Указанная сложность особенно четко проявляется в изучении психологических аспектов здоровья человека. Современная психология пытается преодолеть данное противоречие и в этом случае сама религия становится объектом психологии, а религиозное сознание и вера человека рассматривается как фактор духовного здоровья и духовности личности в целом.

До сих пор нет общепринятого определения духовного здоровья. Мы вслед за Л. Чапманом будем считать духовное здоровье способностью личности распознать и выполнить жизненную задачу, умение нести любовь, радость и мир, помочь себе и другим полностью реализовать себя [10]. В отечественной психологии используется также близкий по значению термин — «духовное благополучие». Л. В. Куликов определяет духовное благополучие как осознание и конструктивное переживание смысла своей жизни, вера в благосклонность судьбы или высших сил, помогающих реализовать личностные потенциалы на жизненном пути [3]. Духовное благополучие является одним из компонентов такого сложного интегрированного переживания как субъективное благополучие.

Некоторые авторы связывают духовность с приверженностью определенной религии, другие предполагают, что духовное здоровье заключается в умении осознать и реализовать свою жизненную миссию, т. е. можно быть духовным человеком, но не принадлежать ни к одной из религий. Развивая свою духовность, человек старается найти ответы на вопросы: «В чем смысл моей жизни?», «Какие отношения с людьми у меня складываются?», «Во что я верю?», «Как связаны в моей жизни прошлое, настоящее и будущее?» На эти вопросы нет простых ответов.

Для психологов и психотерапевтов наибольший интерес представляет феномен веры как внутриличностный фактор, повышающий социальную адаптацию и стрессоустойчивость личности. Вера (религиозная и рациональная) как социокультурный феномен является неотъемлемым атрибутом индивидуального и общественного сознания, без которого ни действовать, ни полноценно познавать человек не может. Вера выступает посредником между чувствами и знанием, сердцем и умом, т. к. она сама — и чувство, и знание [1]. Вера с точки зрения психологии здоровья является внутренним ресурсом стрессоустойчивости личности. Под ресурсами стрессоустойчивости личности понимаются индивидуальные свойства и способности, обуславливающие психологическую устойчивость в стрессогенных ситуациях.

Интерес психологов и психотерапевтов к вере как внутреннему ресурсу возрос в связи с исследованием копинг-стратегий личности в ситуации стресса. Современная психотерапия рассматривает веру как одну из самых главных способностей человека [6]. Именно благодаря вере в себя, в свои потенциальные способности, личность находит в себе силы для личностного роста и развития. С точки зрения психотерапии признание потенциальных способностей человека также важно, как и проявление его реальных способностей. Эта позиция гуманистической психотерапии представляется особенно важной при организации учебной деятельности, а также для процесса воспитания. Б. Рассел считал, что вера — это обязательный посредник между внешним миром, образом и идеей, он фиксировал внимание на интервале перехода от возможности к достоверности. То есть вера — это переработка умственной энергии в душевную и обратно. Опосредованное действие разума на чувства (через веру) приводит к парадоксу: можно не знать, но верить, а можно знать, но не верить.

С точки зрения психология здоровья важно уметь понимать различия между верой, религией и церковью. Церковь — это религиозное учреждение, имеющее жесткую внутриорганизационную структуру. Религия — явление культуры, тесно связанное с историческим развитием народа. Религия как внешний ресурс помогает личности только в том случае, если отвечает его потребностям и способствует личностному развитию. Если религия приводит к дисгармонии личности, тормозит ее развитие, то в этом случае ее нельзя рассматривать как ресурс. Именно в этом случае Фрейд сравнивал религию с учреждением страхования. Религиозная вера означает отношение души человека к неизвестному и непознаваемому. Поскольку Создатель (Бог, Аллах, Мировой дух) непознаваем по своей сути, то постижение Его возможно только при помощи веры.

Ученые обнаружили, что религиозность, духовность и вера снижают негативное влияние психологического стресса [2]. Исследования Медицинского центра Университета Дюка (Duke University Medical Center) выявили взаимосвязь духовности и здоровья, доказав, что такие добродетели, как прощение, благодарность, доброта и любовь, проявляемые человеком в жизни, могут улучшить его здоровье. Благодаря вере, у человека формируется мощный механизм защиты от стресса, укрепляется иммунная система, появляется оптимистический взгляд на жизнь.

Виктор Франкл, описывая поведение заключенных в концлагере, отмечал, что у многих заключенных именно в заключении и благодаря ему проявлялась под-сознательная, т. е. вытесненная обращенность к Богу [7]. Во время пребывания в концлагере большинство узников спасались, если они могли вести духовную жизнь и решали для себя вопрос о вере. Многие психотерапевты, пережившие ужасы заключения, также как и В. Франкл, подчеркивали, что огромное значение имело, живет ли заключенный духовной жизнью в какой-либо ее форме. Духовная жизнь, ответственность перед Богом, собственной совестью или близкими людьми позволяла людям существовать в тяжелейших условиях концлагеря и психологически укрепляла их.

Вера во многом определяет правила поведения человека в повседневной жизни, поддерживая высокий уровень духовного здоровья. Так, например, согласно православной традиции, если человека хвалят за что-либо, то чтобы защитить себя от греха, он должен сказать: «Не мне, Господи, Тебе — хвала». Вера как жизненная позиция и ожидание чего-то по отношению к неизвестному явлению относится не только к неизвестному в нас самих, но и к непознаваемому в окружающей среде и непознаваемому во вселенной, что определяется также понятием *Бог*. Решение вопроса о вере является экзистенциальным для каждого человека, который должен наполнить это понятие своим собственным содержанием. Любая научная гипотез тоже в определенном смысле является верой в существование определенных закономерностей.

Именно вера в то, что жизнь и судьба каждого человека находится в тесной связи с окружающим миром и все в нашем мире взаимосвязано, по мнению Э. Эриксона, позволяет взрослым людям преодолеть кризис целостности. Для преодоления данного кризиса личность актуализирует свою систему верований и ценностей. Гринберг считает, что вера человека в то, что его жизнь имеет великую цель, является по сути, проблемно-ориентированным копингом, повышающим его стрессоустойчивость [2].

Вера человека позволяет ему чувствовать себя более уверенно в различных стрессовых ситуациях. Так, исследования показали, что для людей с высокой степенью религиозности характерен более низкий уровень фрустрированности при экзаменационном стрессе, чем для остальной популяции, что свидетельствует о седативном характере традиционной христианской религии [9]. В то же время Щербатых отмечает, что у людей с интернальным локусом контроля, религиозная вера существенно не влияет на показатели функционального состояния во время стресса.

Религиозная вера обусловлена Потребностью человека в заботе, опеке, помощи, защите и компенсирует его бессилие перед реальностью. Опыт, знания, полученные человеком в процессе его развития и взросления, становятся основой для веры рациональной, веры в себя. «От первоначальной любви к Богу... к состоянию зрелости, когда Бог перестал быть внешней силой, когда человек сам проникается принципом любви и справедливости, когда он становится единым целым с Богом, и, наконец — к тому моменту, когда человек говорит о Боге только в поэтическом, символическом смысле», — подчеркивает Э. Фромм [8]. Таким образом, **разум, вера** и социальные **действия** неразрывно связаны с возрастным развитием человека, определяют его духовное и моральное взросление. Индивидуальная система верований также позволяет личности чувствовать себя более защищенной в критических ситуациях, надеясь на поддержку семьи, близких или собственные силы. Религиозная вера и индивидуальная система верований личности имеют одинаково большое значение для сохранения себя в критических жизненных ситуациях.

Известный детский психотерапевт А. И. Захаров как-то сказал, что отсутствие веры — это признак невроза. Это может проявиться в том, что люди не хотят задуматься о содержании понятий «религия», «вера». Пезешкиан отмечает, что это приводит к многим душевным нарушениям: религиозный фанатизм, суеверие, страхи, боязнь наказания за грехи, покорность судьбе, ханжество, иллюзии и т. д.

Если религия дает человеку ценности (заповеди), которым он должен подчиняться, то психотерапия пытается помочь человеку осознать свои собственные ценности, и если эти ценности не помогают личностному развитию, то помочь изменить их так, чтобы они помогали личности стать более здоровой и духовной. Таким образом, для повышения уровня стрессоустойчивости человеку важно создать гармоничную систему понятий Бог, религия, церковь, духовность и определить каждое из этих понятий для себя таким образом, чтобы они помогали ему жить и развиваться.

Мы можем предположить, что проблемы развития и поддержания духовного здоровья личности в будущем смогут объединить науку, религию и образование для создания единого информационного поля, позволяющего каждому человеку сформировать собственную непротиворечивую систему убеждений и верований, способствующих его оптимальной адаптации в современном мире.

Литература

1. Грановская Р. М. Психология веры. М., 2004.
2. Гринберг Дж. Управление стрессом. СПб., 2002.
3. Куликов Л. В. Здоровье и субъективное благополучие личности // Психология здоровья / под ред. Г. С. Никифорова. СПб., 2000.

4. *Монина Г. Б., Раннала Н. В.* Тренинг «Ресурсы стрессоустойчивости». СПб., 2009.
5. *Пезешкиан Н.* Позитивная семейная психотерапия: семья как терапевт. М., 1993.
6. *Пезешкиан Н.* Психотерапия повседневной жизни. Тренинг в воспитании партнерства и самопомощи. М., 1995.
7. *Франкл В.* Человек в поисках смысла. М., 1990.
8. *Фромм Э.* Революция надежды. СПб., 1999.
9. *Шербатых Ю. В.* Психология стресса и методы его коррекции. СПб., 2006.
10. *Charptan L. S.* Developing a useful perspective on spiritual health // American Journal of health promotion. 1987. P. 31–39.

А. Ю. Румянцева

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ

Корпоративная культура — сложный комплекс предположений, бездоказательно принимаемых всеми членами конкретной организации и задающих общие рамки поведения, принимаемые всеми членами конкретной организации; проявляется в философии и идеологии управления, ценностных ориентациях, верованиях, ожиданиях, нормах поведения; регулирует поведение человека и дает возможность прогнозировать его реакции в критических ситуациях [9, с. 155].

Культура управления — сложное явление, особый социально-экономический феномен, интегральная характеристика управленческого труда. По своей сущности культура управления в социально-экономических системах представлена в виде деловой и организационной культуры. Основой первой являются ценности, которые организуются в систему, называемую нами «системой ценностных ориентаций». Именно через эти ценности руководитель предприятия (лидер) воспринимает окружающий его деловой мир.

Особую значимость при этом имеют:

- 1) базовые ценности, сходные для всех людей;
- 2) ценности, сформировавшиеся в данной цивилизации (индивидуализм в западной или коллективизм — в восточной);
- 3) ценности, порожденные особенностями данного региона или страны;
- 4) профессиональные ценности, зафиксированные не только в виде формальных предписаний, но и в профессиональных этических кодексах.

Носителем деловой культуры в любой социально-экономической системе, прежде всего, является ее руководитель. Речь идет о стиле руководства, внешних особенностях поведения, скорости принятия решений, целевых ориентациях. Все это — внешние характеристики деловой культуры (в противовес внутренней — психологического «ядра»). Под деловой культурой мы понимаем отношение лидера к системности, безопасности и миссии возглавляемой им организации, а также к возможности организационных изменений с целью повышения конкурентоспособности.

Носителями деловой культуры являются и другие представители социально-экономических систем. И если их отношение к достижению делового успеха расходится, то в социально-экономической системе возможно наличие различных субкультур, «сила» которых зависит от лидерских качеств их представителей.

Происходящая сейчас рыночная трансформация российской экономики — это преобразование не только государственных и экономических институтов, но и рос-

сийской хозяйственной культуры и ее носителей — человека и общества. Любая экономическая реформа должна обеспечивать поступательное развитие ее составляющих элементов. Однако, как отмечает А. А. Хачатурян, если проанализировать экономические трансформации в России начиная с 1861 г., можно заметить, что наши реформаторы очень редко придерживались этого правила. По сути, только П. Столыпин в начале XX в. реализовал подобную культурологическую формулу, создав новую социальную прослойку мелких землевладельцев, ставшую эффективным «двигателем» преобразований [8, с. 164].

Следовательно, основной момент преобразований — мера соответствия принципов реформаторской деятельности общественной экономической культуре страны и способ обеспечения в перспективе их взаимосвязанного развития. Общественная экономическая культура — это совокупность устойчивых и коллективно разделяемых ценностей, убеждений и образцов человеческого поведения.

В настоящее время понятие «культура управления» используется для обозначения самых разных явлений, принятых в группе совместно работающих людей, символов и их значений, ценностей, идеологии, правил, норм, эмоций, коллективного бессознательного, моделей поведения и т. п. Это свидетельствует о том, что понятие культуры управления не уникально и достаточно размыто. Общими составляющими практически во всех известных определениях выступают история и традиции; глубинный, иногда скрытый, смысл; коллективная направленность; способ мышления при формировании и восприятии идей; ориентация на инструментальные и духовные нормы и ценности. Вместе с тем, проблемные аспекты существующих определений связаны с нечетким пониманием системы ценностей, составляющих культуру управления. В частности, в большинстве исследований не выработаны, или нечетко сформулированы критерии, определяющие взаимосвязь культуры управления с организационной и деловой культурой, деятельностью предприятия, не выработаны подходы к увязке культуры управления с функциями управления (бизнесом, стратегией, конкурентоспособностью и др.), не разработан механизм управления изменениями культуры управления (как правило, в научных исследованиях даются рекомендации по изменению организационной культуры). Между тем современная российская предпринимательская практика испытывает потребность в выработке теоретических, методологических и методических подходов к формированию культуры управления, для целей более эффективного управления производственно-хозяйственной деятельностью.

Культура знаний — это определенная корпоративная философия, включающая базовые принципы и ценности компании, соответствующие стратегическим целям, приоритетам, стратегии управления знаниями, на которую ориентируются в своей деятельности и разделяют все сотрудники компании [7, с. 103]. Она должна обеспечить создание для сотрудников компании атмосферы, способствующей вовлечению в процесс систематического накопления, широкого распространения и регулярного обмена знаниями всех сотрудников компании.

Для того чтобы успешно реализовать корпоративную стратегию управления знаниями, К. Джанетто и Э. Уиллер предлагают осуществлять следующие шаги, связанные с формированием культуры знаний [3, с. 47]:

Шаг 1. Развитие в компании культуры, для которой были бы характерны командный дух, доверие и сотрудничество.

Шаг 2. Создание условий для более активного обмена знаниями, разъяснение связанных с этим преимуществ.

Шаг 3. При необходимости осуществление определенных изменений, касающихся культуры компании.

Шаг 4. Анализ действующих в компании систем оценки работы и вознаграждения.

Шаг 5. Увязка проекта по внедрению управления знаниями с другими программами совершенствования управления, например с программами управления качеством, реинжиниринга бизнес-процессов, преобразования культуры и улучшения работы с потребителями.

Шаг 6. Обеспечение того, чтобы менеджеры делились с другими сотрудниками релевантными знаниями и побуждали к этому же своих подчиненных; предоставление служащим возможности ознакомиться с бизнес-планами, перспективными проектами, кадровой политикой, планами обучения персонала, бюджетами, миссией и целями компании.

Многие российские компании достигли такой стадии развития, когда недостаток внимания к вопросам корпоративной культуры и, в частности, формированию ценностей внутри организации может стать серьезным препятствием к дальнейшему росту и повышению эффективности. Основная идея заключается в том, что правильное использование корпоративной культуры организации оказывает гораздо большее влияние на и высокую рентабельность инвестиций, чем новые технологии, конкурентная стратегия и контроль качества

Возрастающая сложность, неопределенность и стремительность изменений, характерных для делового мира, обусловили эволюцию организационного менеджмента. Традиционный подход управления по инструкциям (МВИ), доминировавший в начале XX в., в 1960-е гг. сменился все еще популярным управлением по целям (МВО). В настоящее время наиболее популярным и интересным становится подход — управление на основе ценностей (МВВ).

Компании, которые хотят выжить и конкурировать в современной экономике, должны признать не приемлемость индустриальных моделей управления. Современная конкуренция требует постоянного добавления ценности к процессу производства для полного удовлетворения клиентов в том, что касается соотношения между ценой продукта и его качеством.

Три подхода к управлению — МВИ, МВО и МВВ — отличаются друг от друга по 14 параметрам (табл. 1).

Следует различать два подхода к оценке значимости культуры управления: культурологический и экономический. С точки зрения первого подхода — культура — цель, а второго — средство достижения цели. Говоря иначе, культура управления может быть функцией и фактором, влияющим на деловой успех. В последнем случае культура может иметь отрицательную значимость, если такого успеха не наблюдается.

Корпоративная культура — это основной компонент в выполнении основной миссии компании и достижения ею основных целей, повышении эффективности организации и управления инновациями [4, с. 60].

Развитие инновационной деятельности и повышение конкурентоспособности компании возможно за счет формирования корпоративной культуры и благопри-

ятного инновационного климата на предприятиях. Корпоративная культура может выступать как интеграционная среда, отражающая совокупность всех, в том числе и инновационных, процессов, происходящих на предприятии.

Ученые в области инноваций сходятся во мнении, что отсутствие инновационной культуры общества способствует замедлению темпов развития инноваций в целом. Формирование системы управления инновациями с использованием основ корпоративной культуры позволит не только повысить инновационную активность предприятий, но и будет способствовать формированию инновационной культуры общества.

Развитие инновационной деятельности предприятия является одной из наиболее востребованных областей менеджмента. Однако, несмотря на значительное количество практических разработок по оптимизации инновационной деятельности, большинство исследователей отмечают возрастающую потребность в разработке комплексной системы управления инновациями и повышения конкурентоспособности, ориентированной на усиление вовлеченности кадров предприятия в инновационную деятельность.

Вовлеченность кадров предприятия в инновационную деятельность достигается за счет воздействия системы управления развитием инновационных процессов посредством функций управления персоналом: прием сотрудников, социализация, обучение, мотивация, планирование, контроль, координация, построение карьеры.

В настоящее время при исследовании корпоративной культуры наиболее распространение в отечественной и зарубежной практике имеет подход, связанный с анализом сложившейся корпоративной культуры действующих предприятий.

Однако для формирования корпоративной культуры как метода развития инновационной деятельности и повышения конкурентоспособности, в первую очередь, необходимо произвести анализ личностного потенциала инновационной активности собственников компании и менеджеров высшего уровня управления. Это обусловлено тем фактом, что корпоративная культура, являясь воплощением моделей бизнеса менеджеров высшего уровня управления, становится носителем закодированной информации об этапах развития предприятия, инновационной политике, инфраструктуре инноваций и отношении к инновациям сотрудников предприятия. Расшифровка данной информации позволяет предупредить многие деструктивные ситуации, сделать инновационную политику предприятия более адаптивной и, соответственно, значительно повлиять на экономический рост предприятия.

Кроме алгоритма формирования корпоративной культуры управления важен процесс изменения корпоративной культуры.

Изменения корпоративной культуры — процесс творческий, поскольку она неподражаема (ее практически нельзя копировать у «превосходных компаний» имеющих высочайшую производительность, эффективность).

Кроме того, она обладает редкостью (имеет особые признаки и характеристики) и ценностью с точки зрения влияния на общие результаты хозяйственной деятельности.

Управление изменениями корпоративной культуры может осуществляться двумя способами: 1) управление «снизу» — отслеживание руководством компании

того, что в ней происходит и на основе имеющейся информации регулировать развитие корпоративной культуры, придавать ей определенную форму; 2) управление «сверху» — претворение в жизнь задуманных руководством изменений корпоративной культуры эволюционным или революционным путем.

Можно предложить следующие варианты изменения корпоративной культуры: смена акцентов в кадровой политике, перепроектирование ролей, смена корпоративной символики и образности. Это также изменения критериев стимулирования, объектов и предметов внимания со стороны руководства социально-экономической системы, изменения стиля управления (например, переход на предпринимательский тип менеджмента).

Таким образом, развитая в компании корпоративная культура может напрямую способствовать развитию в компании инновационной активности и повышению ее конкурентоспособности на основе управления знаниями.

Литература

1. Аксеновская Л. Н. Ордерная модель организационной культуры. М., 2007.
2. Долан С., Гарсия С. Управление на основе ценностей. М., 2008.
3. К. Джанетто, Уиллер Э. Управление знаниями. Руководство по разработке и внедрению корпоративной стратегии управления знаниями. М., 2005.
4. Козлов В. В. Корпоративная культура. М., 2009.
5. Корпоративная культура и лидерство / пер. с англ. М., 2008.
6. Элвессон М. Организационная культура / пер. с англ. Харьков, 2005.
7. Смирнова В., Воскресенская Ю. Корпоративная культура — ключевой фактор в управлении знаниями // Проблемы теории и практики управления. 2008. № 12. С. 92–101.
8. Управление персоналом. М., 1998.
9. Хачатурян А. Хозяйственная культура и рыночная трансформация в России // Мир перемен. № 4. 2009. С. 164.

А. Савчук, А. Ю. Румянцева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ КОНТРОЛЯ И КУЛЬТУРЫ РАЗВИТИЯ

Для выживания и роста компании необходимо решить дилемму между безопасностью и риском (между контролем и развитием). Оба варианта опираются на различные, но взаимосвязанные системы ценностей.

По сути, с середины XIX в. существуют две концепции, отражающие противоположные подходы к идеальным методам мышления и деятельности в бизнес-управлении:

- стремление к рационализации компании с помощью традиционных ценностей иерархического контроля (т. е. порядок, подчинение, лояльность, безопасность и т. д.);
- стремление к управлению компанией с помощью новых ценностей личного развития и постоянного обучения (т. е. креатив, самостоятельность, разнообразие, умение идти на риск и т. д.).

Новая культура, ориентирующаяся на развитие и постоянное обучение в рамках MBV (Management by Values) — управление на основе ценностей, предлагает рас-

Основные характеристики МВІ, МВО и МВУ [2, с. 45]

Параметры	МВІ	МВО	МВУ
Ситуация	Повседневная работа или ЧП	Умеренная сложность. Сравнительно стандартизированное производство	Потребность в креативе для решения сложных вопросов
Средний уровень профессиональности сотрудников организации	Управление исполнителями	Управление сотрудниками	Управление профессионалами
Тип лидера	Традиционный	Сосредоточен на распределении ресурсов	Лидер перемен (способствующий преобразованиям)
Образ клиента	Потребитель-покупатель	Потребитель-клиент	Клиент пользуется свободой выбора
Тип организационной структуры	Многоуровневая пирамида	Пирамида с несколькими уровнями	Сети, функциональные объединения, проектные команды
Потребность в умении приспособиваться к неопределенности	Низкая	Средняя	Высокая
Тип рынка	Стабильный	Умеренно изменчивый	Непредсказуемый, динамичный
Социальная организация	Капиталистическая индустриальная	Капиталистическая постиндустриальная	Посткапиталистическая
Философия управления	Управление сверху вниз, непосредственный контроль деятельности	Контроль и поощрение личных достижений	Поощрение самоконтроля
Цель организации	Поддерживать производство	Улучшать результаты	Постоянно совершенствовать процесс
Масштаб стратегического видения	Краткосрочный	Среднесрочный	Долгосрочный
Основные культурные ценности	Количественное производство. Лояльность, конформизм, дисциплина	Оценка результатов. Рационализация, мотивация, эффективность	Участие сотрудников в процессе, постоянное обучение. Креатив, взаимное доверие, преданность

смагивать это стратегическое преобразование как динамичную среду, в которой каждая компания должна найти свое место, свой стиль и свои темпы развития.

Культура обучения и развития основана на ценностях, которые поддерживают одновременно и организационный, и индивидуальный потенциал. В табл. 1 показано, как ценности приобретают абсолютно разное значение в зависимости от типа культуры.

Предприятие, ориентированное на ценности концентрации, предпочитающее жесткое разделение обязанностей, скорее всего, не сможет развиваться, т. к. оно не способно гибко реагировать на изменения окружающей среды (требования рынка, новые технологии, ресурсы и т. д.). Чрезмерный порядок и контроль приводят к потере жизнеспособности и энергии.

Вместе с тем компания может подвергаться риску из-за чрезмерной ориентации на расширение и изменения. Например, излишнее разнообразие вместо четкой специализации, неоправданное стремление к риску вместо обеспечения безопасности, чрезмерные приобретения вместо инвестиций.

Таким образом, равновесие заключается не в том, чтобы оставаться неподвижным, точно посередине между двумя крайностями, а в разумном чередовании разных ценностей в зависимости от ситуации.

Таблица 1

Значение определенных ценностей в контексте старой культуры контроля и новой культуры развития

Ценности	Культура контроля	Культура развития
Контроль	Надзор для предупреждения отклонений от ожидаемых результатов. Итоговые результаты утверждаются топ-менеджерами. Иерархическая структура	Поощрение менеджерами самостоятельности и ответственности сотрудников. Результаты обеспечивают совместные процессы, направленные на получение необходимой и достоверной информации. Горизонтальная структура
Поддержка	Говорить то, что хотят слышать другие; одобрять и хвалить; помогать скрывать ошибки	Помогать другим оценивать эффективность их работы и учиться на своих ошибках
Последовательность	Соблюдать свои принципы, ценности и убеждения; не отказываться от них	Интерес к новым ситуациям и людям с другой системой ценностей
Уважение	Не критиковать мнения людей, особенно занимающих руководящие должности	Проявлять внимание и уважение к другим, независимо от их должности, интересоваться их мнением идеями и т. д.
Уверенность в себе	Проявлять уверенность в себе, убеждая и «завоевывая» союзников. Признавать свои ошибки — значит «терять лицо» и статус	Проявлять уверенность в себе и интересоваться другими точками зрения. Признавать свои ошибки, учиться на опыте других, независимо от их статуса

РЕЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА ВОЙНУ И МИР В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ

Царствия земные колеблются и падают от
безверия и беззакония...

о. Иоанн Кронштадтский (1906)

Феномен войны и мира является неизменно актуальным как для человечества в целом, так и для каждого отдельного народа.

Наследие русских религиозных философов рубежа XIX–XX столетий по проблеме мира и войны по-прежнему почти не востребовано; обращения к нему фрагментарны и поддерживаются в основном научным энтузиазмом отдельных исследователей отечественной социально-философской и церковной мысли. Соотечественники и Русская Православная Церковь по существу не вняли размышлениям над этой проблемой Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и других религиозных философов, продолживших традицию аналитики этих явлений, идущую от В. С. Соловьева.

Современная Православная Церковь очень осторожно относится к воззрениям русских философов, обращаясь, в основном, к работам о. Павла Флоренского, о. Сергия Булгакова, И. Ильина, и то — с оговорками и комментариями. Церковь стояла и стоит на той позиции, что необходима великая работа по нравственному перерождению человека. Продолжительный и прочный мир «есть дело нашего духа, который в самом себе может создать силу к ликвидации внешних поводов, порождающих раздоры» [1]. Путь к миру, по мысли православия, не только путь политики и реформ. Но, прежде всего, — путь духовной работы и нравственного совершенствования.

Такие представления РПЦ перекликаются с мирозерцанием русских религиозных философов. Однако это не значит, что Церковь во всем принимает позицию В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, С. Н. Булгакова и других русских мыслителей по проблеме миротворчества, элиминации зла и насилия из жизни общества.

Позиция современной Православной Церкви по проблемам войны и мира и ее отношение к наследию русских религиозных философов неоднозначны. Как правило, православное богословие, высоко оценивая общекультурный вклад В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, рассматривает религиозное творчество этих мыслителей с позиций догматического богословия. Такая ситуация сложилась в силу специфики оригинальных взглядов русских религиозных философов на основные положения ортодоксальной догматики. РПЦ не считает трактовку русской религиозной философией основных догм веры правильной. Тем не менее, за последние полтора десятилетия в Журнале Московской Патриархии был опубликован ряд статей религиозных философов, связанных в той или иной мере с жизнью церкви.

14–17 ноября 2005 г. в Москве проходила международная научно-богословская конференция «Эсхатологическое учение Церкви», в которой приняли участие

известные богословы и ученые из разных стран мира: Христос Яннарас, архиепископ Афанасий (Евтич), профессора Духовных Академий, Парижского Свято-Сергиевского богословского института, профессора теологии из университетов Греции, Германии, Франции, Италии, Австрии, США, Австралии и ряда других стран, представители Поместных Православных Церквей, политологи, историки, философы и публицисты.

В христианской церкви эсхатология — учение о «последних вещах», в том числе, о конце времен — всегда была одной из самых противоречивых и притягательных тем, как для духовенства и богословов, так и для широкой общественности. В последнее время она приобрела особое звучание в контексте глобализации, развития электронных и биотехнологий, циркулирующих слухах о знамениях «конца света». По итогам конференции состоялся круглый стол «Глобализация и эсхатология». На конференции были затронуты как актуальные вопросы церковной жизни и служения, так и церковно-общественные отношения.

Доцент Московской Духовной Академии протоиерей Валентин Асмус сделал доклад «Образ Антихриста у В. С. Соловьева». В своем докладе В. Асмус, оценивая вклад В. С. Соловьева в изучении эсхатологии, замечает, что принципиально христианский характер взглядов Вл. Соловьева — в том, что «конец этого мира в его представлении не есть действие Бога, абсолютно чуждого миру. Бытие мира — священная история, т. е. история напряженного взаимоотношения Бога и мира. Спасая мир, Бог находит в нем и верных служителей, и тех, кто противится спасению мира своим бездействием и неведением, и прямых врагов» [2]. По мысли В. Асмуса, с нашим веком Соловьева сближает не исторический оптимизм времени его увлечения теократическим проектом, но, напротив, пессимизм и эсхатологизм «Повести об антихристе» [3].

В работе выпускника С.-Петербургской Духовной Академии Игоря Попова «Философия свободы в творчестве Н. Бердяева» предпринята попытка с христианских позиций рассмотреть проблемы свободы Творца и твари, всемирного зла в философии свободы Н. А. Бердяева. Попов видит заслугу Бердяева в том, что он весьма оригинально показывает, как мало добра в нашем добре, в нашей индивидуальной, социальной и даже церковной жизни.

Среди других современных православно-богословских работ по русской религиозной философии наибольший интерес, на наш взгляд, представляет книга профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии, протоиерея Георгия Митрофанова «Россия XX в. — Восток Ксеркса или Восток Христа. Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX в.» [4]. Протоиерей о. Георгий размышляет о духах русской революции и тех последствиях, которые сказались на путях Православия в России. Автор ссылается на русскую религиозно-философскую мысль и впервые достаточно емко останавливается на проблемах зла и насилия в осмыслении русских религиозных философов. Россия в XX в. пережила трагический опыт духовно-исторического искушения коммунизмом. И те испытания, которые выпали на долю России в ушедшем столетии, во многом связаны с этой проблемой. Русские религиозные мыслители одни из первых увидели корень трагических испытаний России и проблем зла и насилия в русском обществе. Глубоко закономерно, что именно в русской религиозно-философской мысли первой

половины XX в. была предпринята одна из первых, но по существу самая успешная попытка всестороннего критического исследования коммунизма.

Князья С. Н. и Е. Н. Трубецкие, протоиерей Сергей Булгаков и Н. А. Бердяев, Н. О. Лосский и С. Л. Франк, П. Б. Струве и священник Павел Флоренский, Б. П. Вышеславцев и И. А. Ильин, протоиерей В. В. Зеньковский и Г. П. Федотов — таков далеко не полный перечень религиозных философов, творчество которых составило магистральную линию русской философии начала XX в., направленную на восполнение европейской философской традиции духовным опытом православного церковного предания и русской духовной культуры [5]. Что же касается осмысления проблемы войны и мира философами нового религиозного сознания, то практически, никаких значительных оценок ему современная религиозная мысль не дает. Большая часть публикаций, докладов и выступлений связана в целом с религиозно-философским наследием.

В современной православной идеологии приоритет в отношении к проблеме войны и мира отдается не столько богословскому осмыслению, сколько практической духовной работе в армии. 2 марта 1994 г. был подписан первый официальный документ, закрепляющий взаимоотношения Церкви и армии, — совместное заявление Патриарха Московского и всея Руси Алексия II и министра обороны России П. С. Грачева. В соответствии с этим документом был создан Координационный комитет по взаимодействию между Российскими Вооруженными Силами и Русской Православной Церковью. 16 июля 1995 г. был создан *Синодальный отдел Московской Патриархии по взаимодействию с Вооруженными Силами и правоохранительными учреждениями*. Его главными целями и задачами является осуществление взаимодействия Московского Патриархата с Вооруженными Силами, правоохранительными учреждениями и ведомствами Российской Федерации, имеющими в своем составе воинские формирования. Председателем отдела является *протоиерей Димитрий Смирнов*, проректор Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, декан факультета православной культуры Академии Ракетных войск имени Петра Великого, сопредседатель Церковно-общественного совета Московской Патриархии по биоэтике.

На Юбилейном Архиерейском Соборе РПЦ, состоявшемся в августе 2000 г., в докладе Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II было сказано, что Церковь издревле окормляла военнослужащих, всесторонне сотрудничая с армией [6]. Одним из приоритетных направлений служения Церкви стала работа в вооруженных силах по созданию условий для беспрепятственной проповеди Слова Божия в армии — устройство походных и стационарных храмов, распространение духовной литературы, осуществление священнослужителями пастырских обязанностей в войсках, среди военнослужащих, в «горячих точках» и т. п.

Современная Православная церковь подчеркивает важность осуществления духовного патриотического воспитания в Вооруженных силах, необходимость распространения знаний об истории Православной Церкви и ее роли в истории Отечества, создания богословских факультетов в военных академиях, регулярной просветительской деятельности священников не только среди военнослужащих, но и в военных учебных заведениях [7].

В связи с кардинальными переменами в российском обществе, бывший Патриарх Алексей II полагал: «Жизнь настоятельно диктует необходимость создания

института регулярного военного и морского духовенства, что особенно актуально в дальних гарнизонах и на флоте. Считал бы важным двигаться вперед в этом направлении, в том числе через организацию специальной подготовки будущих священников» [8].

В мае 2006 г. проходил совместный форум представителей священства, военных и ученых по проблемам современной армии, церкви и возрождения традиций православия в армейской жизни. Выше уже рассматривался вопрос об отношении Православия к проблемам войны и мира, в центре которого Церковь полагает защиту Отечества как священный долг каждого христианина и благословляет своих чад на ратный подвиг.

Во время Первой мировой войны, как свидетельствовал протопресвитер императорской армии и флота Георгий Шавельский, дух армии оставался «бодрым, сильным, могучим» [9]. Однако внутренний революционный разлад и воцарившийся в стране хаос способствовали разложению армии. Для русских солдат и офицеров всегда было присуще особое отношение к армейской службе и защите Родины — стойкость в скорбях, способность принять чужое горе как свое, готовность к самопожертвованию во имя ближнего и родной страны, боевой дух русской армии. Во время русско-японской и Первой мировой войн священники сопровождали части с походными церквями, духовно окормляли воинов, поддерживали их нравственно и психологически. На поле боя они облегчали страдания раненых, готовили к кончине умирающих и погребали убитых. Мужество полковых священников вселяло бодрость и укрепляло дух воинов.

Определенный вклад был внесен Русской Православной Церковью и в победу советского народа в Великой Отечественной войне [10]. В первый же день войны Местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей (Страгородский) благословил православный народ на жертвенный подвиг защиты Родины. На протяжении всех военных лет духовенство и миряне посвящали свои усилия делу борьбы с захватчиками.

В наши дни РПЦ занимает уверенную позицию в Российском государстве, оказывая сильное влияние на формирование духовно-нравственных ценностей общества. Однако богатейший пласт духовного наследия русской религиозно-философской мысли, сформировавшийся на рубеже XIX–XX столетий, недостаточно, на наш взгляд, учитывается представителями русского православия. Судя по содержанию рассмотренных выше и некоторых других работ современных православных авторов, эта тематика звучит в сильно адаптированном под нынешние церковные приоритеты виде [11].

В конце 1980-х — середине 1990-х гг. появился ряд работ по проблемам войны и мира, зла и насилия, содержащих отсылки к трудам русских религиозных философов по этим вопросам. Среди них заслуживают внимания работы С. Г. Киселева «Проблема “смысла войны” в русской религиозно-идеалистической философии начала XX в.» (М., 1990), В. Л. Короткова «Мир как социально-философская проблема. Философские чтения» (М., 1996), Е. В. Демидовой «Идея ненасилия в русской общественно-философской мысли первой трети XX в.» (М., 1996), спецкурс преподавателей МГУ Н. Д. Куфакова и Л. З. Немировской «Вопросы войны и мира в русском православном богословии» (1989).

Историко-философские разыскания последнего времени также вводят в научный оборот экспликацию положений и выводов русских религиозных философов, касающихся военной тематики и вопросов миротворчества [12]. По своему обращаются к этому материалу и некоторые политологические работы [13]. Тем не менее, специальных исследований, посвященных подходам к войне и миру в трудах русских религиозных философов рубежа XIX—XX вв. по-прежнему немного [14].

На XI Всемирном Русском народном собрании бывший Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, обращаясь к участникам форума и к соотечественникам, заметил, что Россия может духовно возродиться только тогда, когда социум будет заботиться не только об умножении материальных богатств, но в первую очередь, о значимости духовно-нравственных принципов. Сохранение культурных традиций, нравственной чуткости народа — одна из важнейших задач современной России. В то же время, уважительное отношение к свободе человеческой личности является неотъемлемой частью морали цивилизованного общества [15]. Эти мысли ушедшего от нас Патриарха Алексея II созвучны думам великих русских религиозных философов, видевших путь к решению проблемы мира и войны в религиозно-нравственном возрождении России.

Литература

1. Журнал Московской Патриархии. 1964. № 2. С. 45
2. *Асмус В.* Образ Антихриста у В. С. Соловьева // Международная конференция «Эсхатологическое учение Церкви». М., 2005. С. 1. URL: <http://www.theolcom.ru>.
3. Там же. С. 5.
4. *Митрофанов Г.* Россия XX в. — Восток Ксеркса или Восток Христа? Духовно-исторический феномен коммунизма как предмет критического исследования в русской религиозно-философской мысли первой половины XX в. СПб., 2004.
5. Там же. С. 11.
6. Юбилейный Архиерейский Собор Русской православной церкви: сб. докладов. СПб., 2000. С. 29.
7. Там же. С. 29—30.
8. Там же. С. 30.
9. *Шавельский Г. И.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии. Нью-Йорк, 1954. Т. 2. С. 354.
10. *Кондакова Н. И.* Духовная жизнь России и Великая Отечественная война 1941—1945 гг. М., 1995.
11. См.: *Иоанн (Снычев), митрополит.* Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. СПб., 1994; *Казин А. Л.* Последнее царство: Русская православная цивилизация. СПб., 1998; *Осипов А. И.* Меч и мир: православный взгляд // <http://russzastava.narod.ru/osispov17mehc.html>.
12. *Бори П. Ч.* Новое прочтение «Трех разговоров» и повести об антихристе Вл. Соловьева, конфликт двух универсализмов // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 27—36; Н. А. Бердяев: pro et contra / сост., вступ. ст. и коммент. А. А. Ермичева. СПб., 1994; С. Н. Булгаков: pro et contra / сост., вступ. ст. и коммент. И. И. Евлampieва. СПб., 2003. Т. 1.
13. *Митрофанова А. В.* Политизация «православного мира». М., 2004; *Можаровский В. В.* Религия и политика: догматическое мышление и религиозно-ментальные основания политики. СПб., 2002; *Носков Ю. Г.* Религиозный фактор в системе национальной безопасности. М., 1997.
14. Вышли два сборника произведений самих рассматриваемых философов: Отечественная философская мысль о войне, армии, воинском долге. М., 1995; Русские философы

о войне: Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, С. Л. Франк, В. Ф. Эрн: антология / сост. И. С. Даниленко. М., 2005.

15. Слово Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II: Материалы XI Всемирного Русского Народного Собора // Журнал Московской патриархии. 2007. № 3. С. 8.

М. Я. Фоченкова

КОНВЕРГЕНЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ

Религия без доказательства и наука без надежды
стоят друг против друга, недоверчиво и враждебно,
бессильные победить одна другую.

Э. Шюре [10, с. 490]

Вопрос взаимоотношения науки и религии является одним из классических в европейской культуре. С особенной остротой в число актуальных мировоззренческих проблем конца XX — начала XXI в. проблему взаимоотношений науки и религии выдвинули социальные катаклизмы и разочарование в результатах развития техногенной цивилизации. Исследования, связанные с интерпретацией этих отношений в системе современной культуры, вызывают большой интерес, как теологов, так и религиоведов. Один из крупнейших философов XX века Альфред Н. Уайтхед так объясняет остроту этой проблемы: «Когда мы принимаем во внимание, какое значение для человечества имеет религия и какое наука, мы можем без преувеличения утверждать, что от решения вопроса об отношении между ними и нынешним поколением зависит дальнейший ход истории» [2]. Невозможно выбрать какую-либо универсальную схему, которая могла бы описать отношения между наукой и религией. За тысячелетия эти отношения претерпели метаморфозы от индифферентного сосуществования в античности, через полное подчинение науки религией в средние века — к драматическому противостоянию и победе науки над религией в Новое время. Л. Н. Митрохин, один из столпов российского философского религиоведения ставит вопрос таким образом: «Не является ли ожесточенная конфронтация науки и религии следствием непомерных амбиций каждой из них, навязчивой претензии на подчинение себе всех остальных форм культуры, в том числе и “жизненного мира” человека. Говоря конкретнее, речь идет о претензиях религии на познавательные функции, а науки — на решение смысложизненных, экзистенциальных проблем» [4, с. 215]. При этом, проявление авторитаризма может быть как с одной, так и с другой стороны: если в Средние века это была прерогатива религии, то в XX веке осознается опасность подобной диктатуры науки. Сторонники сциентизма — своеобразного культа науки, абсолютизации ее рационального метода, сложившегося к XX веку, превратили саму науку в некое подобие религии.

Переход от конфронтации к диалогу в отношениях между религией и наукой произошел примерно с 30-х гг. XX в., этот новый, современный этап уже называют *постконфронтационным*. В это время Тейяр де Шарден, христианский теолог, в своей книге «Феномен человека» (1946) так обосновывал принципиальное единство науки и религии: «Двухвековая история страстной борьбы науки и религии дока-

зывает не неправоту одной из них, а то, что они не могут развиваться нормально одна без другой... Религия и наука — две неразрывно связанные стороны или фазы одного и того же полного акта познания, который только один смог бы охватить прошлое и будущее эволюции, чтобы их рассмотреть, измерить и завершить» [7, с. 222–223].

Под воздействием особенностей современной культуры религии вынуждены пойти на сближение с наукой. Далай-лама XIV на пресс-конференции в Дхарам-сале (Индия) подчеркнул: «...древняя философская мысль Индии и буддизма значительно опережает современную науку. Если мы сможем совмещать то, что знают современная наука и буддизм, действительно получим общую картину» [6].

Христианская церковь, прежде всего католическая и протестантская конфессии, активно модернизируют свои вероучения, стремясь согласовать их с идеями, утвердившимися в обществе. Изменение отношения к науке, которая оценивается в современном христианстве как одно из величайших достижений человечества, — одно из направлений этой модернизации. Христианство начинает перенимать научную методологию для обоснования религиозных догм и постулатов. Сегодня значительная часть современного христианства положительно воспринимает идею о необходимости союза с наукой, что отражено не только в знаменитой энциклике папы Иоанна-Павла II «Вера и разум» (1998 г.), но и в десятках, сотнях работ современных богословов всех христианских конфессий.

Российский религиовед С. В. Девятова, исследуя вопросы взаимодействия христианской религии и науки в современном мире, утверждает, что в рамках христианской теологии возникло достаточно влиятельное сегодня направление, связанное с методологическим анализом религии и науки. «Это направление не является однородным — в нем есть сторонники модернизма, приверженцы разделения и, наоборот, объединения религии и науки...» [2, с. 28–31]. Возникновению нового взгляда на взаимодействие науки и религии во многом способствовала теория относительности Эйнштейна. Наука постнеклассического этапа, далеко уйдя от механицизма классической науки, отражает мир как более сложный, вероятностный. Пошатнувшиеся устои прежнего, «абсолютного» научного знания, заставили науку искать в религии ответы на ряд важнейших вопросов. XX в. — не только «золотой век науки», но и век разочарования в науке. «Если классическое естествознание было в принципе секулярным, то нынешние трансформации в научном знании делают его, мягко говоря, открытым по отношению к религии вообще и к богословию в частности», — утверждает профессор математической физики и англиканский священник Джон Полкинхорн [3, с. 70]. Многие из его книг, в том числе «Вера глазами физики» посвящены исследованию аналогий между поиском истины в науке и религии в рамках единого философского подхода, который он называет «критическим реализмом».

Начиная с середины XX в., делаются первые шаги к становлению теории «конвергенции науки и религии», т. е. их сближения и даже «синтеза». Краеугольные положения «конвергенционной» парадигмы состоят в том, что, обращаясь к рассмотрению фундаментальных проблем существования Вселенной, происхождения человека и возникновения сознания, наука сближается с религией, поскольку эти фундаментальные проблемы науки, совпадают с религиозными представлениями об Абсолюте, Мировой душе и божественном творении. Основным аргу-

ментом этой точки зрения является утверждение о том, что в процессе познания человек обнаруживает божественные установления, воплощенные в сотворенной Богом природе или в устройстве общественной жизни людей. Эти божественные истины непосредственно содержатся в религиозных верованиях, в наставлениях лидеров религиозных объединений, а наука узнает о них косвенным путем, наблюдая за явлениями природы и общественной жизни. Вера конституируется как *«интегрирующая функция междисциплинарного диалога»* теологии, философии и естествознания, включающая в себя конвергенцию теологической, философской и конкретно-научной аргументации, в процессе формирования «конвергирующей» синтетической истины.

Примером синтеза «науки и религии» является так называемый «научный креационизм», философско-богословское учение, возникшее в протестантской среде в XX в., как крайне враждебное научному знанию по своей сути. Термин «креационная наука» стал названием для концепции, которая доказывала истинность библейского рассказа на основании научных данных и которую можно и нужно преподавать вместе с теорией эволюции. В последние годы в ряде европейских стран креационисты стали громко заявлять о себе, в том числе и на самом высоком политическом уровне. Например, в 2004 г. правительство Сильвио Берлускони попыталось запретить преподавание эволюции в итальянских школах.

Немало известных современных ученых заявляют о своей религиозности и подчеркивают возможность сосуществования научной и религиозной картины мира.

Так, например, доктор технических наук В. Н. Волченко, основную цель конвергентной парадигмы видит в поиске такой научной модели пространства, «в которой нашлось бы место Творцу». Он, как и другие сторонники такого подхода, утверждает, что только приятие наукой Творца будет содействовать более глубокому познанию духовных ценностей и возможности выхода человечества из нравственно-экологического кризиса [1].

Более того, представители так называемой «новой физики» утверждают, что в исследовании микромира они приблизились к пониманию божественной субстанции мира. Это убеждение побуждает их возлагать особые надежды на религиозный мистицизм, который, с их точки зрения, обладает парадигмой освоения конечной, божественной реальности. В группе этих ученых наибольшую известность получил физик Фритьоф Капра, опубликовавший книгу названием «Дао физики». Для него фундаментальные основы естествознания тождественны сакральному космоическому закону, известному по религиозно-философским учениям древнего Китая.

Нобелевский лауреат американский физик, Чарлз Таунс утверждает, что «различия между наукой и религией в значительной степени поверхностные и становятся почти неразличимыми, если рассматривать истинный характер той и другой» [7, с. 59].

Выдающийся российский советский физик-механик, один из основоположников российской космонавтики, академик РАН Б. В. Раушенбах одним из первых высказал нетрадиционные для советской науки взгляды на взаимоотношения религии и науки: «Все чаще людям в голову приходит мысль: не назрел ли синтез двух систем познания, религиозной и научной? Хотя я не стал бы разделять религиозное и научное мировоззрения. Я бы взял шире — логическое, в том числе и научное,

и внелогическое, куда входит не только религия, но и искусство — разные грани мировоззрения. Так вот, если грубо рассуждать, очень грубо, то можно сказать, что они друг от друга не зависят. Одна половина мозга занимается логической частью, другая — внелогической. Это даже в какой-то мере разделено физиологически, на левое и правое полушария. Одно включает логические знания, в том числе и науку, и речь, и так далее, другое занимается внелогическим познанием мира, там сосредоточены чувство красоты, поэзия, религия... Но это очень грубая схема. Мне не хотелось бы, чтобы так препарировали человека: вот левое, вот правое, и они совершенно не связаны. На самом же деле человек — это некое единство, и ему свойственно целостное понимание мира. И обе части одинаково важны, и обе части одинаково дополняют друг друга, если можно так выразиться» [5, с. 125]. Представляется, что любые крайности в оценках места религии и науки в культуре однобоки и непродуктивны. Наука и религия, несомненно, — два важнейших феномена духовной культуры человечества, у каждого из которых свои функции, пересекаясь в области миропознания, они не способны вытеснить и заменить друг друга. Там, где заканчиваются возможности науки как рационального, теоретического знания, вступает в свои права религия как область нерационализируемого опыта, интуитивного, ценностного знания.

Литература

1. Волченко В. Н. Приятие Творца современной наукой // Сознание и физическая реальность. 1997. Т. 2.
2. Девятова С. В. Христианство и наука: от конфликтов к конструктивному диалогу. М., 1999.
3. Полкинхорн Дж. Вера глазами физика. М., 1998.
4. Митрохин Л. Н. Философия религии. М., 1993.
5. Раушенбах Б. В. Пристрастие. М., 1997.
6. Синтез современной науки и буддизма. Сохраним Тибет // http://savetibet.ru/2007/11/13/dalai_lama_science.html.
7. Шарден Т. де. Феномен человека. М., 1987.
8. Таунс Ч. Слияние науки и религии // Диалоги. Полемические статьи о возможных последствиях современной науки. М., 1979.
9. Уайтхед А. Наука и современный мир // Избранные работы по философии. М., 1990. С. 242.
10. Шюре Э. Великие посвященные. 2-е изд. М., 1990.

О. А. Эйхенбаум

О СУХОЙ ТЕОРИИ И ЖИВОЙ НАУКЕ

Суха, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет!

Гете. «Фауст»

Подводя итоги пройденного пути, А. Ф. Лосев пишет о том, что самым ценным для него всегда были живой ум, живая мысль и служение живой науке, ставшие для замечательного ученого и педагога, неиссякаемым источником радости, духовного и физического здоровья, вечной молодости.

Именно живая мысль — «интимно-трепетное ощущение перехода от незнания к знанию и от бездействия к делу», по словам Лосева-педагога, изгоняет безотрадную скуку и мертвую тишину из студенческой аудитории, превращая педагогический процесс в творческое, осмысленное и радостное занятие. Именно живая мысль, по словам Лосева-мыслителя, преобразует внутренний мир самого человека, согревает его душу, делает его сильнее и мягче, проще и открытнее. И «только живой ум, — по словам Лосева-ученого — может нас делать работниками жизни, неустанными энтузиастами в достижении достойных человека целей, лишает нас скуки, исцеляет от неврастенической лени, изгоняет неверие в свои силы и подводит к здоровому общественному служению» [1].

Звучит эмоционально, напористо, полемично. В этом поэтическом гимне науке и творческому человеческому мышлению просвечивает возрожденческий и просвещенческий пафос — гуманистическое понимание цели и смысла науки, ее направленности на человека и его достойное существование. Именно так понимали живую науку А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачев, Ю. М. Лотман. Вчитаемся, вдумаемся в рассуждения этих ученых, в них звучат ответы на вопросы, которые мы задаем себе сегодня.

В наше время много говорят об актуальности науки, ее включенности в современность. Живая наука неотделима от самого человека. Ее развитие не поддается прямому прогнозированию, как не поддается прямому прогнозированию развитие человечества. Поэтому узкий практицизм, плоско понимаемая актуальность, сводящаяся к стремлению подчинить науку лозунгу дня, не менее губительны для науки, чем мертвящий отрыв от действительности. Говоря об актуальности научного знания, следует учитывать, что понятия прогресса, новизны и архаики в технической и гуманитарной сферах не всегда однозначны. Культура, как писал Д. С. Лихачев, движется путем накопления, а не отталкивания от прошлого. Следовательно, новое в культуре не всегда означает современное и лучшее, как это происходит в рамках технического прогресса, и то, что сегодня нам кажется отжившим и архаичным, завтра может неожиданно обернуться актуальным и остро современным. Непонимание этого приводит к тому, что желание поставить гуманитарную науку на службу общественному развитию может принести вред как и самой науке, так и обществу. «В культуре особенно заметно, если мы, ради представляющихся нам злободневных задач, разрушаем или наносим ущерб далеко идущим культурным идеям и нашим культурным богатствам. Нам порою кажется: мы знаем, что сейчас актуально. А что станет необходимым для наших внуков и правнуков? Угадать сложно. Отсюда главный вывод: необходимы бережное отношение к историческому наследию и постоянная мысль — не все, что мы сейчас понимаем, есть конечная истина... А в целом в связи с перспективой быстрого развития техники актуальным всегда остается только одно — глубокое гуманистическое развитие человека» [2]. «Если мы хотим выиграть генеральное сражение в познании мира, в борьбе за гуманистические ценности, необходимо наступление по всему культурному фронту. Тут звеньев, которые можно отдать отсталости, попросту нет» [3].

Наука, представляющая собой познавательный процесс в чистом виде, является наиболее молодой из всех форм познавательной деятельности, созданных человеком. К мифотворчеству, религии, искусству — древним, как само человечество,

формам познания — наука, родившаяся в VII–VI вв. до н. э. на земле древних эллинов, присоединилась сравнительно поздно.

В европейской культуре традиция рационального научного мышления насчитывает всего три-четыре столетия. Сегодня наука стала одним из ориентиров развития современной цивилизации, однако и по сей день не существует общепризнанных критериев, отделяющих научное знание от ненаучного. Такие характеристики, как объективность знания, его обоснованность фактами, опровержимость или проверяемость, не дают возможности провести четкую грань между наукой и ненаукой. Впрочем, возможно, самой науке такие четкие рамки и не нужны, они бы ее омертвляли, препятствуя развитию науки, возникновению новых теорий и дисциплин. Но актуальным остается вопрос: возможно ли «чистое» знание, отдельное от морали и личности исследователя, возможна ли наука, имеющая в виду только практические ценности, отбросившая ценности этические?

Более полутора веков продолжается дискуссия о своеобразии, задачах и методах естественных и гуманитарных науках, спор физиков и лириков. Науки о духе и науки о природе, безусловно, имеют свою специфику. По замечанию Ю. М. Лотмана, «если астроном стоит лицом к лицу со Вселенной, то гуманитарий стоит лицом к лицу с Историей Человечества, с его главным вопросом о смысле жизни» [4], следовательно, вопросы, задаваемые гуманитарными науками, ценны не ответами, а фактом своего существования, поскольку именно они определяют этическую устремленность поведения человека.

Вместе с тем наука, процесс познания природы, общества и человека, в своих глубинных основаниях представляет некую целостность, являясь одновременно процессом самопознания и самопознания. Расчленяя эту целостность, мы убиваем живое познание. Как отмечает В. Н. Порус, «понимая нечто, субъект понимает самого себя и, лишь понимая себя, способен понять нечто» [5]. Процесс познания так или иначе затрагивает и изменяет личность исследователя и в свою очередь определяется этой личностью, если речь идет о живом, творческом познании и живой, творческой личности. В этом смысле традиционное утверждение, о том, что в естественных науках личность ученого и исповедуемые им ценности не имеют принципиального значения, звучит неубедительно. Важен не спор между физиками и лириками о преобладании тех или иных наук, а вопрос о направлении самой науки, о ориентирах развития цивилизации. Абсолютизировать научно-технический прогресс, отделяя его от прогресса гуманитарного, от гуманистических приоритетов развития науки ошибочно и опасно. «Укоренилось глубоко ошибочное представление, будто в современных условиях, когда мы так нуждаемся в научно-техническом прогрессе, его можно совершать за счет гуманитарного. Что, мол, возможно сконцентрироваться на каком-то участке, который сейчас представляется решающим, и оголить другие. Что и нашло отражение в целом ряде настойчиво проводимых мероприятий. Между тем, создавая новые технические возможности, мы не можем не думать о руках, разуме и сердце того, кто будет этой техникой управлять. Культура именно в том и состоит, чтобы создать гармонию усилий человека» [6]. Прогресс точных наук сегодня настолько переплетается с прогрессом в гуманитарной сфере, что развитие одного без другого уже невозможно.

Живую науку способны создавать живые люди, личности. Серость и бюрократизм столь же губительны для науки, как и безответственность, бездушие, обезличенность самих исследователей. Не могу не привести замечательные слова Ю. М. Лотмана, о том, что ядро науки составляют «ученые высшего класса, бескорыстной преданности науке, широкой эрудиции, глубокой внутренней интеллигенции..., что есть такая высота науки, которая достигается только при чистоте помыслов и душевном благородстве, и, напротив, даже малый привкус карьеризма, корысти, “шариковщины” пресекает научный путь даже способному человеку» [7]. Для Ю. М. Лотмана научные знания, гуманитарные в первую очередь, органически связаны с совестью: «физик, равнодушный к этике — явление социально опасное, но профессионально допустимое; чуждый морально-этическим проблемам гуманитарий профессионально непригоден» [8]. А. Ф. Лосев кратко и образно утверждает, что «знание есть любовь». Для него это значит, что создавать науку могут люди, способные всецело посвятить себя служению истине, бесконечному творческому поиску, понимающие высокие конечные цели этого поиска, чувствующие личную ответственность за всеобщее благоденствие [9].

«Знающая любовь», «любящее знание», живая наука, вооруженная против зла и сражающаяся за общечеловеческое благоденствие, совесть, гуманизм и мужество ученого... Вспомним, в первых сценах Гетевского «Фауста» враг рода человеческого, облаченный в мантию ученого, наставлял молодого человека, мечтающего стать на стезю науки. И на скептическое мепистофелевское:

Суша, мой друг, теория везде,
А древо жизни пышно зеленеет! [10],

отражающие бессилие и бесплодность обезличенной академической теории, мы слышим слова Создателя, выражающие веру в торжество одухотворенной человеческой мысли:

И посрамлен да будет сатана!
Знай: чистая душа в своем исканье смутном
Сознанием истины полна! [11]

Литература

1. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 5.
2. Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее / Лотман Ю. М. Воспитание души. СПб., 2005. С. 242.
3. Там же. С. 246.
4. Лотман Ю. М. Восприятие мира / Лотман Ю. М. Воспитание души. С. 230.
5. Духовный мир человека / ред. М. Аксенова, Е. Ананьева. М., 2006. С. 45.
6. Лотман Ю. М. История культуры: движение в будущее / Лотман Ю. М. Воспитание души. С. 245.
7. Лотман Ю. М. О современном состоянии пушкинистики / Лотман Ю. М. Воспитание души. С. 124.
8. Лотман Ю. М. Восприятие мира / Лотман Ю. М. Воспитание души. С. 230.
9. Лосев А. Ф. Дерзание духа. М., 1988. С. 324.
10. Гете И.-В. Фауст / пер. Н. Холодовского М., 1956. С. 112.
11. Там же. С. 49.

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ

История применения физических упражнений с лечебной и профилактической целью насчитывает несколько тысячелетий. Наиболее ранние источники, в которых говорится о лечебном действии движений и массажа, были найдены в Китае: это были рукописи, относящиеся к 3000–2000 гг. до н. э. В них указывалось, что в Древнем Китае существовали врачебно-гимнастические школы, где обучали лечебной гимнастике и массажу, а также методике их применения при лечении больных.

В сегодняшней быстро изменяющейся жизни физическое и умственное напряжение, с которым мы сталкиваемся, — опасная угроза нашему здоровью и счастью. Мы проводим бесчисленные часы, сидя за компьютером, склоняясь над столом, мы не ходим, а спешим, испытываем постоянные нагрузки, опустошая тем самым наши тела и умы [1].

По состоянию своего здоровья 14% студентов академии управления и экономики освобождены от практических занятий, 32,7% от общего числа студентов рекомендовано по состоянию здоровья специально организованные занятия по программе специальной медицинской группы.

В связи с Болонским соглашением преподавателям физической культуры дается возможность проводить занятия с введением новых и нетрадиционных средств, модифицируя их в зависимости целей, задач урока, направленности занятия.

Одним из группы средств физического воспитания, с данной категорией занимающихся, является система тренировки «Пилатес». Занятия по системе «Пилатес» направлены на тонус мышц, развивают равновесие, формируют телосложение, придавая мышцам более удлиненную форму, при этом помогают справиться с болями в спине. Упражнения разработаны с акцентом на развитие мышечной силы, в особенности на укрепление мышц пресса и спины, улучшение гибкости и подвижности в суставах.

Главное отличие метода — сведение практически к нулю возможности травм. Программа ориентирована на оздоровление позвоночника, а также на профилактику и лечение других заболеваний. В методе «Пилатес» используется оригинальная система дыхания, в результате чего массируются кишечник, легкие и печень, увеличивается поступление кислорода к органам и тканям.

Как никакая другая, программа «Пилатес» помогает развитию позитивного мышления и борьбе со стрессами. «Пилатес» учит сознательному контролю над выполнением движений, самоконтролю, умению ощущать свое тело, воспитывает легкость и грациозность.

Данную систему можно рекомендовать для восстановления и укрепления здоровья студентов специальной медицинской группы, т.к. практически не существует никаких противопоказаний.

Литература

1. Буркова О. В., Лисицкая Т. С. «Пилатес» — фитнес высшего класса. М., 2005.
2. Суржок Т. Г., Насырова Т. Ш., Житкова И. Ю. ЛФК при различных заболеваниях. СПб., 2009.

НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Проблема предотвращения противоправного поведения среди несовершеннолетних в последнее время приобретает все большую актуальность, резкое увеличение количества правонарушений совершаемых детьми и подростками требует незамедлительной реакции со стороны как федеральных, так и региональных властей. К сожалению, существующие институты государственной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, зачастую действуют разрозненно и неэффективно, остро нуждаясь в совершенствовании своей деятельности, в том числе и с помощью внедрения новых научных, инновационных разработок.

В Санкт-Петербурге на данный момент создана многоуровневая система профилактики правонарушений, реализуются Комплексные планы мероприятий по профилактике правонарушений несовершеннолетних и молодежи на 2009–2011 гг. Данные Комплексные планы стали преемниками соответствующих городских целевых программ, которые, начиная с 2002 г., описывали комплекс принимаемых Правительством Санкт-Петербурга мер для снижения уровня правонарушений среди несовершеннолетних и молодежи.

Координируется работа всех субъектов профилактики безнадзорности и правонарушений Комиссией по делам несовершеннолетних и защите их прав при Правительстве Санкт-Петербурга. Также комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав созданы при исполнительных органах государственной власти Санкт-Петербурга, проводящих государственную политику Санкт-Петербурга и осуществляющих государственное управление на территории районов Санкт-Петербурга. Как правило, в состав КДН входит один штатный работник — ответственный секретарь и представители органов и учреждений, входящих в систему профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Создаются комиссии в целях реализации задач по решению проблем беспризорности и правонарушений несовершеннолетних, защиты их прав и законных интересов.

В соответствии с Федеральным законом № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и законом Санкт-Петербурга № 230-42 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге», деятельность по профилактике правонарушений также осуществляется органом законодательной власти Санкт-Петербурга, органами исполнительной власти Санкт-Петербурга при взаимодействии с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, правоохранительными и контролирующими органами, органами и учреждениями здравоохранения, образования, социальной защиты населения, органами и учреждениями органов по делам молодежи, органами по вопросам занятости населения, органами местного самоуправления в Санкт-Петербурге, организациями, предприятиями и учреждениями различных форм собственности, региональными отделениями политических партий и общественных движений, общественными организациями, религиозными конфессиями

ми, иными некоммерческими организациями, средствами массовой информации, гражданами.

Рассмотрим наиболее важные из них.

Законодательное Собрание Санкт-Петербурга.

Принимает законы Санкт-Петербурга, постановления Законодательного Собрания, Программы социально-экономического развития города и другие нормативные акты в области профилактики правонарушений, избирает Уполномоченного по правам человека в Санкт-Петербурге.

Органы социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания:

- Комитет по социальной политике Санкт-Петербурга;
- комплексные центры социального обслуживания населения;
- центры социальной помощи семье и детям;
- Санкт-Петербургское государственное учреждение социальной помощи семьям и детям «Региональный центр “Семья”»;
- специализированные учреждения для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации (социально-реабилитационные центры, социальные приюты, центры помощи детям, оставшимся без попечения родителей и т. д.);
- районные отделения профилактики безнадзорности детей и подростков или службы социального сопровождения семей при отделах социальной защиты населения и другие.

Органы социальной защиты населения и учреждения социального обслуживания бесплатно предоставляют социальные услуги несовершеннолетним, находящимся в социально опасном положении, проводят индивидуально профилактическую работу с безнадзорными. Региональный центр «Семья», созданный Комитетом по социальной политике Санкт-Петербурга для практической работы в сфере социального обслуживания семей и детей, также вырабатывает обоснованную стратегию проведения государственной семейной политики с учетом особенностей города.

Органы управления образованием и учреждения образования:

- Комитет по образованию Санкт-Петербурга;
- дошкольные образовательные учреждения;
- общеобразовательные учреждения;
- учреждения дополнительного образования детей;
- учреждения начального профессионального образования;
- специальные учебно-воспитательные учреждения;
- детские дома и школы-интернаты;
- психолого-педагогические медико-социальные центры (ППМС центры).

Психолого-медико-педагогические комиссии (ПМПК) и т. д.

Они занимают важное место в системе раннего выявления семейного и детского неблагополучия. В их задачи входят своевременное информирование ОВД, органы опеки и попечительства, органы социальной защиты, органы здравоохранения и другие органы, о выявленных проблемах, в отношении несовершеннолетних. Также проводят совместные рейды с ОВД, принимают участие в мероприятиях ГУВД, организуют систематические сверки учетов ПДН (подразделения по делам несовершеннолетних) и учащихся, находящихся в внутришкольном контроле.

В Санкт-Петербурге работают следующие специальные учебно-воспитательные учреждения:

1. Государственное специальное учебно-воспитательное учреждение для детей и подростков с девиантным поведением «Специальная общеобразовательная школа № 1» (закрытого типа).

Целевая группа — несовершеннолетние мальчики от 11 до 18 лет, нуждающиеся в особых условиях воспитания, обучения и педагогического подхода в случаях, если они не подлежат уголовной ответственности в связи с тем, что к моменту совершения общественно-опасного деяния не достигли возраста, с которого наступает уголовная ответственность или осуждены за совершение преступления средней тяжести и освобождены судом от наказания с применением условной меры наказания. Основанием направления в школу является постановление суда.

2. Государственное специальное учебно-воспитательное учреждение для детей и подростков с девиантным поведением «Специальная общеобразовательная школа № 2» (открытого типа).

Целевая группа — несовершеннолетние мальчики от 11 до 18 лет, направленные по решению Комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, состоящие на учете в ОДН и отказывающиеся посещать общеобразовательную школу.

3. ОУ «Специальное профессиональное училище закрытого типа Санкт-Петербурга» федерального подчинения.

Целевая группа — подростки от 14 до 18 лет, направленные по решению, постановлению, приговору суда, совершившие преступные деяния, не требующие уголовного наказания в виде лишения свободы.

В Санкт-Петербурге для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи, созданы специальные учреждения — центры психолого-педагогической и медико-социальной помощи — ППМС центры. Таких центров в нашем городе 20, в них работают педагоги-психологи, социальные педагоги, логопеды, дефектологи, валеологи, врачи и другие специалисты. Принимаются дети от 3 до 18 лет.

Органы опеки и попечительства.

Полномочия по осуществлению опеки и попечительства отнесены к компетенции органов местного самоуправления. Органы опеки и попечительства осуществляют защиту прав и законных интересов несовершеннолетних при их нарушении, формируют банк данных, содержащих сведения о детях и семьях, оставшихся без попечения родителей, проживающих на территории конкретного муниципального образования; проводят индивидуальную профилактическую работу, имеют право обращаться с заявлениями в суд с исками о лишении (ограничении) родительских прав, отмене усыновления, назначения опеки (попечительства); к исключительной компетенции органов опеки и попечительства относится право отобрания детей от родителей (иных лиц) при непосредственной угрозе их жизни, здоровью, а также определение последующей формы их жизнеустройства; осуществление надзора и контроля за соблюдением опекунами, попечителями, руководителями воспитательных, лечебных учреждений, учреждений социальной защиты населения (в том числе при помещении детей в семейно-воспитательные группы, образуемые социально-реабилитационными центрами) обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию воспитанников и т.д.

Органы по делам молодежи:

- Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями;
- Санкт-Петербургский «Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних»;
- подростково-молодежные клубы (центры);
- детские оздоровительные учреждения.

Все учреждения, относящиеся к органам по делам молодежи, информируют субъекты системы профилактики о выявлении несовершеннолетних и родителей, находящихся в трудной жизненной ситуации или социально-опасном положении. СПбГУ «Городской центр профилактики безнадзорности и наркозависимости несовершеннолетних “Контакт”» реализует задачи в области профилактики безнадзорности, беспризорности, злоупотребления психоактивными веществами, правонарушений и антиобщественных действий несовершеннолетних и молодежи на территории Санкт-Петербурга и выявление условий, провоцирующих девиантное поведение подростков молодежи.

Работники подростково-молодежных клубов (центров) осуществляют занятость подростков и молодежи, организывают места для свободного, неформального общения для подростков и молодежи, совместно с правоохранительными органами проводят воспитательную и индивидуально-профилактическую работу с несовершеннолетними склонными к совершению правонарушений.

Для детских оздоровительных учреждений главное это организация отдыха и оздоровления детей и подростков, нуждающихся в заботе государства. При поддержке Комитета по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями организуется отдых подростков, состоящих на учете в органах милиции.

Органы управления и учреждения здравоохранения:

- Комитет по здравоохранению;
- поликлиники;
- больницы;
- родильные дома;
- дома ребенка;
- городской консультативно-диагностический центр для детей «Ювента» и т. д.

Учреждения здравоохранения оказывают своевременную медицинскую помощь, сообщают в органы опеки и попечительства о заболеваниях родителей, препятствующих выполнению ими родительских обязанностей, при рождении ребенка у женщины, находящейся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении направляют информацию в ОУСЗН для организации работы социальных служб. При выявлении признаков физического или сексуального насилия незамедлительно должны сообщать об этом в ОВД, прокуратуру, ОУСЗН, органы опеки и попечительства. Медицинский персонал дошкольных и образовательных учреждений выявляет детей находящихся в трудной жизненной ситуации или социально опасном положении и, совместно с социальным педагогом, передают информацию в ОУСЗН.

Городской центр «Ювента» оказывает диагностическую, консультативную, лечебную, профилактическую помощь детям и подросткам, направленную на сохранение их репродуктивного потенциала.

Органы службы занятости.

Участвуют в профессиональной ориентации несовершеннолетних, а также содействуют трудовому устройству несовершеннолетних, нуждающихся в помощи государства. Направляют информацию субъектам системы профилактики по их сообщениям (направлениям) о направлении несовершеннолетних на учебу и оказании помощи в трудовом устройстве.

Органы внутренних дел:

- подразделения по делам несовершеннолетних;
- участковые уполномоченные милиции;
- Центр временного содержания-несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП ГУВД);
- подразделения криминальной милиции;
- подразделения по делам несовершеннолетних проводят профилактическую работу с подростками группы риска, их родителями или законными представителями по предотвращению и пресечению незаконных действий.

В ЦВСНП несовершеннолетние направляются для временного содержания (не более 30 суток) по приговору суда или постановлению судьи, целевая группа: девочки и мальчики до 18 лет, совершившие правонарушения. Здесь проводятся индивидуально-профилактические работы с доставленными несовершеннолетними, в последующем несовершеннолетних доставляют в специальные учебно-воспитательные учреждения закрытого типа или осуществляются другие меры по устройству несовершеннолетних.

Подразделения криминальной милиции выявляют, предупреждают, пресекают и раскрывают преступления несовершеннолетних правонарушителей или группы таких лиц.

В настоящее время все большую роль начинают играть **общественные организации**, среди которых можно выделить Санкт-Петербургскую общественную организацию «Врачи детям», специализирующуюся на социальной и психологической помощи детям, Благотворительный фонд помощи детям «Теплый дом», оказывающий помощь детям из неблагополучных семей, «Упсала цирк», деятельностью которого является социальная адаптация и реабилитация детей и подростков из групп социального риска методом цирковой педагогики, региональная общественная организация социальных проектов в сфере благополучия населения «Стеллит», основными задачами которой являются социальные исследования, превентивные программы, научная деятельность и взаимодействие с представительными органами власти.

Остальные органы и учреждения входящие в систему профилактики правонарушений в Санкт-Петербурге оказывают конкретные виды услуг в соответствии со своей спецификой и направленностью.

Как мы видим, количество субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних в Санкт-Петербурге очень велико, здесь мы смогли перечислить и рассмотреть только некоторые из них. Сейчас, как мы уже говорили, остро встает вопрос о более эффективной координации действий всех субъектов профилактики правонарушений несовершеннолетних в Санкт-Петербурге, создание четко отлаженной схемы работы с подростками входящими в группу социального риска. Учитывая многофакторный характер причин совершения правонарушений детьми

и подростками, в процессе профилактики должны приниматься меры юридической, организационной, социальной, психологической, экономической помощи, реализация которых находится в компетенции разных органов и учреждений. Чем успешнее будет профилактика правонарушений несовершеннолетних, тем меньше придется затрачивать усилий и средств на их реабилитацию.

Увеличение масштаба детской безнадзорности и правонарушений привело к резкому увеличению документооборота, взаимодействию всех структурных элементов системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Санкт-Петербурге в основном носит «бумажный» характер, вследствие чего, внедрение информационных, коммуникационных технологий, видится как необходимая задача для улучшения их взаимодействия. Создание банка данных по семьям, находящимся в социально опасном положении, по детям и подросткам с девиантным поведением, в котором будут вестись записи по службам, сопровождающим данного подростка или семью, отмечаться все значительные изменения в их жизни и доступ к которому будет только у представителей институтов государственной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних, позволит избежать ситуаций когда трудного подростка ведут сразу несколько социальных служб, имеющих свои, порой совершенно несхожие, программы индивидуально-профилактической работы. Создание такой базы также позволит уменьшить количество документооборота между субъектами профилактики, т. к. для получения необходимой информации не потребуется посылать запросы в разные организации и ведомства, а достаточно будет лишь открыть банк данных.

Целостность работы по предотвращению противоправного поведения несовершеннолетними, выстраивание четкого и понятного для всех процесса профилактики детей и подростков группы риска, позволит значительно улучшить ситуацию в сфере детской и подростковой преступности в Санкт-Петербурге.

Литература

1. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» // Российская газета. 1999. 30 июня.
2. Закон Санкт-Петербурга от 11 апреля 2007 г. № 160-32 «О Комиссиях по делам несовершеннолетних и защите их прав» // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. 2007. № 16.
3. Закон Санкт-Петербурга от 4 июня 2007 г. № 230-42 «О профилактике правонарушений в Санкт-Петербурге» // Вестник Законодательного собрания Санкт-Петербурга. 2007. № 20.
4. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 2 декабря 2008 г. № 1507 «О комплексных планах мероприятий по профилактике правонарушений несовершеннолетних и молодежи в Санкт-Петербурге на 2009-2011 годы» // Вестник Администрации Санкт-Петербурга. № 1. 26 января 2009.
5. <http://www.gov.spb.ru>.
6. <http://kpmp.ru>.
7. <http://www.assembly.spb.ru>.
8. <http://www.homekid.ru>.
9. <http://www.profcenter.spb.ru>.
10. <http://www.vd-spb.ru>.
11. <http://www.domgdetplo.ru>.
12. <http://k-obr.spb.ru>.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРОФИЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ВУЗЕ

Преподавание философии и специальных философско-гуманитарных дисциплин студенту вуза предполагает введение студентов в сферу формирования, функционирования и динамичного развития духовного производства, а также формирования у них знаний с основных проблем бытия, мышления и познания.

Благодаря такой многоаспектной функции философия и смежные дисциплины открывают студентам проверенные многовековой практикой духовные ориентиры для глубоко осмысления и осознания реальности, освоения теоретического и методического наследия предшествующих отечественных и зарубежных авторитетов науки и практики.

Чрезвычайно важной задачей является целенаправленное формирование у каждого студентов убедительной саморефлексии в сфере осознания или содержания и целей собственной жизни, своей стороны и судьбы человеческой цивилизации.

Исходя из требований положений Болонской декларации, в Украине с 2007 г. введены новые образовательно-профессиональные и образовательно-квалифицированные программы, а также, с учетом профиля вуза и содержания подготовки будущих специалистов, в том числе студентов-медиков, разработаны и внедрены новые учебные программы и планы.

Как правило, курс философии поделен на четко очерченные следующие модули:

1. Историко-философское введение.
2. Общетеоретическое философия.
3. Социальная философия.
4. Специально профилированный курс — «Мировоззренческие и социальные проблемы духовного, интеллектуального бытия человечества».

На наш взгляд, решение преподавателями-философами вместе с коллегами учебно-дидактических и методолого-методических задач позволяет обнаружить некоторые предсказуемые последствия такой целенаправленности деятельности. Позволю привлечь внимание к некоторым из них.

Первая тенденция

В течение последних лет в научной литературе появляется все больше публикаций об изменившихся морально-психологических и этических нормах, мотивах идеального, которые приобретают особый вес в ходе анализа рациональных мотиваций современной личности, в том числе студента, логики развития постиндустриального мира, при которой функцию первенства приобретают не материальные, а постиндустриальные ценности и интересы.

В этой связи большое значение для ученых имеет изучение принципа естественного равновесия и саморегулирования общественных процессов. Еще Аристотель считал, что земные динамические системы стремятся к равновесию. История подтвердила, что теория общественного развития базируется на постулате, согласно

которому общество эволюционирует к равновесию, которое реализуется в автоматическом режиме.

В современных условиях в значительной степени возрастает роль гражданского общества. В Украине, исследуя вопрос взаимодействия власти с общественными организациями, стало традицией с укоризной смотреть на власть, которая мало внимания уделяет народу, не прислушивается и просто не любит его. На самом деле следует обратить внимание на общественные организации, существующие в Украине. Парадокс ситуации в том, что общественность наша имеет большее отношение к власти, чем к обществу. Это своего рода «избранное общество», играющее роль «постоянного представительства» настоящего общества перед властью.

Общественность наша так привыкла жить рядом с властью, что в конце концов стало уже непонятно, кого она на самом деле представляет: общество перед властью или власть перед обществом? Власть в этом случае часто и легко становится жертвой самообмана, то лаская и примечая одних самозванцев, то отчаянно борясь с другими самозванцами. Общественная жизнь в Украине сильно отличается от общественной жизни в Европе и Америке.

И главное отличие состоит в том, что в Европе и в Америке все общество традиционно активно. Подавляющее большинство населения участвует в управлении — это связано с имеющей глубочайшие корни традицией самоуправления, веками народ учился тому, как самому принимать и исполнять решения по разным вопросам, возникающим в повседневной жизни своего поселка, города, жизни. Американец даже представить себе не может факта неучастия в выборах.

У нас, к сожалению, картина другая: с одной стороны, часть населения, нормальное состояние которого — абсолютная пассивность, социальная неподвижность, инертность и безразличие, с другой — у нас есть «актив», способный демонстрировать бешеную энергию, никого, кроме самих себя, не представляя. Они с легкостью могут заявить, что действуют от имени и в интересах целого социального слоя или класса, преследуя при этом только свои собственные интересы. Эти активисты тем агрессивнее, чем сильнее они оторваны от масс. Власть садится с ними за стол переговоров, которые по своей сути представляют собой переливание из пустого в порожнее, что без стеснения демонстрируется на экранах телевизоров. Все это происходит в надоевших народу телепередачах: «Пять копеек», «Свобода слова» и др. Вместо того чтобы заниматься политической показухой на высшем уровне, власти нужно повернуться лицом к проблемам общественной жизни государства. Нужна политическая стратегия развития общества, которая бы не ограничивалась упреками в адрес одного президента, а была рассчитана на 2–3 поколения.

Справедливые выборы — единственно приемлемый путь к прогрессивному обществу, который ведет к созданию демократического государства, государства с человеческим лицом, и тогда не важно, как оно называется — капиталистическим или социалистическим.

Вторая тенденция

Значительно возросла роль информационных технологий в создании международного образовательного сообщества, субъектом и объектом которого становятся как преподаватели, так и студенты.

Жизнедеятельность современного, в том числе украинского общества практически невозможно представить без широкого использования компьютерных, телекоммуникационных, информационных технологий. Они проникают во все сферы деятельности человека и человеческих взаимоотношений, вызывают заметные изменения не только в производственных отношениях, а и в экономических, политических, социокультурных, религиозно-этнических связях, а также в системах образования всех развитых стран.

Особый вес и влияние приобретают глобализационные процессы и явления, которые особо ярко проявляются в экономической сфере, в вопросах развития общеделовых стандартов, в сферах общественно-политической жизни, проблемах культуры, образования и др.

Особый вес и перспективу имеют процессы информатизации образования как чрезвычайно влиятельной социальной сферы, которая обеспечивает воссоздание необходимой квалификации населения. Сегодня образование претерпевает ряд глубоких технологических изменений, которые наглядно и убедительно выявляются в создании и развитии корпоративных информационных систем и включении их в глобальную международную информационную среду.

Действительность развитых государств мира подтверждает, что компьютерные и телекоммуникационные технологии открыли новые условия для учебного процесса: во-первых, преподаватели все больше внимания уделяют использованию информационных технологий во время подготовки учебно-лабораторных материалов и рекомендаций; во-вторых, на основе целенаправленного использования современных технологических приемов интенсифицируются работа администраторов и менеджеров образования; в-третьих, заметно расширилась сфера использования религиозных форм обучения, экстерната, дистанционного обучения и т. п.; в-четвертых, свободное общение преподавателей всех направлений с компьютером и использование Интернета превратилось в абсолютно неотъемлемой частью его профессиональной репутации; в-пятых, выше обозначенные тенденции имеет свое проявление в студенческой сфере, т. к. утверждение принципов открытости (мобильности) европейского и мирового образования находит отражение не только в принятии положений Болонского процесса, но и фиксируется при заключении межгосударственных отношений, отвечает требованиям рынка труда, способствует овладению навыками продуктивного использования опыта других государств, обновлению профессиональной деятельности, усвоению культурного разнообразия. Все это вместе наглядно обуславливает повышение качества образования, облегчает мобильность студентов и обеспечивает студенческую молодежь возможностями овладеть общепризнанными квалификациями.

Третья тенденция

Формирование и укрепление философской культуры в образовательной системе способствует пониманию сущности различных молодежных субкультур современности и оптимизации межличностных коммуникаций.

Как известно современные процессы технологизации и автоматизации, различных сфер жизни привели к заметному освобождению людей от навязчивой монотонной деятельности расширению объема свободного времени, что повлекло к поиску почти каждым человеком, особенно молодым, студентом, в структурах

вольного, избирательного общения интересных единомышленников как раз в рамках определенной субкультуры.

В современной литературе данное явление обозначается как экзистенциальный тип коммуникации и способ самореализации личности, т. к. только при таких обстоятельствах она получает ощущение полноты, значимости, нужности своего бытия, его рациональной основы, возможности жить в конкретных социокультурных условиях и работать в секуляризованном мире.

Как убеждают исследования в этой сфере, иногда субкультуры становятся главным агентами социальной и духовной трансформации определенных кругов населения. Рынок субкультур, в т. ч. в студенческой сфере, ориентируется на личность с разными мировоззренческими и социально психологическими характеристиками, приспособляясь к конкретным поликультурным условиям, начинает проявляться и утверждаться в определенной системе ценностей, установок, предпочтений и т. п.

Таким образом, только прочные философские и социально-гуманитарные знания, излагаемые при преподавании студентам и усвоенные, ими будут прочным фундаментом целенаправленного формирования личности студента-будущего специалиста.

Литература

1. *Арнц У.* Что мы вообще знаем? Наука, эзотерика и повседневная реальность. М.: София, 2007.
2. *Гальчинский А.* Глобальные трансформации: концептуальные альтернативы. Методологические аспекты. К.: Либидь, 2006.
3. *Гроф С.* Революция сознания: трансатлантический диалог. М.: АСТ, 2004.
4. *Лесков Л. В.* Синергизм: философская парадигма XXI века. М.: Экономика, 2006.
5. *Климов С. М.* Интеллектуальные ресурсы общества. СПб.: Знание, 2002.
6. *Карпенко И. В.* Философское пространство культуры: человек философский и человек повседневности. Харьков, 2006.
7. *Скокова Л.* Культура — личность — общество. К., 2006.

Ю. Н. Финагеева, В. Н. Дмитриева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Методы преподавания и обучения по своей природе имеют тенденцию к изменению, и в последние годы наблюдается заметный переход от лекций к занятиям, имеющим более личностно-ориентированный характер. Все более популярной формой обучения становится **case-study** (кейс-метод, кейс-стади, метод конкретных ситуаций). Данный метод играет важную роль в развитии знаний и навыков у студентов, так как у них появляется возможность участвовать в учебном процессе более активно, и, следовательно, повышается эффективность обучения.

Метод кейсов зародился в Гарвардском университете в начале XX в. и применялся в системе подготовки менеджеров и юристов. Позже метод стал активно использоваться во многих странах не только в бизнес-образовании, но и в других областях знаний. Суть метода заключается в том, что студенты самостоятельно изучают и анализируют конкретные ситуации из деловой практики, затем про-

исходит обсуждение отмеченных проблем, что создает основу для совместных дискуссий и обсуждений под руководством преподавателя. Применяя данный метод, следует помнить, что важнее сам процесс поиска решения заданной задачи, нежели само решение.

В настоящее время метод кейсов является одной из наиболее эффективных методик преподаваний иностранных языков. В процессе разрешения возникшей проблемы учащимся приходится актуализировать весь комплекс накопленных ранее знаний. Им предоставляется возможность применить пройденный языковой материал на базе профессиональных знаний. Здесь следует оговорить, что использование метода конкретных ситуаций ограничивается уровнем языковой подготовки учащихся, поскольку он предполагает владение на достаточно высоком уровне тремя аспектами языка (фонетикой, лексикой, грамматикой) и всеми видами речевой деятельности (чтением, говорением, аудированием и письмом). Следовательно, он может быть рекомендован при работе со студентами старших курсов или с сильными группами I–II курсов.

Таким образом, мы обнаружили, что кейс-метод с точки зрения преподаваний иностранного языка может быть использован для:

- создания возможности демонстрации полученных знаний, таким образом, сокращая разрыв между теорией и практикой;
- стимулирования активного обучения;
- обеспечения возможности развития ключевых навыков, таких как коммуникация, групповая работа и решение проблем;
- большей заинтересованности учащихся в теме занятий и, следовательно, стимулирования их активности в обучающем процессе.

Таким образом, использование метода кейсов в обучении иностранному языку позволяет развивать следующие немаловажные навыки:

- работа в группе;
- индивидуальная работа;
- сбор информации и ее анализ;
- планирование времени (для решения поставленной задачи в срок);
- презентация полученных результатов.

Теперь приведем конкретный пример из практики применения кейс-метода при обучении студентов по дисциплине «Практический курс речевого общения испанского языка». Занятие проводилось в группе из 5 студентов IV курса.

Проведение кейса заняло 2 академических часа, включая предварительную подготовку на предыдущих занятиях и самостоятельную работу студентов. Диалогам и дискуссиям в рамках кейса предшествует работа над лексикой и грамматикой, призванная помочь участникам ясно выразить свои мысли и убедить собеседника или нескольких членов группы в своей правоте.

Тема занятия: «Проведение деловых собраний»

Этапами проведения кейс-метода являлись:

I. Предварительный этап:

1. Вводные или разминочные упражнения. Они имеют дискуссионный характер. Студентам предлагается обсудить вопрос о том, какие факторы являются решающими для успешности делового собрания/переговоров. Также из предложенного списка студентам предлагается выбрать ряд советов, соблюдение или несоблюдение

ние которых может привести к успешному или безрезультатному завершению переговоров/деловых собраний.

Целью упражнений этого типа является:

- обучение лексике, обозначающей успех в бизнесе, а также развитие навыков говорения;
- самостоятельное изучение обязанностей участников собрания;
- ознакомление с текстом на испанском языке, в котором рассказывается о возможных видах собраний и их достоинствах и недостатках. Студенты высказывают свою точку зрения, обсуждают прочитанные текст.

II. Основной этап:

- изучение и обсуждение предоставленного преподавателем материала;
- разделение участников на группы с различными заданиями;
- самостоятельная творческая подготовка учащихся;
- проведение переговоров;
- выбор оптимального решения обозначенной проблемы;
- подведение итогов и общее обсуждение.

Ситуация: компания «Х», производитель прохладительных напитков, находится в очень сложной ситуации: потребление производимой продукции падает; компания теряет долю на рынке; новый продукт не пользуется спросом. В связи с этим было принято решение созвать собрание с целью нахождения общего решения по принятию мер для стабилизации положения предприятия и улучшения ее экономических показателей.

Проблемы производителя:

Производительность труда на линиях бутилирования падает. Увеличивается количество бракованной продукции.

Сроки поставки не выполняются.

Несмотря на то что рекламный бюджет был увеличен на 5%, продажа товара не достигает ожидаемых объемов.

Новый продукт не пользуется спросом.

Роли распределены следующим образом:

Президент компании: хочет знать причины снижения объемов производства, причины увеличения количества бракованной продукции, снижения объемов продаж, и то, как на компании скажутся несвоевременные поставки продукции. Намерен поддерживать образ предприятия, как производителя качественной продукции. Хотел бы провести ряд мероприятий с тем, чтобы составить конкуренцию производителям аналогичных товаров. Хочет, чтобы компания восстановила долю на рынке. Намерен разработать план по активизированию продаж в ближайшем квартале.

Финансовый директор: разъясняет финансовую ситуацию компании, которая хотя и несет убытки, но они меньше, чем год назад. Считает необходимым быть осторожными с будущими инвестициями и предлагает «заморозить» некоторые запланированные до улучшения ситуации.

Директор по маркетингу: объясняет, почему продажи товаров не достигли ожидаемого уровня и представляет новый план продвижения. Предлагает вывести продукцию на новые для нее рынки, для чего требуются дополнительные финансовые и человеческие ресурсы.

Производственный директор: объясняет причины проблем на производстве. Настаивает на покупке новой техники, ввиду износа старой. Отказывается вводить изменения на линии бутылирования.

Секретарь собрания: ведет протокол собрания, подводит итоги. Также участвует в обсуждении.

Задачи:

Обсудить проблемы, с которыми столкнулась компания.

Обсудить возможные варианты выхода из сложившейся ситуации.

Прийти к конечному решению.

Студентам назначаются роли, каждый представляет свои идеи по поводу создавшейся проблемы. Все этапы кейса проводятся на изучаемом языке, и задействованы все студенты группы: вне зависимости от некоторых различий в языковой подготовке каждый получает возможность творчески себя проявить.

В ходе проведения кейса были достигнуты следующие **результаты:**

1) студентам удалось успешно решить поставленную перед ними практическую задачу;

2) был закреплен материал по пройденным темам;

3) получили активное развитие навыки проведения переговоров.

При этом студентам было интересно работать, поскольку метод конкретных ситуаций положительно отличается от наиболее часто используемых традиционных методов изучения иностранного языка, и тем самым повышает мотивацию учащихся. То есть метод конкретных ситуаций, будучи комплексным, инновационным и творческим, может с успехом использоваться при обучении студентов иностранному языку.

АННОТАЦИИ

ГЛАВА 1. КОНЦЕПЦИЯ «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ» И ПРОБЛЕМЫ ЭВОЛЮЦИИ НАУКИ В XXI в.

В. А. Микляев

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ СООТНОСИМОСТЬ КОНЦЕПЦИЙ «ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА» И «ОБЩЕСТВА ЗНАНИЙ»

В статье проводится сравнительный анализ концепций «информационного общества» и «общества знаний». Выделяются факторы, определяющие общественную жизнь на каждом из этапов развития общества.

Ю. А. Тюрина

РАЗВИТИЕ ВУЗОВСКОЙ НАУКИ В РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье анализируются проблемы и противоречия развития российской вузовской науки. Определены тенденции дальнейшего развития данного сектора науки.

Г. И. Мазуров, Е. А. Торгунаков, В. И. Акселевич

РОЛЬ НАУКИ В РАЗВИТИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА И ОБЩЕСТВА

В статье определена роль науки в развитии российского общества и государства. Проводится анализ современных взглядов на роль науки в жизни общества, рассматриваются особенности научной деятельности в современных условиях.

В. А. Бареев

НАУКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПАРАДОКСЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

В статье проводится анализ возникающих трудностей и противоречий в развитии отечественной науки, определены тенденции дальнейшего развития российской науки.

К. В. Бареев

ФИЛОСОФИЯ И НАУКА: ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ, ЕДИНСТВА И ПРОТИВОРЕЧИЯ

В статье философия и наука рассматриваются как формы духовной деятельности человека, а также формы общественного сознания. Анализируются признаки, характеризующие единство и различия между философией и наукой.

Т. А. Борисова

КТО НЕ ПОПАЛ НА «ФИЛОСОФСКИЙ ПАРОХОД»: ИСТОРИЯ ОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНЦЕПЦИИ XX в.

В статье рассматривается трагическая страница отечественной истории, связанная с высылкой за границу российской интеллигенции. Прослеживается судьба

видного российского историка Н. А. Рожкова, которому удалось избежать этой участи и оставившему значительное творческое наследие.

И. С. Бразевич

ИННОВАЦИИ КАК ФАКТОР УСПЕШНОЙ АДАПТАЦИИ КОМПАНИИ К ИЗМЕНЕНИЯМ ВНЕШНЕЙ СРЕДЫ

В статье рассматриваются инновации как фактор адаптации компании к изменениям внешней среды. Проводится анализ концепции тектологии А. А. Богданова, разработки которого значительно опередили время. Рассматриваются особенности инновационной деятельности российских компаний в современных условиях.

И. В. Гордеева

НАУКА В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНИЗМА: РАЦИОНАЛЬНЫЕ ЗНАНИЯ И ВНЕНАУЧНЫЕ ИДЕИ

В статье проводится анализ эволюции науки в эпоху постмодерна. Определена роль научной мысли в жизни человечества. Указывается на парадоксы современного развития научного знания, связанного с увлечением паранаукой. Выявлены основные направления развития науки в современных условиях.

Р. А. Данакари

О РОЛИ НАУКИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ И ИНТЕГРАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО БЫТИЯ

В статье рассматривается роль науки в формировании «общества знания», создании инновационной экономики, решение актуальных задач политической модернизации современной России. Подчеркивается, что решение задач политической модернизации, поиск детерминант гражданского общества, развитие систем государственного и местного управления невозможно без опоры на науку.

М. Г. Дмитриев, Л. Т. Усенова, К. Х. Шарафитдинова

НАУКА И ОБЩЕНИЕ: ПОНИМАНИЕ НЕВЕРБАЛЬНЫХ СТИМУЛОВ И АГРЕССИВНОСТЬ ПОДРОСТКОВ

В статье проводится анализ влияния невербальных знаков на поведение человека и эффективность межличностного общения. Содержится оценка влияния понимания невербальных стимулов на агрессивность подростков и их адаптацию в межличностных отношениях.

А. В. Заугольникова

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧАЩИХСЯ В ОБЩЕСТВЕ ЗНАНИЯ

В статье анализируется зарубежный опыт развития научно-исследовательского потенциала учащихся на этапе развития общества, характеризующегося как «общество знания». Дан обзор методов обучения, способствующих развитию научно-исследовательского потенциала учащихся образовательных учреждений разного уровня.

А. А. Зубрий

ПОЛИТИКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА. ТОЧКИ СОПРИКОСНОВЕНИЯ НА ПРИМЕРЕ «НОРМАННСКОЙ ТЕОРИИ»

В статье анализируется такое направление в изучении отечественной истории, как норманнская теория. Показаны особенности взаимоотношений политики и отечественной исторической науки на протяжении длительного периода.

С. А. Козлова

ПРОБЛЕМНОЕ ПОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В ЕВРОПЕЙСКИХ СТРАНАХ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

В статье содержится сравнительный анализ исследовательской проблематики в европейских странах и Республике Беларусь. Подчеркивается, что в современных условиях политическая наука стала коллективным предприятием, профессией с четко определенными стандартами обучения и трудоустройства, в основе которых — национальные университетские системы с серьезными транснациональными связями между индивидами и институтами по всей Европе.

О. Ю. Колосова

НАУКА В ЭПОХУ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

В статье анализируется современная эпоха как эпоха цивилизационного сдвига, эпоха глобального цивилизационного кризиса. Выделяются оценки самого кризиса — оптимистическая, как естественного явления смены культур, как «конца истории», и пессимистическая, как краха цивилизации, поскольку глобальный цивилизационный кризис современности имеет такую важнейшую составляющую, как глобальный экологический кризис. Показывается роль науки в современных условиях, ее потенциал, способствующий выходу из кризиса.

М. Ю. Корнеева

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АКСИОЛОГИИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕННОСТНОГО ЯДРА КУЛЬТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ)

В статье рассматриваются ценности как важнейшие компоненты человеческой культуры. Через ценности характеризуется личностный смысл для отдельного человека и социально-историческое значение для общества определенных предметов и явлений действительности. Показано, что ценности формируются в результате осознания субъектом своих потребностей в соотношении с возможностями их удовлетворения. Выявлено, что ценности определенной культуры задают образцы и стандарты поведения и оказывают влияние на выбор между возможными поведенческими альтернативами. Определено, что культура управления должна стать своего рода идеологией государственных служащих, и как всякая идеология, должна базироваться на системе социальных ценностей.

Т. Н. Кошелева

ПОВЫШЕНИЕ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ НОВЫХ ЗНАНИЙ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье рассматриваются аспекты управления процессом повышения конкурентоспособности новых знаний как фактора обеспечения конкурентоспособности малого предпринимательства. Анализируется опыт работы отечественных и зарубежных предприятий в условиях конкурентной среды, использования маркетинговых технологий.

О. В. Ледовская

СООТНОШЕНИЕ СЦИЕНТИЗМА И АНТИСЦИЕНТИЗМА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В статье анализируется актуальная проблема современной науки – соотношение сциентизма и антисциентизма. Подчеркивается, что противоборство сциентизма и антисциентизма принимает особенно острый характер в условиях современной научно-технической революции и в целом отражает сложный характер воздействия науки на общественную жизнь.

В. И. Лихацкий

ПРОБЛЕМЫ ТРУДОУСТРОЙСТВА И СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ РЫНОЧНОЙ СРЕДЫ

В статье проводится анализ проблемы трудоустройства и социализации личности в условиях современного рынка. Подчеркивается, что противоречивость влияния рыночных отношений на процессы трудоустройства и социализации личности в целом проявляется в трех основных направлениях, которые оказывают как положительное влияние на выращивание руководящих кадров, так и тормозят процессы развития и социализации личности.

Е. Р. Мкртчян

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОЛИ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье анализируется процесс трансформации науки как социального института, начиная с эпохи Возрождения, и заканчивая современным обществом. Особо подчеркивается, что информатизация, конвергенция компьютерных и телекоммуникационных технологий, переход к широкомасштабному применению современных информационных систем в сфере науки и образования привели к смене парадигмы в профессиональном мировоззрении, связанной с нарастающими тенденциями интеграции информационной и научно-исследовательской деятельности. Делается вывод о том, что наука в современных условиях переключилась на непосредственное обслуживание практики.

И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк

ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ НАУКИ

В статье рассматриваются исторические периоды развития науки, выделяются характерные для каждого периода социальные признаки и факторы.

НАУЧНЫЕ АСПЕКТЫ PR-ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК ФУНКЦИИ МЕНЕДЖМЕНТА

В статье анализируются научные аспекты PR-деятельности как функции менеджмента. Выделяются два основных типа менеджмента, два модуля управленческой деятельности: управление по целям (целевое управление) и управление по ценностям (нормативно-ценностный) менеджмент.

*Juan Carlos Pino Fernandez
Хуан Карлос Пино Фернандес*

EL FUTURO DE LA MARCHA MUNDIAL POR LA PAZ БУДУЩЕЕ ВСЕМИРНОГО «МАРША ЗА МИР»

В статье Пино Фернандеса Хуана Карлоса, координатора «Марша за мир и не-насилие» — международного движения «Мир без войн», рассматривается вопрос о перспективах международного антивоенного движения, о роли ученых всех стран, борющихся за мир, в объединении общественных усилий в защиту мира, сохранение стабильности, уверенности в завтрашнем дне планеты.

Е. А. Сергодеева

ДИЛЕММА «СЦИЕНТИЗМ — АНТИСЦИЕНТИЗМ» И САМОКРИТИКА СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В статье анализируются процесс возрастания роли науки в мире, сложности и противоречия этого процесса, породившие в науке дилемму «сциентизм-антисциентизм».

В. А. Сирак

СЦИЕНТИЗМ И АНТИСЦИЕНТИЗМ В ЦЕННОСТНОЙ СИСТЕМЕ КУЛЬТУРЫ

В статье анализируется ценностная система общества, формирующаяся в условиях противоречий между технической цивилизацией и духовной культурой.

Е. В. Ушаков

ОБЩЕСТВО ЗНАНИЙ И ИНСТИТУТЫ БУДУЩЕГО. ПОИСК НОВЫХ СТРУКТУР И ОБЪЕДИНЕНИЙ

В статье анализируется проект перехода от «информационного общества» к «обществу знаний», характеризующийся повышением качества жизни, образования и доступа к знаниям, улучшения демократии и самоуправления, социальной справедливости и внедрения других важных социальных мер на основе нового уровня производства и использования знаний. Подчеркивается, что одной из фундаментальных характеристик современного общества (общества «модернити») стала его плотная институционализация. Современное общество образовано из высоко специализированных подсистем, которые четко дифференцированы друг от друга, так что каждой определена ее сфера профессиональной деятельности.

**ФИЛОЛОГИЯ И ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ:
ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ, БУДУЩЕЕ**

В статье анализируется филологическое образование как процесс и результат усвоения систематизированных филологических знаний, умений и ценностных отношений к филологии; науке, образованию, культуре в целом; обществу и личности. Подчеркивается, что задачей филологического образования является формирование филологически образованной личности.

**ГЛАВА 2. ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДЕЛЫ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ
И ОБРАЗОВАНИЯ**

И. И. Мячикова, О. Г. Жевняк

**ОБЩЕСТВО ЗНАНИЯ — СТРАТЕГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
В ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОМ МИРЕ**

В статье раскрываются основные условия создания общества знания, которое характеризуется эффективностью использования людьми накопленных человечеством знаний, а также позволяют выработать в любой этнической и социальной среде механизмы приумножения этих знаний.

С. Э. Берестовицкая

**МИРОВОЗЗРЕНИЕ ЮНОШЕСТВА КАК ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ ШКОЛЫ
И СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ**

Автор на основе анализа диссертационных исследований рассматривает проблему мировоззренческого самоопределения юношества в новых культурно-образовательных условиях. В статье дается обоснование мировоззренческой парадигмы образования в современных условиях.

Д. С. Бразевич

**А. А. БОГДАНОВ О СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА**

В статье раскрываются основные социально-технологические идеи А. А. Богданова, изложенные им в работе «Тектология: всеобщая организационная наука». Автор подчеркивает, что организационно-технологические структуры представлялись Богдановым в качестве определяющих в достижении намеченных целей, соответственно, социальные технологии определяет эффективность социального управления.

Н. А. Буюкли

**КРИЗИС ИЛИ МОДЕРНИЗАЦИЯ: ДВЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННОГО
НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Автор выделяет два исследовательских подхода в исследовании брачно-семейных отношений — кризисный и эволюционный. Вместе с тем отмечается, что наступила необходимость пересмотра сложившихся методологических и теорети-

ческих подходов к исследованию семьи и семейных отношений в исследованиях семьи, существует необходимость применения неинституционального подхода, в рамках которого изучение института семьи исследуется в контексте тех изменений, которые происходят в обществе.

И. В. Виноградова

МОДЕРНИЗАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ВУЗОВСКИХ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ПРОГРАММ В СИСТЕМУ УДОД

В статье анализируются некоторые ключевые аспекты интеграции вузовских научно-исследовательских программ в образовательные программы учреждений дополнительного образования детей. Взаимодействие образовательных программ вузов и учреждений дополнительного образования является одной из важнейших задач в формировании новых стандартов процесса обучения, модернизации профессионального образования РФ.

Л. А. Волковская, И. Н. Полумеева

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ТРАДИЦИОННОГО И СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ ПИСЬМУ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

По мнению авторов обучение письму предполагает овладение орфографией и выполнение тренировочных упражнений в письменной форме. Обучение письменной речи включает речевые упражнения по составлению письменного сообщения, письменно-речевые упражнения в работе с печатным текстом, письменно-речевые упражнения, обусловленные процессом чтения, аудирования и устного общения. Отмечается, что совмещение традиционных и интерактивных методов расширяет профессиональные возможности преподавателя и позволяет как преподавателю, так и студенту творчески подходить к процессу обучения.

Л. Д. Голубева, Е. И. Жукова

ДИАГНОСТИКА ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО И НАУЧНОГО ПОТЕНЦИАЛА В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ НЕПРЕРЫВНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Авторы ставят своей целью проанализировать роль диагностики исследовательского и научного потенциала в ситуации формирования системы непрерывного образования. В статье диагностическая деятельность педагога рассматривается как получение объективной информации для управления качеством педагогического процесса, повышения эффективности педагогической деятельности, что способствует оптимизации образовательного процесса.

Н. Н. Гриднева

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ ФРАЗОВЫЕ ГЛАГОЛЫ С ПОЗИЦИЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Предметом исследования автора являются когнитивные факторы, обуславливающие существование данного рода конструкций в английском языке. Автор полагает, что в когнитивных процессах, вовлекающих ментальные пространства,

оказываются задействованы такие стратегии, как устранение имеющихся противоречий; максимально возможное увеличение общих базовых предпосылок смежных ментальных пространств; перевод элементов, находящихся в центре внимания одного пространства, на задний план в будущих пространствах.

А. Б. Довейко

МОДЕРНИЗАЦИЯ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: УСТАНОВКИ, ОЦЕНКИ, ПОЗИЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЬСКОГО КОРПУСА

В статье на основе опроса преподавателей вузов выявлено их отношение к модернизационным процессам в образовании. Результаты исследования свидетельствуют о формализации процесса модернизации, неумении и нежелании органов управления высшим образованием заинтересовать преподавателей вузов, сделать их активными субъектами реформ в вузах, что не позволяет вузовским педагогам реализовать в полной мере свой творческий, научно-педагогический потенциал, негативно сказывается на содержательной стороне модернизационных процессов в вузах.

А. П. Долгих, О. В. Шаламова

ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ: ОТРАСЛЕВАЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ РЕГИСТРАЦИЯ

В статье анализируется информационная поддержка современной российской науки и образования, обеспечение всех участников научного и образовательного процессов современной и качественной научной информацией. На опыте создания электронных курсов профессорско-преподавательским составом Санкт-Петербургской академии управления и экономики анализируется возможность создания единого информационного пространства в масштабах страны.

О. Д. Ермакова

О НЕКОТОРЫХ ТРЕБОВАНИЯХ К СПЕЦИАЛИСТУ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Статья посвящена рассмотрению требований к специалисту в свете реформирования системы обучения, направленного на формирование культурно развитого человека. По мнению автора, для достижения высокого уровня научно-практической подготовки выпускников вузов необходимо решить несколько проблем: обеспечить возможность получения студентами глубоких фундаментальные знаний по изучаемым предметам, изменить подходы к организации самостоятельной работы студентов, развивать их стремление к непрерывному обогащению новыми знаниями, создать возможности для самоопределения и самореализации.

О. М. Ермакова

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Автор акцентирует внимание на профессиональном развитии личности, которое основывается на взаимообусловленности формирования его профессиональной деятельности и личности. Отмечается, что на процесс личностно-профессиональ-

ного становления студента в вузе оказываю влияние как вся система образования, так и онтогенетические изменения, возрастная динамика, социальная среда, жизненно важные события и случайные моменты.

Adriano Chimbonde
Адриано Шимбонде

RELAÇÕES BILATERAIS **МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО**

В статье рассматриваются вопросы международного сотрудничества между Анголой и Россией. Автор анализирует процесс развития и обогащения взаимовыгодных отношений посредством развития научных контактов, инвестиций в образовании, телекоммуникации, дается высокая оценка соглашениям, подписанным на 2009–2013 гг. в области экономики и научно-технического развития.

Г. А. Жукова

КОММУНИКАТИВНЫЕ НАВЫКИ ПЕДАГОГА КАК СРЕДСТВО ПОВЫШЕНИЯ **ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧЕБНЫХ ЗАНЯТИЙ**

Предметом рассмотрения автора статьи являются коммуникативные навыки педагога, от степени развитости которых зависит интерес обучаемых к предмету и знание его. В качестве средства решения данной проблемы автором предлагается использование в лекционных занятиях в качестве методических приемов техник активного слушания, которое в целом повышает прирост знания, а также повышает уровень учебной мотивации.

Н. В. Загваздина

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОДХОД К ЛИДЕРСТВУ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Автор статьи рассматривает поиск эффективных способов формирования лидерских качеств, как важное направление педагогической деятельности, которую можно и нужно вести непрерывно, начиная с подросткового возраста. Дается анализ разнообразным направлениям работы по формированию у молодежи лидерских качеств.

Линьхай Ян

РОЛЬ НАУКИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

Статья об образовании в КНР. Она состоит из следующих частей: система образования, его роль и место; влияние образования и науки на развитие экономики и жизнь людей; состояние, недостатки и реформы образования.

Horacio Alfaiate
Орасу Алфайате

CIENCIA NO MUNDO MODERNO EM MOCAMBIQUE **НАУКА В СОВРЕМЕННОМ МОЗАМБИКЕ**

Автор статьи анализирует современную систему образования своей страны, кратко характеризует высшие учебные заведения Мозамбика, основное внимание

в своей статье уделяет рассмотрению основных научных направлений. Ведущую роль в развитии экономики, политики, культуры, социальной сферы автор отводит науке. В работе также рассматриваются сферы научного сотрудничества с Россией.

М. И. Кавдангалиева

ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКИЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

По мнению автора статьи формирование всесторонне развитой и гармоничной личности представляется возможным в условиях осуществления герменевтического подхода в образовании, позволяющего понять другого, видя в нем равного себе, помогающего раскрыть и реализовать личности свой потенциал.

О. Б. Качанова

НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: СОЗАВИСИМОСТЬ КАК РЕЗУЛЬТАТ СТРУКТУРНЫХ ЛИЧНОСТНЫХ НАРУШЕНИЙ

В статье отмечается, что подростки как особая категория в наибольшей степени подвержены тенденциям развития современного общества, характеризующимся повышением агрессивно насыщенной информации, сменой привычных стереотипов жизнедеятельности в политической, экономической и идеологической сферах, которые сопряжены со снижением их психологической устойчивости к деструктивным влияниям. Поэтому, по мнению автора, представляется весьма перспективной работа по совершенствованию технологий психологической помощи созависимым людям из деструктивных семей с расширением реабилитационного пространства и формированием ремиссионной культуры у лиц, соприкасающихся с проблемами созависимости.

С. В. Киселева

КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА В РУСЛЕ ПАРАДИГМЫ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ

В свете когнитивного подхода к осмыслению семантики предикатов партитивной семантики, в статье сформулированы основные положения, на которых базируется когнитивная лингвистика: антропоцентричность мышления и учет языковой картины мира обычного носителя языка; необходимость определения уровней функционирования лексико-семантических вариантов предиката партитивной семантики, необходимость исследования образов формы, помогающих осмыслению значений анализируемых единиц.

Ю. В. Кошалова, И. В. Виноградова, Н. А. Трунова

МОДЕЛИ УПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫМ КОМПЛЕКСОМ

На основе анализа государственных концепций долгосрочного развития национальных инновационных систем авторы выделяют программно-целевое управление инновационной деятельностью, которое основано на выделении приоритетных направлений инновационного развития и разработке системных мероприятий по их реализации, государственной поддержке и стимулировании фундаментальных исследований. В статье отмечается, что применение программно-целевого подхода позволяет правительствам многих развитых стран эффективно использовать госу-

дарственные ресурсы в целях стимулирования научных исследований и производства инновационной продукции.

С. Н. Кузьмина

ИНТЕРАКТИВНЫЕ ЭЛЕКТРОННЫЕ РЕСУРСЫ КАК ОСНОВА ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

В статье анализируется деятельность института дистанционного образования СПбАУЭ в области реализации информационно-коммуникационных технологий в учебном процессе, которая представляет собой действующую экспериментальную площадку по генерированию новаций, их разработке, апробации и внедрению в учебный процесс как в головном вузе, так и филиалах академии.

Т. Г. Кукулите

АНАЛИЗ ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАЦИОННОЙ ТЕХНОЛОГИИ ОБУЧЕНИЯ В ВУЗЕ

Автором исследуется проблема использования компьютерных обучающих систем в процессе обучения. Отмечается, что их использование предполагает высокую степень индивидуализации познавательной деятельности по сравнению с традиционными методами.

А. А. Лежебоков

ОПРЕДЕЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ МОЛОДЕЖИ В Г. СТАВРОПОЛЕ С ЦЕЛЬЮ КОРРЕКТИРОВКИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПОЛИТИКИ

В статье исследуется социальное самочувствие российской молодежи. По мнению автора, выявление проблем молодежи, знание мировоззренческих установок и позиций является одним из условий своевременного реагирования на изменения образа жизни молодого поколения с целью воздействия и корректировки молодежной политики.

А. М. Лесников

ИСТОРИОСОФИЯ РУССКОГО РАСКОЛА

Цель настоящих тезисов — дать краткий обзор российских расколов, затронувших все общество и наложивших глубокий отпечаток не только на образ жизни, но на менталитет и психологию людей, а также показать, что всякий раз раскольниками называли жертву данного явления, а не тех, кто инициировал раскол и был его истинной причиной.

Ю. М. Мальцев

К ВОПРОСУ О ПЕРСПЕКТИВАХ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ УПРАВЛЕНИЯ ЭТНИЧЕСКИМИ КОНФЛИКТАМИ В ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ (НА ПРИМЕРЕ ПРОГРАММЫ ГАРМОНИЗАЦИИ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ И МЕЖКУЛЬТУРНЫХ ОТНОШЕНИЙ, ПРОФИЛАКТИКИ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ, УКРЕПЛЕНИЯ ТОЛЕРАНТНОСТИ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ НА 2006–2010 ГГ. (ПРОГРАММА «ТОЛЕРАНТНОСТЬ»))

Автор исследует одну из реализуемых в Санкт-Петербурге социальных технологий по предупреждению этнических конфликтов. Обосновывается необходимость

построения полиэтнической образовательной среды как способа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений.

Я. А. Маргулян

ПРИОРИТЕТНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ДЕФОРМАЦИЙ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ МИРОВОГО КРИЗИСА

В статье анализируется механизм преодоления социальных деформаций как важнейшее условие обеспечения безопасности личности.

Г. Б. Моница

ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ СОТРУДНИКОВ КОММЕРЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Автор исследует негативные последствия столкновения личности со сложными условиями современной жизни, которые вызывают возникновение синдрома эмоционального выгорания, представляющего собой ответную реакцию на продолжительные стрессы межличностных коммуникаций.

Е. Г. Олейникова

ФЕНОМЕН СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА КАК ОБЛАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ

В статье исследуется феномен социального государства, в качестве отличительного принципа которого выделяется его направленность на создание достойного уровня жизни всем гражданам и социальным группам.

Аднан Абду Алмажед Али Осман

ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В ЛИВИИ

Автор характеризует систему образования Ливии. В статье описывается история развития высшего образования, в частности Ливийского университета, а также роль науки в развитии современного ливийского общества.

Т. Р. Писарская

ИСПАНИСТИКА КАК НАУЧНАЯ ДИСЦИПЛИНА

Статья содержит обзор исторического развития испанистики как научной дисциплины и самостоятельной отрасли в общей системе романской филологии. Отмечается, что научная испанистика в нашей стране получила свое первоначальное развитие в Петербургском (Ленинградском) университете.

О. В. Савельева

СОВРЕМЕННЫЙ РЫНОК ТРУДА И ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ К УЧАСТИЮ В ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

В статье анализируются проблемы подготовки студенческой молодежи к трудовой деятельности, предлагается оптимальная модель формирования мотивов

к труду у студенчества. Рассмотрены основные направления государственного содействия занятости студентов высших учебных заведений.

А. А. Савченко

ПРОБЛЕМЫ ОБОСОБЛЕНИЯ АДМИРАТИВА СРЕДИ КАТЕГОРИЙ, ОПИСЫВАЮЩИХ ОФОРМЛЕНИЕ СООБЩАЕМОЙ ИНФОРМАЦИИ ГОВОРЯЩИМ И ЕЕ ВОСПРИЯТИЕ СЛУШАЮЩИМ

В статье рассматривается одна из актуальных проблем теории речевого общения, связанная с описанием способов передачи и восприятия информации. Автором предлагается выделить адмиратив в самостоятельную семантическую категорию, описывающую непосредственную реакцию как говорящего, так и слушающего на сообщаемую информацию.

Л. В. Савченко

АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИИ

В статье на основе анализа демографической политики содержатся два важных вывода для повышения рождаемости в стране: во-первых, улучшение условий жизни, во-вторых, изменение потребности в детях может дать несоизмеримо больший результат, чем улучшение условий жизни.

С. С. Смирнов, С. А. Парфенов, Н. В. Яковлева

НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У МЕДИЦИНСКИХ РАБОТНИКОВ СКОРОЙ ПОМОЩИ

В статье на основе проведенных в различных странах исследованиях показано, что медицинские работники наиболее подвержены синдрому профессионального выгорания. Авторы дают практические рекомендации по профилактике профессионального выгорания у медицинских работников скорой помощи.

Е. А. Торгунаков, Т. А. Сорвина

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Авторы рассматривают проблему повышения эффективности процесса подготовки кадров по организации и управлению в сфере инновационной деятельности. Решение данной проблемы связывается с развитием новых подходов к трактовке конкурентоспособности персонала и внедрением компетентностного подхода, развития корпоративной компетенции.

Т. Г. Суржок

ФОРМИРОВАНИЕ ФИЗИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ И СТАНОВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ

Автор рассматривает физическую культуру в вузах как учебную дисциплину и важнейший базовый компонент формирования общей культуры молодежи. В статье в физическом воспитании студентов выделяется три группы функций: обучения, воспитания и спортивная деятельность.

ОПЫТ СПОРТИВНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ

По мнению авторов статьи, снижение физической подготовленности и недостаточность двигательной активности в студенческой среде являются на сегодняшний день проблемой, которая ставит под угрозу инновационные процессы современного образования в высшей школе. Поэтому поиск эффективных организационно-методических форм проведения занятий в рамках учебного процесса по физической культуре рассматривается как актуальное направление исследований.

*Фантахун Кидане Текиле, Акале Сахиле Хайлемариам,
Шемелис Мару Джемберу*

СИСТЕМА ОБРАЗОВАНИЯ В ЭФИОПИИ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье дается характеристика системы образования в Эфиопии. Авторы раскрывают основные направления в развитии науки, ее влияние на экономику, политику и другие сферы жизнедеятельности общества.

П. Е. Тищенко

НАУКА И ВОСПИТАНИЕ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

Автор рассматривает процесс воспитания как сложное явление, требующее системного подхода в целях достижения эффекта в подростково-молодежной среде.

Н. А. Трунова, И. В. Виноградова

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ В НАУЧНОЙ СФЕРЕ

Авторы ставят своей целью рассмотрение международного опыта разработки показателей эффективности в научной сфере. В статье отмечается, что универсальной информационной и методологической матрицы исследований эффективности научного комплекса на сегодняшний день не существует. Оценка деятельности научных структур и оценка их эффективности может происходить по разным показателям.

Г. Л. Тульчинский

ФИЛОСОФИЯ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПЕРМАНЕНТНОЙ ИННОВАЦИИ

Автор излагает свой взгляд на философию как технологию рационального, ориентированного на публичное позиционирование способа осмысления действительности, общества, человека и его места в этом мире и обществе. Философия представляется автором не видом знания, а социально организованной и социально значимой деятельностью. В статье противопоставлены живое философствование и академическая философия.

ГЛОБАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ФЕНОМЕН ТЕХНОНАУКИ И ЕГО ХАРАКТЕРИСТИКИ

В статье излагается характеристика технауки как выражения тесного взаимодействия науки и технологии на современном этапе. По мнению автора, трансформация науки в технаучное состояние — глобальный процесс, который, видимо, будет все интенсивнее набирать обороты в XXI в.

Н. Н. Шестернева

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ МОДЕРНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОФОРИЕНТАЦИОННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ОБЛАСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Статья посвящена актуальным проблемам корректировки образовательных программ и учебных планов учреждений дополнительного образования с целью их включения в единую систему профориентации учащихся. Интеграция программ вузовского образования в систему дополнительного образования, по мнению автора, позволит повысить компетентность и конкурентоспособность будущих специалистов на рынке труда, качество их работы в будущем.

А. С. Шербакова

МАРКЕТИНГОВЫЙ ПОДХОД КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В УПРАВЛЕНИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМОЙ ВУЗА

В статье анализируется маркетинг образовательных услуг, который призван удовлетворить потребности личности в образовании, учебного заведения в развитии и благосостоянии его сотрудников, предприятий и организаций в росте кадрового потенциала, общества в расширенном воспроизводстве совокупного личностного и интеллектуального потенциала.

Н. В. Шербакова

АНАЛИЗ СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТОВ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ПОНЯТИЯ КАРЬЕРЫ

В статье анализируется новое понимание социально-технологических аспектов возникновения и эволюции понятия карьеры. По мнению автора, карьера — это процесс социально-психологического развития и профессионального роста человека, роста его влияния, авторитета, статуса в среде, выраженный в его продвижении по ступеням иерархии, квалификационной лестницы, вознаграждения, престижа.

Д. Д. Юсупова

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ КАК ПРОЯВЛЕНИЕ ВАЛЕНТНОСТИ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

Статья посвящена проблеме валентности языковых единиц, которая является одной из актуальных в современном языкознании. Автор утверждает, что коммуникативная направленность обучения русскому языку предполагает в качестве цели обучения речевую деятельность, что не исключает задачи овладения системой

языка, знания валентностных особенностей языковых единиц различных уровней, изучения изменений валентности языковых единиц.

ГЛАВА 3. МЕСТО И РОЛЬ НАУКИ В ТРАНСФОРМИРУЮЩЕМСЯ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

В. Н. Гончаров

НАУКА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ В ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

В статье раскрывается понятие политической власти и анализируются основные аспекты ее взаимосвязи с наукой.

Е. А. Кулагина

КОНЦЕПТ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ НАЧАЛА XXI ВЕКА: ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ОСНОВНЫХ ПОНЯТИЙ

Автором рассматриваются некоторые позиции относительно развития социального государства в России, которые содержат в себе упоминания факторов, прямо или опосредованно влияющих на данный процесс.

Н. А. Антанович

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНЫХ И ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Миссия науки об обществе, а значит и интеллектуалов, определяются тем, как она помогает людям обустроить их жизнь, способствует социальному развитию, но главное — помогает не потерять изначальные жизненные смыслы.

Анна-Мария Ариас

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ КАРИКАТУРЫ В МЕЖКУЛЬТУРНОМ АСПЕКТЕ

Автор пишет о зависимости восприятия иноязычной карикатуры от концептуальной системы адресата, его культурно-событийной осведомленности.

А. И. Бардаков

ТВОРЕЦ И ВЛАСТЬ В ФОРМАХ БЫТИЯ КУЛЬТУРЫ

В статье рассказывается об оптимизации отношений творца и власти, которая видится в минимизации социальной функции художника, ученого и значительном сокращении структур власти, именующих себя организаторами творчества и культуры.

Н. И. Безлепкин

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ЛИНГВОФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ

В статье говорится об эффективности использования языка в управлении, находящейся в зависимости от глубины, точности и полноты понимания менеджерами

сути управленческих процессов, от уровня развития их управленческой культуры, важным показателем которой выступает владение языком управления.

Е. Н. Бекасова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: УРОКИ ИСТОРИИ

Автор пишет об уроках истории невежественного обращения с языком, которые забыты и вычеркнуты. Именно они являются причиной существующей языковой проблемы.

В. Г. Белов, Ю. А. Парфенов, М. В. Проскурнина

НАУКА И ЗДОРОВЬЕ: ЭФФЕКТИВНОЕ ОБЩЕНИЕ КАК ОСНОВА АДАПТАЦИИ ЧЕЛОВЕКА

В силу наибольшей пластичности психики человека, адаптация является наиболее критически значимой; и именно на этот уровень оказывают существенное влияние межличностные отношения, которые во многом зависят от эффективности межличностных коммуникаций и понимания невербальных стимулов.

Е. В. Белова

МОТИВЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНЫХ РОССИЙСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Влияние на ценностно-смысловую сферу личности, предполагает взаимодействие и принятие человека; макиавеллизм выступает как личностный мотивационный фактор, препятствующий успешной организационной деятельности лидера организации.

Л. Д. Бондарь

АКАДЕМИК Е. Ф. КАРСКИЙ И ЕГО ЧЛЕНСТВО В НАУЧНЫХ ОБЩЕСТВАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ФИЛИАЛА АРХИВА РАН)

В публикации рассказывается о жизни и деятельности Евфимия Федоровича Карского (1860–1931), «основателя белорусского языкознания и белорусской филологии».

Н. И. Борзенков

РОЛЬ НАУКИ В ФОРМИРОВАНИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Наука, являясь важнейшим фактором формирования профессиональной культуры, в текущем XXI в. обязана учитывать изменение особенностей бытия, деятельности и роли человека в условиях новой, технически и информационно насыщенной реальности.

Е. А. Бочков

ВОСПИТАНИЕ ГРАЖДАНСТВЕННОСТИ И ПАТРИОТИЗМА У МОЛОДЕЖИ НА ПРИМЕРАХ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

Воспитание у молодежи любви к своей Родине, готовности к служению на ее благо возможно лишь на основе объективного освещения отечественной истории.

КАТОЛИЦИЗМ И МЕЖДУНАРОДНАЯ ПОЛИТИКА

Католицизм в настоящее время представляет собой серьезную силу в системе современных международных отношений, которая обладает многообразными формами и методами воздействия на мировые проблемы и принимает самое непосредственное участие в политических процессах, происходящих в мире.

А. Л. Виноградова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ В ПРОЦЕССЕ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ РАБОТЫ МУЗЕЯ С МОЛОДЕЖНОЙ АУДИТОРИЕЙ

Внимание к интересам личности в музейно-педагогической деятельности, будучи важным фактором стимулирования познавательных процессов у молодежи, способствует активизации познавательного интереса, повышению уровня знаний в различных областях, общему культурному развитию молодых петербуржцев.

А. Н. Волкова

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОГО ВУЗА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье автор рассматривает проблемы формирования эффективной образовательной политики современного вуза. Автор полагает, что политика современного вуза должна учитывать факторы рыночной конкуренции в сфере образовательных услуг, глобализации образования и необходимости формирования позитивного имиджа.

Р. Э. Герман

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОГО МИФОТВОРЧЕСТВА В ОБОСНОВАНИИ СТРАТЕГИИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Региональная мифология является важным фактором общественно-политической жизни российских регионов. Складывающиеся варианты региональных мифологий обуславливаются различным фундаментом, который зависит как от природных особенностей территории, так и от исторического наследия региона.

К. А. Гусев

РУССКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ЛИБЕРАЛИЗМ НАЧАЛА XX в.: ПОПЫТКА ГОСУДАРСТВЕННОГО УЧАСТИЯ

В статье говорится о новой России, которая сталкивается с теми же проблемами, на которых «споткнулись» реформаторы начала XX в. При всей противоречивости оценок, даваемых двум политико-правовым и социально-экономическим реформам, между которыми более ста лет, невозможно отрицать либеральную направленность преобразований.

Н. И. Данилова

**ДОВЕРИЕ К ЛИЧНОСТИ РУКОВОДИТЕЛЯ
КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ**

Автор пишет о доверии как достаточно тонкой субстанции, которая довольно часто кажется руководителю второстепенной на фоне решения «важных задач», но которая зачастую является ключевой для успеха или неуспеха всей деятельности организации.

Н. О. Егорова

ВАЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РУССКОЙ РИТОРИКИ

В статье рассматривается валеологический аспект русской риторики. Успех в речевом общении способствует обеспечению гуманизации и гуманитаризации широкого спектра отношений, которые открыты современному человеку.

Е. А. Елисеева

**НАУЧНОЕ ПРЕДВИДЕНИЕ И РЕЛИГИОЗНОЕ ПРОРОЧЕСТВО:
ДВЕ ПОПЫТКИ ОТВЕТА НА ОДИН ВОПРОС**

В публикации говорится о том, что любой человек, вне зависимости от его принадлежности к религии или науке, пытается определить закономерность развития этого мира, и на основе этой закономерности выяснить дальнейшую судьбу человечества.

Н. А. Карлик

ФЕНОМЕН УДОВОЛЬСТВИЯ В КОММУНИКАТИВНОМ СОЗНАНИИ НАЧАЛА XXI в.

В русском коммуникативном сознании приятный разговор с хорошим человеком традиционно воспринимался и с точки зрения производимого им терапевтического эффекта. В настоящий момент наблюдается обратная картина: принудительное общение, общение без удовольствия влияет на настроение, на самочувствие человека, может привести к возникновению депрессивных состояний.

В. А. Колесников

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ:
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ОПЫТ ЮГА РОССИИ**

В настоящей статье рассматриваются основные направления исследования местного самоуправления в рамках развивающейся отечественной политической науки, посредством которых представляется возможным сформировать целостное представление об особенностях социально-политической идентификации местного самоуправления и исследовании муниципальной политики как объекта политической науки.

Н. Л. Костарева

**ПОЭТИКА БАРОККО: ДИАЛОГ КУЛЬТУР (РОЛЬ АНТИЧНЫХ ОНОМАСТИЧЕСКИХ
ЕДИНИЦ В СОНЕТАХ АНДРЕАСА ГРИФИУСА)**

В статье рассматривается роль античных ономастических единиц в сонетах Андреаса Грифиуса — немецкого поэта и драматурга (1616–1664). Обращение к

античной ономастике и ее формы становятся элементом проявления идиости-
ля поэта.

Г. А. Круглова

ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ ХРИСТИАНСКОЙ ГЛОБАЛИСТИКИ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР

Статья посвящена анализу различных направлений христианской глобалисти-
ки, представленной в начале XXI в. в качестве своеобразной целостной парадигмы
миропонимания и мироописания, основанной на базовых постулатах религиозно-
го мировоззрения, автором выделяются общие характерные черты различных кон-
цепций христианской глобалистики.

А. Б. Лярский

СУИЦИДОЛОГИЯ МЕЖДУ ГУМАНИТАРНЫМ И ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫМ ЗНАНИЕМ

Автор считает, что основная проблема научного знания заключается не столько
в возможности самого открытия, сколько в интерпретации и использовании откры-
тия обществом. В статье рассматривается естественнонаучная (физиологическая) и
гуманитарная (культурная и мировоззренческая) интерпретации комплекса идей,
связанных с самоубийством и социальные последствия данных интерпретаций.

В. Н. Мухомтова, С. С. Шадрина

ЭВОЛЮЦИЯ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ПРОФЕССИИ ВРАЧА: СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье рассматриваются социологические аспекты врачебной деятельности.
Изучение профессиональных и личностных качеств современного врача требует
учета взглядов на проблему в историческом измерении. В связи с этим рассматри-
вается генезис представлений о личности врача и характеристик медицинской про-
фессии.

М. В. Петрушина

ПРИОРИТЕТНЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ» КАК СПОСОБ РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ФУНКЦИЙ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

В статье раскрываются основные положения приоритетного национального про-
екта «Здоровье», направленного на поиск адекватных и разнообразных форм по
вышению качества жизни российских граждан, сохранение уровня их жизнедеятель-
ности, поддержание здорового образа жизни, решение демографических проблем.

Н. В. Раннала, Г. Б. Монина

ВЕРА КАК УСЛОВИЕ ДУХОВНОГО ЗДОРОВЬЯ И СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ ЛИЧНОСТИ?

С возникновением гуманистической психотерапии появился выраженный ин-
терес к вопросам влияния религии и веры на духовное здоровье, объясняющийся

тем, что именно религия дает возможность личности достичь самореализации, повышает социальную адаптацию и является внутренним ресурсом стрессоустойчивости личности.

А. Ю. Румянцева

КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА И УПРАВЛЕНИЕ ЗНАНИЯМИ

Статья посвящена вопросам формирования корпоративной культуры, в частности, формированию культуры знаний — определенной корпоративной философии, включающей базовые принципы и ценности компании, соответствующие стратегическим целям, приоритетам, стратегии управления знаниями, на которую ориентируются в своей деятельности все сотрудники компании.

А. Савчук, А. Ю. Румянцева

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КУЛЬТУРЫ КОНТРОЛЯ И КУЛЬТУРЫ РАЗВИТИЯ

Авторы сравнивают два противоположных подхода к деятельности в бизнес-управлении: с одной стороны, культуру, ориентированную на развитие и постоянное обучение, управление на основе новых ценностей (креатив, самостоятельность), с другой стороны, культуру, ориентированную на традиционные ценности иерархического контроля (порядок, подчинение, жесткое разделение обязанностей).

Л. Э. Сулягина

РЕЦЕПЦИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКИХ ВЗГЛЯДОВ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ НА ВОЙНУ И МИР В СОВРЕМЕННОМ ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ

В статье рассматривается позиция современной Православной Церкви по проблемам войны и мира и ее неоднозначное отношение к наследию русских религиозных философов. Как правило, православное богословие, высоко оценивая общекультурный вклад В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, Е. Н. Трубецкого, рассматривает религиозное творчество этих мыслителей с позиций догматического богословия.

М. Я. Фоченкова

КОНВЕРГЕНЦИОННАЯ ПАРАДИГМА В СОВРЕМЕННОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ НАУКИ И РЕЛИГИИ

В статье поднимается одна из актуальнейших мировоззренческих проблем конца XX — начала XXI в. — проблема взаимоотношений науки и религии. Автор рассматривает различные интерпретации этих отношений в системе современной культуры, приходя к выводу, что эти два важнейших феномена духовной культуры человечества, пересекаясь в области миропознания, не способны вытеснить и заменить друг друга.

О. А. Эйхенбаум

О СУХОЙ ТЕОРИИ И ЖИВОЙ НАУКЕ

Статья посвящена гуманистической традиции понимания целей и смысла науки, представленной в трудах А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Д. С. Лихачева.

Рассматриваются вопросы актуальности гуманитарного знания, проблемы взаимосвязи научного знания, личности ученого, этики и морали.

И. А. Юдина

НЕТРАДИЦИОННЫЕ ВИДЫ ФИЗИЧЕСКИХ УПРАЖНЕНИЙ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СТУДЕНТОВ СПЕЦИАЛЬНОЙ МЕДИЦИНСКОЙ ГРУППЫ

Автор представляет программу «Пилатес», рекомендованную для восстановления и укрепления здоровья студентов специальной медицинской группы. Программа ориентирована на оздоровление позвоночника, а также на профилактику и лечение других заболеваний, помогает развитию позитивного мышления и борьбе со стрессами.

П. А. Янченко

НАУЧНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРОВЕДЕНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ПРОТИВОПРАВНОГО ПОВЕДЕНИЯ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

В статье рассматриваются наиболее значимые организации, осуществляющие профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защиту их прав и законных интересов, и функции этих организаций.

А. М. Мовчан

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИЛОСОФСКОЙ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ПРОФИЛЬНЫХ ПРЕДМЕТОВ В ВУЗЕ

В статье рассматриваются основные тенденции в использовании философской и социально-гуманитарной информации в преподавании профильных предметов в вузе на примере высшей школы современной Украины.

Ю. Н. Финагеева, В. Н. Дмитриева

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КЕЙС-МЕТОДА В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Авторы рассматривают историю появления, а также теоретические и практические аспекты использования кейс-метода в преподавании испанского и других иностранных языков, позволяющего студентам активно участвовать в учебном процессе, что повышает эффективность обучения.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акселевич В. И. — к. физ.-мат. н., доцент кафедры коммерции Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Алфайяге Орасиу (Мозамбик) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).

Антанович Н. А. — к. п. н., доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета (г. Минск).

Ариас А.-М. — старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Бардаков А. И. — д. п. н., профессор кафедры истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы.

Барзев В. А. — к. ф. н., преподаватель кафедры связей с общественностью Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Барзев К. В. — к. ф. н., доцент кафедры связей с общественностью и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.

Безлепкин Н. И. — д. ф. н., профессор кафедры философии Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Бекасова Е. Н. — д. фил. н., декан филологического факультета Оренбургского государственного педагогического университета.

Белов В. Г. — д. м. н., профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Белова Е. В. — аспирантка факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Берестовицкая С. Э. — к. пед. н., докторант кафедры педагогики Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Бондарь Л. Д. — к. и. н., ученый секретарь Санкт-Петербургского филиала Архива РАН.

Борзенков Н. И. — к. ф. н., профессор кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Борисова Т. А. — к. и. н., руководитель службы качества Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Бочков Е. А. — д. и. н., заведующий кафедрой общественных наук и военно-гуманитарных дисциплин Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).

Бразевич Д. С. — ассистент кафедры социально-политических наук Санкт-Петербургского государственного университета низкотемпературных и пищевых технологий.

Бразевич И. С. — аспирант факультета менеджмента Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Буко В. П. — старший преподаватель кафедры немецкого языка Белорусского государственного университета (г. Минск).

Буюкли Н. А. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Виноградова А. Л. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Виноградова И. В. — к. ф. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

Волкова А. Н. — д. ф. н., профессор кафедры связей с общественностью и психологии Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина (Санкт-Петербург).

Волковская Л. А. — к. фил. н., доцент кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Герман Р. Э. — к. и. н., доцент кафедры гуманитарных дисциплин филиала Российского государственного социального университета в г. Ставрополе.

Голубева Л. Д. — студентка Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

Гончаров В. Н. — д. ф. н., заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Ставропольского института им. В. Д. Чурсина.

Гордеева И. В. — к. биол. н., доцент Уральского государственного экономического университета (г. Екатеринбург).

Гриднева Н. Н. — к. ф. н., преподаватель кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики.

Гусев К. А. — к. п. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Северо-Западного института печати Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна.

Данакари Р. А. — д. ф. н., Волгоградская академия государственной службы.

Данилова Н. И. — к. с. н., заместитель заведующего кафедрой связей с общественностью Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Джемберу Шемелис Мару (Эфиопия) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).

Дмитриев М. Г. — директор специального предприятия по работе с трудными подростками ООО «Новое поколение», аспирант Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

Дмитриева В. Н. — заместитель заведующего кафедрой романских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.

Довейко А. Б. — к. с. н., заведующий кафедрой гуманитарных и социально-экономических дисциплин Воронежского филиала Московского института экономики, менеджмента и права.

Долгих А. П. — к. э. н., заместитель директора Института развития и внедрения дистанционных технологий и инновационного обучения Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Егорова Н. О. — к. фил. н., доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Елисеева Е. А. — старший преподаватель Киришского филиала Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Ермакова О. Д. — к. пед. н., доцент кафедры иностранных языков филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в г. Волхове.

Ермакова О. М. — старший преподаватель кафедры психологии Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Жевняк О. Г. — к. физ.-мат. н., доцент кафедры физической электроники Белорусского государственного университета (г. Минск).

Житкова И. Ю. — доцент кафедры физического воспитания Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Жукова Г. А. — старший преподаватель кафедры психологии Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Жукова Е. И. — инженер Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

Загваздина Н. В. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Заугольников А. В. — к. ф. н., старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.

Зубрий А. А. — специалист Института развития и внедрения дистанционных технологий и инновационного обучения Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Кавдангалиева М. И. — к. пед. н., доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Карлик Н. А. — к. фил. н., декан филологического факультета Государственной полярной академии (Санкт-Петербург).

Качанова О. Б. — аспирантка Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.

Киселева С. В. — д. фил. н., доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики.

Козлова С. А. — преподаватель кафедры политологии Белорусского государственного университета (г. Минск).

Колесников В. А. — д. п. н., заведующий кафедрой истории и теории политики Волгоградской академии государственной службы.

Колосова О. Ю. — к. ф. н., доцент кафедры философии и истории Ставропольского государственного аграрного университета.

Корнеева М. Ю. — аспирант Волгоградской академии государственной службы.

Костарева Н. Л. — к. ф. н., доцент кафедры русского языка и литературы филиала Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена в г. Волхове.

Кошалова Ю. В. — заместитель начальника отдела координации НИР и организации конгрессной деятельности Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Кошелева Т. Н. — к. э. н., доцент кафедры экономики предприятия и предпринимательства Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

- Круглова Г. А.** — д. ф. н., доцент кафедры политологии Белорусского государственного университета (г. Минск).
- Кузьмина С. Н.** — к. э. н., директор Института развития и внедрения дистанционных технологий и инновационного обучения Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Кукулите Т. Г.** — к. психол. н., доцент кафедры психологии Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Кулагина Е. А.** — аспирантка Волгоградской академии государственной службы.
- Ледовская О. В.** — к. ф. н., доцент кафедры истории и философии науки Ставропольского государственного университета.
- Лежебоков А. А.** — д. с. н., доцент Ставропольского института управления.
- Лесников А. М.** — к. и. н., заместитель заведующего кафедрой социально-культурного сервиса и туризма Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Лихацкий В. И.** — д. воен. н., профессор кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Лярский А. Б.** — к. и. н., доцент кафедры фундаментальных социально-гуманитарных дисциплин Межрегионального институт экономики и права (Санкт-Петербург).
- Мазуров Г. И.** — д. геогр. н., профессор кафедры коммерции Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Мальцев Ю. М.** — аспирант факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Маргуляя Я. А.** — д. с. н., декан факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Микляев В. А.** — к. ф. н., заместитель декана факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Мкртчян Е. Р.** — к. с. н., доцент Волгоградской академии государственной службы.
- Мовчан А. М.** — к. ф. н., профессор Киевского медицинского университета Украинской ассоциации народной медицины, старший научный сотрудник Института инновационных технологий Министерства образования и науки Украины.
- Монина Г. Б.** — к. п. н., доцент кафедры психологии факультета социально-го управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Мухортова В. Н.** — доцент кафедры философии и социальных коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации.
- Мячикова И. И.** — к. фил. н., доцент кафедры идеологии и политических наук Академии управления при Президенте Республики Беларусь.
- Олейникова Е. Г.** — д. и. н., профессор Волгоградской академии государственной службы.
- Осман Аднан Абдулмажед Али** (Ливия) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).
- Парфенов С. А.** — слушатель факультета подготовки врачей для ВМФ Военно-медицинской академии (Санкт-Петербург).

Парфенов Ю. А. — к. м. н., врач-психиатр Государственного психоневрологического диспансера № 6 Колпинского района Санкт-Петербурга.

Петрушина М. В. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Пино Фернандес Х. К. (Испания) — координатор «Марша за мир и ненасилие» — международного движения «Мир без войн».

Писарская Т. Р. — старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Полумеева И. Н. — заместитель заведующего кафедрой иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Проскурнина М. В. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Пуринова Г. К. — к. с. н., заведующая кафедрой гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Раннала Н. В. — старший преподаватель кафедры психологии Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Румянцева А. Ю. — к. э. н., доцент кафедры финансов и кредита Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Савельева О. В. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Савченко А. А. — старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Савченко Л. В. — старший преподаватель Киришского филиала Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Савчук А. — магистрант факультета экономики и финансов Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Сергодеева Е. А. — д. ф. н., профессор кафедры истории и философии науки Ставропольского государственного университета.

Сирак В. А. — к. ф. н., доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических наук Ставропольского кооперативного института (филиала Белгородского университета потребительской кооперации).

Смирнов С. С. — аспирант факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Сорвина Т. А. — к. э. н., доцент кафедры коммерции Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Сорокин А. Н. — магистрант психолого-педагогического факультета Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург).

Суржок Т. Г. (Санкт-Петербург) — к. пед. н., заведующая кафедрой физического воспитания Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Сутягина Л. Э. — к. ф. н., ведущий специалист Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого РАН (Санкт-Петербург).

- Тарасова О. А.** — доцент кафедры физического воспитания Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Текиле Фантахун Кидане** (Эфиопия) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).
- Тищенко П. Е.** — аспирант Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы.
- Торгунаков Е. А.** — к. э. н., заведующий кафедрой коммерции Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Трунова Н. А.** — аспирантка Санкт-Петербургского университета экономики и финансов.
- Тульчинский Г. Л.** — д. ф. н., профессор кафедры прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала Государственного университета — Высшей школы экономики.
- Тюрина Ю. А.** — к. с. н., доцент кафедры социологии и социальной работы Дальневосточного государственного университета путей сообщения (Хабаровск).
- Усенова Л. Т.** — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Ушаков Е. В.** — к. ф. н., доцент кафедры социологии и управления персоналом Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Федюковский А. А.** — к. ф. н., профессор кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Финагеева Ю. Н.** — ассистент кафедры романских языков и перевода Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов.
- Фоченкова М. Я.** — доцент кафедры гуманитарных и социальных наук Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Хайлемариам Акале Сахиле** (Эфиопия) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).
- Шадрина С. С.** — преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Военно-го инженерно-технического университета (Санкт-Петербург).
- Шаламова О. В.** — ведущий специалист Института развития и внедрения дистанционных технологий и инновационного обучения Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Шарафитдинова К. Х.** — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Шестернева Н. Н.** — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного архитектурно-строительного университета.
- Шимбонде Адриано** (Ангола) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).
- Шербакова А. С.** — аспирантка Санкт-Петербургского государственного инженерно-экономического университета.
- Шербакова Н. В.** — начальник отдела кадров Санкт-Петербургской академии управления и экономики.
- Эйхенбаум О. А.** — преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин Военно-го инженерно-технического университета (Санкт-Петербург).

Юдина И. А. — старший преподаватель кафедры физического воспитания Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Юсупова Д. Д. — к. фил. н., доцент филологического факультета Государственной полярной академии (Санкт-Петербург).

Яковлева Н. В. — аспирантка факультета социального управления Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Янченко П. А. — аспирант факультета менеджмента Санкт-Петербургской академии управления и экономики.

Янь Линьхай (КНР) — слушатель Военной академии тыла и транспорта (Санкт-Петербург).

Диалог культур – 2010: наука в обществе знания

Сборник научных трудов
международной научно-практической конференции

Подписано в печать 21.05.2010 г.
Формат 60×84 1/16. Уч.-изд. л. 36,6. Усл. печ. л. 31,1.
Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ № 203.

Издательство Санкт-Петербургской академии управления и экономики
198103, Санкт-Петербург, Лермонтовский пр., д. 44
E-mail: izdat-ime@spbame.ru
izdat-ime@yandex.ru

Отпечатано в типографии ООО «Агентство Инфо Ол»
197101, Санкт-Петербург, ул. Рентгена, д. 1
Тел.: (812) 325-13-15, e-mail: 3251315@mail.ru

ISBN 594047194-3

